

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

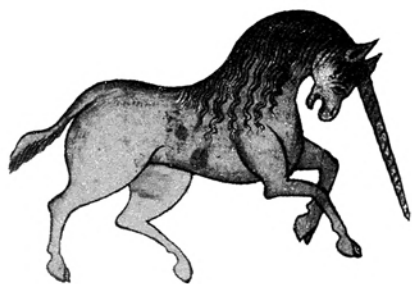
МОНО-, ДИА-, ПОЛИЛОГ
В РАЗНЫХ
ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

МОНО-, ДИА-, ПОЛИЛОГ
В РАЗНЫХ
ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

МОНО-, ДИА-, ПОЛИЛОГ
В РАЗНЫХ
ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2010

УДК 81

ББК 81

Л 69

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-04-16153д)*

Редколлегия
к.ф.н. *Н. Ф. Спиридонова,*
к.ф.н. *М. Л. Ковшова,*
С. Ю. Богавер

Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред.
Н. Д. Арутюнова. — М.: Издательство «Индрик», 2010. — 472 с.

В книге рассматриваются общетеоретические и частноязыковые аспекты диалогической речи: происхождение диалога, его статус в древних религиозных и исторически значимых текстах, в современных языках и культурах. Большое внимание уделяется специфике диалога в разных стилях речи, в том числе в художественных текстах. Проводится анализ функций диалогической речи в разные исторические периоды и в разных жанрах. Обозначается вклад диалогической речи, прежде всего иллокутивных сил, в грамматическую и фонетическую структуры языка (императив, обращение, формы вежливости, интонация, эмфаза и др.). Исследуется связность диалогической речи.

Анализируются стратегии речевого поведения в социальном мире, при которых используются разные диалогические тактики. Особое внимание уделяется статусу истинностной оценки в диалогических репликах. Описывается идиоматика и клиширование, систематизируются фигуры речи, характерные для диалога. Большое внимание уделяется прагматике диалогической речи в разных социальных, национальных и исторических условиях ее реализации. Диалог универсален и характеризует все формы общения, в том числе внутреннюю речь и общение с потусторонними мирами.

© Текст. Коллектив авторов, 2010

© Оформление. Издательство «Индрик», 2010

ISBN 987-5-91674-092-1

Н. Д. АРУТЮНОВА

СЛОВО О ДИАЛОГЕ

Слово о диалоге начнем со слова *диалог*, его значения и употребления, референции и стилевой окраски. Напомним, что слово *диалог* возникло в связи с близким ему термином *диалектика* (греч. *διαλεκτική*). Под диалектикой имелось в виду умение беседовать, спорить. Его впервые употребил Сократ, подразумевая под *диалектикой* искусство вести эффективный спор, разговор, направленный на взаимозаинтересованное обсуждение проблемы. Платон вслед за Сократом понимал под *диалектикой* именно диалог, как логические операции расчленения и связывания понятий, осуществляемые посредством вопросов и ответов (см. об этом подробно: Лосев 1986). Таким образом, понятие диалога было источником логического анализа предложения, понимаемого как выражение суждения.

Теперь рассмотрим дефиницию слова *диалог*. В толковых словарях русского языка слово *диалог* (греч. *διάλογος*, от *δια-* «между, через» и *λόγος* «речь») определяется как «разговор между двумя или несколькими людьми» [Ушаков 1985/1; Ожегов 1972]. В качестве второго дается значение: «литературное произведение, написанное в форме разговора» [Ушаков 1985/1]. Естественно, что в дефиниции соединены означающее (слово *диалог*) и означаемое (разговор между двумя или несколькими лицами). Однако обращение к русской речевой практике ставит эту связь под некоторое сомнение. Так, не говорят: *Вчера у меня был интересный диалог с отцом (с соседями, с учителем). Дочь избежала диалога с матерью.* Слово *диалог* не входит в русскую разговорную речь, это социальный термин, хотя он фигурирует в словаре иностранных слов Михельсона уже в конце XIX в. [Михельсон 1865]. Однако в нем в качестве первого значения был отмечен «разговор двух или нескольких лиц в театральной пьесе». Именно в языке театра, по-видимому, под французским влиянием, было естественным употребление слова *диалог* (ср. диалоги короля Лира с дочерьми). И только в XX в. стали говорить о диалоге как о форме речи [Якубинский 1923;

Балухатый 1927]. Постепенно слово *диалог* вошло в обиход. Тем не менее оно до сих пор сохраняет статус литературоведческого и социального термина и в бытовой речи практически не используется. В быту продолжают говорить о *разговорах*. Здесь можно отметить, что в русской речи *разговор* между двумя лицами не выделялся из *разговоров* между людьми, т. е. не было специального слова для обозначения межличностных разговоров. Использовалось лишь слово *разговор*, образующее группу производных (*разговаривать*, *разговорник*, *разговорчивый* и др.). Это слово применялось к разным формам речевого общения: разговорам при случайных встречах, дискуссиям, обменам мнениями, *беседам с собеседниками* и др.

Теперь остановимся на роли диалога в русской словесности и положении слова *диалог* в русском лексиконе. Уже с конца XVIII в. в России заметно активизировалась театральная жизнь, появились государственные театры. Под их влиянием диалог как форма речи постепенно стал занимать большое место в литературных произведениях. Слово *диалог*, однако, использовалось преимущественно в языке театра. Напомним, что в текстах Пушкина, которые часто апеллируют к адресату, оно не встречается ни разу, а слово *диалектика* в значении «искусство применять логические доводы в споре» — один раз. Слово *диалог* не зарегистрировано также в текстах Ф. М. Достоевского, в сущности положившего начало активной диалогизации прозы. Так, например, в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (написанной в 1859 г. в Семипалатинске после ссылки) 2/3 текста занимает диалог (110 страниц из 163). Некоторые страницы [Достоевский 1972: 84–89] полностью заняты диалогом. Заметим попутно, что в этой повести образы героев и вся фактическая информация о них даются в диалогах персонажей — главных и второстепенных. Еще до появления Фомы Опискина (фамилия *Опискин* может расшифровываться по-разному, ассоциируясь с глаголами «писать» и «писать», намекая на длинные словесные *излияния* этого персонажа) сведения о его личности поступают из разговоров повествователя с персонажами — Бахчевым и Ростаневым. При этом диалог ярко интонирован. Интонация отмечается восклицательными и вопросительными знаками, причем последние маркируют преимущественно риторические вопросы. На каждой из указанных страниц более чем по десяти восклицательных и по семи-десяти вопросительных знаков. Следует заметить также, что в эмоционально окрашенных диалогах реплики удлиняются, отдаляясь от вопросо-ответной схемы; *да-нет*-ответы развертываются не только за счет мотивировок, но и за счет выражения эмоций, сообщения фактов и даже воспоминаний.

Прямая речь сопровождается такими ремарками, как *вскричал я с досады*, *сказал торжественно*, *вскричал я чуть ли не задыхаясь*

и т. п. Высказывания распадаются на интонационно обособленные части. Например: *Не чувствуете ли вы, что вы сами немного влюблены в Настасью Евграфовну? — Я? влюблен? в нее? Да они все белены объелись, или сговорились против меня. <...> Я? влюблен? в нее? Рехнулись они все, да и только!* [Достоевский 1972: 109]. Интонация как бы побеждает синтаксис: она членит предложение на высказывания, а вопрос на риторические вопросы и переспросы.

Образ персонажей литературных произведений создается их участием в диалогах. Роль диалога в творчестве Достоевского была отмечена М. М. Бахтиным [Бахтин 2002: 51]. «Быть — значит общаться диалогически <...> Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» [Бахтин 2002: 280]. Слово становится двухголосым. Диалогизация внутренней речи раскрывает *двойственность* человека, и, шире, динамичность человеческого сознания, а часто также его неокончателность, открытость, что как раз характерно для текстов Достоевского.

Уже в самых ранних произведениях Достоевского, таких как «Неточка Незванова» и «Дядюшкин сон», диалогу отведено немалое место. В «Дядюшкином сне» диалог занимает 40 страниц из 100 [Достоевский 1972b]. В «Неточке Незвановой» [Там же] диалогу отведена почти четвертая часть текста. Даже в «Бедных людях», написанных в форме писем, активно помечается интонация. Переписка как бы диалогизирована. В письмах звучит голос. Так, в «Бедных людях» менее чем на двух страницах расставлено 35 восклицательных и 12 вопросительных знаков [Достоевский 1972а: 106–108]. Письма озвучены.

Подчеркнем, что основная цель интонации — актуализовать описываемые события. Как уже отмечалось, в ранней повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» автор-рассказчик, обращаясь к прошлому, постоянно диалогизирует повествование, пользуясь именно прямой, а не косвенной речью. При этом он воспроизводит свои собственные реплики интонационно оформленными, часто расчленяя предложения на отдельные фрагменты. Предложение утрачивает интонационную целостность.

Диалогичность как бы устраняет автора. Его голос не слышен. Звучат голоса персонажей и рассказчика/наблюдателя. Речь персонажей ярко интонирована. При этом интонация не маркирует членение предложения на тему и рему, она членит и ту, и другую. На первый план выдвинута прагматика общения: эмоции разрушают логически организованный синтаксис связной речи. Диалогичность ставит акцент на слуховое восприятие. Текст звучит. Читатель воспринимает его ухом. Диалогичность как бы устраняет или отводит в тень автора, заглушает его голос. Рассказчик/повествователь предстает не столько как сторонний наблюдатель, сколько как участник сюжето-

образующих сцен. Итак, разговор между двумя или тремя лицами, являющийся источником возникновения языка и основной формой его бытия, не имеет в русском языке наименования, и лишь публикация диалогов Платона ввела в него этот термин, который долгое время не имел широкого употребления. Постепенно слово *диалог* вошло в общий обиход. Тем не менее оно сохраняло статус литературоведческого термина и в обыденной речи практически не использовалось. В быту продолжали говорить о *разговорах*. Возможно, дело в том, что русский человек по природе социален и больше склонен к общим беседам, чем к интимным разговорам с глазу на глаз. Это заметно, кстати, в театральных пьесах А. Н. Островского. Возможно, именно А. П. Чехов стал отводить больше места беседам между двумя персонажами.

В ходе становления цивилизованного общества эффект присутствия «невидимого» мира постепенно расширялся благодаря развитию аудиотехнологий (радио, телевизор, телефон и др.), переступивших естественный порог слышимости. В конце XX в. началась эпоха телекоммуникации (от греч. *τελε-* «далеко»), преодолевшая пространственные ограничения зрительного и слухового восприятия.

В «Анонимных пролигоменах к платоновской философии» [Пролигомены 1986: 476–505] неизвестный автор, комментируя диалоги Платона через несколько веков после их создания (в V в. н. э.), выделяет семь причин использования Платоном диалога [Там же: 490–491]. В качестве первой причины указывается повышенная интонацией убедительность диалогических реплик. Последняя же причина состоит в том, что диалог сохраняет внимание адресата. Диалог нужен, «чтобы не задремали мы ненароком, слушая поучения вечно одного и того же» [Там же: 491]. Действительно, в «Диалогах» Платона собеседник, т. е. адресат, во многом согласен с говорящим. Диалогические реплики не только создают спор, но также помогают говорящему лучше и точнее выразить свою мысль, а также снабдить ее мотивировками и примерами. Они, кроме того, как бы звучат, и их интонация усиливает убедительность, т. е. имеет интеллектуальный эффект. Неслучайно научные тексты обычно несут на себе отпечаток диалогичности. Автор постоянно соотносит свою концепцию с уже существующими точками зрения.

В заключение подчеркнем, что характерная для диалога адресация речи сохранилась как в поэзии и прозе, так и в научных текстах. Напомним также, что диалог является источником многих грамматических категорий, таких как лицо глагола, императив, вопрос, *да-нет*-ответы, т. е. в сущности лежит в основе формирования прагматики языка. Диалог организует также внутреннюю жизнь человека, образуя оппозицию Я–Другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбин 1986 — *Альбин*. Учебник платоновской философии // *Платон*. Диалоги. М., 1986. С. 437–475.
- Балухатый 1927 — *Балухатый С. Д.* Проблемы драматургического анализа. Л., 1927.
- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 5–300.
- Достоевский 1972a — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. Л., 1972.
- Достоевский 1972b — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Л., 1972.
- Достоевский, 1972 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 3. Л., 1972.
- Лосев 1986 — *Лосев А. Ф.* Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы // *Платон*. Диалоги. М., 1986. С. 3–65.
- Лотман 1993 — *Лотман Ю. М.* К структуре диалогического текста в поэмах А. С. Пушкина. М., 1993.
- Михельсон 1865 — *Михельсон А. Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.
- Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.
- Платон 1986 — *Платон*. Диалоги. М., 1986.
- Пролигомены 1986 — Анонимные пролигомены к платоновской философии // *Платон*. Диалоги. М., 1986. С. 476–505.
- Ушаков 1985/1 — *Ушаков Д. Н.* (отв. ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 1985.
- Якубинский 1923 — *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Русская речь*. Л., 1923.

Н. М. АБАКАРОВА

СЕМАНТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫЙ ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ВИКТОРИАНСКОГО ПЕРИОДА

Изучая английскую литературу викторианского периода, нельзя не заметить широкого распространения в ней различных типов семантически осложненного диалога, в частности диалога с подтекстом, диалога с намеками, каламбурного диалога. Характерным признаком семантически осложненного диалога является нарушение всех основных постулатов принципа кооперации, выдвинутого Г. П. Грайсом. Как известно, эти постулаты делятся на четыре категории: 1) категория количества связана с тем количеством информации, которое следует передать, т. е. не больше и не меньше, чем требуется; 2) категория качества соотносится с понятием истинности высказывания; 3) категория отношения определяет релевантность высказывания («не отклоняйся от темы»); 4) категория способа заключается в постулате «выражайся ясно» (т. е. избегай неоднозначности) [Грайс 1985: 222–223]. Суть семантически осложненного диалога определяется тем, что у его участников нет совместно принятой цели; они, как правило, руководствуются разными мотивами и стремятся не к пониманию суждения собеседника, а к его уничтожению и осмеянию, либо к достижению определенного перлокутивного эффекта. Такое нарушение принципа кооперации, выведенного Грайсом для естественной коммуникации, в условиях художественной коммуникации играет противоположную роль, способствуя ее успеху, если не на внутреннем уровне (персонаж–персонаж), то на внешнем (автор–читатель). Особый интерес представляют диалоги и реплики, осложненные «чужим словом». М. М. Бахтин писал о возможности применения диалогического подхода даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, т. е. если мы слышим в нем чужой голос [Бахтин 1963: 246]. Н. М. Демурова подхватывает эту мысль: «“Чужие слова”, включаясь в новый контекст, начинают жить двойной жизнью: не теряя первоначального смысла, на который

они прямо и открыто указывают, они в то же время дают свое истолкование предложенного образа и темы» [Демурова 1979: 311].

Примером «чужих», «диалогических» слов в рассматриваемых текстах являются аллюзии и реминисценции из Шекспира. В сказках Л. Кэрролла, как указывает Р. Л. Грин, немало скрытых цитат, на которых строится диалог [Green 1976]. Любимая фраза Королевы из «Страны чудес» — «*Off with his (her) head*» (Отрубить ему голову) — не что иное, как дословное повторение слов Ричарда III; реплика Герцогини из главы «Черепаша Квази» — «*Be what you would seem to be*» (Будь всегда сама собой) — переиначенная строка из «Сна в летнюю ночь»: «*Be as thou wast wont to be / See as thou was wont to see*» (Будь ты прежней с этих пор / Пусть как раньше видит взор); заключение Чеширского кота при первой встрече с Алисой: «*You are mad... or you wouldn't have come here*» (Конечно, ты не в своем уме. Иначе как бы ты здесь оказалась?) заставляет вспомнить строки из «Макбета»: «*Thou are mad to say it*». Известно, что Шекспир был одним из любимейших авторов Кэрролла: он с детства сочинял шуточные пародии на его произведения. Во всех вышеназванных примерах шекспировские строки не просто пародируются, они используются как некий фон, на котором еще явственнее проступают такие ключевые для сказок Кэрролла понятия (мотивы), как волшебный сон (о котором напоминает «Сон в летнюю ночь») и безумие (подобно леди Макбет, чьи слова косвенно цитирует Чеширский кот, безумны почти все обитатели Страны чудес и Зазеркалья). В свою очередь, тонкий иронический эффект создается, когда слова жестокого тирана Ричарда III вкладываются в уста злобной, но, как выясняется, вполне безобидной червонной королевы. Ведь ее приказ «Рубить головы» никогда не выполняется. В разговоре Алисы с комаром в главе о зазеркальных насекомых:

Alice. *But I can tell you the names of some of them.*

Gnat. *Of course they answer to their names?*

Alice. *I never knew do it.*

Gnat. *What's the use of their having names if they won't answer to them?*

Алиса. Но я могу сказать вам, как их зовут.

Комар. А они, конечно, идут, когда их зовут?

Алиса. Нет, кажется, не идут.

Комар. Тогда зачем же их звать, если они не идут?

— слышится явный отзвук диалога Глендаура и Хотспера из «Генриха IV» (I, 3, 1):

Glendower. *I can call spirits from the vasty deep.*

Hotspur. *Why, so can I, or so can any man;
But will they come when you do call for them.*

Глендаур. Я духов вызывать могу из бездны.

Хотспер. И я могу, и каждый это может.

Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

(пер. Е. Бируковой).

Игра слов в обоих случаях строится на смысловом сдвиге; лексические единицы используются разные, хотя и относящиеся к одному тематическому полю (call; names), а смысл диалогического высказывания при всем различии контекста идентичен: звать кого-то стоит лишь тогда, когда этот кто-то приходит на зов. Не менее интересно здесь продолжение диалога:

Alice. *No use to them... but it's useful to the people that name them, I suppose. If not, why do things have names at all?* (Им это ни к чему, а нам все-таки нужно. Иначе, зачем вообще знать, как что называется?).

Gnat. *I can't say. In the wood down there they've got no names...* (Незачем, по-моему. Если ты зайдешь поглубже вон в тот лес, ты увидишь, что там нет никаких имен и названий).

Языковая игра, навязанная Алисе скептически настроенным Комаром, незаметно перерастает в философский спор о том, есть ли какая-нибудь связь между предметами и названиями или ее произвольно определяет человеческий разум. Этот семантически осложненный диалог предвосхищает сюжетный поворот: Алиса попадает в лес, где нет имен и названий, и теряет свое имя. В пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьезным» омонимия личного имени Earnest (Эрнест) и апеллятива earnest (серьезный) не только имплицитно обыгрывается в диалоге леди Брекнелл и ее племянника (последний замечает: *I've now realized for the first time in my life the vital importance of being Earnest*), но и получает сюжетное развитие в пьесе, где на игре слов построены и название, и фабула. Ранее подобные приемы встречались у Шекспира. В «Макбете» трансформация образного смысла в буквальный выходит за рамки одного диалога и актуализируется в макроконтексте. Слова призрака (IV, 1, 79–80) — *Be bloody, bold and resolute; laugh to scorn. The power of man, for none of woman born / Shall harm Macbeth* (Лей кровь и попирай людской закон. / Макбет для тех, кто женщиной рожден, неуязвим. — Пер. Ю. Корнеева) — Макбет

воспринимает как метафору: никто не может причинить ему вреда. И лишь в финале пьесы, когда Макдуф сообщает: «*Macduff was from his mother's womb / Untimely ripped*» (... вырезан до срока / ножом из чрева матери Макдуфф), выясняется, что слова «*pone of woman born*» содержат буквальный смысл. То, что словесная игра определяет поступки героев, развитие сюжета и драматургию произведения; что она самоценна и, в общем-то, самодостаточна, действительно, роднит наиболее блестящих представителей викторианской литературы с Шекспиром. Общее у них — внимание к слову, его семантике и контекстуальному окружению. Мотивы же, на наш взгляд, различны. Ранненовоанглийское слово, нестабильное как в плане выражения, так и плане содержания, давало неограниченные возможности для разного рода переосмыслений и каламбурных обыгрываний. Язык был полем эксперимента, что вполне соответствовало игровому духу Ренессанса. Викторианцев же, прежде всего, интересует разрыв, который существует между привычными, устоявшимися, закрепленными вековым употреблением единицами языка и обозначаемыми ими понятиями. Т. е., с одной стороны, существуют языковые правила и законы, без соблюдения которых невозможна успешная коммуникация, а с другой стороны, логическое развитие этих правил и законов, равно как и слишком буквальное следование им нередко приводит к нонсенсу. Это особенно очевидно в случаях с реализованной метафорой. Например, когда Алиса возмущенно спрашивает: «*Where's the servant whose business is to answer the door?*» (Почему никто не подходит к двери?), Лягушонок отвечает вопросом: «*To answer the door? What's it been asking of?*» (Как это не подходит к двери? Ты же к ней подошла?) У Лягушонка своя логика и свое понимание языка, на которое он имеет такое же право, как Алиса. Ведь, по мнению прагматистски настроенного Кэрролла, ни в одном случае смысл не является чем-то неотделимым от слова; оно значит лишь то, что подразумевал под ним говорящий, и то, что понял слушающий, не более того.

Пьеса Б. Шоу «Смуглая леди сонетов» представляет собой некий палимпсест, когда из своего все время проступает чужое, в виде парафразы, цитаты или ироничного отголоска. Поскольку Шекспир выступает в роли одного из главных действующих лиц, то хрестоматийно известные строки: «*Frailty: thy name is woman!*» (О, женщина, ей имя — вероломство); «*All the perfumes of Arabia will not whiten thy little hand*» (Всем благовониям Аравии не отбить этого запаха); «*...divine perfection of a woman*» (О совершенство среди женщин) или слегка перефразированная «*...there is music in your soul*» (есть музыка в твоей душе) вполне ожидаемы в данном текстовом пространстве. Интереснее другое — аллюзии, цитаты и метафоры из Шекспира,

которые можно назвать прецедентными текстами, обеспечивают успех на внешнем уровне коммуникации (автор—читатель), но оборачиваются неудачей на внутреннем (персонаж—персонаж). Это можно объяснить тем, что и для стражника, и для королевы шекспировские слова и образы не являлись прецедентными текстами, а лишь семантически усложняли коммуникацию, что создает иронический парадокс в пьесе: автор и читатели из своего «сегодня» смотрят на то «вчера», когда только создавались тексты, которые «завтра» станут прецедентными. Здесь невольно приходит на ум кэрролловский диалог Белой королевы и Алисы о том, можно ли помнить будущее. (Кстати, многие ученые положительно отвечают на этот вопрос.)

Конечно, цитаты из Шекспира — не единственные прецедентные тексты в литературе викторианского периода. Одним из излюбленных приемов языковой игры является переосмысление устойчивых выражений, пословиц, поговорок, фразеологических единиц. Эта традиция не прерывается в английской литературе с ранненовоанглийского периода. Когда королева обращается к Гамлету с упреком (III, 4, 156–158): «*O, Hamlet, thou hast cleft my heart in twain*», Гамлет отвечает: «*O, throw away the worser part of it. / And live the purer with the other half*» (О, бросьте прочь его дурную часть / И с половиной чистою живите. — Пер. А. Радловой). Обе реплики имеют образный смысл. Но в выражении «рассечь сердце надвое» (разорвать сердце пополам) метафорический элемент практически не осознается, тогда как слова Гамлета являются стилистически релевантными именно благодаря оживлению этого метафорического элемента в реплике-реакции. В устах персонажей О. Уайльда подмена компонентов фразеологизмов происходит, как правило, имплицитно. Дамби из «Веера леди Уиндермир» шутливо замечает: «*The youth of the present day are quite monstrous. They have no respect for dyed hair*» (С нынешней молодежью просто сладу нет. Никакого уважения к крашеным волосам. — Пер. М. Лория). Алджернон из пьесы «Как важно быть серьезным» с не меньшей иронией заявляет: «*Divorces are made in Heaven*» (Разводы совершаются на небесах. — Пер. И. Кашкина). Разнообразные способы переосмысления прецедентных текстов находим у Л. Кэрролла. Это и паронимический каламбур «*Take care of the sense and the sounds will take care of themselves*» (отсутствующий компонент паронимического ряда представляет собой пословицу «*Take care of the pence and the pounds take care of themselves*»), и реализация метафоры, лежащей в основе пословицы. Когда король приказывает Чеширскому коту, вернее его голове, парящей в воздухе: «*Don't look at me like that*», Алиса возражает: «*A cat may look at a King. I've read that in some book but I don't remember where*». Отсылка сразу к двум известным каждому

англичанину поговоркам «*Mad as a hatter*» (Безумен, как шляпник) и «*Mad as a March hare*» (Безумен, как мартовский заяц) содержится в реплике Чеширского кота: «*In that direction... lives a Hatter and in that direction lives a March Hare. Visit either you like: they are both mad*» (Вон там живет Болванщик. А там — мартовский заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме). Фоновое знание фольклорных текстов актуализируется еще в целом ряде эпизодов: суде над валетом, встрече Алисы с Труляля и Траляля, битве Льва с Единорогом, беседе с Шалтаем-Болтаем. В последнем эпизоде особенно интересна одна ремарка. Когда Шалтай-Болтай заявляет: «*In that case we may start fresh and it's my turn to choose a subject* (В таком случае начнем все сначала. Теперь моя очередь спрашивать!», Алиса про себя замечает: «*He talks about it just as if it was a game!*» (Можно подумать, мы играем!). Таким образом, с подачи такого лингвистически искушенного персонажа, как Шалтай-Болтай, диалогическое общение открыто отождествляется с игрой. Если Поль Валери как-то, походя, заметил, что в отношении правил игры невозможен скептицизм, то Л. Кэрролл, как видно, не был в этом уверен. Во всяком случае, когда речь идет о такой игре, как языковая коммуникация. Персонажи пьес О. Уайльда и Б. Шоу используют семантическую неоднозначность для достижения разных целей: высмеять или развлечь своего собеседника, унижить или обескуражить его, подчеркнуть свое превосходство или поставить под сомнение статусный вектор другого, оправдаться или обвинить. Отличие персонажей Л. Кэрролла, диалоги которых очень сценичны, в том, что они редко сознают сам факт присутствия языковой игры и еще реже делают ответный ход. В случае, когда дело касается патентованных безумцев и чудаков, окончательная победа в словесном поединке вряд ли возможна. Стоит заметить, что стихией словесной игры охвачены все, включая животных, сказочных чудищ, карточные и шахматные фигуры. В семантической двуплановости речи персонажей проявляется та «двумерность» (термин М. М. Бахтина), которая была присуща культуре Возрождения со свойственной ей традицией нарушения иерархических отношений. Представляя собой в семантическом плане целостное неразделимое явление и являясь опосредованной формой передачи авторского замысла, художественный диалог служит средством выражения отношения к действительности. Честертон называет нонсенс и подобные ему проявления языковой игры своего рода «интеллектуальными каникулами», «праздником», который позволяли себе англичане, живущие в «традиционном и благополучном Викторианском Веке» [Честертон 1979: 236]. Однако, в этом придуманном англичанами «веселом кошмаре» исследователи замечают и «видение чудовищной бессмысленности космоса» [Гарднер 1979: 258],

и «чувство собственного бесконечного одиночества на шутовском карнавале жизни» [Зверев 2000: 16], и испуг перед надвигающимся хаосом. Но, возможно, именно нарушение нормального общения и здравого смысла, доведение его до абсурда и парадокса позволяют постичь этот мир и примириться с ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Бахтин 1963 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Демурова 1979 — *Демурова Н. М.* Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье // *Л. Кэрролл.* Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., 1979.
- Честертон 1979 — *Честертон Г. К.* Льюис Кэрролл // *Л. Кэрролл.* Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., 1979.
- Гарднер 1979 — *Гарднер М.* Аннотированная Алиса // *Л. Кэрролл.* Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., 1979.
- Зверев 2000 — *Зверев А.* Импровизатор Акройд // *Акройд П.* Завещание Оскара Уайльда. М., 2000.
- Green 1976 — *Carroll L.* Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass. Ed. and intr. by R. L. Green. L., 1976.

ИСТОЧНИКИ

- Кэрролл Л.* Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Пер. Н. Демуровой. М., 1979.
- Carroll L.* Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass. М., 2007.
- Shakespeare W.* Complete works. 1994.
- Show B.* Mrs. Warren's Profession. СПб., 2002.
- Wilde O.* Selected Works. М., 2001.
- Wilde O.* Selected Prose. М., 2004.

Н. А. АБИЕВА

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(БИОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В общепринятом смысле под коммуникацией понимают содержательный аспект социального взаимодействия, факт межличностного контакта, при котором происходит передача информации от отправителя сообщения адресату. Процесс этот включает порождение, передачу и восприятие сообщения, и основной его целью является установление взаимопонимания между участниками информационного обмена, что возможно только при соблюдении ряда условий, главным из которых следует признать потребность коммуникантов в отправляемых/получаемых сведениях. Коммуникативный процесс, его результаты и различные формы коммуникативного взаимодействия в человеческом обществе обратили на себя внимание мыслителей и исследователей древнейших времен [Почепцов 2001], что свидетельствует о том, что значение информации для развития человеческого общества осознавалось всегда. Объектом преимущественного внимания изначально была *вербальная* коммуникация как составляющая специфику нашего биологического вида и не имеющая аналогов в живом мире. По сути, все лингвистические дисциплины изначально занимаются изучением коммуникативных форм, осуществляемых посредством естественных языков.

Успехи семиотики и лингвистической прагматической семантики в 1960–1970 гг. позволили смоделировать инвариантную схему коммуникативного акта. Впервые описанная Р. О. Якобсоном [Якобсон 1975: 198] и впоследствии уточненная в рамках теории речевых актов, она включает в себя такие базовые компоненты, как коммуникативную ситуацию, коммуникативную интенцию, коммуникантов, порцию информации, код и, наконец, каналы передачи, с помощью которых это сообщение передается от отправителя к получателю. Поскольку основное внимание лингвистов было сосредоточено на изучении человеческих форм коммуникации, то в фокусе исследований оказались три универсальных принципа обращения с языковыми знаками —

синтактика (законы сочетаемости единиц языка при образовании высказываний), семантика (значения, закрепленные за конкретным знаком) и прагматика (сумма правил, регулирующих употребление конкретных языковых форм в условиях заданного коммуникативным актом дискурса). На том этапе изучения коммуникации такое чрезмерное увлечение естественным языком было вполне оправданным, так как вся история человеческой цивилизации в своей основе имеет языковые формы общения, и язык послужил прекрасным материалом для изучения специфики форм информационного обмена на его основе и способствовал интенсивному развитию семиотики.

Вместе с тем в разработанной теории речевых актов языку отводилась столь заметная роль, что в ряде направлений исследований это привело к его абсолютизации как основы социализации человеческих сообществ и формирования когний. Наиболее памятным случаем такого рода является концепция языковой детерминированности Сэпира-Уорфа, согласно которой язык непосредственно влияет на усвоение человеком сведений об окружающем его мире и формирование знаний. Как известно, данная точка зрения получила обоснованную критику со стороны значительной части научного сообщества [Роль человеческого фактора в языке 1987]. Не менее спорным явлением стала и генеративная грамматика Н. Хомского, поначалу чуть ли не декларировавшего врожденный характер языковой способности, что автоматически обосновывало уникальность человеческого вида благодаря врожденности языкового поведения.

Обсуждение проблемы специфичности форм человеческой коммуникации осложняется тем обстоятельством, что по-прежнему, несмотря на бурное развитие лингвистики в XX в., в научной литературе отсутствует такое определение естественного языка, которое было бы принято научным сообществом если не единогласно, то хотя бы большинством ее членов. На данное обстоятельство в последнее время указывают многие исследователи [Абиева 2007; Chomsky 1991a, b; Hauser et al. 2002; Pinker & Jackendoff 2005].

Значимость языка оказалась оцененной столь высоко, что в 60-е гг. исследователями московско-тартуской школы семиотики было предложено определение языка как первичной моделирующей системы, на основе которой человеческое сознание научилось образовывать другие моделирующие системы, используемые в различных видах специальной деятельности. Работы Ю. М. Лотмана и его последователей [Лотман 1973; 1996; Лотман, Успенский 1996] в области семиотического анализа явлений культуры закрепили за последними название «вторичных моделирующих систем», которые рассматривались в качестве вторичных по отношению к знакам естествен-

ных языков. К этим знаковым системам относят не только все виды искусства, но и различные виды социальной деятельности, модели поведения, господствующие в данном обществе (включая жесты, одежду, манеры, ритуал и т. д.), а также традиционные методы, с помощью которых сообщество поддерживает свою историческую память и самосознание (мифы, история, правовые системы, религиозные верования и т. д.). С. Махлина, в частности, пишет: «Культура, в семиотических терминах, есть механизм для обработки и сообщения информации. Вторичные моделирующие системы функционируют с помощью конвенций (кодов), которые принимаются членами какой-либо социальной группы. В отличие от естественного языка, в котором единственно возможный код понимается всеми членами лингвистического сообщества одинаково, коды вторичных моделирующих систем различны, понимание их и возможность пользоваться ими зависят от того, в какой мере индивид освоил их в ходе своего развития и образования (если это вообще ему удалось)» [Махлина 2003: 138]. Автор противопоставляет естественные языки и семиотические системы социальных и культурных структур, полагая, что первые понимаются всеми членами общества одинаково, тогда как понимание вторичных моделирующих систем допускает различия. Такое толкование культуры сегодня оспаривается этологами и биосемиотиками, которые обоснованно ставят вопрос о зарождении элементов протокультуры в природных сообществах многих биологических видов, что проявляется в специфике их социального поведения [Sinha 2004; Мечковская 2007]. В частности, Н. Б. Мечковская отмечает: «Социоэтологическое сходство в организации жизни так называемых “общественных животных” и человека объясняется универсальными для мира животных и мира людей закономерностями организации сообществ (обязательность социальной иерархии; элементы кооперации в добывании корма; обучение молодняка; у высших животных также наличие стандартных сигнальных поведенческих актов, так называемых “ритуалов”, в социобиологическом смысле)» [Мечковская 2007: 121]. Также в рамках когнитивных исследований под сомнение ставится неразрывность мыслительных процессов и языка, а сам вопрос, что является первичным — язык или мышление, практически уже решен в пользу мышления.

Все речевые формы общения, принятые в человеческом социуме, сводятся к трем — монологическая, диалогическая или полилогическая речь. В данной работе мы оставим в стороне письменные художественные виды этих форм, которые нельзя признавать аутентичными, поскольку они всегда являются отличными от бытовых форм речи и, в крайнем случае, могут рассматриваться лишь в ка-

честве попытки реконструкции, уподобления естественной речевой деятельности человека и, соответственно, результатом субъективной интерпретации. Письменный дискурс обеспечивает коммуникацию между отправителем и получателем сообщения, дистанцированными во времени и пространстве, основан на зрительно-графическом канале передачи информации и имеет отличную от устного дискурса как когнитивную составляющую, так и семиотическую оформленность (подробнее см. [Абиева 2005: 147–153]). Являясь вторичным по отношению к устной речи, он отражает более поздние в эволюционном отношении принципы переработки информации, сложившиеся в ментальной сфере человека.

В ситуациях повседневной жизнедеятельности социума монолог, диалог и полилог легко опознаваемы на основе количественного принципа — числа коммуникантов, задействованных в акте речевого общения, что, очевидно, и легло в основу наименования этих разновидностей. Однако при рассмотрении как содержательной, так и формальной стороны передачи сообщений посредством этих речевых актов ситуация оказывается не столь однозначной.

Так, *монологом* называют развернутое высказывание одного лица или повествователя, причем считается, что монолог может быть как обращенным к определенному адресату, так и произносимым в одиночестве вслух, или же принимающим, по Л. Выготскому, форму внутренней речи (автокоммуникация). Несмотря на то, что мыслительный дискурс изучен меньше всего в силу того, что скрыт от стороннего наблюдателя, поскольку как отправителем, так и получателем сообщения выступает один и тот же человек, он, по-видимому, играет самую важную роль: порождению высказывания всегда предшествуют мыслительные операции по обработке релевантной информации, подлежащей экстерииоризации. Озвученный монолог — это результирующий этап, динамика внутренней речи находит выражение в законченном высказывании, которое может как иметь, так и не иметь конкретного адресата. Нельзя, в частности, согласиться с мнением, которое иногда высказывается по поводу адресованности монолога, что он не предполагает непосредственной реакции адресата, которому отводится лишь роль пассивного слушателя, — сам факт экстерииоризации порции информации предполагает вольный или невольный поиск ее получателя. Поэтому при кажущейся со стороны очевидной замкнутости монолога «на себя» в нем содержится интенция к общественной коммуникации.

Рассмотрение двух других форм с позиций структуры выявляет их основополагающую зависимость все от того же монолога, причем количественный признак их отделения друг от друга просматрива-

ется нечетко: *диалогом* считают такую форму устной речи, при которой происходит разговор **двух** или **нескольких** лиц посредством обмена репликами (БЭС), но и *полилог* тоже определяют как разговор **нескольких** лиц. Это показывает, что количественный фактор участников — хотя и очевидный различительный признак, но немного объясняет. Отчасти, очевидно, поэтому термин «полилог» пока не получил широкого распространения.

А. И. Варшавская указывает на наличие сложных структурно-семантических связей между монологом и диалогом: «Можно сказать, что: 1) монолог противопоставляется диалогу; 2) диалектически связан с диалогом: может быть частью диалога, реализоваться в условиях диалога; 3) может объединять, сводить воедино диалогический дискурс; 4) может быть диалогизирован; 5) монологическое в некоторых проявлениях равно индивидуальному, субъективному и как бы предназначено для общения с другими, но может быть охарактеризовано и через коллективное начало» [Риторика монолога 2002: 25].

М. С. Каган обращает внимание на необходимость учитывать специфику семантической структуры высказываний: диалог и полилог — это различные точки зрения, которые могут либо совпадать, либо различаться; это активная интерпретация точки зрения другого; это ожидание ответа и его предвосхищение в своем высказывании; это взаимодополнение точек зрения участников общения, соотношение которых и является целью диалога и полилога [Каган 1988: 152].

Ситуация с диалогом и полилогом довольно противоречива, поскольку последний может быть представлен как сумма отдельных диалогов между разными участниками, тем более что и сам диалог определяется как разговор не только между двумя коммуникантами, но и большим числом участников (см. выше). Устный речевой акт всегда есть процесс, динамика которого закономерно предполагает трансформацию форм друг в друга, и несмотря на то, что диалог и полилог как коллективные формы речи противопоставляются монологу, в ходе развертывания дискурса инициатива ведения беседы переходит от участника к участнику, и тем самым полилог распадается на диалоги, а последние — на монологи. В конечном итоге, основу всякого общения составляют именно монологи, и несмотря на то, что общение всегда ориентировано на социум, речевые акты основаны на индивидуальном сообщении, которое экстериоризируется сознанием говорящего. В момент передачи сообщения происходит акт означивания информации, уже сложившейся в голове адресанта.

Фундаментальность, «первородность» монологической речи убедительно доказана исследованиями У. Чейфа [Chafe 1994] в обла-

сти устного дискурса. Опираясь на такие центральные понятия когнитивной науки, как сознание, контролирующее языковую деятельность, и память, в своих экспериментах он показывает, что в момент порождения высказывания сознание всегда фокусируется на чем-то одном, то что представляется наиболее значимым. Это привело его к открытию, что устный дискурс развивается не плавно, а толчками, с постоянным перемещением фокуса. Как отмечают А. Кибрик и П. Паршин, «Чейфом сформулировано ограничение “один элемент новой информации в интонационной единице (ИЕ)”». В соответствии с этим ограничением в ИЕ обычно содержится не более и не менее, чем один новый референт или одно событие. Когнитивная причина подобного ограничения — невозможность активации (перевода из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания. Данное обобщение может претендовать на статус одного из наиболее важных результатов, полученных в дискурсивном анализе» [Энциклопедия «Кругосвет» // <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/7/75/1008254.htm>].

Наблюдение У. Чейфа позволяет говорить о биологической обусловленности монолога как формы экстериоризации отдельного фрагмента индивидуального знания, адресованного другим сознаниям. Остальные формы коммуникативного взаимодействия, такие как диалог и полилог, следует рассматривать как сумму монологических высказываний, отражающих отдельные точки зрения.

Анализ различных видов коммуникативного взаимодействия показывает, что далеко не всё и не всегда зависит от речи, порой взаимопонимание достигается на уровне привычного обмена взглядами или позами. Спектр невербальных (т. е. без использования языковых сообщений) коммуникативных форм достаточно широк, и их исследование уже породило целый ряд направлений в философии, прагматике, когнитивистике и культурологии: проблемы жестово-мимической коммуникации, отелесненные формы когниции и информационного обмена, символично-ритуальные виды коммуникативного взаимодействия (обряды, ритуальные одеяния), визуальная семиотика (кино, графики, живописи) [Крейдлиן 2004]. Успешность протекания таких видов коммуникации свидетельствует о том, что мышление вполне способно осуществлять межличностное взаимодействие в невербальных формах, задействуя иные, неязыковые, кодовые системы для передачи и восприятия информационного сообщения. Таким образом, постановка проблемы первичности/вторичности сигнальных систем в том виде, как она была решена в науке в 1960-е гг., может быть признана лишь отчасти справедливой: за прошедший исторический период (то есть оставивший след в виде

разных артефактов и письменных текстовых источников и имеющий вполне обозримые хронологические рамки) развития человеческой цивилизации язык постепенно стал коммуникативной доминантой и «притушил» значимость остальных кодовых систем.

Н. Б. Мечковская выделяет две главные оси в систематизации знаков и знаковых систем — природные и культурные (естественные и искусственные), вдоль которых располагаются классы знаковых систем: 1) биологические (врожденные) семиотики, к которым относятся языки животных; 2) естественные (но не врожденные) семиотики — а) жесты, мимика, пантомима, интонация; б) поведение, одежда, этикет; в) религия; г) искусства; д) естественные (этнические) языки; 3) искусственные семиотики — а) математическая символика; б) семиотика географической карты; г) знаки дорожного движения [Мечковская 2007: 126]. Несмотря на то, что некоторые позиции этой классификации могут быть оспорены (в частности, естественный характер искусств), в ней уже нашла отражение эволюционная связь между биолого-социальным и культурно-социальным семиотическим поведением, в основе которых лежит универсальная способность к коммуникации, свойственная всем без исключения живым системам.

Изучение информационных процессов в живой природе привело к становлению нескольких научных школ, объединенных общим интересом к изучению биологических основ семиозиса [Kull 1999; Favageau 2007; Barbieri 2008]. Несмотря на существующие разногласия, все они придерживаются двух важнейших принципов: 1) семиозис есть неотъемлемая часть жизни, и между живой и неживой материей проходит явная грань; верность данному принципу позволяет разграничить биосемиотику и пансемиотику, которая допускает наличие семиотических процессов в физическом мире; 2) понятие *семиозиса* и значения следует признать природно обусловленными сущностями, что, в свою очередь, разводит в разные стороны биосемиотику и всевозможные доктрины, рассматривающие происхождение жизни на Земле как результат сверхъестественного вмешательства [Barbieri 2008a : 596].

Биосемиотические исследования информационных процессов, происходящих в живой природе, привели к пониманию того, что вне коммуникации невозможна жизнь, выживание особи напрямую зависит от достоверности получаемой информации об окружающей среде, а следовательно, и от соответствующей семиотической компетенции, то есть навыков дешифровки информационных сообщений. Интерпретация жизни как процесса непрерывного семиозиса снимает традиционную дихотомию между материей и духом,

природой и культурой, доминировавшую до недавнего времени в западной философии, которая в целом базировалась на уверенности в том, что человеческий разум является продуктом культуры, формирование которой происходило и происходит исключительно благодаря естественным языкам. Работы по биокommunikации, начатые Я. фон Иксюлем в 1920–1940-е гг. и активно развиваемые во второй половине XX в., свидетельствуют, что не только люди, но и животные являются чувствующими и разумными существами, причем все без исключения живые организмы субъективно воспринимают и интерпретируют информацию, поступающую извне. Последние исследования убедительно показывают, что между биологическими и социальными формами семиозиса невозможно провести четкую разграничительную линию [Kull 1999; Roepstorff 2001; Sharov 2001; Wills 2005; Witzany 2005], более того, претерпевает изменения само понятие культуры [Sinha 2005; Whiten et al. 1999; Laland et al. 2000].

Сегодня уже очевидно, что биологические и социальные модели коммуникации не только могут быть сопоставлены, но следует ставить вопрос об их эволюционной преемственности и говорить о едином непрерывном процессе информационного обмена как основе эволюционных процессов. Такой подход предполагает расширение рамок понимания того, что представляет собой коммуникация, и требует включения в качестве объекта исследования всех форм коммуникативного взаимодействия, которые наблюдаются в природе.

Сегодня исследования биосемиотического направления проводятся на материале простейших организмов, растений, насекомых и, конечно же, высших животных. М. Барбьери [Barbieri 2008b] выдвигает гипотезу о существовании встроенных механизмов кодирования информации в отдельно взятой клетке, предполагая в ней наличие кодировщиков (code-makers). Г. Витзани [Witzany 2005] уже на уровне одноклеточных организмов выделяет три вида коммуникативного взаимодействия, считая, что «межорганизменные коммуникационные процессы между особями вида почти всегда укоренены в параллельно протекающих внутриорганизменных (внутриклеточных) и метаорганизменных (трансивидовых) коммуникационных процессах» [Witzany 2005: 2]. М. Крампен [Krampen 1981] показывает, что есть все основания говорить о существовании фитосемиозиса, без которого невозможна жизнь растений. Не менее плодотворные исследования ведутся эволюционными биологами в сфере коммуникации насекомых и животных [Reznikova 2007].

Данные исследований в области биокommunikации позволяют говорить о возможности выделения ее универсальных форм, свой-

ственных как биологическим видам в природе, так характерных и для коммуникативных практик человека. На мой взгляд, единые принципы коммуникативного взаимодействия следует изучать в двух аспектах. Во-первых, универсальность форм дискурсии для всех без исключения живых организмов: а) интракоммуникативное взаимодействие между частями самого организма, что в конечном итоге обеспечивает его целостное функционирование; б) «межличностное» взаимодействие между особями/индивидами одного вида с целью координации совместных усилий для выживания; в) коммуникативное взаимодействие между особью/индивидуумом и окружающей средой. Как нетрудно заметить, первая форма является внутренней, тогда как две вторые — внешние (подробнее см.: [Abieva 2008]). Экстериоризованные формы коммуникации (б и в) играют решающую роль в обеспечении жизнедеятельности и непосредственно определяют состояние внутри организма.

Во-вторых, следует изучить семиотическую компетенцию, характерную для животных видов, и сравнить ее с человеческой. В самом общем виде можно утверждать, что как аналоговые, так и символичные знаки используются всеми видами, но по-разному: в ситуациях внешнего коммуникативного взаимодействия для животного мира характерно применение аналоговых знаков, тогда как для человека со временем в этой форме коммуникации большая роль стала отводиться языковым символам.

Подводя итоги, можно сказать, что все отмеченные выше разновидности информационного обмена, по-видимому, являются универсальными, присущими как простейшим живым системам, так и высокоорганизованным, с той лишь разницей, что в процессе эволюции, по мере совершенствования жизни, усложняются каналы передачи и восприятия данных и меняются кодовые системы, особенно это касается экстериоризованных форм общения, которые в человеческом обществе со временем утрачивают выраженные биологические характеристики и все более обретают привычные нам формы социальной коммуникации. Столь знакомые нам формы монолога, диалога и полилога природно обусловлены и свидетельствуют об общих эволюционных корнях.

Таким образом, эволюционный подход к анализу коммуникативных форм позволяет 1) увидеть преемственность между биологическими и социальными формами коммуникативного взаимодействия и 2) описать условия, способствовавшие появлению на определенном этапе эволюции естественных языков. А также поставить под сомнение правильность утверждения, что естественный язык является первичной моделирующей системой.

ЛИТЕРАТУРА

- Абиева 2005 — *Абиева Н. А.* О некоторых когнитивных параметрах устного и письменного дискурсов // Реальность, язык и сознание: Междунар. сб. трудов. Тамбов, 2005.
- Абиева 2007 — *Абиева Н. А.* Насколько естественный язык является естественным? // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–15 июня 2007 г. (БГУЭП). Иркутск, 2007.
- Каган 1988 — *Каган М. С.* Мир общения. М., 1988.
- Кибрик, Паршин 2001–2009 — *Кибрик А., Паршин П.* Дискурс // Онлайн-энциклопедия «Кругосвет» // <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/7/75/1008254.htm>
- Крейдлин 2004 — *Кейдлин Г.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2004.
- Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Лотман 1973 — *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
- Лотман, Успенский 1996 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996.
- Махлина 2003 — *Махлина С.* Семиотика культуры и искусства: Словарь-справочник в двух книгах. Кн. 2. СПб., 2003.
- Мечковская 2007 — *Мечковская Н. Б.* Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М., 2007.
- Почепцов 2001 — *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М., 2001.
- Риторика монолога 2002 — Риторика монолога / Под ред. А. И. Варшавской. СПб., 2002.
- Роль человеческого фактора в языке 1987 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1987.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Abieva 2008 — *Abieva N. A.* The Role of off-line communication in human evolution // *Biosemiotics*, 1 (3), 2008.
- Barbieri 2008a — *Barbieri M.* The codes of life. The rules of macroevolution. Springer, Dordrecht, 2008.
- Barbieri 2008b — *Barbieri M.* Biosemiotics: a new understanding of life // *Naturwissenschaften*. Vol. 95. № 7. 2008.
- Chafe 1994 — *Chafe W.* Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Chomsky 1991a — *Chomsky N.* Linguistics and adjacent fields of a personal view // *The Chomskian Turn*. Cambridge (Mass.), 1991.

- Chomsky 1991b — *Chomsky N.* Linguistics and cognitive science // The Chomskian Turn. Cambridge (Mass.), 1991.
- Favareau 2007 — *Favareau D.* The evolutionary history of biosemiotics // Introduction to biosemiotics (Ed. M. Barbieri). Springer, Dordrecht, 2007.
- Hauser et al. 2002 — *Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // Science. Vol. 298. 2002.
- Krampen 1981 — *Krampen M.* Phytosemiotics // Semiotica 36 (3/4). 1981.
- Kull 1999 — *Kull K.* Biosemiotics in the twentieth century: a view from biology. Semiotica 127 (1/4). 1999.
- Laland et al. 2000 — *Laland K. N., Odling-Smee J., & Feldman M. W.* Niche construction, biological evolution, and cultural change. Behavioral and Brain Sciences, 23. 2000.
- Pinker & Jackendoff 2005 — *Pinker S., Jackendoff R.* The Faculty of Language: What's special about it? // Cognition. Vol. 95. 2005.
- Reznikova 2007 — *Reznikova Z.* Dialog with black box: using Information Theory to study animal language behaviour // Acta ethologica. Vol. 10, № 1. 2005.
- Roepstorff 2001 — *Roepstorff A.* Thinking with animals. Sign Systems Studies, 29 (1). 2001.
- Sharov 2001 — *Sharov A. A.* Umwelt theory and pragmatism. Semiotica, 134 // <http://www.gypsymoth.ento.vt.edu/~sharov/biosem/txt>
- Sinha 2004 — *Sinha C.* Biology, culture and emergence and elaboration of symbolization // <http://cerebro.psych.cornell.edu/chris/pdf>
- Sinha 2005 — *Sinha C.* Biology, culture and the emergence and elaboration of symbolization // A. Saleemi, O. S. Bohn, & A. Gjedde (Eds.). In search of a language for the mind-brain: Can the multiple perspectives be unified? Aarhus: Aarhus University Press, 2005.
- Sternberg 1999 — *Sternberg R. J.* The theory of successful intelligence // Review of General Psychology. 1999. Vol. 3.
- Wills 2005 — *Wills P. R.* Molecular information processing in nature // www.phy.auckland.ac.nz/alifex/Wills_ALifeX_Workshop.pdf
- Whiten et al. 1999 — *Whiten A., Goodall J., McGrew W. C., Nishida T., Reynolds V., Sugiyama Y., Tutin C. E. G., Wrangham R. W., & Boesch C.* Cultures and chimpanzees. Nature, 399. 1999.
- Witzany 2005 — *Witzany G.* Natural history of life: history of communication logics and dynamics. S.E.E.D. Journal 5 // <http://www.biocommunication.at/pdf/publications/sed2005.pdf>

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ДИАЛОГЕ: РЕПЛИКИ НЕПОНИМАНИЯ

Диалог как понимание. Оценочные коннотации слова-концепта *диалог* выражают его позитивные характеристики, такие как: 'равноправие', 'взаимоуважение', 'открытость', 'искренность'. *Диалог* связан с *партнерством* и *согласием*. Он предполагает, что у участников коммуникации есть общий язык, определенное совпадение во взглядах, благодаря чему между ними возникает понимание.

Словосочетания: *стремиться к диалогу, надеяться / рассчитывать на диалог с кем-л., наладить диалог с кем-л.* и т. д., — проявляют позитивный коннотативный фон *диалога*. Они показывают, что *диалог* может выступать как желанная цель.

В XX в. слово *диалог* расширяет свою семантику за счет метафорических употреблений: *диалог с властью, диалог с бизнесом, диалог культур, диалог цивилизаций*. Оно становится ключевым в гуманитарных дисциплинах и активно используется в публицистике. Возрастает его ономастическая ценность. Например, *диалог* входит в состав названий: а) компаний (управляющей, туристической, юридической); б) агентств (кадрового, недвижимости, христианского, брачного); в) центров (кадрового, повышения квалификации); г) компьютерного клуба; компьютерной программы; д) языковых школ и др., например, *муниципальное автономное учреждение «Диалог»; программа поддержки гражданского общества в России «Диалог»; кадровое агентство «Диалог»; туроператор «Диалог»* и т. д.

Словосочетания *выйти из диалога, прекратить диалог*, характерные для делового и публицистического стилей, эвфемистически предполагают разногласие, ссору, прекращение контактов. На невозможность наладить диалог указывают также клише повседневной речи: *мы говорим на разных языках / не находим общего языка, общих слов; нам нечего сказать друг другу / не о чем больше говорить; с ним невозможно говорить [об этом]* и др. Отсутствие либо утрата

общего языка становится основной причиной, по которой диалог не может быть начат / продолжен.

Общий язык помогает достичь важнейшей цели диалога: понимания между собеседниками, которое происходит либо одновременно / плавно, либо через преодоление затрудняющих общение препятствий. Характер таких препятствий различен: от смысловой неясности (случайно возникшей или намеренно созданной говорящим) до проявившихся очевидных разногласий. Это рождает непонимание / недопонимание, которое выражается соответствующими репликами. Реплики непонимания могут переключать диалог в режим отрицательных реакций. Они маркируют информационный сбой, помехи в речевом потоке коммуникации, но они также могут и стимулировать продолжение диалога.

Прагматика непонимания. Речевые стратегии в их вербальном выражении. Рассмотрим особенности употребления в диалоге реплик непонимания¹: *Не понял(а)! Не пойму / не понимаю я тебя / вас! Где уж нам / мне; Куда уж нам / мне!* За исходное примем утверждение о том, что семантика диалогических реплик связана с моделями речевых стратегий. Диагностическим контекстом будем считать: а) предшествующую реплику Говорящего; б) собственно реплику непонимания Слушающего; в) последующую реплику / действие Говорящего². Анализ употребления реплик непонимания, таким образом, приводит к необходимости классифицировать речевые стратегии партнеров по коммуникации.

Реплики *Не понял(а)! Не пойму / не понимаю я тебя / вас!* обычно стимулируют Говорящего к разъяснению сказанного. В них употребляется прошедшее и будущее время глагола совершенного вида *понять* и настоящее время глагола несовершенного вида *понимать* (*не понимаю*)³.

---

¹ Статья посвящена анализу употребления в диалоге клише непонимания в качестве ответных реплик-реакций. Другие случаи, например, использование глаголов понимания в отрицательной форме в качестве интерпретирующих предикатов в высказывании, здесь не рассматриваются.

² Здесь и далее под *Говорящим* понимается автор реплики, инициирующей непонимание. Соответственно *Слушающий* — это тот, кто в ответной реплике выражает непонимание. Рассматриваются только те примеры, в которых непонимание передается с помощью указанных клише. Для некоторых диалогических контекстов последующая реплика / действие Говорящего может быть (в качестве диагностирующей) факультативной.

³ О семантике глаголов *понимать*, *понять* см. [Богуславский 1984; Дмитровская 1985; Булыгина, Шмелев 1989; Иомдин 2006; Зализняк 2009].

Реплики: *Где уж нам! Куда уж нам!* — означают, что, ‘по мнению автора реплики, какое-л. событие, действие или вообще невозможно, или его невозможно осмыслить, представить, понять как возможное’. У этих клише есть общее значение ‘невозможности’. Употребление их в качестве реплик непонимания имеет частный характер. Частица *уж*, а также использование местоимения множественного числа для обозначения одного лица создают иронический эффект.

Реплики-клише непонимания, как было сказано выше, маркируют сбой в коммуникации. Непонимание в диалоге может возникнуть случайно либо вследствие определенных речевых стратегий Говорящего или Слушающего. Говорящий может сознательно затемнять смысл сказанного, Слушающий — использовать реплики непонимания не только «по прямому назначению», но и чтобы выразить несогласие с Говорящим, протест против его речевых действий⁴. В любом случае, сбой в коммуникации означает временную утрату общего языка, которую могли бы характеризовать свойственные слову-концепту *непонимание* метафоры препятствия (*стена, тупик, завеса, барьеры, рифы*)⁵.

Сбой в восприятии речи собеседника Говорящий либо устраняет, либо усиливает. Соответственно после реплики непонимания развитие ситуации может идти по разным направлениям: а) Говорящий уточняет, дополняет, проясняет, обосновывает сказанное — диалог и тема продолжают; б) Говорящий не реагирует на реплику непонимания ответным речевым действием, создавая условия для перехода к другой теме — диалог продолжается, меняется тема (– *Неважно. Проехали!*). Реплика непонимания может обозначать резкое неприятие Слушающим того, что сказал Говорящий — обсуждаемую тему закрывают, диалог заканчивается (*Нет общего языка; Не о чем больше говорить*). Диалог, таким образом, либо продолжает развиваться в духе кооперативного взаимодействия собеседников, либо оно прекращается / приостанавливается. Внутри диалога во втором случае возникают смысловые лакуны, пропуски, пустоты (ср. словосочетание: *вопрос повис в воздухе*).

Анализ фрагментов диалогов⁶ показал, что стратегии собеседников могут быть следующими: 1) Говорящий имеет намерение быть

⁴ О концептуальной близости *непонимания* и *конфликта* см. [Брагина 2009]. О конвенционально выражаемом неодобрении во фразе *Я этого не понимаю* см. [Зализняк 2009: 550].

⁵ Подробно о слове-концепте *непонимание* и его коннотативном фоне см. в [Брагина 2009].

⁶ В работе использовались материалы Национального корпуса русского языка.

понятым; Слушающий хочет его понять; 2) Говорящий не стремится, чтобы его поняли; Слушающий хочет его понять; 3) Говорящий имеет намерение быть понятым, Слушающий не готов его понять; 4) Говорящий сомневается в том, что Слушающий способен понять ситуацию, Слушающий иронически соглашается.

В первом случае кооперация (стремление обоих собеседников достичь понимания) сохраняется, во втором — ее нарушает Говорящий, в третьем — Слушающий, в четвертом — оба партнера по коммуникации либо не стремятся к кооперации, либо она основывается на обмене ироническими репликами. Данные ситуации типичны, они обуславливают появление в диалоге реплик непонимания.

Непонимание Слушающего проявляется преимущественно в двух формах, которые могут быть синкретичными: непонимание содержания реплики и / или коммуникативного намерения. Возможны также ситуации непонимания собственно логики высказывания, способа оформления мысли. Такие ситуации возникают, если в предшествующей реплике используется неизвестный / неясный Слушающему ассоциативный ряд, либо культурный код, либо не поддающееся угадыванию / расшифровке иносказание. Таким образом, возможны ситуации непонимания того, о чем говорится, за чем говорится и как оформляется мысль.

Реплики непонимания либо стимулируют Говорящего пояснить сказанное и соответственно служат продолжению диалога, либо просто выражают отрицательную оценку речевого поведения Говорящего — диалог может прекратиться. Рассмотрим примеры речевых ситуаций.

1. Говорящий имеет намерение быть понятым⁷. Слушающий хочет его понять

В ситуации, когда оба собеседника настроены на диалог и понимание, возможны два типа реакций. Реплика-непонимание относится к содержанию предшествующей реплики либо к коммуникативному намерению Говорящего. Используются такие клише: *Не понял(а)! Не пойму я тебя / вас!* Пунктуационные знаки, оформляющие клише, вариативны⁸.

---

⁷ Здесь объединены ситуации, когда Говорящий не затемняет сознательно или бессознательно смысл сказанного. Его речевая стратегия направлена на понимание. Он выражается достаточно ясно. Если Слушающий демонстрирует непонимание, то Говорящий может разъяснить сказанное или не разъяснять его, полагая, что оно не требует уточнений. Он сказал то, что хотел / считал нужным. Вопрос адекватного восприятия — это проблема Слушающего.

⁸ Об этом см. ниже.

1.1. Непонимание содержания реплики Говорящего

Причин непонимания предшествующей реплики может быть несколько: ее неполнота; ее неоднозначность; скрытый намек либо неожиданная мысль, заключенная в ней. Обратимся к более подробному анализу.

1) Недостаточная информативность предшествующей реплики Говорящего. Реплика может иметь логический пропуск (эллипсис), быть слабо аргументированной. Слушающий оказывается не в состоянии самостоятельно восстановить логический пропуск, восполнить аргументацию. Реагируя на непонимание собеседника, Говорящий легко восполняет информационный пробел, ср.:

(1) — Так СС... — Какого рожна тебя туда занесло? — Да по молодости... — **Не понял...** — **Чего тут понимать?** Тебе в уши чуть не с рождения дуют: цвет нации, цвет нации, а потом война — из вермахта посылки так себе, а из СС — вся семья не только прокормиться может, но и полакомиться. Я и пошёл (М. Карпов «Список Визенталья»).

(2) Нам принесли еду и выпивку. — **Тогда пожелай нам удачи...** Смотри, в меню «котлеты» через «а»... — **Не понял?** — **Я ведь заехала проститься.** Если ты не согласен, мы уезжаем одни. Это решено (С. Довлатов «Заповедник»).

(3) **А я побоялась сделать из этого выводы!** [1]. **Не поняла!** [2]. Вдруг тебе [тее] опять не понравится / но сейчас [ща] не я предложила... Конечно / давай. Когда [Када] / куда? (Телефонный разговор)

2) Неоднозначность предшествующей реплики Говорящего. Реплика может быть исходно многозначной и допускать различные интерпретации. Слушающий затрудняется в выборе правильной интерпретации. Реагируя на непонимание Слушающего, Говорящий конкретизирует сказанное, ср.:

— **Вы жутко опасный человек.** — В нетрезвом состоянии? — **Я говорю не о том.** — **Не понял.** — Полюбить такого, как вы, — опасно (С. Довлатов «Заповедник»).

3) Предшествующая реплика Говорящего содержит намек. Слушающий либо затрудняется в восприятии подтекста (скрытого намека), либо делает вид, что не догадывается о его существовании, демонстрируя соответственно истинное / притворное непонимание, ср.:

— **Правда бывает одна**, — ласково улыбнулась я, — **правдивая, остальное — ложь!** — **Чего-то не пойму я вас!** — проямлил Алик (Д. Донцова «Микстура от косоглазия»).

Употребление неопределенного местоимения *что-то* с глаголом *понять* будущего времени 1 лица с отрицательной частицей *не* показывает, что Слушающий догадывается о существовании скрытого смысла в реплике Говорящего. Похожую роль выполняют предложения: *Не пойму, куда вы клоните, / на что намекаете, / что имеете в виду, / о чем собственно идет речь...*

4) Предшествующая реплика Говорящего содержит неожиданную важную мысль. Слушающий оказывается застигнутым врасплох. Он затрудняется в восприятии сказанного, так как ранее эта мысль не приходила ему в голову, либо сам ход мысли оказывается для него в данный момент недоступным. Реплика непонимания показывает, что в момент речи он совершенно не готов осознать то, что сказал Говорящий. Осознание, возможно, придет позже. Этот случай с некоторой долей условности можно отнести к спонтанному непониманию, имея в виду, что оно здесь не осложнено протестом, отказом, не опосредовано никакими эмоциями, кроме, вероятно, удивления⁹. Ср.:

(1) — **Хе! Да потому-то и идет за меня, что наверно за мной нож ожидает! Да неужто уж ты и впрямь, князь, до сих пор не спохватился, в чем тут всё дело?** — **Не понимаю я тебя.** — **Что ж, может, и впрямь не понимает, хе-хе!** Говорят же про тебя, что ты... того (Ф. Достоевский «Идиот»).

(2) **вдруг уставился на него Смердяков, но не то что с презрением, а почти с какою-то уже гадливостью, — это что суд-то завтра начнется? Так ведь ничего вам не будет, уверьтесь же наконец! Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь.** — **Не понимаю я тебя... чего мне бояться завтра?** — **удивленно выговорил Иван, и вдруг в самом деле какой-то испуг холодом пахнул на его душу** (Ф. Достоевский «Братя Карамазовы»).

Этот тип непонимания встречается у героев Ф. М. Достоевского¹⁰. Сама мысль Говорящего выражена предельно ясно: «Объектом понимания являются не внешние черты, а те не ясно семиотизиро-

⁹ О связи между непониманием и удивлением см. [Шаронов 2002].

¹⁰ Анализ понимания / непонимания в текстах Ф. М. Достоевского дан в работе [Арутюнова 2005].

ванные смыслы, которые они в одно и то же время скрывают и выражают» [Арутюнова 2005: 4].

В повседневной речи сходный тип непонимания также встречается, например: — *Да не любит она тебя. Просто хочет развлечься...* — *Не понял, как это развлечься?* — *А так это. Живи проще. Нельзя ко всему относиться серьезно...*

Таким образом, реплика Говорящего ставит Слушающего в затруднительное положение. Он не способен самостоятельно восстановить логический пропуск, выбрать правильную интерпретацию, воспринять скрытый намек, осознать с ходу неожиданную мысль. Все эти затруднения маркируются репликами непонимания.

В первых двух случаях — реакция на неполноту и неоднозначность — реплики непонимания стимулируют продолжение диалога. Говорящий объясняет, что он хотел сказать / имел в виду. В ситуациях 3) и 4) — реакция на скрытый намек или неожиданную мысль — разъяснение необязательно. Диалог может менять направление, заканчиваться. Возможна пауза при переходе к другой теме. Говорящий не чувствует в себе внутренней необходимости что-то объяснять. Он сказал то, что хотел, и так, как хотел. Эту ситуацию можно представить клишированными формами: — *Как прикажете Вас понимать?* — *Понимайте как знаете.*

1.2. Непонимание коммуникативного намерения Говорящего

Непонимание коммуникативного намерения Говорящего вызывает у Слушающего желание прояснить позицию: делают ли ему замечание или комплимент, обвиняют ли его и т. д. После реплики непонимания (*Не понял(а)! Не понимаю я тебя / вас!*) следует уточняющий вопрос. При этом Слушающий подозревает Говорящего в том, что он в скрытой форме выразил свое (критическое) отношение к нему лично, либо к чему-то непосредственно с ним связанному. Непонимание может быть шутливым, оно (как правило) стимулирует продолжить диалог: Говорящий дает разъяснения, ср.:

(1) — Не смешно / **просто кто-то подстригать не умеет.** — **Не понял / здесь кто-то сомневается** в моих исключительных профессионально-подстригательных способностях? — В способностях нет / тем более исключительных / а вот меня слово профессиональные так маленько смущает / прямо [прямо] самую малость. (Домашний разговор, 2006. 11).

(2) **По теме Norb, по теме! Norb, 2005.11.27 21: 08. Не понял... это замечание? ?? чтот не вьеду. ...** (Футбол — 2 // forumsport.ru, 2005).

(3) Хотите меня бейте, хотите режьте, но я считаю **склонность к ши-**

зофрении положительным качеством. Главное направить в нужное русло. :) Шакал, 2005.02.18 04: 18. Не понял... Это что, комплимент? Или повод для драки? Alfina, 2005.02.18 18: 29.

Таким образом, в ситуации, когда оба партнера по коммуникации намерены продолжить диалог, непонимание возникает незапланированно, т. е. случайно. Слушающий, как правило, получает необходимое разъяснение. Иногда он сам постепенно приходит к осознанию того, о чем ранее шла речь.

2. Говорящий не стремится, чтобы его поняли. Слушающий хочет его понять

Непонимание содержания, средств оформления реплики, коммуникативного намерения Говорящего

Непонимание может относиться к содержанию реплики, а также к тому, за чем и как что-либо говорится. Слушающий затрудняется адекватно воспринять: а) интенцию Говорящего (пример 1)¹¹; б) содержание реплики (пример 2); в) средства ее оформления (пример 3). Это затруднение в диалоге обозначено репликами: *Не понял(а)! Не пойму я тебя / вас..., ср.:*

(1) Так лучше? — А почему тогда поздний, — искренне удивился я. — А потому (пауза), что в предыдущей истории я была ранним ребенком — для разнообразия. (7) — Чудная ты какая-то, — не выдержал я, — не пойму я тебя. — А зачем тебе это? (М. Головановская «Противоречие по сути»).

(2) Он шуточно сказал: — Недаром древние говорили, — и в конце пребывает начало. Она наморщила лоб, видимо, вдумываясь в его слова, потом рассмеялась, сказала: — Не поняла (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

(3) И она добавила: — Терпеть, вертеть, видеть, ненавидеть, обидеть! Ты эти глаголы проходил в школе? — Не понял, — ответил на это Сила. — Ну вот, вот это всё завтра и будет! (Л. Петрушевская «Маленькая волшебница»).

(4) [Таня]. Просто у меня был один... один знакомый. Его тоже звали Семен Семенович. [(Вдруг пристально посмотрела на него.)] Слушайте, а может быть, это вы и есть? [(Снова засмеялась.)] Фу, чепуха какая...

¹¹ Рассматриваемые ниже примеры в значительной мере синкретичны, поэтому абсолютно четкое разделение на непонимание интенции, содержания и средств оформления реплики, как кажется, провести невозможно.

[Васин] [(недоумевая)]. **Что-то не пойму я вас.** [Таня]. **Вот и хорошо** (А. Арбузов «Таня»).

Смысл реплики Говорящего затемнен. Высказывание выражено в иносказательной, образной, алогичной форме, что создает препятствия к пониманию. Непонимание возникает при несовпадении культурных кодов собеседников (пример 2), либо когда Говорящий частично переключается с внешнего на внутреннего адресата, как бы участвуя в двух параллельно ведущихся диалогах (пример 4). Внутренний диалог обращен к самому себе: своему прошлому, воспоминаниям, мыслям, чувствам. В нем есть напряжение мысли, чувства. Внешний диалог не согласован с внутренним. Слушающий оказывается как бы выключенным из него, он кажется ему бессмысленным, и как реакция на эту ситуацию — реплики непонимания. Они показывают, что нить разговора потеряна и Слушающий испытывает недоумение, оценивая речь собеседника как странную, непредсказуемую.

В примерах (2; 3) непонимание предполагает продолжение диалога: правила вежливости и кооперативного поведения требуют от Говорящего разъяснения. Это требование, однако, не является жестким. В примерах (1; 4) у Говорящего нет стремления к кооперации, что приводит к прекращению диалога либо к перемене темы.

Таким образом, в ситуации, когда Говорящий не стремится к тому, чтобы быть понятным, его собеседник оказывается в роли неполноправного участника диалога. Его озадачивает способ оформления мысли Говорящего. Диалог переключается из «прямого» обмена репликами, что предполагает их непосредственное восприятие, в «косвенный»: Слушающий пытается проникнуть в суть сказанного. Если у него это не получается, то с помощью реплик непонимания он выражает свое недоумение. Смысловая затемненность диалога создает эмоциональное напряжение, игровую ситуацию, погружает слушателя в состояние неопределенности, инициирует догадку.

Говорящий произносит реплики себе / для себя, предоставляя Слушающему возможность недоумевать, удивляться, переспрашивать, пытаться расшифровать сказанное.

3. Говорящий имеет намерение быть понятным. Слушающий не готов его понять

3.1. Непонимание содержания реплики Говорящего

Непонимание возникает вследствие того, что предшествующая реплика содержала новую неожиданную информацию, к которой Слу-

шающий испытывает некоторое недоверие и не готов ее принять. Реплики непонимания: *Не понял(а)! Не пойму я тебя / вас!* — могут обозначать протест, несогласие, недоверие Слушающего к сказанному¹².

Поскольку Говорящий хочет, чтобы его поняли, непонимание стимулирует продолжение диалога, ср.:

(1) — Чего? Ну что за шутки? — Свадьбы не будет. — Я не понял / что значит / свадьбы не будет? — Я не могу. Костя / ну пойми меня / пожалуйста («Питер FM»).

(2) — Город есть такой, — две тысячи верст отсюда, и хлеб там больно дешевый. Говорил Мишка спокойно, по-хозяйски, как большой настоящий мужик. Мать смотрела удивленными глазами. — Болтаешь, что ли — не пойму я тебя! (А. Неверов «Ташкент — город хлебный», кинофильм).

(3) — Да пошел он. — Не понял. А героин? — Кабан сказал / что на первое время деньги понадобятся («Жмурки», кинофильм).

(4) — Ты что [че] думаешь / я из этой байды пить стану? — Не понял. — Мне здоровье мое дорого («Жмурки», кинофильм).

3.2. Непонимание коммуникативного намерения Говорящего

Реплики непонимания: *Не пойму я тебя / вас! Не понимаю я тебя / вас!* — используются как эвфемизмы несогласия, неприятия, осуждения речевой позиции и поведения Говорящего. Они могут означать: 'Я не готов(а) смотреть на эту ситуацию твоими глазами / стать на твою позицию / принять твою стратегию, так как не считаю ее правильной. Она вызывает у меня неприятие'. По своему прагматическому воздействию они оценочны и могут поддерживаться другими репликами, например: *Лишнее на себя наговариваешь. Что ты ломаешься!*¹³. Высказывание Слушающего становится развернутым. Кроме того, показателями конфликтности ситуации в текстах выступают: а) описания жестов Слушающего: *качая головой*; б) слова и словосочетания, интерпретирующие эмоциональную составляющую, характер произнесения высказывания: *непривычно резко, добавил жестко, рассердился вдруг*¹⁴. Ср.:

¹² В отличие от ситуации, когда предшествующая реплика Говорящего содержит неожиданную важную мысль, к восприятию которой Слушающий оказывается не готовым (1.1., пример 4), здесь Слушающий все воспринимает адекватно, но в нем формируется негативное (как правило) отношение к тому, что и как говорится.

¹³ Примеры см. ниже.

¹⁴ Подробнее об этом см. ниже.

(1) Проклятый я человек, Аглаида! Нет мне прощения... — **Не ладно ты говоришь**, Кирилл, — ответила Аглаида, качая головой. — **Не пойму я тебя што-то. Лишнее на себя наговариваешь. Не сужу я тебя, а к слову сказала** (Мамин-Сибиряк «Три конца»).

(2) — **Он так и у нас что-нибудь утащит!** — Ну, считай, что нет у тебя больше племянника! — **непривычно резко** сказал Павел Илларионович. Помолчал и добавил жестко: — **Не понимаю я тебя иногда, Анна... Не попрощавшись ни с кем, отец ушел на работу. — Ну что я такого сделала?!** — вслед ему кричала Пашкина мать (А. Мишарин «Белый, белый день»).

(3) — Ведь ты бы ее не тронул? Пощадил бы? Ну, если бы она тебе сказала: возьми меня, но только дай мне два рубля, — что бы ты сказал ей? — **Не понимаю я тебя, Женька!** — рассердился вдруг Гладышев. — **Что ты ломаешься! Какую-то комедию разыгрываешь!** (А. Куприн «Яма»).

Непонимание необязательно стимулирует продолжение диалога. Возможны разные сценарии: диалог может быть закончен; продолжен; перейти в конфликт.

4. Говорящий сомневается в том, что Слушающий способен понять ситуацию. Слушающий иронически соглашается

Речевые клише непонимания: *Где уж нам / мне; Куда уж нам / мне!* — передают ироническое согласие Слушающего с Говорящим. При этом предшествующая реплика Говорящего имплицитно или эксплицитно выражает сомнение в том, что Слушающий понимает / способен понять ситуацию. Она может содержать вопрос, в котором Говорящий пытается выяснить, догадывается ли его собеседник, о чем собственно идет речь (пример 1), либо она заключает утверждение, что Слушающий не понимает ситуации (примеры 2, 3). Ответная реплика Слушающего — это ироническая реакция на сомнение Говорящего. Она, как правило, поддерживается другими репликами. Хотя диалог может продолжаться, но сами реплики иронического непонимания его не стимулируют. Ср.:

(1) — **А ты не догадываешься?** — Нет. Где уж нам, провинциалам! — Просто в этих стенах можно спокойно говорить. Здесь не слушают (А. Белозеров «Чайка»).

(2) ... **Вам ведь не понять, что чувствует женщина, когда ее понастоящему любят ... никогда не понять ...** — Да где уж нам ... —

ерническим тоном произнес Максим. — Мы — существа грубые, одноклеточные, руководствуемся животными инстинктами (Э. Володарский «Самоубийца»).

(3) Она. «**А вот этого ты не поймешь!**» Он (вдруг заводясь). «**Куда уж мне! Я всю жизнь слышу, что я не пойму чего-то, невероятно тонкого, таинственно женского. Я слышу это от всех, начиная с жены**» (Э. Радзинский «Я стою у ресторана»).

В репликах иронического непонимания присутствует оценка речевых стратегий Говорящего, а также содержания самого высказывания. Реплики иронического непонимания могут сопровождаться словесным автошаржем Слушающего. В нем он как бы с позиции Говорящего представляет мнение о себе: *провинциал* (пример 1); *существо грубое, одноклеточное, руководствуется животными инстинктами* (пример 2); *не понимает чего-то, невероятно тонкого, таинственно женского* (пример 3). В диалоге возникает ироническая оценка.

Вербальные и невербальные средства, сопровождающие реплики непонимания. Реплики непонимания, как правило, имеют эмоциональное, жестово-мимическое сопровождение. В литературных текстах оно передается с помощью интерпретирующих предикатов (*не выдержал он*) и комментариев (*вдруг заводясь*). Перечислим некоторые эмоциональные и паралингвистические характеристики, согласующиеся с репликами непонимания.

Сопровождающие эмоции. Выражая непонимание, человек: удивляется (удивленно выговаривает); недоумевает; возбуждается; теряет терпение; начинает сердиться, заводится, не выдерживает.

Характер произнесения реплики: начинает мямлить; говорит жестко; произносит что-л. ерническим тоном; начинает смеяться.

Жестово-мимическое сопровождение: морщит лоб; смотрит удивленными глазами; качает головой, усмехается, ухмыляется, лукаво щурится, вздыхает, долго смотрит.

Этикетные формы: уходит, ни с кем не попрощавшись.

Стиль общения. Реплики непонимания могут сопровождаться оценочными словами: *чудной (-ая), чудак / чудачка, странно*.

После иронических реплик непонимания: *Где уж мне / нам; Куда уж мне / нам* — обычно следует ироническое самоуничижительное уточнение: *провинциалам; дурачкам; маленьким; мы существа грубые, одноклеточные, руководствуемся животными инстинктами; народ мы темный, мужики*. Иронические реплики непонимания могут сопровождаться усилительной частицей *да*: *Да где уж нам*.

Реплика *не пойму я [вас / тебя]*¹⁵, сформировавшаяся на основе инверсии, часто сопровождается неопределенным местоимением *что-то*¹⁶, а также показателями истинности, служащими ее усилению: *честное слово, честно говоря, честно сказать, ей-богу*. После реплики *не понимаю я [вас / тебя]* может следовать апеллатив: — *Не понимаю я тебя иногда, Анна... — Не понимаю я тебя, Женька!*

Вариативность интонации, с которой произносятся реплики непонимания, на письме отражается с помощью различных пунктуационных знаков.

Не понял: точка; многоточие; вопросительный знак; восклицательный знак; многоточие, за которым следует вопрос.

Не пойму я [вас / тебя]: точка; восклицательный знак. В составе сложного предложения после реплики может стоять запятая, перед репликой — тире.

Не понимаю я [вас / тебя]: точка; многоточие, после которого идет вопрос; запятая, за которой следует апеллатив и многоточие / восклицательный знак.

Где уж мне / нам; Куда уж мне / нам: восклицательный знак, точка, многоточие.

Непонимание в нарративе и в речевых репликах. Анализ речевых реплик непонимания показывает, что у них есть совпадающие и различающиеся черты со словом-концептом *непонимание*.

Имплицитные характеристики *непонимания*, позволяющие использовать его как эвфемизм *разногласия, конфликта, несогласия, отказа*, выражаются также и в репликах непонимания. Реплики непонимания, равно как и слово-концепт *непонимание*, могут употребляться с неопределенными местоимениями (*что-то не пойму я...*). Для них это, однако, менее показательно. Волитивное непонимание, т. е. *непонимание*, которое отождествляется с невозможностью / неготовностью принять что-л. (*быть за пределами понимания, выше понимания*), находит выражение и в репликах непонимания.

С другой стороны, некоторые свойственные концепту *непонимание* характеристики системно не соотносятся с репликами непонимания. Это — сгущение отрицательной оценочности в сочинительных конструкциях (*непонимание, ярость; непонимание и несвобода; непонимание и унижение* и др.); оценочные коннотации 'одиночество',

¹⁵ В квадратных скобках дается факультативная позиция.

¹⁶ Об этом см. выше.

‘отчужденность’; экзистенциальное непонимание ¹⁷ (*непонимание жизни, красоты, своего народа*).

Реплики непонимания служат развитию диалога. Они чаще используются, чтобы стимулировать прояснение сказанного, и реже закрывают тему обсуждения, либо собственно диалог. Вероятно, диалог, настроенный в целом на понимание ¹⁸, придает непониманию статус «преодолимого» препятствия.

Вместе с тем паралингвистические характеристики, сопровождающие реплики непонимания и отраженные в литературных текстах, показывают, что непонимание отрицательно воздействует на человека. Оно приводит его в состояние растерянности, некоторой агрессивности, недоумения, т. е. в определенном смысле выводит из русла плавного течения диалога и обмена репликами. Возможно, более детальное сопоставление концептуальных и прагматических характеристик *непонимания* поможет полнее охарактеризовать этот феномен.

Заключение. Семантическое описание реплик непонимания предполагает учет разных стратегий Слушающего, например: *Не понял(а)!* — ‘я жду от тебя (вас) дальнейших разъяснений’; *Не пойму / не понимаю я тебя / вас!* — ‘ты (вы) вызываешь (-ете) у меня недоумение, удивление, осуждение’; *Где / Куда уж мне / нам [понять]!* — ‘иронически соглашаясь с тобой (с вами), я фактически возражаю тебе (вам)’. Выражаемая с помощью клише прагматика непонимания существенно дополняет ту картину, которая получается при анализе концепта непонимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2005 — Арутюнова Н. Д. «Палка о двух концах»: к проблеме семантической редукции в текстах Достоевского // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64, № 2. С. 3–14.
- Арутюнова 2007 — Арутюнова Н. Д. Невыразимое — подвластно ли пониманию? // Вопросы культуры речи. Вып. 9. М., 2007.
- Богуславский 1984 — Богуславский И. М. Понимать // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского

¹⁷ См. также [Арутюнова 2007].

¹⁸ Об этом, в частности, свидетельствуют и метафорические сочетания, образуемые словом *диалог*.

- языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. *Weiner Slawistischer Almanach*, Son. 2. 1984. С. 623–633.
- Брагина 2009 — *Брагина Н. Г.* «Отраженная» семантика отрицательных имен: концептуальное слово *непонимание* // *Логический анализ языка. Ассерция и негация* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2009. С. 529–543.
- Булыгина, Шмелев 1989 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1989. С. 31–54.
- Дмитровская 1985 — *Дмитровская М. А.* Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // *Вопросы языкознания*. 1985. № 3.
- Зализняк 2009 — *Зализняк Анна А.* О семантике непонимания // *Логический анализ языка. Ассерция и негация* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2009. С. 544–556.
- Иомдин 2006 — *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // *В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева* и др. *Языковая картина мира и системная лексикография* / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 517–612.
- Шаронов 2002 — *Шаронов И. А.* «Удивительная» эмоция // *Московский лингвистический журнал*. Т. 6. № 1. М., 2002. С. 81–105.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

НЕСКАЗАННОЕ, НЕИЗРЕЧЕННОЕ И НЕИЗГЛАГОЛАННОЕ

Рече-поведенческие тактики
выражения невыразимого *

Нижеследующие разыскания¹ имеют как конкретное, так и общетеоретическое значение.

С одной стороны, предполагаем проследить за бытованием в христианской книжности топоса благовещенского диалога-спора (между архангелом Гавриилом [сокращенно: АГ], девой Марией [ДМ] и обручником Иосифом); данная конкретная тема имеет самостоятельный научный интерес². С другой стороны, хотелось бы выяснить, возможно ли в диалоге продвинуться в постижении «непостижимого» (τὸ ἀκατάληπτον) и выражении «невыразимого» (τὸ ἀνεῤῥήτευτον), какие для этого должны быть выполнены условия и какие соответствующие рече-поведенческие тактики способны привести к успеху.

Реальность феномена невыразимого свидетельствуется обиходным языком; ср. бесконечные номинации: *несказанное, неизреченное, невыразимое, неизглаголанное, неопишемое, неуловимое, неизъяснимое, неисповедимое, непередаваемое, невоплотимое*, а также (в другой модальности): *непознаваемое, неместимое, неведомое, недоступное, неисследимое, непостижимое, запредельное, немыслимое, потустороннее* и т. д. Философы предложили термины: *мистическое, таинственное, трансрациональное, трансдефинитное*,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 09-04-00358а «Остромирово евангелие как наиболее характерный Кирилло-Мефодиевский источник».

¹ Статья представляет собой расширенную версию одноименного доклада, прочитанного на конференции «Моно-, диа- и полилог в различных языках, веках и культурах» (26 мая 2008 г.).

² В Благовещении совершилось таинство, превышающее всякие границы человеческого сознания, — Боговоплощение. Диалог посвящен осознанию этого сверхъестественного события.

металогическое, антиномичное и т. д. Поэзии и мистики настойчиво говорят о невозможности изречения неизречаемой мысли³: «Ненареченному хотим название дать» (В. Жуковский); «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев), «О том поведать не могу я / На ежедневном языке» (А. К. Толстой) и т. д.

Итак, в статье исследуются две темы; отсюда ее двухчастная форма.

I

Минейное последование за 25 марта. Богослужебные последования, как правило, сочиняются по единообразному образцу. Однако что касается Благовещения, то на этот двенадесятый праздник стихиры и песни канона написаны не по шаблону.

В чем состоит отличие? Во-первых, благовещенские стихиры и канон содержат (в весьма объемном текстовом корпусе) записи диалогов трех лиц, а временами исчерпываются диалогом. Во-вторых, если говорить о богослужебном каноне, то здесь многие тропари сопряжены попарно (как вопрос и ответ), тогда как обычно тропари характеризуются атомарностью, т. е. не зависят друг от друга. Наконец, в-третьих, участники диалога-спора упорно стоят на разных, временами противоположных, позициях, так что дискурс, какова бы ни была субъективная установка автора, иллокутивно свелся к тому, что в нем отразилось противоборство и лишь в меньшей степени прославление двенадесятого праздника.

Ср. начало канона⁴:

[Ὁ Ἄγγελος] Βοῶ σοι γηθόμενος, κύνων τὸ οὖς σου καὶ πρόσχες μοι,
[ἄγγελ] Вопи̑̀ тебе̑̀ веселѣ са, приклонн̑̀ о̑̀хо твое̑̀ њ вонн̑̀ мн̑̀,

θεοῦ καταγγέλλοντι, σύλληψιν ἄσπορον,
б̑̀ж̑̀е̑̀ возвѣща̑̀нц̑̀ безс̑̀ѣм̑̀ное̑̀ зачат̑̀е̑̀:

³ О поэтической восприимчивости к невыразимому отлично написал С. Л. Франк в монографии «Непостижимое» (М., 1990): «...быть поэтом значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное. Поэт боится обычных людских слов» (с. 5).

⁴ Авторство греч. канона приписано Иоанну Дамаскину (ок. 660 — ок. 750), но форму, которая в употреблении и сегодня, канон приобрел во второй половине IX в. Слав. перевод был выполнен, скорее всего, в первой половине X в., и версия этого перевода представлена в современной обиходной служебной минее за март, из которой и черпаются соответствия.

εὔρες χάριν γάρ, ἐνώπιον Κυρίου,
ὠβερβλά βο εἰὴ ἐλγοδάτῃ πρεῖ ἐβῶμα,

ἦν εὔρεν οὐδέποτε, ἄλλη τίς Πάναγγε.
εἶζε ннкогдаже ὠβερβте дрѣгѣла, веечѣла.

[Ἠθεοτόκος] Γνωσῆτω μοι Ἄγγελε, τῶν σῶν ῥημάτων ἡ δύναμις,
[εἶα]⁵ Да разѣмѣю, ѡгге, твончѣ глагѣлаз еиѣ,

πῶς ἔσται ὁ εἶρηκας; λέγει σαφέστατα,
κάκω εἰδεται, εἶζε μέκλαз εἰὴ; глаголи ѡбественѣише.

πῶς συλλήψομαι, Παρθένος οὔσα Κόρη;
κάκω зачнѣ, дѣа еѣци ѡтпроковница;

πῶς δὲ καὶ γενήσομαι, Μήτηρ τοῦ Κτίστου μου;
κάκω же н мѣн еѣдѣ знжднѣла моегѡ;

Как следует из слов АГ, благовестуется зачатие ребенка, но не замужней женщине и не девушке, готовой к браку (что было бы «нормально»), а девственнице, которая, по преданию, дала обет вечного целомудрия. Таково противоречие (1)⁶: выражаясь по-современному, человеку сделано предложение, которого он заведомо не может принять. Кроме того, далее, (2) благовестуется зачатие не обычное, а бессеменное, т. е. без участия мужа. Такого за всю историю человечества не бывало ни разу, так что перед нами еще одно противоречие. Как можно поверить обетованию невозможного? Наконец, (3) говорится об участии бесплотного Бога в зачатии ребенка по плоти; таково новое противоречие: между бесплотным и плотским мирами имеется непреодолимое средостение.

Соответственно, ДМ задает ангелу вопросы, которые вскрывают именно противоречия. (1) «Как зачну, будучи девой?» В греч. тексте номинации девственницы представлены два раза: παρθένος и κόρη — полные синонимы («дева, девица, девушка, невеста»). (3) «Как могу быть матерью Того, кто создал меня (т. е. Бога)?».

⁵ В некоторых изданиях роли расписаны с присоединением глагола: «ангел возопи» и «Богородица рече». Такая практика делает возможным устное произнесение ремарок.

⁶ Реплики, интенции и речевые тактики диалога пронумерованы (для настоящего раздела статьи — сплошь) арабскими цифрами в круглых скобках.

Что же касается (2) бессеменного зачатия, то недоуменный вопрос содержится в иных тропарях, в частности, в 1-м тропаре 5-й песни:

[Ἦθεοτόκος] Νοεῖν σου οὐ δύναμαι, τῶν λόγων τὴν ἀκρίβειαν,
[ѣца] Разумѣти не могу твонѣх словѣзъ нзвѣстїа:

θαύματα γὰρ γέγονε πολλάκις,
чдегѣ бо быша мнозицею,

θεία δύναμι τερατουργούνενα,
бгѣственною гнїю чдодебїствдема,

σύμβολα καὶ τύποι νομικοί,
знаменїа н ѡбразы законїи:

τέτοκε Παρθένος δέ, ἀπειράνδρος οὐδέποτε.
роднї же дѣа неникдоумдженѣ никогдѣже.

ДМ, как было сказано раньше, не находит прецедента: не бывало такого, чтобы ребенок зародился «без участия мужа» (неникдоумдженѣ). Раз такого никогда не было, значит, и не будет (а это в свою очередь значит, что обетование ложное). Кроме того, никогда не случилось, чтобы рожала — дева, девственница, не утратившая ключей девства (роднї же дѣа никогдѣже); отсюда еще одно основание для недоверия.

И далее в благовещенском каноне (и в стихирах) Деве Марии отводится роль обличителя подобных же противоречий в речах АГ. (4) «Не искушаешь ли меня, подобно тому, как змий искусил пра-мать Еву?» (5) «Как человеческое естество вынесет примесь божества?» (6) «Как Беспредельный вместится в малое пространство?» (7) «Как Невидимый станет зримым?»

Когда АГ получил поручение сообщить ДМ о бессеменном (безмужном) зачатии младенца, то, согласно одной из стихир, он и сам какое-то время сомневался в реальности обетования⁷ («Како в вышних непостижим сый от девы раждается и во утробу вмещается?») и даже искусительно откладывал исполнение порученного. Когда же АГ тем не менее сообщил ДМ благую весть, то услышал в ответ: (8) «Странно есть слово твое и воззрение, странны твои глаголы и возвещение». Более того, ДМ отправила благовестника вон, усомни-

⁷ Далее выписки производятся дипломатически — гражданским шрифтом, с заменой литер, без ударений.

лась в его намерении и понизила бесплотного до человеческого уровня: (9) «Отиди далече, не прельстиши, человече».

Как известно из Евангелия, в ответ на недоуменные вопросы («Како будет сие, идеже мужа не знаю?») АГ дал объяснение: «Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя» (Лк 1: 34–35), но, если судить по богослужебному последованию, сомнения ДМ не развеялись: она указала на известные по Танаху (Ветхому Завету) случаи, когда аналогичные обетования оказались ложными и привели к катастрофе. Такова рече-поведенческая тактика⁸, к которой прибегла ДМ, оставшаяся в сомнении, а именно: (10) ссылка на негативные прецеденты. ДМ реализовала общую РП-тактику во множестве конкретных речений: например, (11) «Не прельстиши, якоже прежде Еву праматерь змий лстивый». Назовем еще несколько РП-тактик, выражающих сомнение, обозначив их типичным речением: (12) «этого не может быть!»; (13) «почему именно я?»; (14) «почему я должна верить?»; (15) «говори яснее!»; (16) «каково твое намерение?» и т. д.

АГ в свою очередь использует набор убеждающих РП-тактик и ссылается на: (17) прообразовательные образы Танаха (в перетолковании); (8) собственные полномочия; (18) возможность чудес; (19) непостижимость решений Божества; (20) недостаточность человеческого разума; (21) важность не разумения, а доверчивости/веры и т. д.

Благовещенский кондак Романа Сладкопевца. Надо сказать, что топос диалога-прения АГ с ДМ отнюдь не является уникальной чертой служебной минеи IX в. Напротив, он восходит к глубокой традиции.

В частности, точно такой же диалог и в столь же развитом виде содержится в кондаке Романа Сладкопевца (ум. ок. 540) на Благовещение [Sancti Romani 1963: 280–289; Romanos le Mélode 1965: 20–41]. Кондак (как жанр) является предшественником богослужебного канона, и он является, собственно, метрической проповедью с припевами (одной синтагмы). Романов кондак на Благовещение состоит из 18 больших строф, и большая часть текста занята диалогом. Так, в 5-й строфе читается: εἶπε γὰρ ὅτι «οὐδὸν βαστάζεις καὶ τίκτεϊς», καίτοι ἄνδρα οὐ γινώσκω [...]. Ἄρα ἀγνοεῖ ὅτι παρθένος εἰμί «Сказал, что (22) “понесешь и родишь сына”, хотя я — мужа не знаю [...]. (23) Разве тебе неизвестно, что я дева?». Неприятие благовестия оказалось столь решительным, что ἀκούσας Γαβριὴλ τῶν τῆς παρθένου ἡμάτων, πρὸς ἑαυτὸν ἐτάραχθη «выслушав слова Девы, Гавриил в себе уstraшился».

⁸ Далее сокращенно: *РП-тактика*. Наша концепция РП-тактик изложена в кн.: [Верещагин, Костомаров 2005: 517–824].

Согласно кондаку Романа, под конец в диалог вступает еще один персонаж — праведный обручник Иосиф. Его сомнения развеиваются с трудом, и не случайно на православных иконах Рождества Христова он так и изображается — «в сомнении».

Благовещенская гомилия Иоанна Златоуста. Романов кондак — это лишь звено в цепи традиции. Метрический кондак с представленным в нем топосом диалога-спора, если двигаться по времени вспять, восходит к прозаической проповеди на Благовещение, сказанной примерно за полтора века до Романова кондака другим отцом Церкви — Иоанном Златоустом (ок. 347–407) (начальные слова: Βασιλικῶν μυστηρίων ἑορτήν ἑορτάσωμεν σήμερον; Цѣскнхъ тѣинъ прѣзднѣмъ днѣсь)⁹. Хотя эта гомилия по итогам научной критики текста и причисляется к *Spuria*, она, несомненно, является важным феноменом христианской книжности: для нее характерна широкая циркуляция.

В частности, она присутствует уже в древнейшем славянском гомилетическом сборнике — т. н. Супрасльской рукописи (сокращенно: *Супр*) (XI в. [Супр: 237–243]). Правда, начало гомилии в источнике утрачено, так что части диалога между ДМ и АГ в рукописи нет. Кроме того, древний перевод выполнен не совсем исправно, поэтому непосредственное восприятие читателем слав. текста (т. е. восприятие без постоянной опоры на греч. оригинал) временами объективно невозможно.

Для настоящего исследования, однако, нужен внятный текст. Поэтому в дальнейшем мы исследуем версию Благовещенской гомилии по старопечатному Прόлогу¹⁰, в котором, однако, представлен перевод, отличный от версии Супр.

Коллизия возникла сразу, как только АГ произнес свое приветствие: {I}¹¹ к ней же посланъ вѣсть архѣггъ гавріилъ вопѣ, радѣи сѧ

⁹ Публикацию см.: PG, vol. 60, 755–760. Гомилия имеет надписание: Εἰς τὸν εὐαγγελισμόν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου (In annuntiationem sanctissimae Deiparae).

¹⁰ Краткую историю происхождения и бытования (славянского) Прόлога см., например, в кн.: [Верещагин, Костомаров 2005: 871–872]. Первопечатный Прόлог был опубликован в 1642 г. (первая половина) и в 1643 г. (вторая половина). Ниже мы его цитируем по добросовестной допечатке начала нашего века, в колофоне которой сказано: **Нынѣ же препечѣтасѧ во всѣмъ согласнѣ со Ѡною древлепечѣтною книгою вторымъ тисненѣмъ въ хрѣтѣанской тѣпографѣи, при Прешвращѣнскомъ богадѣленномъ домѣ, въ Москвѣ, въ лѣто зѣкг (= 1915 г.).**

¹¹ Цитируемые фрагменты Благовещенской гомилии нумеруются римскими цифрами в фигурных скобках.

вѣрадованнаа. она же возведши са на глаголющаго зраше, видѣнню же оубо зрака егѡ дивлаше са, а словеса своєю совѣстїю премолчаше, кое сѣ цѣлованїе глаголеши, страннымъ гласомъ оудивлаеши мѧ вѣщаа, или обычаа не свѣси цѣлоующихъ, или искъшаеши мѧ, аще оудобъ льстїма есмь. еже бо реци радѣи са, общее слово естъ всѣхъ цѣлоующихъ. а еже реци радѣи са блгодатнаа, дивна естъ всѣда, паче же обѣщавшимъ са блгочтїю, и чїстымъ житїемъ жити. Если бы явившийся АГ, природу которого ДМ поначалу не признала, сказал: Χαїρε (радѣи са), то он удержался бы в рамках речевого узуса. АГ, однако, (24) прибавил окличку: Κεχαριτωμένη (вѣрадованнаа или, как вариант, блгодатнаа), и ее-то ДМ с осуждением назвала — не вслух, а про себя — (25) страннымъ гласъ и дивнаа (т. е. удивительная) всѣда. Всѣ, что «странно» и «удивительно», (26) вызывает подозрения. ДМ заподозрила АГ, что он или не знает обычая приветствия (обычаа не свѣси цѣлоующихъ), или же хочет проверить, (27) не склонна ли она поддаться искушению (аще оудобъ льстїма есмь). Это искушение, будь оно верно, сугубо мерзостно, потому что ДМ дала обет постоянного целомудрия (чїстымъ житїемъ жити).

На последней догадке ДМ утвердилась, и ее лицо обнаружило признаки гнева. Она потребовала, чтобы пришедший человек (а она все еще не усмотрела, что перед ней ангел) немедленно вышел из ее дома: {II} тѣмъ же лютымъ лицемъ и гнѣвнымъ ѡкомъ, [...] рече, [...] глаголющи емоу, ѡиди, ѡиди члче ѡ предзверїи моихъ [...]. мно бо прельстїти мѧ хочещи іако же смїа еввѡ, мѧтерь бывшу всегѡ мїра. не превдолбеть бо мѧ добрѡта твоегѡ зрака совѣстѣ, юже кз вѣрѡчникѡ моегоу имамъ. и да же старецъ не прїидеть, вѣжи ѡ моегоу домѡ, и ѡиди ѡсюдѡ, да не повѣнъ воудеши. ревнивъ естъ старецъ [...]. аще ли тѧ оузритъ старецъ прїшедъша, и сїа словеса ко мнѣ вѣщѡюща, ихъ же человѣческое естество не вмѣстїтъ, и себѣ прївѣрѡщещи скорѡвь, а мнѣ печаль и скорѡвь, и сѣтованїе. Как видим, ДМ примерила к себе (28) ситуацию, в которой оказалась праматерь Ева, поддавшаяся на уговоры змия (прельстїти мѧ хочещи іако же смїа еввѡ). Кроме того, ДМ поставила себя (29) на место любой молодой особы, особенно обрученной старику, которую, по житейскому опыту, доброзачный юноша (добрѡта твоегѡ зрака) вполне способен обольстить. Чтобы побудить пришельца удалиться, ДМ прибегла к уловке и даже (30) угрозе наказанием: она безосновательно назвала обручника ревнивцем, который, застав парочку наедине, расправится с юношей (вѣжи ѡ моегоу домѡ, [...] да не повѣнъ воудеши), а затем доставит много горя также и обручнице (прївѣрѡщещи [...] мнѣ печаль и скорѡвь, и сѣтованїе).

Как видим, до сих пор РП-тактики, которых держалась ДМ, входили в состав вполне житейской ситуации — полностью понятной и способной быть выраженной на обиходном языке. Однако, в вышеприведенном тексте {II} все-таки есть намек на предмет последую-

щего диалога о невыразимом, на (31) словеса, *и́хъже челоуѣческое е́стество не ѡмѡститъ*.

Действительно, АГ сказал о том, с чем человеческое естество Марии не могло смириться, а именно: {III} *сѣ за́чнеши сѣа, [...] Она́ же къ немѡу рече, не соу́щъ бракъ, не оу́ черто́га¹², то ѡжели рѣтѡ. [...] аще что хощеши, возми и ѡиди, а без ѡма е́гоже не вѣси, не прорица́й. ѡбаче аще и зачнѡу сѣа, вса́кѡ ѡ́ иѡсифа*. Возражения касаются трех обстоятельств. Если нет плотского брака, — а ДМ обещала вечно хранить девство, — то, по законам естества, (32) возможно ли родить (ѡжели рѣтѡ)? Имеешь ли ты, дерзновенный, (33) полномочия, чтобы говорить о подобном (без ѡма е́гоже не вѣси, не прорица́й)? Наконец, если и предстоит родить, то (34) в законном браке (аще и зачнѡу сѣа, вса́кѡ ѡ́ иѡсифа).

Иосиф (согласно традиции, плотник) имел невысокий социальный статус, поэтому АГ возразил: (35) *не льсти себѣ, сѣи воудетъ вели́къ, а ДМ, возражая, еще раз (36) напомнила о своем статусе: {IV} какъ вели́къ, ѡвѡручникъ мой сѣлау нищъ е́сть. азъ же сѣлау оубо́га, и имѣнѣа нѣсть оу́ наю, сѣлз не имема, рода нѣсма вели́ка. [...] молчи молчи, не ѡвѣща́й ми тацѣхъ словесъ. [...] нынѣ из домъ меогѡ иза́бзи, да не оуслышитъ иѡсифъ, и возвеститъ иерѣмъ¹³, и азъ лишити сѣ имамъ сѡжитѣа и любвѣ, а твою главоу теслоу ѡсѣчетъ. понѣже ѡ земныхъ ми бесѣдѡеши, и предъ дѡвѣрми клѣти моеа стоиши*. Примечательно, что и на сей раз ДМ, продолжая не узнавать собеседника, (37) усомнилась в праве АГ на благовестие (молчи молчи, не ѡвѣща́й ми тацѣхъ словесъ). ДМ снова (38) отправляет ангела вон (нынѣ из домъ меогѡ иза́бзи) и (39) угрожает ему, как прелюбодѣю, гибелью (твою главоу теслоу ѡсѣчетъ)¹⁴. ДМ определенно думает, что АГ делает ей непристойное предложение и прямо-таки ломится в дом (ѡ земныхъ ми бесѣдѡеши, и предъ дѡвѣрми клѣти моеа стоиши).

После этого диалог с бытовой плоскости переводится в область непознаваемого и невыразимого. АГ отчасти (40) упрекает ДМ, что она, несмотря на все усилия с его стороны, никак не уверует: {V} *не вѣрѡеши ми мѣншихъ, и не хотѡщи прѣати ймаши ва́щышихъ, снъ вышнѡгѡ наречѣт сѣ. [...] плотьскѣхъ ради и бесплѡтныхъ, снъ вышнѡгѡ наречѣт сѣ*. ДМ в ответ (41) задает первый метафизический вопрос: {VI} *с нѣсз ми же*.

¹² Имеется в виду *θαλαμος* «брачный покой/чертог».

¹³ С этого слова начинается сохранившийся текст Супр. Для примера приводим несколько строк этого начала: *жрѣцемъ. и мнѣ вѡдетъ страда-ти подору́жнѣа и вола своѣа. а твоѡхъ шнѣхъ брадвнѣхъ отъсѣкнетъ. къ семѡу на земли ми бесѣдѡуеши и прѣдъ дѡвѣрми клѣти моеа. а съ небесе затъ ѡвѣштаваеши ми при-вестн. то коѡ истъство небеснъныхъ брака желѣе. вса небеснѡа доухѡе сѡтъ бес-пльти*.

¹⁴ *Σκέλαρον-тесла́* — «обоюдоострая, с двумя лезвиями секира».

ниха приводиши. то кое естество женьско брака нѣнагѡ вѣмѣстити мѡжетъ. какѡ бесплѡтныи сѡ плѡтїю примѣсїти сѡ имѡть. [...] Ὡκοῦδ' ἴματ' οἴα ἴμ' ἔτι ραждάεμιν. По мнению ДМ, (42) земная женщина не может родить «Сына Вышнего», поскольку (43) плотский и бесплотный миры — несоизмеримы. Стало быть, откуда все-таки у ребенка возьмется отец?

И здесь АГ сообщает о чем-то совсем небывалом. Оказывается, что предстоящее рождение сына с последующим кормлением младенца материнским молоком (44) не приведет к утрате «врат девства»: {VII} ἴз чрева твоегѡ ἰзыдетъ, ἰ вратъ не вредитъ, ἰ дѣвства не погѣбиши, ἰ подоиши ρождѣнагѡ. Перевод — совершенно точный: ἐκ μήτρας σῆς ἐξελεύσεται, καὶ τὸν πυλῶνα οὐ παραθλίψει, καὶ τὸ εἶναι παρθένοσ οὐκ ἀπολέσεις, καὶ θηλάσεις τὸ ἐκ σοῦ γεννώμενον. Таково, в устах наиболее авторитетного отца Церкви, изложение одного из важнейших теологуменов христианского богословия — (45) о приснодевстве Богоматери¹⁵. Теологумен покоится на знаменитом пророчестве Исаии относительно рождения Мессии от Девы (Ис 7: 14)¹⁶.

Далее АГ говорит о двух линиях происхождения ребенка — (46) божественной и человеческой. Согласно пророчеству, богомладенец должен (по матери) принадлежать (47) роду царя Давида: {VIII} ἰ ἱакѡ бѣа ἰсповѣси ἰсшѣдшаго ἰсѡ тебе. ἰ на рѣкоу понесѣши младѣнца. ἰ на херѡвѣмѣхъ ἐгѡ ὄзриши сѣдѡща ἱакѡ вышна ἰхъ соѡца. ἰ дастъ ἐμοу гдѣ бѣъ рѡтолъ дѣда оца ἐгѡ.

АГ имеет в виду, что младенец будет принадлежать роду царя Давида, а ДМ, вероятно, подумала, что речь идет об отцовстве некоего современного ей Давида. Таким образом, ей кажется, что она (48) поймала АГ на невольном противоречии: {IX} Речѣ же дѣаѡ, ἰ не хотѡщѣ ти бесѣдами своими оубѡзѡѡлѣ еси, оустѡ твоѡ на тѡ глѡтѣ, ἰ глѡ твоѡ вѡанчѡютъ тѡ. пѣрѡѣ сегѡ глѡше, сѡз вышнагѡ наречѣт сѡ ρаждάεμιν, нѣѣ же глѣши сѡз дѣѡвѡ. чтѡ еѣтъ слово сѣ. едѡ хѡщѣши моѡ мыслѣ прельстїти. то котѡромѡ ти словесѣ имамъ вѣрѡ ἱати, пѣрѡмѡ ли, ἰли вторѡмѡ. ДМ все еще полагает, что (49) перед ней оболъститель (хѡщѣши моѡ мыслѣ прельстїти).

Через некоторое время она еще раз возвращается к той же теме и получает ответ: {X} ἰзвѣстѡ мѡ рцы, какѡ ἰ сѡз вышнагѡ, ἰ сѡз дѣѡвѡ

¹⁵ Непринятие этого теологумена ведет к анафеме: *Дерзѡущимъ глаголати, ἱакѡ прѣчѡѡ дѣа мѡѡ не быѣтъ прѣжде рѣтѡѡ, вѡ рѣтѡѡ ἰ по рѣтѡѡ дѣа, ἀνάδεμα, τριжды. См.: [Последование 1904].*

¹⁶ По благочестивому церковному преданию, в тот момент, когда явился АГ, ДМ читала именно этот стих пророка Исаии. На некоторых иконах Благовещения изображена книга, открытая на этом пророчестве.

раждаемыи ѿ мене, ѿже гл҃еши воудеть на земли безъ оца, какъ дѣда оца еси изрѣкаш. Рече же аг҃глъ, первѣ оувѣждь, тогда же и при сѧ. егда ти рекоу, снзъ вышнагш, роди выи сѧ безъ стр҃ти прѣжде ѿ оца. егда же рекоу снзъ дѣдовъ, зане ты еси ѿ сѣмене дѣдова рѣхъ. Здесь подкупает неподдельная разговорная интонация (50) горячего спора: *первѣ оувѣждь, тогда же и при сѧ* (Πρώτον μάνθανε, καὶ οὕτως ἀντίλεγε). АГ сообщает, что, поскольку имеющий родиться — сын Бога, рождение его, в отличие от родов всех других женщин, (51) будет безболезненным (безъ стр҃ти; ἀπαθῶς). Он сообщает также, что младенец (по импликации: во исполнение пророчества о Мессии) с материнской стороны действительно (52) будет снзъ дѣдовъ, поскольку сама ДМ принадлежит к числу потомков царского дома.

Далее АГ предлагает еще один теологумен — (53) о бессмертии отрока, которому предстояло родиться: *дасть емоу гдѣ бг҃ъ прѣолозъ дѣда оца егѡ, и цр҃ствію егѡ не воудеть конца*. В ответ ДМ выразила обыденную убежденность, что (54) никто из рожденных женами смерти не избежал (по импликации: и ее сын не избежит): {XI} *ни единъ же обциѧ кончины оувѣжалъ. но всѣхъ преставалетъ влѧ, на всѧ находитъ смѣрть, всѧ имѡтъ червѣ извѣсти. никто же ѿ цр҃ей вратъ адовыхъ прешелъ, всѣхъ во гробѣ влюдетъ. никто же прейде мрежи егѡ, никто же извѣжа сѣтѣи егѡ. ни сѧзлъ первыи ѡбновыи цр҃кѣи вѣнецъ. ни дѣдъ тавленыи рогомъ, и достѡинъ цр҃тва нареченъ. ни самѡнъ оцѣмъ оцъ, елемъ помазавыи достѡйнаго. ни соломонъ премѡудрыи ѡбличыи ѧкѡ мечемъ ажю. ни езекиѧ ѡбращенъ слезами ѡвѣта смѣртнагш. то какъ снзъ мой воцр҃ит сѧ в вѣкъ*.

В ответ АГ излагает теологумен об Иисусе Христе — (55) единственном победителе смерти: он «уморит смерть» по отношению не только к самому себе, но и к другим людям: {XII} *ѡвѣщавъ же аг҃глъ, се во естъ предивнш ѿ дѣо, ѧкѡ всѧ оумроша, а твои снзъ повѣдити имать смѣрть. мертвецѧ воздвигнетъ. гробы ѡверзетъ. адова врата сокровитъ. многѧ тѣлесѧ оусѡпшихъ воскреситъ. ѿ вѣсмертнагш во рожденъ вываецъ, оуморитъ смѣрть*.

Более того, АГ сообщает, каким образом осуществится зачатие без участия мужчины, а именно: (56) через слышание слова: {XIII} *то ѡже к томѡ не невѣрѡи ѡ немъже глаголю. оѡже въ твоѡ чрево сѧдохмъ вшедъ, твоегѡ чрева ѡбновленіе творѧ*.

Наконец, завершая диалог и покидая Деву, АГ открывает, кто он такой, а поскольку он — (57) посланник Бога, к его словам надлежит отнестись (58) с доверием: {XIV} *то ѡже приимши во извѣщеніе словеса моѧ, сохрани. азъ во рабъ тогѡ есмь, егѡ же имашаи оузрѣти, ѧкѡ бг҃ѧ дѣлающа в тебѣ. и сѧ аг҃глъ к ней словеса изрѣкаш, ѡиде ѿ неѧ*.

И здесь автор гомилии вступает в противоречие с Евангелием: после ухода ангела, ДМ, как она представлена у Иоанна Златоуста, все-таки осталась в сомнении. {XV} *Она же ѡста помышлѧше, повѣда*

ти ли сѣ іуѡсифови, илѣ скрѣю ꙗ́че тѣи́нѡ сѣю. ѡ́ще ли солга́лъ боудѣтъ прише́дѣи, почтѡ ꙗ́зыкъ стѣречѣ на сѣ по́щѣию. Сделано, как видим, недвусмысленное допущение, что (59) ангел может солгать: ѡ́ще ли солга́лъ боудѣтъ прише́дѣи (εἰ ἐψεύσατο ὁ ἐλθών). И только когда признаки беременности стали несомненны, ДМ уверилась окончательно. Примечательно, что ДМ, готовясь к материнству, (60) оставалась девой; ср. свидетельство обручника Иосифа: лице́ дѣче (ἡ ὄψις παρθένου), оу́строєніе дѣче (ἡ κατάστασις παρθένου), о́чи дѣчи (οἱ ὀφθαλμοὶ παρθένου), смѣ́хъ дѣчы (ὁ γέλως παρθένου), все́гда дѣча (ὁ λόγος παρθένου), а́ чрево не дѣче, но ма́терне (καὶ ἡ κοιλία οὐ παρθένου, ἀλλὰ μητρός).

Когда Иосиф, отыскивая естественные обстоятельства, потребовал, чтобы ДМ указала на отца ребенка, то Дева в ответ воспроизвела аргументы АГ, а именно: (61) отца невозможно отыскать, но ребенок — (62) не сирота; (63) в ее чреве пребывает «прежде денницы рожденный», т. е. Вторая ипостась Пресв. Троицы. Ср.: {XVI} Непорочнаа же дѣва восплакавши сѣ рече, ѡ́ще семоу́ отроча́ти о́ца ищєши, не ѡбращєши нико́ли же. ѡ́ще ли сѣро мнѣиши є, и ѡ́ томъ блазніши сѣ. [...] чрєва оубо смотрѣши, а́ не помышлѣши и́з чрева прєже денни́цы ѡ́ о́ца рожденнаго и в нємъ водворѣюща сѣ. Конечно, это суждение, согласно обиходному опыту, противоречиво: если отца невозможно найти, то, значит, он скрылся и оставил сына сиротой, а сиротство ребенка Дева отрицает. Именно так (64) судит Иосиф: Рече́ же іуѡсифъ, мѣ́риє, не оу́мѣши ли ни понє л҃гати, ка́къ мо́жетъ ни сѣръ быти, ни о́ца имѣти.

Чтобы переубедить Иосифа, ДМ не видит иного способа, кроме как призвать в свидетели АГ и опереться на его авторитет: {XVII} гдѣ́ нѣѣ єсѣи вѣщѣавѣи мѣ́ радѣи сѣ. в коємъ мѣ́сте водворѣши сѣ. [...] дондеже прише́дъ и́звѣстиши іуѡсифъ, чѣ́и снъ сѣй є́сть и҃граи в ложе́снѣхъ моѣхъ. не терплѣю бо старца́ рѡпчюща и скорбѣща. а́ ты в коємъ мѣ́стѣ мѣ́диши, не вѣдѣ, прѣидѣи, и за ма́ ѡвѣщѣаи ємоу́.

Как известно из Евангелия, АГ пресек намерение Иосифа тайно отослать ДМ от себя и (65) авторитетно сообщил ему, кто отец ребенка. Однако в гомилии Иоанна Златоуста АГ продолжает свою аргументацию и под конец, как бы подытоживая, приводит целую серию лапидарных (по смыслу — взаимоисключающих, но принимаемых по вере) словосочетаний¹⁷: {XVIII} не бо́и сѣ глѣ іуѡсифе полѣти мѣ́рию жєноу́ своєю. (66) не о́бєщєніємъ бо врачным, но смотрєніємъ радѣи вѣ́иныхъ тѣи́нъ, жєноу́ твоею́ глѣю. вѣ́си бо о́ца, тѣ́м же (67) о́ца на землѣи не и́щи, ни на́

¹⁷ Эти логически несовместимые пары слов не являются ветхозаветными прообразами Богоматери (как купина, пылающая огнем и не сгорающая; роса небесная, сошедшая на Гедеоново руно; стамна, носящая небесную манну, и т. д.).

нѣсѣхъ мѣре. (68) кроми въ всакаго ѡсирѣнїа дѣтищѣ ѣсть. (69) ѣдинъ во ѡ ѣдинаго прѣжде вѣкъ роди са. тѣмже паки ѣдинъ ѡ ѣдиноа, ꙗко же вѣсть родити са ꙗмать. не ѡнывай ни скорби ѡ мѣри, (70) не пытай зачатїа и рѣтвѣ (μη περιεργάση τὴν θήκην, μήποτε ζημιωθῆς τὴν ἐνθήκην)¹⁸. нескверненъ во ѣсть сосѣдъ, не ѡскалано прїателнице, немоугтенъ алавастръ, (71) нескѣано рѣтво (ἄσπορος ὁ τόκος), (72) неврачна отроковица (ἀνύμφευτος ἡ κόρη), (73) нечертожна дѣа (ἄθαλάμειτος ἡ παρθένος)¹⁹, неискѡпанъ камень, затворенъ вертоградъ, (74) истѡчникъ запечатлѣненъ (ἡ πηγὴ ἐσφραγισμένη), (75) нѣва ненасѣлана (ἄσπορος ἡ χώρα), (76) лозѣ ненасаждена (ἀφύτευτον τὸ κλῆμα), (77) недомоислено ѣсть прижитїе (ἀνεπινόητος ὁ τόκος).

Под конец АГ приводит аргумент, основанный на житейском опыте и потому способный быть особенно убедительным: {XIX} или не вѣрѣши ми, сѣ глѡущѣ тѣ, вѣмене рѣтвѣ пожди. да ꙗще восплачет са, или постонетъ мѣри ꙗко же и прочїа жены, не члкъ, но бгъ ѣсть раждаемыи ѡ неа. По словам ангела, во время родов ДМ (78) не почувствует схваток, а после осуждения Евы их испытывают все прочїа жены без единого исключения²⁰. Эта безболезненность и будет знаком того, что (79) зачатие и рождество совершились не по естеству. В греч. тексте предикация, хотя и соответствует в общем предикации слав. текста, все же конкретно выражена противоположным образом: Καὶ ἐὰν δακρύση ἢ στενάξῃ ἡ Μαρία, ὡς αἱ λοιπαὶ γυναῖκες, ἀνθρώπος ἐστὶ, καὶ οὐ Θεός, ὁ ἐκ Μαρίας γεννώμενος «Если Мария будет плакать и стонать, как и прочие женщины, то рожаемое от Марии — человек, а не Бог».

Послетаких слов Иосиф не мог не признать (80) безосновательность своих сомнений: {XX} ѡвѣщавъ же ѡсифъ, ꙗще сѣ сице ѣсть, ꙗко же ты прорече аггле, тѣ възсѣю шаташа са ꙗзыцы, и людїе подчїна са тщѣтнымъ. Примечательно, что, сославшись на известный стих из Псалтыри (2: 1), выражающий склонность рода человеческого полагаться на «тщетное» (земное) знание, Иосиф признал свои сомнения общечеловеческими. (Обычный человек не может вместить, например, чтобы Бог воплотился и тем более вместился в девичью утробу, не нарушив печатей девства.)

Евангельское повествование. Евангельский эпизод Annuntiatio nativitatis Christi имеется в апокрифическом Протоевангелии Иакова (гл. XI) и в Евангелии от Луки (1: 26–38).

¹⁸ Обратите внимание на игру ключевых слов в греч. оригинале.

¹⁹ Ср. θάλαμος «брачный покой/чертог» и θαλαμείω «вводить в брачные покои». Таким образом, «нечертожная дева» — женщина, не входившая в брачную спальню, т. е. (перен.) не бывшая замужем.

²⁰ Ср. Быт 3: 16: «в болезни будешь рождать детей».

В Протоевангелии содержится несколько трогательных подробностей: ангельское приветствие застало ДМ у колодца²¹, и, услышав голос, она испугалась (ἐντρομος γενόμενη), укрылась в доме (εἰση'εί εἰς τὸν οἶκον) и, явно желая поскорее отвлечься, сразу же принялась за рукоделие²²; когда же ангел появился и в доме, она про себя (ἐν ἑαυτῇ) подумала, что ей дается (известное из Свщ. Писания: сверхъестественное, но не уникальное) обетование ребенка²³, которого она родит таким образом, (81) «как рождает всякая жена» (ὡς πασα γυνὴ γενναί.) [Synopsis 1978: 4].

В повествовании Евангелия от Луки также засвидетельствовано, что ДМ (82) не сразу приняла благовестие. В древнейшей восточнославянской точно датированной книге — Остромировом Евангелии — читаем: ²⁶въ шесты же мѣсцьѣ посланъ бѣсть англь гавриилъ отъ бѣѣ въ градъ галленскъѣ немуже нм назареѣѣ ²⁷къ дѣвцн обрженѣ мжжевно немуже нм носнфѣѣ отъ домоу н оубства дѣдова н нм дѣвнцн марна ²⁸н възшдъ къ ннѣн ангель рече радочн с благодатнага гѣ съ товоѣ блгсловаена тѣ въ женахъ ²⁹она же видѣвшн съмте с о словесн негоѣ н помышлалашѣ каково се бѣдетъ цѣлованнѣ ³⁰н рече англь кн не вон с марне обрѣте во благодать отъ бѣ ³¹н се зачѣнешн въ чрѣвѣѣ н родншн снѣ н наречешн нм немю нс ³²съ бѣдетъ велнкъ н сынъ възшныаго наречетъ с н дастъ немю гѣ въ прѣстола дѣда оца негоѣ ³³н възрѣнтъ с въ домоу ннаковн въ вѣкыѣ н црѣствоу него не бѣдетъ коньца ³⁴рече же марна къ англоу како бѣдетъ сеѣ нде мжжа не знаѣ ³⁵н отъвѣщавъ англь рече кн дхѣ стѣн нандетъ на т н сна възшныаго осѣннтъ т тѣмѣжеѣ н кеже роднтъ снѣ стѣ наречетъ с снѣ бжнн ³⁶н се еансавеѣ жжнка твоа н та заутъ снѣ въ старость своѣѣ н се мѣсць шестѣн кестъ кнѣ нарнцанѣмѣн неплодѣвн ³⁷іако не нзнѣможетъ отъ бѣ всакъ глѣ ³⁸рече же марна се раба гнѣ бѣдн мѣнѣ по глѣ твоюмоу н отнде отъ ннѣн ангель :—

Если в Протоевангелии ДМ сначала просто не поняла благовестника, но не решилась задавать вопросы, то в Евангелии от Луки, как видим, она (83) вступила в прямой диалог и (84) выразила резонное сомнение: ³⁴како бѣдетъ сеѣ нде мжжа не знаѣ. АГ упомянул о сверхъестественном воздействии (85), но как именно возможно (= как совершится)

²¹ Такова одна из композиций иконы Благовещения: Богородица почерпает воду из колодца и оборачивается к ангелу, несущему ветвь.

²² Такова одна из композиций иконы Благовещения: Богородица изображается с веретеном и красной пряжей в руках. По преданию, священники Иерусалимского храма поручили ДМ соткать облачение красного цвета на престол.

²³ За шесть месяцев до Благовещения подобное обетование тот же ангел Гавриил принес праведным Захарии и Елисавете (Лк 1: 11–20). Для дальнейшего заметим, что Захария не поверил в возможность рождения ребенка («ибо я стар, и жена моя в летах преклонных»), как не поверили столетний Авраам и девяностолетняя Сарра, когда получили известие о рождении сына (Быт 17: 17, 18: 12).

бессеменное (= без участия мужа) зачатие, причем зачатие Богочеловека, и как именно возможно рождение в сочетании с приснодевством, об этом в Евангелии не говорится. АГ, однако, указал на (неполный) (86) прецедент: праведная Елизавета, ужика ДМ, бесплодная на протяжении жизни и уже старуха, зачала сына невзирая на (87) бесплодие и (88) нечадородный возраст. Случай Елизаветы — сверхъестественный, но он становится в ряд с аналогичными случаями (например, рождением Исаака у 90-летней Сарры); случай Елизаветы — естественный, в том смысле, что родит она от мужа, т. е. «как рождает всякая жена».

Недоумение ДМ развеялось, на что, конечно, повлияли авторитет ангела и ссыла на прецедент; соответственно, она (89) приняла непостижимое: бѣднъ мѣнѣ по глѣбѣ твоѣмоу. АГ, видимо, сумел объяснить ДМ космическую тайну Боговоплощения, потому что авторитетности и прецедента, вообще говоря, недостаточно, чтобы ей согласиться на предложение, усомниться в котором было делом вполне законным. Как хранительница своего девства, она должна была вести себя таким образом, которым вела.

Итак, мы рассмотрели четыре звена в цепи бытования топоса благовещенского диалога-спора — от Евангелия к гомилии Иоанна Златоуста, от нее — к кондаку Романа Сладкопевца и, наконец, от него — к служебной минее IX в. Эта служебная минея находится в употреблении до сих пор (как у греков, так и у славян).

Не претендуя на полный охват материала, всего мы выявили (без малого) 90 единиц смысла — речений, интенций и РП-тактик.

II

Как видим, в конце концов АГ преодолел сомнения своего адресата.

АГ привел ряд прообразовательных событий и образов из Танаха. При этом он апеллировал к эрудиции и к разуму. Собственно, таков процесс рационального убеждения в обычном, бытовом диалоге.

В то же время АГ перечислил ряд парадоксальных суждений, непостижимых для разума. По отношению к таким феноменам допустимо говорить о состоянии *agnosíu*²⁴ («непознаваемости»): *ignoramus et ignoramibus*.

Рационально непостижимые суждения — при умелом изложении — тем не менее воспринимаются верой. Действительно, если в

²⁴ Ср. ἀγνοσία «незнание, неизвестность, невозможность познания». Использованием литеры *c* и ударения на предпоследнем слоге в термине *agnosíu* мы хотели бы отделить его от традиционного термина *agnózia*.

диалоге участвует человек, верующий в Бога, — а Бога он никогда не воспринимал в опыте и не может себе помыслить, — то такой адресат с самого начала по аналогии готов принять и те теологумены, которых нет в опыте и которые немислимы. Действительно, «бессеменное зачатие», в аспектах опыта и разума, невозможно, но если внушение — через посредство ангела — исходит от непререкаемого авторитета, то верующий — совершенно искренне — его «усваивает», т. е. делает своим и, соответственно, с ним внутренне соглашается. Об этом свидетельствует вся история богословских диалогов патристического периода. Так, по перлокутивному итогу, то «непостижимое», которое успешно благовествовал АГ и которое он перевел в категорию «иррационально постижимого», породило у глубоко верующей ДМ эмоциональное состояние религиозной убежденности (и согласия).

Но это состояние убежденности (преодоленной агносии), как правило, сопровождается переживанием «невыразимости» достигнутого непостижимого. ДМ, убедившись, что родит дитя без участия земного мужчины, не может вербально передать свою убежденность обручнику Иосифу. В таких случаях субъективно испытывается состояние аглоссии²⁵ («безъязычия»). Категория «невыразимого», будучи сопряженной с языком (пусть и в отрицательной модальности), является предметом ведения на первом месте лингвистов и лишь затем философов.

Аглоссия преодолевается тем, что собеседники не отказываются от попыток так или иначе выразить невыразимое. Любой мистик сначала заявляет, что не может сказать несказанного, а затем (адресуясь к другим) начинает говорить о своем состоянии. В этом процессе нет пополнения номинаций, но в ходе общения передача информации все-таки совершается.

За недопустимостью другого, мы обязаны предположить, что в таком случае информация передается не словами, а поверх слов, процессом общения как таковым, и успех коммуникации зависит от примененных РП-тактик.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.*

²⁵ Ср. ἀγλωσσία «неговорливость, косноязычие, неумение излагать мысли».

- Последование 1904 — Последование в Неделю православия. СПб.: Синодальная типография, 1904.
- Супр — Супрасълски или Ретков сборник / Изд. Й. Заимов, М. Капалдо. Т. 1. София, 1982; Т. 2. София, 1983.
- Romanos le Mélode 1965 — Romanos le Mélode. Hymnes. Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Grosdidier de Matons. Tome II // Sources chrétiennes, N° 110. Paris, 1965.
- Sancti Romani 1963 — Sancti Romani Melodi Cantica. Cantica genuina / Ed. by P. Maas and C. A. Trypanis. Oxford, 1963.
- Synopsis 1978 — Synopsis quattuor evangeliorum [...] edidit K. Aland. Stuttgart, 1978.

А. Г. Грек

ОБ АРХАИЧНОЙ ДИАЛОГИЧНОСТИ
СТИХОТВОРЕНИЙ-ДИФИРАМБОВ
ВЯЧ. ИВАНОВА

В дифирамбах — будь то древние образцы типа открытых в египетских папирусах Британского музея в 1896 г. [Иванов 1971, I: 816] или созданные современными поэтами в подражание древним — можно наблюдать «зачаточную» или «нарождающуюся» (выражение В. Н. Топорова) диалогичность. Лингвистический аспект изучения этой архаичной диалогичности как со стороны формы, так и в семантическом плане имеет двойную ценность. В диахронии диалогичность дифирамбов стоит, как и в загадках или даже в платоновском монологизованном диалоге, в самом начале (или приближенной к начальной точке) эволюции соответствующих форм и может быть противопоставлена более поздним формам диалога, вершинные явления которых можно видеть в творчестве Достоевского [Бахтин 1979: 186], в знаменитой «Переписке из двух углов» М. Гершензона и Вяч. Иванова [Иванов 1979: 383–415] или монологическом диалоге Ахматовой с Блоком [Топоров 2003]. Как факт языка поэзии XX в. стихотворные дифирамбы позволяют говорить о присутствии в современной культуре архаичных типов диалогичности. Разумеется, архаичный тип диалога не ограничен текстами данного жанра, но диагностическая важность этих текстов несомненна.

Творчество Вяч. Иванова — поэта-символиста, ученого и мыслителя-гуманиста европейского масштаба — располагает к наблюдениям над разными типами и формами диалога [Биbihин 1999; Котрелев 1999; Грек 2003, 2006: 395–408; Ковтунова 2006: 25–28, 41–42]. Стихотворения, созданные в жанре древних дифирамбов, в этом отношении представляют особый класс текстов и нуждаются в специальном изучении. Л. Силард, писавшая об орфической традиции в ивановских дифирамбах, обратила внимание на двусоставность «диалога» стихий в «Орфее растерзанном», «Океанидах» и «Огненосцах» и на соединение в этом жанре древнейших и более поздних построений хора [Силард 1999: 218]. Эти ценные наблюдения,

однако, имеют частный характер и не включены в круг идей и исследований о диалоге и диалогической речи, определяющих уровень современной науки и лингвистической поэтики в особенности. Диалогичность в дифирамбах Вяч. Иванова, наблюдаемая с формальной и смысловой сторон, т. е. преимущественно в лингвистическом плане, являет собой, как уже было отмечено, пример архаичной диалогичности, заключающей в себе, однако, преобразовательный момент в силу исторического «дрейфа» более ранних форм диалога. «Жизнеспособность» архаики и в этом случае определяется некоторыми свойствами современной культуры, располагающими к сохранению древнего, равно как и характеристиками самих архаичных форм, ассимилирующих в новых контекстах.

Вяч. Иванов — автор 4 оригинальных дифирамбических текстов¹, в которых он обращается к известным мифам, предлагая их как поэт-мифотворец не в самой распространенной версии. Лирико-драматическая природа дифирамба предопределяет развертывание мифологического сюжета по партиям, или «голосам», из которых обязательными являются «голос» хорега (чаще он же и главный герой мифа) — будь то царь Эгей, Орфей, Ганимед, Иерофант или Пифия-пророчица, — и партия хора, представленная в ивановских дифирамбах двумя или тремя полухориями. Таким образом, дифирамбы с их «голосами», говоря языком современной науки, представляют всегда двух или нескольких участников коммуникации, высказывающихся по поводу целого или его частей. Это уже само по себе служит основой диалога. Однако диалогические отношения в дифирамбах не сводятся к одному типу. Так, смена партий часто обнаруживает признаки: «присоединительного диалога» — именно так называл эту жанровую конструкцию С. Карцевский, связывая с нею происхождение «паратактических» структур (ср.: А: *Я пойду гулять* & В: *И я тоже*)². Вопросо-ответная диалогичность, послужившая основой для развития гипотаксиса, т. е. отношений по типу подчинения, тоже представлена в стихотворениях-дифирамбах, но в меньшей степени. Структурно-семантический анализ диалогичности в таком архаичном жанре, как загадка, привлекает внимание к эхо-

¹ В работе рассмотрены дифирамбы с разными голосовыми партиями: «Ганимед», «Гелиады» и «Орфей растерзанный» (IV отдел сб. «Прозрачность») «Огненосцы» (сб. «Cor Ardens»). О других дифирамбах, в которых речевые партии не выделены, см. [Плунгян 2010: 299].

² В рамках наблюдений над поэтикой грамматических категорий, в особенности категорий лица в текстах фольклорных жанров, об этом писал, ссылаясь на Карцевского, и Я. И. Гин [Гин 1996].

принципу в построении подобных структур [Топоров 2005]. Эхо-принцип реализуется как в загадках, так и в дифирамбах не только в форме «экстенсивного» повтора, но также повтора «интенсивного». При этом если первый, как пишет В. Н. Топоров, представляет собой путь расширения языкового высказывания за счет повтора синтаксической структуры, представленной в исходном высказывании, то второй, т. е. повтор «интенсивный», реализуется не в синтаксической структуре, легко замечаемой и быстро воспринимаемой, но интенирируется вглубь высказывания и как бы нарочито «вуализируется с целью представить “повторяющееся” подобное как различное, иное для сохранения необходимого разрыва и напряжения между обеими частями» [Топоров 2005: 607–608]. И присоединительный, и вопросо-ответный диалог могут строиться как по модели «экстенсивного» повтора, так и по модели «интенсивного».

В дифирамбах «присоединительная» связь партий часто сопровождается повтором «экстенсивного» типа. Это можно видеть на примере дифирамба «Гелиады», где сменяющие друг друга партии — каждой из трех Гелиад и их совместная хоровая — представляют короткие реплики, содержащие полный или почти полный синтаксический повтор, на который накладывается повтор лексический (или смысловой). См. один из фрагментов: — 1-я Гелиада: *Он погиб — и был прекрасен!* 2-я Г.: *Он погиб чрез дерзновенье!* 3-я Г.: *Тот бессмертен, кто погиб.*

«Экстенсивный» повтор в диалогических структурах текстов дифирамбического жанра может быть реализован и на уровне более обширных фрагментов, представляющих разные «голоса». Примером может служить заключительный фрагмент дифирамба «Орфей растерзанный», где партия Орфея заканчивается энергично-лаконичной структурой: *Мир — полн!* — а в начале следующей хоровой партии Мэнад эта же структура повторяется, и притом дважды, отличаясь от первого употребления лишь ритмико-интонационным рисунком и пунктуацией³:

ОРФЕЙ

В миг роковой
Услышь мой жертвенный завет:
Из волн
Встань свет!...

³ Что лишний раз подчеркивает эхо-образный принцип этого повторения.

(Солнце восходит)

Мир — поли!

МЭНАДЫ

Мир поли... Мир поли...

Вир волн! вир волн!

Ты не свой, ты не свой,

Орфей!... Эвой!

(Иванов 1971, I, с. 804)

Для дифирамба с господствующим в нем «присоединительным» диалогом или близким к вопросу-ответному характерно чередование «экстенсивного» и «интенсивного» повторов. Выше уже приводился пример «экстенсивного» повтора в дифирамбе «Гелиады», но в этом же стихотворении можно наблюдать и скрытый, завуалированный, «интенсивный» повтор, ср.:

ТРИ ГЕЛИАДЫ

О, Фазтон!

Пели тебе

Песни Сирен:

Веруй в свой сон!

Вверься Судьбе!

Будь дерзновен!

Мы — три сестры,

Мы — три судьбы,

О Фазтон!

Властен призыв,

Верен порыв,

Вечен твой сон!

ПЕРВАЯ ГЕЛИАДА

Он был прекрасен, отрок гордый,

Сын Солнца, юный Солнцебог,

Когда схватил рукою твердой

Величья роковой залог, —

Когда бразды своей державы

Восхитил у зардевших Ор, —

А кони бились о заставы,
Почуя пламенный простор! ⁴

(I, с. 798)

Здесь первая партия — Трех Гелиад — содержит сигналы адресованной речи, обращенной к Фазтону, а следующая партия Первой Гелиады о Фазтоне строится в нарративно-повествовательном режиме. Различие в способах представления одного и того же сюжета, содержания в этих партиях проявляется и на уровне образности, в синтагматике и типе конструкций. Именно это различие в изложении одного и того же мифа способно активизировать семантическую сферу, побуждая читателя к нахождению смысловых соответствий между компонентами обеих партий, типа: *Фазтон & отрок гордый, Сын Солнца, юный Солнцебог; Вверься судьбе! Будь дерзновен! & Когда схватил рукою твердой Величья роковой залог, // Когда бразды своей державы Восхитил у зардевших Ор'* и т. п.

В начале дифирамба «Орфей растерзанный», в отличие от конца с его «экстенсивным повтором», также наблюдается «интенсивный» повтор. Последний представлен повтором ключевых для партии Океанид смыслов: 'рассвет', 'зарождение дня', 'победа света', эхообразно повторяющихся в партии Орфея. В этом типе повтора участвуют также отдельные звуки, слоги, звукокомплексы, ср.:

ОКЕАНИДЫ

<.....>

И главы змей моих не ужалят
Твоей ноги, огнезвучный День!
Мириады уст тебя восхвалят,
Впивая следов твоих огнетень!

ОРФЕЙ

Миротворите звон волненья!
К вам путь ему заря мостит,
Кого безмолвьем исполненья
Мир, осветлен, благовестит!

(I, с. 802)

«Присоединительный» диалог в дифирамбах обнаруживает нарративное начало. В разных партиях и разных фрагментах дифирамбических текстов нарратив представлен в разной степени, занимая то

⁴ Вторая партия, состоящая из 5 строф, здесь приведена в сокращении.

пространные части текста, то сужаясь до отдельных стихов. Дифирамб «Гелиады», излагающий миф о Фаэтоне — его дерзновенном вознесении к отцу и гибели, отличается господством нарратива. См. начало:

ТРИ ГЕЛИАДЫ

Девы Солнца, Гелиады,
 Над зеленым Эриданом,
 Мы над пологом багряным
 Вечереющей зари,
 На могильном на кургане
 Слезы льем — нам нет отрады!
 Будут в чистом Эридане
 Наши слезы — янтари.

Наш отец, на колеснице
 Рыжеконной, скрылся, злобен,
 Там, где океан подобен
 Тяжкой крови черных ран.

<.....>

Мы рыдаем над полями
 Умирающей зари!

ПЕРВАЯ ГЕЛИАДА

Чу, в заревом огне
 Замер отзывный стон —
 Протяжный, унылый...
 То — лебедь над влажной могилой,
 Над Эриданом,
 В зареве рдяном,
 Кикнос пел белоснежный сон.

(I, с. 794–795)

К сигналам нарративности здесь, в первую очередь, относятся: локативы с субъектно-глагольными формами *Над... Эриданом*, *Мы над пологом... На могильном на кургане* *Слезы льем... Будут в... Эридане... Отец... скрылся... Там... Мы рыдаем... над полями... // ... в... огне замер... стон... Лебедь... над... могилой, Над Эриданом... В зареве... Кикнос пел...*⁵ Отсутствие прямой временной перспективы в чередовании этих форм отличает нарратив в текстах данного

⁵ Здесь вторая строфа приводится в сокращении.

типа. Так, хоровая партия Гелиад — это субъектно ориентированное повествование о дрящемся настоящем: оплакивание Гелиадами смерти Фаэтона включает нарративный фрагмент об отце, наказавшем Фаэтона, после чего сюжет снова возвращается к плачу. Следующий «голос» — 1-й Гелиады — обращен непосредственно к тому месту, где произошла гибель Фаэтона и которое наполнено ее символами (*стон, лебедь пел* и др.). Сочетание в этих партиях нарратива с ритуальным плачем, где субъектное и объектное начало не разделены и сливаются до неразличимости, свидетельствует о двойственности дифирамба: его близости к мифу и ритуалу — этим двум архаичным формам, взаимно хранящим «память друг о друге» и дополняющим друг друга как «непрерывное и дискретное» [Топоров 1988: 44].

Хоровая партия и отдельные голоса в дифирамбе обнаруживают связь, однозначная квалификация которой в грамматическом и смысловом отношениях может быть затруднительна. Такая связь ярко проявляется в фрагменте, где партия раздельно звучащих «голосов» Гелиад сменяется их хоровой партией. Отдельные «голоса» начинаются одной и той же синтаксической схемой, как бы изоморфной стихии, ее одинаковой множественности, ср.: (1) *Оттого что я вперяла В сон небесный взгляд прилежный. Оттого что воспаряла За мечтой недольних стран...* (2) *Оттого что я кормила В сердце замысел мятежный И, завидуя, стремилась Взор на быстрый Эридан...* (3) *Оттого что я хотела Встретить жребий неизбежный И из тесных уз летела За безбрежный океан.* «Внутренне», между собой, они связаны экстенсивным повтором, тогда как в их отношениях с хоровой партией проступают признаки «интенсивного» повтора и отношений по типу гипотаксиса, восходящих к вопросо-ответному диалогу⁶, ср.: *Оттого под тополями Плач творим мы, Гелиады, И из белых юных сеней Каплют слезы — янтари! <...>* [Там же: 796–797].

Принцип «наложения» «присоединительного» диалога, из которого возникла сочинительная связь, и вопросо-ответного, развившегося в гипотаксис, — одна из особенностей текстов дифирамбического жанра. Разумеется, «ответный» характер мо-

⁶ Если отдельные партии посвящены установлению причин и причастности каждой из Г. к смерти Ф., то хоровая партия содержит картину, последовавшую за гибелью Фаэтона, а ее синтаксис включает при существенном смысловом различии лишь формально сходный союзный элемент *Оттого* — *вм. Оттого что*. Общая схема отношений: причина (отд. голоса) и следствие (хор).

гут иметь все партии приведенного фрагмента, ибо все они отвечают на вопрос о случившемся и происходящем⁷. Однако этот вопрос (или серия вопросов) принадлежит за-текстовой позиции, следовательно, и реализуемая при его участии форма диалогичности является как бы более «внешней» и более опосредованной по отношению к рассмотренным.

Вопросо-ответный диалог — более сильная и «перспективная» форма диалогичности, как определяет ее В. Н. Топоров. Сама конструкция и смысл этой формы диалога, по словам ученого и мыслителя, «отсылают как к истокам и более ранним этапам этого явления, так и к дальнейшему его развитию, связанному со становлением новых его форм» [Топоров 2006: 395]. По Бахтину, вопрос уже предполагает «ответное понимание»⁸. Однако, кроме вопроса, существуют другие формы адресованной речи, располагающие к ответу. Это повелительное наклонение, обращение, 2-е лицо. Все они, включая вопрос и вопросо-ответные построения, как было убедительно показано И. И. Ковтуновой, обнаруживают в поэтических стихотворных текстах функциональную и семантическую специфику [Ковтунова 1986, гл. V]. Дифирамбическая поэзия в этом отношении не является исключением. Однако здесь на особенности поэтического диалога влияют также признаки жанра. Следует также заметить, что распределение форм диалогичности в разных текстах этого класса, как можно заранее предположить, будет неодинаковым.

Дифирамб «Ганимед», которым открывается IV-й раздел книги Вяч. Иванова «Прозрачность», отличается разнообразием структур, выражающих диалогичность. Весь текст состоит из трех партий Ганимеда — прекрасного сына троянского царя и нимфы, похищенного Орлом — птицей Зевса (или самим Зевсом), и двух хоровых партий: Долин и Высот. В первой партии Ганимеда герой, обращаясь к похитителю, просит отпустить его (2 формы повел. н., образующие кольцо) и одновременно пытается установить на основании доступных его зрительному, слуховому и тактильному восприятию признаков,

⁷ Ср. в дифирамбе «Гелиады» пример «удвоения» реплик этой диалогичности за счет цитирования субъектами самих себя: (1-я Г.): «*Брат!*» *я пела*: «*Будь прекрасен*». (2-я Г.) *Я*: — «*Держай!*» (3-я Г.) *А я*: — «*Погибни!*» и т. п. (Там же, с. 797).

⁸ Выражение М. М. Бахтина. Ср.: «Итак, всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т. д.» [Бахтин 1979: 247].

кто похититель (2 вопроса). Похититель, он же Орел и адресат речи Г., не отвечает на вопрошания и мольбу, не останавливается в своем действии, изображение которого дано в речи Г а н и м е д а. Ср.:

Пусти! меня
Ты держишь зачем
Охватом сильным?
Ты кто, незримый,
За мной шумящий
Бурей крыльев?
 Пусти на волю!

(I, с. 792)

О характере дальнейших действий Орла-похитителя становится известно из двух следующих партий Ганимеда: *Но могучие лапы Тесно нежат, Подъемлют, Подъемлют...* (1-я), *Пусти на волю В дол родимый! Темны снега, Душно в небе... Могилей дол Уходит бездонный* (2-я), *С тобой тону я, Черный челн!* [Там же: 792–793]. Но вместе с тем образ действий Орла предстает также в восприятии-интерпретации хоровых партий, см.: *О, Ганимед, в добычу Птице Зевса... О Ганимед, лелеет В жадных лапах клекчущий вор...* Действию, как можно видеть, в этом сюжете и представленных в нем формах диалогичности принадлежит основополагающая роль. Именно действие провоцирует диалогичность и определяет ее специфику, что лишний раз свидетельствует об укорененности дифирамба в ритуале, где отдается явное преимущество делу перед словом [Топоров 1988: 33–34]. Об этой укорененности архаичного дифирамба в ритуале писал и Вяч. Иванов, автор дифирамбов, усматривая в данном жанре «остатки дионисической лирики» и называя дифирамб звеном, соединяющим трагедию с первоначальным дионисическим хоровым «действием»⁹. Отсюда эквивалентность в дифирамбе слова и дела, действия, которые могут по-разному распределяться в рамках вопросо-ответных структур. В этом отношении дифирамбы обнаруживают близость к текстам загадки [Топоров 2005]¹⁰.

⁹ В «Примечании о дифирамбе», предворяющем публикацию в «Прозрачности» перевода Вакхилидова «Тезея» [Иванов 1971: 816], и в панорамном научном исследовании многообразных вариантов дионисийского ритуала [Иванов 1994].

¹⁰ См. о загадках, где вопрос представляет собой молчаливое указание на предмет, а словесный ответ реализует идентифицирующую функцию в свадебном обряде, в годовом и др. ритуалах [Топоров 2005: 592 и др.].

Дело как важнейшая характеристика похитителя определяет словесные реакции и состояния-установки похищаемого, т. е. Ганимеда. Эти реакции в разные моменты действий Орла, обуславливающих пребывание Ганимеда и похитителя в разных пространствах, очень различны: сначала это желание вырваться, сопротивление и страдание (*Пусти! Меня Ты держишь зачем? <...> Сильный орел, довольно Игр высоких! Долю мощь твою, страшный, ринь!*), затем страдание сменяется радостью¹¹ и согласным приятием нового, иного мира. В 3-й партии Ганимеда новое состояние похищенного, связанное с пространственным перемещением, переживается им уже как со-вместное с адресатом-похитителем, ср.: *Где я?.. где мы, Солнцеокий, Тихокрылый? В золоте морей всеодержных С тобой тону я, Черный челн!*¹² В рамках этого диалога субъект речи и главный деятель-адресат уже связаны отношениями идентификации, а не противопоставленности, антагонизма, контраста. И все же «опознающий» в о п р о с больше характеризует адресанта, тогда как о т в е т, несмотря на его формальную и коммуникативную принадлежность субъекту¹³, в смысловом и модально-оценочном планах почти целиком определяется а д р е с а - т о м, символизирующим божественное, трансцендентное, непрерывное. В этом отличие рассматриваемой здесь вопросо-ответной конструкции от аналогичной ей в 1-й партии Ганимеда, где вопрос и вербальный ответ на него: *А, ты — орел, Сильный! Растерзай эту грудь, Прекрасный сильный, Когтями острыми!* — целиком связаны со сферой субъекта речи, представляя собой «субъектно» ориентированный диалог, «внутреннюю речь» в понимании Л. С. Выготского [Выготский 1934: 279, 301] или «внутренний диалог» по Ковтуновой [Ковтунова 1986: 63–66 и др.].

Как было отмечено выше, хоровые партии дифирамба «Ганимед» содержат некоторую информацию о происходящем. По отношению к партии героя, «прошитой» вопросами о происходящем, «голоса» хоров проясняют, уточняют происходящее, дополняя то, что стано-

¹¹ Хотя это радость, удерживающая трагическое ощущение.

¹² Восприятие земли в этом новом, божественно-золотом пространстве иное, диаметрально противоположное тому, каким оно было в самом начале похищения — см. семантически близкие эпитеты земли: *темная, тесная. <...> Темны снега, Душно в небе... Могилой дол Уходит бездонный.* В последней партии *родимый дол*, откуда был похищен юный Г., воспринимается им как то место, связь с которым еще сильна, поэтому он просит: *Дай мне взглянуть На темную землю, На тесную землю, Мой орел!*

¹³ Здесь как бы воспроизводится ситуация внутренней речи.

вится известным и самому герою. Это позволяет видеть в них также признаки «ответной» конструкции, ср.:

(1) О, Ганимед, в добычу
Птице Зевса, тайный наш цвет, был ты Весной взлелеян!

(2) О Ганимед, лелеет
В жадных лапах клекчущий вор, милый, твой сон лилейный!

(I, с. 792–793)

Вопросо-ответный диалог в дифирамбе «Ганимед» отличается неоднозначностью, разнотипностью. Он интересен тем, что, во-первых, ответ возникает в процессе ориентации героя в новой ситуации, во-вторых, как реакция на действие адресата речи, в-третьих, как голос «со стороны»: именно так воспринимаются субъектно замкнутые, «дистанционные»¹⁴ хоровые партии Долин и Высот. Семантически более нагруженными и смысло-строительными здесь выступают внутренний диалог и диалог, включающий действие в качестве ответа и порождающего локуса для нового вопроса.

Вопросо-ответная структура определяет некоторые связи и смысловые ходы и в дифирамбе «Огненосцы». На вопрошание хора Океанид, обращенное к Прометею в конце первой партии: *Слышишь черные зовы, Непокорные стоны, Прометей?*.. — следует «ответная» реакция. Последняя представлена замещающим в ритуале Прометея — Иерофантом: *С тех пор, как мощный Прометей Зажег от молний светоч смольный, — Все окрыленной, все святей Его мужающих детей Пылает Факел своевольный* (1974, II, с. 240). Отвечает, таким образом, не герой мифа, к которому обращается хор, но «промеев» Иерофант¹⁵. Кроме того, в самом начале его партии Прометей представлен как субъект действия и деятель, а нарративная структура с временным планом давнопрошедшего, изображающая эти действия, конечно, удалена от диалогичности в ее «живом» виде¹⁶. Диалогичность этой партии в ее конце определя-

¹⁴ Дистанционность, разумеется, имеет относительный характер: ведь похищаемый Г. символизирует лучшее в том природном мире, который символически представляют хор Долины и хор Высот.

¹⁵ Греч. Ἱερό-φάντης — ‘являющий нечто священное; верховный жрец, посвящавший в Елевзинские таинства; старший жрец, назначаемый пожизненно’ [Вейсман 1899: 624].

¹⁶ Начало «ответа» отмечено наличием сигналов нарратива (локатив, отсылающий ко времени и месту действия, деятель и его действие). Затем происходит как бы незаметный переход в план актуального настоящего: *Пылает Факел своевольный. И пламень веет, чист и яр. И стелет лизжу-*

ется назначением Иерофанта: обращая со словом к символическому Факелу и людям, он прибегает к формам повелительного наклонения и обращениям, ср.: *Неси ж, о Факел, суд земле, И на подлунном корабле, Будь, пламень огненный, кормилом <...> Затем что в муках Прометей Ждет, люди, огневых вестей, Не примирен и не раскован!*

Вопросо-ответной структурой «пронизан» и переводной дифирамб Иванова — Вакхилидов «Тезей». Здесь инициатива в диалоге принадлежит хору, первая партия которого включает 6 вопросов, вторая — 4¹⁷. Все вопросы обращены к царю Эгею и связаны с уточнением ситуации и разгадкой тайны мужа великого, богатыря, которым, как известно из мифа, оказался никогда не виденный Эгеем его сын от Эфры¹⁸. В первой партии хор просит своего царя «провещать слово», т. е. ответить на вопрошания: *Продребезжала почто медь? Песнь бранную зычно протрубила? <...> Что же сердце твое мятет, царь? <...>* (I, с. 817). Кроме 6 вопросов, в этой партии представлены 2 формы повел. н. (*Провещай... Вещай...*) и 3 обращения (*святых Афин царь... царь, О, Пандиона чадо и Креусы!*)¹⁹. Партия Эгея, следующая за хоровой, в целом строится как «ответ», хотя участников этого диалога отличает разная степень информированности и заинтересованности в разгадывании тайны²⁰. Царь Э., который знает больше дру-

---

щий пожар По дебрям жадные извивы, — в чем проявляется «ответное» действие светоносцев в ситуации ритуала на мольбу Океанид.

¹⁷ Всего здесь 4 высказывания, оформленных по типу вопросительных, но в смысловом и структурном плане вопросов больше.

¹⁸ Бездетный некогда афинский царь Эгей после посещения оракула остановился у царя Питфея из Трезен, который, разгадав оракула, уложил Э. спать вместе со своей дочерью Эфрой, к которой в ту же ночь сошел сам Посейдон. Уйдя в Афины, Э. положил под камень меч и сандалии — их должен был добыть его возмужавший сын. В Афинах нашедшая у Э. приют Медея родила ему сына Меда [Мифы 1992, 2: 656]. Божественное происхождение Тезея, интуиция и предчувствия Эгея, ненависть и коварство Медеи составляют основу драматического действия мифа и отразившего этот мифологический сюжет дифирамба.

¹⁹ В последнем случае функция обращения совмещена с функцией номинации и предикации, что в целом характерно для поэтических текстов [Ковтунова 1986: 104–118].

²⁰ В этом отношении данный текст обнаруживает сходство с драмой, где, «как правило, вопросы задает тот, кто н е знает, и направляет их тому, кто з н а е т нечто, пока являющееся тайной <...> Разная степень заинтересованности не влияет на целостность диалога и его равновесную конструкцию, если между интересами участников диалога существует взаимозависимость» [Топоров 1998: 110].

гих, уточняет ситуацию «здесь», сообщая при этом нечто важное о муже великом: *Приспешил скорой стопой гонец, пеш, Он долгий измерил путь Истмийский, — Провозвестить несказанных дел весть, Что некий соделал муж великий. Исполин от его руки, Колебателя суши сын, пал — Насильник — Синис пал!* В конце его партии звучит вопрошание о будущем — и в нем отчетливо передано смятение царя: *Что-то будет? Чему дано свершиться?* Эти вопросы обращены к самому себе, миру, судьбе, а также к афинянам-хору²¹.

Вторая партия хора начинается не с ответа на вопрошания царя, а с новых к нему вопросов о том же таинственном и пока неузнанном муже: *И отколь сей богатырь, и кто он, — Поведал ли вестник? И только в самом ее конце звучит эхообразный ответ царю (но не только ему!): **Время** долго: всему свой час свершиться!* В нем можно видеть и признаки «экстенсивного», и сигналы «интенсивного» повтора. Если вопросы в этой партии направлены на уточнение-опознание героя и идентификацию актуальной ситуации и прецедентов, ранее имевших место, то ответ, локализованный в самом конце партии, учитывает и вопрос царя, и смысл, а также информационно-поисковую содержательность новых вопросов к нему. В этом отношении это как бы «дважды» ответ.

Диалогичность в дифирамбах может быть выражена повелительным наклоном, обращением, вторым лицом, но без вопроса. Эти формы могут давать тип «антагонистического» диалога. Особенность последнего состоит в том, что адресату предъявляются требования быть тождественным субъекту, однако его позиция остается неизменной. Ср. заклинательно звучащие призывы в партии Океанид, обращенные к Орфею²²:

В белу грудь мы бьем, **Орфей, Орфей!**
Мы: забудь — поем — о тюрьме своей!
Отдай нам, **смертный**, земную грудь —
Твой плен размыкать и разметнуть!

Размыкать, что жило тюрьмой своей!
Себя, что мнило тюрьмой своей!
Дай перси земные — к ним прильнуть,
Дай в очи дневные всей тьмой взглянуть!

²¹ Можно, по-видимому, сказать, что это вопросы, в первую очередь, к высшим силам и к самому себе, а затем уже к гражданам Афин.

²² Если говорить о значении побудительности, то здесь она выражается и формами инфинитива: *размыкать, разметнуть, размыкать, прильнуть, взглянуть*.

— и организующе-волевую установку Орфея по отношению к силам стихии:

Вонмите, девы ночного моря,
 Мои напевы! Творите строй!
 Уймите гневы глухого горя!
Смирите ревы! Усни, прибой!

И все же из двух партий более «диалогична», в современном понимании этого термина, партия Орфея, не отклоняющего мощь стихий, но стремящегося к преобразованию их неупорядоченного динамизма, Хаоса — в строй и красоту:

Но Ха́ос нудит мольбой святою
 В семь пленов Муза, и зиждет мир
 Дугой союза: и красотую
 Прозрачной будет всех граней мир.

(I, с. 801–802)

С. С. Аверинцев, отмечая диалогичность Вяч. Иванова как его преимущество над изобличителями, не расположенными и не способными к диалогу, подчеркивает тяготение поэта к вселенскости, его *беспочвенную запредельность*, предполагающую «способность отрешиться также и от собственной личины, от собственной роли» [Аверинцев 2001: 167]. Отрешенность *Я* поэта от своего эмпирического *я*, обобщение *я*, разные ипостаси поэтического *я*, включая речь от имени другого лица, устранение *я* в тексте, как было показано в одной из последних работ И. И. Ковтуновой [Ковтунова 2005], характерны для смысловой структуры *я* в текстах значительных поэтов. Дифирамбы Вяч. Иванова в этом отношении, оставаясь лирическим жанром и сохраняя связь с ритуалом, являют собой не только пример стилизации архаичной диалогичности, но выступают одной из форм современного диалога, в котором *Я* поэта устремлено к диалогу с миром и людьми — вне ограничений в пространстве и во времени.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 2001 — Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.

- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Биbihин 1999 — *Биbihин В. В.* Ты еси // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
- Вейсман 1899 — Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом. Изд. 5-е. СПб., 1899.
- Выготский 1934 — *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934.
- Гин 1996 — *Гин Я. И.* Проблемы поэтики грамматических категорий // *Гин Я. И.* Избранные работы. СПб., 1996.
- Грек 2003 — *Грек А. Г.* О местоимениях *Я* и *Ты* в мелопее Вяч. Иванова «Человек» // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой. М., 2003.
- Грек 2006 — *Грек А. А.* Поэтика бессоюзных соединений в языке Вяч. Иванова // Поэтическая грамматика. Т. I. М., 2005.
- Иванов 1971–1987 — *Иванов Вяч.* Собрание сочинений в 4 т. Брюссель, 1971, I; 1974, II; 1979, III; 1987, IV.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Ковтунова 2005 — *Ковтунова И. И.* Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. Т. I. М., 2005.
- Котрелев 1999 — *Котрелев Н.* К проблеме диалогического персонажа (М. М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
- Мифы 1992 — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М., 1992. Т. 2.
- Плунгян 2010 — *Плунгян В. А.* Тонический стих Вячеслава Иванова: к постановке проблемы // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010.
- Силард 1999 — *Силард Л.* «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999.
- Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаичный ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Древнеиндийская драма Шудраки «Глиняная повозка». М., 1998.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой) // *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
- Топоров 2005 — *Топоров В. Н.* Из наблюдений над загадкой // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2005.
- Топоров 2006 — *Топоров В. Н.* Несколько соображений о становлении языково-поэтических «начал» // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 (Книга 1). М., 2006.

Е. Л. ГРИГОРЬЯН

СКРЫТАЯ ДИАЛОГИЧНОСТЬ НАРРАТИВА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

В художественных текстах XIX–XX вв. внешне монологическое повествование может неявным образом чередовать или совмещать в изображении реальности видение различных наблюдателей: автора/рассказчика и персонажа (или нескольких персонажей). Эта скрытая диалогичность, множественность «точек отсчета» (как бы несколько «наблюдательных пунктов»), не разделенных эксплицитным образом, на языковом уровне может выражаться не только такими общеизвестными средствами, как дейктические показатели и подбор характерной лексики, но также с помощью определенных синтаксических структур. Даже в текстах, где описывается, казалось бы, чисто внешняя сторона событий, дейктические показатели и различные синтаксические средства связаны с некоторым персонажем как наблюдателем, который может присутствовать в этом качестве на протяжении всего текста, а может чередоваться с другими наблюдателями. Как известно, фактор наблюдателя является релевантным для многих языковых явлений, в том числе синтаксических [Булыгина 1992; Апресян 1995; Падучева 2004: 210–214]. В данной статье с этих позиций будут рассмотрены некоторые деагентивные конструкции, т. е. диатезные преобразования с устранением агенса или понижением его ранга, на материале русского языка.

1. Конструкции этого типа могут, в частности, моделировать восприятие персонажа, очерчивая поле его наблюдения. Часто не упоминаются те элементы ситуации, которые не попадают в поле зрения наблюдателя: в тексте представлен фрагмент ситуации, доступный зрительному восприятию, слуху или осязанию соответствующего лица.

1/ Утром на следующий день, в среду, рыжая ручища Эрики просунулась в номер второго апреля и уронила на пол длинный сиреневый конверт (Набоков).

Передается видение человека, находящегося в номере, по другую сторону двери. Ср. (безразличное к позиции наблюдателя) *Эрика просунула ручищу...*

12/ *Секунды четыре он летел в воздухе, потом упал на что-то твердое и покатое и покатился вниз, цепляясь за репейник. Через минуту возле его правого уха ступил в лужу большой, тяжеловесный сапог* (Чехов).

Ситуация дана глазами человека, лежащего на земле, которому виден только сапог. Ср. при нейтральном описании события: *ступил сапогом в лужу управляющий*.

13/ *Марья Васильевна сидела и думала про то же, а гармоника за стеной все играла и играла* (Чехов).

Изображение ситуации соответствует восприятию Марии Васильевны, которой слышен звук, но не виден человек, играющий на гармонике.

14/ *Дверцы отворились, одна за другой с шумом попадали ступеньки, зашумело женское платье, в затхлую карету ворвался запах жасминных духов, быстрые ножки взбежали по ступенькам, и Анна Федоровна, задев полой распахнувшегося салона по ноге графа, молча, но тяжело дыша, опустилась на сиденье подле него* (Л. Толстой).

Воспроизводится то, что слышит граф, сидя в карете, ср. *лакей отворил дверцы... Анна Федоровна взбежала...* В этом же примере проявляется и другая закономерность: последовательность эпизодов воспроизводит последовательность восприятия.

15/ *Прикосновение чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновение это было легко и приятно. Рука крепче сжимала ее руку* (Л. Толстой).

В последнем примере человек, сжимающий ее руку, не виден и неизвестен героине.

16/ *Неожиданно слух Федора уловил едва слышный визг полозьев и щелканье подков позади, быстро повернулся назад, как вдруг страшный удар оглоблей в грудь свалил его с ног* (Шолохов).

Федор не успел заметить, кто его ударил.

Таким образом, действия могут быть представлены как «перцептивные происшествия» (термин Р. И. Розиной [Розина 2000]): воспроизводится визуальный, слуховой или тактильный образ. Этот прием во многом аналогичен несобственно-прямой речи, но не может быть к ней причислен, так как передает не речь и не мысль, а ощущение. Некоторые авторы используют термин *д и ф ф у з и я* [Атарова, Лесскис 1980]. Характерно, что в таких контекстах часто отсутствуют прямые указания на смену наблюдателя (вроде *увидел, услышал, почувствовал*).

Также могут устраняться участники, хотя и доступные восприятию наблюдателя, но не привлекающие его внимания, при этом подлежащее указывает тот элемент, на котором сосредоточено внимание наблюдателя.

(7) *Перо скрипело, выделявая на бумаге завитушки, похожие на рыболовные крючки* (Чехов).

В предложении передано восприятие персонажей, сосредоточивших взгляд на пере, а не на пишущем, хотя он и находится в поле их зрения. Момент передачи их восприятия подтверждается еще и тем, что буквы показаны как «завитушки», то есть глазами неграмотных.

18/ — *Подбирай ноги!* — *закричали друг другу солдаты, только чуть он встал; и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу* (Л. Толстой).

В данном примере воспроизводится взгляд персонажа, направленный на фрагмент ситуации — ноги солдат; ср. *и солдаты, поджав ноги, дали ему дорогу*.

19/ *В эту минуту Мартыну еще казалось невозможным ударить Дарвина в лицо, это большое, гладко выбритое, доброе лицо с мягкими морщинками у рта; но, когда кулак Дарвина вдруг вылетел и Мартына треснул по челюсти, все изменилось...* (Набоков).

Таким образом, структуры данного типа содержат ярко выраженный перцептивный момент, причем неоднозначный. Так, *Его рука схватилась за палку (коснулась клавиш)* может значить (а) “внешний наблюдатель увидел, сосредоточил свой взгляд на этом движении другого человека” (б) “сам производитель действия увидел или почувствовал, что (в его руке оказалась палка)”. В случаях типа (б) собственное действие наблюдателя нередко представлено как неожиданное для него самого, уподоблено восприятию внешнего события:

10/ *Кузьма побледнел и с ужасом подумал: «Сейчас брошу образа на пол»...* *Но руки его невольно сделали иконой крест в воздухе...* (Бунин).

В восприятии Кузьмы его собственное действие представлено как отдельное и как бы независимое от него событие; здесь также реализуется типичное для деагентивных конструкций значение неконтролируемости. То же в аналогичном примере:

11/ *Правая рука его, опиравшаяся на колено, вяло дотронулась до клавиш. Вышел какой-то аккорд, другой, третий...* (Л. Толстой).

2. Кроме того, противопоставление деагентивных конструкций нейтральным способам описания ситуации (т. е. конструкциям с подлежащим-агентом) позволяет разграничить два способа изображения действий и эмоциональных состояний персонажа — извне

(когда описывается увиденное со стороны, доступное внешнему наблюдению) и, условно говоря, изнутри.

/12/ *Что-то готовилось. Лисьи глазки Игната таинственно улыбались, глядя на Ефима* (Шолохов).

Передается восприятие Ефима, визуальный образ, подчеркивается наиболее заметная деталь; для Игната такое восприятие ситуации невозможно, это позиция внешнего наблюдателя (с позиции Игната — или нейтральным способом описания — было бы: *Игнат таинственно улыбался...*). Перцептивный характер данного представления ситуации отражается и в определении *лисьи глазки*, и в уменьшительной форме существительного.

В реальной жизни мы можем знать о намерениях, ощущениях, мыслях других людей либо с их же слов, либо интерпретируя их поведение и внешние реакции. В художественных текстах мы встречаемся с двумя способами указания на внутренний мир персонажа: или прямое указание, или описание внешних проявлений. В текстах эти два способа могут дополнять друг друга или противопоставляться.

/13/ *...нес сразу понял, что хозяина постигла беда. Поэтому он переменял позу, поднялся, зашел сбоку и передние лапы и голову положил на колени прокуратору, вымазав полы плаща мокрым песком. Вероятно, действия Банги должны были означать, что он утешает своего хозяина и несчастье готов встретить вместе с ним* (Булгаков).

Это соотносится с двумя аспектами действия: типичное действие имеет как денотативную, так и интенциональную составляющую [Кустова 1992], причем вторая, разумеется, ненаблюдаема. В примере /13/ представлена сначала «денотативная составляющая» действия, способ его осуществления, а затем раскрывается его (предполагаемая) интенциональная сторона.

В этом плане интересна форма повествования от первого лица, когда рассказчик обычно выступает в качестве свидетеля событий и может сообщить только о том, что мог наблюдать со стороны. В следующих примерах рассказчик представляет себя с позиций других наблюдателей, реконструирует их впечатление:

/14/ *Тут на лице моем выразилось, очевидно, полное отчаяние, потому что слушатели оставили свой непонятный разговор и обратились ко мне* (Булгаков).

/15/ *Видимо, я их стесняю, а они стесняют меня* (Чехов).

В обоих случаях рассказчик представляет себе, как его воспринимают другие.

Гипотетичность интерпретации чужого поведения, возможных умозаключений о чужих намерениях и чувствах, т. е. об ин-

тенциональной стороне действия, наглядно выступает в следующем примере:

/16/ *Она как будто говорила всем нам поминутно (повторяю: не произнося ни слова): «Ведь вы никто так не сделаете, ведь вы не предадите себя из-за требований чести и долга; ведь у вас ни у кого нет такой чистой и чуткой совести? А что до его поступков, то у кого нет дурных поступков на душе? Только все их прячут, а этот человек пожелал скорее погубить себя, чем оставаться недостойным в собственных глазах своих». Вот что **выражал, п о - в и д и м о м у, каждый жест** ее (Достоевский). Ср. **вот что она выражала каждым жестом**¹.*

3. Некоторые другие синтаксические закономерности также могут обыгрываться при передаче индивидуального восприятия.

Так, в русском языке подлежащее связывается с подвижным элементом: при возможности выбора из нескольких неодушевленных партиципантов предпочтение отдается подвижному. Это свойственно всем диатезам, за исключением пассива, ср.:

/17/ *...десять томов Михайловского один за другим свалились с полки; один **том ударил** его по голове; **остальные же** попадали вниз прямо на лампы и **разбили** два ламповых шара (Чехов).*

«Том разбил ламповый шар» возможно только для ситуации, когда том упал на лампу (или задел — если, например, его запустили), но неприменимо для ситуации, когда, например, ламповый шар падает на том книги и разбивается. Точно так же фраза «Том ударил его по голове» возможна для ситуации, когда том упал, но, видимо, невероятна, если том был неподвижен, а человек ударился об него головой. Эта особенность отражена еще в работе [Апресян 1970] для некоторых диатез русского языка: отмечается, что в предложении *Тучи скрыли солнце* тучи рассматриваются как подвижный элемент, а солнце как неподвижный, а в примере *Солнце скрылось за тучами* имеет место обратное соотношение.

Выбор неподвижного элемента в качестве подлежащего при наличии подвижного в русском языке возможен в тех случаях, когда описывается восприятие персонажа, находящегося в фокусе эмпа-

¹ Следует отметить, что в каких-то случаях чередования различных «позиций наблюдения» («ракурсов», «перспектив»), в частности «извне» в противоположность «изнутри», может и не быть связано с конкретным наблюдателем (по крайней мере однозначно). Для наших целей, однако, более показательны такие примеры, которые отсылают к восприятию персонажа или рассказчика, моделируют его видение и ощущения.

тии; в этом случае описывается не само событие, а ощущение (как в следующем примере, где очевидно, что движутся люди, а не сучья):

/18/ *Мокрые сучья захлестали по лицу, кони теснились, храпели, колени задевали о стволы* (А. Толстой).

Таким образом, движение может передаваться через субъективное восприятие, в этом случае неподвижные объекты могут представляться как движущиеся и активные с точки зрения наблюдателя. Это широко распространенный изобразительный прием:

/19/ *Там и сям райским изумрудом вдруг вспыхивал мох; почти касаясь колес, пробежали мохнатые папоротники* (Набоков).

/20/ *Уключины скрипели при каждом нажиме весел; он то откидывался, то подавался вперед, и Машенька, сидевшая против него у руля, то отдалялась, то приближалась...* (Набоков).

/21/ *И она молча улыбнулась, сияя глазами и вертя зонтиком, и молодой человек в очках уронил со шлепком шест в воду, и в следующее мгновение поворот их закрыл...* (Набоков).

В последнем примере воспроизводится вид из проплывающей лодки.

/22/ *Потом [пес] отлетел назад, закрутился на месте... Во время верчения кругом него порхали стены, уставленные шкафами с блестящими инструментами, запрыгал белый передник и искаженное женское лицо* (Булгаков).

4. Перцептивная составляющая также может быть выявлена в некоторых типах безличных предложений, таких как *его (ветром) сбило с ног* в противоположность *ветер сбил его с ног*. Помимо различий коммуникативного веса соответствующих актантов *его/ветер/ветром*, в большинстве случаев в прямом дополнении безличной конструкции усилено его пациенское, «экспериментное», «страдательное» значение **affectedness**, ср. характерный пример из романа М. Булгакова «Роковые яйца» (описывается нашествие гигантских рептилий):

/23/ *Но огромная пружина, оливковая и гибкая, сзади, выскочив из овального окна, перескользнула двор, заняв его весь пятисаженым телом, и во мгновение обвила ноги Щукина. Его швырнуло вниз на землю, и блестящий револьвер отпрыгнул в сторону* (Булгаков).

Хотя известно в данном случае, что за тварь швырнула Щукина, ситуация показана не как ее действие, а как происшествие, случившееся с персонажем, как его ощущение.

Вообще же многие типы безличных предложений связаны с передачей субъективного ощущения, что отличает их от соответствующих личных конструкций. Ш. Балли еще в классической работе

[Bally 1920] рассматривает разницу между личными и безличными конструкциями как отражение различных способов восприятия явлений внешнего и внутреннего мира. С безличными конструкциями Балли связывает «феноменологический», или «импрессионистический», тип: явления предстают как бы в чистом виде, как простые факты в первоначальном, спонтанном восприятии, даже если их причина известна и, более того, доступна непосредственному наблюдению. Этот способ может считаться иконичным (или, по выражению Балли, логичным) только если причина явления недоступна непосредственному восприятию, как, например, причина грома, ветра и т. д. В иных случаях такой способ изображения никак не обоснован реальностью; это лишь видение, способ мысли (*mode d'aperception*).

Художественные тексты подтверждают такую трактовку.

/24/ *...над тайгой мощно зарокотало: из-за гор возникли сразу два вертолета* (В. Астафьев).

Герой рассказа сначала услышал звук, а потом заметил его источник.

/25/ — *Сдавайся!* — *завыло спереди, сзади и сверху, и все покрыл невыносимо оглушающий кастрюльный бас* (Булгаков).

Персонаж не понимает и не разбирает, откуда исходят голоса.

/26/ *В плите гудело, как на пожаре, а на сковородке ворчало, пuzziрилось и прыгало* (Булгаков).

/27/ *Тьма щелкнула и превратилась в ослепительный день, причем со всех сторон засверкало, засияло и заблестело* (Булгаков).

Последние два примера воспроизводят восприятие собаки: непонятен и неуловим источник звуков, блеска и других явлений.

Эта закономерность может рассматриваться как следствие другой закономерности, свойственной многим языкам: подлежащее, как правило, называет каузатора действия или источник изменения, что также отражено в последнем примере:

/28/ *Они вдвоем попали в узкий, тускло освещенный коридор, одну лакированную дверь миновали, прошли в конец, а затем попали налево и оказались в темной камерке, которая мгновенно не понравилась псу своим зловещим запахом. Тьма щелкнула и превратилась в ослепительный день...* (Булгаков).

Передано восприятие собаки: человеку ясно, что щелкнуло, но для собаки источник щелчка неизвестен и возникает впечатление, что это относится ко всему окружающему пространству.

Таким образом, существуют синтаксические способы передачи субъективного восприятия персонажа в авторском тексте, и все они основаны на общих синтаксических закономерностях.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1970 — *Апресян Ю. Д.* Семантические преобразования и синтагматические фильтры // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. М., 1970.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Атарова, Лесскис 1980 — *Атарова К. Н., Лесскис Г. А.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. № 1.
- Булыгина 1992 — *Булыгина Т. В.* Общие вопросы дейксиса. Вводные замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Кустова 1992 — *Кустова Г. И.* Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действий. М. 1992.
- Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Розина 2000 — *Розина Р. И.* От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня. 1. М., 2000.
- Bally 1920 — *Bally Ch.* Impressionisme et grammaire. Geneva, 1976. P. 261–279.

М. А. ДМИТРОВСКАЯ

«ИМЯ ЕМУ: СЛОВО БОЖИЕ»

(ФИГУРА ШАХМАТИСТА ЛУЖИНА
И КРИПТОГРАММАТИЧНОСТЬ ПИСЬМА
В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»)

В ряде предыдущих работ нами было выдвинуто положение, что в основе всех произведений В. Набокова лежит единый содержательный код, который в каждом конкретном случае «выходит на поверхность» в том виде, который задавал писатель, отталкиваясь от содержательной структуры произведения и пользуясь теми возможностями, которые предоставляло ему использование мультязыкового анаграмматического кода. Цель настоящей статьи — показать, что в романе «Защита Лужина» (1929) шахматист Лужин, выбрасываясь в финале в окно, становится Книгой-Словом.

В явном виде тождество умершего человека и книги заявлено В. Набоковым в первом написанном на английском языке романе «The Real Life of Sebastian Knight» («Подлинная жизнь Себастьяна Найта») (1940). Во встроенном в роман Набокова описании последнего романа Себастьяна Найта «Неясный асфодель» говорится следующее: «Тема книги проста: человек умирает <...> Человек умирает, и он герой повествования <...> Человек — это и есть книга; книга сама вздымается и умирает и подтягивает призрачное колено» [Набоков 1997: 166–167]. Постулируемое здесь тождество человека и книги дублируется потом в описании посещения повествователем умирающего Себастьяна, который приходится ему единоутробным братом. Дежурная медсестра переспрашивает фамилию, которую повествователь называет по буквам: К, н, и, г. При переходе на русский язык получается слово «книга». Спустя несколько часов оказывается, что повествователь провел ночь не возле умирающего Себастьяна, а около англичанина Кигана (Keegan), а Себастьян умер незадолго до этого. Фамилия Keegan тоже является анаграммой слова «книга». Таким образом, Себастьян в смерти стал книгой или, что то же самое, Киганом, и, следовательно, не умер, а достиг истинной жизни в литературе.

В отношении романа «Защита Лужина» исходной и конечной точкой наших рассуждений будет утверждение, что шахматист Лу-

жин в смерти станет той книгой, которую задумал, но так и не написал его отец-писатель. Набоков подробно описывает рождение замысла и сюжет будущей книги о юном шахматисте, которой отец Лужина дал название «Гамбит»:

«Одно он решил твердо, — что не даст этому ребенку вырасти, не сделает из него того угрюмого человека, который иногда навещал его в Берлине, односложно отвечал на вопросы, сидел, прикрыв глаза, и уходил, оставив конверт с деньгами на подоконнике.

“Он умрет молодым”, — проговорил он вслух, беспокоя по комнате, вокруг открытой машинки, следившей за ним всеми бликами своих кнопок. “Да, он умрет молодым, его смерть будет неизбежна и очень трогательна. Умрет, играя в постели последнюю свою партию”. Эта мысль ему так понравилась, что он пожалел о невозможности начать писать книгу с конца. Почему, собственно говоря, невозможно? Можно попробовать... Он повел было мысль обратным ходом, — от этой трогательной, такой отчетливой смерти назад, к туманному рождению героя...» [Набоков 1990: 42–43]¹.

Ряд характеристик задуманной книги и жизни Лужина был рассмотрен нами в другой связи в предшествующих работах. Ряд других характеристик будет подвергнут интерпретации впервые.

1. Так, молодость героя связана, в частности, с тем, что взрослый Лужин при своем возвращении в прошлое становится ребенком и, соответственно, играет роль пешки (это поддерживается связью лат. *infans, antis* ‘дитя, младенец, ребенок’ и слова *инфантерия* ‘пехота’ [Дмитровская 2007]. Гамбит как раз и представляет собой жертву фигуры, чаще всего пешки, в дебюте.

2. В воображении Лужина-старшего герой его книги рисуется похожим на Цесаревича: «И вот, по проходу между столиками, ни на кого не глядя, спешит мальчик, — одетый, как Цесаревич, в нарядную белую матроску, — и останавливается поочередно у каждой доски, быстро делает ход или на миг задумывается, наклонив золотисто-русую голову» (с. 42). С одной стороны, Цесаревич — это инфант, дитя королевской крови, будущий царь (король). С другой стороны, слово *инфант* родственно все тому же слову *инфантерия*, то есть *пехота*. Следовательно, Цесаревич является пешкой, которая стремится достичь края игрового поля, чтобы превратиться в короля. У взрослого Лужина должно совершиться обратное движение: от короля к инфанту, пешке.

3. Смерть юного героя задуманной книги в постели за разыгрыванием последней партии игровым образом отсылает к завер-

¹ Далее роман В. Набокова «Защита Лужина» цитируется по данному изданию с указанием номера страниц в круглых скобках в тексте статьи.

шению прерванной партии шахматиста Лужина с Турати. Она на самом деле плавно переходит в брачную партию, которая, в свою очередь, завершается именно в момент разбивания окна и попыток выбраться наружу. Это действие символизирует *coitus*, который завершает «отсроченную» брачную партию четы Лужиных [Дмитриовская 2009].

4. «Обратный» ход мыслей Лужина-старшего соответствует обратному мату, который ставит сам себе шахматист Лужин в финальном акте самоубийства, и одновременно его обратному возвращению назад, в детство [Там же].

Итак, после прерванной партии с Турати шахматист Лужин ищет защиты против складывающейся против него комбинации, которая неуклонно ведет его к возвращению в детство. Это противостояние описано в шахматных терминах и представлено как разыгрывание шахматной партии, которая оказывается тождественной одновременно создающейся книге жизни героя. Это тождество задается в серии номинации маленькой шахматной доски, которую Лужин обнаруживает провалившейся в дырку кармана пиджака. Сначала найденная за подкладкой вещь не идентифицируется точно и представлена как похожая скорее на книжку: «нечто вроде плоской кожаной записной книжки», и только потом приходит понимание того, что это «не книжечка, а маленькая складная доска из сафьяна» (с. 128). Дальше номинации варьируются. Обнаруженные шахматы в половине случаев продолжают называться шахматами (доской), а в половине — книжечкой, ср.: «маленькая красно-белая доска», «доска», «маленькая доска» (с. 128), «карманные шахматы» (с. 130), «красная сафьяновая книжечка» (с. 129), «сафьяновая книжечка» — 2 раза (с. 130). Сходство этой шахматной доски с задуманной отцом Лужина книгой подчеркнуто и параллелизмом следующих описаний: Лужин-старший воображает ненаписанную книгу уже напечатанной, «с красными иероглифами по краям» (с. 45), а у карманных шахмат отмечены «тисненные золотом буквы вдоль горизонтального края доски и золотые цифры вдоль вертикального» (с. 128).

Для дальнейшего доказательства того, что в смерти Лужина возникает книга его жизни, обратимся к установлению даты его гибели. В тексте романа отмечен только день недели — это четверг. Лужин выбрасывается из окна в тот момент, когда начинают собираться первые гости на ужин по поводу предстоящего отъезда четы Лужиных в свадебное путешествие (англ. *party* — ‘прием гостей, вечеринка’ корреспондирует с рус. *партия* — шахматная и брачная). Ранее в тексте говорится, что чета Лужиных обещала родителям жены уехать «не раньше апреля» (с. 122). Лужин гибнет в 1929 году

(что совпадает со временем работы В. Набокова над романом) [Сакун 2001]. Будем исходить из предположения, что прощальный ужин назначен на последний четверг марта. В 1929 году этот день приходился на 28 марта. Отметим, что по новому стилю 28 марта (15 марта по ст. ст.) — память св. священномученика Александра, иерея (а это имя шахматиста Лужина, которое мы узнаем уже после его гибели). Для целей нашего исследования важно также 30 марта, которое в 1929 году приходилось на субботу. 30 марта по новому стилю (17 марта по ст. ст.) — день Алексея, человека Божьего. Как было показано в нашей работе [Дмитровская 2007], в романе «Защита Лужина» на криптограмматическом уровне совершается постоянное взаимодействие имен Алексей и Александр, восходящих к греч. *alexō* ‘защита’. Вспомним также, что в воображении Лужина-старшего юный герой его романа «Гамбит» одет в матроску и похож на Цесаревича (имя не названо, но легко восстанавливается: это цесаревич Алексей, сын последнего императора Николая II). Четверг 28 марта и суббота 30 марта в романе «Защита Лужина» сводятся воедино. Такое неразличение этих дней недели игровым образом опирается, в частности, на арабскую идиому «не отличать четверг от субботы», которая означает ‘быть не в своем уме’². Закодированное использование этой арабской идиомы поддерживается часто звучащей в романе темой «востока» и неуклонным движением Лужина в сторону безумия.

Жизнь шахматиста Лужина обнаруживает много сходений с Житием Алексея, человека Божьего. Перечислим их.

1. Мотив «незавершенного» брака. Святой Алексей обручился «с девицею из царского рода, а затем над ними в церкви св. Вонифатия было совершено Таинство Бракосочетания, и весь день тот до ночи прошел в веселии и ликовании» [Жития святых: 332]. Так же и Лужин сначала обручается, через две недели регистрирует гражданский брак, потом происходит бракосочетание в церкви, а затем свадебное торжество. Но брак Лужиных не завершается сексуальным соединением ни в брачную ночь, ни в последующие. У св. Алексея брак тоже не завершается: по окончании торжества св. Алексей входит в комнату невесты, отдает ей свой золотой перстень и драгоценный пояс, предварительно завернув их в порфирную ткань, и выходит «тайно из дома и города» [Там же].

---

² Ср. в русском переводе «Тысячи и одной ночи»: «И после этого стряпуха <...> упала на землю без памяти. И когда она была в таком состоянии, <...> старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы» [Тысяча и одна ночь 1996: 88]. Сама эта пословица, вероятно, связана с особой выделенностью пятницы в исламе.

2. Трансформированный мотив «блудного сына», притча о котором содержится в Евангелии от Луки, 15. Св. Алексей прибывает в город Эдессу, где 17 лет живет на паперти церкви Пресвятой Богородицы. Потом он возвращается в Рим и еще 17 лет живет неузнанным «при дверях дома» своих родителей, где живет и его невеста [Там же: 335]. В романе «Защита Лужина» этот мотив представлен в явном виде в описании фильма, который смотрит Лужин со своей женой: «Белым блеском бежала картина, и, наконец, после многих приключений, дочь вернулась в родной дом знаменитой актрисой и остановилась в дверях, а в комнате, не видя ее, поседевший отец играет в шахматы с совершенно не изменившимся за эти годы доктором, верным другом семьи. В темноте раздался отрывистый смех Лужина. “Абсолютно невозможное положение фигур”, — сказал он, но тут, к великому облегчению его жены, — все переменялось, и отец, увеличиваясь, шел на зрительный зал и всюду разыгрался, сперва расширились глаза, потом легкое дрожание, ресницы хлопнули, еще некоторое дрожание, и медленно размякли, подобрали морщины, медленная улыбка бесконечной нежности появилась на его лице, продолжавшем дрожать, — а ведь старик-то, господа, в свое время проклинал дочь... <...> Склонив голову, безвольно опустив руки, в одной — шляпа, стоит знаменитая актриса — (ведь она падшая, падшая...). А отец, продолжая дрожание, принимается медленно открывать объятия, и вдруг она опускается на колени перед ним. Лужин стал сморкаться. <...> И на следующий день, за утренним кофе, он вдруг облокотился на стол и задумчиво сказал: “Очень, очень хорошо”. — Он подумал еще и добавил: “Но играть они не умеют”. “Как не умеют? — удивилась жена. — Это же первоклассные актеры”. Лужин искоса взглянул на нее и сразу отвел глаза, и что-то ей не понравилось в этом. Внезапно она поняла, в чем дело, стала решать про себя вопрос, как заставить Лужина забыть эту несчастную игру в шахматы, которую дурак режиссер счел нужным ввести для настроения» (с. 112).

Заметим, что у Набокова мотив возвращения повсеместно связывается с шахматами, а шахматы, помимо прочих многочисленных сопоставлений, устойчиво соплагаются с театром и актерской игрой (общее здесь — сам феномен игры). Когда ранее будущий тесть Лужина обсуждает кандидатуру Лужина как возможного жениха своей дочери, он сравнивает специфику его занятий шахматами с актерской профессией: «Конечно, такой союз опасен, да и она [дочь] могла бы лучше выбрать... Хотя он [Лужин] из старой дворянской семьи, но его узкая профессия наложила на него некоторый оттенок. Вспомни Ирину, которая стала актрисой,— вспомни, какой она потом приехала к нам» (с. 98).

Но самая важная связь мотива возвращения с шахматами проявляется у Набокова в том, что Лужин в результате борьбы со складывающейся против него комбинацией, неуклонно принуждающей его к возвращению в прошлое, изобретает собственную защиту, которая заключается в том, что он выпадает из игры. При этом осуществляется как раз то, против чего он тщетно боролся: он возвращается в прошлое, в дом своих родителей, где рос ребенком.

3. Фиксация времени смерти: день недели и дата. В Житии Алексия, человека Божьего, говорится: «Когда же Господь восхотел призвать его из этой временной жизни <...> в жизнь вечную, то открыл ему день и час кончины его» [Жития святых: 336]. В это время в соборной церкви свв. Апостолов совершается литургия, где голос из алтаря возвещает: «Поищите человека Божьего, уже отходящего в другую жизнь...» [Там же: 337]. Такого человека ищут по всему Риму, но не находят. Поэтому, собравшись на Всенощное Бдение, молят Христа указать на угодника. В тексте жития точно сообщается, что это происходит «с четверга на пятницу», «утром же в пяток святой Алексей отошел ко Господу» [Там же]; «Святой Алексей преставился в семнадцатый день марта месяца» [Там же: 341]. Вечер с четверга на пятницу точно соответствует финальным событиям романа «Защита Лужина», когда гибнет Лужин, число 17 марта связано с субботой 17 марта 1929 года, а смерть в пятницу позволяет обе смерти — св. Алексея и Лужина — рассмотреть в рамках христологического кода, актуализировав представление о Страстной Пятнице, когда совершилось распятие Христа. Кроме того, колебания между пятницей и четвергом могут быть сняты путем их отождествления с использованием русской поговорки «Не лезь, пятница, поперек четверга». Если пятница лезет поперек четверга, то она становится четвергом, то есть пятница и четверг отождествляются. А четверг переходит на место пятницы, то есть отождествляется с ней. А с учетом ранее приводившейся арабской идиомы о неразличении четверга и субботы мы получаем, что нет различия между четвергом, пятницей и субботой. Это позволяет полностью совместить хронологические контуры смерти Алексия, человека Божьего, и шахматиста Лужина.

4. Мотив жизни как книги. Когда св. Алексею по Божественному соизволению открылось время его смерти, он «спросил у служащего ему раба чернил, хартию и трость, описал все житие свое и для убеждения родителей в том, что он действительно их сын, упомянул о некоторых обстоятельствах их жизни, известных только им одним...» [Там же: 336].

После того, как голос из алтаря в Соборной церкви возвещает, что Божьего человека нужно искать в доме Евфимиана, все спешат

к его дому, где находят его уже умершим с зажатой хартией в правой руке. Прочитав эту хартию, все узнают, кто такой был нищий, 17 лет проживший в доме, — Алексей, сын оставленных родителей и жених покинутой невесты. Прочитываем соответствующее место Жития: Евфимиан «вошел в жилище, где нашел человека Божия, лежащего мертвым с покрытою головой и согнутой хартией в правой руке. <...> когда же он [Евфимиан] хотел взять хартию и прочесть, то не мог этого сделать, так как рука не выпускала ее. Быстро возвратившись к царю и папе, он сказал:

— Нашли уже мёртвого того, кого искали; он держит в руке хартию и не отдает нам.

Царь и патриарх, приказав приготовить драгоценный одр, покрыть его богатыми тканями, вынесли честное тело человека Божия и благоговейно положили его на том одре. Преклонив потом колена, они, лобызая священные останки, говорили ему, как живому:

— Умоляем тебя, раб Христов, дай нам сию хартию, чтобы по начертанному в ней мы могли узнать, кто ты.

После этого папа и царь беспрепятственно взяли хартию из руки святого и передали хартуларию великой церкви, Аетию, для прочтения; при великом молчании окружающих он начал читать ее. Когда же он дошел до места, где было написано о родителях и невесте, — о перстне и поясе, переданных ей, тогда узнал Евфимиан в почившем сына своего Алексея» [Там же: 339].

Что касается романа «Защита Лужина», то в нем шахматная партия жизни, в которую вовлечен Лужин, и дает в конечном итоге книгу его жизни. Частично эта тема была затронута в связи с вариативностью номинаций красных карманных шахмат — «красной сафьяновой книжечки», другие ее повороты будут рассмотрены дальше.

5. Тема неузнанности, скрытого имени, немоты, отсутствия и родного дома. Св. Алексей живет в родительском доме неузнанным, безымянным, издевательства рабов отца своего он переносит молча. Шахматист Лужин пребывает на страницах романа В. Набокова безымянным: его имя, как и имя св. Алексея, раскрывается только после смерти. Лужин выбрасывается из окна: «Дверь выбили. “Александр Иванович, Александр Иванович!” — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было» (с. 152). Таким образом, у Набокова связь появления имени со смертью героя усиливается мотивом полного его исчезновения, отсутствия. Перед тем, как запереться в ванной комнате и выброситься из окна, Лужин онемевает: он хранит полное молчание и не отвечает на вопросы жены.

Все отмеченные мотивы связаны у Набокова цепью игровых межъязыковых переходов, где задействованы такие приемы, как переходы от латиницы к кириллице и обратно и использование разного графического представления букв (например, различие заглавных и маленьких букв). Восстановим цепочку (не претендуя здесь на исчерпанность всех возможностей): рус. *нем(a)* → англ. *nate* 'имя' → лат. *neto* 'никто' → укр. *нема* — 'нет, отсутствует' → рус. *аминь* (из *амен*) — в переносном значении 'конец'³ → англ. HOME — 'дом' → перс. *наме* 'книга'.

Перейдем к анализу финальной сцены романа. Окно в ванной комнате, из которого пытается выбраться Лужин, имеет форму двух поставленных друг на друга квадратов. Нижняя оконница матовая, «подернутая морозной свежестью», верхняя прозрачная. Лужин сначала разбивает нижнюю оконницу и пытается просунуть в образовавшееся отверстие голову. Поняв, что таким образом выбраться наружу он не может, Лужин подставляет комод, ставит на него стул, взбирается на это сооружение, открывает верхнюю оконницу, садится на нее, перетягивает свое тело ногами наружу и разжимает руки. Это описание имеет в качестве одного из своих источников 19 главу «Откровения св. Иоанна Богослова», где повествуется о появлении Бога-Слова. Рассмотрим последовательно точки схождения между двумя текстами.

В «Откровении» говорится: «И голос от престола исшел говорящий: хвалите Бога нашего <...> ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся и воздадим ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый: виссон же есть праведность святых» (Отк. 19, 5–8). Данный фрагмент имеет отношение к интерпретации сцены самоубийства Лужина как брачного соединения. Следующие стихи «Откровения» прямо соответствуют тому, что к Лужиным в этот вечер собираются на вечеринку гости: «И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца» (Отк. 19, 9). Дальнейшее описание корреспондирует с тем, как Лужин выбирается наружу через верхнюю оконницу, а также с тем,

---

³ В Словаре Даля представлены многочисленные поговорки со словом *аминь* в этом значении: Аминем великие дела вершат. Аминь дело вершит. Аминь письмом не велик, да дела вершит. Одно слово — аминь, а святые дела вершит. Сколько ни петь, а аминем вершить. Аминь тому делу; всему делу аминь 'конец'. Под аминь пришел 'под конец'. Задать кому аминь 'по-решить, уничтожить'. Молись да крестись: тут тебе и аминь [Даль 1994, I: стлб. 37–38].

что имя его еще остается непроявленным: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. <...> Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого» (Отк. 19, 11–12). Но если в Апокалипсисе цвет коня только белый, то у Набокова — одновременно и белый, и черный. В романе о Лужине, балансирующем на шатком сооружении из комода и стоящего на нем стула, говорится: «Теперь можно было свободно облокотиться о нижний край черной ночи» (с. 151). Русск. *ночь* соответствует англ. *night*, которое является омофоном англ. *knight* ‘шахматный конь’. Отсюда следует, что цвет коня черный. Обратим внимание, что Лужин сначала опирается на нижнюю оконницу, а потом и садится на нее верхом, как на коня: «После многих усилий он оказался в странном и мучительном положении: одна нога висела снаружи, где была другая — неизвестно» (с. 151). То, что Лужин сидит именно на коне, подтверждается тем, что слово *окно* является анаграммой слова *конь*. А поскольку нижнее стекло матовое, получается, что конь белый.

Далее в «Откровении» раскрывается истинное имя всадника: «Он был облечен в одежду, обагренную кровию. Имя ему: Слово Божие» (Отк. 19, 13). Одежда Лужина после порезов об острые клинья разбитой нижней оконницы выглядит так же, как у апокалиптического всадника: «...он [Лужин] скинул пиджак и тут заметил, что руки у него в крови и перед рубашки в красных пятнах» (с. 151). Лужин является Богом-Словом. Далее в «Откровении» развивается тема Божественного Слова и его царского достоинства: «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы» (Отк. 19, 15) и говорится: «На одежде и на бедре Его написано: Царь царей и Господь господствующих» (Отк. 19, 15). Это определяет шахматный статус Лужина как короля (царя), причем тоже одновременно и белого, и черного. Красная кровь на белой рубашке корреспондирует с красно-белой шахматной доской, где красный цвет соответствует черному в черно-белых шахматах. Надпись «Царь царей и Господь господствующих» не только на одежде, но и на *бедре* всадника отсылает к теме гамбита. Термин *гамбит* произошел из ит. *dare el gambetto* ‘подставить подножку’⁴. С финалом романа «Защита Лужина»

⁴ В целом описание смерти Лужина в свете 19 главы «Откровения Иоанна Богослова» соответствует раскладке шахматной партии в стихотворении «Шахматный конь», написанном в 1927 г., за два года до романа «Защита Лужина».

корреспондирует не только содержание 19 главы Апокалипсиса, но уже само название «Откровение Иоанна Богослова» предоставляет огромные возможности для прояснения закодированных Набоковым смыслов. Слово *откровение* родственно слову *открывать* (ср. открывание окна Лужиным). С другой стороны, слово *откровение* паронимически сближается со словом *кровь*. «Откровение» заливается кровью — поэтому шахматная книжечка получается действительно красной. Имя Иоанн соответствует имени Лужина-старшего Иван (оно восстанавливается). Вторая часть имени Иоанна Богослова звучит как Бога-Слова. Получается, что шахматист Лужин и Лужин-старший тождественны и оба пишут книгу жизни. Это соответствует у Набокова тому, что Лужин-старший задумывает роман «Гамбит», а Лужин-младший его осуществляет. Тождество отца и сына одновременно отсылает к двум ипостасям христианской Троицы. Третья ипостась Троицы скрывается (в двух смыслах: то есть и содержится, и исчезает) в окне из двух квадратов, то есть клеток. Греч. название Святого Духа — *παράκλιτ*, или *παράκлет* — звучит подобно русск. *пара клеток*. Для того чтобы установить тождество таким образом представленного Святого Духа другим лицам Троицы, нужно вспомнить тот факт, что в воображении Лужина-старшего готовая книга представляется с красными иероглифами на полях. Ставить красные печати с иероглифами, означающими имя, было принято у китайских художников. Они ставили их на краю картин. В китайском языке иероглиф в виде двух поставленных друг на друга квадратов означает 'солнце'. В работе [Дмитровская 2007] нами были реконструированы имена Лужина-ребенка до времени начала событий, с которых начинается роман. Это уменьшительное имя от имени Александр — *Саня*, а также слова *сын*, *солнце*, *солнышко*, соответствующие англ. *son*, *sun*, *sunny*, которые фонетически близки имени *Саня*. Таким образом, у Набокова Дух Святой тождественен Сыну, который тождественен Отцу. Таким образом, те красные иероглифы, которые видит в своем воображении на полях ненаписанной книги старик Лужин, представляют собой печать Творца, единого в трех лицах. Слово *печать* здесь многозначно, в том числе оно обозначает издание книги. Имена Лужина-старшего и младшего не являются фиксированными. У героев целый пучок одинаковых и изменяющихся имен.

А теперь зададимся еще раз вопросом: почему молчит Лужин в финале романа? Он это делает потому, что он говорит и читает *про себя*. Это выражение содержит два смысла: а) говорить и читать молча и б) говорить и читать о себе. Оба эти смысла у Набокова совмещаются. А читает Лужин книгу своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль 1994 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
- Дмитриовская 2007 — *Дмитриовская М. А.* Алексей или Александр? (А. Лукин между двух иллюзий) // *Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия.* М., 2007.
- Дмитриовская 2009 — *Дмитриовская М. А.* DA+NET= DEATH («черно с белым не берите, “да” и “нет” не говорите»: обратный мат у В. Набокова) // *Логический анализ языка: Ассерция и негация.* М., 2009.
- Жития святых — *Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского.* Кн. 7. Киев, 2006.
- Набоков 1990 — *Набоков В. В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1990.
- Набоков 1997 — *Набоков В. В.* Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб., 1997.
- Саун 2001 — *Саун С. В.* Хронологические контуры романа В. Набокова «Защита Лужина» // *Набоковский сборник: Искусство как прием.* Калининград, 2001.
- Тысяча и одна ночь 1996 — *Тысяча и одна ночь: Собрание сказок:* В 8 т. Т. 1. М., 1996.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, И. Б. ЛЕВОНТИНА

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ: РУССКО-НЕМЕЦКИЕ СООТВЕТСТВИЯ¹

1. Русский и немецкий языки обладают замечательным общим свойством, отличающим их от других европейских языков: в них огромное количество диалогических (модальных — в немецкой традиции Modal- или *Abtönungspartikeln*) частиц (*ведь, же, ну, -ка, ишь, уж, да, вообще* и т. д. в русском и *denn, doch, ja, mal, halt, eben, na, nun, aber, überhaupt* и т. д. в немецком).

Литература, посвященная как русским, так и немецким частицам, огромна. Ср. обзор работ о русских частицах в [Кобозева 1991; Николаева 1985] и библиографию работ о немецких частицах в [Weydt 1987]. Из исследований последних десятилетий назовем лишь некоторые: [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Богуславский 1996; Дискурсивные слова 1998] о русских частицах и [Abraham 1991; 1995; Gast 2007; König 1991; 1997; (im Druck); Meibauer 1994; Thurmair 1989; Weydt 2003; Weydt, Poljakova 2000] — о немецких.

Создаются даже словари, специально посвященные лексикографическому представлению частиц и других «мелких» слов. Для русского языка это такие, как [Шимчук, Щур 1999; Морковкин 1997]. Для немецкого можно назвать одноязычные словари [Helbig 1988; Pasch et al. 2003] и двуязычные [König, Stark, Requardt 1990; Métrich, Faucher, Courdier 1992–1996]. Разумеется, мы не претендуем на полноту обзора, мы лишь хотим подчеркнуть, что в современной лингвистике частицы являются объектом пристального внимания.

В лингвистической типологии давно отмечено, что обилие частиц в языке — важный признак, противопоставляющий одни языки другим и сопряженный с некоторыми другими признаками языка.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 08-04-00173а) и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

К языкам, богатым частицами, относят древнегреческий, немецкий, русский; см. [Coseriu 1998; Heinrichs 1981].

2. Частицы чрезвычайно трудны для описания в силу абстрактности их значения и бесконечного числа его контекстных модификаций. И эта трудность многократно возрастает при попытке сопоставительного изучения. Проблемы практического перевода обычно решаются на интуитивном уровне (вплоть до пропуска частицы в переводе), однако для лексикографии эти проблемы оказываются почти неразрешимыми, поскольку формат двуязычного словаря требует предъявления устойчивых эквивалентов. Словари, как правило, с этой задачей не справляются, давая только примеры перевода, в то время как глубинная семантика, мотивирующая употребление частицы, не эксплицируется.

Появление корпусов параллельных текстов открывает новые перспективы для сопоставительного изучения частиц. При наличии большого количества контекстов с их переводами появляется возможность установить зависимость между типом контекста употребления частицы и ее предпочтительным переводным эквивалентом. При этом необходимо иметь в виду, что само по себе обилие контекстов не дает ключа к пониманию употребления частицы, а является лишь отправной точкой для семантического анализа. В результате такого анализа обнаруживается, что даже за достаточно устойчивыми соответствиями между частицами двух языков могут стоять совершенно разные семантические механизмы.

При этом в ряде случаев русской частице в целом все-таки можно сопоставить ту или иную немецкую (разумеется, с некоторой долей огрубления). Так, частице *же* довольно хорошо соответствует частица *ja*. *Ja* и *же* в «усилительном» значении в большинстве случаев могут служить переводными эквивалентами друг друга; ср.

Du weißt ja...

Ты же знаешь...

Ich hab's dir ja schon gesagt...

Я же сказал...

В их основе лежат похожие идеи. *Ja* выражает установку говорящего на то, что слушающий разделяет его точку зрения и от него не ожидается возражений. Правда, в большинстве описаний *ja* интерпретируется как сигнал того, что говорящий актуализирует информацию, уже известную адресату или общеизвестную; ср., например, [Weydt 1969: 36; Thurmair 1989: 104–109]. Однако более точным представляется описание, предложенное в [Rinas 2007]. Автор указывает, что общим в семантике всех употреблений данной частицы (в пове-

ствовательных и восклицательных предложениях) является следующий смысл: 'Говорящий исходит из того, что со стороны слушающего не последует возражений'. Ср. также [König (im Druck): 3], где частица *ja* описывается как «Indikator für starke Evidenz (Hintergrundwissen, perzeptuell überprüfbare Evidenz)»².

К. Ринас подчеркивает, что у говорящего здесь есть как бы Wissensvorsprung, т. е. говорящий часто знает больше, чем слушающий. Поэтому неправильно говорить об имеющемся у слушающего знании той информации, которую сообщает говорящий. Для предположения, что со стороны слушающего не последует возражений, возможны следующие причины:

(А). Положение вещей Р общеизвестно или само собой разумеется.

(Б). Положение вещей Р уже введено предшествующим контекстом.

(В). Говорящий знает что-то, чего еще не знает слушающий, что позволяет говорящему делать данное утверждение.

(А) и (Б) укладываются в традиционное объяснение, а (В) — нет.

На основе (В) объясняются примеры типа

А: *Beeil dich doch!* «Давай скорей!»

В: *Ich bin ja schon fertig angezogen.* «Да я уже одет».

Предложенное объяснение описывает не только повествовательные предложения (утверждения), но и восклицательные предложения типа

Du hast ja einen Fleck auf dem Hemd! «Да у тебя (ж) пятно на рубашке!»

То, что сказал говорящий, скорее всего в данный момент неизвестно слушающему. Реализуется модель (В). К. Ринас замечает, что в восклицательных предложениях *ja* показывает, что говорящий сам только что узнал то, что сообщает слушающему [Rinas 2007: 210]. С одной стороны, это так. Существует, по-видимому, особый речевой акт, состоящий в констатации нового и неожиданного для говорящего положения дел, причем обязательно в присут-

² Мнение, что говорящий считает сообщаемую информацию уже известной, подвергалось критике еще в [Braube 1986: 213]. Ср. ее пример — аутентичный диалог в трамвае:

А: *Würden Sie bitte weiter durchgehen!* «Пройдите, пожалуйста, вперед!»

В: *Nein, ich muß ja nächste Station schon aussteigen!* «Да я тоже выхожу на следующей».

ствии адресата. В условиях этого речевого акта возникает особая контекстная модификация частицы. В этом случае фраза *Du hast ja einen Fleck auf dem Hemd!* будет означать, что говорящий обнаружил пятно на рубашке только что. Однако эта фраза, причем тоже с восклицательной интонацией, может быть произнесена и в том случае, если пятно на рубашке уже обсуждалось, а слушающий все-таки собирается идти в этой рубашке на встречу. В этом случае реализуется модель (Б), а более адекватным переводом на русский язык окажется скорее *У тебя же пятно на рубашке!*, а не *Да у тебя (ж) пятно на рубашке!*

В отличие от *ja*, русская частица *же* выражает именно идею подтверждения, повтора того, что слушающему уже известно или должно быть известно. Эти две идеи — ‘говорящий не ожидает возражений’ и ‘говорящий повторяет уже известное’ — достаточно близки друг к другу, так что в реальном дискурсе они обеспечивают функциональную эквивалентность рассматриваемых частиц. Действительно, если говорящий повторяет уже известное, он, разумеется, не ждет возражений. Вместе с тем, эти идеи не тождественны, и можно ожидать, что эквивалентность частиц будет неполной³. Замечено, что между *же* и *ja* имеются различия. Например, в работе [Кобозева, Орлова 2008] отмечается, что *же* обладает более высоким «градусом экспрессивности»; ср.

Komm ja nicht zu spät!

Смотри не задерживайся!

Ich weine ja gar nicht.

Я и не плачу.

Надо отметить, что в примерах типа *Komm ja nicht zu spät!* = *Смотри не задерживайся!* мы имеем дело вообще с другой единицей — ударной частицей *JA*, которая обладает совсем иными свойствами [Hoffmann 2008: 213–215].

Нам представляется, что разная тональность у двух частиц — скорее кооперативная у *ja* и скорее конфликтная у *же* — является следствием отмеченного различия в их семантике, а именно выводится из ожидания отсутствия возражений, с одной стороны, и настоятельным повтором уже известного — с другой.

Подчеркнем при этом еще раз, что в целом сходство функционирования частиц *ja* и *же* обеспечивается сходной семантикой.

³ В ряде случаев к *же* ближе частица *doch*, более полемичная в силу внутренней формы, поскольку основное значение данной частицы — отрицательный ответ на вопрос, содержащий отрицание; по-русски это часто можно выразить как *Нет да!*

3. В других же случаях ситуация совсем иная, когда источником функциональной эквивалентности частиц вовсе не является их семантическая близость. Например, русской частице *-ка* во многих контекстах соответствует немецкая частица *mal* (*Скажи-ка* = *Sag mal*; *Погляди-ка* = *Guck mal*). В побудительных контекстах они часто переводят друг друга, и можно было бы подумать, что эти частицы имеют сходное значение.

Приведем несколько примеров из корпусов параллельных текстов:
 «Hört **mal** zu, Kinder!»

— *Послушайте-ка, дети!* (М. Ende. Momo)

«Sag **mal**», fragte sie schließlich, «was ist denn die Zeit eigentlich?»

— *Скажи-ка, — наконец спросила она, — Что это такое — Время?* (М. Ende. Momo)

«Gib **mal** den Hammer her».

— *Дай-ка мне молоток.* (Е. М. Remarque. Der schwarze Obelisk)

Дело здесь не в семантическом тождестве. Сходство между данными частицами в отдельных контекстах объясняется тем, что они дают сходный прагматический эффект, но возникает он из разных семантических источников. Поэтому в других, даже похожих типах контекстов разная семантика частиц дает другие эффекты, и никакого соответствия не возникает. Ср. фразы

*Stell dir **mal** vor, er hat tatsächlich gewonnen!*

Только представь себе, он и вправду выиграл!

*Sag doch endlich **mal**, was los ist!*

Да скажи наконец, что случилось!

Перевод этих немецких контекстов на русский с частицей *-ка* невозможен; ср. **Только представь-ка себе...*, **Да скажи-ка наконец...* и т. д. С другой стороны, фразу *Пошел-ка ты отсюда!* никак нельзя перевести как **Geh mal weg!*

Приведем другие примеры несоответствий (в первых двух случаях русское *-ка* не соответствует немецкому *mal*, а в последнем — наоборот):

«Reißt ihn raus!» kommandiert er seiner Garde.

— *А ну, вырвите-ка его оттуда, — приказывает он своей охране.* (Е. М. Remarque. Der schwarze Obelisk)

«Lassen Sie mich nur wieder los», sagt sie.

— *Лучше отпустите-ка меня, — говорит она.* (Е. М. Remarque. Der schwarze Obelisk)

— *Pass **mal** auf, Kleine!*

— *Смотри, малышка.* (М. Ende. Momo)

Иногда на первый взгляд кажется, что, хотя переводчик не использовал *-ка* для перевода *mal*, можно было бы употребить и *-ка*. Однако часто оказывается, что при этом изменилось бы значение. Ср.:

«*Ich gehe mal ein Aspirin nehmen...*»

– *Пойду приму аспириин...* (Е. М. Remarque. Der schwarze Obelisk)

Частица *-ка* была бы здесь возможна, но выражала бы другое значение. При *mal* — человек извиняется, объясняет, что ему нужно выйти. При *-ка* он побуждает себя встать и пойти. Поэтому фразу *-ка* человек может произнести и наедине с самим собой.

Рассмотрим причины подобных соответствий и несоответствий.

Внутренняя форма *mal* как частицы совершенно прозрачна. Эта частица восходит к наречию *mal* (сокращенное *einmal*), которое, в свою очередь, связано с существительным *Mal* «раз»; ср. словарную статью из НБНС:

mal I *adv* 1. *при умножении*: zwei ~ zwei ist vier дважды два — четыре 2. (*сокр. от einmal*) *разг.* раз; noch ~ ещё раз; das passiert mir nicht noch ~ такого со мной больше не случится; er will auch ~ mit dem neuen Auto fahren он тоже хочет (разок) на новой машине прокатиться 3. (*сокр. от einmal*) *разг.* однажды, когда-то; когда-нибудь (*в будущем*); es war ~... жил-был... (*в сказках*); wenn das ~ gut geht! *разг.* если только всё обойдётся [будет хорошо]! □ **erst** ~ *разг.* во-первых, сначала; **schon** ~ *разг.* когда-либо, когда-нибудь; warst du schon ~ in Moskau? ты уже когда-либо [когда-нибудь] бывал в Москве?; **wieder** ~, *тж.* ~ **wieder** ещё раз II *prtc* (*сокр. от einmal*) 1. *prtc mod* (*не несёт фразового ударения*) *разг.* *-ка, же* (*часто передаётся значением совершенного вида русского глагола*); komm ~ her! поди-ка сюда!; sei doch ~ still! ты можешь (хоть немного) помолчать!; stell dir ~ vor, er hat tatsächlich gewonnen! представь себе, он и вправду выиграл!; sag ~! 1) скажи(-ка)! 2) вот как! (*как реакция удивления*); zur Abwechslung werde ich ~ eine Pizza bestellen! закажу-ка я для разнообразия пиццу! □ **doch** ~ уж, же; sag doch endlich ~, was los ist! да скажи (уж) наконец, что случилось!; **Moment** ~! минуточку!; **nun** ~ пожалуй; уж; es ist nun ~ so так уж всё устроено; ничего не поделаешь! 2. *prtc foc* (*не несёт фразового ударения*): **nicht** ~ даже не, (даже) и не; er hat sich nicht ~ verabschiedet он даже и не попрощался; sie konnte nicht ~ die einfachsten Fragen beantworten она не (смогла) ответить даже на самые простые вопросы; das Lied war gar nicht ~ schlecht песня была совсем не так уж плоха, sie ist gar nicht ~ häßlich она вовсе даже не уродлива

Во всех употреблении частицы *mal* присутствует одна и та же идея, мотивированная внутренней формой, — идея кванта, мини-

мальной «порции» действия, свойства и т. п.⁴. Отсюда все эффекты смягчения, вежливости, примирительности (*Es ist nun mal so = Да уж так всё устроено; Ничего не поделаешь*), а в сочетании с отрицанием — напротив, подчеркивание полноты отсутствия. Между прочим, в современном русском сленге тоже есть выражение со словом *раз*, имеющее аналогичное значение: ср. *Ни разу не похож; Я его ни разу не помню; Она ни разу не уродина*.

Значение *-ка* можно представить следующим образом⁵: ‘сообщая, что мысль или потребность возникла только что и что ситуация требует немедленного разрешения, говорящий подчеркивает, что он хочет, чтобы она была разрешена’. Из этого толкования следует, что *-ка* (в отличие от *mal*) может употребляться только в побудительных высказываниях. Частица *-ка* используется для выражения фамильярной просьбы, совета, предложения, предостережения, а также самопобуждения (*Пойду-ка я домой*)⁶. Компоненты значения частицы взаимодействуют с семантикой разных побудительных речевых актов и особенностями ситуации общения, давая различные прагматические эффекты.

Так, если говорящий просит о чем-то, не требующем от адресата специальных усилий, то введение *-ка* смягчает просьбу, оправдывая ее острой необходимостью и спонтанностью (*Дай-ка ложку; Погоди-ка; Скажи-ка...*). Если же выполнение просьбы требует определенного труда, *-ка* дает противоположный эффект, делая просьбу более резкой («Мне это только что пришло в голову, а ты немедленно кидайся выполнять»); ср. — *Помой-ка посуду! — Не помой-ка, а помой, пожалуйста*.

Таким образом, становится понятным, почему просьбы с частицей *mal* в некоторых случаях можно перевести с использованием *-ка*, а в некоторых это абсолютно невозможно. Дело в том, что у немецкой частицы идея минимизации входит в значение, и соответственно в речевом акте просьбы *mal* всегда будет смягчать эту просьбу⁷. В то же время в *-ка* «смягчение» — это лишь эффект,

⁴ Ср. определение базовой идеи, лежащей в основе семантики этой частицы, как «Minimalwert für Aufwand bei Ausführung einer Handlung» [König (im Druck): 2].

⁵ Более подробное описание *-ка* см. в [Левонтина 1991].

⁶ В само значение данной частицы входит побудительность, поэтому, разумеется, имеет смысл сопоставлять *-ка* и *mal* именно в побудительных контекстах. В контекстах иного рода, где *mal* также возможно, вопрос о *-ка* даже не возникает.

⁷ Несколько иначе в австрийском варианте, где имеется противопоставление *amol* (= einmal) и *mol* (= mal). На этом мы сейчас останавливаться не будем.

возникающий в контексте мелкой просьбы, не требующей усилий. В подобных случаях две частицы «совпадут». Интересно, что как добавление *-ка* в этом случае приблизительно синонимично замене несовершенного вида на совершенный (*Иди-ка сюда!* ≈ *Поди сюда!*), так и фразы с *mal* часто адекватно переводятся именно с формой совершенного вида (ср. выше словарную статью *mal*). Можно сказать, что *Иди сюда!* соответствует немецкому *Komm her!*, а *Поди сюда!* — *Komm mal her!*

4. Итак, можно выделить три основных типа императивных контекстов, где имеет место системное расхождение между двумя рассматриваемыми частицами:

Повторные просьбы

*Да дай-ка сюда!; **Да скажи-ка!*

ср., однако, уместное в качестве повторной просьбы немецкое высказывание *Gib's doch mal her!* «Ну давай же (это) сюда!»

Sag doch endlich mal, was los ist! «Да скажи, наконец, что случилось!»

Резкие императивы

*Geh mal weg!, при том что русское *Пошел-ка вон!* было бы в этой ситуации абсолютно уместно

Du! Was hast du mit meinem Auto gemacht?! Gib mir den Schlüssel zurück, aber schnell!; ср. аналогичное по смыслу русское высказывание с *-ка*:

Что ты сделал с моей машиной?! А ну-ка давай назад ключи, по-быстрому!

ср. также семантически и прагматически эквивалентные императивы *Halt's Maul!* и *Захлопни-ка варежку!*

Допустимы, правда, близкие по значению высказывания с *mal*, которые представляются менее грубыми, чем *Halt's Maul!*; ср.

Sei doch (bitte) mal still!; *Sei mal still!* «Ты можешь/ты не мог бы (хоть немного) помолчать!»

Допустим также и вариант *Halt mal das Maul!*, хотя он существенно менее употребителен, чем *Halt's Maul!*, причем частица *mal* смягчает резкость этой реплики. Ср. также фразу *Hör auf!* (приказ) и фразу *Hör mal auf!*, воспринимаемую скорее как просьба. Впрочем, там, где дело касается вежливости, всегда очень трудно провести четкие разграничения.

«Риторические» императивы

*Stell dir **mal** vor, er hat tatsächlich gewonnen!*

Ты только представь себе, он и вправду выиграл!

Русский язык замечательным образом различает два вида императивных высказываний: собственно императив и императив, так сказать, риторический. При собственно императиве говорящий ожидает от адресата выполнения соответствующего действия. В случае риторического императива высказывание является перформативным. Например, *Не забудь, что ему уже восемьдесят!* — это речевой акт напоминания. Говорящий не ожидает, что адресат будет помнить о чем-то, а самим фактом своего высказывания заставляет его вспомнить. Риторический императив образуют предикаты *помнить, иметь в виду, обратить внимание, понять* и подобные. Некоторые из этих предикатов образуют и «нормальный» императив. Ср. *Вспомни, у него уже были тогда усы?* vs. *Вспомни, сколько он для тебя сделал!* В первом случае говорящий хочет получить новую информацию, во втором — просто напоминает.

Два вида императива различаются в русском языке с точки зрения употребления частиц. Частица *ведь* может использоваться только в риторическом императиве (см. [Левонтина 2005]); ср. **Ведь ты не забудь ключи!*, но: *Ведь ты не забывай, какое тогда было время!* Частица *-ка* ведет себя противоположным образом. Ср. правильное *Вспомни-ка, у него уже были тогда усы?* и неправильное **Не забудь-ка, что я первый об этом писал!*

В отличие от русских частиц, немецкое *mal* может использоваться в обоих типах императивных высказываний. По этой причине риторические императивы с *mal* не могут переводиться с участием *-ка*.

*Denk **mal** dran, was er für dich getan hat!*

*Вспомни-ка, сколько он для тебя сделал!

В заключение приведем еще один пример того, как иллюзорно может быть тождество двух частиц. Рассмотрим относительно вежливый немецкий диалог в транспорте:

— *Darf ich **mal** durch?*

— *Ich steig **ja** selbst aus.*

Заглянув в словарь, человек узнает об эквивалентности *ja* и *же*, с одной стороны, и *mal* и *-ка* — с другой. Действительно, такой перевод здесь вполне возможен:

— *Дайте-ка пройти!*

— *Я же сам выхожу!*

Однако совершенно очевидно, что этот перевод неадекватен. Вместо довольно дружелюбного и мирного немецкого диалога получаем раздраженный и конфликтный русский диалог.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 — *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Кобозева 1991 — *Кобозева И. М.* Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991.
- Кобозева, Орлова 2008 — *Кобозева И. М., Орлова С. В.* Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица *ja* в сопоставлении с ее переводными эквивалентами *ведь* и *же* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14). М., 2008.
- Левонтина 1991 — *Левонтина И. Б.* Словарная статья частицы *-ка* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Левонтина 1999 — *Левонтина И. Б.* Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура, Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Левонтина 2005 — *Левонтина И. Б.* Частица *ведь*: загадки сочетаемости // Труды международного семинара «Диалог 2005» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. М., 2005.
- НБНС — Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц / Под общим руководством Д. О. Добровольского. М., 2008–2010.
- Шимчук, Щур 1999 — *Шимчук Э., Щур М.* Словарь русских частиц. Berlin, 1999.
- Abraham 1991 — *Abraham W.* (ed.). Discourse particles. Descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German. Amsterdam, 1991.
- Abraham 1995 — *Abraham W.* Wieso stehen nicht alle Modalpartikeln in allen Satzformen? Die Nullhypothese // *Deutsche Sprache* 23/2, 1995.
- Brauße 1986 — *Brauße U.* Zum Problem der sogenannten Polyfunktionalität von Modalpartikeln: *Ja* und *eben* als Argumentationssignale // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 2, 1986.
- Coseriu 1980 — *Coseriu E.* Partikeln und Sprechtypen. Zur strukturell-funktionellen Fragestellung in der Sprachtypologie // *Wege zur Universalienforschung*. Tübingen, 1980.
- Gast 2007 — *Gast V.* Modal particles and context updating — the functions of German *ja*, *doch*, *wohl* und *etwa* // *Vater H., Letnes O.* (eds.). Modalverben und Grammatikalisierung. Trier, 2007.

- Heinrichs 1981 — *Heinrichs W.* Die Modalpartikeln im Deutschen und Schwedischen. Tübingen, 1981.
- Helbig 1988 — *Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig, 1988.
- Hoffmann 2008 — *Hoffmann L.* Über JA // Deutsche Sprache 3/2008.
- König 1991 — *König E.* Gradpartikeln // Semantik/Semantics. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin; New York, 1991.
- König 1997 — *König E.* Zur Bedeutung von Modalpartikeln im Deutschen: Ein Neuansatz im Rahmen der Relevanztheorie // Germanistische Linguistik 136, 1997.
- König (im Druck) — *König E.* Partikeln als metapragmatische Instruktionen: Generelle Dimensionen der Analyse ihres Inhalts (im Druck).
- König, Stark, Requardt 1990 — *König E., Stark D., Requardt S.* Adverbien und Partikeln. Ein deutsch-englisches Wörterbuch. Heidelberg, 1990.
- Meibauer 1994 — *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen, 1994.
- Métrich, Faucher, Courdier 1992–1996 — *Métrich R., Faucher E., Courdier G.* Les Invariables Difficiles. Dictionnaire allemand-français des particules, connecteurs, interjections et autres «mots de la communication». Nancy, 1992–1996.
- Pasch R. et al. 2003 — *Pasch R. et al.* Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin; New York, 2003.
- Rinas 2007 — *Rinas K.* Bekanntheit? Begründung? Einigkeit? Zur semantischen Analyse der Abtönungspartikel *ja* // DaF 4/2007.
- Thurmair 1989 — *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen, 1989.
- Weydt 1969 — *Weydt H.* Abtönungspartikel: die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen. Bad Homburg v.d.H. etc., 1969.
- Weydt 2003 — *Weydt H.* (Warum) Spricht man mit Partikeln überhaupt höflich? // Heid G. (Hrsg.) Partikeln und Höflichkeit. Frankfurt/M., 2003.
- Weydt, Poljakova 2000 — *Weydt H., Poljakova S.* (eds.) Partikeln/Particles. Linguistik online 6, 2/00. 2000.

ИСТОЧНИКИ

- Национальный корпус русского языка [www//ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru) / Корпуса параллельных текстов / Немецко-русский подкорпус:
М. Ende. Момо / М. Энде. Момо. Пер. Ю. Коринц.
E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk / Э. М. Ремарк. Черный обелиск. Пер. В. Станевич.

Д. О. ДОВРОВОЛЬСКИЙ, Е. В. ПАДУЧЕВА

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ОТ 1-ГО ЛИЦА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ¹

Цель нашего доклада — обсудить некоторые нетривиальные особенности высказываний от 1-го лица в сопоставительном аспекте. Отдельно мы обсудим корреляты таких высказываний в конструкциях косвенной речи. Есть основания предполагать, что некоторые из отмечавшихся в литературе (см. в первую очередь [Падучева 1985/2008: 136–142]) явлений универсальны по природе и, соответственно, не зависят от лексических особенностей конкретных языков. Другие явления оказываются, напротив, лингвоспецифичными. Мы попытаемся установить границу между теми и другими, а главное — объяснить, почему в одних случаях поведение языковых единиц подчиняется некоторым общим закономерностям, а в других — нет. Работа выполнена на материале русского и немецкого языков.

1. В [Падучева, Зализняк 1982] и в [Падучева 1985/2008: 137] отмечается, что высказывания от 1-го лица обладают определенной семантической уникальностью. Позднее это было осознано как эффект перформативности. В частности, у некоторых модальных глаголов в контексте 1-го лица возникает специфическое значение. Ср. *Должен вам сказать, что...*; *Хотел вас спросить, когда...* Функция модального глагола в таких высказываниях сводится к оформлению перформативности. Особенно типично такое употребление для глагола *хотеть*, что связано с невозможностью перформативного употребления для ряда речевых глаголов. Ср. *Хочу заметить, что...* — **Замечаю, что...* В близком значении в перформативных формулах употребляется сослагательное наклонение. Ср. *Я просил бы вас...* ≈

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект 08-04-00173а) и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

Я прошу вас... В контекстах, где говорящий по каким-либо причинам считает необходимым эксплицировать скрытый перформатив, в качестве подобной перформативной заставки используется не «чистый» глагол, а соответствующие перифрастические эквиваленты.

В [Гришина 2007: 149–150] отмечается, что экспликация перформатива особенно характерна для разговорной речи. Сравнение транскриптов русских фильмов с исходными текстами (пьесами или сценариями) показывает, что употребление перформативной заставки является одним из основных показателей разговорности. Из приведенных в [Гришина 2007: 150] примеров становится очевидным, что если в перформативной формуле не используется показатель модальности или сослагательности, то соответствующий глагол модифицирует свое значение, ср. (1) и (2).

- (1) Товарищ генерал-лейтенант / *я давно хотел спросить* / как с йети быть?
 (2) Я в ужасном горе. *Предупреждаю сразу* || Я в ужасном горе.

В контексте (2), в отличие от (1), перформативный глагол явно имеет семантический довесок форсированной настойчивости. Коммуникативная уместность выражения *предупреждаю сразу* мотивирована в первую очередь повтором высказывания. Ср. коммуникативно более нейтральный контекст (2').

- (2') *Хочу сразу предупредить* || Я в ужасном горе.

Примеры, приводимые в [Гришина 2007], показывают также, что если в качестве перформативной заставки используется предикат, в котором отсутствует акцентуированный компонент 'говoreние, порождение речи', его модально-сослагательная модификация не требуется. Ср. (3).

- (3) а. *Мне интересно* / ... почему ты от меня скрыл / что получил двойку?
 б. *Но я считаю* / что человек в жизни должен ждать самое большое / что он способен.

Интересно, что и немецкие глаголы, семантически эквивалентные подобным русским (*bemerken* — *заметить*, *fragen* — *спросить*, *erwähnen* — *упомянуть*), также не допускают перформативного употребления в нефорсированных контекстах без поддержки модального глагола или показателей сослагательности; ср. *Ich möchte/muss/würde bemerken, dass...*; *Ich möchte/wollte fragen, Ich möchte/muss/wollte erwähnen, dass...* Ср. (4).

- (4) а. «*Ich möchte* ihnen aber davon *erzählen*, allen!»
 — Но я очень хочу об этом рассказать, всем рассказать!
 (Michael Ende. Momo)
- б. «*Ich würde* es Ihnen nicht *raten* <...>»
 — Я бы вам не советовал <...>
 (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk)

Это явление характерно и для многих других (по крайней мере германских и романских) языков, причем формы конъюнктива или кондиционалиса в таких языках, как немецкий или английский (*Ich würde Sie bitten...*; *I would (like to) ask you...*), в целом гораздо употребительнее в подобных контекстах, чем формы индикатива презенса, что, по-видимому, объясняется требованиями вежливости (о различных типах вежливости и их влиянии на узус см. [Wierzbicka 1991]).

В связи с этим сразу встают по крайней мере следующие вопросы: каков состав этих речевых глаголов в русском и немецком языке?; совпадает ли этот набор?; если да, чем это объясняется?; есть ли какие-то семантические причины для ограничений того или иного глагола на перформативное употребление?

По данным корпусов, которыми мы располагаем на сегодняшний день, создается впечатление, что немецкий язык ведет себя в этой области абсолютно так же, как русский. Это заставляет предположить, что здесь действуют некоторые универсальные механизмы. Причина обязательного появления модального глагола или показателя сослагательности в перформативных употреблениях состоит, видимо, в том, что глаголы, в значении которых профилирован компонент 'говорение', выглядят в перформативном употреблении несколько странно. В [Падучева 1985] обращается внимание на эту семантическую особенность применительно к глаголу *говорить*. «Компонент 'Я говорю, что' с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в произносимом предложении с обязательностью опускается. Следовательно, если компонент 'Я говорю, что' сохраняется в предложении, то это потому, что *говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение» [Падучева 1985/2008: 138]. Очевидно, это объясняет не только семантические приращения в контекстах типа *Я же говорю тебе...*, но и необходимость модификации любого другого глагола говорения в перформативных высказываниях, поскольку у таких глаголов, как *заметить* — *bemerken*, *спросить* — *fragen*, *упоминуть* — *erwähnen*, компонент 'говорение, порождение речи' акцентуирован изначально. Соответственно, их употребление «в чистом виде» в перформативных формулах противоречило бы требованиям языковой экономии,

т. е. было бы откровенно избыточным или создавало бы ощущение некоторого смыслового обогащения, которое не предполагалось говорящим. Использование модального глагола или показателей сослагательности служит в таких случаях как бы смягчению утвердительности и, во всяком случае, снятию коммуникативного выделения с речевого глагола; ср. *Я вас спрашиваю... vs. Хочу вас спросить...; Я говорю <замечаю, упоминаю> следующее vs. Хотелось бы сказать <заметить, упомянуть> следующее.* С этой точки зрения нет ничего удивительного, что перформативное использование глаголов говорения разных языков вряд ли возможно в нефорсированных контекстах. Там, где необходимость в такой перформативной заставке все-таки возникает (например, для того, чтобы специфицировать характер произносимой реплики как утверждения, вопроса, переспроса, уточнения и пр.), она оформляется при участии того или иного «сопроводителя»: модального глагола или показателей сослагательности.

Видимо, соответствующие семантико-прагматические ограничения имеют настолько общий характер, что действуют в самых разных (по крайней мере во всех знакомых нам европейских) языках.

2. Еще одна важная особенность функционирования языковых единиц в перформативных контекстах, отмечаемая в [Падучева 1985/2008: 137–138], — это семантический сдвиг у некоторых ментальных и эмоциональных глаголов. Эти слова порождают в контекстах 1-го лица специфические значения. Ср. *Я восхищаюсь вашим поступком*, где *восхищаюсь* означает не просто ‘испытываю восхищение’, а ‘испытываю восхищение и выражаю это’. Такой семантический сдвиг характерен для слов *поражаться, удивляться, надеяться, сомневаться, ожидать, подозревать, сознавать, чувствовать, сожалеть, бояться, полагать, быть потрясенным/возмущенным; истолковывать, ограничивать, обобщать, систематизировать, сопоставлять, уточнить, уподоблять, иметь в виду, предпочитать, подразумевать.*

На основе имеющегося материала можно утверждать, что данный семантический сдвиг, предполагающий появление дополнительного компонента смысла, в полной мере характерен и для немецкого языка. Ср. контексты (5).

(5) а. Ah, *ich verstehe!* Sie entwerfen ein neues Parfum.

— А, *понимаю!* Вы изобретаете новые духи.

б. *Ich bin erschüttert* über meine Genialität.

Я потрясен своею гениальностью.

в. “*Das meine ich nicht*” (букв. *я не это имею в виду*), sagte die Amme unwirsch und schob den Korb von sich.

— *Я не о том*, — угрюмо возразила кормилица и отодвинула от себя корзину. (Patrick Süskind. *Das Parfum*)

Очевидно, что в высказываниях от 1-го лица эти предикаты обнаруживают определенные семантические приращения, а именно компонент значения ‘нахожусь в данном эмоциональном/ментальном состоянии’ переходит в ‘сообщаю, что нахожусь в данном эмоциональном/ментальном состоянии’. Это становится особенно заметным при противопоставлении подобных контекстов контекстам с соответствующими предикатами в 3-м лице, ср. (6), где *он был в восхищении* не имеет семантического приращения ‘сказал, что...’.

(6) *So ergriffen war er von sich selbst.*

Настолько *он был в восхищении* от самого себя. (Patrick Süskind. *Das Parfum*)

Для реализации семантического сдвига такого рода в высказываниях от 3-го лица — как в немецком языке, так и в русском — часто необходим контекст, фокусирующий идею говорения (см. ниже). Регулярным и контекстно-независимым такое «речевое» прочтение предиката оказывается только в контекстах 1-го лица и ввода прямой речи типа — *Ну и дела!* — *удивился он*. Последнее самоочевидно, поскольку любой глагол, используемый для ввода прямой речи, должен с необходимостью пониматься только как речевой (даже если он не имеет такого значения в словаре). Ср. — *Ума не приложу... — почесал он в затылке, где чесать в затылке* явно не имеет «словарного» значения ‘говорить, что...’². Существенно, что производное значение, возникающее в контексте ввода прямой речи, не идентично производному значению в высказываниях от 1-го лица. Так, с помощью высказывания *Я удивляюсь* говорящий реализует значение ‘сообщаю, что нахожусь в состоянии удивления’, а в конструкции — *Ну и дела!* — *удивился он* скорее реализуется значение ‘сказал удивленно’.

Для решения вопроса о причинах межъязыковых различий в этой области требуется обработка большого эмпирического материала. Мы не можем пока утверждать, что у нас есть полный список таких предикатов для каждого из сопоставляемых языков. Единственное,

² Заметим, что исходным значением для «речевой» деривации здесь, как и в большинстве случаев в русском языке, является не значение физического действия, а идиоматическое значение фраземы *чесать в затылке* ≈ ‘напряженно думать’.

что стало очевидным на данном этапе исследования, — это наличие здесь заметных различий между русским и немецким языком. Особенно это касается высказываний в косвенной речи, описывающих соответствующий речевой акт и построенных по принципу *Он весь вечер восторгался...* Это явление не чуждо и русскому языку. Апресян [1995: 32] со ссылкой на Иорданскую [1970] рассматривает глаголы типа *восторгаться*, *восхищаться*, *удивляться* как имеющие особое значение: ‘Человек X выражает определенную эмоцию по поводу факта или объекта Y, делая высказывание P’. В отсутствие элементов контекста, явным образом фокусирующих речевую составляющую, однозначное отнесение конкретных употреблений к тому или иному значению (т. е. речевому или же ментальному/эмоциональному) затруднено. Ср. (7)³.

- (7) а. Он же, слушая их, не *восторгался* и даже не улыбался, а просто верил, что <...> (Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей)
 б. Я помню, как Менухин всегда *восхищался* постановкой рук Спивакова. (Сати Спивакова. Не всё)
 в. Дело было не только в дядюшкиной эрудиции, романтическом прошлом и безупречном вкусе — Колюня *восхищался* его привычками, жестами, словечками, мимикой, смесью грубоватости и изысканности, смотрел в рот и ловил каждое слово, а умного взрослого человека это обожание забавляло. (Алексей Варламов. Купавна)

Так, в (7в) не очень понятно, говорил ли субъект эмоции восторженно-восхищенные слова или нет⁴. Можно лишь предполагать, что скорее говорил (иначе откуда бы об этом узнали окружающие), но напрямую этого не сказано. Вполне можно допустить, что контекст (7в) описывает внутреннее состояние Колюни, а не его высказывания. Подобная амбивалентность полностью снимается лишь в контекстах от 1-го лица и при вводе прямой речи (ср. (8)), а также в сопровождении слов, однозначно указывающих на ситуацию говорения; ср. (9).

- (8) а. «Ну и бесчувственная старуха», — *удивлялся* про себя Павел Алексеевич <...>
 (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света)

³ В статье используются контексты из Национального корпуса русского языка.

⁴ Или, как в (7а), ожидалось ли от него, что он будет говорить что-то восторженное (чего он не делал) или же что он просто будет находиться в соответствующем эмоциональном состоянии.

- б. — Невероятно! — *восхищался* Шлиппенбах. — Типичный царь! (Сергей Довлатов. Чемодан)
- (9) а. Например, работами американского композитора Джона Уильямса он *восторгался*, убежденно *называя* их «музыкой будущего». (Антон Висков. Наследник апостола Иоанна)
- б. Еще и еще просил он играть этот хор, останавливал, *громко восторгался*, переигрывал сам, усевшись за рояль. (Алексей Вульф. Теперь лишь вспоминать)
- в. Котенок задумался и решил рассказать о всех приключениях, случившихся с ними во время великого воздухоплавательства. Кот слушал и *громко удивлялся*. (Андрей Курков. Великое воздухоплавательное путешествие)
- г. Правда, ещё в первый день плавательной программы украинский спринтер Александр Волюнец *искренне восхищался* в беседе с корреспондентом «Известий» техникой поляка Бартоша Кизиеровски. (Андрей Митьков. День Попова)

На первый взгляд, немецкие ментальные и эмоциональные предикаты (глаголы и коллокации) ведут себя весьма сходным образом, однако при ближайшем рассмотрении здесь обнаруживаются довольно существенные межъязыковые различия.

3. Обратимся к глаголам и коллокациям, выражающим ментальные состояния и установки, ср., например, нем. *keinen Grund sehen* 'не видеть причин', *meinen* 'иметь в виду, считать', *finden* 'находить' (в таких сочетаниях, как *Anlass finden* 'найти повод'), *wahrnehmen* 'воспринимать', *empfinden* 'ощущать'; ср. также рус. *видеть*, *усматривать*, *считать*, *находить*, *воспринимать*.

Приведем пример. Контекст (10) представляет собой фрагмент аутентичного сообщения из немецкого журнала, контекст (11) — его «нормальный», т. е. узуально приемлемый перевод на русский язык (в скобках приводится дословный перевод интересующего нас выражения).

- (10) Für eine Kabinettsumbildung in Bonn noch in diesem Jahr sprach sich der CSU-Vorsitzende Theo Waigel aus. Der deutsche Bundeskanzler Helmut Kohl *sah am 18.8.* "keinen Grund, mit meinen Kabinettskollegen unzufrieden zu sein". (Deutsch-russischer Kurier, September/Oktober 1997)
- (11) За переформирование боннского правительства еще в этом году высказался председатель ХСС Тео Вайгель. 18 августа Федеральный канцлер Гельмут Коль *заявил, что он не видит* (букв. *Гельмут Коль не видел причин*) «причин для недовольства своими коллегами в кабинете министров».

Сравнение контекстов (10) и (11) показывает, что по крайней мере некоторые немецкие ментальные предикаты могут свободно сочетаться с обстоятельствами времени — адвербиалами, референтно соотносимыми с конкретными датами — притом что русские глаголы этого типа выглядят в таких комбинациях достаточно странно и могли бы быть расценены как нормативные только в контрастивных контекстах; ср. (12).

- (12) *Если 18 августа* Федеральный канцлер Гельмут Коль *еще не видел* причин для недовольства, то *19 августа* его мнение радикально изменилось.

Очевидно, немецкие ментальные (как, впрочем, и эмоциональные) предикаты могут более свободно, чем русские, употребляться в «речевом» значении в контекстах от 3-го лица, описывающих соответствующие речевые акты. Особенно показательны при этом контексты с адвербиалами времени типа *18 августа*, поскольку указание на точную дату делает наиболее естественной интерпретацию соответствующего выражения как глагола говорения, а не как предиката ментального состояния. Употребление коррелирующих русских глаголов в сочетании с адвербиалами точной даты (сюда относятся и наречия типа *вчера*) исключает их прочтение в «речевом» значении: выражение *X грустил* <*радовался, удивлялся, считал, что..., придерживался мнения, что..., верил, что*> в день *D* по умолчанию будет понято так, что в этот день *X* находился в том самом ментальном или эмоциональном состоянии, а не так, что он тогда об этом сказал. Список русских глаголов, допускающих такое прочтение, существенно более ограничен: это глагол *заметить* (см. [Падучева 2004: 200, 217]), уже упоминавшиеся *восторгаться, восхищаться, удивляться*, а также *сокрушаться, возмущаться, злиться, злорадствовать, негодовать, торжествовать* и другие. Тем не менее, достаточно очевидно, что немецкий язык обладает здесь большей свободой, чем русский.

Контекст адвербиалов точной даты можно считать диагностическим. Так, конструкция *не видеть причин для чего-л.*, употребляемая вне связи с адвербиалом точной даты, допускает двойное прочтение. Предложение (13а) может пониматься и в «чисто ментальном» и в «речевом» смысле, а предложение (13б), где понимание однозначно речевое, звучит не по-русски.

- (13) а. Федеральный канцлер Гельмут Коль *не видел причин* для недовольства.
 б. Как выяснилось вчера в ходе пресс-конференции, Федеральный канцлер Гельмут Коль *не видел причин* для недовольства.

Таким образом, при вводе в подобные высказывания адвербиала точной даты возможность их интерпретации в «речевом» смысле утрачивается.

ЗАМЕЧАНИЕ: Различия между русским и немецким языками в этой области видятся не только в наборе глаголов, допускающих «речевое» осмысление, но и в видовых ограничениях, значимых для русского языка и отсутствующих в немецком. «Речевое» осмысление в стандартном случае предполагает прочтение описываемого глаголом действия как «точечного», моментального; ср. ...*обрадовался Петя*, ...*возмутился Ваня*, ...*согласилась Маша*. Иными словами, для речевого понимания необходимо осмысление предиката как события, а не как состояния. По этой причине глаголы данного типа в СВ интерпретируются как речевые. При их переводе в НСВ получаются выражения, требующие для своей «речевой» интерпретации специальных контекстных условий, причем отдельные глаголы обнаруживают здесь индивидуальные особенности; ср. ...*радовался Петя*, ...*возмутился Ваня* — нормально и почти синонимично СВ, а ?...*соглашалась Маша* «не звучит». Выражения типа *соглашалась Маша* могут пониматься как «речевые», только если они обозначают повторяющееся действие. В немецком языке в отсутствие видовых противопоставлений подобные ограничения нерелевантны.

Тезис о большей распространенности «речевого» прочтения немецких ментальных предикатов в контекстах, не привязанных к высказываниям от 1-го лица, подтверждается также примерами типа (14–17). В качестве диагностических (наряду с контекстами адвербиалов точной даты) могут рассматриваться примеры, в которых соответствующий ментальный или эмоциональный предикат помещается в контекст адвербиала *in seiner Rede* ‘в своей речи’, поскольку такой контекст однозначно фокусирует речевую составляющую.

- (14) *In seiner Rede empfand er die Vorwürfe als gerechtfertigt.*
*В своей речи он *ощутил* упреки как справедливые <ср. ...*сказал, что ощущает...*>.
- (15) *In seiner Rede fand er keinen Anlass zur Selbstkritik.*
*В своей речи он *не нашел повода* для самокритики <ср. ...*сказал, что не находит...*>.
- (16) *In seiner Rede meinte er, dass es besser wäre, das Gesetz anzunehmen.*
*В своей речи он *считал*, что было бы лучше принять этот закон <ср. ...*сказал, что считает...*>.
- (17) *In seiner Rede bedauerte er den jüngsten Korruptionsskandal.*
*В своей речи он *сожалел* по поводу последнего скандала, связанного с коррупцией <ср. ...*выразил сожаление по поводу...*>.

Как видно из этих примеров, в русском языке имеется ряд дополнительных ограничений на семантическую деривацию этого типа. Было бы, однако, неверно думать, что немецкие ментальные и эмоциональные предикаты образуют речевые значения по неким продуктивным правилам. Есть немало случаев, когда подобная семантическая деривация невозможна — ср. (18) — или представляется носителям языка стилистически неудачной; ср. (19) и узуально более приемлемое выражение (19’).

(18) *In seiner Rede *nahm* er die Ereignisse anders *wahr*.

*В своей речи он *воспринял* события иначе.

(19) ?In seiner Rede *freute* er sich über die Erfolge seiner Partei bei der letzten Wahl.

*В своей речи он *радовался* успехам своей партии на последних выборах.

(19’) In seiner Rede *äußerte* er seine Freude über die Erfolge seiner Partei bei der letzten Wahl.

В своей речи он *выразил радость* по поводу успехов своей партии на последних выборах.

Причины избирательности семантического приращения ‘внутреннее состояние’ → ‘высказывание об этом состоянии’ требуют отдельного обсуждения. Заметим лишь, что, с одной стороны, они связаны с ограничениями, заложенными в исходном значении предиката (в частности, с его способностью интерпретироваться как обозначение события, а не только состояния), и с другой — с чисто узуальными особенностями соответствующих слов (подробнее об этом см. [Dobrovol’skij 2001b]).

4. Теоретически встает вопрос, в каких терминах следует объяснять обсуждаемые семантические сдвиги. С одной стороны, вполне естественным представляется объяснение, оперирующее прагматическими категориями — как импликатурами дискурса, так и конвенциональными импликатурами (*conversational* и *conventional implicatures* в смысле Грайса [Grice 1975]). В пользу прагматических объяснений говорит тот факт, что семантический сдвиг ‘нахожусь в данном эмоциональном/ментальном состоянии’ → ‘сообщаю, что нахожусь в данном эмоциональном/ментальном состоянии’ представляется (по крайней мере до детальной эмпирической проверки) свойственным целым семантическим классам. С другой стороны, как было показано в разделе 3, между отдельными языками существуют существенные различия в степени узуализованности этого семантического при-

ращения. Так, в русском языке компонент 'говорение, порождение речи' реализуется (за некоторыми исключениями) только в определенных конструкциях: в высказываниях от 1-го лица и в выражениях, вводящих прямую речь, а в немецком — еще и в описательных контекстах от 3-го лица, причем достаточно регулярно. В этом смысле обсуждаемый семантический сдвиг оказывается неуниверсальным, что делает более удобным его «словарное» описание, т. е. выделение в семантической структуре соответствующих слов особых, «речевых» значений. Иными словами, результирующие значения достаточно не тривиальны, т. е. не вполне предсказуемы на основе неких общих закономерностей семантического сдвига (подчиняющегося, например, принципу релевантности — [Sperber, Wilson 1986]). Соответственно, эти дополнительные значения — по крайней мере в некоторых случаях — удобно описывать в терминах регулярной многозначности (что само по себе не исключает наличия факторов прагматической природы, лежащих в основе полисемии этого типа). Поскольку регулярная многозначность, будучи потенциально универсальным явлением, реализуется в каждом конкретном языке весьма специфичным образом (ср., например, [Падучева 2004]), наличие определенных межъязыковых различий оказывается вполне естественным. Очевидно, выделять самостоятельное «речевое» значение у изначально эмоционального или ментального глагола разумно в случаях, когда это значение реализуется не только в контекстах от 1-го лица и в функции ввода прямой речи, но и в описательных контекстах типа *Он весь вечер восторгался этим новым фильмом*. В остальных случаях точнее говорить об особом значении соответствующей конструкции.

Вообще, вопрос о представлении данного феномена (прагматические импликатуры vs. регулярная многозначность) — проблема скорее техническая и должна решаться в зависимости от задач исследования и экономности описания. По сути, мы имеем дело с достаточно прозрачным прагматическим механизмом, действие которого основывается на общем принципе, согласно которому мы вообще не можем однозначно судить о внутреннем состоянии того или иного человека склонны интерпретировать высказывание о внутреннем состоянии как высказывание о выражении этого состояния в речи. В контекстах, где такое подтверждение отсутствует, глагол данного типа может квалифицироваться как интерпретативный. Именно по этой причине так неестественны высказывания 2-го лица типа *?Ты в восторге; ?Ты удивлен; ?Ты очень рад* и пр. Получается, что говорящий навязывает собеседнику интерпретацию его внутреннего состояния.

Можно выделить несколько типов контекстов, допускающих «речевую» интерпретацию ментальных и эмоциональных предика-

тов, которым могут быть сопоставлены разные способы ее описания. Стандартность и квазиуниверсальность возникновения «речевой» интерпретации предикатов внутреннего состояния в высказываниях от 1-го лица связана с эффектами перформативности, так как, сообщая о своем эмоциональном состоянии, говорящий автоматически модифицирует значение соответствующего предиката. Так, говоря *Я волнуюсь*, я тем самым уже ввожу семантический компонент ‘общаю, что...’. Это чисто прагматический феномен, не приводящий, как представляется, к появлению у слова многозначности типа ‘внутреннее состояние’ → ‘высказывание об этом состоянии’. Если соответствующее слово начинает регулярно употребляться не только в высказываниях от 1-го лица, но и при вводе прямой речи, этот семантический сдвиг получает свое закрепление. Это как бы следующий этап на пути от прагматической имплицатуры к новому значению. Если же это семантическое приращение распространяется на всю парадигму, очевидно, есть смысл говорить о появлении у слова нового значения. Таким образом, можно выделить разные ступени лексикализации данного семантического сдвига (ср. [Dobrovolskij 2006]).

В качестве примера полной лексикализации можно привести немецкий глагол *meinen*. Ср. высказывания типа *Was meinst du dazu?* ‘Что ты думаешь по этому поводу?’ и *Was meinst du damit?* ‘Что ты хочешь этим сказать?’. Здесь мы однозначно имеем дело с полисемией, отмечаемой всеми известными словарями. С другой стороны, выражение *Anlass finden* ‘найти повод’ вряд ли может рассматриваться как обладающее самостоятельным речевым значением. Хотя, как показывают примеры типа (15), его «речевая» интерпретация не привязана к высказываниям от 1-го лица, она — в отличие от глагола *meinen* — реализуется только при наличии контекстуальной поддержки, однозначно указывающей на акцентуирование компонента ‘говорение, порождение речи’, и требует в любом случае обращения к концептуальной основе выражения (т. е. для того, чтобы проинтерпретировать *Anlass finden* как ‘сказать, что нашел повод’, нужно иметь в виду, что в стандартном случае это выражение должно пониматься как ‘найти повод’). Таким образом, контекстная и концептуальная зависимость интерпретации может рассматриваться в качестве одного из критериев отнесения смыслового сдвига к прагматическим или семантическим категориям.

Что касается отмеченных различий между русским и немецким языками, их можно описать как различия в степени лексикализованности данного смыслового сдвига у членов соответствующего семантического класса (ср. [Dobrovolskij 2001a; 2001b]). В высказываниях от 1-го лица с необходимостью реализуется определенная прагматическая имплицатура, причем эта имплицатура может обладать разным

удельным весом. Соответственно, в одних случаях она приводит к появлению регулярной многозначности, распространяясь на другие формы глагольной парадигмы, а в других — нет. То, что в одних языках таких случаев оказывается больше, чем в других, может объясняться свойственными каждому языку особенностями конвенций употребления (ср. понятие *conventions of use* в [Morgan 1978]). Важно при этом, что различия, связанные с удельным весом данной прагматической имплицатуры, не обязательно должны описываться в терминах регулярной многозначности. Так, если в контекстах (16) и (17) глаголы *meinen* и *bedauern*⁵ явно употреблены в самостоятельном «речевом» значении, в контекстах (10), (14) и (15) мы имеем дело не столько с отдельными значениями, сколько с регулярными смысловыми модификациями, допускаемыми конвенциями немецкого узуса.

5. Семантико-прагматические различия между 1-м и прочими лицами не исчерпываются обсужденными здесь явлениями. Так, например, выражения со значением ‘что-л. кого-л. не касается’ при употреблении в различных лицах регулярно обнаруживают (причем как в русском, так и в немецком языке) явные семантико-прагматические различия. Приведем примеры на русские идиомы (чь-л.) *дело десятое* и (чь-л.) *дело маленькое*. Эти примеры мы взяли из создаваемого в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН нового русского фразеологического словаря — соответствующие словарные статьи подготовлены А. Д. Козеренко.

Идиома (чь-л.) *дело десятое* может быть протолкована следующим образом: ‘кто-л. не является одним из основных участников ситуации и не имеет к ней непосредственного отношения’. При употреблении идиомы в 1-м лице (*моё/наше... дело десятое*) возникает нетривиальное семантико-прагматическое следствие: говорящий не хочет вникать в обстоятельства данной ситуации и нести ответственность. Ср.

(20) — Вы Жбанов Максим Станиславович? Придется проехать со мной в прокуратуру. — Раз так, у вас должен быть ордер... — Это не арест, поэтому ордер не требуется, — покачал головой Ищенко. — У следователя есть к вам несколько вопросов. Если будет команда, вас на машине отвезут обратно. — Какие у него вопросы? Я ответил на все вопросы еще в прошлый раз. — *Мое дело десятое* <...>, — лицо Ищенко сделалось суровым. (А. Троицкий. Фальшак)

⁵ Интересно, что если «речевое» значение глагола *meinen* отмечается всеми известными словарями, для *bedauern* оно не выделяется.

В формах 2-го и 3-го лица значение может (но не должно!) модифицироваться: вместо идеи нежелания иметь отношение к ситуации профилируется указание говорящего на незначимость адресата и на его более низкий статус, т. е. появляется другое семантико-прагматическое следствие; ср.

- (21) Проводник заметил: — Прямая дорога ему до лагпункта Россия-шесть... — *Твое*, положим, *дело десятое*, — оборвал его человек в очках. — Значит так: проводишь клиента до лагпункта Россия-шесть и сдашь с рук на руки Мартынову, — пускай он его разместит. (В. Пещух. Кончина и комментарии)

Сходным образом употребляется и синонимичная идиома (*чье-л.*) *дело маленькое*. Ср. контекст от 1-го лица (22а) и от 2-го (22б).

- (22) а. — Волосан ты, а не старпом! Тот озлился, весь пошел пятнами. — *А мое дело маленькое*, сами там разбирайтесь. Мне кеп сказал: найдется работа — всех буди, пускай не залеживаются. — Я и говорю — волосан. Кеп-то сказал, а работы — нету. (Г. Владимов. Три минуты молчания)

б. Зачем голосовать? — развел руками Котляр. — Вы хотите комиссию — делайте комиссию. — Тебя никто не спрашивает, — мотнула головой Клава Ивановна. — Мы сами знаем, что нам делать, а хочешь ты или не хочешь, *твое дело маленькое*. (А. Львов. Двор)

Этот семантический сдвиг регулярен (отмечен во всех известных нам выражениях с таким значением), но его обязательность варьирует от выражения к выражению. Ср. контексты типа *Что ты волнуешься! Твое дело маленькое — собрал деньги на проездные, сдал в профком и больше ни за что не отвечаешь*, где сохраняется характерное для 1-го лица семантико-прагматическое следствие 'устранения от ответственности'. Ср. также (23).

- (23) Ездишь себе в разные места, книжицу почитываешь по дороге, посвистываешь, мечтаешь, ни за что не отвечаешь, не думаешь ни о чем, не страшишься никаких взбучек, не отлавливаешь на лице у шефа признака недовольства или раздражения — *твое дело маленькое*, ты бумаги привез, закорючку получил и дальше поехал. (Т. Устинова. Подруга особого назначения)

Интересно, что в подобных контекстах мы часто имеем дело с особым использованием 2-го лица: местоимения 2-го лица *ты*, *твой*

в (23), фактически, обозначают говорящего (см. [Булыгина 1990; Падучева 1996: 213]). С этой точки зрения нет ничего удивительного, что выражение *твое дело маленькое* имеет здесь те же импликатуры, что и выражение от 1-го лица *мое дело маленькое*.

Выражения данного семантического класса варьируют относительно степени приемлемости тех или иных дополнительных интерпретаций. Так, идиома *дело маленькое*, судя по всему, употребляется во 2-м лице с импликатурой 'устранения от ответственности' чаще, чем идиома *дело десятое*, ср. ?*твое дело десятое, ты бумаги привез, закорючку получил и дальше поехал*. Видимо, выражение *дело десятое* обладает бóльшим агрессивным семантическим потенциалом, чем *дело маленькое*. А для идиомы (чье-л.) *дело сторона* «агрессивные» контексты 2-го лица вообще нетипичны: ?*не суйся, твое дело сторона*, при вполне узуальном *не суйся, твое дело десятое*. Квазисинонимичное словосочетание *не твое дело* (являющееся доминантой этого синонимического ряда), напротив, в любых контекстах воспринимается как выражение агрессии по отношению к адресату, при том что в высказываниях от 1-го лица *не мое дело* имеет те же семантико-прагматические следствия, что и *мое дело маленькое*, *мое дело десятое* и *мое дело сторона*. Сходным образом ведет себя и выражение (кого-л.) *это не касается*.

Прагматический механизм, который стоит за этим семантическим сдвигом, вполне прозрачен. Одно дело, когда я сам определяю границы своей компетенции (решая, что то или иное положение вещей меня не касается), а другое — когда меня ограничивают другие. Последнее, как правило, обидно.

Таким образом, в одних случаях импликатуры, типичные для 1-го лица, сохраняются и в других формах (в частности, в выражениях от 2-го лица), а в других — контексты 1-го лица оказываются уникальными. Так, выражение *тебя это не касается* и все его, в том числе идиоматические, синонимы — это часто не просто преобразование высказывания *меня это не касается* во 2-е лицо, а конструкция со своим — отличным от формы 1-го лица — иллокутивным компонентом. То же относится и к форме 3-го лица *его это не касается*, аналогичной по этому признаку форме 2-го лица. Ср. *его дело десятое, пусть помалкивает*. Таким образом, 1-е лицо оказывается здесь противопоставленным всем остальным. В других случаях между 2-м и 3-м лицом прослеживаются определенные различия: *тебя это не касается* — грубо, наверно потому, что предполагается контекст, когда адресат уже залез не в свое дело, а *его это не касается* может быть совершенно нейтральным высказыванием. Причина в том, что ОН — не участник диалога.

Аналогичная ситуация наблюдается и в немецком языке. С одной стороны, имеются выражения типа *das geht dich/ihn nichts an* (букв. «это тебя/его не касается»), *kümmere dich um deine eigenen Angelegenheiten* (букв. «позаботься о своих собственных делах»), *er soll sich lieber um seine eigenen Angelegenheiten kümmern* (букв. «пусть лучше позаботится о своих собственных делах») и пр., явным образом противопоставленные коррелирующим конструкциям с *mich, mein*. С другой стороны, идиома *das ist nicht dein/sein Bier* (букв. «это не твое/его пиво») может осмысляться и как выражение агрессии (≈ ‘не лезь/ пусть не лезет не в свое дело’) и как ‘устранение от ответственности’ (≈ ‘пусть тебя/его это не волнует, никто не заставит тебя/его за это отвечать’), в то время как формы 1-го лица *das ist nicht mein Bier* (так же как и *das geht mich nichts an, ich kümmere mich lieber um meine eigenen Angelegenheiten*) могут выражать только ‘устранение от ответственности’, т. е. нежелание нести ответственность за обсуждаемое положение вещей.

6. Итак, особенности высказываний от 1-го лица объясняются отчасти семантикой, отчасти прагматикой. Семантические сдвиги, возникающие в высказываниях от 1-го лица, в той или иной степени связаны с максимами Грайса. В частности, высказывания типа *Я говорю* с неизбежностью сопровождаются определенными семантическими приращениями, поскольку их прямое понимание приводило бы к избыточности. Здесь действует общий принцип, согласно которому нет необходимости говорить об очевидном, т. е. в известном смысле это максима количества. Высказывания типа *Я хочу сказать* не синонимичны *Я говорю*: это обязательно не-первая реплика, которая интерпретируется как пояснение уже сказанного. Сходным образом и сослагательное наклонение в перформативных формулах (*Я сказал бы*) служит цели смягчения утвердительности. Немецкие глаголы, семантически эквивалентные подобным русским, также не допускают перформативного употребления в нефорсированных контекстах без поддержки модального глагола или показателей сослагательности, что позволяет допустить, что данные механизмы смягчения утвердительности близки к универсальным.

Также и появление речевой составляющей в значении ментальных и эмоциональных предикатов в высказываниях от 1-го лица объясняется действием прагматических импликатур (если некто сообщает о своем внутреннем состоянии, то предикат, обозначающий это состояние, с необходимостью должен включать и компонент ‘Я говорю, что’). Если импликатура лексикализовалась, т. е. повысилась в ранге, получив статус самостоятельного лексического значения, мы имеем

дело с многозначностью, которую необходимо фиксировать в словаре. В этом случае данное семантическое приращение распространяется и на другие глагольные формы, не ограничиваясь формами 1-го лица. Эта многозначность регулярна в том смысле, что ее появление для данного семантического класса мотивировано некоторыми общими концептуальными закономерностями. С другой стороны, реализация этого потенциала семантической деривации оказывается специфичной для каждого члена данного семантического класса, причем продуктивность этого потенциала варьирует от языка к языку.

Аналогично для выражений со значением 'что-л. кого-л. не касается' нельзя предложить общего правила интерпретации. С одной стороны, такие выражения русского и немецкого языков обнаруживают при употреблении в различных лицах регулярные различия в характере иллокутивной составляющей, так что формы 1-го лица оказываются противопоставленными другим формам. С другой — эта особенность присуща отдельным выражениям-членам данного синонимического ряда в разной степени.

В целом, рассмотренный материал показал, что уникальные свойства форм 1-го лица, будучи семантическими по природе, во многом объясняются универсальными прагматическими параметрами — закономерностями организации коммуникативной ситуации. Однако при реализации данного принципиально универсального потенциала каждая конкретная лексическая единица может проявлять какие-то индивидуальные черты. Одни из них зависят от лексических особенностей конкретных языков, другие — исключительно от специфики конкретной лексемы.

Заметим в заключение, что хотя некоторые словари (например, [Ожегов 1990; ТСРЯ 2007]) дают информацию о глаголах, которые не сочетаются с 1-м (или и с 1-м и со 2-м) лицом, ни один словарь не дает информации о том, что лексическое значение глагола в 1-м (да и во 2-м) лице может быть иное, чем в 3-м. В этой статье мы показали, что подобные семантические сдвиги носят довольно систематический характер и, тем самым, входят в компетенцию Грамматики конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 8–101.

- Булыгина 1990 — Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // *Res philologica*. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова. М.; Л., 1990. С. 111–126.
- Гришина 2007 — Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка www.ruscorgpora.ru) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М., 2007. С. 147–156.
- Иорданская 1970 — Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 13. М., 1970. С. 3–26.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 1985/2008 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Изд. 5, испр. М., 2008 (1-е изд., 1985).
- Падучева, Зализняк 1982 — Падучева Е. В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту: Ээсти раамат, 1982.
- Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд., стереотип. М., 1990.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Dobrovol'skij 2001a — *Dobrovol'skij D.* Lexical semantics and pragmatic conventions // *PRAGMATICS IN 2000: Selected papers from the 7th International Pragmatics Conference, Vol. 2*. Ed. by E. Németh. Antwerp: International Pragmatics Association, 2001. P. 165–173.
- Dobrovol'skij 2001b — *Dobrovol'skij D.* Pragmatische Konventionen aus kontrastiver Sicht // *Linguistik als Kulturwissenschaft. Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag*. Hrsg. von H. Schröder, P. Kumschlies & M. Gonzáles. Frankfurt am Main etc.: Lang, 2001. S. 31–41.
- Dobrovol'skij 2006 — *Dobrovol'skij D.* Reguläre Polysemie und verwandte Erscheinungen // *Von Intentionalität zur Bedeutung konventionalisierter Zeichen*. Festschrift für Gisela Harras zum 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Proost & E. Winkler. Tübingen: Narr, 2006. S. 29–64.
- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics, Vol. 3*. Ed. by P. Cole & J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Morgan 1978 — *Morgan J. L.* Two types of convention in indirect speech acts // *Syntax and semantics, Vol. 9* / Ed. by P. Cole & J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1978. P. 261–280.
- Sperber, Wilson 1986 — *Sperber D., Wilson D.* Relevance. Communication and cognition. Oxford: Blackwell, 1986.
- Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1991.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ДИАЛОГ: ОТ Ч. С. ПИРСА К ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ СЕМАНТИКЕ¹

В статье прослеживается развитие идеи диалогической интерпретации в логической семантике от диаграмматической логики Ч. С. Пирса до теоретико-игровой семантики и IF (Independence-Friendly, «дружественной к независимости») — логики Я. Хинтички. Особое внимание уделяется диалогической интерпретации стандартных и обобщенных кванторов.

Диалогической может считаться любая семантическая теория, которая приписывает предложению в качестве его значения некий диалог или класс диалогов. Замечания о диалогической природе интерпретации можно встретить уже у Аристотеля. В восьмой книге «Топики» он характеризует топы для диалектической ситуации, в которую вовлечены два субъекта — вопрошающий (возражающий против тезиса) и отвечающий (защищающий тезис). «Вопрошающий, — пишет Аристотель, — должен так вести речь, чтобы заставить отвечающего говорить самое неправдоподобное, необходимо вытекающее из тезиса» [Аристотель 1978: 516]. Таким образом, вопрошающий у Аристотеля призван играть, по сути, роль «злого гения», аналогичную роли фальсификатора в семантических играх. Принципы аристотелевской «Топики», воспринятые через Бозция средневековой логикой, стали основой популярной в средние века «игры в предписания» (*obligationes*). Предписание — это обязательство, накладываемое на отвечающего в виде тезиса, который тот обязан защищать. В частности, отвечающий должен защищать этот тезис в качестве истинного, когда он фактически является ложным (*positio*), и в качестве ложного, когда он фактически истинен (*depositio*). Задача оппонента — вопрошающего в «игре в предписания» состоит в том, чтобы привести

---

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 08-01-0016 «Семантика девиантной квантификации: теоретико-игровой и теоретико-модельный подходы» выполнен при поддержке Научного Фонда ГУ-ВШЭ.

респондента — отвечающего к противоречию с принятым тезисом. Таким образом, целью игры в предписания является не установление фактической истинности или ложности тезиса, а его диалогическая интерпретация: значение тезиса не только проясняется в диалоге вопрошающего и отвечающего, но зачастую и определяется этим диалогом. Так обстоит дело с абсурдными «невозможными тезисами» (*positio impossibilis*), диалогическое обсуждение которых, в частности, в тринитарных спорах было подчинено задаче интерпретации другого тезиса, действительно заботящего оппонентов².

Правила «игры в предписания» предвосхищают, на мой взгляд, современную логическую технику «интерпретации посредством контрпримера», основанную на трактовке доказательства как неудавшейся попытки построения контрпримера и дающую систематический способ построения такого контрпримера в том случае, когда он возможен. Еще до создания в 20-х годах прошлого века математической теории игр Ч. С. Пирс использовал теоретико-игровую терминологию в реализации идеи диалогической «интерпретации посредством контрпримера». Он предложил оригинальную диаграмматическую модель интерпретационного диалога, материализовав метафору Б. Паскаля, называвшего логику геометрией духа.

Первоначально Пирс разрабатывал новую логику предикатов — в его собственной терминологии — логику релятивов или относительных понятий, распространяя не геометрические, а алгебраические методы на анализ отношений. Он предложил рассматривать отношения с индексами, указывающими, какие индивиды, в каком количестве и в каком порядке связаны этими отношениями. Новые операторы он называет кванторами и интерпретирует их как «некоторые» и «все». В алгебраической логике релятивов кванторы служат простыми сокращениями для логического сложения и умножения. Пирс, однако, не был вполне удовлетворен собственным алгебраическим подходом и уже в 1896 г. провозгласил новый революционный проект диаграмматизации логики, работа над которым продолжалась до самой его смерти в 1914 г. Разработка этого проекта была обусловлена рядом самых разных мотивов, в том числе и достаточно личных. «Я не думаю, — признавался Пирс, — что когда-либо рассуждал в словах: я использовал визуальные диаграммы, во-первых, потому, что этот образ мышления является естественным языком моей внутренней коммуникации с самим собой, и, во-вторых, потому что убежден в том, что он является наилучшим для данной

² Подробнее об «игре в предписания» см., например, [Kuuttila 1992; Лисанюк 2006].

цели» [Peirce 1967, 619:8]. Среди его неопубликованных работ есть запись «Ворона» Эдгара По, сделанная в технике, названной им самим «художественной хирографией», — слова пишутся таким образом, чтобы создать визуальное представление о поэтических образах (см. [Демурова 1978: 31]). Пирс объяснял свою неспособность к чисто словесному мышлению в частности тем, что был левшой. Точнее, он обладал феноменальной способностью — настолько хорошо владел обеими руками, что мог, например, одновременно записывать одной рукой вопрос, а другой — ответ.

Не подлежит сомнению влияние на Пирса общекультурной ситуации, связанной с развитием фотографии и кинематографа. Характерно, что единственная книга Пирса, опубликованная при его жизни, называлась «Фотометрические исследования» и явилась результатом его многолетней службы в Гарвардской обсерватории. Свои логические (экзистенциальные) графы он характеризует как «картины мысли», а с 1905 г. в его текстах появляется новая метафора — «движущиеся картины (moving-picture) мысли». Если изолированные графы представляют собой как бы «фотографии мысли», то их взаимодействие в дедуктивных выводах порождает ее «кинематографию». Характерно, что именно визуальный образ — схема дорожного происшествия — стала, по собственному признанию другого инженера — логика Л. Витгенштейна, решающим толчком к созданию им «картинной теории языка». Повлияло на Пирса, серьезно занимавшегося химией, и развитие химической идеи валентности, позволившей представлять молекулы графическим образом³.

Однако главным мотивом разработки Пирсом проекта диаграмматизации логики была, безусловно, включенность этого проекта в его общую семиотическую программу. Диаграмматическая логика задумывалась им как иконическая система логики. Диаграмма, по определению Пирса, есть «икона множества рационально соотнесенных объектов», «иконический репрезентатив отношений» (см. [Sowa 2001: 293]). Под иконичностью знака им понимается тот факт, что знак должен обладать существенным структурным сходством с тем, что он представляет. Хотя диаграмма не предполагает подобия объектов, ее иконичность проявляется в установлении аналогии отношений между объектами. В стремлении к максимальной иконичности Пирс представляет логическую форму выражений графами

³ О влиянии на эволюцию логических взглядов Пирса развития кинематографа см. подробнее [Pietarinen, 2003], химической идеи валентности — [Кирющенко 2008: 30–42].

и подграфами. Он предлагает, в частности, использовать «жирную черту для утверждения тождества того, что стоит на её концах. Так,

[хорошая девочка
слушается маму

будет означать, что существует нечто, что является хорошей девочкой и тождественно с чем-то, что слушается маму. Иначе говоря, что некоторая существующая девочка слушается маму» [Пирс 2005: 182].

Любую часть графа, которая после присоединения линий тождества становится полным графом, обозначающим утверждение, Пирс называет глаголом. Места, в которых к глаголу можно присоединить линии тождества, — местами субъектов. Места субъектов, или «концы линий тождества», — знаки особого рода, это — указательные местоимения, обозначаемые как *этот* или *тот*. Они очень напоминают современные переменные, однако Пирс обходится без переменных. Он полагает, что местоимения *этот* или *тот* — не заменители существительных, а «стимулы к тому, чтобы посмотреть, такие же, как звонок велосипедиста или возглас кучера “Поберегись” или “Гляди глазами”» [Пирс 2005: 155]. Несколько иную природу, хотя и связанную с тем же элементом «этости» (*haecctity*), имеют, согласно Пирсу, кванторные (селективные) местоимения *некоторый*, *любой*, *всякий*, *кто бы ни*. Он критикует Дж. Буля за то, что тот считал возможным представить значение высказывания «Некоторый лебедь черный» как «Какой-то неопределенный род лебедей черный». По Пирсу, высказывание «Некоторый лебедь черный» — не утверждение о «неопределенном роде лебедей», а о том, что здесь, в этом действительном мире, *есть* некий черный лебедь. «Здесь имеет место, — отмечает он, — ссылка на некое *здесь* и на некое *это*; только интерпретатору не говорят, где именно среди *этого здесь* обширного собрания лебедей можно найти того одного, о котором идет речь... “Некоторый” предполагает выбор из “этого здесь” мира — отбор, осуществляемый *делающим* высказывание или в его интересах. “Всякий” *передает* функцию выбора *интерпретатору* высказывания или кому-то, действующему в интересах этого интерпретатора» [Пирс 2005: 156].

Диалогическая интерпретация Пирсом кванторных местоимений определяется его общим подходом к пониманию задач логики. Логика, по Пирсу, — компонент диалогической деятельности принятия решений и реализации когнитивной компетенции. «Каждая логическая эволюция мысли, — пишет он, — должна быть диалогической» [Peirce 1931–1966: 4.551]. В полном согласии со знаменитым платоновским определением мышления как «происходящей внутри души беззвучной беседы ее с самой собой» [Платон 1993: 338–339], Пирс понимает

мысль как то, что человек «говорит самому себе», своему другому Я. «Когда некто рассуждает, — полагает Пирс, — он пытается убедить именно это критическое Я» [The Essential Peirce 1992–1998, v. 2: 338].

Интерпретационный диалог со своим другим «критическим» Я может быть представлен, по Пирсу, как игра. В частности, кванторы получают свое значение из диалогических игр, состоящих в выборе подходящих индивидов из варьирующихся областей интерпретации. В этих играх участвуют два игрока — Говорящий (Utterer), которого Пирс называет также Утверждающим (Assesor), и Интерпретатор (Interpreter), называемый также Оппонентом (Opponent). «Общие высказывания, — пишет Пирс, — дизъюнктивны, частные высказывания копулятивны. Так, сказать, что каждый человек, лишенный греха, может бросить камень, все равно, что сказать о любом выбранном вами человеке, что он или грешен, или волен забросать лицо, о котором шла речь, камнями. С другой стороны, сказать, что некоторый лебедь черен, — то же самое, что сказать, что можно найти предмет, для которого истинно, что он есть лебедь и что он черен» [Пирс 2005: 150].

Трактовка Пирсом кванторов как функций выбора выражает его фундаментальную прагматистскую установку: значение знака должно быть выражено в прагматических терминах тех действий, к которым побуждает использование этого знака. В своей диаграмматической логике Пирс вообще не проводил строгого различия между синтаксисом, семантикой и прагматикой, используя термин «диаграмматический синтаксис» для тех компонентов, которые мы назвали бы сейчас семантикой или даже прагматикой. Он характеризовал свою диаграмматическую интерпретацию как эндопоретическую (*endon* — в, внутри, *poros* — переход). Это означает, что обработка информации, подобная, по Пирсу, процессу чистки лука, идет снаружи вовнутрь: интерпретация начинается с графа в целом, и процесс продолжается вплоть до терминальных графов. Таким образом, контекстно зависимые подграфы не могут быть составляющими частями графа, значение которого определялось бы композиционально.

Известно, что принцип композициональности: «значение целого есть функция значений его частей», называемый обычно принципом Фреге, — один из фундаментальных принципов современной логики, которая, фактически проигнорировав громоздкую диаграмматическую логику Пирса, вернулась к его ранней алгебраической нотации. На наследие позднего Пирса претендует, пожалуй, лишь теоретико-игровая семантика Хинтикки. Эта семантика основана на трактовке неэлементарных высказываний как предписаний по организации процесса собственного подтверждения или опровержения. Теоретико-игровое моделирование этого процесса использует методы математической теории

игр, опираясь на аналогию между поведением игроков в различного рода играх и действиями исследователя в процессе оценки предложения.

В математической теории игр под игрой понимается математическая модель конфликта, то есть ситуации, участники которой наделены определенными, в общем случае различными интересами и способны действовать в соответствии с ними, причем исход ситуации зависит от принятых ее участниками решений. Предполагается, что каждый игрок стремится к максимуму полезности, иначе говоря, из двух альтернатив, обуславливающих исходы, выбирает ту, которая дает предпочтительный для него исход. Таким образом, математическая теория игр является дисциплиной, которая устанавливает правила поведения в конфликтных ситуациях, обеспечивающие достижение лучших в некотором заранее заданном смысле результатов. Вместе с тем в теории игр могут рассматриваться любые ситуации, которые, не являясь конфликтами в собственном смысле слова, могут интерпретироваться как конфликты.

Исследователь, стремящийся доказать истинность рассматриваемого предложения вопреки его возможным опровержениям, неизбежно вовлекается во внутренний диалог — конфликт, играя сразу две роли — свою и своего «оппонента», честно перебирая все возможности такого опровержения. Аналогично действиям игроков, его действия производятся поэтапно, с учетом взаимосвязи этапов, и строго детерминированы правилами, предоставляющими, однако, возможность альтернативных решений. Рассматривая семантические игры как систематические связанные акты утверждений, естественно не только значения языковых выражений, но и структуры языка реконструировать как компонент речевых актов, а не как абстрактные объекты. Принцип композициональности означает в этой перспективе требование по отношению к каждой семантической теории продемонстрировать, каким образом простой акт утверждения делает возможным более сложные акты.

Игровые правила для кванторов задаются следующим образом:

(G. $\exists$) Если G имеет вид $(\exists x) G_0$, то пропонент — верификатор («Я») выбирает некоторый элемент из универсума D и дает ему имя, например, «n» (если он ранее не имел имени). Игра продолжается относительно $G_0(n/x)$.

(G. $\forall$) Если G имеет вид $(\forall x) G_0$, то оппонент — фальсификатор («Природа») подобным образом выбирает некоторый элемент из D (см. [Хинтиikka 1980: 284])⁴.

⁴ Хинтиikka называет пропонента «Я», а оппонента — «Природа». Другие авторы используют также имена «Элоиза», «Эва» и «Убелляр», «Удам»,

Из игровых правил видно, что в отличие от диаграмматической логики Пирса, теоретико-игровая семантика не отказывается от использования связанных переменных и скобок, но позволяет моделировать более сложные интерпретационные процессы, чем стандартная нотация. Теоретико-игровой подход представляет собой вид процедурной (когнитивной) семантики, устанавливающей корреляцию между семантическими характеристиками языкового выражения и особенностями процедуры его семантического анализа. Поскольку семантические процедуры понимаются как информационные процессы, подобные семантики могут называться также информационно-ориентированными. Объяснительные возможности центральных теоретико-игровых понятий «стратегия» и «память» открывают принципиально новые перспективы в информационном моделировании: интересуясь стратегиями, мы рассматриваем не только различные шаги, но и различные направления информационных процессов, варьирующихся от полной независимости до сложной нелинейной зависимости.

В 1996 г. Хинтикка предложил язык для новой IF-логики, «дружественной-к-независимости», объявив ее создание революцией в современной логике (см. [Hintikka 1996; Hintikka, Sandu 1996]). В язык этой логики вводится особый знак «/» (слэш) — указатель информационной независимости интерпретации.

Так, в формуле

$$(1) (\forall x) (\exists y) (\forall z) (\exists v / \forall x) F(x, y, z, v)$$

слэш «/» перед вхождением квантора общности в $(\exists v / \forall x)$ указывает на информационную независимость интерпретации квантора $\exists v$ от интерпретации квантора $\forall x$. В теоретико-игровой семантике эта информационная независимость означает неполноту информации в соответствующей семантической игре. Кванторная приставка в формуле (1) интерпретируется следующим образом: «для всех x существует y и для всех z существует v , зависящее только от z ».

Язык IF-логики позволяет естественно выражать не только сложные информационные отношения между различными кванторами, но и независимость квантора от пропозиционального или интенционального оператора. Так, в формуле

$$(2) (\forall x) (A(x) \vee / \forall x) B(x)$$

выбор дизъюнкта должен быть сделан независимо от $\forall x$, то есть осуществляется до выбора значения x . Очевидно, что формула (2) эквивалентна стандартной первопорядковой формуле

соответственно, подчеркивая аналогию между функциями игроков и семантическими функциями кванторов.

$$(3) (\forall x) A(x) \vee (\forall x) B(x).$$

Однако уже формула

$$(4) (\forall x) (\exists y) (\forall z) (A(x, y, z) \vee (\forall x) B(x, y, z))$$

не имеет стандартного первопорядкового эквивалента.

Хинтиikka настаивает на том, что его IF-логика не является еще одной неклассической логикой наряду, скажем, с модальной или интуиционистской логиками. Он предпочитает характеризовать ее как *гиперклассическую* логику — общую теорию квантификации и пропозициональных связей, представляющую собой естественное расширение элементарной логики — классической логики предикатов первого порядка. Необходимость этого расширения вызвана тем, что в элементарной логике не могут быть выражены все виды взаимозависимости операторов, поскольку средством такого выражения здесь служат их области действия, транзитивные и асимметричные по способу своего задания с помощью скобок. Для выражения нетранзитивных и симметричных отношений между операторами Хинтиikka предлагает более либеральный подход к использованию скобок в логике. Он различает две функции понятия области действия оператора — функцию задания приоритета интерпретации и функцию связывания переменных. Это различие позволяет, как показывает Хинтиikka, разрешить некоторые традиционные трудности в логическом анализе естественного языка, например, классическую проблему интерпретации так называемого *donkey*-предложения: «Если Питер имеет осла, он бьет его (*If Peter owns a donkey, he beats it*)».

Это предложение естественно интерпретировать формулой

$$(5) (\forall x) (D(x) \supset B(x)).$$

Проблема состоит в том, что неопределенный артикль в *donkey*-предложении, интуитивно соответствующий квантору существования, представляется универсальным квантором в интерпретирующей формуле (5). Если мы различаем указанные функции областей действия операторов, проблема *donkey*-предложения, как полагает Хинтиikka, исчезает. «Все, что надо сделать, — пишет он, — это допустить, что область приоритета *a donkey* охватывает только антецедент *donkey*-предложения, в то время как область связывания включает и его консеквент» [Hintikka 1997: 26].

Язык IF-логики позволяет также, не прибегая к второпорядковой квантификации, выразить некоторые обобщенные кванторы, например, «Существует не меньше *A*, чем *B*», скажем, «Мышей (существует) не меньше, чем кошек». Говоря математически, в этом предложении утверждается наличие второпорядкового отношения нестрогого включения между множеством *A* (кошек) и множеством *B* (мышей). Как показал А. Питаринен (см. [Pietarinen 2001]), это отношение мо-

жет быть выражено не только на второпорядковом языке с квантификацией по функциям, но и в языке ИФ-логики формулой

$$(6) (\forall x) (\exists y) (\forall z) (\exists u/x, y) (x = u \leftrightarrow y = z) \& (A(x) \rightarrow B(y)).$$

Формула (6) представляет собой протокол семантической игры. Она фиксирует последовательные шаги в игре верификатора (Элоизы) и фальсификатора (Вбеляра). Первоначально Вбеляр выбирает некоторую кошку (элемент x из A), затем Элоиза выбирает некоторую мышь (элемент y из B). Затем Вбеляр опять выбирает некоторую кошку (элемент z из A), а Элоиза, игнорируя предыдущие выборы как кошек, так и мышей (x из A и y из B), выбирает некоторую мышь (элемент u из B) с учетом лишь того, что при выборе Вбеляром новой кошки она обязана выбрать новую мышь (т. е. если $x \neq u$, то $y \neq z$). В полном соответствии с идеями Пирса значением языкового выражения в теоретико-игровой семантике для ИФ-логики оказывается диалогическая игра, а кванторы интерпретируются не как утверждения о классах, но как стимулы к поиску подходящих индивидов в диалогической игре с оппонентом⁵.

Язык в целом понимается в диалогических семантиках как феномен, вовлекающий интерпретатора в потенциально бесконечный интерпретационный диалог. Именно в этом диалоге существование собственного Я интерпретатора приобретает для него статус очевидности, поскольку, как писал Пирс, «мой язык есть полная сумма меня самого, ибо человек есть мысль» [The Essential Peirce 1992–1998, v. 1: 54].

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Томика // Аристотель. Сочинения в 4 т. М., 1978. Т. 2.
- Кирющенко 2008 — *Кирющенко В.* Язык и знак в прагматизме. СПб., 2008.
- Лисанюк 2006 — *Лисанюк Е. Н.* Средневековый диспут // *Логико-философские штудии* — 4. СПб., 2006.
- Демурова 1978 — *Демурова Н. М.* Примечания // *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в стране чудес. М., 1978.
- Пирс 2005 — *Пирс Ч.-С.* Рассуждение и логика вещей. М., 2005.
- Платон 1993 — *Платон*. Софист // Платон. Сочинения в 4 т. М., 1993. Т. 2.

⁵ Вместе с тем, первопорядковая по синтаксическим критериям ИФ-логика, допускающая квантификацию лишь по индивидам, семантически эквивалентна второпорядковой логике. Как показал Й. Ваананен, общий вопрос об общезначимости формул ИФ-логики рекурсивно изоморфен вопросу об общезначимости формул полной второпорядковой логики (см. [Väänänen 2002]).

- Хинтикка 1980 — *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Knuuttila 1992 — *Knuuttila S.* *Positio impossibilis* in Medieval Discussions of the Trinity // *Vestigia, Imagines, Verba. Semiotics and Logic in Medieval Theological Texts.* Turnhout, 1992. P. 277–288.
- Pietarinen 2001 — *Pietarinen A.* Most even budged yet: some cases for game-theoretic semantics in Natural language // *Theoretical Linguistics* 27. P. 20–54.
- Pietarinen 2003 — *Pietarinen A.* Peirce's game-theoretical ideas in logic // *Semiotica*, 2003.
- Peirce 1931–1966 — *Peirce Ch. S.* *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, 8 vols. Cambridge, 1931–1966.
- Peirce 1967 — *Peirce Ch. S.* *Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University, as identified in: Annotated Catalog of the Papers of Ch.S.Peirce*, Cambridge, Mass., 1967.
- Sowa 2001 — *Sowa J.* *Existential Graphs: MS 514 by Charles Sanders Peirce with commentary by J. F. Sowa*, http://users.bestweb.net/sowa/pierce/ms_514.htm
- The Essential Peirce 1992–1998 — *The Essential Peirce*, Bloomington, 1992–1998.
- Hintikka 1996 — *Hintikka J.* *The Principle of Mathematics Revised.* Cambridge University Press, 1996.
- Hintikka 1997 — *Hintikka J.* No Scope for Scope // *Linguistics and Philosophy*, 1997, v. 20. P. 515–544.
- Hintikka, Sandu 1996 — *Hintikka, J. and G. Sandu.* A Revolution in Logic? // *Nordic Journal of Philosophical Logic*, 1996, v. 1, No. 2. P. 169–183.
- Väänänen 2002 — *Väänänen, J.* On the Semantics of Informational Independence // *Logic Journal of the IGPL*, 2002, 10. P. 339–352.

О. П. ДУБЧАК (КИЕВ)

КСЕНОМАРКЕРЫ В ДИА- И ПОЛИЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

Одним из важнейших онтологических принципов восприятия человеком окружающего мира является мысленное разделение всего, что к этому миру относится, на «свое» и «чужое». Такое мировоззренческое членение носит универсальный характер, так как является основой самоидентификации и присуще каждой личности в частности и национальной общности в целом. Когнитивная операция отмежевания себя и «своего» от «не-своего», «другого», «чужого» совершается в сознании человека постоянно и в конечном счете направлена на определение себя (своего Я) и своего места в своеобразной системе координат опытных знаний и аксиологических установок личности. Поскольку концептуальная оппозиция «свой» — «чужой», по выражению Ю. Степанова, «пронизывает» всю культуру и проявляется во всех без исключения сферах человеческой деятельности, уместно говорить о ней как об актуальной и во многом определяющей для такого вида деятельности человека, как речевое (коммуникативное) взаимодействие.

Речевое взаимодействие реализуется в первую очередь в диалогической (шире — полилогической) форме общения, а поскольку анализируемая оппозиция социальна по своей сути, то ее проявление в диалоге вполне естественно актуализирует его социальный (на фоне, однако, информативного) аспект. «Диалог — это в первую очередь яркий пример социального взаимодействия... Главная его функция — установление и поддержание социальных отношений; сигнализирование о своей принадлежности к определенной группе в обществе; утверждение о своей идентичности и личности; передача другим определенного представления образа о говорящем. Все эти функции мы относим к рубрике “межличностное”...» [Демьянков 1992: 22].

Акт коммуникации, оформленный в диалог (полилог), предполагает наличие нескольких собеседников, руководствующихся общей

целью информативного обмена либо достижения межличностного взаимопонимания. При этом все без исключения участники такого акта «образуют значимые миры, сосуществующие друг с другом и способные входить между собой в семиотические отношения, но не способные входить друг в друга» [Арутюнова 1998: 648]. Иными словами, каждый из собеседников представляет набор определенных социокультурных условностей, в рамках которых оформляется направление и качество общения. Все это предполагает адекватное понимание того, что при таком дву- и поливекторном типе общения, насколько бы очевидно оно ни было направлено на установление «единства» (по М. Бахтину), всегда имеет место когнитивное разграничение его участников по социальной шкале (включающей оценочные, идеологические и др. аспекты). Таким образом, сознательное или несознательное вовлечение личности в диалог всегда влечет за собой актуализацию ее ментальных процессов идентификации со «своим» собеседником («однородным по стилю ментальности», по В. Демьянкову) и дистанцирование от «чужого» в наиболее широком смысле. При этом принципы дистанцирования могут быть самыми различными: от неприятия того, что и как говорят участники диалога, до того, каковы они (участники) сами в понимании Я-говорящего, то есть насколько чужды говорящему их социальные, ментальные, национальные и личностные качества. Основой процесса различения и отчуждения собеседников служат стереотипы, пресуппозиции, оценка и контекстуальный фон диалога, при которых, согласно актуальному в этой связи высказыванию А. Пеньковского, говорящий, не понимая и отрицательно оценивая своих собеседников, «доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает их из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает, характеризуя как элементы другой, чуждой ему культуры, другого — чуждого — мира» [Пеньковский 2004: 17].

В статье представлен краткий анализ речевых показателей такого типа одно-, дву- и полинаправленного отчуждения участников диалога, как «расхождение в идейной, этической, эстетической и социальной позиции» [Арутюнова 2000: 449]. Эти показатели определены как ксеномаркеры — речевые структуры, моделирующие образ «чужого» («другого») собеседника в целом с позиций говорящего субъекта. Важно отметить, что эти структуры не описывают «чужого» как такового и не являются «знаками отчуждаемой речи», как они были представлены в исследовании [Арутюнова 2000: 437], а лишь демонстрируют — маркируют — его неприятие и отстранение в процессе речевого взаимодействия коммуникантов. Иными словами, основная функция таких структур состоит в маркировке

присутствия «другого» («чужого») [Арутюнова 2000: 448] в диа- и полилогических структурах.

В таком понимании рассмотрены два основных типа речевых выражений: 1) моделирующие отчуждение «Я» от определенных объективных характеристик собеседника-адресата; 2) актуализирующие субъективное разграничение собеседников на основе их культурно-ценностных предубеждений.

1. В некоторых диа- и полилогах можно заметить такую ситуативную особенность, как указание одним из участников разговора на некую сферу, к которой он относит своего собеседника. Как правило, эта сфера свидетельствует о его социальном, национальном или бытовом отличии от говорящего, например: (1) — *Я про ті події часто згадую...* (2) — *І що це тобі дає? Кому від цього легше?* (1) — *Не думала. Однак це, здається, нікому й не заважає.* (2) — *Римо, це безглузді міфологічні фантазії. Облиш їх.* (1) — *Це у вас там міфологічні фантазії, у науковців, а тут і зараз — життя* (Ю. Андрухович). В этом случае оборот *у вас там* не является нейтральным дейктическим указанием на пространство, место, где происходят какие-либо события, а приобретает маркированное значение отстранения вследствие несогласия с предыдущим высказыванием. В подобных выражениях нет эксплицированного отрицания как такового, однако оно непременно подразумевается.

Прагматическая сила подобных конструкций в том, что Я-говорящий исключает собеседника вместе с предоставленной им информацией из своего ментального пространства, таким образом отчуждая ее. При этом важно то, что говорящий обязательно информирован о его национальном, социальном или бытовом отличии (чего нельзя сказать о конструкциях второго типа), ведь «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [Арутюнова 1984: 358].

Непосредственное указание на среду, которую представляет «другой» и к которой Я-субъект себя не причисляет, можно отметить в следующем примере: (1) — *Діду, — промовив я, міряючи чоботи, — вони ж мені тиснуть...* (2) — *Все життя вони будуть тобі замалі і тиснутимуть тобі, хлопчику, бо доведеться тобі довго-довго життя своє власними ногами міряти, по будь-яким стежкам-доріжкам йдучи за будь-яким із зоряних світів...* (1) — *Ой, діду, це все філософія. Мені у них зараз бігти треба. А все інше — шалтай-болтай.* (2) — *Що?! А як я тебе зараз за вуха відтягаю, та ще по сидницях справжнім биківцем нашмаляю, як у старожитні часи? Їй бо, не скоро й присядеш на ті місця... Це у вас там, у молоді, суцільний шалтай-болтай: ніби всі на гепки поставали...* (1) — *Тож тільки прогулянка це, дідочку!..* (2) — *Я ось тобі дам прогуляноч-*

ку... (3 Интернет-видання). Как уже отмечалось, в таких конструкциях дейктическая единица **там** функционирует как семантически (прагматически) модифицированная и является маркером разграничения «своего» и «чужого» благодаря указанию на наличие или отсутствие принадлежности собеседника к личному пространству Я-говорящего. То, что вовлекается в личную зону, ядром которой является «Я», становится «своим». То, что находится за пределами личной зоны, характеризуется как «чужое». При этом отстранение «себя», то есть «своего», оформляется с помощью ксеномаркера-оборота **у вас**, свидетельствующего о принадлежности к личной сфере адресата, в том или ином отношении отличного от говорящего. Такие диалогические конструкции реализуют отчуждение в рамках условной схемы (1) ↔ (2).

Довольно часто анализируемые маркеры употребляются в речи говорящего вместе с ксенопоказателями иного характера, например: (1) — *Люди всіх епох і суспільств, щойно виникають якісь проблеми, ховаються в алкоголь.* (2) — *Неправда. Не поширюйте цю «культуру» на всі епохи й суспільства.* (1) — *Я не поширюю. Це факти.* (2) — *Та це тільки у вас там зазвичай хизуються «фактами и мнениями»* (3 Интернет-форуму). В данном примере, во-первых, маркированный оборот **у вас там** расширяет свои возможности благодаря сочетанию с частицей **только**, предполагающей отчуждение лишь одного социума (или национальной общности) от всех остальных (и «своего» в том числе). Кроме того, «отстраняющее» высказывание коммуниканта (2) дополнено специфическим способом передачи чужой речи, своеобразной «цитацией» (см. об этом [Арутюнова 2000; Арутюнова 1998]).

В качестве маркированной единицы «отчуждения» может выступать и непосредственное указание на национальное общество, к которому принадлежит адресат: (1) — *Мене часто називають «вотьяк». Я проти цього нічого не маю.* (2) — *Хіба тебе це не ображає?* (1) — *Чого мене це має образжати?* (2) — *Та якась наче назва образлива...* (3) — *Це у вас, в Удмуртії, якісь комплекси щодо «вотьяков», так ви і переносите їх на інших нормальних людей. Вотьяк — нормальна назва. Згадайте, що, що раніше ваша батьківщина так і звалася — Вотская республіка* (3 Интернет-форуму). Интересно отметить, что в анализируемой конструкции наблюдается спонтанное включение в диалог между (1) и (2) третьего участника (3), который отделяет от (2) не только себя, но и еще одного участника (1), причисляя его к «своим» и отстаивая его позицию. Таким образом, в полилогической структуре происходит асимметричное отчуждение:

(1) + (2) + (п)   (3) («Я» + «свой»   «другой»)

Примером противоположного отчуждения (1) (2) + (3) + (n) может служить полилогическая структура, в которой Я-говорящий субъект сам отстраняет себя от всех остальных участников разговора, подразумевая их отличие объективного характера: (1) — *Подивився я ваш сайт. Гарний сайт, тільки людей ще б знайти, розкрутитись і все буде нормально.* (2) — *Ти рекламу розклей по метрополітену, чи що, може когось знайдеш.* (3) — *Не маю на це ні часу, ні можливостей.* (1) — *Підключи людей.* (3) — *Це тільки у вас там цілий загін працює над цим. У мене інша ситуація. Я ще, на відміну від вас, працюю на ФМ станції і роблю новини спорту (З Інтернет-форуму).* Как вариант может рассматриваться полилогическая структура, оформленная по схеме (3) (1) || (2): (1) — *Юнацький максималізм — це намагання виглядати старшим, ніж є насправді. Денис назвав себе «Папко», б охоче бути дорослішим. Яюсь була на форумі така «Графиня з майданоргуа»...* (2) — *Мені здається, він просто називає речі своїми іменами. Однак і це не ознака зрілості і наявності здорового глузду, а претензійність.* (1) — *Так, і сам нік «Папко» претензійний...* (3) — *А ви дарма Папко в лапки берете. Це не мій нік — це моє прізвище, і тут нічого не поробиш. Це у вас там графиня була, а я над прізвищем не знущаюся. Ярлики ви пришивати вмісте, як доречі, вміли це і комуністи (З Інтернет-форуму).* Эта схема предполагает включение в разговор участника (3) и его отстранение по некой причине (в данном случае — в связи с оскорбительной репликой) от одного определенного собеседника (1).

Анализируемый тип ксеномаркирования зачастую релевантен на уровне межкультурной коммуникации — общения представителей разных национально-культурных сообществ, при котором аффектация — подчеркивание «чуждости» — всегда является осознанным процессом и часто влечет за собой намеренное непонимание [Красных 2003: 96]. Например: (1) — *Это чего, Тома?! (2) — Рыбка це, Мишенька! (1) — Что еще за рыбка «це»? Первый раз про такую рыбку слышу! (2) — Да не, це не рыбка «це», а це — рыбка! (1) — Ну и что это... за... рыбка... це? (2) — Це селёдка! (1) — Мальки, что ли? (2) — Не знаю, яка у вас там, в Мурманске вашем, селедка, а у нас — вот такая! (И. Астапов).*

Как разновидность анализируемого ксеномаркера может быть рассмотрен показатель отчуждения от речевых особенностей собеседника: (1) — *Да что там объяснять. Сто раз объясняли уже! Она все равно ничего не поняла...* (2) — *Господи... Это только у вас в Киеве она ничего не поняла. У нас она бы все поняла (Из разговора).*

Такая конструкция предполагает экспликацию отношения Я-субъекта к этим особенностям как к неправильным и на праг-

матическом уровне программирует их исправление, отрицание и исключение из личной сферы понимания. Например: (1) — *Канал я закрив, — заспокоює мене лікар, — японським пластиком. Він сам розчиниться, якщо колись доведеться розкривати цей зуб.* (2) — *Чудово... (1) — Тепер не повинно, власне, боліти, але поручитися я не можу... Коли маєш справу з таким матеріалом... Ви ж розумієте... (2) — Так. (1) — Я з вас візьму як за консультацію. Клянусь, мені не треба ваших грошей! Бо і ви, і я розуміємо, що я не вичистив усе до кінця... (2) — То нічого... (1) — Але я не стану вам... як це називається?.. Чекайте!.. Як у вас кажуть? (2) — Партачити! І це не у нас, а тільки у вас так кажуть (В. Діброва).* Как и в анализированных выше структурах, ксеномаркер у вас (там) **говорят** может расширять свои «отчуждающие» возможности благодаря уточнению характера, типа «чужой» сферы: (1) — *Почекайте! Вас же восьмеро було!* (2) — *Не вигадуй, малий. (1) — Я й не вигадую. Я просто пам'ятаю. Я бачив!* (2) — *Пробач мою нахабність, пане амбасадор, але в горілки очі великі... (1) — Це тільки у вас, безкультурних, так кажуть. А насправді вони в страху великі (Ю. Власішен).*

2. Наряду с рассмотренными выше структурами уместно уделить внимание таким диа- и полилогам, в которых актуализируется субъективное разграничение собеседников на основе их культурно-ценностных предубеждений. В феноменологических терминах речевое взаимодействие рассматривается как переживание Я и Другого в диалоге. В связи с этим считается, что отчуждение в разговоре возникает в силу расхождений между субъективными сознаниями: говорящий не может переживать другое сознание, и это ограничивает возможности интерсубъективного понимания. В этом аспекте ксеномаркерами могут выступать те обороты, которые свидетельствуют о такой ограниченности и эксплицируют субъективное отстранение Я-говорящего от собеседника, например: (1) — *Мені це ще більше треба. Але логіка, Льово!* (2) — *Яка логіка? Де ви бачили логіку в людському житті?.. Може, в тому, що ми... народжуємось і вмираємо? По-вашому, це логічно... (1) — А якщо так, то що? (2) — Така логіка не для мене. Ми різні. З різними уявленнями (В. Підмогильний).* Выделение оборота **по-вашему** в качестве ксеномаркера основано на утверждении о том, что «в диалоге Я и Другой составляют непосредственную данность общения, и в ходе этого общения обнаруживается специфичность позиции каждого из них; эта специфичность эксплицируется благодаря введению в реплики коммуникантов модальных компонентов — модусов, отражающих интенциональное состояние говорящих» [Арутюнова 1998: 655], а также «выражающих

либо пропозициональную установку говорящего, либо апелляцию к интенциональному состоянию адресата» [Арутюнова 1998: 656]. В приведенном примере модусный компонент *по-вашему* не является нейтральным указанием на источник информации, а прежде всего свидетельствует о «другой» ценностной установке собеседника, чуждой Я-говорящему.

Прагматическая ценность диа- и полилогических структур, содержащих маркированные единицы такого типа, в том, что Я-говорящий не просто вступает в речевое взаимодействие с собеседником, а совершает субъективную интерпретацию его высказываний (это подтверждают единицы *значит, то есть* и т. п., которые говорящий часто вводит в свои реплики) и демонстрирует их неприятие в частности и отстранение от собеседника как «другого» в целом. При этом сведения о национальной, социальной и под. принадлежности собеседника нерелевантны, они могут быть даже неизвестны говорящему, что наиболее присуще спонтанным бытовым диалогам. Например: *Чоловік уважно вдивлявся в папери. (1) — Школу кинув... Вдома не ночував... Де ж ти ночував? (2) — А де ніч застане. (1) — Треба говорити точніше: де саме? (2) — Уже ж весна: можна переночувати і в березі під човном... Або в клубі на горищі... (1) — А вдень? (2) — Вдень рибку ловив. (1) — На які ж гачки? (2) — По-вашому, я браконьєр? (1) — А то ні? (2) — Це лише по вашому, примітивному розумінню (О. Гончар).*

Анализируемые ксеномаркеры в целом характерны для современной разговорной речи, особенно в контексте полемики, требующей отстранения от себя «чужого» и противопоставления разных жизненных позиций [Арутюнова 2000: 441]. Poleмика, в свою очередь, «толкает к более вольной интерпретации позиции других людей, и ксенопоказатели проникают в высказывания, цель которых — разоблачить оппонента» [Арутюнова 2000: 447]: (1) *Гусак. Он учитель каже, що запорожці — вигадка панів із Вукоопспілки. (2) Ск и д а н. Скажи учителю, що він блазень. (1) Гусак (до вчителя). Чули? (3) С і р и к. Я так не говорив! Я казав, що у XVII і XVIII століттях в районі Дніпровських порогів перебував певний проша-рок певних продуктів епохи, обумовлених класовими економічними... (4) П а л и в о д а. Дурниці мелете... (2) Ск и д а н. Годі! Обумовлений продукт. (3) С і р и к. Ой яка гидота! Не вірте мені. Я одмовляюсь! (5) З а б р о д а. Виходить, запорожців зовсім не було, по-вашому? Ідіть собі геть, щоб і не чути! (І. Нечуй-Левицький).*

Важно отметить, что такие обороты не всегда могут выделяться как «отчуждающие» собеседника, ведь зачастую они действительно указывают на источник информации и употребляются в качестве

нейтрального согласования речевых действий коммуникантов. Для толкования их как маркеров следует опираться на суперсегментные единицы, например, интонацию или тон (он может быть возмущенным, вызывающим, ироничным и т. п.), основное коммуникативное назначение которого — «согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками данного акта...» [Крейдлин 2000: 497]. Например: (1) — *Знаєш, у чому біда твоя, хлопче?* (2) — *А в чому?* (1) — *Ременя путнього на тебе не було.* (2) — *Був.* (1) — *Ой навряд... Мені ось у твоєму віці доводилось уже на хліб заробляти. Лопату в руки і нарівні з дорослими цілий день, — аж полуда на очі вилазить.* (2) — *Так то ж...колись.* (1) — *Авжеж. Тепер ви з пелюшок знаєте свої права: давай вам Артеки, гармоніста штатного, розваги всякі... А коли ж до праці привчатися, як не замолоду? Глянеш, скільки тих старшокласників — парубчаків ж, траси б могли будувати, а вони ціле літо байди б'ють...* (2) — *По-вашому, по-мудрому, нам і канікул зовсім не треба? — вигукнув обурено і схопився на ноги (О. Гончар).*

В представлении исследователей, уделяющих внимание концептуальным структурам, которые регулируют и моделируют жизнедеятельность человека, реализация когнитивной оппозиции «свой» — «чужой» в речи является необходимым условием для его самоинициализации и самоутверждения. При речевом взаимодействии такое самоутверждение проявляется наиболее ярко, именно поэтому вследствие субъективного «отстранения» и «отчуждения» личности от «другого» и проявления этого «отчуждения» на вербальном уровне образуются структуры, вызывающие исследовательский интерес и актуализирующие научные изыскания в сфере языковой прагматики и семиотики.

Краткий описательный анализ диа- и полилогических структур, содержащих ксеномаркеры, свидетельствует об их прагматической насыщенности и подтверждает утверждение о том, что «за ситуацией коммуникативного плана... скрывается более сложная система поведенческих ситуаций — межличностных и социальных...» [Арутюнова 1984: 361]. Разграничение собеседников по шкале «свой» — «чужой» является одной из таких сложных ситуаций, далеко не всегда направленной на взаимопонимание и в определенных случаях даже влекущей за собой конфликт. Именно поэтому исследование языковых единиц, объективирующих подобное когнитивное разграничение, на сегодня очень актуально, поскольку способствует осознанию механизмов влияния этих единиц на собеседников и достижению эффекта «аппликации» своего и чужого (по Х. Гадамеру), символизирующей единство и цельность коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1984 — *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. 1984. № 4. С. 356–367.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2000 — *Арутюнова Н. Д.* Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке. М., 2000. С. 437–449.
- Демьянков 1992 — *Демьянков В. З.* Тайна диалога: (Введение) // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М., 1992. С. 10–44.
- Красных 2003 — *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Крейдлиן 2000 — *Крейдлиן Г. Е.* Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. М., 2000. С. 453–501.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 13–49.

ВЗДОР: СЛОВО И ДЕЛО¹

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право,
из них никто ничего умнее этого не сказал.

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Как *вздор* в русском языке оценивается *неправда* или *нелепица*, т. е. либо *ложное*, либо *не имеющее смысла* высказывание, причем между этими двумя типами оценки нет четкого противопоставления. Слово *вздор* содержит дополнительный оттенок как бы возмущения слушающего тем, что кто-то может думать или считать такую ерунду. В современном русском языке это слово имеет слегка архаический оттенок. В XIX в. слово *вздор* могло обозначать также нелепый поступок и небольшую вещицу, не имеющую определенного назначения. При этом, поскольку этимологически исходным значением для этого слова является ‘ссора’, естественно возникает задача восстановления путей семантической деривации, определивших современный семантический облик данного слова.

Начнем с истории слова. Прежде всего, рассмотрим вопрос, какова связь современного значения с исходным значением ‘ссора’. В Словаре Даля мы находим [Даль 1994: 477–478]:

ВЗДОР м. ссора, брань, свара, несогласие, споры, перекоры, более употреб. **вздоры** мн. || Нелепица, бессмыслица, выдумка, ложь, пустая молва, пустословие, пустяки. *Вздор на вздор помножь, чепухой подложь, и выйдет ералаш (чушь). Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор.* [Примеры: первый на значение ‘нелепица’, второй — на значение ‘ссора’.] **Вздорливый, вздорчивый, бранчивый, сварливый, брюзгливый, охочий до ссор, придиричивый, вздорный**, о человеке то же; || о деле: нелепый, бестолковый,

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-04-00591а.

пустой, ничтожный. *Вздорливый человек затевает вздорные дела.*
Вздорность ж. о деле, словах, затеях, ничтожность, неосновательность; неправдивость. **Вздорливость**, ж. свойство вздорливого.
Вздорить с кем, **вздорничать**, ссориться, браниться, придираться, брюзжать. *Говори, да не спорь, а хоть и спорь, да не вздорь.*

Итак, *вздорливый человек затевает вздорные дела*, т. е. *вздор* — это ссора по ничтожному поводу. Склонность к ссорам (*вздорливость*) есть не что иное, как свойство затевать ссору из-за пустяка (*вздора*). Таким образом, ссора из-за ерунды — это тоже ерунда, чепуха, нелепица (т. е. здесь можно предположить своего рода метонимический перенос).

Заметим, что тот же тип именного производного от глагола *драть* встречается с другими приставками и имеет близкое значение: это слова *раздор* и *задор* (ср. *задираться* на кого-то, *задиристый* петух). Не исключено, что слово *задор* и *задираться* в переносном значении (ср. также с другой приставкой *придираться*) повлияло на семантическую эволюцию слова *вздор*, на которой мы сейчас остановимся подробнее.

А именно, здесь возможны две гипотезы.

Первую излагает В. В. Виноградов [1994а], ссылаясь на статью В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке» (опубликованную в сборнике в честь 45-летия Н. Я. Марра в 1935 г.). Она состоит в том, что *вздор* — это ‘то, что вздрано, надрано, оторвано’ и потом как негодное выброшено, т. е. ‘сор’. Чернышев приводит пример из сочинения автора конца XVIII в.: «В Египте народ гораздо нечист и всякий *вздор* на улицу бросают». Такое семантическое развитие представляется правдоподобным (хотя само слово *вздор* в восстанавливаемом таким образом исходном значении (что-то типа ‘стружки, отходы при обработке дерева’) не зафиксировано. Близкое значение есть у слова *задор*: «*задор* — из плотницкого лексикона; *строгать в задор* — строгать доски по направлению от вершины к комлю, причем дерево задирается; *задор* — ‘задранное место, зацепина, место с задоринами’; *задирать* — ‘зацеплять’, переносное значение ‘задевать, заводить ссору или драку’» [Виноградов 1994б: 184].

Итак, первая гипотеза: ‘стружка’ → ‘мусор’ → ‘всякий не имеющий назначения предмет и вообще все незначительное, ненужное, в том числе глупое или ложное высказывание’. Однако эта гипотеза происхождения слова *вздор* не объясняет значения ‘ссора’ — которое в Словаре русского языка XVIII в., как впрочем и у Даля, указывается в качестве первого (что скорее всего означает, что оно было в

тот момент основным или воспринималось как таковое), а значения 'мелкая вещь' и 'нелепица' — как производные.

В связи с этим возникает другая гипотеза (которая, впрочем, не отменяет, а скорее дополняет первую, но обладает тем преимуществом, что включает значение 'ссора').

Прежде всего, обратим внимание на то, что в Словаре языка XVIII века [СРЯ—XVIII: 3, 121–122] для слова *вздор* даются варианты *здор* и *сдор* (то же для прилагательных: *з/сдорный*, *з/сдорливый* и т. д.), что наталкивает на мысль о том, что здесь изначально была приставка *с-* (очевидно, со значением совместного действия). Внутренняя форма слова в этом случае оказывается крайне проста: слово обозначает то же, что *с-толковение*, *с-хватка*, *с-шибка*; ср. также другие производные с близким значением от глагола *драть* — *драться* и *драка*. (Слово *сдор*, при ином значении приставки *с-*, может означать также 'то, что содрано', т. е. 'ненужная вещь', но тогда опять необъяснимым остается значение 'ссора'.)

Итак, наша гипотеза состоит в том, что слово *вздор* произошло из *сдор* в результате переосмысления внутренней формы. А именно, приставка *с-* (фонетически: [з]) заменилась на приставку *вз-*. Здесь можно назвать два фактора, которые действовали одновременно. С одной стороны, это влияние слова *вздор* в значении 'мусор', 'ненужная вещь'. С другой стороны, здесь возможно влияние семантики словообразовательной модели с приставкой *вз-*. Дело в том, что в русском языке имеется множество слов с приставкой *вз-*, обозначающих резкое, внезапное, непредсказуемое возникновение отрицательных эмоций (вариантов гнева) и плохо контролируемых действий (вариантов ругани), ср.: *взбелениться*, *взбеситься*, *взбаламутиться* (*взбалмошный*), *вспылить* (= 'прийти в состояние гнева'), *вскинуться* (= 'наброситься с бранью'), *вскипеть* (= 'прийти в состояние раздражения'), *вспыхнуть* (= 'внезапно разгневаться'), ср. *вспыльчивый*; *взвиться* (= 'внезапно рассердиться'), *взорваться* (= 'разразиться бранью'). Ср. также другие глаголы с приставкой *вз-*, описывающие внезапный и обычно неконтролируемый переход в некоторое эмоциональное или ментальное состояние: *вспомниться*, *всполошиться*, *вскружить* <кому-то> голову, *встрепенуться*, *встревожиться*, *взбодриться*, *взбудоражиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*, *вздуриться*, *вздумалось*, *взбрело в голову*, *взыграть* (*взыграло самолюбие*). Имеется также ряд глаголов речи и издаваемых человеком (или животным) звуков: *взмолиться*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *взреветь*. Во всех этих словах идея внезапности, непредсказуемости и неконтролируемости поддерживается — или наводится — приставкой *вз-* (ср. [Gallant 1979]).

Таким образом, по-видимому, по крайней мере одним из факторов семантической эволюции слова *вздор* было давление ключевой идеи русской языковой картины мира — идеи **непредсказуемости мира** (см. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005). Заметим, что это слово обладает выдающейся частотностью в текстах Достоевского. То, что у Достоевского некоторые ключевые слова русской языковой картины мира обладают повышенной частотностью, уже отмечалось исследователями (ср., в частности, [Арутюнова 1996] о слове *как бы* и [Булыгина, Шмелев 1998] о слове *вдруз*). К этой же категории относится, по-видимому, слово *вздор*.

В Словаре русского языка XVIII века отмечаются следующие значения этого слова:

1. Ссора, распря, спор (обычно неосновательные).
2. Пустые, нелепые слова, мысли, поступки; нелепость, ерунда. [Это значение, по-видимому, следует разбить на две части: 2.1. пустые, нелепые слова, мысли; 2.2. нелепые поступки.]
3. Небольшая вещь, мелочь, безделушка.
4. Ненужная вещь, мусор.

В современном языке 1-е и 4-е значения полностью исчезли; 3-е сохранилось на периферии; что касается 2-го, то исчезла та его часть, которая касается поступков. Тем самым, русский язык последовательно устранил все значения слова *вздор*, относящиеся к **делам**, и оставил только то, которое относится к **словам**: слово *вздор* сохранилось только в значении оценки содержания речи.

Итак, систему значений (= модель семантической деривации) слова *вздор* можно представить следующим образом:

- (I) 'ссора' (*сдор*) + (II) 'ненужная вещь, мусор' (*вздор*)
 → (III) 'ссора без основания, из-за пустяка' (замена *с-* на *вз-*)
 → 'пустяк':
 (IV) 'мелкий или ненужный предмет'
 (V) 'нелепый поступок'
 (VI) 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство'
 (VII) 'совокупность глупых, бессмысленных или ложных высказываний' (дескриптивное употребление): *нестип всякий вздор*
 (VIII) 'глупое, бессмысленное или ложное высказывание' (реплика в диалоге): — *Вздор!*

Таким образом, финальным этапом семантической деривации является значение верифицируемого ложного мнения², т. е. здесь отчетливо проступает эволюция от «дела» к «слову». В XVIII в. значение ложного мнения (диалогическое) было периферийным (в словаре не выделяется, но есть, см. ниже), а к середине XIX в. оно становится центральным.

В современном языке имеются лишь употребления VII и VIII, причем они не очень отчетливо различаются. В XIX в. были представлены также значения (IV) — (VI) (которые сохранились в качестве периферийных и в XX в.).

Приведем примеры.

I. 'ссора' (*сдор*):

(1) Славной поборник Аввакум протопоп, / да намеренный наставник, Никита поп, / Пречестный Лазарь и славный учитель Феодор, / Которые против нынешних нововерцов / Зачали дерзновенно *здор* [СРЯ XVIII]

II. 'ненужная вещь, мусор':

(2) Сад весь зарос как лес всяким *вздором* [СРЯ XVIII]

(3) И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный *вздор*. [Н. В. Гоголь. Шинель]

III. 'ссора без основания, из-за пустяка':

(4) Пошел великий спор, Кому принадлежит находку эту скушать. И скучно было слушать, Какой об устрице был шум у них и *вздор*. [СРЯ XVIII]

IV. 'не имеющий определенного назначения мелкий предмет':

(5) Глафира Кировна любила и подарки, не те полновесные, которые отсчитывались у мужа в кабинете, а всякие модные безделки, шляпки, гребеночки, флакончики и прочий женский *вздор*. [В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка (1845)]

(6) Подушкой служат ботинки и холщовая сумка с моим имуществом — там миска с ложкой, рваная сорочка, лысая зубная щетка, раздавленная мыльница с обмылком, обломок гребня, чехол из-под бритвы, еще какой-то *вздор*. [Олег Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]

² Ср. структуру полисемии слова *напрасно*, где реализуется аналогичный путь семантической деривации: от идеи пустого, бессмысленного, неэффективного (*напрасный труд*) к идее ложного мнения (*напрасно ты так думаешь* = 'это неверно', см. [Зализняк 1990/2006]).

V. 'нелепый поступок; дурацкая ситуация':

(7) — Да разве любовь не дело? — Нет: приятное развлечение, только не нужно слишком предаваться ему, а то выйдет *вздор*. [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

(8) Куда под конец денутся мелочные угождения, беспрестанная внимательность, жажда быть вместе, слезы, восторги — все эти *вздоры*? [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

VI. 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство'

(9) Ах, та *chère*, о каком *вздоре* они говорили. Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую; также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал; что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые, — и тому подобное. «Куда ж, — подумала я сама в себе, — если сравнить камер-юнкера с Трезором! Небо! какая разница!» [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего]

Рассмотрим теперь более подробно актуальные для современного языка значения VII и VIII.

VII. Высказывание или последовательность высказываний, не имеющих ценности. Здесь можно различить два варианта: (а) не стоящее произнесения высказывание, т. е. высказывание глупое, бессмысленное или о ничтожном предмете; (б) ложное высказывание или высказывание о несуществующем предмете. Эти два варианта могут быть объединены формулой: высказывание (или множество высказываний) о ничтожном или несуществующем предмете, глупое, бессмысленное или ложное.

Специально обратим внимание на характер сходства употреблений типа VII.a и типа VI, ср. *о каком вздоре они говорили* = 'о каких ничтожных предметах говорили' и *какой вздор они говорили* = 'какие глупые (бессмысленные) высказывания они делали'. Разница здесь — между предметом и высказыванием об этом предмете, т. е. опять между «словом» и «делом», и эта граница очень легко проницаема, ср. объединение (не создающее каламбура) этих двух типов употребления в следующем примере:

(10) Все, что он *делал* и *говорил* сам, казалось ему такую фальшью и ложью, таким ненужным и приторным *вздором*. ... а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю. [И. С. Тургенев. Ночь (1877)]

VII.a:

(11) Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий *вздор*, но *вздор*, которому он невольно придавал особенный для нее смысл. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

VII.b:

(12) «Такое бессмертие мне не нужно». А какое же в таком случае нужно? И вообще, верил ли он в него, в бессмертие? Бунин вспоминает, что он *называл его вздором* [= утверждал, что его не существует] и брался доказать это, как дважды два — четыре. Но в другой раз говорил нечто прямо противоположное. «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт...» [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога (2004)]

(13) Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас *вздор*? [= неправду] [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь–ноябрь 1877 года]

Здесь характерно противопоставление *вздор* — *факт* и *вздор* — *правда*. Ср. также несколько устаревшее противопоставление *вздор* — *дело* (ср. *дело говоришь, дельная вещь*) в примере (114):

(14) [Прията:] Анюта *вздор* несет! [Анюта:] Нет, *дело*, а не *вздор*. [СРЯ XVIII]

Сюда примыкает употребление, иллюстрируемое следующей группой примеров:

(15) Как сейчас помню, что в начале 1800-х годов Дмитрий Александрович читал однажды газеты, остановился, да и говорит мне: «Представь себе, какой *вздор* печатают: будто в Америке англичане хотят устроить дорогу, по которой будут ездить без лошадей, а посредством силы паров: это значит, как в сказке будет ковер-самолет». [Благово Д. Д. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877–1880)]

(16) Он считал переделку экономических условий *вздором*, но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

(17) Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею как на *вздор*; но с тобой не *вздор*... Хочешь станем друзьями? [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

(VIII) Значение, реализующееся в ответной реплике в диалоге либо в асерции любой диалогической реплики (в отличие от предыдущего, дескриптивного типа употребления): (a) = ‘Я не хочу принимать во внимание твое мнение’; (b) = ‘Неправда’:

VIII.a [= 'я не хочу принимать во внимание твое мнение']:

(18) Бабушка. [...] Я все умею, господин советник. Есть люди, которые говорят, что у меня золотые руки, господин советник.

Советник. *Вздор*. [= 'утверждение неинтересно и нерелевантно, не стоит внимания'] Начнем с начала. Вы, может быть, не знаете, кто я такой. [Е. Шварц. Снежная королева]

VIII.b [= 'неправда']:

(19) — Лошадей! — А где их взять? все в разгоне. — *Вздор!* Это разве не лошади? [СРЯ XVIII]

(20) — Где? — Там... у одного знакомого. — Да *вздор*, не обедал. [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)]

(21) — Конечно, его ребенок, его собственный-с, от mademoiselle Лидии Ахмаковой... [...] — Что за *вздор*, что за дичь! У него никогда не было ребенка от Ахмаковой! [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

(22) А что Федора вам насаждала на меня, так все это *вздор*; вы ей скажите, что она наглала, непременно скажите ей, сплетнице! Я нового вицмундира совсем не продавал. [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)]

(23) Я сказал, что это происшествие меня не смутило; это — неправда, это *вздор*. [И. С. Тургенев. Новь (1877)]

(24) *Вздор*, что старики словоохотливы, они не пред всяким выговорятся. [Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов // «Наш современник», 2004]

Значения VIII.a и VIII.b могут совмещаться — ср. пример (25), где нельзя сказать, отец не верит, что у девочки болит голова, или считает, что это несущественно:

(25) — Лиза, Иван Васильич, поживает, — отвечала жена, — уже более двух часов, как няня уложила ее в постельку... У нее, у бедняжки, целый день болела головка... — *Вздор!* принести ее сюда! [И. И. Панаев. Барышня (1844)]

Слово *вздор* является мощным орудием словесной войны. В пьесе Е. Шварца «Снежная королева» диалог Советника с бабушкой целиком построен на том, что Советник говорит «Вздор!» в ответ на высказывания разного рода (касающиеся как устройства мира, так и конкретных фактов); эта реплика во всех случаях используется как средство недифференцированной низкой тимиологической (согласно [Пеньковский 2004]) оценки и служит для утверждения говорящим своего превосходства и подчинения окружающих его воле (такая капризная авторитарность, не терпящая возражения). Поэтому когда Советник все-таки проигрывает спор, он говорит «Да ведь это

бунт» — поскольку цель подчинения, которую преследовала реплика «Вздор!», не достигнута.

Советник. [...] Итак, повторяю: вам повезло, хозяйка. Вы бедны?

Бабушка. И да и нет. Деньгами — небогата. А...

Советник. А остальное — *вздор*. [= 'не имеет значения'] Перейдем к делу.

Я узнал, что у вас среди зимы расцвел розовый куст. Я покупаю его.

Бабушка. Но он не продается.

Советник. *Вздор*. [= 'неверно': *не продается* значит 'не может быть так, чтобы он был продан'; Советник отрицает это частное утверждение]

Бабушка. Уверяю вас. Этот куст все равно что подарок. А подарки не продаются.

Советник. *Вздор*. [отвергает данное общее суждение: оно не стоит рассмотрения в силу своей ничтожности]

Бабушка. Поверьте мне! Наш друг, студент-Сказочник, учитель моих ребятшек, уж так ухаживал за этим кустом! Перекапывал его, посыпал землю какими-то порошками, даже пел ему песни.

Советник. *Вздор*. [одновременно: 'пустое занятие петь песни цветку' и 'это ложь, такого не было']

[...]

Советник. ... И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам и этим гадким детям.

Бабушка. Это очень хорошие дети.

Советник. *Вздор*. [одновременно: 'неправда, что это хорошие дети' и 'ваш аргумент ничтожен'] Вы подумайте только: двести талеров за самый обыкновенный розовый куст!

Бабушка. Это не обыкновенный куст, господин советник. Сначала на ветках его появились бутоны, совсем еще маленькие, бледные, с розовыми носиками. Потом они развернулись, расцвели, и вот цветут, цветут и не отцветают. За окном зима, господин советник, а у нас лето.

Советник. *Вздор*. [прочитывает последнее высказывание как верифицируемое и утверждает его ложность] Если бы сейчас было лето, лед поднялся бы в цене.

Бабушка. Эти розы — наша радость, господин советник.

Советник. *Вздор, вздор, вздор!* Деньги — вот это радость. Я вам предлагаю деньги, слышите — деньги? [...]

Бабушка. Господин советник, есть вещи более сильные, чем деньги.

Советник. Да ведь это бунт!

Итак, слово *вздор* имеет два разных истока: 'ссора' и 'мусор' (→ 'ненужная вещь, бессмыслица, небылица'). При этом существительное *вздор* первое значение утратило, а в прилагательном остались оба. *Вздорный* означает: 1) склонный к ссорам (беспричинным взры-

вам эмоций несогласия, вражды): *вздорная женщина, вздорный старик, вздорный характер*; 2) дурацкий, ерундовый, ложный: *вздорная мысль* (= ‘неправильная, не имеющая оснований’); ср.:

(26) Майора ужаснула мысль, что вода отравлена, но тут же, по свойственной ему логике мышления, он отогнал эту мысль как *вздорную*: откуда у старика яд, и потом он так спокойно ведет себя. [Вадим Кожевников. Щит и меч (1968)]

(27) — А теперь, — откровенность за откровенность. Стрельников, о котором вы рассказывали, это муж мой Паша, Павел Павлович Антипов, которого я ездила разыскивать на фронт, и в мнимую смерть которого с такою правотой отказывалась верить. — Я не поражен и подготовлен. Я слышал эту басню и считаю ее *вздорной*. Оттого-то я и забылся до такой степени, что со всей свободой и неосторожностью говорил с вами о нем, точно этих толков не существует. Но эти слухи бессмыслица. Я видел этого человека. [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

Следующий пример интересен в том отношении, что одно значение как бы притягивает к себе другое:

(28) Это была *вздорная* женщина, которая, как он выразился, прожила свою жизнь, задумавшись раз навсегда о какой-то *ерунде*, затем влюбилась в него, и это заполнило все ее существование. [Гайто Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)]

Слово *вздор* в современном русском языке является уходящим. По данным Национального корпуса русского языка, в настоящее время его частотность по сравнению с серединой XIX в. уменьшилась примерно в 50 раз. Приведем цифры по десятилетиям (в скобках указана частотность из расчета на миллион словоупотреблений):

с 1840 по 1849	214 на 2 млн.	(= 107)
с 1850 по 1879	1056 на 11,5 млн.	(= 91,8)
с 1880 по 1889	173 на 2,6 млн.	(= 66,5)
с 1890 по 1899	124 на 3,6 млн.	(= 34,4)
с 1900 по 1919	223 на 7,7 млн.	(=29)
с 1920 по 1939	313 на 14, 2	(=22)
с 1940 по 1979	218 на 13,4	(=16,3)
с 1980 по 1989	58 на 7 млн.	(= 8,3)
с 1990 по 1999	107 на 19 млн.	(= 5,63)
после 2000:	114 на 53 млн.	(= 2,15)

Отдельный интерес представляет, на наш взгляд, статистика употребления этого слова у разных русских писателей:

Достоевский	353 на 1,9 млн. (= 185,8)
Лесков	230 на 1,25 млн. (= 184)
Гоголь	50 на 0,4 млн. (= 125)
Толстой	87 на 2,1 млн. (= 41,4)
Булгаков	11 на 0,12 млн. (= 91,7)
Набоков	19 на 0,42 млн. (= 45,2)
Чуковский	10 на 1,4 млн. (= 7,1)
Платонов	0
Шолохов	0

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской языковой картины мира. М., 1996.
- Булыгина, Шмелев 1998 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Неожиданности в русской языковой картине мира.
- Виноградов 1994а — *Виноградов В. В.* *Вздор* // *В. В. Виноградов.* История слов. М., 1994. С. 85–87.
- Виноградов 1994б — *Виноградов В. В.* *Задор* // *В. В. Виноградов.* История слов. М., 1994. С. 183–186.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1994.
- Зализняк 1990/2006 — *Зализняк Анна А.* Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 116–130.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках // *Пеньковский А. Б.* Очерки по семантике. М., 2004. С. 50–60.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1987. Т. 3.
- Gallant 1979 — *Gallant J.* Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix VZ- // *Slavistische Beiträge.* В. 135. Otto Sagner Verlag, München, 1979.

И. Ю. ИВАНЮШИНА, И. А. ТАРАСОВА

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ
РУССКОЙ ЛИРИКИ
В АСПЕКТЕ ЭВОЛЮЦИИ
ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Как неоднократно отмечалось исследователями художественной речи, диалогические формы занимают значительное место в структуре поэтических текстов. Однако усложнение позиции речевого субъекта и адресата, изменение статуса грамматических категорий в поэтическом языке приводит к тому, что диалог как средство устной коммуникации приобретает в поэзии иной функциональный статус [Ковтунова 1986 : 62].

В узком смысле слова под диалогом понимается форма речи, характеризующаяся сменой участников общения [Изотова 2006: 33]. Для художественного диалога определяющим, видимо, следует считать другой признак — направленности речи на адресата, стимулирующей коммуникативную активность собеседника.

С позиции коммуникативного подхода к анализу лирического произведения последнее можно рассматривать как в аспекте внешней (автор — читатель), так и в аспекте внутренней коммуникации (лирический субъект — внутренний адресат). Формы коммуникативного взаимодействия лирического субъекта и эксплицитного внутреннего адресата были представлены Ю. И. Левиным в виде внутритекстовой коммуникативной схемы (модели) [Левин 1998].

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что смена литературных направлений, понимаемая вслед за И. П. Смирновым как сдвиг от одной семиотической художественной системы к другой (см. [Смирнов 1977]), сопровождается, в том числе, эволюцией базовых коммуникативных моделей, описывающих как внутритекстовые взаимодействия, так и взаимодействия с потенциальным читателем. В настоящей статье нас будет интересовать внутритекстовый коммуникативный аспект стихотворения, поэтому материалом исследования являются апеллятивные тексты с эксплицитным адресатом, принадлежащие перу представителей различных литературных направлений конца XIX — начала XX века.

С учетом современного состояния филологического знания в коммуникативную схему лирического стихотворения могут быть включены такие компоненты, как коммуникативные стратегии и речевые тактики. Под коммуникативной стратегией нами понимается сверхзадача речи. Коммуникативные (речевые) тактики — это средства реализации коммуникативных стратегий, доступные непосредственному наблюдению при текстовом анализе речевого взаимодействия (см. об этом [Борисова 1999]). Языковыми средствами диалогической тактики выступают любые виды адресованности лирического сообщения другому лицу (обращения, побуждения, вопросы, реплики — см. [Ковтунова 1986]). Они маркируют различные формы внутритекстовой коммуникативности, в том числе «фиктивной», характеризующейся использованием фабульно немотивированных речевых элементов: восклицаний, ненаправленных вопросов, обращений к «заведомо некоммуникабельным объектам» [Левин 1998: 467]. «Фиктивная» коммуникативность проявляется в таких типах художественного диалога, как «несостоявшийся» и «мнимый»¹.

В центре нашего рассмотрения — диалогические тактики русской лирики в их соотносительности с базовыми коммуникативными стратегиями литературных направлений от символизма до футуризма.

В поэзии раннего символизма, с его установкой на индивидуализм², а следовательно, на монологичность, диалогические тактики подчиняются базовой стратегии самопрезентации лирического героя и его оппозиционированию другим. «Другой» при этом выступает как средство самоутверждения, а диалог с ним носит диссонирующий, конфликтогенный характер³.

Так, конфронтационные тактики и стратегии преобладают в стихах В. Брюсова, обращенных к другим поэтам. Своеобразное

---

¹ В «несостоявшемся» диалоге по сравнению с прототипическим диалогом изменен репликационный параметр: представлена только одна реплика. В «мнимом» диалоге модифицирован персонажный параметр: речевой субъект обращается к неодушевленному собеседнику или абстрактной сущности (ср. типологию диалогов в [Изотова 2006]).

² Ср. утверждение А. Ханзена-Леве о том, что ядром эстетической программы раннего символизма являются панэстетизм и индивидуализм [Ханзен-Леве 1999]. О монологической позиции старших символистов в субъектной сфере произведения пишет С. Н. Бройтман [Бройтман 1997: 221–226].

³ О двух типах диалога — гармоничном и диссонирующем — см. [Колокольцева 2001: 29]. Гармоничный диалог построен с соблюдением правил эффективного речевого взаимодействия, диссонирующий диалог эти правила нарушает.

оправдание диалогических тактик, ведущих к коммуникативно-ному диссонансу, находим в одном из многочисленных посвящений К. Бальмонту («Равному»):

Нет, не бойся слов враждебных,
 Вольных вызовов к борьбе,
 В гуле выкриков хвalebных
 В царство грез твоих волшебных
 Вдруг домчавшихся к тебе!
 Хорошо, что в нашем мире
 Есть, кого в борьбу вовлечь,
 Что другой, как ты, в порфире,
 Что нас двое на турнире,
 Что на меч ответит меч! ⁴

Базовая стратегия послания «Андрею Белому» может быть определена как стратегия дискредитации, проявляющаяся через тактику косвенного обвинения: насыщая стихотворения индивидуально-авторскими образами А. Белого («*В сиянии небо — вино и золото!*»), Брюсов изобличает их лживый, опасный характер. В концовке стихотворения реализуется тактика угрозы и — косвенно — проклятия. На чередовании речевых тактик угрозы и зловещего предсказания построено мифологизированное послание В. Брюсова А. Белому «Бальдеру Локи». Коммуникативная композиция текста включает разнообразныe приемы адресованности: серию обращений («*Светлый Бальдер!*», «*Бальдер!*»), риторические вопросы («*Что лучам твоим отвечу?*»), формы второго лица («*Ты, как солнце, взносишь лик*», «*Ты смеешься с высоты!*» (I, 388), однако их прагматическая направленность подчинена конфронтационной стратегии оппозиционирования. Как контекстуальные антонимы функционируют местоимения я/ты, мифологические персонажи Бальдер и Локи, связанные с ними образы солнца и мрака. Торжествующая концовка («*Но последний царь вселенной, Сумрак! сумрак — за меня*») соотносится с обращением-зачином («*Светлый Бальдер!*») по принципу контраста, завершая диалог-диссонанс.

Директивная стратегия, подразумевающая неравенство коммуникативных партнеров, реализуется в стихотворениях В. Брюсова, адресованных молодым поэтам («Юному поэту», «Начинающему»).

⁴ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 541–542. Далее стихотворения В. Брюсова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

Формально коммуникативной интенцией является в них дидактическая, фактически же они направлены на создание образа поэта-учителя, главы школы, «хранителя тайны» и подчинены все той же глубинной стратегии самопрезентации.

Юноша бледный со взором горящим,
 Ныне даю я тебе три завета:
 Первый прими: не живи настоящим,
 Только грядущее — область поэта <...>
 Юноша бледный со взором смущенным!
 Если ты примешь моих три завета,
 Молча паду я бойцом побежденным,
 Зная, что в мире оставлю поэта. (I, 99)

Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин — согласно
 В явные знаки вплетали скрытых намеков черты.
 Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?
 Нет? такними свой венок: чужд Полигимнии ты. (I, 544)

Другой (поэт) подвергается уничтожению, что свидетельствует о неспособности лирического героя осознать «непривилегированность» (С. Н. Бройтман) собственного «Я», установить действительно диалогические отношения с «Другим».

Оппозиция между ранним и зрелым символизмом включает, помимо всего прочего, разное отношение к Другому. Младосимволизм «попытался установить равновесие между познающим и познаваемым, вернул последнему право быть носителем смысла, независимо от субъекта» [Смирнов 1977: 58].

Этот «Другой», точнее, «Другая» (*Ты*) — является у А. Блока принадлежностью Иного мира, принципиально недоступного для лирического героя, к контакту с которым, однако, он постоянно стремится:

Отдых напрасен. Дорога крута.
 Вечер прекрасен. Стучу в ворота.
 Дольнему стучу чужда и строга,
 Ты рассыпаешь кругом жемчуга.
 Терем высок, и заря замерла.
 Красная тайна у входа легла...⁵

⁵ Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1960. Т. 1. Стихотворения. 1897–1904. С. 74. Далее стихотворения А. Блока цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

Базовой стратегией, на которую направлен (потенциально) гармонизирующий диалог, является презентация Другого, а сам диалог мыслится как «нечто трансцендентное наличному бытию» [Бройтман 1997: 228]. Как и в раннем символизме, адресант и адресат неравноправны, но теперь отношения между ними меняются: *Я* подчиняется *Ты*. Специфической тактикой автопрезентации лирического субъекта выступает тактика самоумаления (она имплицирована в названии стихотворения «*Servus — Reginae*»). Ведущей коммуникативной тактикой, рисующей речевой портрет героини, является тактика призыва: «*Ты ли зовешь вдалеке?*» (I, 119); «*Я знаю твой победный лик, / Призывный голос слышу ясно*» (I, 47). Речевой портрет лирического героя в наибольшей степени характеризует тактика молчания: «*Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг, / Последняя мечта моей души вечерней*» (I, 158); «*Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо, / И молча жду, — тоскуя и любя*» (I, 94). Диалог между эксплицированным «*Я*» и эксплицированным «*Ты*» — несостоявшийся в полном смысле этого слова. Однако гармонизирующий потенциал диалогических тактик младосимволистов в полной мере проявился в жанре стихотворного послания (см. послания А. Белого А. Блоку, С. Соловьеву), основной коммуникативной стратегией которых является стратегия кооперации.

Переход от символизма к постсимволизму сопровождается базовой семиотической трансформацией. Акмеизм трактует содержание знака не как принадлежность высшей реальности, а как «иную субстанцию, равноправную по отношению к естественным сцеплениям фактов» [Смирнов 1977: 145].

В стихотворениях А. Ахматовой присутствует равноправный лирическому субъекту герой — либо в качестве внутреннего адресата (*Ты*), либо в качестве персонажа (*Он*, реже — *Мы*). Этому герою присущи собственные речевые тактики, которые выступают средством его презентации — героине и читателю.

Коммуникативные установки этого Другого носят преимущественно жесткий, ироничный характер: «*Встретимся в аду*»⁶ — ироническое обещание; «*Ну что ж, иди в монастырь / Или замуж за дурака*» (I, 21) — иронический совет; «*Он говорил о лете и о том, / Что быть поэтом женщине — нелепость*» (I, 54) — поучение. Таким образом, коммуникативные тактики героя по преимуществу конфронтационные, в то время как героини — по преимуществу консолидирующие (просьба, извинение, признание):

⁶ Ахматова А.А. Соч.: в 2 т. М., 1987. Т. 1. Стихотворения и поэмы. С. 45. Далее стихотворения А. Ахматовой цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад. (1, 35)

При всей негармоничности речевого общения героя и героини важен сам факт изображения эксплицированного диалога с Другим. Кроме того, можно говорить о глобальной диалоговой стратегии построения лирических текстов А. Ахматовой, не случайно В. М. Жирмунский увидел их специфику в драматургическом диалоге, основанном на психологических нюансах [Жирмунский 1973: 85]. В ранней поэзии А. Ахматовой показатель реплицированности достигает максимальной для русской лирики отметки — 41,1%, выше он только у В. Маяковского⁷, а идея равноправного «Другого», по выражению С. Н. Бройтмана, «отложилась в субъектно-образной структуре, стала содержательной формой» [Бройтман 1997: 284]⁸.

Коммуникативные стратегии (и служащие им диалогические тактики) поэтических текстов футуристов выглядят парадоксально на фоне конфронтационности их теоретических деклараций. Этот основной коммуникативный парадокс футуризма обнаруживается уже в лирике Игоря Северянина: борясь со вкусами толпы, представители нового искусства вынуждены искать у нее поддержки и понимания. Роль ментора и воспитателя новых вкусов диктует эго-футуристу Игорю Северянину манипулятивную стратегию путем привлечения на свою сторону, уговора, внушения («*Поешь деликатного, площадь: придется товар по*

⁷ Данные С. Н. Бройтмана [Бройтман 1997].

⁸ Диалогизация художественного мира, предпринятая А. Ахматовой, обычно объясняется генетической связью ее лирики с русской психологической прозой, романами Толстого, Тургенева и особенно Достоевского (О. М. Мандельштам, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум), однако в этом возможно усмотреть и продолжение традиции А. С. Пушкина, у которого впервые «автор перестал быть единственным субъектом в мире объектов» [Бройтман 1997: 105].

душе!»⁹; «Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-Богу, похвалишь, дружок!» (343). Впрочем, эта роль не всегда выдерживается Северяниным, и он опускается до потакания вкусам публики, особенно дамской: «Вы такая эстетная, Вы такая изящная...» (342); «Ласковая девонька! крошечная грешница! Ты еще пикантнее от людских помой!» (342).

Еще очевиднее этот парадокс проявляется в поэзии кубофутуристов с их установкой на демократизацию искусства, особенно в творчестве В. Маяковского. Конфронтационная стратегия Маяковского, эксплицированная в предельно грубых формах панибратского обращения («Эй! Россия, нельзя ли чего поновее?»)¹⁰; дистанцирования («Я не твой, снеговая уродина» [I, 130]), оскорбления («вы, бездарные, многие, думающие, нажраться лучше как» [I, 75]), издевательства («Я захохочу и радостно плюну, плюну в лицо вам» [I, 56]), обличения («Вам, проживающим за оргией оргию, имеющим ванну и теплый клозет! Как вам не стыдно...» [I, 75]), навсегда запечатлевается в сознании читателя в силу своего шокового воздействия. А вот стратегия солидаризации, выраженная в речевых тактиках приобщения («я — ваш поэт» [I, 62]), идентификации («Знаете что, скрипка? Мы ужасно похожи: я вот тоже ору — а доказать ничего не умею!» [I, 69]), жанрах предложения («Знаете что, скрипка? Давайте — будем жить вместе! А?» [I, 69]); завещания («Вам завещаю я сад фруктовый моей великой души» [I, 106]), меньше фиксируется читательским сознанием, поскольку является более традиционной для русской литературы. Между тем по глубинной своей интенции лирика В. Маяковского не эготивна, как у И. Северянина, а апеллятивна, направлена к людям («Грядущие люди! Кто вы?» [I, 106]), озабочена поиском собеседника («Душа не хочет немая идти, а сказать кому?» [I, 113]). Все эти «Послушайте!» «Слушайте ж», «Хотите?», риторические обращения и вопросы есть формальные знаки повышенной коммуникативной напряженности текстов В. Маяковского, для которого наличие Другого — неперемное условие реализации собственного «Я».

Коммуникативная напряженность ранних произведений Маяковского в значительной мере создается за счет сквозной реплицированности повествования. Возникающие при этом диалогические структуры весьма своеобразны. Во-первых, для Маяковского харак-

⁹ Поэзия русского футуризма. СПб., 1999. С. 343. В дальнейшем стихотворения футуристов, за исключением В. Маяковского, цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте статьи.

¹⁰ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 1. С. 101. В дальнейшем все произведения Маяковского приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

терно несовпадение основного субъекта речи и лица, которому принадлежит реплика, что значительно осложняет коммуникативную схему стихотворения. Во-вторых, процент ответных реплик в текстах Маяковского относительно невелик, что придает диалогу черты неполного, несостоявшегося, обнажает «фиктивный» характер коммуникативной ситуации.

Установка на внутреннюю коммуникативность, свойственная и другим кубофутуристам, проявляется в предпочтении первого и второго лица третьему (Д. Бурлюк: «*Мы все приникли к коромыслам / Под блеском ясной синевы, / Не уклоняясь от смысла И Я, и ТЫ, и Мы, и Вы*» [107]). Даже для выражения самых общих закономерностей бытия футурист выбирает второе, а не третье лицо (В. Хлебников: «*Ты не один — с тобою случай! Призвавший жить — возьми отказ!*» [82]).

Внутренний адресат многих футуристических текстов не совсем обычен. Футурист часто обращается к «заведомо некоммуникабельным объектам». Неожиданно часто для урбанистов это объекты природы (Е. Гуро: «*Прости, что я пою о тебе береговая сторона / Ты такая гордая*» [262]; Д. Бурлюк: «*Камень, камень ты умней, / Всех задумчивых людей*» [123]), или «духовные сущности»: довольно часто для богоборцев футуристы обращаются к Богу (А. Крученых: «*ШЕПЧУ О СВЯТ / ПОДАЙ МНЕ силы*» [210]), к неопределенной и непознаваемой субстанции. Для Д. Бурлюка вообще характерна коммуникация с трудно атрибутируемым субъектом:

Какой позорный черный труп
 На взмыленный дымящий круп
 Ты взгромоздил неукротимо...
 Железный груз забытых слов
 Ты простираешь мрачно вновь
 Садов благословенных мимо. [111]

Это не столько Другой, сколько Другое. В отличие от символистского Непознаваемого, футуристическое Другое имеет субъективный характер. Оно — продукт авторского сознания.

Прагматика футуристического текста, активно, а иногда и агрессивно воздействующего на читателя, предопределяет его апеллятивность, что позволяет говорить о диалогичности как одной из базовых коммуникативных стратегий футуризма. Однако «истинным» диалогом такой диалог все же не является — не столько в структурном, сколько в идеологическом плане. Говоря словами С. Н. Бройтмана, «диалог здесь понимается... не “диалогически”, а “монологически” (в бахтинском смысле этих терминов)» [Бройтман 1995: 20].

«Истинный диалог», по М. Бахтину, проявляется в доверии к чужому слову, способности принять другую точку зрения [Бахтин 1979: 300]. В этом смысле футуризм монологичен, ибо он признает верной только свою позицию, стремясь «кооптировать» в свои ряды все новых сторонников. Футуристам свойственно инструментальное отношение к Другому. Авторитетному монологическому слову (религиозному, политическому, моральному и др.) футуристы противопоставляют не диалог, а свой индивидуалистический монолог, полагая, что сказать свое собственное слово можно, лишь преодолев диалогическую ориентацию общего слова.

Оставаясь в границах романтической парадигмы, неоромантики начала XX века (как старшие символисты, так и футуристы) оказались не способны на истинный диалогизм. Диалог, который вели неоромантики на идеологическом уровне, можно условно назвать вертикальным: выступая в качестве Другого по отношению к Богу и мирозданию, они не допускали горизонтальных диалогических связей. В то же время футуристическое искусство совершило прорыв в диалогическую сферу на уровне прагматики, обозначив переход от монологической концепции готового, завершенного произведения к диалогическому пониманию «открытого» произведения как процесса.

Именно в отношении к внешнему адресату и проявляется в полной мере диалогический потенциал футуристического текста. Построение коммуникативной модели общения с читателем — перспектива будущего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова 1987 — *Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. Стихотворения и поэмы.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Блок 1960 — *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1. Стихотворения. 1897–1904.
- Борисова 1999 — *Борисова И. Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа // *Жанры речи: сборник научных статей.* Саратов, 1999. С. 81–96.
- Бройтман 1997 — *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М., 1997.
- Бройтман 1995 — *Бройтман С. Н.* Три концепции лирики (проблема субъектной структуры) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* Т. 54. 1995. № 1. С. 18–29.

- Брюсов 1973 — *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1.
- Жирмунский 1973 — *Жирмунский В. М.* Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
- Изотова 2006 — *Изотова Н. В.* Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. Ростов-на-Дону, 2006.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Колокольцева 2001 — *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
- Левин 1998 — *Левин Ю. И.* Лирика с коммуникативной точки зрения // *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–480.
- Маяковский 1955 — *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 1.
- Поэзия русского футуризма 1999 — *Поэзия русского футуризма.* СПб., 1999.
- Смирнов 1977 — *Смирнов И. П.* Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
- Ханзен-Леве 1999 — *Ханзен-Леве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.

Н. В. Изотова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Проза А. П. Чехова — это мир общения, мир диалогов, мир коммуникации. Б. М. Эйхенбаум писал, что «рассказы Чехова совсем не похожи на то, что принято называть новеллами; это, скорее, сцены, в которых гораздо важнее разговор персонажей или их мысли, чем сюжет» [Эйхенбаум 1969: 365–366].

Художественное повествование — явление многоплановое: «внесловесная» действительность сочетается в нем с собственно речевыми конструкциями, которые отражают процесс речевого взаимодействия существующих в художественной реальности субъектов. В художественном произведении автор изображает внешнюю по отношению к нему действительность, в которой находит отражение и речевое поведение человека, поскольку, по мысли Э. Бенвениста, «мы разговариваем с собеседниками, которые нам отвечают, — такая человеческая действительность» [Бенвенист 1974: 101].

Диалог как основная форма речевого общения «канонизирован» в художественной литературе, поскольку относится к «обязательным формам» бытия человека. В художественных произведениях диалог является элементом «вторичного», придуманного и написанного автором мира, имеющим аналог в языковом существовании человека. Речевая действительность в художественном произведении — это воспроизведенная действительность, проецирующаяся на естественное речевое поведение человека и рассчитанная на восприятие читателем как существующая на самом деле. В художественной прозе диалогическая коммуникация, с одной стороны, наиболее достоверно и точно отражает естественную речевую коммуникацию, поскольку диалогический фрагмент текста, формирующийся, как правило, сочетанием авторского и персонажного речевых планов, дает возможность читателю представить полноценную диалогическую ситуацию. С другой стороны, диалог в прозе подвергается изменениям различного плана, позволяющим тем не менее в своей структуре

«сохранять» его главное свойство — направленность на читателя и побуждать читателя на основе текста к внетекстовому общению.

Диалог в прозе А. П. Чехова полностью соответствует естественному диалогическому общению, но принимает формы, которые свойственны только письменному представлению диалога. Изменения, которые наблюдаются при передаче диалогической коммуникации в прозе А. П. Чехова, связаны с двумя следующими закономерностями: сжатие (компрессия) диалогической структуры (как правило, за счет сокращения персонажного речевого плана) и расширение диалогической структуры (в связи с включением в диалог внутренней речи и сопровождающих его авторских компонентов). Возникновение диалогических структур, появляющихся в результате действия указанных закономерностей, невозможно без учета включения в общение внетекстового субъекта художественной коммуникации — читателя, поскольку измененное общение структурируется в диалог только при условии воспринимающего сознания читателя.

Сжатие диалогической структуры до представления в произведении диалогического общения персонажей только одной репликой происходит во фрагментах текста, в которых А. П. Чехов делает авторские компоненты настолько емкими по смыслу, что структурное «сокращение» персонажного общения не только не сужает, а, наоборот, расширяет читательское восприятие данного общения.

В доме князей Приклонских запахло смертью. Она, невидимая, но страшная, замелькала у изголовья двух кроватей, грозя ежеминутно старухе княгине отнять у нее ее детей. Княгиня обезумела от отчаяния.

— Не знаю-с! — говорил ей Топорков. — Не могу я знать-с, я не пророк.. Ясно будет через несколько дней.

Говорил он эти слова сухо, холодно и резал ими несчастную старуху. Хоть бы одно слово надежды! К довершению ее несчастья, Топорков почти ничего не прописывал больным, а занимался одними только постукиваниями, выслушиваниями и выговорами за то, что воздух не чист, компресс поставлен не на месте и не вовремя (Цветы запоздалые, т. 1, с. 400).

Реплика-стимул в приведенном выше диалоге княгини и доктора Топоркова структурно не оформлена, но она «выявляется» по содержанию из авторского компонента, который содержит информацию о болезни детей княгини и ее эмоциональной реакции на это («Княгиня обезумела от отчаяния», то есть утратила возможность спокойно реагировать, рассуждать). Топорков отвечает ей на «выво-

димый» из авторского компонента читателем вопрос: «Что будет с моими детьми?», который включает читателя в процесс осмысления диалогического общения персонажей и позволяет представить это общение структурно и содержательно завершенным.

Подобная возможность возникает у читателя в многокомпонентном диалоге, где выражены реплики только одного персонажа, возможная реплика второго персонажа «вложена» в читательское толкование авторского компонента.

— Мне не везет, мама! — сказал он однажды за обедом. — Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я себе сразу два пальца порезал. И только дома я это заметил.

Ольга Ивановна испугалась. Он улыбнулся и сказал, что это пустяки и что ему часто приходится во время вскрытий делать себе порезы на руках.

— Я увлекаюсь, мама, и становлюсь рассеянным (Попрыгунья, т. 8, с. 12).

В диалоге Ольги Ивановны и Дымова представлены реплики Дымова, реакция Ольги Ивановны заключена в глаголе «испугалась», что значит «почувствовала какую-то опасность», что могло, видимо, быть оформлено как вербально, так и невербально. Читатель имеет возможность самостоятельно интерпретировать реакцию персонажа в данном фрагменте, что усиливает «включенность» сознания читателя в осмысление общения и взаимоотношений персонажей.

Диалогическое общение может быть сжато до реплики одного персонажа. В диалоге участвуют два собеседника, но в графическом пространстве текста двухстороннее общение персонажей оформлено как реплика одного персонажа, имеющая элементы, указывающие на двухсторонний процесс и помогающие восстановить содержание реплик другого персонажа.

В рассказе «Перед свадьбой» невеста, девица Подзатылкина, выслушивает нотации от матери, отца и жениха, внешне оформленные в виде монологических реплик, но в них содержатся элементы, свидетельствующие о том, что невеста пыталась реагировать на некоторые высказывания и отвечать на вопросы.

Мамаша, лежа на кровати, прочла ей следующую нотацию:

— С какой это стати ты нарядилась сегодня в шерстяное платье? Могла бы нонче и в барежевом походить. Голова-то как болит, ужас! Вчера лысая образина, твой отец то есть, изволил пошутить. Нужны мне его шутки дурацкие. Подносит это мне что-то

в рюмке... “Выпей”, говорит. Думала, что в рюмке вино, — ну, и выпила, а в рюмке был уксус с маслом из-под селедок. Это он пошутил, пьяная образина! Срамить только, слюнявый, умеет! Меня сильно изумляет и удивляет, что ты вчера веселая была и не плакала. Чему рада была? Деньги нашла, что ли? Удивляюсь! Всякий и подумал, что ты рада родительский дом оставить. Оно, должно быть, так и выходит. Что? Любовь? Какая там любовь? И вовсе ты не по любви идешь за своего, а так, за чином его погналась! Что, разве не правда? То-то и правда! А мне, мать моя, твой не нравится. Уж больно занослив и горделив. Ты его осади... Что-о-о-о? И не думай!.. Через месяц же драться будете; и он таковский и ты таковская. Замужество только девицам одним нравится, а в нем ничего нет хорошего. Сама испытала, знаю. Поживешь — узнаешь. Не вертись так, у меня и без того голова кружится. Мужчины все дураки, с ними жить не очень-то сладко. И твой тоже дурак, хоть и высоко голову держит (Перед свадьбой, т. 1, с. 47).

В приведенном примере реплики невесты можно восстановить по высказываниям матери «Что? Любовь?», «Что-о-о-о? И не думай!.. Через месяц же драться будете; и он таковский и ты таковская».

Рассказ «Жизнь в вопросах и восклицаниях» построен как набор реплик неперсонифицированного персонажа. Рассказ состоит из семи абзацев, каждый из которых посвящен определенному возрастному периоду жизни человека от детства до старости. По функциональной направленности некоторые из реплик можно отнести к реплика-стимулам, другие — к реплика-реакциям. Внутри каждого абзаца реплики расположены в такой последовательности, что дают читателю представление о временной протяженности этого периода жизни. Читателю не нужно восстанавливать содержание реплик другого собеседника. Задача произведения — познакомить читателя с реплика-ми, наиболее ярко характеризующими каждый период жизни. Здесь читатель по-другому включен в диалог — он узнает реплики обобщенного неперсонифицированного персонажа, поскольку некоторые из них, возможно, произносил он сам, другие слышал, и его собственный жизненный опыт находит отражение в этих репликах.

Детство. Кого бог дал, сына или дочь? Крестить скоро? Крупный мальчик! Не урони, мамка! Ах, ах! Упадет!! Зубки прорезались? Это у него золотуха? Возьмите у него кошку, а то она его оцарапает! Потяни дядю за ус! Так! Не плачь! Домовой идет! Он уже и ходить умеет! Унесите его отсюда, — он невежлив! Что он вам наделал?! Бедный сюртук! Ну, ничего, мы высушим! Чернила

опрокинул! Спи, пузырь! Он уже говорит! Ах, какая радость! А ну-ка, скажи что-нибудь! Чуть извозчики не задавили!! Прогнать няньку! Не стой на сквозном ветре! Постыдитесь, можно ли бить такого маленького? Не плачь! Дайте ему пряника! (Жизнь в вопросах и восклицаниях, т. 1, с. 130).

Старость. Едем на воды? Выходи за него, дочь моя! Глуп? Полно! Плохо пляшет, но ноги прелестны! Сто рублей за... поцелуй?! Ах ты, чертенок! Хе-хе-хе! Рябчика хочешь, девочка? Ты, сын, того... безнравственен! Вы забываетесь, молодой человек! Пст! пст! пст! Люблю музыку! Шям...Шям... панского! «Шута» читаешь? Хе-хе-хе! Внушатам конфеток несусь! Сын мой хорош, но я был лучше! Где ты, то время? Я и тебя, Эмочка, в завещании не забыл! Ишь я какой! Папашка, дай часы! Водянка? Неужели? Царство небесное! Родня плачет? А к ней идет траур! От него пахнет! Мир праху твоему, честный труженик! (Жизнь в вопросах и восклицаниях, т. 1, с. 132).

При сжати диалогического общения читатель определенным образом включен в процесс этого общения, поскольку он в своем сознании воспроизводит реплики одного собеседника по некоторым элементам реплик другого собеседника, чья реплика представлена в письменном тексте, или имеет возможность собственного толкования авторского компонента диалогического фрагмента текста, описывающего реакцию персонажа.

Письменная фиксация устной речи всегда условна, поскольку происходит смена форм существования: звучащая речь передается графическими средствами. Диалог художественного произведения — явление сложное, это не простая фиксация диалогов персонажей. Диалог во «вторичной действительности», каковой является художественная действительность, создается автором произведения, который относится к одному из трех компонентов художественной коммуникации: автор произведения (субъект речи, адресант) — текст произведения — читатель (воспринимающий субъект, адресат).

Наиболее распространенным видом диалога в прозаическом художественном произведении является диалог, в котором автором соблюдаются параметры естественного диалогического общения. Минимальным диалогом будет диалог, состоящий из двух реплик — реплики-стимула и реплики-реакции. Наличие реплики-реакции делает диалог завершенным, отсутствие — незавершенным. Такое понимание завершенности и незавершенности диалога свойственно диалогу живой разговорной речи.

В связи с тем, что диалогическая речь передается в художественной литературе графическими средствами и рассчитана на читателя как на воспринимающего печатный текст субъекта, понимание завершенности и незавершенности художественного диалога не является полностью идентичным этому пониманию в устной речи. Включенность воспринимающего сознания читателя может трансформировать незавершенный диалог на уровне «персонаж – персонаж» в завершенный на уровне «автор – читатель» с сохранением смыслового единства диалога персонажей.

В прозаических произведениях А. П. Чехова есть диалоги, в которых вербально представлены не все реплики, одна из реплик дана как возможная. Такие диалоги могут быть как двухкомпонентными, так и многокомпонентными по структуре. В двухкомпонентных диалогах произнесенной оказывается реплика-стимул, реплика-реакция представлена автором произведения как произнесенная прямая речь персонажа или же как описанное автором желание персонажа отреагировать на речь собеседника. Возможная реплика-реакция в виде произнесенной прямой речи вводится глаголами говорения и модальными глаголами *хотеть*, *желать*. Графическое оформление предполагаемой реплики-реакции отличается от оформления реплики-стимула, вводящейся традиционным способом — выделением тире. Возможная реплика вводится обычно кавычками. Разные графические способы представления реплики-стимула и реплики-реакции в пространстве текста дополнительно подчеркивают их звучащий и незвучащий характер существования в произведении.

— А мы с Зиной сегодня после обеда провели несколько воистину светлых минут! — сказал Власич. — Я прочел ей вслух превосходную статью по переселенческому вопросу. Прочти, брат! Тебе это необходимо! Статья замечательная по честности. Я не выдержал и написал в редакцию письмо для передачи автору. Написал только одну строчку: “Благодарю и крепко жму честную руку!”

Петр Михайлович хотел сказать: “Не впутывайся ты, пожалуйста, не в свои дела!” — но промолчал (Соседи, т. 8, с. 70).

Произнесенная возможная реплика-реакция может сопровождать мимику, жесты персонажа. Описывая различные телодвижения персонажа, А. П. Чехов сопровождает это описание вербальным толкованием, представляя его в форме произнесенной прямой речи, вводящейся глаголами говорения с частицами *как бы*, *как будто*, подчеркивающими незвучание реплики.

Когда мы, примеряя, натягивали на себя брюки и пиджаки, испещренные живыми нитками, матушка всякий раз брезгливо морщилась и удивлялась:

— Бог знает, какая нынче мода пошла! Даже глядеть совестно. Не будь братец столичным, право, не стала бы я шить вам по-модному!

Спиридон, радуясь, что бранят не его, а моду, пожимал плечами и вздыхал, как бы желая сказать: «Ничего не поделаешь: дух времени!» (Тайный советник, т. 5, с. 128).

Реплика-реакция может быть введена глаголом говорения в со-
слагательном наклонении и содержать варианты возможной реакции.

— Этот суп похож вкусом на лакрицу, — сказал он улыбаясь; он делал над собой усилия, чтобы казаться приветливым, но не удержался и сказал: — Никто у нас не смотрит за хозяйством... Если уж ты так больна или занята чтением, то, изволь, я займусь нашей кухней.

Раньше она ответила бы ему: “Займись”, или: “Ты, я вижу, хочешь из меня кухарку сделать”, но теперь только робко поглядела на него и покраснела (Дуэль, т. 7, с. 365).

Степень осведомленности читателя о содержании возможной реплики-реакции разная. В некоторых случаях А. П. Чехов только обозначает характер возможного ответа, как правило, негативного.

В столовой за вечерним чаем сидела одна только тетка. По обыкновению на лице у нее было такое выражение, что она хоть и слабая, беззащитная, но обидеть себя никому не позволит. Петр Михайлыч сел на другой конец стола (он не любил тетки) и стал молча пить чай.

— Твоя мать сегодня опять не обедала, — сказала тетка. — Ты бы, Петруша, обратил внимание. Морить себя будешь голодом, этим горю не пособишь.

Петру Михайлычу показалось нелепым, что тетка вмешивается в чужие дела и свой отъезд ставит в зависимость от того, что ушла Зина. Он хотел сказать ей дерзость, но сдержал себя (Соседи, т. 8, с. 57).

— Да, надо сознаться, наша филантропия бесполезна, скучна и смешна. Но ведь тоже, согласитесь, нельзя сидеть сложа руки, надо делать что-нибудь. Например, что делать с Чаликовыми?

Она обернулась к Пименову и остановилась, ожидая от него ответа; он тоже остановился и медленно и молча пожал плечами. Очевидно, он знал, что делать с Чаликовыми, но это было так грубо и нечеловечно, что он не решался даже сказать (Бабые царство, т. 8, с. 268).

Многокомпонентные диалоги, то есть диалоги, имеющие более двух реплик, также могут завершаться в графическом пространстве текста представлением потенциальной реакции, расширяющей для воспринимающего субъекта, каковым является читатель, сферу изображения внутреннего мира персонажа. Потенциальная реплика-реакция многокомпонентного диалога выражается формами прямой, косвенной, несобственно прямой речи и занимает, в основном, конечную позицию в структуре диалога.

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать. Нина Ивановна недолго поиграла на рояле и потом тоже ушла. — Ах, милая Надя, — начал Саша свой обычный послеобеденный разговор, — если бы вы послушали меня! если бы!

Она сидела глубоко в старинном кресле, закрыв глаза, а он тихо ходил по комнате, из угла в угол.

— Если бы вы поехали учиться! — говорил он. — Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны... Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь наделала вам. Покажите это хоть себе самой!

— Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

— Э, полно! Кому это нужно?

Вышли в сад, прошлись немного.

— И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, — продолжал Саша. — Поймите же, ведь если, например, вы, и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-нибудь другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно?

Надя хотела сказать: “да, это правда”; хотела сказать, что она понимает; но слезы показались у нее на глазах, она вдруг притихла, сжалась вся и ушла к себе (Невеста, т. 10, с. 207–208).

В диалогическом фрагменте текста, представляющем многокомпонентную диалогическую структуру, невербализованная реплика может быть представлена автором сочетанием разных форм речи и занимать неконечную позицию.

Постель для Михаила Ивановича была устроена в кабинете на турецком диване. В спальне больному казалось жарко и неудобно.

— Что-нибудь одно: будь попом или гусаром! — сказал он, тяжело опускаясь на диван. — Что за манеры! Ах, боже мой... Я бы такого ферта-попа в дьячки разжаловал.

Глядя на его капризное несчастное лицо, Яншин хотел возразить ему, сказать какую-нибудь дерзость, сознаться в своей ненависти, но вспомнил приказ докторов — не волновать больного, и промолчал. Впрочем, не в докторам дело. Чего бы только нельзя было наговорить и накричать, если бы с этим ненавистным человеком не была связана навеки и безнадежно судьба сестры Веры? У Михаила Ильича была манера постоянно выпячивать вперед сжатые губы и двигать ими в стороны, точно он сосал леденец, и это движение бритых и полных губ раздражало теперь Яншина.

— Ты, Саша, иди туда... — сказал Михаил Ильич. — Ты здоров и, кажется, равнодушен к церкви... Для тебя все равно, кто бы ни служил. Иди.

— Но ты ведь тоже равнодушен к церкви... — тихо проговорил Яншин, сдерживая себя.

— Нет, я верую в провидение и признаю церковь.

— Вот именно. Как мне кажется, в религии тебе нужны не бог и не истина, а такие слова, как «провидение», «свыше»...

Яншин хотел прибавить: «иначе бы сегодня ты не оскорбил так священника», но замолчал. Ему казалось, что он уж позволил себе сказать и без того слишком много.

— Иди, пожалуйста! — проговорил нетерпеливо Михаил Ильич, который не любил, когда с ним не соглашались или говорили о нем самом. — Я никого не желаю стеснять... Я знаю, как тяжело сидеть около больного... Знаю, брат! Всегда говорил и буду говорить: нет тяжелее и святее труда, как труд сиделки. Иди, сделай милость!

Яншин вышел из кабинета (Расстройство компенсации, т. 10, с. 227).

Не произнесенная во «вторичной действительности» реплика, но представленная как потенциальная в тексте произведения, дает возможность автору включить читателя в процесс сотворчества. Читателю открываются столкновение разных сознаний, недоговоренность персонажей, что отражает динамику их внутреннего состояния.

В прозе А. П. Чехова включенность воспринимающего сознания читателя в диалогическое общение персонажей может осуществляться не только с помощью описания продолжения диалогическо-

го общения в виде последующей потенциальной реплики, как в приведенных выше примерах, но и с помощью ознакомления читателя с ситуацией общения и мыслями персонажа до начала диалога.

Приехал из завода доктор Нешапов. Он был врачом, но года три назад взял на заводе пай и стал одним из хозяев и теперь не считал медицину своим главным делом, хотя и занимался практикой. Наружно это был бледный, стройный брюнет в белом жилете; понять же, что у него в душе и в голове, было трудно. Здороваясь, он поцеловал у тети Даши руку и потом то и дело вскакивал, чтобы подать стул или уступить место, все время был очень серьезен и молчал, и если начинал говорить, то почему-то первую фразу его нельзя было слышать и понять, хотя говорил он правильно и не тихо.

— Вы изволите играть на рояле? — спросил он у Веры и вдруг вскочил, так как она уронила платок.

Просидел он с полудня до двенадцати часов ночи молча и очень не понравился Вере; ей казалось, что белый жилет в деревне — это дурной тон, а изысканная вежливость, манеры и бледное, серьезное лицо с темными бровями были приторны; и ей казалось, что постоянно молчал он потому, вероятно, что был недалек. Тетя же, когда он уехал, сказала радостно:

— Ну, что? Не правда ли, прелесть? (В родном углу, т. 9, с. 316).

В приведенном примере вопрос тети по поводу доктора Нешапова завершает одну из глав повести. Ответ Вари не оформлен ни как реальный, ни как потенциальный. Для читателя графическая неопределенность реакции не означает ее полное отсутствие. Предтекст дает возможность читателю познакомиться с возможным содержанием реплики-реакции Вари.

Формальная незавершенность диалога не приводит к его смысловому сокращению. Структурная неполнота способствует предельной насыщенности смысла, поскольку возникающая мыслительная модель возможного диалога создает эффект объемности изображения внутреннего мира персонажа.

Особенности структурно-семантической организации диалогической структуры способствуют созданию особой коммуникации в сфере художественного повествования А. П. Чехова, рассчитанной на соучастие, сотворчество читателя. Г. Н. Поспелов, обращая внимание на новаторство нравственно-эстетической позиции А. П. Чехова, считал, что позиция А. П. Чехова — «это позиция соискателя... до конца проведенная позиция диалогической активности по отношению к читателю» [Поспелов 1972: 168].

Определяя общее свойство чеховской поэтики (сюжетосложения, детализации, композиции, речевого строя), Г. Н. Пospelов обозначил его как «особую включенность читателя в мир произведения, особую личноcтно-актуальную форму восприятия» [Пospelов 1972: 170], что наблюдается и в различных диалогических структурах в чеховской прозе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Пospelов 1972 — Пospelов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972.
- Эйхенбаум 1969 — Эйхенбаум Б. М. О Чехове // Эйхенбаум Б. М. О прозе: Сборник статей. Л., 1969.
- Примеры приводятся по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1974–1982.

Г. Е. Крейдлин

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ДИАЛОГЕ

§ 0. Введение. Люди, заинтересованные в том, чтобы их взаимодействие с другими людьми было успешным, уделяют большое внимание не только тому, что они говорят, но и тому, как они говорят и как ведут себя во время разговора. Непосредственное устное общение людей всегда осуществляется в определенных рамках, которые задаются обычно плохо, а часто вообще никак не формулируемыми нормами и допущениями, определяющими структуру и содержание правил ведения устной коммуникации и информационного обмена.

Ровная, без ненужного повышения или понижения голоса тональность беседы и дружественное поведение собеседников, знание культурных традиций и общественных норм и взаимное стремление их не нарушать и поддерживать, следование нормам этикета и еще очень многие другие факторы обуславливают гладкость общения и направлены на достижение коммуникативных целей. Социальные, культурные и психологические установки, способы восприятия мира и человека, мысли и чувства, то есть все то, что принято относить к ментальности людей, находят свое отражение не только в знаках естественного языка, но и в телесных знаковых кодах. С помощью этих кодов, или, как их еще называют, языков тела, удастся реконструировать представления о жизни и деятельности людей, понять их желания и настроения, причем нередко даже те, что плохо выявляются из единиц и конструкций естественных языков. Язык тела необходимо научиться понимать, иначе мы рискуем неправильно интерпретировать или просто упустить из виду многие передаваемые в диалоге сообщения. Языком тела необходимо активно овладеть, если мы хотим увеличить эффективность своей коммуникации с другими людьми.

Не случайно в конце XX в. возникла невербальная семиотика — новая комплексная наука, изучающая языки тела, телесные знаки и их использование в коммуникации (см. подробно об этой науке в

книге: [Крейдлин 2002]). В отличие от естественных и некоторых гуманитарных наук и лингвистику, и невербальную семиотику интересуют, однако, не тело и его части, так сказать, сами по себе, то есть как биологический или физический объект, а **семиотическая концептуализация тела и его частей**.

Понятие **семиотическая концептуализация <фрагмента> мира** было впервые введено на семинаре по невербальной семиотике, проводимом в Институте лингвистики РГГУ¹, и охарактеризовано применительно к такому фрагменту, как человеческое тело, его части, и к явлению телесности как таковому. Семиотическая концептуализация является формальным аналогом понятия **наивной знаковой картины мира** или **картины некоторого его фрагмента**, под которой понимается описание некоторого фрагмента действительности (реальной или фантастической, не важно) на языке знаков, причем, и это уже очень важно, знаков не только языковых, но и неязыковых. К ним относятся математические знаки, знаки цветов, гербов, географических карт, знаки языков веера, одежды, кино, театра и тысячи других. И, конечно, это также разнообразные по форме и смыслу соматические знаки.

Понятие семиотической концептуализации — это естественное расширение хорошо известного в лингвистике понятия **языковой картины мира**, или **языковой концептуализации**. Такое расширение необходимо, если нас интересует отображение тела не только в русском языке, но и в различных русских невербальных семиотических кодах, прежде всего, в мануальных жестах, позах, мимических выражениях, взглядах, знаковых телодвижениях и т. д. Такое расширение позволяет дать единообразное описание процессу знаковой устной коммуникации людей (см. об этом понятии подробнее в: [Крейдлин 2007; Аркадьев, Крейдлин, Летучий 2008]).

Современное состояние невербальной семиотики как раз и отличается тем, что в ее рамках сегодня в разных странах стали проводиться обширные и разноплановые исследования, как полевые, так и лабораторные, имеющие общую цель. Эта цель — выявить закономерности, обуславливающие успешное взаимодействие в устном диалоге вербального и невербальных кодов. На передний план наряду с описанием конкретных жестов, поз, мимики и пр. выходят анализ и описание действий отдельных признаков и сочетаний признаков, характеризующих телесное знаковое поведение и обуславливающих успешную

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Части тела в русском языке и русской культуре». Проект поддержан коллективным грантом РГНФ (№ 07-04-00203а).

коммуникацию, а также выявление тематических или смысловых областей, которые жесты разных семиотических классов обслуживают вместе с речью.

Замечание (по поводу системности описания). Сегодня многие встречающиеся в диалогах странные, курьезные и плохо объяснимые невербальные явления и единицы часто отбрасываются как несущественные. Их списывают, ссылаясь на их незнаковый характер, на индивидуальность стиля, на неразвитость или отсталость культуры, на недостаточное знание особенностей данного народа и общества. Кажется, однако, что все же стоит попытаться разглядеть в этих явлениях и единицах пусть уникальные, но хотя бы в какой-то степени релевантные черты мировосприятия социальной группы, культуры или некоторого временного периода. Часто бывают интересными не столько какие-то невербальные модели поведения и жесты (которые понимаются тут в широком смысле — как включающие в себя собственно жесты, то есть знаковые движения рук, ног, плеч и головы, мимические жесты, семантически нагруженные взгляды, позы и телодвижения, а также комплексные формы поведения — манеры), сколько тот **тип мышления** и тот **тип невербальной культуры**, которые стоят за ними и которые обеспечивают существование и функционирование жестов и других невербальных единиц в коммуникативном акте. За телесными знаками и моделями поведения ввиду самой природы жеста, о чем еще пойдет речь ниже, часто скрывается неявный, глубинный культурный слой, который лежит за явным поверхностным смыслом жеста и который отражает ментальность человека и производимые им когнитивные и другие интеллектуальные операции (часто проходящие мимо рефлексии исследователей невербальной коммуникации). Как справедливо писал наш замечательный историк и антрополог, ученый-медиевист и философ А. Я. Гуревич, ментальность — «это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» [Гуревич 1989: 115]. Реконструкция этого глубинного слоя может привести к важным и неожиданным результатам.

§ 1. Иллюстративные жесты в диалоге. Многие исследователи, изучающие языки тела, видят диалог в самых неожиданных ситуациях, в частности, даже там, где, казалось бы, о диалоге и говорить сложно. Это обстоятельство не случайно. Дело в том, что люди разных культур и разных индивидуальных особенностей нередко жестикулируют, не видя партнера, но как бы представляя его. Японцы,

например, разговаривая по телефону, часто кланяются (об этом автору рассказала О. Йокояма). А русские юноши-студенты, опять-таки в беседах по телефону с девушками, которые им нравятся, находясь одни у телефона, поправляют прическу, одежду, улыбаются и исполняют много других жестов из класса 'жестов прихорашивания', в норме диалогических. Именно такого рода невербальное поведение было снято скрытой камерой моими студентами из РГГУ — участниками семинара по телесности и языку тела.

А вот другие данные, которые взяты мной из специальной литературы.

Еще в 1961 г. в работе [Маль 1961] были опубликованы результаты проведенного автором мониторинга и последующего анализа жестовой активности людей, проявляемой в двух типах интервью. В одних интервью интервьюер и интервьюируемый видели, а в других — не видели друг друга, то есть «faced and faced away each other», как пишет Дж. Маль. Когда люди не видели один другого, число коммуникативных жестов заметно уменьшалось, а число некоммуникативных, или, как их называет Дж. Маль, аутичных (autistic), жестов возрастало. Исследователь представил полученный результат, используя термины *самостимуляция* и *собственная ответная реакция*, при этом никаких указаний по поводу того, какие жесты считались коммуникативными, а какие нет, он не привел.

Между тем, это очень важно. Ведь, как показали последующие изыскания на эту тему, в англосаксонской и русской культурах в ситуациях непосредственного устного диалога (face-to-face dialogs) собеседники употребляют больше именно иллюстративных жестов, или, иначе, иллюстраторов. Это те жесты, которые с обязательностью сопровождают речь и отображают какие-то ее аспекты или аспекты контекста общения (об иллюстраторах см. [Крейдлин 2002; Николаева 2004]). При этом их намного больше как по сравнению с жестами других семиотических классов (эмблематическими жестами, или эмблемами, и регулятивными жестами, или регуляторами)², так и по сравнению с иллюстраторами, исполняемыми за пределами непосредственного общения.

Иллюстраторы, сопровождающие речь, даже если они не всегда осознаются собеседниками, имеют большое значение для коммуникации и могут использоваться не только для передачи информации. Исследования показывают, что иллюстраторы активно участвуют в когнитивных процессах, происходящих в мозгу говорящего [Алибали и др. 2000; МакНил 1992/1995; 2000].

² О семиотических классах жестов см.: [Крейдлин 2002].

В более поздней работе [Экман и Фризен 1969] авторы анализируют ситуации общения врачей с пациентами психиатрических клиник. Одной из задач было изучить, как больные использовали те или иные типы иллюстраторов или конкретные иллюстраторы во время разных стадий лечения и в разных ситуациях, в частности при контакте с врачом и без контакта. Авторов, впрочем, не интересовали вопросы о количестве, коммуникативной направленности и назначении иллюстраторов. Еще позже А. Коэн и Р. Харрисон опубликовали результаты своего исследования здоровых, нормальных людей, целью которого было именно определить, какие намерения пытаются выразить и передать друг другу партнеры в диалоге и с помощью каких мануальных иллюстраторов [Коэн, Харрисон 1973]. Изучался жанр интервью с очень активной ролью интервьюера. Проверялось, среди прочего, верно ли, что в ситуациях устного диалога лицом к лицу собеседники употребляют больше иллюстративных жестов, чем в других ситуациях, причем использование иллюстраторов вне непосредственного общения трактуется авторами как простая привычка.

Рассматривалась в той же работе и другая гипотеза, тесно связанная с первой. А именно, верно ли, что чем сложнее передаваемое сообщение, тем больше мануальных иллюстраторов использует человек (при условии, конечно, что человек хочет успешно достичь своей коммуникативной цели). Иными словами, авторы работы предполагали наличие определенной корреляции между сложностью сообщения и типом коммуникативной ситуации. Больше того, они полагали, что максимально большое число иллюстраторов будет в ситуациях непосредственного устного общения при передаче трудного для понимания и важного сообщения или при формулировке сложного задания, а минимальное число иллюстраторов — в ситуациях опосредованного общения при передаче легкого задания или не слишком информативного сообщения.

Если первая из гипотез в ходе экспериментов подтвердилась³, то вторая, наоборот, не подтвердилась. Никакой корреляции между сложностью сообщения и количеством мануальных жестов-иллюстраторов выявлено не было. Возможно, это связано с тем, что

---

³ Думается, впрочем, что большее число иллюстраторов в устном живом диалоге двух лиц по сравнению с другими ситуациями употребления можно отнести на счет желания жестикулирующего увеличить эффективность непосредственной коммуникации и более четко и убедительно изложить адресату свои мысли и чувства; я исхожу здесь, разумеется, из того, что формы подсчитываемых иллюстраторов одинаковы и что имел место диалог двух лиц, а не, например, лекция в аудитории или беседа в группе из более двух человек.

сложность сообщения — понятие неформальное и субъективное, ее трудно измерить, и то, что кажется сложным для интервьюирующего, может не быть таковым для его партнера⁴. А может быть, как полагают сами авторы работы, интервьюеры давали интервьюируемым для выполнения простого задания столько же ключей («reference points»), сколько и для выполнения сложного.

В любом случае важно то, что у жестов-иллюстраторов была выявлена ранее не известная интерактивная диалогическая функция, а именно помочь отправителю некоторого вербального сообщения в его шифровке и трансляции, закодировав какой-то смысл невербально, и помочь получателю данного сообщения дешифровать и распознать кодируемый невербально смысл и интерпретировать все сообщение в целом.

Остается нерешенным вопрос, можно ли объяснить полученный результат интенциональностью, или намеренностью, действий жестикулирующего человека. Можно предложить объяснение роста числа иллюстраторов, так сказать, их большей «естественностью» в ситуациях, когда эти жесты может кто-то видеть. П. Экман и У. Фризен в упомянутой выше статье, говоря об иллюстраторах, отмечают, что люди осознают их использование в гораздо меньшей степени, чем использование жестов-эмблем. Это необходимо подчеркнуть, как считают авторы, поскольку весьма вероятно, что использование человеком иллюстративных жестов хоть и находится на низком уровне осознанности, является, тем не менее, намеренным.

§ 2. Дейктические иллюстраторы в лекторском диалоге. Теперь я в самом обобщенном виде представлю предварительные результаты и выводы, относящиеся к нашему проекту, связанному с анализом и описанием общих механизмов и конкретных особенностей существования в непосредственном устном диалоге разных типов вербальных и невербальных знаков. Речь далее пойдет исключительно об иллюстраторах.

Когда мы приступили к работе над проектом, который имеет непосредственное отношение к задаче построения семиотической концептуализации тела, нам с самого начала нужно было описать и охарактеризовать множество учитываемых признаков и указать значения, которые они принимают. К таким признакам относятся, прежде всего, тип рассматриваемой культуры и тип коммуникации.

Я буду рассматривать русскую культуру, занимающую промежуточное положение в кругу разных культур по степени кинетич-

---

⁴ Скорее всего, можно говорить лишь о разных видах сложности, по-разному измеряемых, квалифицируемых и оцениваемых.

ности (под которой я понимаю здесь частоту использования в коммуникации жестов-иллюстраторов) и коммуникацию одного лица со многими лицами, точнее, с некоторой аудиторией. Речь пойдет об учебной деятельности — о лекторском диалоге человека со студентами и студентами⁵.

Можно считать — и это тоже признаки и значения, играющие определяющую роль в лекторском диалоге, — что все студенты в аудиториях примерно одного возраста, обычного темперамента и нормального физического и психического здоровья. Лекторы, знаковое поведение которых как раз изучалось, были разного пола и возраста (от 35 до 65 лет). Все они — преподаватели РГГУ, представители гуманитарных профессий: лингвисты, историки, социологи, специалисты в области теории литературы и культурной антропологии. На видеокамеру записывались только те фрагменты лекций, во время которых шло объяснение нового материала. Впоследствии для описания были отобраны 10–15 минут из общего числа записанных.

Иллюстраторы, в частности дидактические иллюстраторы, вносят определенный вклад в смысловую, синтаксическую и прагматическую составляющие коммуникативного акта в целом и отдельного высказывания, делая их не только более богатыми по содержанию, но и более живыми и изобразительными, как бы воспринимаемыми зрительно. Эти жесты связаны с ритмом речи, ее плавным течением и остановками. Они соотносятся с просодическими и смысловыми акцентами и вступают в разные отношения с речевыми и с другими жестовыми единицами, во многом обуславливая структурную и мелодическую организацию речевого потока.

В 1941 г. Д. Эфрон [Эфрон 1941/1972] выделил и описал шесть функциональных разновидностей иллюстраторов. Один из них — это дейктические жесты, которые дополнительно к вербальному сообщению указывают на человека, объект, размер, место, в том числе и в случае, когда референт реально отсутствует (см. фразы *Я только что оттуда* и *Подойди ко мне вот настолечко поближе* с соответствующими жестами). Слова *вон там* в тексте сопровождаются жестовым комплексом, таким как **кивок головы** и **взгляд в сторону** человека или предмета, причем жест может указывать даже на объекты, отсутствующие в поле зрения партнеров по диалогу. А в среде латиноамериканцев распространена такая указательная жестовая комбинация: **подбородок** — **взгляд**, ср., впрочем, характерное и для русской культуры указание подбородком: *Что все это значит?* — и

⁵ Этот тип диалога подробно охарактеризован в статьях [Крейдлин 2006; 2007].

он строго указывает подбородком на злополучную расписку (С. Гандлевский). У народа масаи в Африке (см. [Кирк, Бертон 1976]) и у индейцев Куна в Панаме [Шерзер 1972] широко используется указательный жест нижней губой. Впрочем, это тоже скорее не отдельный жест, а сочетание жестов, включающее подъем (резкое вскидывание) головы, прямой взгляд, приоткрытый рот и выдвижение вперед губы. Как утверждает Дж. Шерзер, указание губой у индейцев Куна можно наблюдать в разных коммуникативных контекстах, включая вопросы и ответы о месте и направлении, команды, декларативные суждения с демонстративным значением или приветствия.

В русском лекторском диалоге встречаются дейктические иллюстраторы двух типов. Во-первых, это **обычные дейктические иллюстраторы**, указывающие на тот или иной конкретный референт — на лицо, объект, действие или отношение непосредственно в самом произносимом тексте или во внешнем контексте (контексте ситуации)⁶. Во-вторых, это **метафорические дейктические иллюстраторы**. Они противопоставлены обычным дейктическим иллюстраторам тем, что указывают не на лицо, объект, действие или отношение, а на некоторые аспекты лица, объекта, действия или отношения, которые характеризуют соответствующий референт.

Как и обычные дейктические иллюстраторы, метафорические дейктические иллюстраторы тоже делятся на два класса. В первый попадают собственно дейктические метафорические жесты, а во второй — характеризующие дейктические метафорические жесты.

Мне уже доводилось говорить об их различии [Крейдлин 2007]. Если в толкованиях первых основная и, как правило, единственная пропозиция выражает идею указания на некоторый референт, то в толкованиях вторых указание не составляет основной пропозиции: указание выполняется только для того, чтобы затем можно было квалифицировать и/или оценить объект или какие-то его свойства. Характеризующие дейктические жесты не столько указывают (хотя делают и это тоже) на объект, сколько показывают действия объекта или демонстрируют его свойства. Таким образом, выделенные классы дейктических жестов различаются той ролью, которую в их семантическом представлении играет дейктический компонент.

Примером собственно дейктического иллюстратора является иллюстративный жест лектора рукой назад (глаза лектора направлены на аудиторию); жест, показывающий на исписанную сверху донизу доску с одновременным произнесением слов: «Вот теперь доказательство можно считать законченным». Примером характеризующе-

⁶ См. о них в работах [Крейдлин 2007; 2008].

го дейктического иллюстратора служит жест «показывать пальцем <на написанную строчку на доске> и сразу пальцем же обводить ее по воздуху» со словами — «Вот об этом я вам и говорил».

Метафорические иллюстраторы в дидактическом тексте обладают своими особенностями по сравнению с такими же жестами в других типах текстов. Особенно большое их количество бывает, как правило, в минуты, когда происходит объяснение нового материала. Коммуникативная задача лектора в этом случае очевидна, и он или она прибегает к, так сказать, «наглядным пособиям» разного рода, к каковым относятся не только карты, рисунки, записи на доске, таблицы и др., но и зрительно воспринимаемые жесты.

В заключение приведу примеры смыслов, которые чаще всего выражаются и передаются в лекциях метафорическими дейктическими иллюстраторами:

(1) 'отход от магистральной линии повествования' — действует знаменитая метафора пути и отхода от него [Лакофф, Джонсон 1980] — рука отводится в сторону, изображая этим отход;

(2) 'время' — рука указывает вперед, и это в нашей культуре означает движение к будущему, устремленность «в завтра». А прошлое показывается указательным жестом пальца или руки назад. В этой связи можно напомнить о многочисленных памятниках Ленину, где он стоит с рукой, устремленной вперед. Или вспомнить о первом языке французских глухонемых, построенном французом, аббатом Л'Эпе. В этом языке был жест, применявшийся для выражения идеи прошлого, а именно, короткий и быстрый взмах руки кистью назад через плечо. Для выражения плюсквамперфекта, то есть давнопрошедшего времени, использовался жест «трехкратный взмах рукой назад» (а для перфекта — жест «двукратный взмах»);

(3) 'неверная мысль, суждение или предположение' и 'моральное отклонение' — рука, как и при отходе от магистральной линии, отводится в сторону. Но здесь реализуется другая метафора, хотя и близкая отходу, а именно, отклонение, девиация, ср. лат. *de via* 'от пути';

(4) 'расхождение и сближение точек зрения'. Руки раздвигаются в сторону и показывают расходящееся направление под углом, как бы развилку дороги или сближаются. Здесь руки либо соединяются в жесте **домик**, либо «склеиваются вместе» (но это знаковое движение, в отличие от **домика**, — хоть и метафорический, но не дейктический жест).

(5) 'подведение итога'. Палец или рука лектора производят округлые движения одновременно со словами *Вот так и закончился их многолетний спор*. Другой лектор, математик, совершает аналогичное движение, произнося при этом фразу *Всё, теперь все случаи нами рассмотрены*.

(6) ‘отображение аспектов рассказываемого события или слов в высказывании’ (в терминологии Ж. Кальбрис, жесты, отображающие аспекты события, «этимологические жесты», см. [Кальбрис 1990: 196–198]). Так, лекторы круговыми жестами руки (в редких случаях двух рук) изображают слово *круг* в его разных значениях и родственные ему слова *кругом*, *вокруг*, *на круг*, *закругляться* и т. п., слова, подводящие итог рассуждению: *в общем*, *в целом*, *в итоге*, *в результате*. Значение слов или фрагментов высказываний как бы изображаются жестом. Как пишут в своей недавней статье А. Ченки и К. Мюллер, отмечая возможность дублирования смысла жестом, «a conceptual metaphor which motivated the extension of a word to an abstract domain constitute an imagistic way of thinking about the idea, even it is no longer transparent in the form of the word itself» [Ченки, Мюллер 2008].

(7) оценочные компоненты ‘хорошее’ и ‘плохое’. Жест производится одной рукой, которая движется, соответственно, вверх и вниз (метафорически всё хорошее находится наверху, а плохое — внизу).

ЛИТЕРАТУРА

- Алибали и др. 2000 — *Alibali M. W., Kita S., Young A. J.* Gesture and the Process of Speech Production: We Think, therefore We Gesture // *Language and Cognitive Processes*, 15 (6), 2000. P. 593–613.
- Аркадьев, Крейдлин, Летучий 2008 — *Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б.* Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма» // *Вопросы языкознания*, № 6, 2008. С. 78–97.
- Гуревич 1989 — *Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей* 1989. М., 1989.
- Кальбрис 1990 — *Calbris G.* The semiotics of French gestures. Bloomington, 1990.
- Кирк, Бертон 1976 — *Kirk L., Burton M.* Physical versus semantic classification of non-verbal forms: a cross-cultural experiment // *Semiotica*. 17, № 4, 1976. P. 315–337.
- Коэн и Харрисон 1973 — *Cohen A., Harrison R.* Intentionality in the use of hand illustrators in face-to-face communication situations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. Vol. 28, № 2. P. 276–279.
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. М., 2002.
- Крейдлин 2006 — *Крейдлин Г. Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге. I: Жестовые ударения // *Труды международной конференции «“Диалог 2006”: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»*. М., 2006. С. 290–296.

- Крейдлин 2007 — *Крейдлин Г. Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге. II А. Дейктические жесты и их типы // Труды международной конференции «“Диалог 2007”: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2007. С. 320–327.
- Крейдлин 2008 — *Крейдлин Г. Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге. II Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Вып. 7 (14). По материалам международной конференции «Диалог 2007». М., 2008. С. 248–253.
- Лакофф, Джонсон 1980 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем (перев. с англ.). М.: УРСС, 2004.
- МакНил 1992/1995 — *McNeill D.* Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought. Chicago, 1995.
- МакНил 2000 — *McNeill D.* (ed.) Language and Gesture. Cambridge, 2000.
- Маль 1961 — *Mahl G. F.* Sensory factors in the control of expressive behavior: An experimental study of the function of auditory self-stimulation and visual feedback in the dynamics of vocal and gestural behavior in the interview situation // *Acta Psychologica*, 1961, 19. P. 497–498.
- Николаева 2004 — *Николаева Ю. В.* Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2. С. 89–117.
- Ченки, Мюллер 2008 — *Metaphor, gesture and thought* // *R. W. Jibbs, Jr.* (ed.) The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, 2008.
- Шерзер 1972 — *Sherzer J.* Verbal and nonverbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna // *Language in Society*, 2, № 1, 1972. P. 117–131.
- Экман и Фризен 1969 — *Ekman P., Friesen W. V.* The Repertoire of Nonverbal Behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*, 1, № 1, 1969. P. 49–98.
- Эфрон 1941/1972 — *Efron D.* Gesture and Environment. New York, 1941 (2nd edition — 1972: в 1972 году книга вышла под названием *Gesture, Race and Culture*).

Т. В. КРЫЛОВА

ЛЕКСИКОН «ОТВОДА ГЛАЗ»
(ОТВЕРНУТЬСЯ, ОТВЕСТИ ГЛАЗА, ОПУСТИТЬ ГЛАЗА,
ПОТУПИТЬСЯ)¹

Лексику, обозначающую движения, направленные на прекращение фиксации взгляда на партнере по общению, можно разбить на следующие группы.

В зависимости от того, что движется — голова или весь корпус, или же только глаза, можно выделить:

1) Слова, обозначающие движения с «телесной» доминантой; они предполагают изменение положения тела — поворот головы или всего туловища в направлении от партнера (глагол *отвернуться*).

2) Слова, обозначающие движение с мимической доминантой, предполагающие изменение направления взгляда — отведение его в сторону или опускание вниз (*опустить глаза, отвести глаза, потупить глаза*).

Кроме того, в зависимости от характера движения можно выделить:

1) Слова, обозначающие движение в вертикальной плоскости, а именно, сверху вниз (*опустить глаза, потупить, потупить глаза*).

2) Слова, обозначающие движения в горизонтальной плоскости, от центра в сторону (*отвести глаза, отвести взгляд, отвернуться*).

Слова и выражения, принадлежащие, так сказать, к «горизонтальному» типу, сближаются между собой по набору прагматических ситуаций, в которых они могут использоваться, и противопоставляются словам и выражениям «вертикального» типа.

---

¹ Данная работа осуществлена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00289а «Разработка словника и проспекта Активного словаря русского языка» на 2006–2008 гг., гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», гранта Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ № НШ-3205.2008.6. В работе использованы примеры из Национального корпуса русского языка (в ряде случаев без указания автора и названия произведения).

Рассмотрим различие между выражениями *опустить глаза* и *отвести глаза* (вариант — *отвести взгляд*).

На уровне семантики между ними существует два различия. Одно из них, наиболее тривиальное, о котором уже шла речь, связано с направлением взгляда (вниз / в сторону). Второе связано с тем, что *отвести глаза* всегда предполагает, что субъект до этого смотрел прямо на объект или, в ситуации диалога, прямо в глаза партнеру. Для *опустить глаза* это не обязательно — в частности, в ситуации диалога это выражение может значить, что до выполнения мимического движения субъект просто смотрел на партнера или в его сторону, не фокусируя взгляд на его глазах. Ср. *Он опустил глаза и замолчал* VS. *Он отвел глаза и замолчал*.

Остальные — и весьма значительные — различия наблюдаются на уровне прагматики.

Оговоримся сразу, что мы выводим за скобки «перцептивные» контексты, в которых прекращение фиксации взгляда на партнере целиком обусловлено задачами, связанными с восприятием:

а) Субъект прекращает смотреть на объект или партнера вследствие переключения его внимания на другой объект: *равнодушно отвел глаза в сторону; опустил глаза, чтобы рассмотреть ее новые туфли; опустил глаза и увидел на полу пустой пузырек из-под снотворного; Счастливая улыбка так и размазалась по ее лицу, она застыла, но муж отвел глаза, как незнакомый, и прошел дальше по улице, толкая перед собой коляску с их ребенком* (Т. Набатникова, День рождения кошки), или же вследствие неблагоприятных условий восприятия (*Его ослепил свет от лампы, и он опустил глаза*). Во всех этих случаях поведение «жестиколирующего» мотивировано интересами его самого как субъекта восприятия.

б) Субъект прекращает смотреть на какой-л. объект (или самого партнера), поскольку не хочет, чтобы партнер заметил, на что он смотрит: *Он бросил взгляд в окно, но, заметив, что жена смотрит на него, немедленно отвел <опустил> глаза; Коля с любопытством разглядывал замысловатую прическу и необычный наряд девушки, сидевшей напротив. Наконец она почувствовала, что на нее смотрят, и подняла глаза от книги. Коля быстро отвел глаза <опустил глаза> и принялся сосредоточенно рыться в сумке; А вон человек с газетой стоит, но в газету не смотрит. Отвел глаза, когда я с ним поравнялась* (М. Рыбакова, Дверь в комнату Леона) или же прекращает смотреть на партнера, поскольку не хочет, чтобы тот заметил его выражение лица (*Опустил глаза, чтобы не заметили его слез; Отвел глаза, чтобы не заметили, с каким напряжением он ждет*

ответа). В этом случае поведение «жестикულიрующего» мотивировано его интересами как объекта восприятия.

Во всех этих контекстах прекращение фиксации взгляда не несет особой смысловой нагрузки; в них *опустить глаза* и *отвести глаза* практически эквивалентны и допускают взаимозамены (с поправкой на их семантические различия).

В остальных случаях, когда прекращение фиксации взгляда на партнере вызвано мотивами, не сводимыми к задачам восприятия, обнаруживается, что рассматриваемые выражения различаются комплексом прагматических ситуаций, в которых они используются. *Отвести глаза* используется в тех ситуациях, когда субъект прекращает смотреть на партнера (или иной объект), чтобы по какой-то причине его не видеть, тогда как *опустить глаза* используется тогда, когда не смотреть на партнера является его самоцелью. Иначе говоря, в первом случае цель субъекта — не видеть партнера, во втором случае — не смотреть на него².

Сначала опишем различия в прагматических ситуациях, в которых могут употребляться рассматриваемые выражения, отметив попутно, что эти различия носят характер предпочтений; в огромном количестве случаев могут быть использованы оба выражения.

Отвести глаза. 1) Выражение *отвести глаза* может обозначать целенаправленное действие. В этом случае прекращение фиксации взгляда на партнере является знаком отсутствия внимания, указывая на демонстративное нежелание субъекта видеть то, чего он не должен видеть, исходя из тех или иных этикетных или этических норм.

а) Следование нормам деликатности как разновидности негативной вежливости (*Увидев, что она еще в постели, он деликатно <вежливо> отвел глаза; Он отвел глаза, чтобы не вникать дальше в священную тайну; Отвел глаза, чтобы не смущать ее*).

б) Следование нормам целомудрия и благопристойности (*стыдливо отвести глаза; Увидев снимок обнаженной женщины, он скромно отвел глаза; Скромно отвел глаза от ее глубокого декольте*).

² При этом, как верно отметила И. Б. Левонтина в ходе обсуждения данной статьи, в ряде случаев прагматические различия между рассматриваемыми выражениями могут выходить на первый план, оттесняя на периферию семантические различия, связанные с направлением движения: так, *опустить глаза* и *отвести глаза* зачастую обозначают «размытое» движение, направление которого трудно определить. В таких случаях выбор того или иного из них обусловлен исключительно характером прагматической ситуации.

2) Эмоциональная реакция. *Отвести глаза* часто описывает спонтанную реакцию субъекта на что-л. неприятное или тяжелое, что он видит, и чего бы он не хотел видеть:

а) Субъект избегает созерцания какого-л. тяжелого или неприятного зрелища, а также чего-л., вызывающего у него смущение и неловкость (см. об этом в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 82]): *Отвел глаза от лица жены — настолько оно было убитым; Лицо матери посерело от страха. Он отвел от нее глаза и стиснул зубы; Отвел глаза от отвратительных пятен; Пустая парта Вики Люберецкой торчала как надгробие. Преподаватели сразу натыкались на нее взглядом, отводили глаза и Зину не тревожили* (Б. Васильев, Завтра была война); *Почти наверное можно было сказать, что это была лишь — прихоть теней, — однако Францу стало так гадко, что он предпочел отвести глаза* (В. Набоков, Король, дама, валет); *Поп с замиранием сердца разглядел, что под рубахой у нее ничего нет. Он отвел глаза, закашлялся* (В. Месяц. Лечение электричеством) — в последнем случае имеет место сближение с ситуацией 1б (*скромно отвел глаза*).

Одной из разновидностей описываемой ситуации является случай, когда субъект испытывает неловкость от того, что должен сообщить партнеру что-то тяжелое или щекотливое, и, предвидя его реакцию, не хочет видеть его лицо: *Он отвел глаза и тихо сказал: Эти подонки страшно надругались над нею; Петрушанский отвел глаза: — Он сказал, в консерваторию ему [собеседнику Петрушанского, Муслиму Магомаеву] не надо. Пусть едет в свой Азербайджан; Смущенно сказал: Давай пообедаем. А то я завтра на операцию ложусь. Опухоль какая-то зловердная. И отвел глаза.*

б) Субъект не может выдержать пристального взгляда партнера, который воспринимается как форма психологического давления; в этом случае прекращение субъектом фиксации взгляда на партнере обычно равносильно капитуляции, признанию своей слабости: *Он первым отвел глаза; Он не отвел глаз; Отвел глаза, не выдержав ее буравящего взгляда; Она смотрела на Юру пугающим, непонятным взглядом. Он отвел глаза — не мог выдержать этого взгляда ее угольных глаз* (А. Берсенева, Возраст первой любви); *Горшков несколько секунд не сводил глаз с Гурова, словно пытаясь определить, что еще преподнесет ему общение со строптивым полковником. Гуров этот взгляд выдержал. Даже более того, преуспел. Горшков отвел глаза в сторону* (Н. Леонов, Лекарство от жизни); *Он посмотрел не мигая прямо в глаза Савелию. — Так вас, кажется, называли в Афганистане? Савелий не ответил и отвел глаза в сторону* (В. Доценко, Тридцатого уничтожить!). В этом случае поведение субъекта мотивировано опять-таки нежеланием видеть что-л. — в данном случае, глаза партнера.

Опустить глаза. 1) Целенаправленное действие. Постольку, поскольку прямой взгляд в глаза партнера может выполнять символическую функцию, указывая на вызов, адресованный партнеру, а также на желание субъекта привлечь к себе внимание последнего, опускание глаз может носить знаковый характер, подчеркивая отсутствие вызова, адресованного партнеру, и / или нежелание привлекать к себе внимание прямым взглядом на него. Можно выделить три типа прагматических ситуаций, относящихся к этому типу.

а) Следование нормам целомудрия и благопристойности, в том случае, когда субъект — женщина (*Она вошла, скромно опустив глаза*).

б) Следование нормам скромности, требующим подчеркивания субъектом своего низкого статуса или незначительных заслуг (*Он вошел, скромно опустив глаза, и сел на краешек стула; Он слушал ее похвалы, скромно опустив глаза*).

в) Подчеркивание своих миролюбивых намерений, отказ от агрессии (ср., наоборот, *дерзкий взгляд*): *Опустил глаза, как будто испугался; И я опустил глаза под Диминой усмешкой. Я боялся. Я мог убить его; Вдруг парень перестал играть и внимательно посмотрел на Василия Васильевича. — Что ты такой веселый? — спросил он. Василий Васильевич опустил глаза. Ни с того ни с сего парень, приблизившись, ударил его*.

Во всех этих случаях субъект избегает смотреть на партнера не для того, чтобы его не видеть, а именно в связи с тем, что сам факт фиксации взгляда на партнере может быть интерпретирован нежелательным для субъекта образом.

К этим ситуациям примыкают случаи, когда субъект не смотрит в глаза партнеру, поскольку не хочет привлекать к себе внимание по различным соображениям утилитарного характера (*Когда учитель спрашивал, кто хочет отвечать, все дружно опускали глаза*).

2) Эмоциональная реакция. *Опустить глаза* может использоваться, когда поведение субъекта — проявление смущения, вызванного тем, что он стал объектом внимания других людей в неподходящий для этого момент. Ср. *Покраснел и опустил глаза; — Иди сюда, — позвал он мальчика. Тот застенчиво опустил глаза и подошел; Она что-то спросила у него, он застенчиво <сконфузился> и опустил глаза; Его стали просить спеть. Он вышел на сцену и встал у пианино, смущенно опустив глаза; — Вы пишете обнаженную натуру? Он закашлялся и опустил глаза*.

Данное эмоциональное состояние может быть обусловлено такими свойствами, как застенчивость, стеснительность, или же тем, что субъект в присутствии других людей делает что-л. компрометирующее его, а также что-л., чего не принято делать в присутствии

посторонних — в частности, что-л. связанное с интимной сферой. Во всех этих случаях смущение субъекта проявляется в том, что он старается не смотреть на партнера. Этот тип реакции обусловлен следующими особенностями состояния субъекта:

1) Поскольку во всех этих случаях субъекта травмирует внимание окружающих, он, как и в случае *скромно опустить глаза*, и избегает смотреть на партнера, чтобы дополнительно не привлекать к себе его внимание прямым взглядом на него, «прячется» от внимания окружающих.

Помимо опускания глаз, стремление «спрятаться» от внимания окружающих, обусловленное смущением, может выражаться также в том, что человек в аналогичной ситуации инстинктивно пытается занять как можно меньше места в пространстве (*Он покраснел и весь сжался*) или же занять положение как можно дальше от центра происходящего (*застенчиво стоял в уголке*).

2) Кроме того, ощущение внутреннего дискомфорта, вызванное смущением и неуверенностью, приводит к тому, что субъекту вообще тяжело смотреть на партнера по общению (ср., напротив, *наглый взгляд* — взгляд прямо в глаза, который предполагает невозмутимость и уверенность в себе).

Интересно, что в контекстах, где идет речь о другой разновидности смущения — вызванного тем, что, наоборот, субъект становится свидетелем действий партнера, связанных с интимной сферой, или же чего-л. еще, компрометирующего партнера, скорее используется *отвести глаза*. Ср. *Девушка напротив с таким наслаждением ласкала губами и кончиком языка мундштук гобоя, что он смущенно отвел глаза* (Ю. Буйда, *Город палачей*); *Сердце [юнкера] сжалось, когда он увидел опущенные плечи и поникшую голову полковника. Юнкер сразу отвел глаза*. Это связано с тем, что в данном случае субъект стремится не видеть того, что вызывает у него неловкость.

Теперь рассмотрим употребления, общие для рассматриваемых выражений. Речь идет о прежде всего о случаях, когда субъект прекращает фиксацию взгляда на партнере под влиянием чувства вины (*виновато отвел <опустил> глаза; Ему стало стыдно, и он отвел глаза <опустил глаза>*). В этом случае субъекту, с одной стороны, тяжело выдерживать укоризненный взгляд партнера (т. е., тяжело видеть его глаза), и, с другой стороны, вследствие внутреннего дискомфорта, вызванного сознанием вины и смущением, субъекту тяжело смотреть на партнера — ср. выражения *Какими глазами я буду смотреть на него?*; *Как после этого смотреть ему в глаза?* Отсюда — применимость в этой ситуации обеих рассмотренных выражений.

Кроме того, оба рассматриваемых выражения используются в ситуации, когда субъект стремится избежать ожидаемого общения или прекратить его.

Однако и в этом случае описываемое различие в мотивировках частично сохраняется, вследствие чего *отвести глаза* и *опустить глаза* описывают не вполне сходные ситуации.

Для *отвести глаза* более типичны употребления, когда субъект (обычно в начале контакта) не хочет замечать партнера или сигналов его готовности к общению — его взгляда, улыбки и пр., игнорирует их. Ср. *Льговский выжидательно обернулся на Ловецкого, но тот отвел глаза и остался на месте; Столкнувшись с ним на улице, Алексей отвел глаза и перешел на другую сторону тротуара; Он по ошибке переглянулся со мной, но сразу же отвел глаза.*

Между тем, *опустить глаза* может использоваться, когда компонент «не хочет замечать, игнорирует партнера» не актуален, а уклонение от взгляда партнера вызвано тем, что субъект по какой-то причине сам не готов к общению (или его продолжению), и в знак этого старается не смотреть на партнера.

Речь идет прежде всего о ситуациях, когда субъект прекращает общение вследствие того, что он погружается в свои мысли, «уходит в себя» — в этом случае он прекращает смотреть на партнера, так как не хочет общения как такового, а не из-за того, что игнорирует данного партнера. Ср. *опустил глаза и замолчал; Месроп опустил глаза и больше ничего в этот вечер не говорил; Я опустил глаза, силуюсь изобразить, будто вхожу в образ; Он опустил глаза, потревоженный старыми воспоминаниями; Хотел что-то сказать, но передумал, опустил глаза и промолчал;* во всех этих контекстах *отвести глаза* было бы неуместно³.

Кроме того, *опустить глаза* используется в ситуациях, когда субъект не хочет взглядом привлекать к себе внимания и провоцировать общение: *Он сидел, опустив глаза, моля Бога о том, чтобы она с ним не заговорила.* В этом случае со стороны партнера отсутствует запрос об общении или ожидание последнего, поэтому элемент «игнорирует партнера и его готовность к контакту» опять-

³ Субъект может по разным причинам отвлекаться от восприятия внешнего мира и от общения, соответственно, мимические и двигательные симптомы этого состояния могут быть различны: когда субъект решает какую-л. задачу или ищет ответ на вопрос, поставленный собеседником, он смотрит вбок (см. об этом в работе [Крейдлин 2002: 385]), когда он совершает в уме вычисления — смотрит вверх, когда он погружается в задумчивость — смотрит вниз.

таки не актуален; в связи с этим *отвести глаза* плохо подставляется в вышеприведенный контекст.

Следует также отметить, что, помимо вышеназванного различия в мотивировках (не смотреть / не видеть), между описываемыми выражениями существует еще несколько частных различий.

Оба указанных выражения имеют свою прагматическую специфику.

1) В случае *опустить глаза* она состоит в том, что большинство прагматических ситуаций, в которых употребляется это выражение⁴ (включая его использование в ситуации, когда субъект чувствует свою вину), предполагает признание и даже подчеркивание субъектом своего уязвимо, низкого или слабого положения; этот смысл связан с метафорическим противопоставлением верха и низа.

2) С другой стороны, специфика *отвести глаза* состоит в том, что это выражение часто указывает на то, что субъект нарушает нормы этики — в частности, ведет себя лживо или неискренно. *Он отвел глаза — он-то знал, что преступления либо раскрываются на следующий день, либо не раскрываются вовсе; — Что вы все отводите глаза? Говорите правду: она умерла?; ср. также блудливо отвести глаза: На неоднократные намеки Возжаждавшего выступить против короля кролики блудливо отводили глаза и говорили, что они еще недостаточно сознательны для этого.* Если вспомнить также выражения *глаза бегают, прятать глаза*, можно предположить, что взгляд в сторону в наивно-языковом сознании связывается с «неправедным» поведением.

3) Наконец, на употребление выражения *опустить глаза* влияет тот факт, что соответствующее мимическое движение близко к другим «вертикальным» движениям, которые описываются сочетаниями *опустить голову, наклонить голову*. В результате *опустить голову* наследует ряд прагматических ситуаций, в которых могут употребляться эти выражения.

а) Так, *опустить глаза*, в отличие от *отвести глаза*, может использоваться в ситуациях согласия и понимания как аналог кивка, что роднит его с *наклонить голову*. Ср. — *Что-то не лезет сегодня ничего. Вилли понимающе опустил глаза; — Понимаю, — я опустил глаза; Скользнул по мне прозрачным взглядом. И опустил глаза. Значит, я и впрямь допущен к происходящему.*

б) Кроме того, рассматриваемое выражение иногда используется при описании проявления таких эмоций, как грусть и скорбь, безна-

---

⁴ За исключением, пожалуй, только случаев типа *опустил глаза и замолчал* и ему подобных.

дежность, бессилие, что сближает его с *опустить голову*. Ср. *Михаил почувствовал, что кулаки его еще сжаты, — но душа уже обвисла в теле. Он провел взглядом по лицам Камены, Бурмата, опустил глаза и полез с вышки; Лицо у Поликарпова было скорбным. — Он опустил глаза и так и не поднял их до конца разговора; Дверь распахнулась. Он увидел дула автоматов и обреченно опустил глаза*. В таких случаях *опустить глаза* теряет указание на уязвимое или низкое положение субъекта.

Что касается других выражений «вертикального» типа — а именно, *потупиться* и *потупить глаза*, *потупить взгляд* (а также их стилистически окрашенных синонимов *потупить взор*, *потупить очи*), то их употребление очень сходно с употреблением *опустить глаза*. Они используются в том же комплексе ситуаций: 1а) Следование нормам целомудрия и благопристойности, в том случае, когда субъект — женщина (*Она вошла, скромно потупившись <потупив глаза>; стыдливо потупиться*); 1б) Следование нормам скромности, требующим подчеркивания субъектом своего низкого статуса или незначительных заслуг (*Раб, потупясь в землю, поднес свиток; Бормотнул, потупясь: мы — в сторонке, в уголку; Потупясь, предвкушал похвалы*); 2) Проявление смущения (*застенчиво <смущенно> потупиться*); 3) Проявление чувства вины (*виновато потупиться*); 4) желание уйти от общения (*волновался, окликнут ли его, когда, потупившись, проходил мимо*).

Различие между *опустить глаза* и *потупиться* состоит в том, что последнее имеет более узкую сферу употребления.

Так, *потупиться* не используется в «перцептивных» ситуациях, когда прекращение фиксации взгляда на партнере обусловлено утилитарными задачами восприятия (ср. неудачное ^{??} *потупился, чтобы рассмотреть ее туфли*; [?] *потупился и увидел на полу пустой пузырек из-под снотворного*; [?] *Он бросил взгляд в окно, но, заметив, что жена смотрит на него, немедленно потупился*).

Кроме того, *потупиться* не употребляется в роли эквивалента *опустить голову* и *наклонить голову* и не может обозначать проявления скорби или знак согласия; ср. странное ^{??} *обреченно потупился*; ^{??} *потупился в знак согласия*.

Таким образом, *потупиться* всегда указывает на уязвимое или низкое положение субъекта.

Точно так же набор прагматических функций, характерных для *отвернуться*, чрезвычайно близок к набору функций, свойственных для *отвести глаза*.

Отвернуться, как и *отвести глаза*, допускает «перцептивные» употребления (*Ему стало скучно, и он равнодушно отвернулся; На*

секунду отвернулся, чтобы достать что-то из шкафа; Он увидел, что она заметила его взгляд, и быстро отвернулся; Отвернулся, чтобы она не заметила, что он плачет).

Кроме того, *отвернуться* допускает большинство «внеперцептивных» употреблений, которые возможны для *отвести глаза*. Так, *отвернуться* уместно в ситуациях, когда субъект стремится соблюдать нормы деликатности и благопристойности (*Отвернулся, чтобы не ставить его в неловкое положение; Отвернулся, потому что на уровне глаз колыхался ее рваный халат*), а также когда он стремится избежать какого-л. тяжелого зрелища (*Мне стало не по себе, и я отвернулся; Отвернулся, чтобы ничего не видеть*). Наконец, для него очень характерно использование в ситуациях, когда субъектом движет желание прекратить общение с партнером (*Обиделся и отвернулся к стене; сердито отвернулся; с презрением отвернулся; — Откуда я знаю, — сказал он и отвернулся*). В этом случае *отвернуться* обычно предполагает, что нежелание общаться вызвано негативным отношением к партнеру или его низкой оценкой и проявляется в нежелании видеть партнера.

Вместе с тем, между *отвернуться* и *отвести глаза* существует несколько различий, обусловленных тем, что *отвернуться* описывает движение с телесной доминантой, тогда как *отвести глаза* описывает мимическое движение.

Прежде всего, *отвернуться* обычно используется, когда субъект пытается избежать какого-л. тяжелого или неприятного зрелища, и не используется, когда субъект пытается уйти от взгляда партнера, который ему тяжело выдерживать — видимо, из-за того, что в этом случае уместнее была бы мимическая реакция. В связи с этим *отвернуться* редко употребляется в ситуации, когда прекращение фиксации взгляда вызвано чувством вины или желанием прекратить «дуэль взглядов» (*виновато отвернулся* менее типично, чем *виновато отвел глаза; не выдержал ее взгляда и отвернулся* менее типично, чем *не выдержал ее взгляда и отвел глаза*).

Еще одно различие между *отвернуться* и *отвести глаза* состоит в том, что, хотя обе рассматриваемых лексических единицы могут использоваться, когда субъект демонстрирует отсутствие внимания к партнеру по общению, в случае *отвести глаза* и *отвернуться* такое поведение может интерпретироваться в наивном этикете по-разному и получать разную оценку. В связи с этим необходимо сказать несколько слов об отношении к вниманию как прагматическому фактору в наивном этикете.

Внимание, связанное со слуховым восприятием, ассоциируется в наивном этикете и этике с соблюдением стратегий по-

з и т и в н о й вежливости и получает положительную оценку; его отсутствие оценивается отрицательно.

Демонстрация такого рода внимания предписывается правилами дискурсного этикета, соблюдение которого входит в представление о вежливости; ср. *вежливо выслушать* [= внимательно, не перебивая]. Отсутствие внимания, связанного со слуховым восприятием, всегда оценивается в этикете отрицательно; ср. также *невежливо перебить <прервать, отмахнуться>*; *Старик очень невежливо перебил разболтавшегося Пивораки* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); *Но магистр лишь невежливо отмахнулся* (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Между тем, зрительное внимание может связываться не только с соблюдением стратегий п о з и т и в н о й вежливости, но и с н а р у ш е н и е м стратегий негативной вежливости; в таком случае внимание воспринимается как травмирующий фактор, угрожающий территории партнера. Невербальные проявления зрительного внимания либо оцениваются в наивном этикете однозначно отрицательно (как, например, жесты внимания), либо получают амбивалентную оценку (как мимические проявления внимания, в частности, фиксация взгляда на партнере по общению; ср. *Разглядывать в упор прохожих невежливо VS. Почему ты не смотришь на меня, когда со мной говоришь? Это невежливо*).

Точно так же движения, направленные на прекращение фиксации взгляда на партнере, коль скоро они указывают на отсутствие внимания к партнеру, допускают в наивном этикете как положительную, так и отрицательную оценку.

В контекстах, где соответствующее мимическое движение получает этикетную оценку, *отвести глаза* всегда связывается исключительно с сознательным с о б л ю д е н и е м стратегий негативной вежливости и оценивается положительно (*вежливо <деликатно> отвел глаза*). Между тем, *отвернуться*⁵ в этикетно-релевантных контекстах может связываться, помимо этого, с н а р у ш е н и е м стратегий позитивной вежливости, которая требует демонстрации готовности к общению, когда партнер его ожидает.

Такая двузначность определяет возможность как положительной, так и отрицательной оценки рассматриваемого движения в наивном этикете. Ср. *Увидев, что на глазах у нее выступили слезы, он вежливо <деликатно> отвернулся VS. Редкозубов невежливо отвернулся в сторону* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина).

Характерно, что контексты второго типа, в которых *отвернуться* указывает на нежелание начинать или поддерживать об-

⁵ См. об этом также в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 76–78].

щение, расцениваемое как невежливость и даже пренебрежение, преобладают, хотя в большинстве случаев эксплицитная оценка поведения субъекта отсутствует. При этом *отвернуться* обозначает особенно грубое нарушение этикетных норм в том случае, когда указывает на демонстративное нежелание субъекта *начать* общение, которого ожидает партнер. *Встретив меня, он не поздоровался, отвернулся; Обрадовался, как родному, но «родной» поспешно отвернулся; В ответ на мою дружескую улыбку он поморщился и отвернулся; Он буркнул что-то и отвернулся; Подите к чертям! <отстаньте> — сказал он и отвернулся; Таксист отвернулся и сплюнул.* (На основании этого типа употреблений возникло переносное значение *отвернуться* 2 'прекратить всякие отношения с человеком А2': *Все отвернулись от него; Бог отвернулся от меня.*)

При этом интересно, что, хотя *отвести глаза, опустить глаза* тоже могут указывать на нежелание субъекта начинать или поддерживать общение, в подобных контекстах отсутствует указание на невежливость и пренебрежительное отношение к партнеру; эксплицитно выраженная отрицательная оценка в этих контекстах вряд ли возможна; ср. неестественное *невежливо отвел глаза <опустил глаза>*. Указанное различие может быть связано с тем, что *отвернуться* предполагает не просто изменение направления взгляда, но поворот головы или корпуса в сторону. Между тем, в этикете движения такого рода (и особенно поворот спиной к партнеру) функционируют в качестве знака неуважения и презрения, указывая на желание оскорбить партнера.

Коль скоро *отвернуться* может указывать на демонстрацию презрительного отношения, это слово может использоваться не только тогда, когда субъект испытывает такого рода чувства к партнеру по общению, но и когда он испытывает (и выражает) презрение к какому-л. объекту. Знаменательно, что такие употребления для *отвести глаза* невозможны; ср. *Соизволил глянуть, отвернулся и презрительно фыркнул.*

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 49, 2001, 82.
Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

Э. Б. КРЫЛОВА

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВОПРОСОВ С МОДАЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Эпистемическая модальность понимается нами как отношение говорящего к содержанию пропозиции с точки зрения его достоверности и степени своей ответственности за него перед слушающим. Данное определение предполагает наличие диалогической функции у всех средств выражения эпистемических значений, так как само употребление их говорящим имплицитно указывает на участие слушающего в речевом процессе. Так, например, функционально-семантические особенности датских частиц *nok*, *vel* и *vist*, выражающих значения проблематической модальности, заключаются в том, что за гипотезу, эксплицируемую конклюдивом *nok*, ответственность перед слушающим несет сам говорящий (1 л.); используя гипотетический экспликатив *vel*, говорящий рассчитывает на принятие слушающим своей оценки сложившейся ситуации (2 л.); ситуатив *vist*, выражая неуверенность говорящего в припоминаемом или воспринимаемом перцептивно, отсылает слушающего к иному источнику информации (3 л.) [Крылова 2004; Krylova 2003; 2005]. Результаты проведенного нами анализа функциональной семантики датских модальных частиц подтверждают своеобразный закон дискурса: если говорящий (1 л.) не берет на себя эпистемической ответственности перед слушающим за достоверность пропозиции и нет кого-нибудь третьего (3 л.), кто мог бы сделать это, то он предлагает собеседнику (2 л.) взять эту ответственность на себя [Nølke 1989].

Особый интерес представляют случаи использования модальных частиц в вопросительных предложениях, так как коммуникативные стратегии датских вопросов, судя по всему, отличаются не только от русских (подробнее о коммуникативных стратегиях русской речи см., например, [Янко 2001]), но и от коммуникативных стратегий вопросов в других германских языках [Weydt 2000; SAG 2000]. Многообразие форм вопросительных предложений в датском языке, их кажущаяся эквивалентность затрудняют выбор неносите-

лем языка нужной структуры вопроса, соответствующей той или иной коммуникативной ситуации.

Сама формулировка вопроса, даже риторического, предполагает обязательность ответа (см. также об этом: [Якубинский 1923: 134; Йокояма 2005: 77]). Спрашивающий, задавая вопрос собеседнику, выбирает ту или иную структуру вопроса (повествовательную или вопросительную, с вопросительными местоимениями или без них, с отрицанием или без нее, с тем или иным эпистемическим экспликативом и интонационным рисунком) в зависимости от своих исходных предположений, ожиданий, опасений, а также установки на получение от собеседника того или иного ответа (об установке спрашивающего на позитивную/негативную альтернативу ответа в немецком языке см. [Weydt 1969: 33], в русском языке [Арутюнова 1999; Падучева 1996], в датском языке [Mikkelsen 1911; Kjølner 1973], в шведском языке [SAG 2000]). Так говорящий не только инструктирует слушающего о том, какой ответ он хотел бы услышать, но и информирует собеседника о своих предположениях относительно возможной реакции последнего. Таким образом, результатом любого высказывания, даже вопроса, заданного с целью получения информации, является увеличение объема знаний обоих собеседников о дискурсивной ситуации, что позволяет лингвистам, вслед за Дж. Остином [Austin 1955: 101–103], рассматривать их как перлокутивный акт [Йокояма 2005: 71; Янко 2004: 478].

Датский язык, являясь языком аналитического строя, использует особые, свойственные данному типу языков средства, которые не только выявляют грамматическую и лексическую связь между словами в пределах предложения (см. об этом подробнее в [Крылова 2008a]), но и формируют или модифицируют речевые акты. Одним из таких средств являются датские модальные частицы, значение которых для прагматики до сих пор остается до конца не выявленным.

Проиллюстрируем сказанное на примере модальной частицы *vel*, характеризваемой нами как гипотетический экспликатив 2 лица, так как она вводит гипотетическую оценку говорящим сложившейся ситуации, которую он предлагает принять слушающему. Анализируя контексты, характерные для употребления *vel*, мы обнаруживаем целый ряд вопросительных предложений как повествовательной, так и вопросительной структуры, для сравнения с которыми нами приводятся также вопросительные предложения без частицы:

1. Han er **vel** rejst? Он, наверное, уехал?
2. Han er (vel) rejst, **ikke**? Он (наверное) уехал, да?
3. Han er **ikke** rejst, **vel**? Он же не уехал, правда?
4. Han er **vel** ikke rejst? Он, наверно / надеюсь, не уехал?
5. Er han rejst? Он уехал?

6. Er han **vel** rejst? *Разве он уехал?*

7. Er han **ikke** rejst? *Он что, не уехал?*

Рассмотрим подробнее приведенные вопросительные предложения. Незнание говорящим реального положения дел, являющееся условием успешности речевого акта вопроса, характерно для модальных вопросов: Er han rejst? — Ja / Nej. *Он уехал?* — Да / Нет. (тип 5). На них говорящий может получить как положительный, так и отрицательный ответ, конечно, при условии нейтральной вопросительной интонации.

Vel с ее функцией вовлечения собеседника в объяснение сложившейся ситуации активно используется говорящим в верификативных вопросах повествовательной структуры (типы 1–4). Разновидностью таких вопросов является позиционно-дистантная комбинация *vel* в качестве вопроса-привеска и отрицания *ikke* в составе пропозиции (тип 3). Двусоставная структура такого предложения способствует тому, что целиком оно воспринимается как верификативный вопрос «*Это правда, что...?*». В зависимости от наличия или отсутствия негации в составе пропозиции спрашивающий использует соответственно частицу *vel* или отрицание *ikke* в качестве вопроса-привеска (типы 2, 3):

Han er (**vel**) rejst, **ikke**? *Он (наверное) уехал, да?*

Han er **ikke** rejst, **vel**? *Он не уехал, правда?*

Коммуникативные намерения говорящего при этом могут быть разные:

— говорящий желает услышать подтверждение своего предположения или своей оценки ситуации:

Hans mor er hjemme, **ikke**? — Jo. *Его мама дома, да?* — Да.

Du har **ikke** nøglen, **vel**? — Nej. *У тебя нет ключа, правда?* — Нет.

Det var en god film, **ikke**? — Jo. *Хороший фильм, да?* — Да.

Vi kan **ikke** spise mere, **vel**? — Nej. *Мы не можем больше есть, правда?* — Нет, не можем.

— вопрос-привесок может употребляться для поддержания внимания слушающего, т. е. иметь контактоподдерживающую функцию:

Så gik vi ud, **ikke**, for vi gad **ikke** se dem danse, **vel**? *Тогда мы вышли, да, потому что не хотели смотреть, как они танцуют, правда?*

Пропозициональная установка говорящего, выражаемая экспликативом *vel* в виде вопроса-привеска, не только побуждает собеседника отреагировать на такой вопрос, но и сигнализирует об ожидании говорящим негативной альтернативы ответа. Датскому вопросу-привеску с *vel* в русском языке соответствует вопрос-привесок с

диалогической частицей *правда*, маркирующей «особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения» [Падучева 1996: 303]. Анализ особенностей функционирования *правда* дается также в работах Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Т. Е. Янко.

Перейдем к другим типам вопросов. В зависимости от субъективных намерений и оценок говорящего, он выбирает не только различные эпистемические показатели, но и различную структуру вопроса, т. е. при совпадении пропозициональной части вопросов и несовпадении их формальной структуры могут быть абсолютно противоположны эпистемический, аксиологический и даже адмиративный аспекты установочного компонента их семантики. Так, в приводимых ниже парах вопросительных предложений совпадают только ожидаемые говорящим ответные реакции (позитивная альтернатива — *ja, jo*; негативная альтернатива — *nej*), но не совпадают их иллокутивные функции:

Han er **vel** rejst? — **Ja**. Он, наверное, уехал? — Да.

Er han **ikke** rejst? — **Jo**. Он что, не уехал? — Уехал.

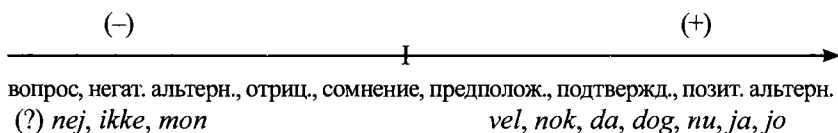
Han er **vel ikke** rejst? — **Nej**. Он, наверное / надеюсь, не уехал? — Нет.

Er han **vel** rejst? — **Nej**. Разве он уехал? — Нет.

Позитивный модальный вопрос вопросительной структуры с *vel* «Er han **vel** rejst?» Разве он уехал? (тип б) является вопросом-реакцией говорящего на неожиданную ситуацию, его диалогическая функция может быть сопоставима с русскими вопросами с частицей *разве* (о вопросах-реакциях в русском языке см. также [Арутюнова 1970; 1999; Булыгина, Шмелев 1992]). Иллокутивное предназначение такого вопросительного предложения — не только выразить речевой акт вопроса и побудить адресата сообщить необходимую информацию, но и эксплицировать его установку на негативную альтернативу. *Vel* уточняет иллокутивную функцию вопроса, внося в него значение сомнения говорящего в том, что положительный ответ возможен. С помощью частицы говорящий, удивленный неожиданной ситуацией или репликой, апеллирует к собеседнику, чтобы тот развеял его сомнения. Такое эпистемическое значение сомнения говорящего, выражаемое в вопросительной структуре модального вопроса, свидетельствует об изменении частицей полярности своей исходной семантики. В этом, на наш взгляд, есть своя языковая логика, выявление которой привело нас к довольно интересным результатам.

Если представить под знаком минус (–) следующие параметры: вопросительную структуру как незнание, негативную альтернативу ответа (*nej*), отрицание *ikke*,

вопросительную частицу (*mon*),
 эпистемические экспликативы со значением сомнения,
 а под знаком плюс (+) представить:
 повествовательную структуру,
 эпистемические показатели со значением предположения (*nok, vel*),
 эпистемические показатели подтверждения (афирмативы *da, dog, ni*),
 позитивную альтернативу ответа (*ja, jo*),
 то можно построить следующую шкалу:

Логический расчет по указанным параметрам любого вопросительного предложения позволяет не только вычислить установку говорящего на позитивную / негативную альтернативу, но и конкретизировать иллокутивные функции каждого из приведенных выше типов вопросов, см. также [Крылова 2004а]. Приведем примеры таких расчетов:

Går du ud med piger? — Ja. / Nej. Ты встречаешься с девушкой-ми? — Да. / Нет.

Går du **ikke** ud med piger? — Jo. (Разве) ты не встречаешься с девушками? — Встречаюсь.

(-) (-) = (+)

Går du **vel** ud med piger? — Nej. (Разве) ты встречаешься с девушками? — Нет.

(-) (+) = (-)

Du går **vel** ud med piger? — Ja. Ты, наверное, встречаешься с девушками? — Да.

(+) (+) = (+)

Du går **vel ikke** ud med piger? — Nej. Ты, наверное, не встречаешься с девушками? — Нет.

(+) (+) (-) = (-)

Данная схема может быть использована для вопросительных предложений со всеми эпистемическими средствами датского языка, она позволяет не только вычислить по названным параметрам ожидаемый спрашивающим ответ адресата, но и проиллюстрировать специфику каждого из них. Как видно из приведенной схемы, эксплицитно коммуникативная установка говорящего выражается в вопросительных предложениях, имеющих минимум два формальных

показателя (о двусоставности вопросов с отрицанием и модальными частицами см. также [Weydt 1989: 333, Jakobsen 1982: 97]).

Система расчета установки говорящего на позитивную / негативную альтернативу ответа позволяет также объяснить иллокутивные функции косвенных речевых актов.

Гипотеза в функции вопроса. Поскольку вопросы типа *Du ved vel, jeg har en dreng?* *Ты, наверное, знаешь, что у меня есть сын?* не имеют своей целью получение определенной информации, а предназначены только для подтверждения выдвинутой говорящим гипотезы, то их можно отнести к гипотетическим предложениям в функции вопроса [Булыгина, Шмелев 1997: 296], т. е. к косвенным речевым актам. Ресипрочная функция модальной частицы *vel* способствует тому, что вводимая пропозиция воспринимается адресатом как гипотеза, требующая верификации независимо от того, стоит ли в конце такого гипотетического предложения знак вопроса. Позитивный и негативный модальные вопросы повествовательной структуры с *vel* в парентетической роли *Han er vel rejst?* *Он, наверное, уехал?* *Han er vel ikke rejst?* *Он, наверное/надеюсь, не уехал?* являются реакцией говорящего на определенную коммуникативную ситуацию.

Конвенциональный косвенный речевой акт вежливости. Анализ собранного корпуса примеров позволил описать иллокутивную функцию различных высказываний с *vel ikke* и определить их как конвенциональные косвенные речевые акты — безопасный вопрос, просьба, испрашивание разрешения. Позиционно-контактная комбинация модальной частицы *vel* и отрицания используется говорящим в таких предложениях, когда он допускает, что *не P* возможно, но надеется, что *P*. Для сравнения ниже приводятся два вопросительных предложения с отрицанием различной формальной структуры, общим прагматическим значением которых является выражение говорящим просьбы, однако в первом из приведенных примеров выражается установка на позитивную альтернативу ответа, а во втором — на негативную:

Ikke du ikke give mig hans adresse? — Jo.

(-) (-) = (+)

Ты не мог бы дать мне его адрес? — Могу.

Du kunne vel ikke give mig hans adresse? — Nej

(+) (+) (-) = (-)

Букв.: *Ты, наверное, не мог бы дать мне его адрес?* — Нет.

Такое выражение «негативной вежливости» [Bülow-Møller 2006: 216–218], когда говорящий старается не ранить, не задеть интересы адресата, настолько конвенционализировалось в датском разговорном языке, что получило широкое распространение в косвенных речевых

актах. Установка говорящего на негативную альтернативу ответа при употреблении *vel ikke* в вопросительных предложениях повествовательной структуры ставит собеседника в благоприятные для него условия выбора, что воспринимается как особая форма вежливости: говорящий показывает, что получение отрицательного ответа не будет для него неожиданностью, что он предвидит его, но на всякий случай решается спросить и будет рад, если это окажется не так (ср. [Кобозева 2000: 315]). Э. Хансен приводит примеры использования *vel ikke* в вопросах, выражающих вежливую просьбу говорящего передать соль: *Du ville vel ikke give mig saltet? Du gad vel ikke lige give mig saltet?* [Hansen 1974: 139].

Таким образом, прагматическая семантика вопросов с *vel ikke* и их коммуникативная функция апелляции к адресату способствовали их конвенционализации в датском языке как специального средства вежливости.

В верификативных вопросах вопросительной структуры модальная частица *vel* выражает реакцию говорящего на неожиданно возникшую ситуацию, а чаще всего на реплику собеседника:

Det er da ikke forbudt at snakke. Er det vel forbudt at snakke? — Nej.

$(-)(-) = (-)$

Разговаривать же не запрещено. Разве запрещено разговаривать? — Нет.

Du kan da ikke bestemme over mig. Kan du vel? — Nej.

$(-)(-) = (-)$

Ты же не можешь решать за меня. Разве можешь? — Нет.

Пропозициональная установка говорящего в приведенных примерах заключается в том, что *non-P* — общепринятое правило: разговаривать не запрещено, нельзя принимать решения за других, но сложившаяся ситуация может быть истолкована как *P*. Однако такая оценка сложившейся ситуации противоречит общепринятым правилам, что заставляет говорящего отреагировать на нее вопросом с *vel* в надежде на получение отрицательного ответа (о *Разве P?*, предполагающем общее правило, если *P* — суждение о возможности, см. [Арутюнова 1999: 277]).

Риторический вопрос. Аналогичный анализ функциональной семантики эпистемического экспликатива *vel* может быть предложен в случае использования частицы в вопросительных предложениях с вопросительным местоимением, также являющихся реакцией говорящего на неожиданную ситуацию:

Hvad er vel vigtigere? — Intet. Что может быть важнее этого? — Ничего.

$(-)(-) = (-) =$ *Разве есть что-то важнее этого?*

Hvem kan vel gøre det? — Ingen. Кто может это сделать? — Никто.

$(-)(-) = (-) =$ *Разве может кто это сделать?*

Приведенные здесь вопросы с *vel* эксплицируют установку говорящего на негативную альтернативу и выражают, наравне с адмиративной, эпистемическую модальность: говорящий сомневается в том, что *P* возможно, убежден, что *не P*, и полемизирует с собеседником: *разве P*?

Модальная частица *nok* и конвенциональный косвенный речевой акт упрощивания. Предложенная нами схема вычисления установки говорящего на позитивную / негативную альтернативу ответа может быть использована также для вопросов с модальной частицей *nok*. Анализ вопросительных предложений с модальной частицей *nok* показывает, что данный эпистемический оператор в силу эксплицируемого им значения гипотетического умозаключения не употребляется в собственно речевом акте вопроса. Для вопросительных предложений с гипотетическим конклюдивом *nok* в позиционно-контактной позиции после отрицательной частицы *ikke* характерно наличие модальных предикатов:

Vil du ikke nok høre lidt på mig? — Jo. *Ну послушай же меня?* — *Хорошо.*

(-) (-) (+) (+)

Må jeg ikke nok skifte plads? — Jo. *Ну можно мне пересесть?* — *Да.*

(-) (-) (+) (+)

Такие высказывания являются реакцией говорящего на коммуникативную ситуацию и выражают его сомнение в том, что адресат выполнит бы действие, выраженное инфинитивом без подобного призыва (*vil du ikke nok...?*), или что говорящему было бы разрешено осуществить испрашиваемое без специально выраженной просьбы (*må jeg ikke nok...?*). Именно значение частицы *nok* делает данный призыв-побуждение настойчивым, а просьбу — настоятельной. Значение аксиологической модальности желательности, осложненное эпистемическим значением сомнения в осуществимости желаемого без специальной экспликации просьбы, а также установка говорящего на позитивную альтернативу ответа характеризуют данный тип вопросительных предложений как конвенциональный косвенный речевой акт упрощивания.

Модальная частица *ni*. Прагмасемантическим инвариантом афирмативного ситуатива *ni* [Крылова 2008] является эксплицируемое говорящим значение оценочного несоответствия реальной ситуации мнению третьих лиц (о значениях оценочного несоответствия, выражаемых русскими модальными частицами, см. [Николаева 2005]). Для употребления *ni* в верификативных вопросах характерны особые коммуникативные условия: говорящий, столкнувшись с неожиданной для себя ситуацией, реагирует на нее таким вопросом-реакцией:

<...> så sår han alvorlig tvivl: Var det **nu** også en sejr? <...> он сеет серьезные сомнения: «Было ли это победой?» (-) (+) = (-)

Вопросительная структура высказывания в контексте *ni* выражает здесь эпистемическое значение сомнения говорящего в том, что ситуация, оцениваемая кем-то подобным образом, достоверна, поскольку она не соответствует его исходным представлениям, ожиданиям. Следовательно, данный вопрос с частицей *ni* передает установку говорящего на отрицание частного случая вследствие его несоответствия имеющимся у говорящего представлениям о норме (см. подробнее о *ni* в [Крылова 2008: 15–30]). Структура вопросительного предложения (-) и употребление в следующем примере аффирматива *ni* (+) свидетельствуют об установке говорящего на негативную альтернативу ответа *nej*, так как он сомневается в том, что эффект от принимаемых властями мер будет соответствовать их ожиданиям:

Vi kan lukke den danske grænse mod syd. Men vil det **nu** hjælpe så voldsomt meget på antallet af illegale flygtninge? (-) (+) = (-) Мы можем закрыть датскую границу к югу. Но так ли уж сильно нам это поможет снизить число нелегальных иммигрантов?

Употребление аффирматива *ni* (+) в верификативном вопросе (-) с негацией (-) свидетельствует о попытке говорящего воздействовать на мнение слушающего и его установке на позитивную альтернативу, т. е. ответ «jo»: (-) (+) (-) = (+). Так, ожидаемый говорящим перлокутивный эффект от следующего вопроса — признание слушающего: Jo, det er det. Да, это так:

Men forargelsen haglede også ned over Ishøjs «katedral», Vejleå kirke, som blev indviet i 1997, pris 47 mio. kr., og er det **nu** ikke for megen ære at vise Gud? Но возмущение также обратилось на собор в Исхое и церковь Вайлео, которые были открыты в 1997 году и на строительство которых было потрачено 47 млн. крон: а не слишком ли это большая честь для Бога?

Предложенная нами схема расчета позволяет высчитать субъективную реакцию говорящего, выраженную такими эпистемическими показателями, как модальное слово *måske*, аффирматив оценочного несоответствия *dog*, вопросительная частица *top* и др.:

Måske det er min skyld? — Ja. *Может, это моя вина?* — Да.

(+) (+) (+)

Er det **måske** min skyld? — Nej. *Разве это моя вина?* — Нет.

(-) (+) (-)

Hvad skulle vi **dog** gøre uden dig? — Intet. *И что бы мы без тебя делали?* — Ничего.

(-) (+) (-)

Mon drengen er rask? — Nej. *Здоров ли мальчик?* — Нет.

(-) (+) (-)

Mon ikke drengen er rask? — Jo. *He болен ли мальчик?* — *Болен.*

(-) (-) (+)

Er drengen **mon** rask? — Ja. *Неужели мальчик здоров?* — *Да, здоров.*

(-) (-) (+)

Данная схема расчетов может быть также использована для выявления установки говорящего, выраженной ответными репликами с помощью одних модальных частиц. Это представляется крайне важным для понимания семантики подобных сочетаний модальных частиц иностранцами (ср. русские реакции: “А то нет”. “Да ладно!” “Да нет”. “Еще как!”):

Det kunne give anledning til en svingom, men vi er på kirkebesøg, så **mon dog**? — Nej.

(-) (+) = (-)

Это могло бы стать поводом для танца, но мы в церкви, так неужели ж?

...hvis De ved hvad det står for. — Ja, **mon dog ikke**? Det har jeg hørt om uafbrudt lige siden jeg var en lille pige. (-) (+) (-) = Ja (+)

...если Вы знаете, что это значит. — Да, неужели же нет? Я слышала об этом беспрестанно еще с тех пор, как была маленькой.

Как показывает проведенный анализ, употребление модальных частиц датского языка в структуре вопроса при сохранении ими собственного прагмасемантического инварианта как бы меняет знак их семантики, например, положительное значение предположения (*vel*), выражаемое в структуре сообщения, преобразуется в вопросе в отрицательное значение сомнения; отрицательное значение вопросительности (*mon*) становится положительным адмиративным значением удивления от неожиданности. При этом вопросы с *mon*, например, маркируют установку говорящего на позитивную альтернативу и выражают адмиративную модальность: *неужели P?* В то же время вопросы с *vel* маркируют установку говорящего на негативную альтернативу и выражают значения как адмиративной, так и эпистемической модальности: *разве P?* [Крылова 2004а; Krylova 2007].

Таким образом, мы можем заключить, что эпистемическое значение сомнения формируется в датском языке только как реакция говорящего на определенную коммуникативную ситуацию или реплику собеседника. Датский язык, располагающий ограниченным числом специальных средств для выражения сомнения говорящего в достоверности высказывания, использует для этого эпистемические

показатели с другими значениями, помещая их в различные формальные структуры вопросительных предложений и изменяя тем самым иллокутивные функции данных вопросов.

Одним из важных выводов проведенного исследования является также заключение о том, что значение предположения не может быть выражено в датском языке предложением вопросительной структуры.

Диалогическая функция датских вопросительных предложений с модальными частицами заключается в том, что все они являются реакцией говорящего на некоторое событие или предыдущее высказывание собеседника, выражают различные модальные значения и установку говорящего на позитивную или негативную альтернативу ответа. В связи с этим можно говорить о своеобразной анафорико-катафорической диалогической функции модальных частиц в вопросительном предложении (ср. *dialoganaphorische Funktion* нем. *denn*, [Weydt 1988: 331]), как отсылающих к предыдущей, так и указывающих на ожидаемую ответную реплику собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1970 — *Арутюнова Н. Д.* Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Баранов, Кобозева 1988 — *Баранов А. Н., Кобозева И. Н.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Безяева 2002 — *Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
- Булыгина, Шмелев 1982 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 4.
- Йокояма 2005 — *Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
- Крылова 2004 — *Крылова Э. Б.* Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц NOK, VEL и VIST в датском языке. Автореф. диссер. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004.
- Крылова 2004а — *Крылова Э. Б.* Коммуникативная семантика датских вопросов // *Philologica Scandinavica*. СПб., 2004. С. 62–76.

- Крылова 2008 — *Крылова Э. Б.* Модальная частица *ni* в датском языке. Прагмасемантическая эволюция от наречия к частице // Вестник МГУ. Филология. Серия 9. 2008. № 3. С. 15–30.
- Крылова 2008a — *Крылова Э. Б.* Несколько слов в защиту датского будущего // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. (К дню рождения О. А. Смирницкой). М., 2008. С. 104–123.
- Николаева 2005 — *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. М., 1996.
- Разлогова 2003 — *Разлогова Е. Э.* Когнитивные установки в прямых и не-прямых ответах на вопрос // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Редколлегия: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. 195–211.
- Якубинский 1923 — *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Якубинский Л. П.* Избранные труды. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2004 — *Янко Т. Е.* К типологии иллокутивных актов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 478–488.
- Kjøller 1973 — *Kjøller K.* Om sproghandlinger og samtaleanalyse // *Nydanske studier & Almen kommunikationsteori* 5. 1973. Sproghandlinger. Akademisk Forlag. P. 40–60.
- Krylova 2003 — *Krylova E.* Den epistemiske modalitets betydninger // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 73–82.
- Krylova 2005 — *Krylova E.* Epistemisk polyfoni i danske modalpartikler // *Sproglig polyfoni. Arbejdsrapporter* 4. 2005. RUC. P. 75–87.
- Krylova 2006 — *Krylova E.* Interrogativsætninger og polyfonisk instruks. *Sproglig polyfoni. Arbejdsrapporter* 5. 2006. Skrifter fra Dansk og Public Relations. Roskilde Universitetscenter. P. 65–78.
- Krylova 2007 — *Krylova E.* Epistemisk polyfoni på dansk // *Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine*. 2007. Aarhus Universitetsforlag. P. 181–203.
- Mikkelsen 1911 — *Mikkelsen Kristian.* Dansk Ordføjningslære. Kbh. 1911.
- Nøkke 1989 — *Nøkke Henning.* Polyfoni. En sprogteoretisk indføring. ARK 48, juli 1989. HHK.
- Togeby 1979 — *Togeby Ole.* Nok // *Mål & Mæle*. 3/6 årgang.
- SAG 2000. Svenska Akademiens grammatik b. 4: Satser och meningar. Af Ulf Teleman, Staffan Hellberg, Erik Andersson. Stockholm..
- Weydt 1989 — *Weydt H.* (ed.) Sprechen mit Partikeln. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989.

ПСЕВДОВОПРОСЫ В ПСЕВДОДИАЛОГЕ

Многие высказывания, как известно, не выполняют той иллокутивной функции, на которую они формально рассчитаны: многие повествовательные высказывания не сообщают новой информации (*Дети есть дети; Ну и ну; Приехали* — в прямом значении, когда собеседники тоже видят, что приехали, или в переносном смысле, когда сложилась нежелательная ситуация и говорящий констатирует нарушение нормального хода событий, и т. д.); многие вопросы не предполагают ответа (*Мне что, больше всех надо?; Ты что, оглох? Телефон звонит; Да какая разница?* и т. д.); многие побудительные высказывания не предполагают выполнения действия (— *На этот автобус мы уже не успели. — А ты еще поговори по телефону часа два, мы и на последний автобус не успеем; Да провались ты вместе со своими подачками!*). В широком смысле такие высказывания можно назвать косвенными. Косвенным высказываниям посвящена большая литература: они, с разных точек зрения, исследовались в риторике, в грамматике, в теории речевых актов. В теории речевых актов, в частности, рассматривались случаи, когда высказывание, относящееся по форме к определенному иллокутивному типу, выполняет несобственную иллокутивную функцию (косвенный речевой акт), например, когда вопрос является способом выражения побуждения: *Не могли бы Вы отойти?* ('Отойдите, пожалуйста'), ср. [Грайс 1985; Гордон, Лакофф 1985].

В данной работе речь пойдет о несобственных вопросах, которые мы для краткости будем называть псевдovoпросами. Наша разговорная речь изобилует вопросительными предложениями, которые не требуют и не предполагают ответа (хотя и не исключают какой-то другой реакции): *А что, хлеба нельзя было купить? — Откуда я знал, что хлеба нет? — Я должна знать, чего у нас нет? А тебе трудно посмотреть?* и т. д. Каждый легко сам может продолжить такой диалог, состоящий из одних вопросов, или придумать

другие подобные диалоги, относящиеся к самым разным проблемным областям.

Вообще, высказывания с несобственной иллокутивной функцией сильнее действуют на собеседника хотя бы потому, что приходится больше усилий тратить на их дешифровку. В этом смысл любых сдвигов и смещений — метафор, грамматических транспозиций, косвенных речевых актов. В частности, псевдовопросы, о которых пойдет здесь речь, являются одним из важных средств воздействия на собеседника в повседневном диалогическом общении. Вопрос является более сильным средством, чем повествовательное высказывание, так как адресат должен задуматься над ответом, т. е. он не сможет отмахнуться, пропустить мимо ушей.

В АГ-80 (§ 2624) среди вопросов, выполняющих несобственно-вопросительную функцию, выделяются, в частности, (а) экспрессивное утверждение (*Кто же не хочет быть честным?*); (б) экспрессивное отрицание (*Разве безумного можно научить?*; *Кто себе зла желает?*; *Как тут смолчишь?*); (в) вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего — эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние (*Боже, что со мной делается?*; *Боже, зачем ты послал мне муки мученические?*; *Да вы что, смеетесь надо мной?*; *Как тебе не стыдно?*; *Как ты можешь так говорить?*; *Как он смел вас в такой номер поместить?* [Ф. М. Достоевский]). Легко заметить, что первые два типа высказываний (которые обычно описываются в риторике) имеют общий характер, относятся к обобщенному субъекту ('Все хотят быть честными'; 'Никто себе зла не желает') и чаще встречаются в публичной речи, а последняя группа имеет разговорный характер, предполагает конкретного говорящего и конкретного адресата. При этом все такие высказывания (а не только третью группу) можно считать эмоционально-экспрессивными. Кроме того, в высказываниях третьей группы встречаются экспрессивные отрицания и утверждения по поводу конкретных ситуаций (ср.: *А тебя кто спрашивает?* — это и экспрессивное отрицание ('Тебя никто не спрашивает'), и выражение отрицательной оценки поведения адресата ('не умеешь себя вести; плохо, что ты вмешиваешься в разговор'), и, возможно, косвенное побуждение — 'молчи'). Таким образом, нет четких границ между группами и в то же время внутри каждой группы есть различия, например, по типу (референциальному статусу) субъекта. С другой стороны, типов косвенных высказываний гораздо больше — хотя бы потому, что в третьей группе собраны очень разные типы высказываний.

Исследование псевдовопросов имеет очевидный прикладной интерес: необходимо располагать какими-то инструментами описа-

ния подобных несобственных высказываний и диалогических построений для осуществления анализа текста (в том числе автоматического). Но исследование этого материала имеет и более широкие перспективы.

Перейдем к обзору типов псевдопросительных предложений, который никоим образом не претендует на полноту, а призван лишь наметить некоторые направления дальнейших поисков. В принципе, можно было бы указать по крайней мере на две больших сферы, к которым относятся псевдопросы: коммуникативную (речевое общение) и «акциональную» (неречевые действия). При этом не следует забывать, что высказывания — это тоже действия. Если обычный вопрос «первичен» (это запрос об информации, он, в общем случае, ничем не спровоцирован), то псевдопрос — это реакция на какое-то действие (или бездействие), на поведение адресата. И в абсолютном большинстве случаев говорящий выражает недовольство этим поведением, считая его неправильным, неадекватным, неоптимальным. Таким образом, общим для разных типов псевдопросов оказывается то, что они являются реакцией.

I. Реакция на неправильные речевые стратегии:

1. Реакция на нарушение «постулата качества» (если использовать термин Грайса, см. [Грайс 1985]), т. е. на сообщение недостоверной информации:

— *Они разводятся. — Кто тебе сказал такую ерунду?; С чего ты взял?; Откуда ты это взял?; Что за глупости?; Что за ерунда?*

2. Реакция на неправильное исходное предположение вопроса (собеседник запрашивает информацию, которой адресат не располагает):

— *Где Петя? — Я-то откуда знаю?; Что ты у меня-то спрашиваешь?; Я что, за ним слежу?*

3. Реакция на неуместность, «избыточность» вопроса (в силу очевидности ответа):

— *Разве это он? — А кто же еще?; Неужели это он был? — А то кто же?;*

Ты на работу? — А куда же?

4. Реакция на вопрос, «превышающий полномочия» (собеседник запрашивает информацию, на получение которой не имеет права):

— *Где ты был? — Тебе-то что?; Тебе какое дело?; А тебе не все равно?*

5. Реакция на просьбу, «превышающую полномочия» (объект просит о чем-то таком, на что он не имеет права):

— *Сделай Р. — А шкурки тебе не погладить?; Может, тебе еще пол помыть?;*

6. Реакция на неуместный совет или предложение:

А тебя спрашивают?; Тебя кто-нибудь спрашивает?; А тебя кто спрашивает?

Эти же предложения могут быть и реакцией на несанкционированное вмешательство в разговор, ср. также: *Может, ты будешь рассказывать?* (= не мешай мне рассказывать).

II. Реакция на неправильные ментальные (интеллектуальные) стратегии:

7. Реакция на излишнюю доверчивость, некритичность:

— Он сказал Р. — И ты поверил?; А ты и уши развесил?

8. Реакция на непонимание или недопонимание простого и очевидного:

Ну, теперь ты понял?; Дошло наконец?; Неужели так трудно понять?; Ты что, совсем тупой?; Да что тут непонятного? (говорящий предполагает, что собеседник должен быстро понимать то, что понять несложно, не должен затрудняться делать выводы, которые, по мнению говорящего, «сами напрашиваются»).

9. Реакция на неспособность различать главное и второстепенное, на неправильную оценку значимости того или иного события:

Ну и что же?; И что с того?; Да какая разница?; Да какое это имеет значение?;

10. Реакция на неправильное предположение

в результате неправильного анализа ситуации:

— Может быть, ее украли? — Да кому она нужна?; Да что ты выдумал?; Да что ты придумал?; Какой там кот? Осел у нас сидит;

в результате завышенной самооценки:

— Может, меня возьмут начальником отдела? — А министром ты не хочешь? / А почему не министром?; — По-моему, за мной следят. — Да кому ты нужен?;

в результате неправильной реконструкции намерений и приоритетов:

— Ты что, не поехал на дачу? / Ты поедешь на дачу? — Да что я там забыл?; Мне что, больше делать нечего?; Да что там делать?; Да на что она мне сдалась?

III. Реакция на неправильное поведение:

— Ты что, оглох? Телефон звонит уже 5 минут;

— Ты что, ослеп? Вот же кошелек у тебя под носом лежит;

— Ты что, не видишь, тут провод?;

— Я оставил форточку открытой. — Ты что, с ума сошел? /

рехнулся? / Ты в своем уме? / Получше ничего придумать не мог? Было же штормовое предупреждение;

— Меня на работе задержали. — А что, нельзя было позвонить?;

— Неужели нельзя было прийти на 5 минут пораньше?;

— Да зачем тебя туда понесло?;

— Ты-то куда лезешь? Без тебя, что ли, не обойдутся?;

— Это он не выключил прибор. — А ты куда смотрел?;

— Кто тебя просил хлеб покупать? — А я думал, хлеб кончился;

— Куда ты столько вещей набираешь, мы же на три дня всего едем;

— Что ж ты чайник-то не выключил? Я ж тебя пять раз просил.

«Вопросительные» реакции на неправильное поведение могут быть не просто указанием на то, что говорящий считает поведение собеседника в некоторой ситуации неправильным, неадекватным, неоптимальным. Если это поведение повлекло за собой ущерб говорящему или другим людям, такие псевдовопросы выполняют функцию упреков и обвинений: *Как тебе не стыдно?; Как ты мог?!; Кто тебе позволил P?!; Сколько это будет продолжаться?!*

Из анализа огромного разнообразия псевдовопросов можно вывести, по аналогии с постулатами общения, постулаты поведения (в том числе, постулаты речевого поведения). Если не считать того, что реакция в виде псевдовопроса в большинстве случаев бывает не слишком вежливой и даже агрессивной, сами по себе требования, которые вытекают из перечисленных реакций в форме вопросительных предложений, вполне разумны и обоснованны:

не передавай непроверенную или недостоверную информацию;

не запрашивай информацию, которой не располагает адресат;

не задавай вопросов, ответ на которые «избыточен» или очевиден;

не запрашивай информацию, на получение которой не имеешь права;

не проси о том, на что не имеешь права;

не будь излишне доверчивым и некритичным;

отличай важное, существенное от несущественного, второстепенного;

адекватно и своевременно реагируй на текущие события;

не делай того, что может причинить вред тебе или другим людям; и т. п.

В целом эти требования вытекают из своего рода принципа кооперации, который предполагает, что человек должен оптимизировать свое поведение, учитывать (и по возможности предвидеть) интересы других людей.

Вообще, псевдовопросительные предложения функционируют не только как реакции на неправильное поведение, но и во многих других случаях. В разговорной речи встречается огромное количество речевых «штампов», т. е. готовых вопросительных конструкций (синтаксических фразеологизмов), которые имеют самое разнообразное применение, ср. *Да что ты говоришь?*; *Да ты что?*; *С чего ты взял?*; *А ты как думал?*; *Да что я там забыл?!*; *Как знать...;* *Как же так?!*; *Как ты мог?!*; *Куда это годится?*; *А что поделаешь...;* *Да кто его знает...;* *А что такого?*; *Ну и что?!*; *И что с того?*; *Какой смысл Р?*; *И куда только смотрит Х?!*; *И когда это кончится?!*; *Как не стыдно!;* *С какой стати?*; *И ты туда же?*; *А ты и рад?!*; *Ну зачем ты так?!* и т. д.

Таким образом, использование псевдовопросительных предложений — весьма распространенная речевая стратегия, которая применяется в самых разных ситуациях.

Из всего этого огромного разнообразия псевдовопросительных предложений в наибольшей степени повезло риторическим вопросам (экспрессивным отрицаниям и утверждениям), которые неизменно служили предметом описания в трудах по риторике. Кроме того, в последние десятилетия интерес к несобственно-вопросительным высказываниям проявлялся в рамках разных направлений логики и лингвистики (теория речевых актов; прагматика и теория текста, см., например, [Арутюнова 1992]; синтаксическая фразеология, см. [Шведова 2003]). Однако каждое из этих направлений обычно обращается к одному или нескольким типам несобственно-вопросительных предложений. Представляется важным исследовать, какие именно параметры высказывания и, с другой стороны, параметры поведения оказываются мишенью псевдовопросов. Это позволит выявить некоторые общие механизмы речевого взаимодействия. С другой стороны, максимально полное и системное описание набора речевых штампов и конструкций, которые используют русскоговорящие в повседневном общении, даст материал для создания своего рода речевого портрета говорящего на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

АГ-80 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Арутюнова 1992 — Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

- Гордон, Лакофф 1985 — *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Шведова 2003 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. 2-е изд. М., 2003.

А. Э. ЛЕВИЦКИЙ (КИЕВ)

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ РЕПЛИКИ-ИДИОМЫ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Диалогический дискурс интерактивен по своей природе, поскольку предполагает взаимодействие коммуникантов и опирается на строгие нормы, признаваемые определенным социумом. При этом диалогическая связь продуцента и реципиента высказывания отражает пути управления деятельностью собеседника в интересах собственной жизнедеятельности (см., напр., [Агапова 2003; Иссерс 2002; Саушева 2005]). Реплики коммуникантов как составляющие диалогического дискурса позволяют лингвисту, с одной стороны, выявить интенции отправителя вербализованного сообщения, а с другой — воссоздать его коммуникативный и когнитивный стили, социальный статус, гендерные и возрастные особенности, равно как и отношение к собеседнику, исходя из перечисленных параметров. Отмеченные выше факторы зачастую способствуют изменению эмоционального состояния участников коммуникации. Таким образом, мы вправе констатировать существование особой эмоциональной ситуации, которая выступает *когнитивно-коммуникативной формой представления знаний в языке и речи*, что позволяет раскрыть взаимодействие определенной языковой конструкции с обозначаемым ею экстралингвистическим фактом, закрепленным в сознании членов конкретного социума и реализованным ими в речевом континууме. В подобных ситуациях собеседники могут реагировать на высказанные друг другом реплики, прибегая к использованию идиоматических выражений¹, отра-

¹ При написании статьи использованы данные словарей: *Квеселевич Д. И., Сасина В. П.* Русско-английский словарь междометий и релятивов. М., 1990; *Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д.* Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов. М., 1993; *Торн Т.* Словарь современного сленга. М., 1996; *Трофимова З. С.* Словарь новых слов и значений в английском языке. М., 1993; *Эйто Дж.* Словарь новых слов английского языка. Специальное издание. М., 1990; *Ayto J., Simpson J.* The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford, 1992; *Craig D.* Catch Phrases, Cliches & Idioms. Jefferson, 1990; *Green J.* The Slang Thesaurus. L., 1988.

жающих эмоциональное состояние каждого из них. Данные эмотивные идиомы, как и другие языковые единицы, обозначая и описывая фрагменты окружающего нас мира, помогают индивиду выйти за границы своего актуального опыта благодаря возможности давать номинальные определения неким сущностям [Кубрякова 2006: 30–31]. Тем самым, в сознании человека в результате сложного взаимодействия языка и мышления отражаются и сохраняются различные типы эмоциональных ситуаций межличностного или межэтнического общения.

Именно с помощью языковых средств индивид сообщает партнерам по коммуникации свое понимание некой экстралингвистической ситуации (в том числе эмоциональной), своей роли в ее развитии, тем самым реагируя на нее. Учтем также, что сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в речь человека элемент артистизма [Арутюнова 1990: 6]. Понимание коммуникантами эмоциональной ситуации общения и ее развитие зависят от наличия и совпадения у них аналогичных форматов знаний и путей их подачи, манифестируемых в процессе общения. Итак, налицо существование взаимосвязи эмоционального и когнитивного аспектов построения высказывания, что проявляется в особой вербализации передаваемой информации и интенции индивида (см., напр., [Воробьева 2004; Заботкина 1991; Шаховский 2001; Kövecses 2002]). Кроме того, наличие неповторимой эмотивной составляющей когнитивного и коммуникативного стилей языковой личности² также отражается в ее эмоциональной компетенции³, реализуемой в процессе выбора реакции на реплику собеседника. Наряду с языковой, речевой, коммуникативной и социокультурной данная компетенция имеет существенное значение в обеспечении процесса получения / передачи информации и проявляется, в частности, в корректном использовании реплик-идиом, которые соотносятся с определенными эмоциями⁴. Специфика семантики данных идиом состоит в том, что они фиксируются в вер-

---

² Крайним проявлением яркой языковой личности, имевшей в своем словаре 30 слов, является Эллочка Людоедка — персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Из 17 наиболее характерных для нее языковых единиц 10 — реплики-идиомы (*Хо-хо!*, *Знаменито*, *Мрак*, *Жуть*, *Кр-р-расота*, *Подумаешь*, *Ого!*, *Не учите меня жить*, *Хамите*). Таким образом, для контактов с внешним миром ей нужны были лишь идиоматизированные клише. В тоже время, для профессора Хиггинса из «Пигмалиона» Б. Шоу было ошибкой не научить Элизу репликам-идиомам перед ее первым появлением в обществе, что и привело к провалу.

³ Термин предложен И. И. Скачковой [Скачкова 2006: 6].

⁴ В целом, создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя [Арутюнова 1999: 39].

бальной памяти коммуникантов как одно целое и используются в соответствующих ситуациях общения автоматически [Медведева, Медведева 1992: 18].

Реплики-идиомы — это языковые средства, служащие реакцией на слова собеседника или ситуацию общения в диалогическом дискурсе. Они приобретают эмотивную функцию и актуализируют аксиологический аспект языкового знака. Отметим также выполнение данными единицами сигнализирующей функции (об эмоциях, волеизъявлениях и т. д.), а также фатической для поддержания и установления коммуникативного контакта. Функционируя в качестве метатекстовых средств, организующих пропозициональную информацию, реплики-идиомы выступают прагматическими маркерами высказывания. Их отличают морфологическая неизменяемость; нечленимость; повышенная эмоциональность; значение реакции на реплику собеседника; оформленность эмфатической интонацией.

Роль реплик-идиом, как правило, выполняют междометия (*Ax!*, *Ux!*, *Oh!*, *Alas!* и др.). Однако в данном качестве могут выступать и другие языковые единицы:

1) имеющие своими прототипами единицы, которые восходят к лексическому уровню языковой структуры: *Indeed?*, *Come!*, *Say!*, *Fancy!*; *Неужели? Ерунда!*;

2) генетически связанные с единицами других языковых уровней: а) морфологического (*Super!*); б) синтаксического: словосочетаний (*My foot!*, *Far from!*, *Вот так так!*, *Елки зеленые!*) и предложений (*I'm from Missouri!*, *Queen Ann is dead!*, *Открыл Америку!*, *Здравствуйте, я ваша тетья!*).

Причем идиоматичность в ответных репликах приобретают существительные (*boy!*, *rabbit!*, *nuts!*, *мамочки!*, *абзац!*), прилагательные (*honest!*, *grand!*), наречия (*rather!*, *полно!*, *клево!*, *круто!*), глаголы (*say!*, *cut!*, *подумаешь!*), местоимения (*why!*, *my!*), частицы (*то-то!*), союзы (*однако!*). Они способны обеспечивать логическую упорядоченность, коммуникативную организацию реплики как высказывания и функционировать, в частности, для заполнения пауз в акте коммуникации (*well*, *let me see*, ну и др.). Их использование дает продуценту время для четкой формулировки своих мыслей и интенций. Данные реплики-идиомы также оказывают воздействие на реципиента, позволяя ему, с одной стороны, обдумать услышанное, а с другой — додумать, спрогнозировать продолжение коммуникативного акта. Кроме того, наличие хезитационных пауз и их заполнение с помощью рассматриваемых языковых единиц характеризует индивидуально-личностную манеру индивида продуцировать высказывание, а в официальной обстановке — придавать весомость

всей реплике. В частности, *well, right, okay, well then, now, so, good, fine, great, look, listen, You see (know), так* и им подобные в начале реплики организуют различные стадии общения, изменяют его направление, позволяя суммировать вышесказанное или содержат некий комментарий.

Рассматриваемые идиомы, таким образом, становятся особыми членами высказывания, не всегда составляя его основу, но передавая общий экспрессивный колорит. Такие вводные / обособленные элементы передают субъективное отношение продуцента высказывания и маркируют его эмоционально-волевое содержание. Они состоят по своему смыслу в непосредственных отношениях с основной мыслью всего высказывания. Однако если сами идиомы конституируют определенную реплику, то приобретают все показатели независимого, полноправного высказывания, например, *It's a real lulu!, That's champion!, A pretty kettle of fish!, For God's sake!, A pretty go!, Веселенькая история!, Вот так дела!*

Прагматическая функция рассматриваемых идиоматических ресурсов состоит в том, чтобы не только представить коммуникативное намерение говорящего, но и модифицировать иллокутивную силу речевого акта. Среди данных языковых средств выделяются единицы, выступающие как безличный комментарий по поводу вероятности содержания высказывания (*Have it coming!, Так и надо!, Hear! Hear!* и т. д.), а также одновременно усиливающие иллокутивную силу речевого акта. Некоторые из них типа (*and*) *what is more* указывают на важность речевого акта либо на роль других коммуникантов. Подобные единицы могут указывать на разные аспекты коммуникативного намерения продуцента высказывания. Неслучайно их называют прагматическими идиомами (прагмемами), или синтаксическими фразеологизмами, поскольку они выступают готовыми формулами речевого этикета, например, *Keep your shirt on, It's so generous of you, Не горячись!, Милости просим!* Особо следует отметить важность данных языковых единиц в выражении вежливости, имеющей значительную прагматическую ценность для акта коммуникации: *It's (very) good / kind of you!, Как мило с Вашей стороны!*

Ряд реплик-идиом обладает полифункциональностью значений, проявляющейся в различных оттенках их значения, например: *Famous last words!* (комментарий по поводу услышанного; сомнение; недоверие; неверие), *Far out!* (выражает одобрение; восторг; изумление), *Hang on!* (*Минуточку!, Будь благоразумным!, Постой!* — с удивлением), *Как!* (выражает удивление либо несогласие), *А?* (удивление; возмущение; восхищение; переспрос), *Воля твоя!* (учтливое согласие

или, наоборот, несогласие), *Да что ты!* (удивление; несогласие; протест)⁵. Полифункциональность реплик-идиом и их вариативность находят отражение в синонимии простых и сложных языковых знаков типа *Go fly a kite!* и *Away!*; *Really?* и *Is it?*; *Расскажи об этом своей бабушке!* и *Дудки!*

Подавляющее количество приведенных реплик-идиом относится к сниженному стилистическому тону, маркируя доверительную, разговорно-фамильярную манеру общения. Подобные единицы характеризуются ненормативностью, нерегулярностью употребления, непривычностью и новизной в процессе восприятия, экспрессивностью и контекстуальной зависимостью. Они «имеют хождение» лишь в определенных социумах, а также могут быть относительно легко декодированы представителями других сообществ. В то же время, ряд из них (например, *Ну фигу!*, *Nuts to you!*) в силу своей социальной маркированности в обществе обречены находиться на периферии словарного состава литературного языка.

Использование же реплик-идиом, маркирующих разные стили общения, равно как и переключение регистров в ходе коммуникации, создает комический эффект. Так, пожилая образованная женщина, профессор-лингвист Вера Михайловна не к месту использует молодежный жаргон:

Телохранитель протягивает букет Вере Михайловне.

Вера Михайловна: Ошизеть!

Эдита: Мама! Я же просила...

Вера Михайловна: Благодарю! Вы чрезвычайно любезны! (Ю. Поляков)

«Виртуоз» же ответных реплик в диалоге Эллочка Людоедка практически идиоматизировала любую фразу, делая ее чрезвычайно емкой для выражения различных эмоций, что также создавало эффект комизма. Например:

— *Ну, как так можно делать?! Ведь нам же есть нечего будет!*

— *Подумаешь!*

— *Но ведь, это возмутительно! Ты живешь не по средствам!*

— *Шутите!*

— *Да, да. Вы живете не по средствам...*

⁵ Вспомним еще раз И. Ильфа и Е. Петрова, отметивших, что для Элочки Людоедки *Хо-хо!* выражало, в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность; *Ого!* — иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.

— *Не учите меня жить!*

— *Нет, давай поговорим серьезно. Я получаю двести рублей...*

— *Мрак!*

— *Взяток не беру, денег не краду и подделывать их не умею...*

— *Жуть!* (И. Ильф, Е. Петров)

Особый функционально-лингвистический статус данных языковых единиц объясняется не только их идиоматическим характером, а и широтой их использования в различных ситуациях общения. Стереотипность их использования вместе с тем допускает и некоторую окказиональность в выражении тех или иных эмоций и чувств:

Cliff: She can't think.

Jimmy: Can't think! She hasn't had a thought for years! (J. Osborne)

Особенностью реплик-идиом следует также признать их возможное употребление при отсутствии адресата⁶. Несмотря на то, что их использование не производит прагматического эффекта на слушателя, говорящий все же отражает свое отношение к предметам или явлениям окружающего мира, сам превращаясь одновременно в адресата, т. е. использование прагматической идиомы все же функционально обусловлено, поскольку служит цели снятия напряжения (*Oh, God!, Dear me!, Nuts!, Черт подери!, Ёлки-палки!* и т. д.). Подобный «выплеск» как правило негативных эмоций позволяет достичь желаемого эффекта, т. е. облегчить психическое состояние индивида.

Рассматриваемые нами клишированные высказывания, с одной стороны, порождаются ситуацией общения, а с другой — выступают реакцией на нее же, оценкой, комментарием и используются для выражения:

а) согласия / несогласия (*Yes!, Agreed!, Shake!, No!, Put it there!, No deal!*);

б) побуждения, команды, призыва (*Stop it!, Come!*);

в) различных оценок сказанного собеседником: восхищения (*Браво!, Good heavens!*), удовольствия (*Каиф!, Baby, Boy, Boy-oh-boy, Brother, Cowabunga!, Daddy, Diggety damn, Hey, Hotcha, Hot-chacha, Love it to death, Man, Man oh man, Oh man, Oh mama*), удовлетворения (*Важно!, Everything's cool, OK, Poger, Righto, We have lift-off*), одобрения (*Лучше некуда!, All the way!, Attaboy!, Attagirl!, Bless you!, Dandy!, Death!, Fair enough!, For sure!, Great!, Hubba! Hubba!, I should be so lucky!, Is that good or is that good!, Keen, keeno, nice one Cyril!, No sweat!, Tasty!, What a boy!, Too Irish stew!*), попытки успокоить собеседника (*Cool it!, Keep your hair on!, Lighten up!, No muss no fuss!, Pull*

⁶ О возможности «нулевого диалога» писал еще С. Карцевский [Карцевский 1984: 131–135].

in your horns!, *Quit racing your motor!*, *Simmer down!*, *Steady the buffs!*), отсутствия интереса (*Какая разница!*, *I don't care!*, *Big deal!*, *Break my heart!*, *I should care!*, *What's the percentage?*, *What do I do now, cry?*), скуки (*Here we go again*, *That finishes me*, *What a life*), удивления, недоумения, изумления (*Вот ме на!*, *Oh, my!*), смущения (*I didn't know where to put myself!*, *Was my face red!*), беспокойности (*Buggeration!*, *Come off it!*, *Don't get funny!*, *Don't mind me I only live/work here!*, *Forget it!*), предостережения (*Fair and softly!*), разочарования (*Худо!*, *My stars and garters!*, *Bless my stars and garters!*, *Tonight's the night!*), негодования (*Ёлки-палки!*, *Ты в своем уме!*, *This is a nice how-do-you-do!*), неодобрения (*Только подумай!*, *Stuff and nonsense!*), недовольствия (*Привет!*, *Bugger off!*, *Can you stand for that!*, *Don't give me that!*, *Drop dead!*, *Fiddlesticks!*, *Fooy!*, *What's the big idea?*, *You and who's army, you would!*, *Shucks!*, *That's just too bad!*), иронии (*Ну чепма!*, *Not a dog's chance!*), насмешки (*Been and gone and done it*), презрения (*Be hanged!*, *Blah!*, *Huh!*, *Phooey!*, *Pooh!*, *The hell with it!*), хвастовства (*Did I ever!*, *Your geese are all swans!*, *Is the bear a Catholic*), унижения (*Come down to earth*).

С помощью идиоматических высказываний также могут передаваться разные формы негации, например: *Велика радость!*, *I like that!*, *Очень надо!*, *A fat lot I care!*, *Кукуш!*, *My foot!*, *Thank you and good night!* (отказ); *Боже унаси!*, *For God's sake!*, *Глупости!*, *Nonsense!* (решительное отрицание); *Вот еще!*, *Hear that!*, *Дудки!*, *Nuts!*, *Ерунда!*, *Rats!* (отрицание, несогласие). Близкими к негации выступают сомнение и безразличное отношение к высказыванию собеседника, поскольку они содержат скрытое, имплицитное отрицание: *Будто?*, *Oh really?*, *Ой ли?*, *Indeed?*, *Разве?*, *Is that so?* (сомнение, близкое к отрицанию); *Все равно!*, *All the same!*, *Дело хозяйское!*, *Please yourself!* (безразличное отношение, не содержащее положительного ответа). Как видно из приведенных примеров, многие реплики-идиомы по структуре не являются отрицательными, что свидетельствует о развитости прагматической транспозиции среди данных языковых единиц. Ее развитость отражает желание говорящего избежать открытого отрицания, несогласия и отказа, а также придать реплике высокий эмоциональный заряд (ср. *You don't say so!*, *He может быть!* и *What next?*, *Как можно?*). Заметим, что реализация прагматической транспозиции не всегда совпадает в аналогичных русских и английских репликах-идиомах, передающих отрицание, несогласие или отказ (*The answer is a lemon!*, *Как бы не так!*, *I didn't fall off the Christmas tree!*, *Я в своем уме!*).

Рассматриваемые единицы относятся к фоновой лексике, являясь национально-культурными маркерами процесса коммуникации.

Культурно релевантными выступают как их значение, так и форма. Мотивация данных идиом основывается на особенностях восприятия мира носителями языка, базируясь на этноспецифических показателях их материальной и духовной культур. Следовательно, отмечается «пропорциональная неполноэквивалентность»⁷ отражения эмоций в разных лингвокультурах. Тем самым, речь идет, с одной стороны, о неполной адекватности значений реплик-идиом в русском и английском языках (ср. *Держи карман шире!* и *Nuts to you!*; *Жирно!* и *That'd be too nice!*), а с другой — об их различной частотности употребления. Так, в англо-саксонской лингвокультуре широко используются единицы эвфемистического плана для имени Бога (*Christ!*, *Lord!*, *Father!*, *Gosh!*, *Goodness!*, *Dear!*, *My!* и др.), что не согласуется с канонами православной церкви и, следовательно, не свойственно русской лингвокультуре. Это же касается употребления единиц с негативным культовым компонентом (*hell*, *helluva*, *devil*, *damn*, *dammit*, *damnable*, *fucking* и т. д.), аналоги которых имеют ограниченное, как правило, маргинальное использование в русской лингвокультуре. Свидетельством повышенной частотности употребления данных идиоматических образований является и возможность модификации их структур: *That's a boy!* > *Attaboy!* — “молодец!”; *For God's sake!* > *Godssakes!* — “паду Бога!”; *For Christ's sake!* > *Chrissakes!* — “паду Бога!”; *By Jesus!* > *Bejabbers* (*Bejabbers*, *Bejesus!*) — “Боже мой!”; *By our Lady!* > *Byrlady!* — “Матерь Божья!”; *God's wounds!* > *Zounds!* — “Боже избави!” и др.

Очевидно, что у каждого языка есть свои неповторимые ресурсы, которые его носителям только необходимо заметить и начать эксплуатировать. В этой связи мы сталкиваемся с явлением, которое, во-первых, не требует значительных мыслительных усилий со стороны продуцента высказывания, во-вторых, не приводит к созданию в языке единицы с совершенно новым планом выражения и, в-третьих, дает шанс реализоваться извечному стремлению носителей определенного языка к саморепрезентации.

Использование реплик-идиом может быть охарактеризовано легкостью и экономностью со стороны продуцента высказывания, а для реципиента «двойной код» способен создать дополнительные трудности и даже привести к коммуникативным неудачам. «Свои» и «чужие» могут быть отграничены по умению пользоваться подобным инструментом. Ср.:

- *Whose hat is he wearing?* — *My hat.*
- *My hat, I can't believe you.*

⁷ Термин предложен И. И. Скачковой [Скачкова 2006: 7].

— *Что это за здание?* — *Цирк.*

— *Цирк! Ничего не могу найти!*

Процесс декодирования сообщения, состоящего из рассматриваемых идиоматических образований, может быть адекватен только с учетом всего речевого контекста, а также социальных и лингвокультурных особенностей носителей языка. Несмотря на относительное соответствие концептуальных картин мира у людей, разговаривающих на разных языках, значительные отличия в картинах мира в данном случае фиксируются в полном объеме: ср. русск. *Открыл Америку!* и англ. *Queen Ann is dead!*, русск. *Дудки!* и англ. *Rabbit!*

Особое место в русской разговорной речи занимает рифмованный сленг на уровне сверхфразового единства, приобретающий черты идиоматики:

— *Кто?*

— *Дед Пухто / Конь в пальто* — рифмуются с «никто» и передают пренебрежение к собеседнику, означающее в зависимости от ситуации общения «Отстань», «Не задавай глупых вопросов», «Ну-жели ты не знаешь?», «Сам знаешь»;

— *Где?*

— *В Караганде* — рифмуется с «нигде» и, как правило, реализует тактику размыкания вербального контакта;

— *Откуда?*

— *От верблюда* — употребляется, как правило, в случае отказа в ответе на поставленный вопрос.

Отметим, что несмотря на широкую распространенность английского рифмованного сленга он, как правило, не разделяется на части между собеседниками, например: — *How are you?* — *Safe and sound!*

В целом, обмен репликами представляет собой наиболее сложную форму социального взаимодействия. Интерактивная природа диалога особо наглядно проявляется в ходе исследования коммуникативных особенностей организации высказывания, в частности, стратегий и тактик (см. подробнее [Иссерс 2002]). Стратегически реплики-идиомы могут употребляться как с целью кооперации (т. е. быть позитивно маркированными), так и конфронтации (т. е. нести отрицательный заряд, направленный против собеседника либо сути его высказывания). Подобные языковые единицы оптимизируют процесс передачи информации, одновременно маркируя эмоциональное состояние коммуникантов. Использование реплик-идиом рассматривается нами как дискурсивное действие, направленное на достижение определенных экстралингвистических целей. Такие действия представляется возможным систематизировать в виде тактик ком-

муникантов в рамках реализации ими кооперативной либо конфронтативной стратегии общения. Эмоции же, вербализованные в емкой, клишированной форме, позволяют сделать собеседнику приятное, улучшить свой имидж в его глазах, сократить дистанцию, войти в доверие, уйти от возможного конфликта, настроить собеседника на позитивный лад, создать атмосферу психологического комфорта или, наоборот, выразить иронию, категорическое несогласие, отказ, недовольство, раздражение, возмущение, вербальную агрессию.

Итак, с помощью реплик-идиом конфронтативная стратегия реализуется тактиками **иронии, категорического несогласия, отказа, выражения недовольства, раздражения, возмущения, вербальной агрессии**. Все вышеуказанные тактики одновременно являются тактиками негативной субъективной оценки собеседника и ситуации:

— **тактика вербальной агрессии:**

Из разговора незнакомых коммивояжеров, один из которых провоцирует конфликт: угрожает собеседнику, при этом иронизируя над его национальной принадлежностью:

Salesman: I got your licence number, Macaroni! I know your boss!

Alvaro: Drop dead! (Т. Williams)

— **тактика иронии, недоверия:**

Девушка ревнует молодого человека, обвиняя его в том, что он целовал другую. Она не верит его оправданиям:

Richard: I said she kissed me. I did not.

Muriel (scornfully): And I suppose you just sat and let yourself be kissed! Tell that to the Marines! (Е. O'Neill)

Из ссоры братьев:

Олег: /.../ Она с твоего отца деньги потребует /.../ А потом тебе от него влетит.

Геннадий: Подумаешь! (В. Розов)

— **тактика возмущения, отклонения обвинения:**

Отец обвиняет сына в том, что тот был в нетрезвом состоянии:

Tyrone: You could see your way well enough if you were sober.

Edmund: If I was sober? I like that! (Е. O'Neill)

Из конфликта знакомых:

Марина: Идите отсюда.

Вячеслав: Что-что? А ну-ка повтори!

Пигусов: Черт бы все это побрал! (А. Галин)

— **тактика повышенной категоричности отказа:**

Из конфликта в семье:

Miller: ...As for your damned old ad, take it out and go to hell!

Mr Comber: That's plain bluff. You know how badly you need it. So do I.

Miller: *I'm going to refuse to print your damned ad after tomorrow! Put that in your pipe and smoke it!* (Е. О'Neill)

Из разговора соседей:

Ермолаев: *Приятных снов. Разрешите проводить.*

Соня: *Да ну тебя к черту* (А. Галин)

— **тактика категорического несогласия:**

В поезде двое выясняют, что они где-то виделись, и приходят к выводу, что когда-то были мужем и женой:

Она: *Вы не мой муж!*

Он: *Здрасьте, я ваша тетя!* (Л. Филатов)

Из разговора киллеров:

"We got to keep amused, haven't we?"

"Oh, what the hell," said Max. (Е. Hemingway)

— **тактика выражения недовольства, сопровождающаяся настойчивой просьбой:**

Женщина, находясь на грани нервного срыва, звонит в службу информационной поддержки, пытаясь выяснить время, в чем ей отказывают:

Information (filter) *I do not know, madam. You may find out the time by dialing Meridian 7-1212.*

Mrs Stenenson (irritated). *Oh, for heavens sake...* (L. Fletcher)

Персонаж эмоционально отказывается от выступления:

— *Николай Николаевич, вы хотите выступить? /.../*

— *Боже упаси /.../* (И. Грекова)

Тактики согласия, компромисса, эмоциональной поддержки, положительной оценки адресанта, удивления с целью поддержания беседы реализуют кооперативную стратегию:

— **тактика согласия, компромисса:**

Сын согласен с любыми обвинениями отца, лишь бы прекратить спор:

Tyrone: *That's a lie! You made no effort to find anything else to do. You left it to me to get you a job and I have no influence except in the theatre. Forced you! /.../*

Jamie: *I could see that line coming! God, how many thousand times—! (He stops, bored with their quarrel, and shrugs his shoulders) All right, Papa. I'm a bum. Anything you like, so long as it stops the argument.* (Е. О'Neill)

Из разговора сослуживцев:

— *Трудности можно преодолеть.*

— *Спору нет, можно.* (Н. Огнев)

— **тактика удивления и поддержания беседы:**

Олег: *Женщина — это повод для нежности в нашей грубой жизни.*

Нина: /.../ Неужели? Как интересно! Вы, кажется, писатель? Что же вы пишете? (Ю. Поляков)

Personell Manager: *I'm afraid you're too old for the job!*

Applicant: *What do you mean? "too old for the job?" I'm twenty-three.* (A. Buchwald)

— **тактика эмоциональной поддержки адресанта:**

Пьяный профессор жалуется случайной встречной на жизнь, та его приободряет:

Drunk: *I'm a failure, a poor failure.*

Grace: *Cheer up, mister. Nothing is ever as bad as it seems.* (W. Inge)

Лесть Глумова вызывает активное одобрение его дядюшки:

Глумов: *Чтоб со стороны не подумали чего дурного /.../.*

Мамаев: *Вот, вот, вот! Дело, дело!* (А. Н. Островский)

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о распространенности идиоматических выражений в качестве ответных реплик в диалогическом дискурсе и о разнообразии выражаемых с помощью данных языковых единиц эмоций. Они помогают диалогу реализовать свои типологические особенности в понимании М. М. Бахтина: «Диалогические отношения не сводимы к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые *сами по себе* лишены диалогического момента. Они должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов, чтобы между ними могли возникнуть диалогические отношения» (см. [Бахтин 1979]), тем самым стать диалоговыми шагами, направленными на наиболее полную передачу информации и выражение интенций, т. е. побуждать собеседника к некоему действию.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапова 2003 — Агапова С. Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи: Дисс. д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Бахтин 1979 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Воробьева 2004 — Воробьева О. П. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный этюд // Язык и транснациональные проблемы. М.; Тамбов, 2004.
- Заботкина 1991 — Заботкина В. И. Семантика и прагматика нового слова (на материале английского слова): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.

- Иссерс 2002 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
- Карцевский 1984 — *Карцевский С.* Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. № 6.
- Кубрякова 2006 — *Кубрякова Е. С.* Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2006.
- Медведева, Медведева 1992 — *Медведева Л. М., Медведева Н. Ю.* Англо-українсько-російський словник усталених виразів. К., 1992.
- Саушева 2005 — *Саушева Е. В.* Образ социального статуса коммуниканта в диалоговом дискурсе (на материале английского и русского языков): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 2005.
- Скачкова 2006 — *Скачкова И. И.* Междометные референции к категориальным эмоциональным ситуациям (на материале английской и русской художественной коммуникации): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Шаховский 2001 — *Шаховский В. И.* Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.
- Kövecses 2002 — *Kövecses Z.* Emotion concepts: social constructionism and cognitive linguistics // *The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives.* L., 2002.

М. В. Ляпон

ИНТЕРВЬЮ КАК ДИАЛОГ «ПО СЦЕНАРИЮ»

(Загадки когнитивного метода И. Бродского)

«Сам Бродский относился к этому жанру [интервью] как к довольно низкой форме лингвистической активности, но вынужден был давать их десятками».

В. Полухина

«Язык возглавляет иерархию антропологических ценностей у Бродского».

Л. Лосев

Мы говорим об интервью¹ как о специфическом виде коммуникации, о диалоге особого жанра, или «формата»; это разговор, предназначенный для широкого оповещения. В этом смысле интервью — жанр целе содержащий. Для филолога текст интервью представляет интерес, прежде всего, как источник для анализа индивидуальных стратегий собеседников, для опознания личного кода говорящего, изучения стиля его мышления (его «идиомы»). Психологическая реальность в ситуации интервью интимно встраивается в то, что мы называем «форматом жанра», и ментальная тактика индивида (участника беседы — интервьюируемого и ведущего) перекрывает по своей значимости условности жанра.

---

¹ Привожу дефиниции этого слова в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина: 1. Предназначенная для распространения в средствах массовой информации беседа с каким-н. лицом в форме вопросов и ответов на актуальные темы. *Дать и. корреспонденту. Взять и.* 2. В социологии: беседа (в форме вопросов и ответов) по заранее намеченной программе со специально или случайно выбранными представителями данного социума с теми или иными научными целями. *Провести и. Обобщить результаты и.*

Опубликованное интервью (в отличие, например, от такого вида коммуникации, как дружеская беседа) обретает реального читателя — третье лицо, которое оказывается не просто потребителем текста, но может оценивать результаты своеобразного состязания собеседников, анализировать, насколько успешно проиграны роли в диалоге «по сценарию». Объектом рефлексии читателя и критика может стать не собственно содержательная сторона сказанного, а тактики собеседников, ломающие запланированный сценарий.

Интервью, являясь частным случаем диалога, содержат информацию о некоторых глубинных свойствах диалога². Моя задача — в первую очередь обратить внимание на те фрагменты интервью Бродского, где он прямо «откликается» на вопросы, обсуждаемые на нашей конференции, как бы включается в наш диалог о «Диалоге».

1. Интервью как самоидентификация. Изучая когнитивную стратегию И. Бродского, филолог в поисках личных кодов данного автора как будто получает возможность сравнить прямую самоидентификацию, вынуждаемую «форматом» интервью, с тем автопортретом, который он конструирует как творческая личность (с помощью маски, двойников, антиподов, метафоры и других форм иносказания собственного «я»). Однако в ответах интервьюируемого Бродского, называющего себя кальвинистом³ и склонного к самоцензуре, не следует искать автопортрета, который отражает подлинный масштаб его личности, с адекватной духовной полнотой. «В стихах, где лирическая личность попадает в зависимость от многих объективных факторов (структура стихотворения, его тема, образная система и т. д.), — как справедливо отмечает В. Полухина, — она неизменно превосходит величиной автора. В интервью же, будучи освобожден-

---

² В «Русском семантическом словаре» у слова *диалог* выделено пять значений: 1. Разговор между двумя или несколькими собеседниками, обмен репликами. *Вести д. Сценический д.* [РСС 2003, III: 287]; 2. *перен.* Совместное официальное обсуждение какого-н. вопроса, переговоры между двумя сторонами. *Политический д. Конструктивный д.* [РСС 2003, III: 305]; 3. В драматическом, а также вообще в литературном произведении: Часть текста, воспроизводящая разговор двух персонажей. *Сценический д.* [РСС 2003, III: 441]; 4. Литературное произведение, обычно философско-публицистического содержания, построенное в форме беседы, спора двух или более персонажей; самый жанр таких произведений. *«Диалоги» Платона* [РСС 2003, III: 443]; 5. Двусторонний обмен информацией между человеком и ЭВМ в форме вопросов и ответов [РСС 2003, III: 310].

³ «В том смысле, что ты сам себе судья и сам судишь себя суровее, чем Всемогущий» [Полухина 2000: 679].

ной от поэтики стихотворного жанра, «я» меньше автора, оно только часть его» [Полухина 2000: 685].

Слова И. Бродского, что «интервью, как и биография, — последний бастион реализма» [Полухина 2000: 678], могут быть истолкованы превратно: будто интервью — самый надежный источник, способный дать наиболее достоверный и информативный портрет авторской личности. Бродский, как отмечают многие исследователи и подчеркивает он сам, избегает формы первого лица, всячески уклоняется от самооценок.

«Первое, что обращает на себя внимание в отношении Бродского к самому себе, — пишет В. Полухина, — это тот факт, что в интервью, как и в стихах, Бродский пытается поставить в центр свое творчество, любую абстрактную идею, только не свою личность. Категорически отказывается определять себя как на бумаге, так и устно. <...> Но жанр интервью обязывает его сказать о себе больше того, что о нем хотят знать другие» [Полухина 2000: 679].

Как видим, вопрос о том, насколько достоверной и полной является информация, получаемая читателем интервью об авторской личности, — не имеет однозначного ответа.

2. Диалог «С. Волков — И. Бродский». Эта неоднозначность не снимается цитируемым ниже рассуждением Я. Гордина (из его предисловия к книге С. Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским»). Проводя аналогию между книгой «Разговоры с Гёте» Иогана Петера Эккермана и книгой С. Волкова, Я. Гордин подчеркивает, что у Эккермана «перед читателем образ всего лишь эккермановского Гете. <...> “Диалоги с Бродским” — явление принципиально иного характера. Наличие магнитофона исключает фактор даже непредумышленной интерпретации. Перед читателем не *волковский* Бродский, но Бродский как таковой. Ответственность за все сказанное — на нем самом» [Волков 2000: 6]. «Разговоры Волкова с Бродским, отличающиеся высоким качеством содержания, выпадают из остальных интервью по той простой причине, что они записывались на протяжении нескольких лет, долго и тщательно “монтировались” и редактировались», — пишет В. Полухина, предполагая, что С. Волков пытался «достигнуть иллюзии разговора равных» [Полухина 2000: 676]⁴.

⁴ Книга С. Волкова содержит огромный массив фактического материала, адресованного исследователям творчества Бродского. В своем предисловии С. Волков пишет: «Начальным импульсом для книги “Диалоги с Иосифом Бродским” стали лекции, читанные поэтом в Колумбийском университете (Нью-Йорк) осенью 1978 года. Он комментировал тогда для аме-

Если сравнить два значения слова *интервьюер*, выделенные в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина⁵, то С. Волков, издавший книгу «Беседы с Иосифом Бродским», — скорее *интервьюер 2*, т. е. именно «специалист, осуществляющий» интервью.

Книгу диалогов «С. Волков — И. Бродский» предваряют эпиграфы, которые сразу настраивают критика на персоналистический подход к собеседникам, на поиск индивидуальных стратегий, отражаемых в тексте интервью, оставляя в стороне вопрос об особенностях жанра: (1) «Как удастся Соломону Волкову дирижировать беседой с этим независимым и резким человеком, как он умудрится переводить разговор на темы, которые интересуют его и читателя, как он решается возражать и противоречить Бродскому, чего маэстро очень не любит, — ума не приложу» (Сергей Довлатов); (2) «Душевная щедрость Бродского яснее всего проявляется в его разговоре об Ахматовой с Соломоном Волковым... Это — глубочайшее из сказанного Бродским об Ахматовой и, быть может, самое глубокое из сказанного о творческом процессе кем бы то ни было когда было то ни было» (Чеслав Милош).

Эти два соположенных высказывания — тоже своего рода диалог, обсуждение характера Бродского, в личности которого совмещаются противоречивые черты. Заметим, что С. Довлатов риторически намекает на психологическую проницательность С. Волкова, которому явно удастся затронуть «струнки», гарантирующие неформальный отклик Бродского на многие вопросы. Волкову хорошо удается роль «интеллектуального провокатора»⁶ тогда, когда его вопросы

риканских студентов своих любимых поэтов: Цветаеву, Ахматову, Роберта Фроста, У. Х. Одена.

Эти лекции меня ошеломили. Как это случается, страстно захотелось поделиться своими впечатлениями с возможно большей аудиторией. У меня возникла идея книги «разговоров», которую я и предложил Бродскому. Он сразу же ответил согласием. Так началась многолетняя, потребовавшая времени и сил работа. Результатом ее явился объемистый манускрипт. В нем, кроме глав, посвященных вышеназванным поэтам, большое место заняли автобиографические разделы: воспоминания о детстве и юности в Ленинграде, о «процессе Бродского», ссылке на Север и последующем изгнании на Запад, о жизни в Нью-Йорке, путешествиях и т. д.» [Волков 2000: 13].

⁵ Интервьюер 1. Тот, кто берет интервью. 2. Специалист, осуществляющий интервью 2 [Крысин 1998].

⁶ «Волков отнюдь не ограничивает себя функцией включения и исключения магнитофона. Он искусно направляет разговор, не влияя при этом на характер сказанного собеседником. Его задача — определить круг стратегических тем, а внутри каждой темы он отводит себе роль интеллектуального провокатора» [Гордин 2000: 6]; выделено мной. — М. Ляпон.

глубоко затрагивают рефлексивные слои мысли своего собеседника, эмоциональную сферу, а также сокровенные этические императивы, которыми руководствуется Бродский. Но даже при наличии этического унисона интервью может оставаться психологической игрой, состязанием риторических стратегий. Признак «жанр целесодержащий» предполагает, что у собеседников разные цели.

* * *

Вопрос С. Довлатова («Как удастся Соломону Волкову дирижировать беседой с этим независимым и резким человеком <...>? и т. д.») заставляет задуматься о секретах успеха интервью как коммуникативного события, об используемых в беседе стратегемах, объясняющих аналогию этого вида словесного общения с игрой, состязанием двух тактических установок. Успех С. Волкова (как инициатора и «режиссера»), очевидно, объясняется, во-первых, его склонностью к провокации со знаком «плюс»: ему удастся вывести интервьюируемого собеседника на темы, представляющие для Бродского смысл его существования; такой темой является, например, любимый тезис Бродского: «писатель — слуга языка»).

В диалоге «Волков — Бродский», во-вторых (и это, безусловно, создавало благоприятную атмосферу и способствовало творческому результату), явно ощущается некий этический унисон (то, что отчасти передается идиомой «найти общий язык»). Например, здесь целая глава посвящается теме «Перечитывая ахматовские письма»⁷. Запись разговора занимает около печатного листа. Отвечая на вопросы об Ахматовой, Бродский заметно перестраивается и снисходит к ведущему, кем бы этот человек ни был. Бродский как бы меняет стилистический регистр. Это наблюдение можно подтвердить, если сравнить реакцию на вопрос об Ахматовой в другой ситуации, принципиально отличной от диалогов с Волковым (в аудитории — студенты, перед которыми Бродский только что выступал, а ведущий интервью не претендует на роль оппонента⁸). Это был один из тех случаев, когда Бродский, шокированный самой постановкой вопроса, был готов отказаться отвечать; привожу отрывок:

⁷ Речь идет о трех письмах, адресованных Бродскому в ссылку (1964 г., 1965 г. и позднее).

⁸ Цитируется интервью 1978 г. после выступления Бродского в университете Айовы (подготовил текст Джалил Хэнлон; перевод Павла Каминского).

«— Можно вас попросить вспомнить что-нибудь об Ахматовой? Как она выглядела?

— Жестоко такое просить. Об этом можно много говорить <...> Что я могу сказать? Ну хорошо, если коротко, в двух словах ⁹... Не знаю... Ладно, она была невероятно высока... [Смех.] Мой рост — метр семьдесят восемь <...> по российским меркам вполне достаточно. Ну так вот, я никогда не испытывал никаких комплексов относительно собственного роста, кроме случаев, когда я находился рядом с ней, потому что она была невероятно высока. Когда я смотрел на нее, то понимал, почему время от времени Россией управляли императрицы. Она выглядела, если хотите, как императрица. <...> Она была чрезвычайно остроумна. Еще один момент. Каждый, кому повезло общаться с ней, поражался ее невероятной способности вынести все то, что на нее обрушилось. Речь идет не о христианских нравоучениях. Знакомство с нею и с историей ее жизни само по себе могло уже дать определенные представления о христианстве <...> [Здесь Бродский, не желая драматизировать, переводит разговор в шуточный регистр:] Она часто говаривала, что метафизика и сплетни — единственно интересные темы. [Смех.]

— Она когда-нибудь говорила — сплетничая или метафизически — о Мандельштаме?

— Она [Ахматова] любила говорить, что Надежда [Мандельштам], его жена, несомненно, самая счастливая из всех литературных вдов. [Смех.] Потому что неисчислимое множество очень хороших людей, писателей и поэтов, было уничтожено, ко многим из них пришло признание. В случае же с Мандельштамом — это было не просто признание, это была всемирная слава» [Бродский 2000: 44–45].

В поведении Бродского в подобных ситуациях прочитывается этический подтекст: он не мог заговорить непохоже на себя или отка-

---

⁹ Одно упоминание имени Ахматовой вызывало у Бродского развернутую рефлексию.

Ограничусь одним отрывком из эссе Бродского «Муза плача» (1982 г.). Бродский рассуждает здесь об изоморфизме псевдонима и творческой сущности Анны Ахматовой. «Так или иначе пять открытых “а” Анны Ахматовой обладали гипнотическим эффектом и естественно поместили имени этого обладательницу в начале алфавита русской поэзии. В каком-то смысле это имя оказалось ее первой удачной строчкой, запоминающейся тотчас своею акустической неизбежностью, — с этими “ах”, оправданными не столько сентиментальностью, сколько историей. Строчка эта свидетельствовала о неординарной интуиции и качестве слуха семнадцатилетней девушки <...> Как бы предваряя идею личности, возникающую от совпадения звука со временем, псевдоним обернулся пророчеством» [Бродский 2001, V: 28–29].

заться отвечать, даже если вопрос казался ему некорректно оформленным. Его реакция здесь неподдельна, хотя в ней трудно узнать Бродского-аналитика, обладателя неукротимого темперамента, атакующего неопровержимыми аргументами.

3. «Разматывание словесного клубка». «Горбунов и Горчаков».

Интервью самого Бродского (как и «мета-интервью» его современников) содержат ценные подсказки «из первых рук», помогающие исследователям адекватно истолковать замысел отдельных произведений, а также понять ключевые принципы его поэтического мышления. В одном из своих интервью (1980 г.) Бродский, подробно анализируя психологический подтекст стихотворения «Горбунов и Горчаков», «открывает» для себя свойство диалога, которое только на первый взгляд может показаться избитой истиной; он пишет: «Эти персонажи не могли иметь ничего, что бы сказать друг другу. И тем не менее мы знаем природу разговора, он всегда затягивается. Он всегда возобновляется — как крикет — на той же ноте, на какой прекратился накануне. Это одно из пугающих свойств диалога¹⁰. И я пытался подражать этим свойствам...

Я могу долго говорить об этом стихотворении, просто потому что оно — одна из самых серьезных вещей, которые я сделал за свою жизнь. Не думаю, что когда-нибудь смогу сделать что-то еще такого же масштаба <...> В этих стихах виден один из главных приемов: делается следующий шаг, который представляется а) невозможным и б) даже ненужным. Может быть, это не главный мой прием, но это то, за что я себя уважаю... Жаль, что перевод этих стихов никакой. Я вычеркнул его из книги» [Бродский 2000: 58].

Этот монолог Бродского — впрочем, как многие другие его высказывания о себе — звучит как исповедь, не вызывая сомнения в

¹⁰ По-видимому, эти «пугающие» свойства речи имеет в виду и Лидия Гинзбург, размышляя о манере письма, «при которой слово раскатывается словами и не может остановиться. Слова истекают из слов, и так до бесконечности, до каких-то первичных слов, давно потерявших связь с реальностью. Это система смысловых производных, слишком ленивых для того, чтобы пробиться дальше близлежащего слоя понимания.

Между тем новое понимание действительности возможно только, когда каждая словесная формулировка добывается из нового опыта; не как разматывание неукротимого словесного клубка, но как очередное отношение к вещи. И о любой вещи спрашивают — что она, собственно, такое? Непрерывно возобновляемое в писательском опыте соизмерение слов и реальностей» [Гинзбург 1987: 244] (выделено мной. — М. Ляпон).

искренности. «Бродский, который в поздние годы скептически оценивал свое творчество начального периода, — пишет Л. Лосев, — и через двадцать лет после завершения вспоминал “Горбунова и Горчакова” как исключительно серьезное сочинение» [Лосев 2006: 140].

В этом стихотворении Бродский сосредоточивает внимание на таких свойствах Диалога, которые кажутся тривиальными, а на самом деле заключают в себе универсальные и неотъемлемые характеристики этого феномена. Диалог в изображении Бродского предстает как «мировой симпозиум». В многоголосом хоре сливаются инерция неукротимого словоизвержения, энергия неиссякаемого смыслозидания и стихия невысказанного.

В то же время мы наблюдаем здесь персонификацию Диалога: Бродский находит экстравагантный прием, превращая перфект *сказал* в склоняемую именную форму. Ниже привожу отрывки из главы V («Песня о третьем лице»).

«И он ему сказал». «И он связал
и свой сказал, и тот, чей отзвук замер» [II: 262]

<...>

«И вот *его* сказал уткнулся в берег» [II: 263]

<...>

«И он сказал». «А он сказал в ответ»
«сказал исчез». Сказал пришел к перрону»

«И он сказал

«Но раз сказал — предмет,
то как же относиться должно к он'у»

<...>

«Сидит судья; очки его без стекол»

<...>

«Он кто ему?» «Да он ему — сказал»,

«И это грандиознее, чем свекор».

<...>

«Огромный дом. Слепые этажи.

Два лика, побледневшие от вони».

«Они не здесь». «А где они, скажи?»

«Где? В он — ему — сказал'е или в он'е».

«Огромный дом. Фигуры у окна.

И гомон, как под сводами вокзала.

Когда здесь наступает тишина?»

«Лишь в промежутках он — ему — сказал'а»

«Сказала», знаешь, требует «она».

<...>

«Так, значит, тут страшатся тишины?»

«Да нет; как обстоятельствами места

и времени, *все объединены**сказал'ом, наподобие инцеста»*

[II: 264]

Речь подобна живому существу, наделенному инстинктом самосохранения и самовоспроизводства. Бродский остроумно изображает здесь каркас идеального диалога, подчеркивая его неотъемлемую многоголосость и разноголосость. Глава «Разговор о третьем лице» — иллюстрация диалога-архетипа. Подобную «модель» Бахтин находит у Достоевского; ср.: «Повсюду — *пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев. Повсюду — определенная совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному»* [Бахтин 1986: 196].

У Бродского, как и у Бахтина, *диалог* явно претендует на философу, на некий абсолют, означающий тотальное общение между собой всего сущего в мире. Неотъемлемая составляющая этого глобального Диалога («мирового симпозиума») — встреча смыслов; эта коннотация просматривается всегда — как вечный «надтекст», или супер-смысл речи. Диалог не имеет антипода, поскольку монолог так или иначе предполагает собеседника. Эта идея лежит в основе замысла стихотворения «Горбунов и Горчаков». По мнению Л. Лосева (одного из самых компетентных исследователей творчества Бродского), «Горбунов и Горчаков» является «развернутой иллюстрацией к учению Бахтина о диалогизме, в особенности, о невозможности в художественном творчестве “безобъектного, одноголосого слова”» [Лосев 2006: 144]¹¹. «Я однажды спросил Бродского, — пишет Л. Лосев, — читал ли он Бахтина, Бродский ответил: “Просматривал книгу о Достоевском, понравились цитаты” (из Достоевского). Прямого влияния Бахтина здесь нет, но витавшие в воздухе идеи диалогизма, в особенности о невозможности быть *собой* без живого общения с *другими*, в поэме отразились.

...чувствую, что я

тогда лишь есмь, когда есть собеседник! —

говорит Горчаков в восьмой главе» [Лосев 2006: 144].

«Бродский такой же диалогический поэт, — читаем в интервью Ло-

¹¹ Развернутый анализ этого стихотворения дан Л. Лосевым в его книге «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии».

сева, — как Достоевский — прозаик. Бродский как поэтическая персона, как авторский голос, в собственных стихах удивительно однороден с какими-то героями Достоевского <...>» [Полухина 2006, I: 149].

Горбунов и Горчаков в этом стихотворении — две ипостаси одной личности: «Я в мае родился, под Близнецами»¹², — говорит Горбунов (гл. VII) [выделено мною. — *М. Япон*]. И в том же месте сказано, что Горчаков родился под знаком Овна (в марте, т. е. на 2–3 месяца раньше Горбунова). За шутливыми астрологическими объяснениями характеров Горбунова и Горчакова скрывается важная информация: эти два персонажа — одно и то же человеческое существо, а разница во времени их рождения — это намек на разные стадии внутриутробного развития этого существа: по данным эмбриологии, «человеческий мозг начинает оформляться за три месяца до рождения» [Лосев 2006: 142]. «Именно на речевую, а стало быть, и мыслительную функцию Горбунова в поэме указывается не раз <...> Как правило, Горчаков задает вопросы, а ответы, разъяснения дает Горбунов <...> Когда повыше — это Горбунов, / а где пониже — голос Горчакова» [Лосев 2006: 142]. Стихотворение «Горбунов и Горчаков» — развернутая рефлексема Бродского о *диалоге*, о «вездесущности» этого феномена и его парадоксах.

4. В. Набоков как «гигантская рифма». Над первичным *диалогом* у Бродского выстраивается цепь абстрактных иносказаний, сохраняющих исходные элементы. Семантический минимум, порождающий образ *Диалога* и необходимый для реконструкции самой примитивной его схемы: *эхо* — *дуэт* — *отзвук* — *переключка* — *многоголошие* — *хор*. Эти элементы, с одной стороны, мотивируют виртуальную метафору (и «метаметафору»), с другой — обнажают *диалогизм* (парность, внутреннюю дихотомию) у таких сущностей, которые ничего общего не имеют с *диалогом* (в буквальном смысле слова). Бродский пытается убедить нас в том, что словом *диалог* можно обозначить двойственность всего сущего на земле. Он стимулирует поиск смысловых исходов, открывающих для этого словесного знака широкое поле новых осмыслений. *Диалог* претендует на символ, означающий *двойственность*, *амбивалентность* как таковую. Эта роль стирает границу между исходным и производными значениями *диалога*, ощущается как стойкий инвариант, объединяющий, например, два поля: «Речь, обмен информацией» и «Литературные жанры».

Бродский — апологет рифмы, в ней «он видел самое интимное свидетельство о поэте, неподдельный — оттого что бессознатель-

¹² Бродский родился 24 мая.

ный — отпечаток авторской личности» [Генис 1998: 12]. Рифма — это своего рода запрограммированное ожидание, она имитирует нашу потребность повтора; это «половинка», требующая отклика своей пары, гарантия нерушимости целого, «единомыслие» строк.

В одном из интервью Бродского спросили о Набокове: «Набоков ушел в прозу, вы в стихи. Есть ли что-то общее между вами <...>?» <...> «В своих собственных глазах Набоков, — отвечает Бродский, — был поэтом. И он хотел доказать окружающим, что он в первую очередь поэт. Он не понимал, что если он и поэт, то отнюдь не великий. В этом смысле его встреча с Ходасевичем была чрезвычайно знаменательной — трагической, если хотите, но это была единственная крупная трагедия Набокова. Встретив Ходасевича, Набоков понял разницу между собой и подлинным поэтом <...> хотя и после этого он упорно продолжал писать стихи. В нем это глубоко сидело — быть поэтом. Настолько, что вся его проза строится на двоякости: возьмите все эти раздвоения личности, всех этих близнецов, отражения в зеркале, бесконечные подмены и т. д. В конечном итоге... я думал об этом, и вдруг меня озарило: у Набокова *все построено по принципу рифмы* ¹³. Вот в чем дело. Ничего подобного со мной не случилось, потому что у меня не те амбиции и не те радости в жизни ¹⁴. Если в

¹³ Тема «изоморфизм рифмы и личности Набокова» в кратком варианте повторяется в книге С. Волкова: «*Волков: Помните, вы как-то говорили мне, что воспринимаете всю жизнь и творчество Набокова как некую гигантскую рифму. То есть внутренне рифмуются две его “Лолиты” — русская и англоязычная, два варианта его мемуарной книги, еще шире — его русские и англоязычные романы, и даже то, что Набоков писал и прозу, и стихи. И объясняли вы это тем, что Набоков всю жизнь хотел быть именно поэтом, хотя стихи у него, как мы знаем, не очень-то, с прозой не сравнить. Вот он бессознательно и зарифмовал все свое существование. И отсюда же — столь любимая Набоковым литературная фигура двойника.*

Бродский: Да, принцип рифмы пронизывает все творчество Набокова. И тут, противореча себе, я мог бы сказать, что в этом нетрудно усмотреть влияние Петербурга, поскольку именно в родном городе идея отражения всегда была, натуральным образом, чрезвычайно сильна» [Волков 2000: 291].

¹⁴ Рабская зависимость поэта от своего призвания была реальностью, альтернативным существованием, психологической гарантией от рабства физического. В книге «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии» Л. Лосев вспоминает: «Бродский рассказывал мне, как 18 января 1964 года работал за письменным столом, пользуясь вечером тишины — родители ушли куда-то. Вдруг ввалились милиционеры и стали грозить, что, если он в три дня не устроится на работу, ему будет худо. “Я что-то им отвечал, но все время маячила мысль, что надо кончить стихотворение”. Стихотворение, законченное после ухода милиционеров, было о садовнике, который

том, что я делаю, и есть какая-то система, то я понимаю ее только задним умом. Моя жизнь кажется мне довольно произвольным или полупроизвольным стечением обстоятельств. Я никогда не знаю, что буду делать дальше <...> С технической точки зрения поэт похож на птичку, которая чирикает, — в отличие от романиста, который работает в совершенно другом режиме <...> так что на вопрос “Когда вы пишете?” он всегда может дать точный ответ <...>» [Бродский 2000: 547–548].

Бродский — искатель трудностей. Эта психологическая подробность его личности — неопровержимый довод его внутренней близости с Цветаевой («Мой инстинкт, — говорит Цветаева, — всегда и во всем ищет преграды, — в жизни, как и в стихах»). Но, в отличие от Цветаевой, свою авторефлексию он редко выносит на обсуждение с читателем.

5. «Мы никогда не спорили». Вопрос о том, насколько интервью является источником достаточно достоверным для реконструкции психологического портрета автора, требует дальнейших разысканий и дифференцированного подхода к разным текстам и собеседникам Бродского.

В мемуарах о Бродском привлекает внимание один фрагмент, в котором Бродский предстает как антипод самого себя — во всяком случае, это не Бродский в состоянии полемики, поражающий напором¹⁵ неотразимых аргументов.

раскрывает ножницы в кроне дерева, как птица клюв <...>» [Лосев 2006: 87–88; Бродский 2001, II: 7].

¹⁵ Приведу характеристику поведения Бродского в ситуации диалога, данную непосредственным наблюдателем: «Частную беседу, особенно если она требовала долгого монолога, Бродский вел с таким напряжением, что его собеседника бросало в пот <...> Свойственная поэзии Бродского бескомпромиссность в разговоре отзывалась непредсказуемым разворотом мысли <...> Бродский обгонял собеседника на целый круг» [Александр Генис. Бродский в Америке // Сб. С. 11–12]. Аналогичное впечатление производит Бродский в ситуации полемики. Разговор о его вербальной активности передан в тексте интервью с Александром Сумеркиным (ноябрь 2003 г.): «— Иосиф мог часами говорить, оставаясь на высоком уровне, никогда не повторяясь. Доводилось ли вам присутствовать при подобных монологах? — Всякий раз, когда речь заходила о каких-то вещах, действительно для него важных, он был способен развивать совершенно невероятное ускорение, совершать такой взлет, как самолет, когда отрывается от земли. И иногда мне было трудно, с моими скромными способностями, следить за такими его взлетами» [Полухина 2006, II: 192–193].

Отвечая на вопрос, «*каким Бродский был гостем?*», его друг и переводчик Виктор Гольшев говорит: « — Замечательным, легким гостем <...> с ним никогда не было скучно или затруднительно <...> Мы никогда не спорили — спор возникает, когда люди задерживаются на одном определенном уровне рассуждений. Он всегда имел в виду более высокий или общий уровень, над конкретной темой, а за ним еще один и т. д. Поэтому спорный вопрос снимался. “Малых правд пустая пря”, как сказал Ходасевич, его не увлекала»¹⁶ [выделено мною. — М. Ляпон].

Отрывок из интервью В. Гольшева интересен во многих отношениях. «Пря» (Ходасевича) напоминает нам об объеме лексического множества «речь, информация» в русском языке¹⁷, убеждая в том, что лексема «диалог» утверждает себя в этом множестве (множестве — в буквальном смысле слова) как знак, максимально приспособленный к выражению идеи коммуникации в ее обнаженном виде; *диалог* — семантический примитив уже по своей внутренней форме. Фраза Гольшева «мы никогда не спорили» касается этики взаимоотношений между Языком и его потребителем: слово «пря»¹⁸ включает в себе упрек за неуважение к Слову как высшей духовной ценности; «пря» — синоним «словоблудия», пререкательства, недостойного истинного оратора и неуместного в публичной коммуникации¹⁹.

Наблюдение В. Гольшева содержит информацию не только о том, как Бродский относился к феномену «спор», но и улавливает ключевую черту ментальной стратегии Бродского-аналитика: его страсть к восхождению на предельно высокий уровень абстракции, моментальный взлет его мысли к постижению супер-смысла.

* * *

Интервью (устное или записанное) — объект интегративный, тесно связанный со сферой дискурсивных практик и с психологией обще-

¹⁶ Из интервью (сентябрь 2004, Москва); — см.: [Полухина 2006, II: 168].

¹⁷ Лексический класс «Именования. Информация. Речь», представленный в «Русском семантическом словаре», содержит около 1100 единиц, сгруппированных в соответствии с разными критериями оценки речи: содержательными и относящимися к стилю, звучанию и оформлению.

¹⁸ «**пря** I «раздор, ссора, тяжба» <...> Связано с *преть* II, *спор*, *переть* <...> Ср. *распря*» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. III, с. 392. [2000, III: 305–313]).

¹⁹ См. лексический массив: «Информация, речь, прикрепленная к официальной или специальной сфере» [РСС III, 2003: 279–313].

ния, а именно эта **интегративность** делает проблему *интервью* привлекательной для когнитологов, изучающих стили мышления.

Интервью Бродского — замечательный источник для изучения стилистики антидогматического мышления. В монологе, который Бродский был способен вести часами, не повторяясь, в первую очередь бросается в глаза креативность его интеллекта, «э в р и с т и ч е с к а я м а к р о и н т е н ц и я» — признак, отмечаемый как специфический для жанра интервью [Карасик 2007: 348]²⁰. Что касается внимания Бродского к правилам игры (к условностям жанра), то здесь его современники отмечают уважение к собеседнику и такт, свидетельствующий о внутренней культуре и талантливой интуиции. Свойственный его стилю напор аргументов и непредсказуемый разворот мысли не отменяли тех этических норм, которым Бродский подсознательно подчинял в ситуации публичного выступления свою поведенческую тактику.

Интервью Бродского, прочитываемые как целостный контекст, убеждают в том, что ему тесно в рамках жанра: интервью воспринимаются как органическая часть его творчества. Интервью Бродского (на равных правах с его эссе, автобиографической прозой и поэтическим текстом) стимулируют поиск смысловых исходов феномена «Диалог» и помогают выявить изоморфизм *Диалога* и других абстракций.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
Бродский 2000 — *Иосиф Бродский.* Большая книга интервью. М., 2000.
Бродский 2001 — Сочинения Иосифа Бродского, т. I–VII. СПб.: Пушкинский дом, 2001.
Волков 2000 — *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
Генис 1998 — *Генис А.* Бродский в Америке // И. Бродский: творчество, личность, судьба. СПб., 1998.
Гинзбург 1987 — *Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности. М., 1987.
Гордин 2000 — *Гордин Я.* Своя версия прошлого // С. Волков. Диалоги с И. Бродским. М., 2000.

---

²⁰ При персоналистическом подходе к авторскому дискурсу этот признак может быть осмыслен иначе — как доминанта идиостиля, характерная черта интроверта мыслительного типа, выделяемого К. Г. Юнгом в его классификации психологических типов.

Карасик 2007 — *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.

Лосев 2006 — *Лосев Л.* Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2006.

Полухина 2000 — *Полухина В.* Портрет поэта в его интервью // Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.

Полухина 2006 — *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. Кн. I (1987–1992); кн. II (1996–2005). СПб., 2006.

Н. Г. Мед

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ

(На материале испанской разговорной речи)

Одной из особенностей разговорного синтаксиса является отсутствие предварительного речевого планирования, что влияет на его грамматическое построение, характеризующееся нагромождением высказываний, дроблением информации, обилием сбоев, корректировок, нарушением привычных синтаксических связей.

Речевые (дискурсивные) слова в испанской лингвистике изучались с различных позиций. Еще В. Байнхауэр писал об эксплетивных словах, лишенных конкретного значения, так называемых словах-паразитах, отвечающих принципу удобства (*comodines*) и широко используемых в испанской разговорной речи (*pues, vamos, digamos, esto, y tal, y todo, etc.*) [Weinhauer 1991: 410–419]. В рамках традиционной описательной грамматики С. Хили-и-Гайа отметил существование таких элементов связи между предложениями, как *enlaces extraoracionales*. Некоторые из них являются семантически опустошенными и могут превращаться в слова-опоры (*muletillas*), на которые опирается говорящий в поисках выхода из речевого затруднения: исп. *pues, pues entonces, entonces*; франц. *alors... et alors*; англ. *now... now... and now, well... well* [Gili y Gaya 1968: 326]. Х. Алсина и Х. М. Блекуа выделяют так называемые «организаторы речи» (*ordenadores del discurso*), лишенные предикативной функции, которые «уточняют или противопоставляют данное значение или же устанавливают порядок, отношение между предложением и тем, что предваряет его или следует за ним в речи» [Alcina, Blecua 1975: 869–886].

С позиции лингвистики текста речевые слова рассматриваются как элементы, связывающие части дискурса и обеспечивающие его когезию. М. Касадо Веларде [Casado Velarde 1997] определяет их как текстовые маркеры (*marcadores textuales*), устанавливающие такие типы текстуальных отношений, как продолжение (*ahora bien, pues bien*), прибавление (*además, asimismo, encima, aparte, por otra parte*),

перечисление (*luego, después, por fin*), противопоставление (*en cambio, sin embargo, por el contrario*). Схожих взглядов придерживается и К. Фуэнтес [Fuentes 1996], анализируя *relacionantes supraoracionales* и выделяя помимо прибавления и противопоставления каузацию (*entonces, pues, así pues, por lo tanto, por consiguiente, en consecuencia*), корректировку (*es decir, esto es, o sea, vamos, bueno, mejor dicho, por ejemplo*) и временную связь, либо состоящую в соотнесенности событий по времени, либо обеспечивающую хронологический порядок высказываний в речи (*en principio, ante todo, antes que nada, para empezar, enseguida, a continuación, por otra parte, bueno, pues, oye, dime, vamos, mira, digamos*).

А. М. Вигара Таусте рассматривает дискурсивные слова в аспекте общей стратегии ведения разговора с позиции «я-говорящий» и его воздействия на собеседника. Она выделяет 4 группы дискурсивных слов: 1. Формулы-заполнители (*fórmulas de relleno*), выражающие самоутверждение говорящего (*te lo digo yo, digo yo, no digo más, como te digo, como te estoy diciendo*), апелляцию к мнению собеседника (*¿lo oye?, dices tú, tú dirás, usted dirá, no me diga(s), no veas*); формулы скрытого самоутверждения (*por lo que cuentan, por lo visto, ya se sabe, todo el mundo lo dice*); 2. Разговорные стимуляторы (*estimuladores conversacionales*), включающие сенсорные и интеллектуальные императивы (*mira, vea, oye, oiga, fijate, figúrate, imagínate*), риторические вопросы (*qué sé yo, qué voy a decir, qué te voy a contar*) и формулы-задержки (*mire, vamos*); 3. Разговорные опоры и разговорные связки (*soportes conversacionales y enlaces coloquiales*) (*que, pues, pero conque, o sea, nada, total*); 4. Заполнители для имплицитного завершения высказывания (*rellenos conceptuales*), позволяющие слушающему домыслить конец высказывания (*que si tal y que si cual, y lo que sigue, y tal y tal, y tarará tarará, y todo lo que quieres*) [Vigara Tauste 1987: 41–81]. Их можно определить как стратегии подчинения, состоящие в коррекции модели мира адресата [Иссерс 2008: 109].

В рамках теории аргументации [Anscombe, Ducrot 1983] дискурсивные слова рассматриваются как единицы, представляющие собой своего рода инструкции, которые обеспечивают протекание дискурса. Х. Портолес [Portolés 1998] подразделяет их на 5 классов: 1. Информационные организаторы (*estructuradores de la información*), регулирующие организацию информации: *pues, bien, pues bien, en primer lugar, por una parte, de un lado, por lo demás, por cierto, a todo esto, etc.*; 2. Соединители (*conectores*), которые соединяют часть дискурса с предыдущей: *además, encima, por tanto, entonces, pues, en cambio, por el contrario, sin embargo, no obstante, etc.*; 3. Корректоры (*reformuladores*), оформляющие новую формулировку высказывания:

o sea, es decir, esto es, más bien, de todos modos, de cualquier manera, en suma, en conclusión, en fin, etc.; 4. Дискурсивные операторы (*operadores discursivos*), усиливающие или конкретизирующие высказывание: *en realidad, de hecho, claro, desde luego, en concreto, por ejemplo, etc.*

Маркеры контроля речевого контакта (*marcadores de control de contacto*), аргументирующие доводы говорящих: *mira, oye, hombre, mujer.*

А. Брис, анализируя дискурсивные слова или прагматические конекторы (*conectores pragmáticos*), исходит из того, что в речевой деятельности совмещаются монологическая связность в составе одного высказывания и диалогическая связность при обмене репликами. Таким образом, дискурсивные слова могут выступать и как инструкции по аргументативной деятельности собеседников, и как результат формулирующей деятельности говорящего. Поэтому все прагматические конекторы он подразделяет на два вида: аргументативные и метадискурсивные [Briz 1998: 166].

Метадискурсивные слова не восстанавливают последовательность линейных синтаксических построений, а являются своего рода тактическими приемами ведения диалога, с помощью которых говорящий строит свою речь, связывает части дискурса, свою реплику с репликой собеседника, оформляет начало (*bueno*), поддержание (*bueno, entonces, por cierto, en fin, quiero decir, más claro, en otras palabras, para precisar, como habéis dicho, digo, esto es, o sea, es decir, por así decirlo*), прерывание или завершение контакта (*en fin, total, bueno, vale, en suma*) [Briz 1998: 201–229]. С точки зрения наличия информативности они могут казаться избыточными, однако их присутствие в коммуникативной структуре диалога необходимо для облегчения контакта между собеседниками: «То, что в нарративе воспринимается как паразитические элементы, засоряющие текст, в дискурсе становится одним из основных факторов, обеспечивающих коммуникативную успешность высказывания или группы высказываний» [Гуревич 1998: 7]. Таким образом, основной целью метадискурсивных слов является обеспечение успешного развития коммуникативного процесса. Являясь семантически преобразованными единицами языка, они зачастую представляют трудности для адекватного функционального использования, поэтому анализ условий их функционирования в прагматических условиях контекста и интерпретация их значений заслуживают пристального внимания исследователей испанской разговорной речи. Испанцы отмечают, что даже прекрасно владеющие разговорной речью иностранцы не всегда знают, как правильно употреблять дискурсивные слова и какие из них являются маркерами начала, развития или завершения разговора.

Исследованный языковой материал показал, что среди метадискурсивных слов имеются слова, обслуживающие одновременно речевые тактики начала, поддержания и прерывания контакта, есть слова, оформляющие лишь начало или только поддержание или прерывание контакта, причем их речевые употребления не всегда совпадают с предложенными классификациями. Остановимся на наиболее частотных из них.

1. Начало, развитие, завершение разговора: *bueno, pues, entonces, o sea, vamos, vaya, yo qué sé.* Среди всех тактических приемов использование метадискурсивного слова *bueno* (букв. 'хороший') является самым распространенным. В начальной позиции оно может открывать коммуникативный акт или вводить новую тему в дискурс: — *Bueno, guapinas, ¿queréis dejarme el abornoz?* [Jarama: 34]; — *Súbete a desayunar con nosotras — No, no, que ya os conozco y me entretenéis mucho.* — *Bueno, y ¿qué tienes que hacer?* [Gaité: 15]. При развитии разговора часто служит средством перебивания собеседника при выражении несогласия или для выполнения функции коррекции высказывания, когда говорящий, стремясь уточнить свою мысль, переформулирует высказывание: — *En Sebastián estuvimos nosotros el año pasado. Bueno, en Zarauz, pero íbamos mucho* [Gaité: 43]. Также распространенной функцией *bueno* является заполнение пауз-хезитаций в разговоре: *¡Huy, si yo hubiese hecho una cosa así en el comedor de las monjas! Es que, bueno, es que hay que ver qué educación nos daban aquellas monjas* [Zamora Vicente: 15]. При завершении контакта, находясь в начальной позиции, вводит заключение и служит средством подведения итога всему сказанному, либо в конечной позиции заканчивает высказывание на смысловом и фонетическом уровне, часто сочетаясь с другими дискурсивными словами (*y bueno pues, bueno pues ya está, bueno pues nada, bueno vale*): — *Bueno, adiós, que es muy tarde* [Gaité: 108]; — *Es que una ha recibdo educación para señoritas. No era como ahora que...bueno* [Zamora Vicente: 13]; — *...mis telas son así, me cuestan muy caras mis telas, bueno pues nada* [C.C.: 142].

В отношении *pues* (букв. 'ведь, так, так что') следует отметить, что в начальной позиции оно как правило вводит ответную реплику и служит средством для выигрывания времени говорящим: — *Diga usted, Aniano, ¿A cómo vendrá costando una moto de esas? — Pues... Una Dekauve de este modelo, con sus cinco caballos, transmisión sin cadena, desde luego, cara...* [Jarama: 56]. При развитии разговора при помощи *pues* происходит корректировка информации, состоящая в уточнении или объяснении сказанного: — *¿Trabajaba? — Sí, señor. Ahora en el verano sí que trabaja, en la casa Ilsa, despachando en un*

puesto de helados. Esos que son al corte, ¿no sabe cuál digo? Pues éstos, en Atocha tiene el puesto, frente por frente al Nacional... [Jarama: 347]. Но наиболее характерной особенностью использования *pues* являются так называемые драматизованные рассказы (термин А. Бриса), когда говорящий повествует о каком-нибудь событии:

C: *dice mire*↓ *es de aquí de RadioValencia // la llamamos*↑ *le vamos a hacer una pregunta/si en cinco segundos/usted nos responde*↑ */gana cinco mil pesetas/claro*↓ *yo /digo pues bueno /¿le preguntamos pues pregunte* {¿!qué vas a decir!/?}

D: {claro claro}

A: *claro*↓ *lógico*

C: *me dice mire*↓ *un muñeco que sale en la tele*↓ *no se me olvidará en la- en la vida/ que es rosa y tiene muchos pinchos*↑ *¿usted sabría decirnos? ¿El nombre? Digo pues Espinete*↑ *pues ha ganado usted cinco mil pesetas* [C.C.: 247]; — *Perdone, ¿el tercero quién era? — pues ese otro chico, el que le habló usted antes, Sebastián Navarro, que es mi prometido. Conque ellos dos y yo, conque le digo no nos vayamos muy adentro...* — *se cortaba llorando* —; *no nos vayamos muy adentro, y él: no tengas miedo, Paulina... Así que estábamos juntos mi novio y una servidora y en esto: ¿ pues dónde está Luci?, la eché de menos... ¿pues no la ves allí?...* [Jarama: 347].

Так же как *pues*, *entonces* часто используется в драматизованных рассказах или в монологической речи в качестве связующего элемента между частями высказывания или темы: — *Entonces, me dice este amigo, bueno, no me dijo, sino que empezó a tocar y entonces dijo...* [S.A.: 121]. Что касается начала контакта, то по нашим наблюдениям *entonces* выполняет преимущественно функцию повторного начала или возобновления темы, занимая тем самым промежуточную позицию между ситуацией начала и развития разговора: — *La mañana es menos larga pero más tranquila. — Sí. — Entonces yo cojo mi bicicleta, me vengo para mi casa...* [S.A.: 48].

Для *o sea* (букв. 'или, то есть'), исходя из его семантики, наиболее типичным является использование в функции коррекции в разговоре: — *El padre es muy pesado... pues a la hija hay veces que la harta, o sea, a mí no, a mí por parte no* [S.A.: 237].

Степень десемантизации *o sea* существенно повышается в случаях начала высказывания (в ответных репликах):

S: *la verdad es que / llevo poco tiempo sin fumar*↓ *pero lo agradezco*

J: *o sea que empezaste*↑ // *pues// casi casi cuando se abrió el-este local*↑ [C.C.: 164]

или при заполнении пауз-хезитаций: *pues el chaval*↑ / *o sea* → *estaba estudiando EGB* [C.C.: 118].

При завершении контакта *o sea* используется либо для подведения итога сказанному выше, либо, если говорящий не знает, как закончить свою мысль, — в качестве формального завершителя высказывания: — *porque me vine del colegio, yo salí del colegio, en...; o sea no llegué a sexto* [S.A.: 206]; — *Pero es que, por lo que me estás diciendo no está establecida ninguna relación↓ ni con tus amigos↑ ni tú conmigo↑ ni tú con nadie / o sea* [C.C.: 84].

Основной функцией для дискурсивного слова *vamos* (букв. 'идем, пойдем') является коррекция разговора: *Mis padres murieron; murió mi... mi padre y al año murió mi madre. Nos quedamos los tres solos, claro, vamos, solos...con mi tía* [S.A.: 305]. Так же как и другие метадискурсивные слова, является заполнителем пауз-хезитаций: *Mi hermano está en Bélgica. Lleva ya veintitantos años en Bélgica. Allí se ha casado, tiene ya... vamos, tiene cuatro hijos* [S.A.: 317]. — *¿Conque te ha defraudado la Mely? — Hombre, es guapa, desde luego. Pero vamos. No es... —¿Qué? — No es aquello* [Jarama: 215]. Широко используется и при завершении контакта: *Vamos, eso es maravilloso Yo tengo que volver otra vez allí, vamos* [S.A.: 341].

Слово *vaya* (букв. 'идите!') также является многофункциональным, хотя наиболее частотными в нашем материале являются функции коррекции и завершения разговора: — *yo mis amigos los tenía y estaban ahí; y de momento, por una situación entre dos personas, pierden hasta los amigos; vaya, que realmente, yo no perdí* [S.A.: 128]; — *Gracias, no crea que estamos hoy... Le cogeré un cigarro, vaya* [Jarama: 58].

Yo qué sé / no sé (букв. 'откуда мне знать / не знаю') выполняет все основные тактики ведения разговора, но наиболее характерными для него представляются функции корректировки и заполнения пауз-хезитаций: — *No, pero si eso ha sido... no sé yo llevo siete años, llevamos pasando allí* [S.A.: 32]; — *La Semana Santa para mí, yo qué sé. Mi... mi mujer lo sabe que para mí la Semana Santa es yo qué sé, algo así como la feria, ¿no?* [S.A.: 56].

При начале контакта *yo qué sé / no sé* может употребляться в начале ответной реплики: — *Bueno, y ¿qué tal, para ti, lo están haciendo los del gobierno? — Pss, yo qué sé el gobierno, ¿no?* [S.A.: 209].

В качестве завершителя разговора *yo qué sé* оставляет смысл высказывания незаконченным: — *Ahora, si éste le da... la maltrata; si éste le da unas palizas, como hay muchos casos, pues si se pueden separar; pues si se pueden separar: pero, yo qué sé* [S.A.: 320].

2. Развитие разговора: *conque, en fin, es decir, digamos.* Одним из наиболее распространенных метадискурсивных слов, используемых

при развитии разговора, является *conque* (букв. 'так что, следовательно, итак, стало быть'). Обычно после паузы в разговоре служит опорой для поддержания или возобновления разговора: — *¡Allá va! ¡Saca tú ahora los trapos viejos...! Conque se me han olvidado a mí que soy el titular, y él los recuerda todavía* [Jarama: 303]. — *Ahora cuénteme, veamos lo ocurrido; siga usted.* — *Pues, nada, señor juez, conque ya vimos a la chica...* [Jarama: 342]. Как отмечают испанские исследователи [Cascón Martín 1995: 165], *conque* часто конкурирует с *así que* в диалогической речи при введении вопроса, требующего подтверждения от собеседника: — *¿Conque a pasarse el domingo en el campo, ¿no es eso?* [Jarama: 192].

Метадискурсивное слово *en fin* (букв. 'в конечном итоге') обслуживает прежде всего ситуации коррекции, уточнения сообщения: — *Aquí, en mi casa, la libertad pues... pues existe en el aspecto, en fin, existe el respeto indudable, ¿no?* [S.A.: 234]; — *más de una vez tengo que dar chillidos porque vengo cansada, en fin, tú sabes que yo trabajo muchas horas* [S.A.: 235]. В подобных случаях наблюдается его десемантизация. Так же как *entonces* и *pues*, может употребляться при построении «драматизованных рассказов», оформления монологического текста: *E: yo empecé a comerme la cabeza y /// en fin que yo fui al médico y le dije mira // en fin me da un poco de palo* [C.C.: 118].

В том, что касается *es decir* (букв. 'то есть') и *digamos* (букв. 'скажем!'), то они используются в ситуациях коррекции разговора, при уточнении или объяснении, а также как заполнители пауз-хезитаций: *Esto puede pasar en cualquier situación, es decir esto puede pasar cuando una no lo espera; En este libro, digamos en el primer capítulo, se habla mucho del dicho fenómeno (inf); No es que..digamos, no se puede hacerlo sin permiso de los demás (inf).*

3. Завершение контакта: *en fin, nada, y eso, y tal, y todo, total, ya está.* *En fin* чаще всего используется при завершении высказывания: *Usted ya no puede aprenderlo todo, pero, con esfuercillo, y si encuentra un buen medio ambiental, una sala discreta, en fin, usted me entiende, pues a lo mejor...* [Zamora Vicente: 19].

Основной функцией метадискурсивного слова *nada* (букв. 'ничто') является завершение контакта: *fuimos a Huelva a comprar muchos regalos porque este mes tenemos tres bodas de tres amigos nuestros, у... у nada* [S.A.: 148].

Метадискурсивные формулы *у eso* (букв. 'и это'), *у tal* (букв. 'и такой'), *у todo* (букв. 'и все') выполняют функцию завершения высказывания: *Te llevas como cuatro horas en la cola del pan, у... у un mogollón de gentes у eso* [S.A.: 144]; *L: nos fuimos con ellos a mi bar //*

donde tocaban también /// estuvimos allí con ellos en el bar y tal [C.C.: 105]; — *Bueno, ya me acordaré del sitio, feo y todo* [Gaité: 107].

В отношении *total* (букв. 'целый, полный') и *ya está* (букв. 'уже, все') отметим, что они употребляются в ситуациях подытоживания смысла высказывания, в качестве аргументативных заключений: *me parece que fueron mes y pico también de baja. Total, que no me pudieron echar, no me podía echar porque estaba de baja y tuve bastante problema con él* [S.A.: 22]; *Bueno, hija; si queréis me levanto, ya está* [Jarama: 29].

Н. Д. Арутюнова писала, что семиотика поведения ориентирована на существование Другого и что концепция Другого оказала большое влияние на исследования, связанные с лингвистической философией, теорией текста, с прагматикой высказывания и теорией речевых актов [Арутюнова 1998: 647–649]. Дискурсивные слова, используемые при планировании речевого поведения, способствуют оптимизации процесса вербального общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
 Гуревич 1998 — Гуревич Д. Л. Речевые слова в португальском языке. АКД. М., 1998.
 Иссерс 2008 — Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
 Alcina Franch, Blecua 1975 — Alcina Franch J., Blecua J. M. Gramática española. Barcelona, 1975.
 Anscombre y Ducrot 1994 — Anscombre J. C. y Ducrot O. La argumentación en la lengua. Madrid, 1994.
 Beinhauer 1991 — Beinhauer W. El español coloquial. Madrid, 1991.
 Briz 1998 — El español coloquial en la conversación. Esbozo de pragmatogramática. Barcelona, 1998.
 Casado Velarde 1997 — Casado Velarde M. Introducción a la gramática del texto del español. Madrid, 1997.
 Cascón Martín 1995 — Cascón Martín E. Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. Madrid, 1995.
 Fuentes 1996 — Fuentes Rodríguez C. La sintaxis de los relacionantes supraoracionales. Madrid, 1996.
 Gili y Gaya 1968 — S. Gili y Gaya. Curso superior de sintaxis española. 9-a edición. La Habana, 1968.
 Portolés 1998 — Portolés J. Marcadores del discurso. Barcelona, 1998.
 Vigar Tauste 1987 — Vigar Tauste A. M. Aspectos del español hablado. Aportaciones al estudio del español coloquial. Madrid, 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- C.C. — Briz A. (coord). La conversación coloquial (materiales para su estudio). Valencia, 1995.
- Gaite — *Martín Gaite C.* Entre visillos. Barcelona, 1998.
- Jarama — *Sánchez Ferlosio R.* El Jarama. Barcelona, 1994.
- Montalbán — *Vázquez Montalbán M.* Los pájaros de Bangkok. Barcelona, 1983.
- S.A. — Sociolingüística andaluza 4, encuesta del nivel popular. Director Vidal Lamíquiz. Sevilla, 1987.
- Zamora Vicente — *Vicente Zamora A.* El mundo puede ser nuestro. Madrid, 1976.

Н. Б. Мечковская (Минск)

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ В ЖИЗНИ, В РОМАНЕ И ДРАМЕ:
КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНВАРИАНТЫ И
СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

(На материале романов и пьес Михаила Булгакова)

The Medium is a Message
(Маршалл Мак-Люэн)

1. Семиотические различия между речевой коммуникацией в реальности (исключая Интернет) и в художественной литературе. Реальный диалог (или полилог), очный или по телефону, развивается в одной коммуникативной плоскости: его участники попеременно находятся в позиции то говорящего, то слушающего; разговор в целом соответствует коммуникативному узусу (т. е. исторически сложившимся нормам общения, тематически и социально дифференцированным), при этом развертывание реального диалога детерминируется главным образом «положением дел», т. е. денотативно.

Коммуникация, отображенная в художественном тексте, обращена к двум типам адресатов, которые находятся в разных коммуникативных плоскостях: 1) к читателю (зрителю) произведения искусства; 2) к одному из персонажей (или нескольким персонажам) художественного произведения. Для автора произведения обращение к читателю (устах персонажа, который что-то говорит другому герою) приоритетно; оно включено в более широкий и до поры (до обнаружения произведения) однонаправленный коммуникативный поток: автор, создавая произведение, обращается к читателю (зрителю), а также к критикам, к другим авторам (современникам и предшественникам), тем самым создавая интертекстуальность произведения. Поэтому однонаправленный коммуникативный вектор «автор произведения → читатель, критики, другие авторы» не только приоритетен, но и детерминирует многовекторную коммуникацию между персонажами произведения, созданную (написанную) автором. Поэтому прямая речь в художественном тексте в целом пре-

восходит повседневное устное общение по разнообразию функций и смысловой насыщенности¹.

Основные различия двух видов речевой коммуникации суммированы в таблице 1.

2. Различия между романом и пьесой в представлении прямой речи персонажей. В произведении любого жанра словесности придуманная автором прямая речь героев внешне (в своем объеме, продолжительности звучания) сжимается (по сравнению с прототипической коммуникацией в реальности), однако это не редукция, а концентрация художественных смыслов. Автор передает разговоры героев или как бы цитатно (т. е. в их прямой речи), или в авторской передаче — в разных видах не прямой речи, начиная от стандартных синтаксических конструкций косвенной речи до обобщенного, резюмированного, интерпретирующего изложения речи персонажа. Авторская (т. е. не цитатная, а модифицированная, косвенная) передача чужой речи принадлежит повествованию, т. е. речи рассказчика (нарратора). Весь массив прямой речи в произведении допустимо рассматривать как его коммуникативную партитуру, а прямую речь отдельных персонажей — как их коммуникативные партии.

Для разных родов и жанров литературы характерны разные направления и способы деформации и сгущения «жизненного» речевого материала. В романе прямая речь представлена «пунктирно», она нужна не столько для развития действия, сколько в качестве речеведенческих «картинок», оживляющих авторский рассказ, или как «документальные» («цитатные») свидетельства о произошедшем разговоре (в его ключевых или поворотных моментах), или как симптоматическое проявление характера персонажа, или просто как яркое словцо, привлекающее читателя самостоятельной эстетической ценностью. На рубеже XX–XXI вв. в таком «среднем» по объему жанре художественной прозы, как повесть (на русском и немецком языках), относительный объем прямой речи (измеренный в коли-

¹ В этом убеждает обращение к исследовательским записям устной речи; см., в частности, [Русская разговорная речь 1978; Борисова 2005: 277–317], а также обнародованные в Интернете записи разговорной речи из Национального корпуса русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова. В профессиональном публичном устном диалоге и полилоге (ср. доступные в Интернете записи парламентских дискуссий, брифингов, пресс-конференций, «круглых столов», ток-шоу в режиме «лайф» и т. п.) представлена «третья реальность», в целом, более близкая к коммуникативному узусу СМИ, чем к устному обиходному общению и тем паче к его отображению в пьесе или романе.

Таблица 1. Различия двух видов речевой коммуникации

Повседневная устная речь в реальности	Прямая речь в художественной литературе
Адресат (в ед. или мн. ч.) — реальный, конкретный и находящийся рядом собеседник; роли говорящего и слушающего более или менее регулярно переходят от одного собеседника к другому и обратно	1 Два адресата, находящиеся на разных уровнях коммуникации: 1) персонаж произведения, коммуницирующей с другими героями; 2) читатель / зритель, которому автор адресует свое произведение (в том числе текущий разговор героев)
Относительная хаотичность, обилие речевых обрывов и перебивов	2 Большая упорядоченность, связность и цельность моно-, диа- и полилога
Экстенсивность, относительно слабая (в среднем) информационно-смысловая насыщенность отдельных высказываний	3 Интенсивность, большая средняя смысловая концентрированность (определенность, выразительность)
Вплетенность в ситуацию и контекст и, как следствие, смысловая и структурная несамостоятельность отдельного высказывания	4 Существенно большая автономность (смысловая и структурная самостоятельность) отдельного высказывания по отношению к контексту и ситуации
Диктальное и модусное развертывание детерминируется главным образом «положением дел», т. е. денотативно	5 Развертывание детерминируется преимущественно требованиями жанра, художественного направления и индивидуального стиля

честве знаков) составляет примерно четверть объема произведения [Мечковская, Герасимович (в печати)]. В прозе XIX в. (за исключением произведений, написанных в сказовой форме повествования) этот процент был существенно выше, при зарождении художественной прозы — ниже.

В драме коммуникация служит взаимодействию персонажей, их «сшибке» и развитию интриги, а также развитию тех фабульных ходов, которые не видны на сцене, а зритель узнает о сюжетных поворотах из того, что один персонаж (в более или менее связанных репликах) рассказывает на сцене другим героям. Если в повести составляющие ее события (эпизоды) большей частью рассказаны автором, то в пьесе эпизод должен быть показан, причем в том полуфабрикате для сцены, которым является произведение подлинной драматургии, основным требованием к пьесе является сценичность; вербальные реплики — это прежде всего материал для актерской игры: для движений тела, интонации, жестов, мимики; для своей в каждой мизансцене «малой интриги» (со своей завязкой, кульминацией и развязкой); см. также [Мечковская 2007: 308–312]. Как будет показано ниже, в коммуникативной партитуре произведения, в том числе в иллюкативных характеристиках коммуникативных партий персонажей, жанрово-эстетические (включая индивидуально-художественные) детерминанты более приоритетны, чем «денотативные» факторы (фабульно-сюжетные и характерологические).

Определяющая роль жанрово-эстетических факторов в содержании и способах отображения чужой речи в художественном тексте становится особенно наглядной при сопоставлении повествовательного и драматургического представления денотативно сходного материала — например, повести, пьесы и киносценария, в основе которых лежит один и тот же «случай из жизни».

В истории литературы иногда (однако не часто) можно видеть, как сам автор на основе своего романа или повести создает инсценировку или перерабатывает повесть в пьесу или киносценарий; бывает (хотя, по-видимому, реже) и наоборот: после пьесы автор на «одноименном» материале пишет повесть или роман. Если в творчестве одного автора эпическая и драматургическая версии одной истории не разделены десятилетиями (что могло бы привести к новому авторскому пониманию «положения дел»), то в таких произведениях можно в почти лабораторно чистом виде наблюдать «фактор жанра». Эта нечастая возможность представлена в творчестве М. А. Булгакова: по мотивам «Белой гвардии» (роман начат в 1923 г., работа продолжалась в 1924–1927 гг.) автор написал пьесу «Дни Турбиных»

(1925–1926); после пьесы «Кабала святош (Мольер)» (1929)² для серии ЖЗЛ Булгаков написал роман «Жизнь господина де Мольера» (1932–1933)³. Из-за отрицательной внутрииздательской рецензии роман увидел свет только в 1962 г.⁴

3. Принципы иллокутивной характеристики прямой речи в художественном произведении. Коммуникативная партия персонажа предстает как последовательность его реплик от начала произведения до конца. Одна (отдельная) реплика содержит одно или несколько высказываний героя, ограниченных репликами другого героя (или других героев). Коммуникативные партии разных персонажей различаются своим объемом, составом классов речевых актов (далее РА) и «удельным весом» отдельных классов РА в объеме партии.

Адаптированная для данного исследования классификация и номенклатура РА опирается на классическую работу Р. О. Якобсона о функциях языка / речи [Якобсон [1960] 1975] и вместе с тем учитывает ставшие популярными термины и дефиниции Дж. Остина и Дж. Серля (см. [Остин [1962] 1986]; [Серль [1976] 1986]). Различаются 11 классов РА: 1) информативы альтруистические (сообщение информации о других); 2) информативы эгоцентрические (сообщение информации о себе); 3) побуждения альтруистические (побуждение к действию в интересах адресата или третьих лиц); 4) побуждения эгоцентрические (побуждение к действию в интересах говорящего); 5) вопрос; 6) отрицание сказанного партнером; несогласие с говорящим или отказ выполнить его побуждение; 7) подтверждение сказанного партнером; согласие с говорящим; согласие выполнить его побуждение⁵; 8) экспрессивы (выражение эмоционального состояния или эмоциональной оценки); 9) фатические и этикет-

² Есть более поздняя редакция пьесы, поэтому пьесу датируют 1929–1936 гг.

³ Булгаков приступил к написанию биографии Мольера в ноябре 1932 г., после того, как отослал в театр пьесу «Кабала святош» [Чудакова 1976: 104].

⁴ Названные романы (далее БГ и ЖМ) цитируются по изданию: Булгаков М. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Мн., 1985; пьесы (далее ДТ и КС) цитируются по изданию: Булгаков М. Пьесы. М., 1986. После цитаты в скобках приводятся страницы по указанным изданиям.

⁵ В 6-м и 7-м классах объединены те вторые (ответные) реплики диалога, которые особенно тесно связаны с инициальными репликами РА, что выражается в смысловой и лексико-синтаксической недостаточности высказываний с ответными РА. Примеры: (1) — *Да, к нему...* [ответ Лариосика (БГ, 154) на вопрос Николки (*К Курицкому?*)]; (2) — *Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!* [Лариосик не соглашается (ДТ, 114) с жалобным прогнозом младшего Турбина (*Видно, Ларион, я так калекой и останусь*)].

ные РА; 10) метакоммуникативные и метаязыковые РА⁶; 11) проявления эстетического отношения к речи (поэтическая функция, по Якобсону), что проявляется в переносно-образном и окказиональном словоупотреблении, в сочинении или цитировании стихов, в повторении или переименовании чужих слов, в пении; в языковой игре, шутках и т. д.⁷

В тексте романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных» был проведен иллокутивный анализ всех высказываний, составляющих, во-первых, коммуникативную партитуру двух первых экспозиционных эпизодов (картин) с участием Лариосика; во-вторых, всей коммуникативной партии Лариосика.

Анализ состоял в определении интенции (иллокутивного намерения) каждого РА. При этом допускалось, что в одном высказывании может быть представлено два РА. Иллокутивная двойственность чаще всего связана с синтаксической сложностью высказывания: например, в реплике Лариосика *Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочесть письмо* (ДТ, 55) соединены, во-первых, информация о действии его мамы (т. е., в принятых терминах, это «альтруистический информатив») и, во-вторых, информация о возможных (предписанных мамой) действиях самого говорящего, т. е. «эгоцентрический информатив». В реплике Алексея (обращенной к Лариосику): *Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?* (ДТ, 55) вопрос соединен с фатическим РА. В романе о Мольере в словах короля, обращенных к принцу Конде: *Я не понимаю, почему они так набросились на «Тартюфа»?* (с. 360), звучит

⁶ Примеры: (1) Лариосик (ДТ, 114). *Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны;* (2) Людовик (КС, 205): *Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем, нельзя произносить слово «требуется».*

⁷ Примеры: (1) Мышлаевский предлагает Лариосику играть в карты; Лариосик, соглашаясь, говорит, что играет плохо, но *«лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора»*. Мышлаевский, уже за столом, насмешливо обыгрывает слова Лариосика: *Ну, что вы, в самом деле. Что мы, папуасы какие-нибудь? Это у вас, видно, в Житомире такие податные инспектора отчаянные, они вас и напугали...* (БГ, 181); (2) Мольер (в романе), не слишком здоровый и заметно для короля постаревший, просит о месте каноника для сына своего доктора. *«— А что делает этот врач для вас? — спросил король»*. Ответ Мольера, в стиле салонных афористических парадоксов, легок, игрив и успешен: *«— Сир! — ответил ему Мольер. — Мы болтаем с ним о разных разностях. Время от времени он прописывает мне лекарства, и так же аккуратно, как он мне их прописывает, я их не принимаю и всегда выздоравливаю, ваше величество!* Король засмеялся, и сын доктора Мовилэна мгновенно получил желанное место каноника» (ЖМ, 380).

вопрос (т. е. побуждение ответить) и эгоцентрический информатив (о состоянии своего сознания: *Я не понимаю*).

Однако применительно к высказываниям, в которых та или иная интенция соединяется с эмоционально-экспрессивной реакцией или оценкой, наличие экспрессива не регистрировалось. Пример: в пьесе Лариосик, на пороге дома Турбиных, когда звонил, то вдавил кнопку звонка, так что раздается непрерывная трель. Реакция Алексея (*Господи, что это за звонок?*) — это, конечно, не только вопрос, но и недоумение, тревога, раздражение, однако такие «побочные» или «второстепенные» экспрессивы во множестве присутствуют в речевых партиях практически любых персонажей. Поэтому второстепенные экспрессивы не регистрировались; они были как бы вынесены за скобки. Вместе с тем учитывались экспрессивы «в чистом виде», т. е. такие эмоциональные реакции междометного характера, когда вне контекста не ясен их диктум. В партии Лариосика (и в романе, но в особенности в пьесе) чистые экспрессивы представлены в изобилии (*Ужас, ужас! Это такой кошмар!*). Однако и в речи других персонажей экспрессивы присутствуют, в меньшей, но при этом в разной мере. С другой стороны, реплика запьяневшего рыдающего Лариосика (в пьесе во время ужина) *Я испугался* квалифицируется как эгоцентрический информатив, а не экспрессив, потому, что в ней вербализован именно диктальный план высказывания.

Сформулированные решения могут представляться дискуссионными, однако дело не в самих решениях (регистрировать или не регистрировать, допустим, второстепенные экспрессивы как отдельные РА), а в том, чтобы в конкретном исследовании при анализе разных текстов была выдержана единая методика выявления некоторого набора речевых актов. Более того, сам по себе список различаемых РА в разных конкретных исследованиях также может быть разным (что зависит прежде всего от жанра и объема сопоставляемых текстов).

Результаты анализа представлены в таблице 2 в несколько «укрупненном» виде — в 1-й строке суммированно количество РА двух подклассов информативов, во 2-й — двух подклассов побуждений, в 3-й — положительные и отрицательные реакции на инициативную реплику персонажа. Таблица показывает относительный вес в представлении прямой речи как общих для романа и пьесы черт, так различий между ними.

4. Коммуникативный инвариант прямой речи в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных». Во всех выборках в романе и пьесе — а) в двух коммуникативных партиях Лариосика; б) в двух коммуникативных партитурах «вхождения» Лариосика

в дом Турбиных — из 11 видов иллокуций 1-е место по представленности занимают информативы, при этом в романе удельный вес информативов (и во всей партитуре, и в партии Лариосика) выше, чем в пьесе; в) в коммуникативной партии конкретного персонажа значимость (удельный вес) экспрессивов представляет константу речевого поведения героя. Так, в партии Лариосика и в романе, и в пьесе экспрессивы занимают второе место (составляя соответственно 18,6 и 14,6% от общего количества всех РА), в то время как в партитуре первых двух сцен с Лариосиком экспрессивы занимают 9,2% от всех реплик в романе и 8,8% в пьесе. Можно думать, что речь каждого литературного героя характеризуется своей мерой насыщенности эмоционально-экспрессивными реакциями. В целом это сообщает коммуникативной партитуре конкретного произведения некоторую характерную для него степень насыщенности экспрессивами.

Фатические и этикетные речевые акты, а также РА, в которых реализуются эстетическая и метакоммуникативная функция речи, представлены в разных выборках неравномерно. Это позволяет наметить следующую иерархию РА в рассматриваемых жанрах: 1) обязательность и абсолютное количественное первенство информативов; 2) обязательность и значительный удельный вес побуждений, затем экспрессивов и вопросов; 3) факультативность РА с иллокуцией фатической, эстетической и метакоммуникативной (и, как следствие, возможность локально повышенного присутствия и специальной значимости РА с факультативными функциями).

5. От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных»: жанровые преобразования сюжетных линий и характеров. Роман «Белая гвардия» представляет собой лиро-эпическое произведение, с ощутимым влиянием орнаментальной прозы (прежде всего Андрея Белого) и с чертами фантазмагии в духе Гоголя и Гофмана. Между тем «Дни Турбиных» написаны в реалистическом ключе. Важно, что это не инсценировка романа, а самостоятельное произведение для театра. Булгакову потребовалось не менее семи редакций, чтобы кардинально сжать тот материал жизни, который стал пьесой. Состав сцен, эпизодов, сюжетных линий, круг действующих лиц был существенно сужен; потери в психологической разработке характеров, а также в широте исторической панорамы Киева времен гражданской войны огромны.

Однако получилось замечательно сценическое произведение — не только в силу драматизма отображаемых событий, но

Таблица 2. Количественное соотношение и ранги классов речевых А) партитура всех персонажей двух первых сценах

Классы речевых актов	А. Коммуникативная партитура (речевые акты в репликах всех персонажей) в двух первых сценах с Лариосиком					
	В романе			В пьесе		
	Количество РА	Процент РА	Ранг РА	Количество РА	Процент РА	Ранг РА
1–2. Информативы (о себе и других)	57	47,9	I	49	33,3	I
3–4. Побуждения (альтруистич. и эгоцентрич.)	17	14,3	III	18	12,2	III
5. Вопрос	18	15,1	II	15	10,2	IV
6–7. Отрицание и подтверждение сказанного другим(и); несогласие с говорящим или отказ выполнить его побуждение	8	6,7	V	14	9,5	V
8. Экспрессивы (в высказываниях с минимальным диктальным содержанием)	11	9,2	IV	13	8,8	VI
9. Фатические и этикетные РА	5	4,2	VI	31	21,1	II
10. Метакоммуникативные РА	–	–		–	–	
11. Языковая игра, шутка, проявления эстетической функции речи — переносно-образное словоупотребление, стихи, пение	3	2,5	VII	7	4,8	VII
Всего:	119	100		147	100	

актов в романе «Белая гвардия» (1925) и пьесе «Дни Турбиных» (1926): с Лариосиком; Б) вся партия Лариосика

Б. Коммуникативная партия Лариосика во всем произведении					
В романе			В пьесе		
Количество РА	Процент РА	Ранг РА	Количество РА	Процент РА	Ранг РА
71	55,1	I	160	44,1	I
14	10,8	III	35	9,6	4-5
7	5,4	IV	31	8,5	VI
5	3,8	V	38	9,9	III
24	18,6	II	53	14,6	II
4	3,1	6-7	35	9,6	4-5
–	–		4	1,1	VIII
4	3,1	6-7	9	2,5	VII
129	100		363	100	

и благодаря непревзойденному мастерству драматурга⁸. Искусство Булгакова-драматурга хорошо чувствовали во МХАТе. В. И. Немирович-Данченко писал в 1934 г.: «Булгаков — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключительны...» (цит. по: [Лурье, Серман 1965: 202]. Исследователи отмечали, что во всей истории русской литературы ни один из драматургов, «кроме А. Н. Островского, не был так тесно и близко связан с театром, как Булгаков» [Лурье, Серман 1965: 202].

Различия между пьесой «Дни Турбиных» и «одноименными» сценами и характерами в «Белой гвардии» могут представляться не только значительными, но и кардинальными (не говоря о политически мотивированных различиях, как, например, вынужденный цензурой финал пьесы, который, как свидетельствуют документы, сочиняли «по крайней мере пятнадцать лиц» [Смелянский 1983: 276]).

В романе Тальберг уезжает и не возвращается (при этом драматизм ситуации перенесен в молчаливые переживания Елены и братьев и почти не выражается внешне: сцена прощания соответствует узусу (позже Алексей вспоминает «щеточку усов», т. е., прощаясь, Алексей и Сергей поцеловались и т. д.); в пьесе Тальберг постыдно бежит, братья не подают ему руки, после его ухода называют зятя крысой; в последнем акте Тальберг вновь появляется в доме, и Елена с помощью Мышлаевского его прогоняет. В «Белой гвардии» Елена узнает о новом браке Тальберга в эмиграции только на последних страницах романа, из письма подруги. В пьесе влечение Шервинского к Елене начинается еще до бегства Тальберга, и в последнем акте они объявляют о скорой свадьбе; между тем в романе, хотя в начале и упоминаются цветы, «приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского» (с. 12), эта линия не получает развития.

В линии Шервинский / Мышлаевский в пьесе появилась интрига, связанная с портсигаром, причем для зрителей эта история более содержательна, чем для Мышлаевского и Николки (которые не знают, что золотой портсигар — не подарок гетмана, как уверяет Шервинский, а результат мародерства: после бегства гетмана

---

⁸ Ср.: «... это не 'хроника' и не 'сцены из гражданской войны', а именно драма, обладающая 'крепким', развивающимся сюжетом» [Лурье, Серман 1965: 202].

его адъютант и лейб-гвардии поручик Шервинский просто «положил» забытый портсигар себе в карман)⁹.

В романе Лариосик хотя, судя по некоторым деталям, и влюбляется в Елену, но объяснения между ними не происходит, между тем в пьесе признание в любви, предложение Лариосика и отказ Елены образуют яркий эпизод с богатыми возможностями для игры актеров и ставшей крылатой репликой Лариосика, который на слова Елены *Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую* отвечает: *В лоб? Ну, в лоб — так в лоб!*

В романе взаимоотношения Лариосик / Мышлаевский ограничены двумя эпизодами — знакомства и игры в карты. В пьесе Лариосик и Мышлаевский составляют один из самых психологически интересных и насыщенных событиями и изменениями дуэт. Елена говорит, что Лариосик влюблен в Мышлаевского. Лариосик перенимает грубоватые (для Елениного уха) и циничные (для прежнего Лариосика) выражения Мышлаевского, хотя сам этого стесняется и извиняется перед Еленой. В пьесе есть сцена бунта Лариосика против упреков Мышлаевского; есть и слова признания Мышлаевского достоинств Лариосика. Лариосик, а также Шервинский — это те персонажи, которые в пьесе представлены полнее, чем в романе¹⁰ (см. ниже, раздел 7).

Отмеченные «денотативные» изменения (в сюжете, в «положении дел») связаны с семиотическим «переводом» прототипического событийно-характерологического содержания романа в вербальную основу для сценического представления.

6. Коммуникативная партитура первых двух картин в «Днях Турбинных» (в отличие от романых соответствий). В эпической прозе реплики героев — это вставные компоненты, которые с разной степенью регулярности, а также смысловой связности и полноты вклиниваются в дискурс нарратора. Прямая речь героев подчинена повествованию, поэтому нередко реплика героя не нуждается в связи с предшествующей репликой партнера, а также в ответе адресата. В пьесе реплики подчинены драматургической интриге эпизода

⁹ Эффект «драматической иронии», если говорить в терминах теории драмы [Пави 1991: 127].

¹⁰ В отличие от Николки, Алексея, Елены, Мышлаевского и Тальберга, которые в романе (по сравнению с пьесой) предстают как люди более интересные, тонкие, с богатой внутренней жизнью, что делает их фигуры в романе не только глубже и значительнее (по сравнению с пьесой), но и для читателя психологически более убедительными.

(мизансцены), а вследствие сцепления мизансцен — также и логике и психологии развертывания действия в данном акте и пьесе в целом.

Для коммуникативной партитуры романа «Белая гвардия» характерна не просто существенно меньшая (чем в пьесе «Дни Турбиных») связанность реплик, но и их намеренная, подчеркнутая изолированность, «невписанность» в общий разговор, что проявляется в наличии реплик, которые не находят своего адресата или обращены неизвестно к кому.

Таковы, в частности, апеллятивы Елены (из другой комнаты), которые сквозь сон слышит Николка, вперемешку с тремя репликами Лариосика, фактически безадресными, потому что они обращены к еще не проснувшемуся Николке; далее, обрывок рассказа Лариосика (начинающийся словами «*Нету кожи в Житомире...*»¹¹): эта речь обращена к Николке, но она передана через восприятие Елены, только что вошедшей в столовую из комнаты раненого Алексея, поэтому и для читателя реплика оказывается не только изолированной, но и, в силу ее вырванности из контекста, звучащей абсурдистски. С текущим диалогом не связана также реплика Николки при упоминании Лариосиком фамилии доктора Курицкого: «— *Курицкому?* — многозначительно воскликнул Николка. — *Тэк-с, кот... и кит. Знаем.*» Эту темную для Лариосика фразу подхватывает канарейка («— *Кити, кот, кити, кот, — за дверями глухо отозвалась птичка*»), что, не добавляя смысловой связи, усиливает фантазмагоричность ситуации.

В пьесе, напротив, выше (чем в романе) удельный вес реплик, образующих диалогические единства: побуждение — согласие или отказ следовать побуждению, суждение — согласие или несогласие с ним и т. д.

В пьесе в первых сценах с Лариосиком более значительное место, чем в схожих сценах романа, занимают фатические и этикетные РА (по природе направленные на установление и упрочение связи коммуникантов): в пьесе они составляют 21% (II ранг), уступая только общему объему информативов, а в романе — 4,1% (VI ранг). Сходное соотношение фатических РА наблюдается в партии Лариосика: в романе фатические РА составляют 3,1%, в пьесе — 9,6%.

Сильное смысловое сцепление реплик в пьесе Булгакова проявляется также в том, что нередко имеет место не диалог, а полилог,

¹¹ «*Нету кожи в Житомире, — растерянно говорил Лариосик, — понимаете, совершенно нету. Такой кожи, как я привык носить, нету. Я кликнул клич сапожникам, предлагая какие угодно деньги, но нету. И вот пришлось...*» (БГ, 152).

при этом некоторые реплики представляют собой реакцию не на одну, а сразу на несколько реплик, иногда разделенных во времени и принадлежащих разным действующим лицам.

Вот одна из мизансцен 2-й картины 1-го действия. Входят Лариосик и Николка. Лариосик после ванны, куда его отправила Елена и где уже приходил в себя измученный ночной обороной и обмороженный Мышлаевский.

«Мышлаевский. *Позвольте вас познакомить. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались*». Последняя фраза — это одновременно и напоминание о том, что было в 1-й картине, и насмешка офицера над штатским: со Студзинским вместе воюют, а с Суржанским — плескались в ванной, так что добрый и совестливый Николка спешит добавить нейтральную и более обычную при представлении информацию: «Николка. *Кузен наш из Житомира*». Студзинский и Лариосик обмениваются стандартными этикетными приветствиями: «Студзинский. *Очень приятно. Лариосик. Душевно рад познакомиться*». Рядом стоит Шервинский, однако Мышлаевский не спешит знакомить его с Лариосиком, и адъютант представляется сам: «Шервинский. *Ее императорского Величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский*», на что Лариосик слово в слово повторяет то же клише, что и при представлении Студзинскому: «Ларион Суржанский. *Душевно рад с вами познакомиться*». Эти повторы (*душевно рад...*) возвращают зрителя к первой картине, когда Лариосик четырежды говорит «*Душевно вам признателен*»: вначале Алексею, затем Николке, потом Елене, затем снова Николке. Эти бесконечные повторы в партии Лариосика, а также его постоянные переспросы¹² становятся чертой его коммуникативной партии, одновременно свидетельствуя о его внутренней подавленности, несвободе и неловкости не только в мире предметов, но и речей (в романе этому соответствуют такие авторские слова о Лариосике, как «*скорбный голос, полный внутренних слез*», «*на се-*

---

¹² Переспросы, как и повторы, присутствуют в речи Лариосика от первого до последнего действия. Ср. в начале пьесы: «Алексей. *Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?* Лариосик. *Как — с кем? Вы меня не узнаете?* [...] Елена. *Мы никакой телеграммы не получали.* Лариосик. *Не получали? Боже мой! [...]*»; диалог в четвертом действии, когда Елена, после объяснения с Лариосиком, горестно вздохнувшего: «*Конечно, разве можно меня полюбить!*», утешая его, отвечает: «*Очень даже можно*» и добавляет: «*Только у меня есть роман*». Следует каскад переспросов: «Лариосик. *Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!*».

ром лице Лариосика», «искажая и без того свое печальное лицо», «печальный и тусклый голос», «мутные голубые глаза» и под.).

Далее в рассматриваемой сцене представления Мышлаевский, обращаясь к Лариосику и утрируя его смущение, обыгрывает и тем насмешливо снижает пышное самопредставление Шервинского («Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский»): «Мышлаевский. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...». Конфликт, готовый разгореться между Мышлаевским и Шервинским, пока остановлен приглашениями к столу (реплики Елены и Алексея Турбина).

7. Коммуникативная партия Лариосика: различия между романом и пьесой. В образе Лариосика представлен наивный и искренний молодой человек, неудачник и путаник, неловкий в движениях и в обращении с предметами, странноватый в речи: он говорит то выпренок, то банально, то невпопад, то цитатами.

В реальности, как и в пьесе, прототипом Лариосика был племянник Л. С. Карума (зятя М. Булгакова), появившийся в доме 14 декабря, в день падения гетмана. По воспоминаниям Карума, это был «немного наивный, немного заносчивый и глуповатый юноша» [Соколов 2005: 87]. В 1916–1917 гг. он учился в школах для прапорщиков, но был исключен за неуспеваемость; как и в романе и пьесе, он был женат, но жена вскоре от него ушла; в 1919 г. он вступил в Добровольческую армию, дальнейшая судьба его неизвестна.

Фигура Лариосика — это часть той реальности, которая для Булгакова была связана с трагедиями гражданской войны и, по-видимому, «не отпускала» писателя, что называется «просилась на бумагу». Отчасти он нужен автору как «иной» (штатский) в доме Турбиных, как фон для изображаемой «белой гвардии»: Лариосик оттеняет не только кастовое высокомерие, снисходительность и насмешки по отношению к невезучему «белобилетнику»¹³, но и гуманистические нормы лучшей части русского офицерства — его уважение к человеческому достоинству, терпимость к слабым, бытовую культуру.

В романе Лариосик занимает скромное и странноватое место. Его появление в доме ощущается Николкой как «падение с неба в жизнь Турбиных загадочного и интересного Лариосика». Он возникает в полусне Николки и говорит что-то исходящее то ли от птицы,

¹³ В пьесе даже 18-летний Николка, вторя Мышлаевскому и в унисон с Шервинским, говорит 23-летнему Лариосику (в ответ на его попытку отказаться от водки «Я ведь, собственно говоря, водки не пью»): «Стыдитесь!» (ДТ, 65).

то ли от паутины, но в этих странных речах («Я птицу захватил с собой, — сказал неизвестный вздыхая, — птица — лучший друг человека [...]») звучит что-то, что привлекает Николку: «Птица уж, во всяком случае, никому не делает зла. Последняя фраза очень понравилась Николке» (БГ, 148). Раненый Алексей во время перевязки в столовой успевает заметить незнакомого человека и потом в спальне спрашивает Елену: «Да, позволь, а что это за головастик?» В ответ Елена говорит то немногое, что знала о «житомирском кузене» и что Лариосик успел рассказать, появившись за минуту до того, как раненого Алексея Турбина привезла на извозчике Юлия Рейсс. Турбин реагирует неопределенно: «Птица какая-то, Бог его знает...». Елена «со смехом и ужасом в глазах наклонилась к постели: — Что птица!.. Он ведь жить у нас просится. Я уж не знаю, как и быть. [Алексей:] — Жи-ить?.. — Ну, да... Мать умоляет, пишет, ведь этот самый Лариосик кумир ее... Я такого балбеса, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала. У нас он начал с того, что всю посуду расхлопал [...]» (БГ, 151). Затем Алексей, еще в сознании, соглашается с трезвыми доводами Елены, решившей «пустить Лариосика». Выздоровевший Алексей с благодарностью вспоминает о помощи Лариосика во время болезни¹⁴, однако в романе Лариосик не влияет на сюжет и на взаимоотношения других героев.

В пьесе функции Лариосика как действующего лица более значительны. Как и в романе, Лариосик в пьесе не нужен для политических споров, для принятия решений, для крутых сюжетных поворотов, но он постоянно нужен для драматизации сцен, для напряжения¹⁵, для оживления действия, для контраста, для разного рода недоразумений, для каскада мелких неожиданностей и мелких раз-

¹⁴ В поведении Лариосика (в словах, в отношениях к людям, в намерениях, поступках) преобладает доброта, искренность, сочувствие, стремление помочь или быть полезным. Ср. характерные контексты из романа: 1) Когда Алексей бредил и Елена с Николкой уже в отчаянии ждали врача, а его все не было, «Лариосик суетился, изъяслял готовность пожертвовать собой и идти одному и пошел надевать штатское платье» (БГ, 159); 2) «“Вот оно, у каждого свое горе”, — прошептал он», глядя на ограбленного и униженного и Василису (БГ, 196); 3) Реакция Лариосика после вопля Николки, обнаружившего, что его «тайник» вскрыт, а кольт пропал: «— Что ты, Николаша? Зачем же так впадать в отчаяние? — он робко стал шаркать руками по спине Николки и рукавом сбивать снег» (БГ, 197).

¹⁵ В том числе, например, тревоги Елены, чтобы Лариосик, стоя на лесенке и украшая елку, не упал: «Елена. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете» (ДТ, 109).

вязок, для игры актеров во взаимодействии с Лариосиком, для разрядки, смеха, юмора. Поэтому в пьесе Лариосик оказывается самым «сценическим» персонажем. У Лариосика есть еще одна важная сценическая функция: образ безоружного, симпатичного, страдающего от гражданской войны обычного молодого человека позволял зрителю частично идентифицировать себя с Лариосиком (между тем идентификация, по определению Патриса Пави, — это «золотое правило» того типа пьес XIX в., который он называет «хорошо сделанной драмой» [Пави 1991: 424]; возможность зрительской идентификации себя с персонажем всегда способствует успеху пьесы в театре).

Лариосик, «22 несчастья»¹⁶, то и дело терпит разного плана акциональные неудачи и говорит невпопад.

Его появление у Турбиных (а весь дом и без того в тревоге) сопровождается трезвомом: Лариосик вдавил кнопку звонка (поэтому за его первой репликой (*Вот я и приехал*) следует: *Со звонком у вас я что-то сделал*); за ужином проливает (то ли на скатерть, то ли на платье Елены) красное вино (*Николка. Солью, солью посыпем... ничего*); за ужином, моментально пьянея, поет *Так за царя...*, что вызывает реакцию Алексея: *Что вы, что вы!*); все из осторожности поют эту фразу без слов (ДТ, 67). Когда в последнем акте он, узнав о скорой свадьбе Елены, роняет от неожиданности бутылку водки, Мышлаевский после нескольких эмоционально и эстетически насыщенных восклицаний (*Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? [...] Вы водкой полы моете?!*) тут же обрушивается на Лариосика: *Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется — бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд — бей сервизы!* (ДТ, 115).

Коммуникативные неудачи Лариосика в пьесе еще более разнообразны, чем акционально-поведенческие. Его слова то и дело оказываются опрометчивы или неуместны, однако они нужны драматургу не столько для характеристики Лариосика, сколько как средство драматизировать и интенсифицировать происходящее на сцене.

¹⁶ Театральные критики видели в фигуре Лариосика подражание конторщику Епиходову из «Вишневого сада» Чехова (по прозванию «22 несчастья») — любителя учено-непонятных речей и неудачливого ухажера, роняющего то букеты, то стулья. Однако у образа Лариосика есть и более древний источник: это Пьеро в итальянской комедии масок — печальный любовник, невезучий соперник Арлекина.

Приведу примеры: (1) Во 2-й картине 2-го действия, ночью, при свече вместо погасшего электричества, когда Турбины ушли защищать город от Петлюры и слышна перестрелка, Лариосик вдруг говорит Елене о мудрости уехавшего в Берлин Тальберга. Елена реагирует бурно: *Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?* Лариосик понимает, что допустил ошибку: *Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя...* (с. 102); (2) Когда до дому добрался раненый Николка, первой реакцией Лариосика был междометный вскрик (*Ах, боже мой!*) и тут же он [ремарка автора:] «Кидается известить Елену»: *Елена...*, что вызывает яростную, в том числе физическую, реакцию Мышлаевского: *Куда ты, черт?.. Сума сошел!.. Да разве можно!..* («Зажимает ему рот»). (3) Далее следует реплика Лариосика, близкая к реакции ребенка, который впервые видит раненого без сознания, ему страшно и он не думает об эвфемизмах: *Он умирает?*, после чего Николка, приходя в себя, подает голос: *О!*

Над шаблонно-романтической фразеологией Лариосика и в романе и в пьесе подтрунивает Мышлаевский, однако в пьесе Елена говорит, что стихи Лариосика ей нравятся, и, по-видимому, это не только вежливость. Не случайно знаменитое сочетание *кремовые шторы* (в романе оно принадлежит речи повествователя) в пьесе произносит именно Лариосик.

В пьесе коммуникативная партия Лариосика (по сравнению с его партией в романе) в значительно большей мере насыщена репликами с выражением благодарности, сочувствия, ободрения, благопожелания, утешения, радости, симпатии, надежды и т. п., всегда эмоциональными и искренними. В пьесе Лариосик, несмотря на бесконечные коммуникативные и акциональные промашки, а с другой стороны, благодаря своей порядочности, доброте, мягкости и постоянной эмоциональной эмпатии по отношению к окружающим, становится утешающим примиряющим голосом, к которому тянутся все. От его «елочки» всем становится теплее: *«Ларионова работа»*, — одобрительно говорит Мышлаевский.

В целом характер Лариосика в романе и пьесе остается без изменений (хотя в пьесе он показан подробнее и в некотором развитии). Однако его коммуникативная партия выросла в пьесе (по сравнению с романом) в 2,8 раза. Это герой не «сюжетообразующий», у него другие — драматургические (сценические) — функции. Во-первых, его реплики усиливают связность речевой партитуры пьесы — благодаря его повторам и переспросам. Во-вторых, почти в каждой мизансцене, где есть реплика Лариосика (или даже его невербаль-

ная кинесика¹⁷), создается некий игровой момент, «аттракцион» (в смысле С. М. Эйзенштейна), микроинтрига, событие, напряжение — что-то, что должно обязательно вызвать некоторую эмоциональную реакцию партнеров и зрителей: опасение, сочувствие, смех, необходимость что-то предотвратить, исправить, остановить, помочь. В-третьих, партия Лариосика, самая эмоциональная в пьесе, повышает эмоциональную насыщенность партитуры произведения в целом, т. е. увеличивает тот компонент в содержании пьесы, который интереснее всего играть актерам и смотреть зрителям.

8. Различия между пьесой и романом Булгакова о Мольере в коммуникативной дистрибуции ключевой реплики Людовика XIV в. Есть основания считать, что и в пьесе, и в романе ключевая реплика (или одна из ключевых) — это обращенное к Мольеру разрешение короля играть комедию «Тартюф». Ниже эти реплики записаны курсивом в двух столбцах.

«Кабала святош (Мольер)»
(1929)

Действие второе. Приемная короля. «Людовик. *Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Палаточке вашу пьесу “Тартюф”*» (КС, 206).

«Жизнь господина де Мольера»
(1933)

Начало 26-й (самой короткой) главы, «Великое воскресенье»: «Кто осветит извилистые пути комедиантской жизни? Кто объяснит мне, почему пьесу, которую нельзя было играть в 1664 и 1667 года, стало возможным играть в 1669? В начале этого года король сказал, призвав к себе Мольера: — *Я разрешаю вам играть “Тартюфа”*. Мольер взялся за сердце, но справился с собой, поклонился королю почтительно и вышел» (ЖМ, 379).

8.1. Различия между пьесой и романом в «денотативной» истории запретов и разрешений «Тартюфа». В романе в начале истории с «Тартюфом» о запрете речи нет: Мольеру по долгу службы полагается написать и разыграть пьесу во время версальских

¹⁷ Как, например, возвращение в гостиную захмелевшего Лариосика (персонажа отчасти комического и жалкого) в тот момент, когда Шервинский патетически живописал «историческое» явление российского императора перед русскими офицерами во дворце Вильгельма: «Шервинский. *Император Вильгельм сказал: “А о дальнейшем с вами будет говорить...” — портьера раздвинулась и вышел наш государь.* [Следует ремарка:] *Входит Лариосик.* Это совпадение двух «явлений», конечно, рассчитано на комический эффект.

празднеств. Он не вполне успевает, поэтому, предупредив короля, что пьеса еще не готова, Мольер показал двору и королю три акта из этой самой таинственной пьесы о ханже, называвшейся «Тартюф, или Лицемер». Затем следуют четыре события.

Первое: мягкий запрет «Тартюфа» (запрет «кумовской», поскольку король считался крестным отцом первенца Мольера), запрет-«просьба», но все же это запрет короля: *«Так что я уж вас попрошу эту пьесу не играть»*. Второе событие: позже, после переделки пьесы (Лицемер получил новое имя и стал лицом светским, а не духовным) и затем после серьезных коммуникативных усилий Мольера¹⁸, он получил неопределенное и рассеянное позволение играть переделку «Тартюфа» (*«Король благосклонно глянул на комедианта и, думая о чем-то другом, вероятно, произнес что-то неопределенное, вроде того, что он, собственно, ничего не имеет против этой пьесы... Глаза Мольера вспыхнули, и тут он исчез из королевской приемной»*) (ЖМ, 373). Состоялся, однако, только один спектакль, и Булгаков, вспоминая воскрешение Лазаря, называет 24-ю главу так: *«Он воскресает и вновь умирает»*, впрочем, еще и для того, чтобы 26-ю главу назвать *«Великое воскресение»*. Таково третье событие — новый запрет «Тартюфа», на сей раз стараниями церковников: архиепископ запрещал смотреть и читать пьесу «под страхом отлучения от церкви» (ЖМ, 374). Булгаков упоминает о том, что кто-то из друзей выпустил «письмо в защиту “Обманщика”», но это письмо ничему не помогло». Наконец, четвертое событие: новое и окончательное королевское позволение играть пьесу. По версии романа, история с «Тартюфом» закончилась для Мольера триумфом — и при жизни автора (допущенный к постановке «Тартюф» дал самые большие в истории театра сборы), и в будущих столетиях.

В булгаковской пьесе история развивается иначе: король разрешает играть «Тартюфа», но затем следует скорое, окончательное и жесткое запрещение пьесы, и Мольер умирает прямо на сцене, играя «мнимого больного» в своей же пьесе. Святоши побеждают Мольера с помощью обвинения в инцесте. Эти две линии — борьба за разрешение «Тартюфа» и семейная драма — сюжетно переплетены в пьесе, но не в романе. К тому же в романе, как и в реальной биографии Мольера, подозрения в инцесте были отмечены королем: ребенка Мольера крестили от имени короля; значит, имя монарха не должно, не могло быть связано с грехом.

¹⁸ В романе об этом сказано так: *«Закончив поправки и с удовлетворением просмотрев их, автор стал делать хитрые круги вокруг короля»* (ЖМ, 372).

В пьесе иначе: архиепископ фальсифицирует слова Мадлены на исповеди. Она говорит: *«Давно, давно я жила с двумя и прижила дочь Арманду и всю жизнь терзалась, не зная, чья она»* (КС, 219). Однако архиепископ искажает информацию: и Арманде (дочери Мадлены), и королю он говорит, что Арманда — дочь Мольера, что таково было признание Мадлены на исповеди, и что, стало быть, Мольер женился на своей дочери. В III действии, на второй день после исповеди Арманды, король говорит Мольеру: *Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулиган религии в ваших произведениях, но вы и преступник, вы — безбожник.* (Мольер замер.) *Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при дворе, запрещаю играть «Тартюфа».* Мольер терпит двойное или даже тройное поражение: крах семейных связей (умирает Мадлена, убегает из дому молодая жена Арманда); запрещен «Тартюф»; Мольер попал в немилость короля. Денотативная основа пьесы, по сравнению с романом, изменилась капитально.

В реальности (а также в романе) Мольер умер в своем доме; правда, по версии романа, к умирающему Мольеру не хотел идти ни один доктор (после мольеровских комедий, где все доктора были выведены неучами и шарлатанами). Таким образом, жанровые различия романа и драмы обусловили существенные различия в денотативном содержании изображаемой истории.

8.2. Различия между пьесой и романом в составе коммуникативных событий, окружающих королевское разрешение играть «Тартюфа». В романе предшествующие разрешению события таковы.

После представления трех первых актов «Тартюфа» последовало «гробовое молчание» двора и демонстративный отъезд королевы-матери (ЖМ, 358). Кроме того, в романе есть два диалога, которые должны эксплицировать отношение к «Тартюфу» двора и причины запрета. Это, во-первых, вопрос короля и мнение принца; во-вторых, по две реплики произносят король и Мольер, за которыми, после паузы, звучит 5-я реплика — «просьба» короля: *«Так что я уж вас попрошу эту пьесу не играть».*

Еще одно представленное в романе коммуникативное событие вокруг «Тартюфа» — это призыв кюре одной из парижских церквей Пьера Руле сжечь прилюдно Мольера вместе с пьесой. Однако выпад церковников, по версии романа, «никакого решительно успеха не имел. Более того, Руле со своим нелепым предложением был принят очень плохо» (ЖМ, 360).

В романе история споров вокруг «Тартюфа» изложена в целом эпично, но с ощутимым лиризмом¹⁹, местами — с легкой (по-моему, «братской» или внутрицеховой, профессиональной) иронией по отношению к Мольеру и с уважением к королю (впрочем тоже не без иронии, например, в связи с войной за возвращение Франции ее «испанского наследства» — Нидерландов). Рассказ в меру подробный, местами свернутый, обобщенный, резюмирующий.

Иная картина в пьесе «Кабала святош». В ней дана «сшибка» злой воли и угнетенного и уже больного мастера: показана яростная и концентрированная по напряженности атака святош и короля на Мольера и его поражение. Краски, события и время сгущены; все происходит на глазах зрителя; страсти накаляются, картины стремительно сменяют друг друга.

По версии пьесы, разрешению играть «Тартюфа» непосредственно предшествует реплика короля, в которой звучит предупреждение, укор, запрет, предписание, нажим (в риторическом вопросе и властном «мой писатель»): *«Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем “Тартюфе” вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?»* В ответ Мольер испуганно лепечет: *«Помилуйте... ваше величество...»*, еще не придя в себя от унижения и подавленности, которое только что испытал, когда король приглашал его отужинать вместе.

Затем следует королевское волеизъявление о «Тартюфе»: *«Людовик. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу “Тартюф”»* (КС, 207). Здесь, во-первых, звучит упрек: указано, что прошлый, прежний путь был «неправильный»; во-вторых, выражена уверенность в том, что Мольер *«в дальнейшем [...] пойдет по правильному пути»* (в устах короля звучит это «твердо верю» как ультимативное требование), в-третьих, дано собственно разрешение.

При всех ограничениях все-таки это разрешение, более того, это снятие запрета, и оно мгновенно и бурно меняет эмоциональную основу в поведении Мольера: только что он был унижен и уstraшен королем, но в следующую секунду он, как сказано в

---

¹⁹ Как, например, в начале главы «Великое воскресение»: «Кто осветит извилистые пути комедиантской жизни? Кто объяснит мне, почему пьесу, которую нельзя было играть в 1664 и 1667 года, стало возможным играть в 1969?» (ЖМ, 379).

ремарке, «приходит в странное состояние». Он восклицает: *Люблю тебя, король!* (переходя на риторическое возвышенное *ты*).

После этого король повелевает: *Сегодня вы будете стелить мне постель* (КС, 207). Трудно сказать, было ли это во Франции XVII в. чеством или унижением²⁰, но в России 1932 г. на сцене МХАТа королевское повеление звучало деспотически.

В булгаковской пьесе изменение речевого поведения происходит иногда в пределах одной реплики — по нарастающей, крещендо. Вот Мольер после команды короля (*Сегодня вы будете стелить мне постель*) хватает со стола два канделябра и идет вперед, ритуально монотонно крича: *Дорогу королю! Дорогу королю!* Далее ремарка: «Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту»: *Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю!* (Наверху загремели трубы.) Финальное в этой сцене восклицание Мольера — под звуки труб: *Разрешен «Тартюф»!*

В романе представлена история пятилетней борьбы за разрешение «Тартюфа». Это борьба не военная, не связанная с производством, не товарно-денежная, а именно словесная, коммуникативная. Она разворачивается в разных жанровых разновидностях текстов: в нарративах (т. е. в рассказах о событиях и в изложении разговоров героев); в цитатной передаче чужой речи (т. е. в прямой речи героев), слышимой или написанной; реже чужая речь представляет собой внутренний монолог героя. Преобладает собственно эпическое начало, однако в булгаковском нарративе вполне ощутим и лирический авторский голос (ср. приведенную выше авторскую преамбулу к королевскому разрешению играть «Тартюфа»); есть также описания, характеристики и оценки; есть мягкая ирония по отношению и к Мольеру, и к королю, и к повествователю («развязному молодому человеку», как о нем говорил внутрииздательский рецензент).

В изображении чужой речи героев ее авторские пересказы (в разной степени подробные) резко преобладают над цитированием²¹, что связано с историко-биографическим жанром романа. Чужая речь в романе представлена «цитированием» как устных разговоров, так и нескольких письменных источников (сочинений

²⁰ Мольер до самой смерти сохранял наследственную принадлежность к цеху обойщиков, которые время от времени призывались ко двору для исполнения обязанностей лакеев.

²¹ Во всяком случае совокупный объем прямой речи в романе (т. е. его коммуникативная партитура) никак не достигает четверти объема произведения (в знаках) — той величины, которая была получена для двух современных повестей на русском и двух на немецком языке (Мечковская, Герасимович [в печати]).

и писем), включая письмо Мольера королю о месте каноника для сына его лечащего врача.

8.3. Различия между пьесой и романом о Мольере в стилистике изображения. Манера повествования в историко-биографическом романе о Франции XVII в. спокойная и стилистически широкая: Булгаков не боится утомить читателя сопоставлением документальных свидетельств XVII в., обилием дат и имен; но он не боится быть и лиричным — вести свой диалог с акушеркой, помогавшей Мольеру родиться; иронизировать над авторами XIX в., писавшими о Мольере; наконец, напрямую обращаться к Мольеру²².

В булгаковской пьесе о Мольере, в отличие от романа, присутствует сильное балаганное, в духе комедии масок, снижающее начало. Потому что это зрелищно, сценично, забавно, более успешно у зрительного зала. Потому что на сцене следует меньше, чем в романе, говорить, убеждать, рассуждать, доказывать, а больше двигаться, кипеть страстями, заламывать руки, кричать, то и дело вынимать шпагу, падать, попадать впросак (или кого-то загонять впросак), смешить. Смешить даже так по-балаганному, как это происходит в конце III действия булгаковской пьесы: архиепископ Шаррон и маркиз д'Орсиньи принимаются оплевывать друг друга, не замечая в азарте своей недворянской дуэли вошедшего короля. Когда они, наконец, останавливаются, король произносит *«Извините, что помешал»* и выходит. Разумеется, в романе этой сцены нет, как нет и брутального маркиза-дуэлянта д'Орсиньи по кличке *«Одноглазый, помолись!»*.

Понижающая природа театрального действия (и драмы как ее вербальной основы) выступает особенно наглядно при сравнении общих для романа и пьесы персонажей. Выше говорилось о кюре церкви святого Варфоломея в Париже отце Пьере Руле в романе, который в послании королю утверждал, что Мольер — это демон и его следует «сжечь перед всем народом вместе с “Тартюфом”». Однако король, пишет Булгаков, *«терпеть не мог, когда ему делали указания на то, как и с кем он должен поступить. Поэтому Руле со своим проектом аутодафе никакого решительно успеха не имел. Более того, Руле со своим нелепым предложением был принят очень плохо»* (ЖМ, 360). Как именно — в романе не сказано, однако, судя по всему, не так балаганно плохо, как в пьесе.

²² «Дамы пишут трогательно, с этим ничего уж не поделаешь! [Это о Жорж Санд. — Н. М.] Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты ни-где не хотел умирать — ни дома и ни вне дома!» (ЖМ, 252).

В пьесе аналогичный персонаж — не кюре, а босой монах Варфоломей, подпоясанный веревкой, с безумными глазами. Он требует от короля: *«Сожги его вместе с его богомерзким творением “Тартюф” на площади»*. Как и в романе, король раздражен тем, что у него не просят, а требуют, но наказание серьезней, и о нем сообщено по-театральному эффектно: король говорит: *Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму*. Поэтому он не только отказывает монаху, но и наказывает его, адресуясь, по своему обыкновению, в пространство: *Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму*. В связи с этим Булгаков не прочь позабавить зрителя острым народным словом, вставленным в речь Одноглазого (маркиза). Характерна ремарка: Одноглазый «веселится в одиночестве», т. е. перед зрителем предстает высказывание в эстетической функции в чистом виде: *Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы!* (КС, 207).

В романе король — тактичный, не злой и порою тонкий человек, занятый не только Мольером. Король в пьесе — это унижающий всех вокруг деспот, побуждающий людей к самой примитивной лести; его вежливость порой звучит как издевка; если не считать игры в карты в 1-й сцене 2-го действия, король сосредоточен только на Мольере (что, конечно, обедняет его образ).

Таким образом, коммуникативная дистрибуция королевского разрешения играть «Тартюфа» в романе такова, что этот речевой акт короля предстает как важное, позитивное и необратимое событие в жизни комедиографа; при этом в романе разрешение играть «Тартюфа» непосредственно не связано с семейными проблемами Мольера.

Иная картина в пьесе: позволению играть «Тартюфа» предшествуют речевые действия короля, в которых он унижает Мольера, насмехается над ним, подавляет своим королевским величием и вседозволенностью, затем упрекает и угрожает Мольеру. Победа Мольера, только что униженного и уstraшенного королем, — это победа неполная, с упреками, ограничениями и предписаниями; это победа, в которой светлая радость хотя бы относительной авторской свободы переплетается с темной радостью видеть поражение идейного врага (архиепископа Шаррона); наконец, это победа временная — за ней следует тотальное поражение Мольера — смерть Мадлены, бегство Арманды, отлучение от двора, запрет «Тартюфа», наконец, смерть самого Мольера.

Ключевая реплика короля (разрешение играть «Тартюфа») занимает разное место в развитии действия в рассматриваемых произведениях. В романе это победная развязка пятилетней борьбы

автора и театра за возможность играть острую комедию; в пьесе о Мольере эта реплика служит за и против последней эпизода войны всех со всеми, в которой Мольер терпит поражение.

9. Заключение. Рассмотренные различия между романами и пьесами М. Булгакова в том, как в них представлено речевое взаимодействие одноименных персонажей, глубоки и принципиальны. Они проистекают из жанровых различий пьесы и романа. Это различия семиотические: искусство драмы и искусство романа — это разные способы коммуникации автора и публики. У них разное «встроенное» в них содержание, в терминологии М. М. Бахтина, — «память жанра». Иначе говоря, *The Medium is a Message*.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова 2005 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2005.
- Лурье, Серман 1965 — *Лурье Я., Серман И.* От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных» // Русская литература. 1965. № 2. С. 194–203.
- Мечковская 2007 — *Мечковская Н. Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура. 2-е изд. М., 2007.
- Мечковская, Герасимович [в печати] — *Мечковская Н. Б., Герасимович Е. А.* Коммуникативные партии персонажей в структуре художественной прозы (семиотические аспекты) // *Slavistična revija* [в печати].
- Остин [1962] 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
- Пави 1991 — *Пави П.* Словарь театра. М., 1991.
- Русская разговорная речь 1978 — Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М., 1978.
- Серль [1976] 1986 — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.
- Смелянский 1983 — *Смелянский А. М.* «Волшебная камера» // Современная драматургия. 1983. № 4. С. 266–279.
- Соколов 2005 — *Соколов Б. В.* Булгаков. Энциклопедия. Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М., 2005.
- Чудакова 1976 — *Чудакова М. О.* Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР. Вып. 37. М., 1976. С. 25–151.
- Якобсон [1960] 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М., 1975. С. 193–230.

М. Ю. Михеев

СРЕДСТВА ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВА: ПОВТОР, КАВЫЧКИ, КУРСИВ

(«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ДОСТОЕВСКОГО)

Начну с наиболее сложного из этих выделений — кавычек. Представляется, что можно разделить два крайних, наименее похожих друг на друга способа употребления кавычек, во-первых,

на *от-странение* от чужой речи, для того чтобы выделить ее — наподобие выделения прямой речи внутри авторского текста (только в меньшем объеме и без сопровождающих слов метаописания), чтобы читатель знал, что это говорит не собственное «я» автора или повествователя, а кто-то из персонажей или вообще некто безличный и посторонний повествованию; и во-вторых,

на *о-странение* — уже своей собственной речи, чтобы она, пусть будучи несколько «странной», отличалась от общепринятого способа выразаться: ‘я сам, повествователь, называю здесь это такто: «...» — в данном случае я выражаюсь, чтобы не быть похожим на других, но при этом быть понятым моими читателями, то есть я как бы тем самым прошу у последних извинения за свою необычную, нетрадиционную манеру выразаться’.

На мой взгляд, это разделение охватывает такие недавно выделенные и описанные в работе [Зализняк 2007: 188] значения кавычек, как ‘это не я так говорю, это другие так говорят’ и противопоставленное ему ‘это только я так говорю, другие так не говорят’, указывающее на неконвенциональность, сдвинутость номинации (слово, созданное *ad hoc*, и т. п.).

Разнообразие функций кавычек можно проиллюстрировать для начала на отрывке из современного текста, снабдив слова, заключенные в кавычки, пояснительным контекстом — пояснения в подстрочных ссылках и выделены квадратными скобками:

Октябрьский переворот и последовавшие за ним события явили подлинный смысл революции и показали истинное лицо рево-

люционеров. Начался «красный террор»¹, на многие годы кровавой волной захлестнувший Россию. Борьба с религией была объявлена большевиками «архиважной»². Снова начались гонения на староверов, как никогда беспощадные и жестокие. В течение последующих двадцати лет «комиссары в пыльных шлемах»³ уничтожат оплот Старообрядческой Церкви — купечество, казачество и крестьянство. (...) Время было страшно... Советская власть начала безжалостную борьбу с «религиозным дурманом»⁴. (...) в Ленинграде был арестован епископ Геронтий, которого обвинили в «контрреволюционной деятельности»⁵ [Воропаев, Урушев 2008].

Здесь характерно, что при переходе от первого случая употребления кавычек к последнему сочувственное отношение с присоединением автора к цитируемой в тексте номинации (сноска 1) меняется на однозначно враждебное отстранение (в сносках 4 и 5), а в промежуточных случаях может иметь место либо бóльшая (3), либо меньшая степень эмпатии к цитируемому автору (2). Или вот другой пример, где отношение (присоединения/отрицания своей причастности) к цитате вообще отсутствует, оно совершенно снято:

Пока часто абонент остается для сотовых компаний просто «дойной коровой»⁶ [Мамаев 2002].

---

¹ [так называемый «красный террор», то, что все знают под этим именем, что так называлось в те самые, но особенно в последующие годы, со всеми сопровождавшими его ужасами и рассказами о них: то есть это и мое слово, я, как автор, к нему присоединяюсь]

² [мы знаем, кто так выразился и по какому поводу, хотя последнее многие могли уже забыть, ну а молодые люди наверно уже не всегда смогут назвать и самого автора цитаты: это не мое слово, а слово известного цитируемого здесь исторического лица (Ленина), к которому я, как автор, и быть может вы со мной, читатель, относитесь с некоторым отстранением, с долей иронии]

³ [это те самые комиссары, которых Окуджава, как мы помним, опозитивировал: здесь употреблено не мое слово, а известного певца, которому я и вы, полагаю, сочувствуете, но цитату из песни которого не следует понимать буквально, имеет место опять-таки некоторое ироническое отстранение, но гораздо более сочувственное, чем в предыдущем случае]

⁴ [то есть с тем, что она называла «дурманом», хотя мы-то теперь считаем иначе и наверно должны были бы называть это по-другому: уже совсем не мое слово]

⁵ [в том, что советская власть так называла: это опять не мое слово]

⁶ [здесь автор имеет в виду, что читателю легко понять, кто именно из упомянутых лиц и по отношению к кому выступает в названном отноше-

Итак, кавычки прежде всего должны выражать, что приведенные слова не принадлежат автору текста. Но при этом он может с выраженной оценкой как солидаризироваться (1), так и противопоставлять себя ей (4, 5), а также оставаться по отношению к ней совершенно нейтральным (6), кроме того, он может показывать себя в той или иной степени близости к первоначальному автору цитаты — с эмпатией к нему или же без таковой (2, 3). В работе [Баранов 2008: 801] уже в значениях курсива выделяются сходные с тем, что здесь предлагается описывать как значение кавычек — отстранение от чужого слова и солидарность с ним.

Кроме того, кавычки могут выделять просто какое-то экзотическое слово, собственно авторский неологизм, что-то написанное или первоначально произнесенное с особенностями, с отклонениями от принятого способа изъясняться: ‘уж вы меня извините, но я скажу (произнесу, напишу) здесь это слово так’, без упоминания, намек или ссылки на то, что у высказывания есть или был какой-то первоначальный автор. Например, как в следующем примере:

Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: всё «лотошил» да врал что ни попало — прямой Обалдуй! [Тургенев]

Конечно, большинство употреблений при этом совмещают в себе, по большому счету, оба смысла, два полюса употребления кавычек — как отстранение, так и остранение:

Я заглядываю в углы, нет ли сора, подбираю на парадной лестнице подсолнушную шелуху и с ужасом вижу замятую махорочную «собачью ножку», — Гришка, должно быть, бросил... [Шмелев]

В последнем примере под «собачьей ножкой» имеется в виду то, что потом стало называться «козьей ножкой», — самокрутка, обычно из махорочного табака, завернутая в бумагу (обычно газетную). Сейчас эти кавычки можно воспринять уже так: ‘то, что так называлось тогда, в то время’, то есть с отстранением, тогда как у первоначально-

---

нии — компания, продающая сотовые телефоны, так называет, или откровенно считает за таковых своих клиентов: это опять не «мое» слово (автора статьи), но «я» от неге и не отстраняюсь, и не присоединяюсь, а просто констатирую факт, кто кого так называет, рассчитывая, что читатель правильно «вычислит» нужное отношение из текста]

го автора (Ивана Шмелева) это было скорее просто остранением. А вот слово «подсолнУшная» (шелуха) он пишет даже без кавычек — в таком виде в начале прошлого века оно еще употреблялось, конкурируя с более новым написанием «подсолнЕчная», которое его вытеснило потом — но в данном случае для него это даже не остранение.

Теперь, после взгляда как бы «с птичьего полета», вернемся все-таки ближе к земле, к более простым случаям употребления кавычек, и будем постепенно охватывать более сложные, а именно обратимся к множеству примеров их употреблений в «Преступлении и наказании». Вообще этот роман Достоевского представляет собой благодатный материал для исследования чужой речи. Курсивных выделений в романе — 249: их приходится в среднем по одному на каждые 2 страницы; кавычек — $(1476:2=738-1)$ 737, т. е. в среднем по 1,5 на страницу. Ну, а всего и тех и других — 986, или в среднем по 2 на страницу. Иных случаев выделения — набранных жирным шрифтом или с красной строки и т. п. — я здесь не касаюсь. Далее текст статьи будет выглядеть просто как некое перечисление.

Вот случаи употребления кавычек внутри авторского повествования — для передачи детской речи, понятные уже сами по себе, возникающие совсем без предтекста, без ссылки на предварительное упоминание:

Девочка вдруг оживилась и быстро-быстро залепетала ему что-то на своем детском языке. Тут было что-то про «мамасю» и что «мамасы плибьет», про какую-то чашку, которую «лязбиля» (разбила).

Здесь и экзотика, и чужое слово — смысл искаженных детским произнесением слов никак не комментируется (за исключением последнего случая с пояснением в скобках).

Но более, так сказать, принятым и «законным» является употребление кавычек в случае с предтекстом — когда это цитата прямой речи персонажа, несущей отступления от обычного говорения, буквально копирующая это произнесенное ранее слово. Наиболее явный случай — вкрапление иностранных слов в речи Катерины Ивановны, подхватывающей в сердцах реплику Амалии Ивановны, квартирной хозяйки, иронически ее обыгрывающая:

Как! И ты тоже? — увидала она [Катерина Ивановна] хозяйку, — и ты туда же, колбасница, подтверждаешь, что она «вороваль», подлая ты прусская куриная нога в кринолине!

До этого хозяйка, как помнит читатель, узнав об обвинении Сони Лужиным в воровстве, восклицает:

Гот дер бармгерциге! Я так и зналь, что она вороваль! — всплеснула руками Амалия Ивановна.

А вот еще более простое, или, на мой взгляд, даже можно сказать — *первообразное* употребление кавычек ⁷: внутри собственных слов может содержаться основание для такого употребления. Ниже в кавычки взято обобщающее слово, следующее за приведенным обоснованием, в результате чего читатель может сам сделать вывод о правомерности следующего за ним «ксеноописания»:

[Раскольников] неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, «черная», но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен.

То есть: ‘так как лестница была темная и узкая, я (повествователь и/или персонаж) можем на этом основании сказать про нее: «черная»’.

А вот формально обратный случай: в кавычках стоит здесь некое предварительно, так сказать, авансом выделенное слово, а следом за ним — обоснование-отсылка его употребления вначале. Тут хозяин распивочной подходит ближе к Мармеладову, чтобы послушать разговор, показавшийся ему интересным, а позже сам выговорит слово, которым вначале, видимо, называет Мармеладова только мысленно, для себя (повествователь как бы заглядывает к нему «в душу»):

[Хозяин] нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сел поодаль, лениво, но важно позевывая. Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. <...> # — Забавник! — громко проговорил хозяин ⁸.

Еще один случай с предтекстом, но остающимся на этот раз за кадром повествования (слова Свидригайлова, обращенные к Раскольникову):

⁷ [В данном случае я употребляю курсив для остранения: понимая, что читателю это слово может показаться несколько неуместным, я прошу его тем самым сделать для меня некоторую скидку, снисхождение].

⁸ Здесь и далее знак # служит для передачи опускаемого в цитате абзацного отступа, а четыре точки подряд .... обозначают прерванную цитату.

Ну, хотите, я вам расскажу, как меня женщина, говоря вашим слогом, «спасала»?

Стандартный смысл выделения кавычками чужих слов здесь можно описать так: 'она делала то, что в подобной ситуации определенная группа людей «благородных» (но не я, Свидригайлов) называет данным словом, я же хотел бы, чтобы мой слушатель, Раскольников, сознавал мое отстранение от такого описания'. В устной речи Свидригайлова кавычки передавались, видимо, какой-то специфической интонацией; сейчас в российском обществе принято в таких случаях для «устного» отстранения от чужих слов на западный манер показывать «кавычки» двумя пальцами обеих рук, разводя их немного в стороны.

Далее к кавычкам мы еще вернемся, а теперь обратим внимание на повтор, то есть на значимые случаи повторения — или одних и тех же слов, или целых мотивов.

Значимый повтор одних и тех же слов без выделения, или: Когда возникает необходимость дополнительного выделения? Вообще говоря, повтор может быть на уровне одного лишь мотива и, так сказать, без всяких претензий на выход еще и в какое-либо цитирование предтекста, без подчеркивания в тексте, как, например, кавычками или курсивом. Вот, например, многократно всплывающий в романе мотив *вранья* или *лжи*. Он так и остается везде без специального выделения. Первоначально тема вранья вводится Разумихиным. — В первый раз тогда, когда тот возмущался нелогичностью проводимого по делу об убийстве старухи расследования:

Ведь тут что всего обиднее? Ведь не то, что они врут; вранье всегда простить можно; вранье дело милое, потому что к правде ведет. Нет, то досадно, что врут, да еще собственному вранью поклоняются.

Поскольку эти мысли персонажа повторяются, мы понимаем, что они принадлежат уже не только ему одному, но как бы и самому автору: в частности, они будут высказаны позже, через 50 страниц романа — в речи того же Разумихина, только пьяного (он обращается к Раскольникову и говорит о своих приятелях, с пирушки которых он только что пришел), а затем повторены им же еще несколько раз перед матерью и сестрой Раскольникова:

Врут такую дичь... Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться наконец человек! Впрочем, как не пред-

ставить? Мы-то сами разве не врем? Да и пусть врут: зато потом врать не будут...

Я люблю, когда врут! Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами. Совершь — до правды дойдешь! Потому я и человек, что вру.

...Хоть они у меня там все пьяные, но зато все честные, и хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да доვремся же наконец и до правды, потому что на благородной дороге стоим....

То есть «пульс» в тексте этого повтора, как можно назвать его⁹, — через каждые 130+50+10+10 страниц. Еще много раз и позже слова — *ложь, вранье, враки, лгать* и т. п. встретятся нам как во внутренних монологах самого Раскольникова, так и в устах его сестры Дуни и Свидригайлова, а также и следователя Порфирия Петровича¹⁰. Однако ни разу под разряд цитирования или какого-то специального выделения мотив вранья так и не попадет. Он далее не развивается и не тематизируется¹¹.

Другой мотив, с которым связан следующий вопрос: является ли выражение *убил и ограбил*, несколько раз повторенное в романе, сквозным мотивом всего текста, т. е. его основной темой и почему,

⁹ В данном случае значение кавычек — очевидно *остранение*: автор предлагает ввести новый термин.

¹⁰ (221) [В устах самого Раскольникова:] Сказав это, он вдруг смутился и побледнел: опять одно недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его; опять ему вдруг стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успеть наговориться, но уже ни об чем больше, никогда и ни с кем, нельзя ему теперь *говорить*. (343) [опять его внутренняя речь:] Но признание Николая был факт действительный. Последствия этого факта ему тотчас же стали ясны: ложь не могла не обнаружиться, и тогда примутся опять за него. (355) [Порфирий Раскольникову:] Солгал-то он бесподобно, а на натуру-то и не сумел рассчитать. (474) [Дуни, не веря сообщению Свидригайлова:] быть не может, нет никакой, ни малейшей причины, никакого повода... Это ложь! Ложь! (512) [в последний раз — в споре Дуни со Свидригайловым] — Лжешь! (бешенство засверкало в глазах Дуни) лжешь, клеветник! # — Лгу? Ну, пожалуй, и лгу. Солгал. Женщинам про эти вещицы поминать не следует. (Он усмехнулся.) Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький.

¹¹ Может быть, в прежнем варианте названия романа — «Пьяненькие» — он и мог получить какую-то более важную роль в тексте.

несмотря на повтор, оно нигде не отмечено ни курсивным выделением, ни «кавычечным»? — за исключением последнего, пятого случая употребления этого словосочетания, но там оно в составе целого высказывания, выделенного курсивом. Первоначально встреченный Раскольниковым студент в трактире, более чем за месяц до начала основного действия в романе (в предыстории к нему, данной нам через воспоминание Раскольникова), как будто прямо угадывает его мысль, которую тот давно уже втайне вынашивает, но до сих пор всё скрывал — даже сам повествователь как будто боится в ней нам признаться за своего персонажа, предпочитая изъясняться обиняками, определяя замышленное на самом деле убийство старухи-процентщицы как *то* или *это*. Слова студента вспоминаются Раскольникову непосредственно перед тем, как он убийство совершает:

— <...> Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, — с жаром прибавил студент ¹².

Потом эти слова возникают в устах других персонажей, уже после убийства:

[Разумихин Зосимову:] И ограбить-то не умел, только и сумел, что убить!

[Порфирий — Раскольникову:] неужели вы бы сами решились — ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству — перешагнуть через препятствие-то?.. Ну, например, убить и ограбить?..

[Свидригайлов — Дуне:] Убил он их обеих топором, который принес с собою. Он их убил, чтоб ограбить, и ограбил; взял деньги и кой-какие вещи... Он сам это все передавал слово в слово Софье Семеновне, которая одна и знает секрет...

И только в самом конце романа Раскольников выговаривает эти слова уже самостоятельно, во время своего признания-покаяния:

---

¹² В этом месте студент называет Алену Ивановну — *коллежской секретаршей*, тогда как дважды — и ранее и потом в романе, в монологах Раскольникова, она названа — *уничужительно?* — *коллежской регистраторшей*.

— Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил¹³.

Выделение курсивом без предварительной подготовки и подхватываемое далее в курсиве — с измененным, переиначенным смыслом. Вот слова рассказчика, передающие косвенную речь героя, Раскольникова, с выделением курсивом внутри нее значимого слова:

А между тем он [Раскольников] все-таки спешил к Свидригайлову; уж не ожидал ли он чего-нибудь от него *нового*, указаний, выхода?

Через несколько страниц уже в разговоре обоих персонажей между собой собеседник как бы возвращает ему его собственное слово (что должно произвести на Раскольникова, а во всяком случае на читателя, впечатление какого-то чуда):

Ведь так? Ведь так? — настаивал Свидригайлов с плутовскою улыбкой, — ну, представьте же себе после этого, что я сам-то, еще ехав сюда, в вагоне, на вас же рассчитывал, что вы мне тоже скажете что-нибудь *новенького* и что от вас же удастся мне чем-нибудь позаимствоваться! Вот какие мы богачи!

Потом, уже ближе к концу, подобная ситуация угадывания чужих мыслей повторится, потому что Свидригайлов повторит — уже целиком признание Раскольникова, сделанное Соне в ее комнате (Свидригайлов подслушивал из-за двери).

А вот подхват не буквально того же самого слова, но — только его внутреннего смысла, то есть слова, выводимого на основании знаний читателя из предыдущего контекста:

Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но, вся трепеща как лист, смотрела на него умоляющими глазами. Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог. # — Отпусти меня! — умоляя сказала Дуня. # Свидригайлов вздрогнул: это *ты* было уже как-то не так проговорено, как давешнее.

Но собственно местоимения *ты* Дуня ни здесь, ни далее не произносит, ею употреблен глагол 2 лица ед. ч. *Отпусти* — вместо

¹³ То есть «пульс» этого мотива, в свою очередь, такой: 60+90+100+220+40.

мн. ч. *Оставьте меня!*, сказанного ранее. Само *ты* было ею сказано до этого, когда Дуня и перешла со Свидригайловым на *ты*, от ярости и возмущения, когда выяснилось, что она заперта с ним в комнате наедине (*Ты жену отравил, я знаю*), до того она обращалась к Свидригайлову только на «вы». Он же переходит на *ты* только тогда, когда она уже вынула пистолет и попыталась выстрелить (произошла осечка) — от этого между ними как бы установился более близкий контакт. В последнем случае Дуней произнесено было не слово *ты*, но имело место обращение на «ты».

Ровно так же видоизменить можно и слово в кавычках: скажем, один из персонажей, передавая слова другого, просто не может упомянуть всего сказанного и воспроизводит по памяти, как умеет, внося те или иные изменения и поправки от себя. Даже когда в кавычках отдельное слово, оно может быть переиначено:

Тысячу бы рублей в ту минуту я дал, своих собственных, чтобы только на вас в свои глаза посмотреть: как вы тогда сто шагов с мещанишкой рядом шли, после того как он вам «убийцу» в глаза сказал, и ничего у него, целых сто шагов, спросить не посмели!..

На самом деле Порфирий тут цитирует слово, произнесенное мещанином на улице перед Раскольниковым: как мы помним, оно звучало как *убивец*. (Впрочем, может быть, в присутствии следователя оно звучало и не так, а было специально творчески «доработано» мещанином в ходе разыгранного им перед Раскольниковым спектакля.)

Как из повтора возникает курсив и как он не возникает («насыщение» слова выделением). Первый раз в романе слово *подлец* «звучит»¹⁴ в устах Мармеладова — причем он имеет в виду самого себя, употребляя его по отношению к себе: он рассказывает Раскольникову о том, что пропил все деньги, и драматически представляет перед ним, как по этому поводу должна сокрушаться его жена Катерина Ивановна:

Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена.

---

¹⁴ Кавычки здесь заключают слово, употребленное в переносном смысле: ведь на самом деле это слово не звучит, мы воспринимаем его как написанное, но зато оно передает слово звучащей речи, принадлежащее Мармеладову.

Через 10 страниц мы «слышим» это же слово во второй раз, но с расширением значения — применительно ко всему роду человеческому: оно появляется во внутреннем монологе Раскольникова, который ранее был свидетелем самообличительных монологов Мармеладова. Хотя может быть, что тут повтор им не совсем осознан (за давностью), а потому и оснований для формального выделения слова нет, но зато при повторе внутри своей реплики накладывается еще и курсивное выделение, поскольку герой тут как бы сам себе противоречит (после того как Раскольников проводил Мармеладова домой, он размышляет про себя):

Ко всему-то подлец-человек привыкает! # Он задумался.
— Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все — предрассудки...

Именно это употребление данного слова в романе оказывается как будто наиболее насыщенным. Через 20 страниц Раскольников еще и назовет «подлецом» человека, увязавшегося за пьяной девушкой на улице, которую попытается избавить от преследования при помощи городского, но и здесь слово *подлец* опять без курсивного выделения, даже будучи повторенным:

— Главное, — хлопотал Раскольников, — вот этому подлецу как бы не дать! Ну что ж он еще над ней надругается! Наизусть видно, чего ему хочется; ишь подлец, не отходит!

Это *подлец* сказано в том же смысле, без смены значения, а потому и без выделения. Еще один раз данное слово возникает во внутреннем монологе Раскольникова, через более чем 100 страниц — но и там без курсива — герой (и повествователь) как бы всякий раз забывает о первоначальных контекстах его употребления, не имея их в виду:

«<...> Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет», — прибавил он через минуту.

Потом еще дважды сам себя так назовет Раскольников, каясь перед Дуней, потом он же — Лужина, потом и Разумихин так назовет Лужина в разговоре с Дуней (с. 201, 202, 206, 236), и т. д. Перекличка

«подлецов» продолжается и далее — Катерина Ивановна называет так тех, кто обвиняет Соню в воровстве (408, 436), а затем слово возникает в речи Порфирия, обращенной к Раскольникову:

Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец! По крайней мере, долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел. Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучитель, — если только веру иль бога найдет.

Снова Раскольников так назовет Свидригайлова во внутреннем монологе (502), и Дуня его же (511, 512), наконец, мы видим это слово уже во внутреннем монологе Свидригайлова (522):

« <...> А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе перетащил. Большою шельмой может быть со временем, когда вздор повыскачет, а теперь *слишком* уж жить ему хочется! Насчет этого пункта этот народ — подлецы. Ну да черт с ним, как хочет, мне что».

[И еще — во внутреннем монологе Раскольникова (542):]

Крестов, что ли, мне в самом деле от нее понадобилось? О, как низко упал я! Нет, — мне слез ее надобно было, мне испуг ее видеть надобно было, смотреть, как сердце ее болит и терзается! Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть! И я смел так на себя надеяться, так мечтать о себе, нищий я, ничтожный я, подлец, подлец!»

Всего слово *подлец* употреблено в романе 37 раз, но мы видим, что курсивом оно выделено только один-единственный раз, при повторе в пределах видимости, как бы при самоопровержении Раскольникова, когда он подхватывает только что сказанное слово и в новом повороте своей мысли — себя же диалогически опровергает.

Наиболее естественным в речи как повествователя, так и персонажей представляется тот порядок, при котором курсив (как в предыдущем случае) или кавычки (как в случае ниже) возникают с повтором слова, а вначале слово идет без выделения:

В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью.

Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя все еще сам себе не верил.

Здесь смысл кавычек приблизительно таков: ‘я, повествователь, употреблю слово, которое ранее было мной или персонажем моего повествования (в данном случае Раскольниковым) использовано’. Это выделение того, что первоначально упомянуто, причем отстоящего не слишком далеко, чтобы читатель не успел еще забыть этого. Повторным употреблением к нему привлекается внимание: слово как бы берется на особый прицел, отчасти заново пересматривается его смысл. В приведенном примере кавычки фиксируют или какое-то выделенное слово в мысли Раскольникова, к которому тот возвращается в сознании не один раз (если это его несобственно-прямая речь), или слово, к которому вслед за героем возвращается, опять-таки выделяя его, сам автор: ‘ту мечту, которую я, вслед за ним, персонажем, пожалуй, тоже назову «безобразной» — так же, как он сам называл ее, мысленно’.

Впрочем, повторено слово может быть задним числом, уже после своего курсивного или иного выделения в тексте, что отмечено в работе [Баранов 2008: 800]:

...Такая вот галиматья, как ни смешна, стала для него, Коляни, почти необходимой <...> — *тянет*. Тяги своей Коляня, разумеется, стеснялся... (пример из Маканина).

Возвращение к кавычкам, более сложные случаи. Вот употребление кавычек без предтекста, но с двойной цитацией: во-первых, это мать Раскольникова пишет в письме к сыну (кавычки, распространяющиеся сразу на много страниц — всего четыре абзаца занимают собой больше половины главы III текста романа)¹⁵, а во-вторых, она цитирует слова жены Свидригайлова, более нигде в тексте не упомянутые:

«<...> Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как она сама нам признавалась, но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной....»

¹⁵ Кстати, согласно старинной норме в таких случаях перед каждым абзацем открывающие кавычки повторялись.

Опять без предтекста, но — со «стереоскопическим» распределением по персонажам понимаемого ими смысла: для одних это Р, а для других: 'не-Р', или 'как бы Р, только кажущийся таковым, выдающий себя за такового, на самом же деле таковым не являющийся' (Раскольников во внутреннем монологе смотрит на себя со стороны, при первом свидании со следователем Порфирием Петровичем в доме последнего, куда они намеренно с шумом входят вместе с Разумихиным):

Того и надо было Раскольникову: из комнат можно было услышать, что они вошли смеясь и все еще хохочут в прихожей. <...> Необыкновенная свирепость, с которою принимал этот «задушевный» смех Разумихин, придавала всей этой сцене вид самой искренней веселости и, главное, натуральности.

То есть на самом деле (для рассказчика, Раскольникова, и теперь еще для читателей) это был деланный, а вовсе не натуральный смех, но вот Разумихину и, главное, Порфирию Петровичу (на что очевидно рассчитывает Раскольников) он должен был казаться задушевным. Смысл этих кавычек: 'я сообщаю тебе, читатель, что то, что здесь названо смехом задушевным (в кавычках), на самом деле таковым не являлось, а было, наоборот, смехом деланным, «задушевность» его была контролируемой и изображаемой, а вовсе не искренней'.

Следующий случай — кавычки на основании логического вывода, или вывод как из предтекста, так и из последующего текста. В описании ситуации глазами Раскольникова лакей, прислуживавший Свидригайлову, очевидно, был его «знакомым» — во-первых, Свидригайлов только что подзывает его возгласом «Филипп!», а во-вторых, он и ведет себя в трактире совершенно как свой человек, проводя там чуть ли не целые дни:

— Эй, Филипп, стакан! — крикнул Свидригайлов. <...> Свидригайлов и недели не жил в Петербурге, а уж все около него было на какой-то патриархальной ноге. Трактирный лакей, Филипп, тоже был уже «знакомый» и подобострастничал. Дверь в залу заперлась; Свидригайлов в этой комнате был как у себя и проводил в ней, может быть, целые дни.

Конечно же, и при подхвате слов собеседника могут возникать кавычки. В примере ниже Порфирий в разговоре с Раскольниковым повторяет, видоизменяя его слово, насильственно обращая его в цитатное:

Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, — ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, — тоже человеком «необыкновенным» и говорящим *новое слово*, — в вашем то есть смысле-с...

До этого он же говорил:

...Скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, «необыкновенных-то» этих? # — О, не беспокойтесь и в этом, — тем же тоном продолжал Раскольников. — Вообще людей с новой мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь *новое*, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало.

Еще ранее Порфирий употребил слово как бы от себя, совсем без выделения:

Новот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть?

Это была ответная реплика на слова Раскольникова:

...Люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*.

Происходит синтез своего слова, с некоторой профанацией и пародированием слова чужого: из слов Раскольникова об «имеющих дар... сказать... *новое слово*» при отталкивании от его же противопоставления — людям «обыкновенным» — следовательно Порфирий Петрович выводит, как бы продолжая мысль Раскольникова далее («в вашем смысле»), что должны быть, стало быть, и какие-то необыкновенные люди, к которым Раскольников хочет причислить себя, «необыкновенные-то эти».

Случай, когда одним из героев слово употребляется прямо, без кавычек, а другими — в кавычках, цитатно: из письма матери Раскольникову — о Лужине:

В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился,

«убеждения новейших поколений наших» и враг всех предрассудков.

Через четыре страницы, в собственном внутреннем монологе Раскольникова, он издевается над своим возможным будущим зятем:

Так, значит, решено уж окончательно: за делового и рационального человека изволите выходить, Авдотья Романовна, имеющего свой капитал (уже имеющего свой капитал, это солиднее, внушительнее), служащего в двух местах и разделяющего убеждения новейших наших поколений (как пишет мамаша).... <...> ... А любопытно, однако ж, для чего мамаша о «новейших-то поколениях» мне написала? Просто для характеристики лица или с дальнейшей целью: задобрить меня в пользу господина Лужина?

Более чем через 100 страниц встречаем, наконец, это выражение, так сказать, уже в первообразной форме, в речи самого Лужина, без кавычек:

Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше заметишь и узнаешь, наблюдая молодые поколения наши.

Затем еще через 200 страниц — уже в словах от автора, где описывается Лужин и снова пародийно используется его фразеология:

Петр Петрович положил, по приезде в Петербург, немедленно разузнать, в чем дело, и если надо, то на всякий случай забежать вперед и заискать у «молодых поколений наших».

Наконец, в самой характерной форме — в описании Лебезятникова, где повествователь (а фактически, автор) проявляет себя наиболее саркастически:

Несмотря на все эти качества, Андрей Семенович действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к «молодым поколениям нашим» — по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и все-му недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее...

Вот это — уже как бы прямое полемическое слово самого Достоевского, выявляющее его собственный взгляд, но исполь-

зующее и фразеологию Лужиных и Лебезятниковых, без деформации.

Как представляется, повтор, курсив и кавычки можно рассматривать как единые средства выделения — своей и «чужой» речи в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов 2008 — *Баранов А. Н.* «Просодия» письменного текста: заметки о семантике курсива в повести В. Маканина «Предтеча» // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008.
- Воропаев, Урушев 2008 — *Воропаев А. Ю., Урушев Д. А.* Тяжкий крест местоблюстителя. Епископ Викентий возглавил Старообрядческую Церковь в годы «красного террора» // взято из Интернета: http://religion.ru/history/2008-04-16/9_episkop.html
- Зализняк 2007 — *Зализняк Анна А.* Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог' 2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007.
- Мамаев 2002 — *Мамаев Юрий.* Ставят новые рекорды (2002) // «Дело» (Самара), 2002.06.02. // пример из Национального корпуса русского языка <http://ruscorpora.ru/>
- Тургенев — *Тургенев И. С.* Певцы (1850) // пример из Национального корпуса русского языка <http://ruscorpora.ru/>
- Шмелев — *Шмелев И. С.* Лето Господне (1927–1944) // пример из Национального корпуса русского языка <http://ruscorpora.ru/>

М. Л. Палько

ЭМФАЗА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ¹

Цель этой работы — анализ явления эмфазы в немецком языке на материале речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей. Под эмфазой, вслед за Т. Е. Янко, мы понимаем элемент семантической структуры предложения, связанный с выражением говорящим сильных чувств по поводу ненормативных явлений жизни [Янко 2001: 64]. Так, в русском предложении *У меня уже есть СЫН!* с эмфазой на словоформе *сын* и в немецком эквиваленте этого предложения *Ich habe schon einen SOHN!* с эмфазой на *Sohn*, говорящий не просто сообщает, что у него есть сын, но и подчеркивает, что он еще очень молод для того, чтобы иметь сына, и что тем, что у него есть сын, можно гордиться. Говорящий призывает слушающего разделить его чувства по поводу события, достойного удивления, и подчеркивает его важность. При эмфазе говорящий не только отражает фрагмент мира для сведения слушающего, но и выражает себя, а также активно воздействует на слушающего, что выводит высказывание из класса сообщений и переводит его в класс речевых действий говорящего: говорящий средствами эмфазы призывает слушающего сопоставить мир с имеющимися нормами и ожиданиями и восхититься тем, что действительность их превосходит: у говорящего — такого молодого — уже есть сын! Этого просто не может быть, но, между тем, это так. Таким образом, эмфаза — это принадлежность не монологической, а, скорее, диалогической речи: говорящий ставит своей коммуникативной целью выразить свои чувства и передать их слушающему, активизировать его внимание, изменить мнение и вызвать реакцию, сделать слушающего заинтересованным лицом.

Языковые средства эмфазы достаточно разнообразны. В литературе хорошо изучены лексические средства эмфазы, например, сло-

---

¹ Работа над темой финансируется Российским гуманитарным научным фондом, проект 09-04-00106а.

ва эмфазы *даже* и *сам*. Так, в работах Г. Е. Крейдлина показано, что слово *даже* в высказывании вида *Даже Х Р!* соотносит текущую ситуацию с некоей шкалой вероятности его элементов обладать свойством Р или участвовать в ситуации с объектом Р. При этом элемент Х занимает в этой упорядоченности последнее место, и говорящий указывает на то, что, несмотря на норму, установленную самим Х-ом, которая состоит в том, что для Х-а участие в ситуации крайне маловероятно, Х все-таки принимает в ней участие. Норма жизни нарушается, говорящий выражает свои сильные чувства по этому поводу и призывает слушающего разделить их [Крейдлин 1975: 105].

Между тем основным средством выражения эмфазы служит интонация. В примере *Ich habe schon einen SOHN!* эмфатически выделенная словоформа *Sohn* несет на себе восходяще-нисходящее движение тона, притом что в отсутствие эмфазы здесь фигурировал бы простой нисходящий акцент ремы. Таким образом, при эмфазе основная фаза движения тона наступает с задержкой: у нисходящего тона ремы возникает предшествующий основному — нисходящему — движению тона заход тона вверх. Длительность ударной гласной повышается при этом в полтора-два раза, начальные согласные, если таковые имеются — здесь это [z] — (*Sohn!*) также характеризуются повышенной длительностью. Попутно заметим, что значение эмфазы, как оно здесь понимается, не фигурирует в предложении отдельно, а компонуется с такими коммуникативными значениями, как тема, рема и вопрос, с созданием эмфатических тем, рем и эмфатических вопросов; ср., например, эмфатический вопрос, в котором говорящий просит слушающего подтвердить или опровергнуть возникшую у него гипотезу и дает понять слушающему, что если его предположения подтвердятся, ему будет трудно поверить в такое удивительное положение дел: *У тебя уже есть сын?!*

Основная задача данной работы — анализ функций эмфазы в радио- и теленовостях — новостях политики, спорта, культуры, в репортажах с места события — и анализ интонации эмфазы в немецком языке. Сообщение новостей, вообще говоря, относится к жанрам монологической речи: так, текст теленовостей обращен к телезрителю, но не предусматривает его ответной реакции. Речь диктора предполагает односторонний контакт. Кроме того, новости как жанр должны характеризоваться информативной точностью, однозначностью и максимальной объективностью. Текст новостей не предполагает субъективного мнения автора или диктора. И наконец, новостное сообщение всегда заранее подготовлено и ограничено временными рамками. Исключение составляют лишь прямые репортажи с места событий, во время которых события разворачивают-

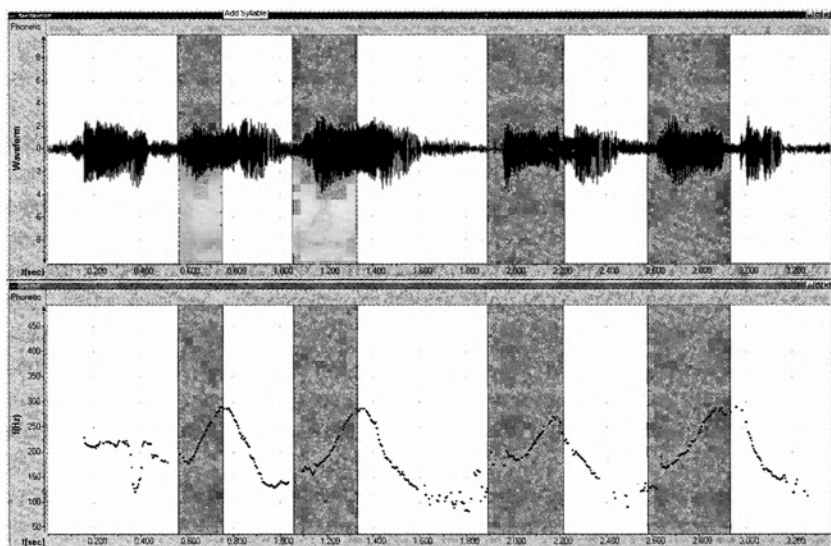
ся на глазах корреспондента. В этом случае речь журналиста может быть спонтанной, но и здесь она не теряет своих жанровых особенностей, сохраняя признаки подготовленной речи. Итак, про новостное сообщение мы можем сказать, что это ограниченный во времени, подготовленный и однозначный устный монологический текст. И в том, что в жанре новостей весьма частотными оказываются эмфатические стратегии, при которых говорящий — диктор — призывает анонимную аудиторию активно реагировать на происходящее в мире: удивляться, пугаться, восхищаться, — скрывается известный парадокс. Для большей эффективности новостного сообщения факты и события преподносятся так, чтобы подчеркнуть их важность для слушающего. Это достигается, в частности, демагогической демонстрацией эмоций диктора. Диктор не скрывает своего волнения. Тем самым через эмфазу текст теленовостей, который, казалось бы, призван быть максимально объективным отражением мира, становится не только отражением мира, но и отражением личности говорящего и специально усвоенного способа подачи материала. Таким образом, речь дикторов представляет удобный материал для анализа просодии эмфазы. Ниже с этой точки зрения анализируются фрагменты новостных программ немецкого телеканала Euronews: политические, экономические, культурные новости, новости науки, репортажи с места событий в прямом эфире и в записи.

Аудиозаписи представляют собой коллекцию звучащих текстов общей продолжительностью около 50 часов. Для анализа текстов мы используем компьютерную программу анализа звучащей речи *Speech Analyzer*, отражающую, в частности, просодические параметры устного текста. При рассмотрении примеров в данной работе мы приводим два графика, расположенные на двух панелях: верхняя панель содержит осциллограмму, которая, в частности, передает структуру слога и паузацию, а нижняя — тонограмму, которая отражает частоту основного тона в герцах и по которой мы наблюдаем за тональными изменениями.

Итак, перейдем к рассмотрению примеров употребления эмфазы в речи дикторов теленовостей. Пример (1) — это фрагмент выпуска новостей науки, посвященного космическим исследованиям. В данном примере речь идет о первых впечатлениях исследователей при изучении фотографий поверхности Луны.

(1) <Wir fanden dort nicht nur Kohlenwasserstoff, wie erwarten,> sondern auch SEEN, DUNEN, BERGE, WOLKEN, <sogar gigantische Wolken...>
'<Мы нашли там не только углеводород, как ожидали,> но и ОЗЕРА, ДЮНЫ, ГОРЫ, ОБЛАКА, <даже огромные облака...>'

Тонограмма 1

...sondern auch *Seen*, *Dünen*, *Berge*, *Wolken*...
 ...но также озера, дюны, горы, облака...

В тексте прямо говорится, что реальность не соответствует ожиданиям ученых. В данном примере носители эмфазы — словоформы *Seen*, *Dünen*, *Berge*, *Wolken*. Они характеризуются нисходяще-восходящим движением тона на ударном слоге. Основное движение тона здесь — восходящее, что обусловлено контекстом незавершенного перечисления, основным показателем которого служит подъем частоты основного тона. При эмфазе к основной — восходящей — артикуляции присоединяется предшествующее основному движению тона в противоположную сторону, т. е. в данном случае — нисходящее. Кроме того, данные словоформы характеризуются существенным удлинением начального согласного по сравнению с обычным произнесением. Так, в словоформе *Wolken* длительность начального согласного [v] — 194 мсек, а в той же словоформе *Wolken* при не-эмфатической артикуляции в речи того же диктора на другом отрезке длительность звука [v] равна 80,9 мсек. Таким образом, эмфаза в данном примере выражается специфическим нисходяще-восходящим движением тона и повышенной по сравнению с обычным произнесением длительностью начального согласного словоформы-акцентоносителя эмфазы.

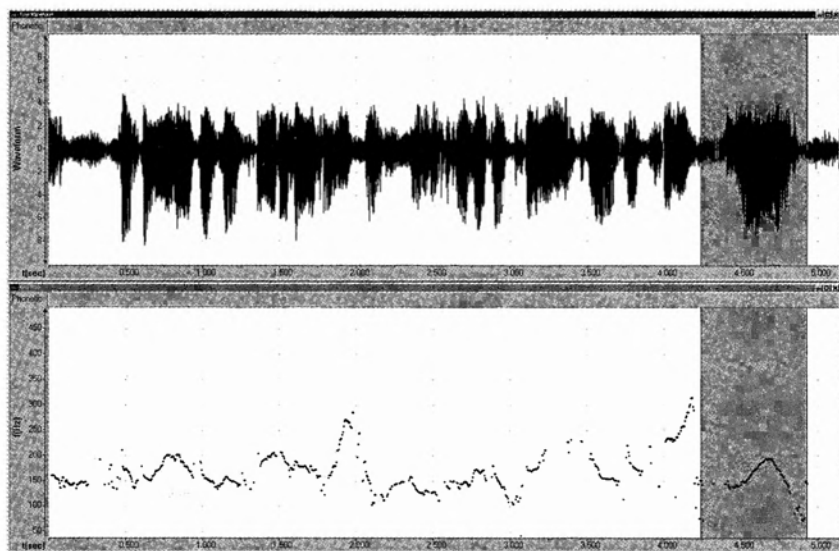
В примере (2) в выпуске новостей науки рассказывается о том, как из гигантского облака космической пыли под воздействием низ-

кой температуры и гравитации в Солнечной системе сформировалась Луна: четыре с половиной миллиарда лет назад, по одной из наиболее распространенных гипотез, крупное небесное тело врезалось в тогда еще совсем юную по космическим меркам Землю. На орбиту было выброшено гигантское облако пыли, из которого сформировался естественный спутник Земли — Луна.

(2) <... Die bei diesem Zusammenstoss abgesprengte Materie wurde in einem Umlaufbahn um die Erde geschleudert> und verwandelte sich unter den Einfluss von Gravitation und Kälte zum MOND.

'<Четыре с половиной миллиарда лет назад крупное небесное тело врезалось в Землю. Образовавшаяся в результате этого столкновения материя была выброшена на орбиту> и сформировала под влиянием низкой температуры и гравитации ЛУНУ'.

Тонограмма 2

und verwandelte sich unter den Einfluss von Gravitation und Kälte zum Mond...
и превратилась под влиянием гравитации и низкой температуры в Луну...

Эмфаза помогает диктору сосредоточить внимание на коммуникативно важном компоненте высказывания. Говорящий подчеркивает, что речь идет о возникновении такого значительного небесного

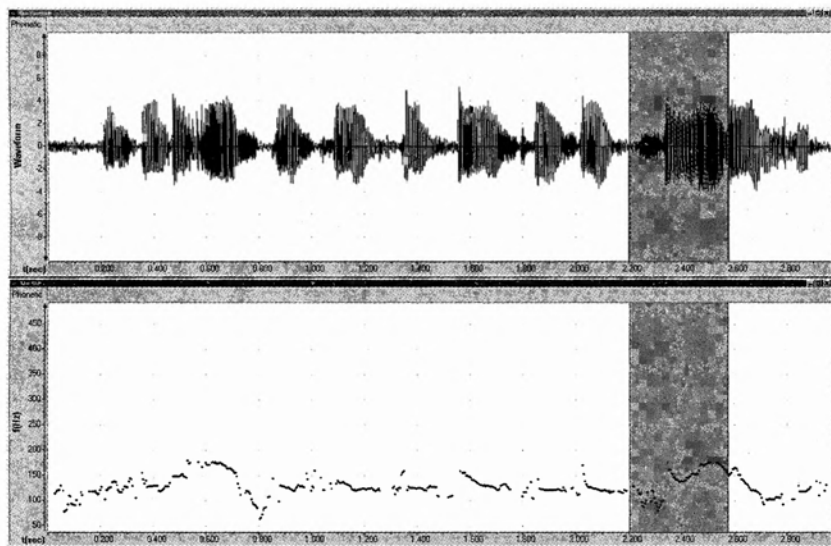
объекта, как Луна. Данное высказывание представляет собой пример сочетания значения эмфазы с ремой. Здесь эмфаза выражается резко нисходящим тоном на ударном гласном словоформы *Mond* и предшествующим ему восходящим движением тона. Эмфаза также выражается повышенной длительностью ударного гласного [o] и повышенной длительностью начального согласного [m] — *MOND*.

Пример (3) — это фрагмент бизнес-новостей. Диктор рассказывает о забастовке рабочих компании Chrysler.

(3) *Es war der erste Streik bei Chrysler seit ZEHN Jahren.*

‘Это первая забастовка в компании Крайслер за ДЕСЯТЬ лет’.

Тонограмма 3

Es war der erste Streik bei Chrysler seit zehn

Jahren.

‘Это была первая забастовка в «Крайслере» за десять лет.

Здесь говорящий подчеркивает, что десять лет — это очень большой срок. Эмфаза позволяет диктору вызвать немедленную реакцию слушателя, придает сообщаемому факту большую значимость. Эмфаза выражается нисходяще-восходящим движением тона на словоформе *zehn* и повышенной длительностью начального согласного [ts] по сравнению с неэмфатическими произнесениями. Основное движение

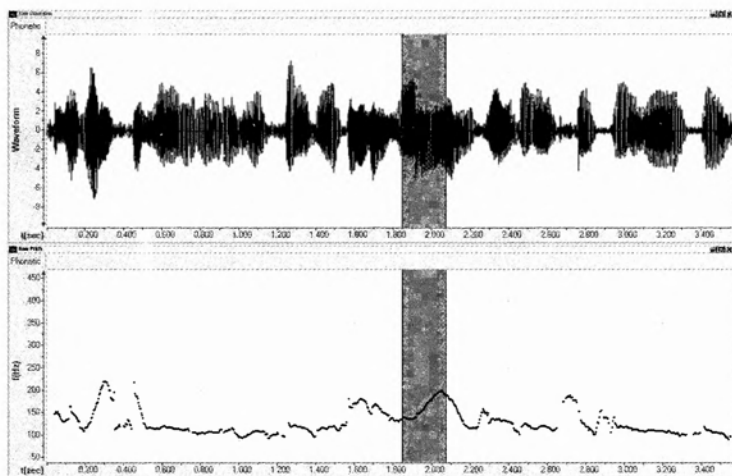
тона вверх объясняется здесь конечным — рематическим — падением на словоформе *Jahren*, которому предшествует компенсаторный подъем на *ZEHN*.

Пример (4) иллюстрирует аналогичный случай эмфазы. Это фрагмент выпуска мировых новостей на канале *Europews*. Корреспондент рассказывает об отношении кубинцев к Фиделю Кастро, его болезни и произошедшей на Кубе смене власти. Мнение корреспондента дополняют высказывания кубинцев по этому поводу. Одно из таких мнений и служит материалом примера (4).

(4) *Das musste irgendwann aufhören, schon seit MONATEN hätte das passieren müssen. <Und jetzt ist es soweit. >*

‘Это должно было когда-то закончиться, возможно, уже несколько МЕСЯЦЕВ назад это должно было произойти. <Сейчас пришло время>’.

Тонограмма 4

Das musste irgendwann aufhören, schon seit Monaten hätte das passieren müssen...
 Это должно было когда-то закончиться, возможно, уже несколько месяцев назад это должно было произойти...

Корреспондент подчеркивает, что не вчера, а уже несколько месяцев назад все поняли, что смена власти неизбежна. Эмфаза в данном примере выражена нисходяще-восходящим движением тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и повышенной длительностью ударного слога словоформы *Monaten*, он выделен на тонограмме.

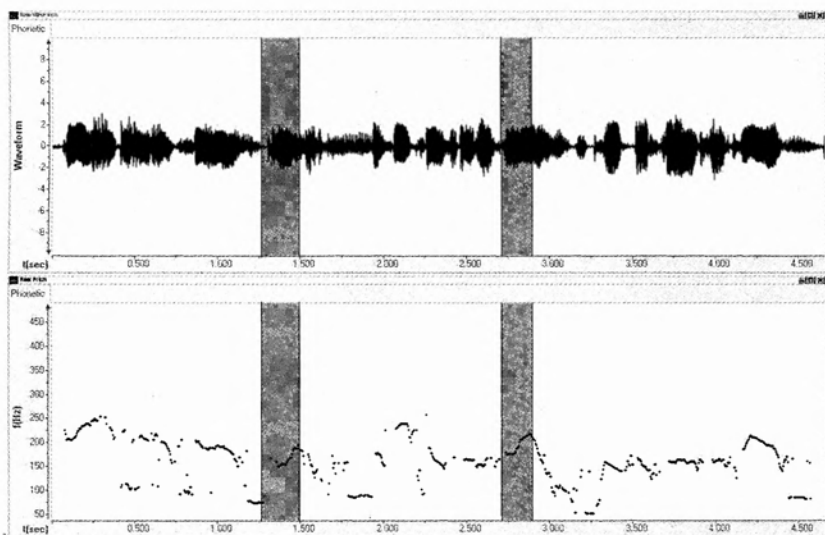
Материал примеров (3) и (4) демонстрирует, как средствами эмфазы диктор придает некоторому фрагменту текста особую значимость.

Обратимся к примеру (5), который показывает, что использование эмфазы в тексте теленовостей может быть нацелено и на изменение предполагаемого мнения слушающего. Перед нами фрагмент выпуска новостей культуры, посвященного манифестациям, которые организуют молодежные политические партии. Диктор подчеркивает, что современное молодое поколение сильно отличается от поколения своих родителей, у молодежи другие идеалы и принципы.

(5) Die junge Generation ist ANDERS, sie fühlt sich EUROPÄISCH, strebt nach Demokratie.

‘Молодое поколение ДРУГОЕ, оно чувствует себя ПО-ЕВРОПЕЙСКИ, стремится к демократии’.

Тонограмма 5

Die junge Generation ist anders, sie fühlt sich europäisch, strebt nach Demokratie.

Молодое поколение другое, оно чувствует себя по-европейски, стремится к демократии.

Говорящий исходит из того, что слушающий мог не заметить изменений, происходящих в молодом поколении. Между тем оно уже другое. При помощи эмфазы в данном примере говорящий призывает

ет слушающего пересмотреть свое мнение. Основной тон, который фиксируется на акцентоносителях *ANDERS* и *EUROPÄISCH*, тут восходящий, потому что эмфаза встраивается в контекст незавершенности текста, основным средством выражения которой, как уже говорилось, в большинстве языков служит подъем тона.

Итак, анализ немецких теленовостей показывает, что эмфаза действительно является частотной стратегией жанра теленовостей. Использование эмфазы в тексте теленовостей позволяет диктору:

- передавать свое отношение к сообщаемому событию и управлять вниманием телезрителя;
- подчеркивать важность определенных фрагментов новостного текста;
- вызывать у зрителя реакцию на сообщаемую новость;
- влиять на мнение телезрителя.

Эмфаза в тексте теленовостей является не индивидуальной манерой дикторов, а, скорее, особенностью стиля речи, при котором диалогические стратегии, нацеленные на получение ответной реакции и взаимодействие говорящего и слушающего, используются в жанре монолога. Внедрение диалогических стратегий в монологическую речь позволяет говорящему оказывать демагогическое воздействие на слушающего. Так чтение текста новостей, рассчитанного на невидимого адресата, приобретает эмоциональность диалогической речи при сохранении принципов информативности и объективности. Рассмотренные примеры показывают, что основными интонационными средствами выражения эмфазы в немецком языке служит изменение движения основного тона, т. е. присоединение к образующему движению тона начального отклонения тона в противоположную сторону, т. е. своего рода «искривление» тона и его задержка, а также увеличение долготы ударного слога в среднем в полтора раза по сравнению с обычным произнесением и существенное удлинение инициальных согласных. И наконец, было показано, что эмфаза не фигурирует в предложении автономно, а komponiert с основными коммуникативными компонентами речевых актов с образованием эмфатических тем, рем, компонентов вопросов и указаниями на незавершенное повествование.

ЛИТЕРАТУРА

Кравченко 1973 — Кравченко М. Г., Зыкова М. А., Светозарова Н. Д. Ударение и интонация в немецком языке. Л., 1973.

-
- Крейдлин 1975 — *Крейдлин Г. Е.* Лексема ДАЖЕ // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи, М., 2001.
- Янко (в печати) — *Янко Т. Е.* (в печати). Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте.
- Majer 1997 — *Majer J.* Intonation und Bedeutung. Aspekte der Prosodie-Semantik-Schnittstelle im Deutschen. Stuttgart, 1997.
- Stock 1973 — *Stock E., Zacharias Chr.* Deutsche Satzintonation. Leipzig, 1973.

Постовалова В. И.

СОКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ СВЯЩЕННОБЕЗМОЛВИЯ¹

Светлой памяти протоиерея Александра Геронимуса

...молчание чистых... называет[ся] молитвою, потому что помыслы их суть Божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного.

Исаак Сириянин [Исаак Сириянин 1993: 104]

Настоящая работа посвящается осмыслению диалогических (коммуникативных) отношений человека и Бога в мистико-аскетической молитвенной практике священнобезмолвия, или исихазма. Традиция исихазма, признаваемая «глубинным стержнем православной духовности» и «квинтэссенцией православного религиозного типа и стиля», относится к числу древнейших мировых традиций духовной практики, с многовековой историей и детально разработанным канонам, каковыми являются йога, дзен, даосизм и суфизм [Хоружий 1998: 187].

Между тем в современном гуманитарном познании сложилась такая парадоксальная ситуация, что отечественная наука знает, например, о «культуре психической деятельности средневекового китайского монаха, исповедовавшего дзен-буддизм... несравненно больше, чем о культуре внутренней жизни православного монаха... времен св. Андрея Рублева и даже современного воцерковленного мирянина» [Василюк 2005: 168]. В не меньшей мере такая ситуация

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Федерального агентства по науке и инновациям № НИИ–6469.2008.6 «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах» и гранта «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования» (2009-1.1-304-075-021). В работе сохранены написания цитируемых источников.

характерна и для науки о языке, за пределами внимания которой остается практически вся сфера мистического религиозного опыта молитвы в христианстве, изучение которой может приоткрыть перед исследователями многие глубинные грани и пласты лингвистической реальности.

В настоящей работе будет предпринята попытка рассмотреть феномен молитвы в исихастской духовной традиции сквозь призму категории диалога в его широком понимании как универсальной формы межсубъектной коммуникации, разрабатываемой в современных онтологических теориях коммуникации и диалогической философии. В работе имеются три логические части. Первая посвящается характеристике диалога как важнейшей формы бытия и общения. Вторая — общей характеристике духовной практики исихазма (священнобезмолвия). И, наконец, третья и центральная — аналитическому описанию диалогических аспектов молитвенной практики исихазма.

1. Диалог как бытие и общение. Диалог относится к числу важнейших динамически развивающихся понятий мирозерцания и жизнедеятельности человека. В основе идеи диалогичности лежит мысль о «возможности существования двух выраженных точек зрения», составляющих непереносимое условие диалога [Лотман 1992: 381].

В современной культуре диалогом именуются коммуникации с самым разным количеством субъектов, являющихся носителями этих диалогических позиций («точек зрения») в общении. Таких субъектов может быть два, и тогда говорят о диалоге в его узком понимании. Но их может быть и больше двух. В этом случае говорят о диалоге в изначальном смысле этого слова как разговоре, без особого акцентирования внимания на числе участвующих в речевом общении субъектов. Или же говорят о «полилоге» [Лотман 1992: 382], в особенности если речь идет о значительном количестве участников диалогической коммуникации [Хализев 1987: 96]. Как замечает Клод Ажеж, «обмен словами между более, чем двумя собеседниками (“полилог”）」 также включается в понятие диалога в его понимании [Ажеж 2003: 222]. Наконец, это может быть «автокоммуникация» (Ю. М. Лотман), или коммуникация с самим собой, и тогда говорят об «автодиалоге» [Гриненко 2000: 257].

Изначально с идеей диалога связывалось представление об участии в разговоре (беседе) как некоем взаимном речевом (словесном) общении. Этимологически слово «диалог» восходит к греч. διάλογος — ‘разговор’, где приставка δια- и передает идею взаимности действия (ср. греч. διαλέγομαι — ‘переговариваться’). Этимология слова, таким образом, отнюдь не предполагает ограничения

двумя собеседниками, как это нередко утверждается (см., например, [Гриненко 2000: 257; Ажеж 2003: 222]).

Для настоящего этапа становления понятия диалога характерны две неразрывно связанные тенденции. Это, во-первых, — установка на *онтологизацию* диалога, или его бытийственную интерпретацию, при которой наблюдается стремление рассматривать общение (коммуникацию), моментом которого диалог и выступает, как само бытие, понимаемое при этом соответственно как бытие с другими. И, во-вторых, — установка на *универсализацию* диалога, или переход от рассмотрения диалога как одной из форм речевого общения — диалогической речи, существующей наряду с монологической речью (будь то реальное речевое общение или виртуальное, например, в художественной реальности), к истолкованию его как универсальной категории речевой коммуникации, бытия и человеческой жизни в целом. По мысли Клода Ажежа, «диалог следует понимать... широко, то есть не только как пару вопрос / ответ, хотя и эта его составляющая важна, а как общение в целом, как всякое языковое взаимодействие, осуществляемое лицом к лицу и составляющее глубинную характеристику человеческого вида...» [Ажеж 2003: 222].

Диалог начинает рассматриваться при таком понимании как логически исходная онтологическая и коммуникативная категория, к которой могут быть сведены все другие формы общения в мире — как собственно речевого и неречевого общения, так и комплексного (синкретического). Поскольку “я” само по себе «полицентрично», замечает А. Л. Доброхотов, то «любой монолог, в принципе, уже структурно построен как диалог» [Доброхотов 1996: 58]. В лингвистике мысль о первичности категории диалога в речевом общении и его персоналистическом характере наиболее эксплицитно была выражена Э. Бенвенистом, полагавшим, что монолог есть не что иное, как «перенесенный во “внутреннюю речь” диалог между я-говорящим и я-слушающим» [Бенвенист 1974: 317].

Онтологическое и универсальное понимание диалогичности получило свое глубокое выражение в философии диалога XX в., разрабатываемой в европейской философии в трудах К. Яспера, Г. Марселя, М. Бубера и М. Хайдеггера. В отечественной философии наиболее полное осмысление диалогического направления получило в трудах А. А. Мейера, С. Л. Франка и в особенности М. М. Бахтина, оказавшего большое влияние на становление концепции диалога в отечественной культуре.

По мысли Бахтина, диалогические отношения, каковыми, в его понимании, являются все духовные отношения, глубоко своеобразны. Они не могут быть сведены «ни к логическим, ни к лингвистиче-

ским, ни <к> психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям» [Бахтин 1996: 335]. Такие отношения образуют некий особый тип смысла, характерный для мира гуманитарной реальности. Осмысление специфики этих отношений и было положено Бахтиным в основу его теории диалога, на идеи которой, как и на идеи теории диалога М. Бубера, мы и будем преимущественно опираться при изложении исходных установок и принципов диалогического подхода в философии.

Исходным импульсом для разработки диалогического направления в философской мысли стало признание неадекватности объективированного, «вещного» подхода к человеку, основанного на отчужденном отношении к человеку как к объекту и вещи, а не к личности. Философия диалога отказалась от этой традиционной для мышления Нового времени вещной картины реальности с ее субъект-объектным противопоставлением «я» и «не-я» (познающий—познаваемое) и обратилась к диалогическому образу мира. Центром внимания при данном подходе становится интерсубъективность, базирующаяся на межсубъектном отношении «я—ты» [Лифинцева 1998: 246]. Согласно такому представлению, диалог начинает пониматься как соучастие, взаимодействие сознаний, общение личностей и, в более широком плане, как межсубъектная коммуникация, которая начинает рассматриваться в экзистенциальном и персоналистическом ключе как личностное общение.

По Бахтину, своеобразной разновидностью вещного подхода в рамках коммуникативного видения реальности является «монологизм», отрицающий наличие вне себя другого «равноправного и ответно-равноправного “я” (“ты”)), в отличие от диалогизма как особой формы взаимоотношения равноправных сознаний [Бахтин 1996: 350, 361]. Поясняя такое понимание, Бахтин пишет: «При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) “другой” всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием... Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность» [Там же: 350–351].

Сходное понимание в европейской философии развивает М. Бубер, различающий два мира в пространстве существования человека. Первый мир, аналогичный монологической модели мира Бахтина, базируется на отношении «я—оно», при котором человек воспринимает окружающие его предметы, других людей и даже Самого Бога в качестве «безличных объектов и вещей» [Лифинцева 1998: 246]. Второй мир, аналогичный диалогической модели мира Бахтина, основывается на отношении «я—ты», предполагающем существование «неотчужденных» связей между человеком и его окружением [Там же].

В видении Бахтина монологическая модель мира как неадекватная реальности противоречит также диалогической природе слова и самого языка. Называя диалог «классической формой речевого общения», Бахтин считает, что «абсолютный монолог, который был бы языковым монологом, исключается самой природой языка» [Бахтин 1996: 173, 213]. Такое понимание созвучно позиции лингвистики, где диалогическая речь также рассматривается как «первичная, естественная форма языкового общения» [Винокур 1990: 135].

В диалогической модели реальности человек предстает как «человек диалогический». В лингвистике представление о человеке диалогическом развивается у К. Ажежа, по мысли которого «особенности языка, связанные с диалогическими инстанциями, не могут не входить в само его определение», поскольку «человек диалогичен от природы» [Ажеж 2003: 195, 222]. Задаваясь вопросом о том, каким должно быть понятие человека диалогического, с тем чтобы «лингвистика смогла внести реальный вклад в науки о человеке», Ажеж вводит понятие «психо-социального субъекта высказывания» [Там же: 225].

Сущностную характеристику человека диалогического составляет обращенность к другому, открытость ему. «Там, где между людьми установилась открытость, пусть даже не в словах, — полагает М. Бубер, — прозвучало священное слово диалога» [Бубер 1995: 96]. У человека нет вообще своей «внутренней суверенной территории», — развивает сходную мысль Бахтин. Человек «весь и всегда на границе», и даже обращая свой взор внутрь себя, он смотрит «в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1996: 344]. Поэтому «быть» для такого человека и значит «быть для другого и через него — для себя» [Там же].

Бытие как общение с другими предполагает с необходимостью отклик другого на обращения «я», а также услышанность такого отклика со стороны обращающегося «я». «Эта способность слышать Другого, с которым я существую, или же способность слышать себя самого... коренится в бытийной структуре изначального бытия-друг-другом», — утверждает М. Хайдеггер [Хайдеггер 1998: 279].

Такое понимание характерно и для позиции Бахтина, для которого общаться означает «быть услышанным и увиденным» [Бахтин 1996: 362]. Отсутствие же какого-либо отклика со стороны Другого, по его мысли, равносильно смерти. «Неуслышанность», «непризнанность», «невспомянность» есть, по выражению Бахтина, «абсолютная смерть», «небытие», или, на религиозно-мифологическом языке, — ад, который и есть «абсолютная неуслышанность» [Там же: 344, 338].

В самосознании человека диалогического сама жизнь, как замечает Бахтин, в основе своей диалогична. Жить, по его мысли, означает участвовать в живом диалоге — «вопросать, внимать, ответствовать, соглашаться» [Там же: 351]. Причем участвовать в таком диалоге жизни необходимо всем своим существом: не только своими мыслями, но и всей своей жизнью — «глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками», всей своей судьбой и всей своей индивидуальностью, вкладывая всего себя в слово, входящее в «диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [Там же].

Кроме того, участие в этом живом диалоге должно быть непрестанным. По диалогической модели реальности Бахтина диалог, в котором принимает участие человек, нескончаем и никогда не может быть завершен. «Когда диалог кончается, все кончается, — утверждает Бахтин. — Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [Бахтин 1979: 294]. Хотя для того или иного участника жизненного диалога, естественно, он и может быть «физически оборван» [Бахтин 1996: 338].

Коммуникативно-диалогическое понимание бытия, по которому бытие человека, как внешнее, так и внутреннее, есть глубочайшее общение и общение диалогическое, выработанное Бахтиным на основе осмысления художественно-религиозного мира Ф. М. Достоевского [Бахтин 1996: 344; 1979: 294], восходит к общехристианскому представлению о тождестве бытия и общения. В книге «Бытие как общение» современный православный греческий богослов митрополит Иоанн (Зизиулас) так раскрывает суть данного представления в христианстве: «Истинное бытие вне общения невозможно», и «личность не способна существовать без общения» [Иоанн Зизиулас 2006: 12]. Бытие и общение в видении христианства неразделимы. В своем пределе они тождественны: «бытие означает жизнь, а жизнь означает общение» [Там же: 10]. Уникальное тождество бытия и общения, по христианскому вероучению, являет в Себе Самой Святая Троица — «Триединый Бог», Который есть «общение» и «откровение подлинной личности» [Там же: 11].

Широкое понимание диалога как универсальной категории реальности разделяется и современной лингвистикой, о чем так пишет Н. Д. Арутюнова в своей работе «Речеповеденческие акты и диалог»: «Речь и поведение неразрывно между собой связаны... Каждая реплика представляет собой как речевой, так и поведенческий акт. В диалоге неразрывно слиты слова и дела» [Арутюнова 1998: 643, 655]. В диалогическом общении участвуют соответственно «не только речевые произведения, но и их авторы — говорящие»

[Там же: 655]. Вопрос о языке как «разновидности человеческого поведения» еще ранее рассматривался в работах Л. П. Якубинского [Якубинский 1986: 17]. Такое понимание диалога в лингвистике созвучно философии диалога Бахтина, полагавшего, что единицей диалога являются не реплики, но — голос, «живой голос». Бахтин считал возможным рассматривать диалогические отношения «не между репликами конкретного диалога, но между голосами», утверждая при этом, что человек вступает в диалог как «целостный голос» [Бахтин 1996: 373, 351].

Универсальная диалогическая модель мира, учитывающая всю полноту опыта общения в реальности, включая и мистический опыт, связанный с опытом непосредственного Богообщения подвижника «лицом к Лицу», содержит два уровня коммуникации (общения). Первый уровень охватывает собой «сверхэмпирическую», или, на другом языке, «сакральную» коммуникацию [Гриненко 2000: 145] и включает общение Лиц Пресвятой Троицы, общение человека и Бога, человека и существ сверхэмпирической природы. Второй уровень охватывает «эмпирическую», или, на другом языке, «профанную», коммуникацию [Там же: 146] и включает общение человека и мира, человека и человека, а при некоторых истолкованиях также человека и машины, человека и животных.

Теоретическая концепция коммуникации как диалога, имеющая универсальный характер, может служить основанием для описания самых разных форм дискурсивных практик в современной культуре и характеристики общения в различных сферах духовной жизни человека. Своей совершенной формы — молитвенного общения человеческой личности с Абсолютной Личностью — диалогическая коммуникация достигает в христианстве, где диалог как личностная форма общения раскрывается с наибольшей глубиной. Здесь наличествуют два типа Богообщения — соборно-литургическое и мистико-аскетическое, высшим проявлением которого служит духовная практика исихазма (священнобезмолвия).

2. Исихазм, его содержание и культурно-исторические лики.

2.1. О терминах «исихия» и «безмолвие». «Безмолвие» в именовании духовной практики «священнобезмолвия» представляет собой старославянский вариант греческого слова «исихия» (ἡσυχία — покой, безмолвие), давшего имя самому явлению исихазма [Аверинцев 1997: 272]. В мистико-аскетической литературе греческое «исихия» может переводиться по-разному: и как безмолвие, и как умное, и сердечное, и священное безмолвие, и как священнобезмолвие. В некоторых контекстах оно выступает вообще без перевода, сохраняя свое

исконное написание и звучание — ἡσυχία («исихия»). Далее будем использовать все эти варианты перевода как синонимы.

Само слово «исихия» вошло в лексикон христианской мистики уже с IV в. и стало обозначать состояние покоя и внутреннего молчания у подвижников, достигаемое путем победы над своими страстями. Со временем под «исихией» стали понимать особую мистико-аскетическую практику, основу которой составляет *prâzis voerâ* — умное (мысленное) делание сокровенного сердца человека. Такая практика включает в себя два тесно связанных момента. Это — «внимание», или «трезвение», т. е. хранение ума от всего лишнего, что мешает внутренней («умной») молитве (чувственные впечатления, образы и т. д.), и непрестанная молитва.

Славянский языковой образ «исихии» как «без-молвия» создает известные трудности для адекватного восприятия явления исихазма. Возникает впечатление, что центральным деланием в этой практике является собственно молчание уст (полное молчание, «молчаливость» — без-молвие), что не так. «Праздность и безмолвие — вовсе не одно и то же, — замечает Симеон Новый Богослов, — но и безмолвие — не то же, что молчание» [Симеон Новый Богослов 1998: 63]. Молчание — только подступ к безмолвию. «Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим, во внимание ума, есть разумное молчание уст, хотя ум еще и не безмолвствует», — замечает Филофей Синайский [Филофей 1992: 403]. А Каллист Ангеликуд уточняет: «Самое ясное единовидное и единственновидное созерцание ума в Боге, устремляясь к единой божественной сокровенности и к свету... приняв божественное озарение от безначального и бесконечного светолития, требует молчания не только уст, но и ума» [ПСБ 1999: 64].

Безмолвие в умном делании означает, собственно, не молчание, а «без-мыслие» — простоту ума, или трезвение. По Максиму Исповеднику, «... стяжавший безмыслие — безмолвие и простоту ум может войти в общение с Богом, и обратно — без прекращения мысли невозможно войти в простоту Богообщения» [Геронимус 1995: 166].

Осмысление исихастского безмолвия как без-мыслия (трезвения), а не собственно молчания, поднимает вопрос о допустимости речи в духовной практике священнобезмолвия. Как подчеркивает С. С. Хоружий, исихастское безмолвие «далеко не равнозначно простому молчанию, исключению и отсутствию всякого слова и речи» [Хоружий 1998: 329]. Скорее, даже наоборот. Трезвение призвано «обеспечить свободу, беспрепятственный простор для речи молитвы. Но только для этой речи! — подчеркивает Хоружий. — Любая же иная речь... сокращается» [Хоружий 1998: 329]. И сокращается — как многословие, разоряющее то, что создается трезвением. Послед-

няя же установка всех устремлений исихаста лаконично выражается в следующей формуле Т. Коллиандера: «Когда молишься, оставайся безмолвен, пусть говорит молитва» (цит. по [Каллист 2004: 83]). А точнее сказать, добавляет епископ Каллист (Уэр): «... пусть говорит Бог», человеку же «должно пребывать в безмолвии, один Бог да глаголет» [Там же]².

2.2. Исихазм и исихасты в исторической и типологической перспективе. В истории духовного движения исихазма имеется много школ и направлений³. Главнейшие из них — это: 1) отшельничество (III–IV вв.): Египет, Палестина; 2) синайский исихазм (V–X вв.): Иоанн Лествичник (VII в.), Исихий (VII–VIII вв.), Филофей (IX–X вв.); 3) Симеон Новый Богослов и его мистика (X–XI вв.); 4) афонский исихазм (XIII–XIV вв.): Григорий Палама и др.

В XIV–XV вв. исихастское движение достигает и пределов Руси, где формируется под непосредственным влиянием византийских мистиков во главе со св. Григорием Паламой, учившим о нетварности Фаворского Света Преображения и возможности постижения Бога в Его энергиях. Исихастское влияние пропитало все стороны русской духовной и культурной жизни. Оно привело к расцвету монашества и оказало влияние на стиль и форму искусства той эпохи, о чем свидетельствуют иконы и фрески Феофана Грека и Андрея Рублева, понимание которых невозможно без характерной для исихазма мистики света (см. [Плугин 1974: 127; Мейендорф 2000: 567; Иоанн Экономцев 1992: 190]). Исихастами в последующие времена были преп. Паисий Величковский (XVIII в.), оптинские старцы, преп. Серафим Саровский, свтт. Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник (XIX в.), а в XX в. — преп. Силуан Афонский, архимандрит Софроний (Сахаров) и другие подвижники.

Исихазм исторически сформировал и выдвинул два типа исихаста и исихастского образа жительства. Это, во-первых, — исихаст-пустынножитель-затворник, оставивший мир ради более глубокого Богообщения. И, во-вторых, — «исихаст в миру», или житель духовной, внутренней «пустыни», ищущий пустынножительство в глубинах своего сердца. Такое аскетическое понятие «пустыни», связанное собственно не с географией, а с определенным образом жизни в Боге, разделял старец Силуан Афонский, усматривавший сущность

² О соотношении процессов умной молитвы и собственно безмолвия см. [Григорий Синаит 1999: 53].

³ Что же касается Иисусовой молитвы как важнейшего момента умного делания, то она известна с V–VI вв. и появилась в Египте в период накала христологических споров [Лурье 1997: 409–410].

безмолвия «не в затворе и не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы непрестанно пребывать в Боге», и считавший затвор и удаление в пустыню «лишь вспомогательными средствами и никак не целью» [Софроний 1985: 115; Старец Силуан 1996: 122].

Исихаст в миру, о чем говорит само его именование, причастен по своему мирозерцанию и образу жизни сразу двум реальностям. По своему внутреннему человеку он пребывает в *духовной реальности*, предстоя Богу в своем сердце и непрестанно беседуя с Ним, а по своему внешнему человеку он находится в *земной реальности* со всеми ее бедами и соблазнами, не теряя при этом своего внутреннего безмолвия. Таковым был, по воспоминаниям архимандрита Рафаила (Карелина), схиигумен Савва (Остапенко), который обладал редкой способностью быть одновременно и с Богом и с людьми, ограждая себя от мира «не стенами затвора, а непрестанной внутренней молитвой» [Рафаил 2008: 35]. Все силы своей души он «стянул в сердце, как лучи в одну точку»; и «этим световым центром его жизни было имя Иисуса Христа» [Там же].

В духовном подвиге исихазма в миру особенно рельефно выступает нетождественность безмолвия и молчания: истинные исихасты сохраняют внутреннее безмолвие, пребывая во время своего служения в почти непрерывном собеседовании с людьми.

3. Молитва как диалог: pro et contra. На внутреннем языке исихастской традиции молитва определяется как разговор или беседа с Богом. «Не будем лениться творить молитву Иисусову. Христос в любое время снисходит до разговора с нами, а мы проявляем равнодушие? Сколько бы человек ни разговаривал со Христом — то есть сколько бы он ни молился, — он никогда в этом не раскаивается», — говорил старец Паисий Афонский [Исаак 2006: 506]. «И я познал, что молиться легко, потому что помогает благодать Божия. Господь милостиво нас любит и дает нам молитвенно беседовать с Ним и каяться, и благодарить», — свидетельствовал старец Силуан Афонский [Старец Силуан 1996: 266].

В современной культуре разговор и беседу, и шире — общение, часто называют диалогом. Возникает вопрос, можно ли именовать диалогом также исихастскую молитву, в частности, например, при соотношении молитвенной практики исихазма с различными опытами диалогической практики? Ведь сами исихасты свою молитвенную обращенность к Богу диалогом не называют, и, как это бывает в случаях осмысления реалий определенного духовного опыта сквозь призму чуждых им категорий, существует опасность упрощения и привнесения чуждых смыслов в осмысливаемую реальность. Осно-

вания для неоднозначного ответа на данный вопрос существуют, и мы отметим лишь некоторые из них.

Тема возможности применения категории диалога к описанию духовной практики свяшеннобезмолвия поднимается в исследовании С. С. Хоружего «К феноменологии аскезы». По утверждению С. С. Хоружего, «ситуация верующего сознания в самой своей сути диалогична» [Хоружий 1998: 55]. Такова же и основная установка «исихастского человека» как человека религиозного. Она «сверхестественна» и «бинарна *par excellence*», и ей присущ «ответный» характер — ожидание отклика со стороны Бога при молитвенном обращении к Нему в ситуации Богообщения. Но такое общение, подчеркивает Хоружий, — особого, уникального характера. Оно представляет собой мистический акт, отличный от всего того, что обычно понимается под диалогом или беседой. И уникальность эта состоит в том, что при таком общении получение ответа от адресата обращения, каковым является Сам Бог, есть не что иное, как «уловление» Его энергии, «получение Его благодати» [Там же].

Уникальный характер, по Хоружему, имеет и «молитвенный диалогизм». Такой диалогизм, во-первых, предельно асимметричен. В молитве собеседники, или, на языке философии диалога, — Адресат и Адресант, — будучи тесно связанными друг с другом, принципиально несоизмеримы. Для такого диалогизма характерен, далее, имманентный апофатизм: «Я обращаюсь к Богу личному и живому, Который не менее, а более способен внять мне, чем любой земной собеседник, — и я в то же время знаю, что Он для меня абсолютно непомыслим, непредставим» [Там же]. Наконец, молитвенному диалогизму присуща, по словам Хоружего, имманентная проблематичность, заключающаяся в том, что молящийся не может знать, в какой форме и на каком языке ему будет дан ответ, дойдет ли и будет ли принята его молитва и осуществится ли она действительно как доподлинный диалог с Богом. Поэтому поскольку в молитвенном Богообщении молящемуся дано только «упование», полагает С. С. Хоружий, то правильнее было бы говорить, что молитва всегда есть лишь «попытка диалога, совершаемая “со страхом Божиим и верою”» [Там же: 55]. Что же касается вопроса в целом о применимости слов «диалог» и «беседа» по отношению к Богообщению и молитве в исихастской молитвенной практике, то, по мысли Хоружего, аскетическая литература в целом разрешает возникающие при этом сомнения в пользу относительной, ограниченной применимости данных слов [Там же: 53].

Говоря о молитве как попытке диалога, Хоружий выражает здесь позицию самосознания подвижника, смиренно считающего

себя недостойным ответа со стороны высокого Адресата. В целом же соборный опыт подвижничества в Церкви свидетельствует о том, что молитва, особенно на высших стадиях священнобезмолвия, есть не только попытка диалога, но и его осуществление. Правда, в силу невидимого характера высокого Адресата⁴ и Его действий, а также в силу разной духовной меры молящегося и его молитвы, Божественное участие в молитвенном Богообщении не всегда бывает достаточно очевидным, особенно когда речь идет о предельных состояниях, каким является ситуация видимой Богооставленности.

По опытным свидетельствам подвижников, в жизни молящегося бывают периоды, когда «небо словно закрывается», и Бог не слышит его молитвы. «В начале обращения к Богу и малые, и большие, едва высказанные просьбы обычно скоро и чудесно исполняются, — говорит архимандрит Софроний, — но когда наступает период испытания, тогда «...небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям» [Старец Силуан 1996: 183]. В исихастском сознании такое состояние воспринимается как испытание подвижника, когда Бог, незримо присутствуя на месте его подвига, отвечает молчанием на его молитвенные обращения. Старец Силуан, по свидетельству архимандрита Софрония, вспоминая житие Антония Великого, говорил: «Господь оставляет своего раба побороться, а Сам смотрит на него, как смотрел на Великого Антония, когда тот боролся с бесами... когда... он, терпя тяжкие болезни от них, возвел очи и увидел свет, то познал в нем пришествие Господа и сказал: “Где же был Ты, милостивый Иисусе, когда враги уязвляли меня?” А Господь ему ответил: “Я здесь был, Антоние, и смотрел на мужество твое”» [Там же: 149].

Если, несмотря на все сомнения в правомерности использования понятия диалога для описания духовной практики священнобезмолвия, все же прибегнуть к именованию молитвенного Богообщения диалогом, то следует, видимо, признать, что наиболее адекватной характеристикой такого молитвенного диалога будет его сокровенный характер. Действительно, исихастская молитва сокровенна как таковая, ибо совершается исихастом, как его к этому призывает Евангелие, «втайне», в глубинах своего сердца⁵. У достигшего вы-

---

⁴ Ведь, как свидетельствует Симеон Новый Богослов: «Для смотрящих телесно Бога нигде нет, ибо Он невидим, а для мыслящих духовно Он везде есть, ибо Он присутствует всюду. Он во всем и вне всего...» [Симеон Новый Богослов 1998: 17].

⁵ См. слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Ты же, когда молишься, войди в комнату свою и, затворив дверь твою, помолись Отцу

сот священнобезмолвия молитва «хотя и не обнаруживается в нем внешне, однако в то же время совершает в нем службу Божию втайне», — пишет высокий учитель безмолвия св. Исаак Сирин [Исаак Сирин 1993: 104]. «Любитель молчания приближается к Богу, и, тайно с Ним беседа, просвещается от Него», — выражает позицию священнобезмолвия другой великий мистик и учитель безмолвия преп. Иоанн Лествичник [Иоанн Лествичник 2001: 109].

Однако самое главное заключается в том, что сокровенность составляет глубинную особенность Третьего Лица Троицы — Духа Святого, незримо участвующего в синергии исихастской практики молитвенного Богообщения. «Истинная молитва к Богу истинному, — утверждает архимандрит Софроний (Сахаров), — есть общение с Духом Божиим, Который молится в нас; Он дает нам знать Бога» [Софроний 1991: 10]. Ведущим началом в Богочеловеческой синергии является именно этот таинственный голос Духа, — замечает прот. А. Геронимус и формулирует следующий парадокс Богоявления: «Дух скрыт в присутствии и присутствует в призывании Скрывающегося в отсутствии» [Геронимус 2000: 1].

Соединяя два эти момента сокровенности в молитвенном диалоге, можно передать суть молитвенного диалога как диалога сокровенного кратким изречением: «Deus absconditus (сокровенному Богу) отвечает homo absconditus (человек сокровенный)» [Евдокимов 2002: 98–99]⁶.

4. Молитва как таинство живого Богообщения.

4.1. Богообщение и молитва. В самосознании исихазма умное делание, или молитвенное возведение ума к Богу в священнобезмолвии, рассматривается как прямой «путь к сокровенному Таинству живого Богообщения» [Журавский 1994: 130]. «Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием... жизнь Само-сущего Бога входит в нас по этому каналу», — говорит архимандрит Софроний (Сахаров) [Софроний 1991: 7]. Живое Богообщение предполагает у молящихся убежденность в том, что Бог существует и слышит молитву молящегося, о чем так пишет епископ Каллист (Уэр): «Призывающие Господа Иисуса должны быть всем сердцем, горячо, непоколебимо убеждены

твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6. 6).

⁶ У П. Евдокимова данное выражение, восходящее к словам апостола Петра о сокровенном сердце человека, сопровождается последующими словами: «... апофатическому богословию соответствует апофатическая антропология» [Евдокимов 2002: 98–99].

в том, что они стоят перед Спасителем, что Он пред ними и в них, Он слышит их молитву и отвечает на нее» [Каллист 2004: 87]. По мысли некоторых подвижников, существуют явные признаки того, что молитва бывает услышана. Так, по словам архимандрита Софрония (Сахарова), только через «чистую молитву крайнего напряжения» подвижник «бывает услышан Богом и воспринят в Его вечность» [Софроний 2000: 172]. «Заметил я, — продолжает архимандрит Софроний, — что если во время молитвы за кого-либо в душе происходило преломление скорби сердца на покой и радость, то это явление всегда бывало верным признаком, что молитва услышана и дано исцеление тому лицу» [Софроний 1991: 108–109].

Показателем подлинности переживания живого, молитвенного опыта Богообщения является личная интонация молящегося. «Пресвятая моя Богородица, я снова тревожу Тебя», — молитвенно обращается старец Паисий Афонский к Божией Матери [Исаак 2006: 566]. Или: «Христос мой, прошу Тебя» — и далее следует молитвенное прошение у старца Паисия [Там же]. При чтении «Добротолубия», замечает епископ Каллист (Уэр), «не может не поражать та особая теплота богообщения, то трепетное чувство сердечной близости с “моим Христом”, которое всегда отличало сочинения исихастов» [Каллист 2004: 89].

В живом молитвенном общении молящегося с Богом различают два плана: 1) энергийное причастие человеческой природы Божественной природе (благодать) и 2) личностное общение «Я — Ты», или общение свободной человеческой личности со свободной Божественной Личностью (ипостасная свобода). Эти планы тесно связаны друг с другом. По выражению прот. Г. Флоровского, «на всех ступенях духовной жизни открывается синергизм произволения и благодати» [Флоровский 1992: 155]. Этот синергизм имеет динамический характер: если в Богочеловеческой синергии на нижних мерах и уровнях восхождения «действует человек, которому содействует Божественная благодать», то на высших степенях восхождения «действует Бог, а человек участвует в синергии своим произволением» [Геронимус 1995: 156]. Подлинное личностное Богообщение, по мысли архимандрита Софрония (Сахарова), предполагает раскрытие ипостасного начала в человеке, которое «прежде всего и больше всего способно воспринять обожение» [Софроний 2000: 172].

Богообщение в духовном опыте священнобезмолвия включает два момента: имяпризывание и встречу (созерцание). По словам прот. А. Геронимуса, «зов по имени осуществляется в отсутствие Призываемого, тогда, когда Он невидим, когда нет Его Света, когда Он молчит», и это «гласное имяпризывание», начинаемое на стадии

устной молитвы, продолжается «гласом ума» на степени умной и умно-сердечной молитвы [Геронимус 2000: 1]. В «причастии же Свету умолкает всякий тварный голос, прекращается имяпризывание, ибо Тот, Кого звали, пришел» [Там же].

Личностное Богообщение, или общение человеческой личности с Божественной Личностью, свободно. Эта свобода пронизывает собой все этапы и моменты Богообщения, начиная от момента взаимного призывания друг друга до момента возможного отклика на призыв другого (Другого). И это утверждение относится не только к Самому Богу, Который может не ответить на молитвенный призыв человека, но и к человеку, в религиозной ситуации которого, по выражению С. С. Хоружего, «изначально заложен вопрос и зов Бога к человеку; и на этот зов человек волен дать или не дать свой отклик» [Хоружий 1998: 129]. «Бог призывает всех, — говорит архимандрит Софроний, — Но не все отзываются на Его призыв» [Старец Силуан 1996: 199].

4.2. Явления Бога («феофании») в Богообщении. Бог познается человеком через откровение, принимающее форму «явления Бога человеку в акте непосредственного общения “лицом к Лицу”» [Софроний 2000: 170]. Такое откровение свободно и непредсказуемо. Сокровенный Бог открывает Себя, «когда Ему угодно, в условиях, которые Он Сам определяет» [Мейендорф 1997: 275]. Самооткровение остается всегда «свободным и суверенным действием Бога, в котором Неприступный выходит из своей неприступности и Непостижимый дает познать Себя» [Там же: 282]. Но такое откровение Бога способны воспринять лишь достойные этого, — утверждает Симеон Новый Богослов: «Насколько Бог хочет быть познанным нами, настолько и открывается, и насколько открывается, настолько видится и познается достойными» [Симеон Новый Богослов 1998: 95].

По словам св. Григория Паламы, Бог выходит к нам «в изобилии Своей милости... из запредельности, непостижимости и таинственности, делаясь причастным уму и невидимо зримым» [Григорий Палама 1995: 69]. По бесчисленным опытным свидетельствам подвижников-исихастов разных эпох, Бог, пребывающий во Мраке как «сверхсущностном светолитии» [Ареопагитики 1969: 610], являет Себя прежде всего как Свет (иногда как огненные языки пламени и т. д.)⁷ или Глас («извещение») в сердце молящегося. Описаниями

⁷ В духовном опыте подвижника действие благодати, или сила огня духовного, по Григорию Синаиту, может проявляться двояко: в начале действие Духа ощущается как «огнь веселия», в конце же — как «свет благоухающий» (цит. по [Геронимус 1995: 157]).

таких «феофаний», или явлений Бога, исполнены многочисленные мистико-аскетические трактаты и жития исихастов. «Пришел Господь, Безначальный Начальник и Свет жизни, милостиво посетить кающуюся душу... — говорит старец Силуан, — когда Бог является в великом свете, тогда невозможно никакое сомнение в том, что это Господь, Творец Вседержитель» [Старец Силуан 1996: 158, 159].

Иногда явление Бога как Света и Гласа в сердце молящегося воспринимается мистиками в их тождестве, как это характерно было для духовного опыта высочайшего христианского мистика Симеона Нового Богослова. «Бог есть Свет... и то, что от Бога, — свет есть... Христос Иисус, Спаситель и Царь всего — свет есть... глас Его — свет», — восклицает он [Симеон Новый Богослов 1993: 106–107]. По словам прот. А. Геронимуса, Божественная энергия воспринимается причастником не только как «Свет откровения непреступного мрака Божественной Сущности, но прежде как Божественное действие, призывающее Своего причастника к подвигу содействия (синергии)» [Геронимус 1995: 156].

Уникальные свидетельства о явлениях Бога подвижнику, пришедшему в совершенную добродетель, имеются у Симеона Нового Богослова: «Когда же приходим мы в совершенную добродетель, тогда не приходит уже Он более, как прежде, безобразным и безвидным... но приходит в некоем образе, впрочем в образе Бога; ибо Бог не является в каком-либо очертании или отпечатлении, но является как простой, образуемый светом безобразным, непостижимым и неизреченным. Больше этого я не могу ничего сказать. Впрочем, является Он Себя ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говорит и слышит невидимо, беседует естеством Бог с теми, кои рождены от Него богами по благодати, как беседуют друг с другом, лицом к лицу, любит сынов Своих как отец, и любим бывает ими чрезмерно, и бывает для них дивным неким видением и страшным слышанием, о которых не могут они говорить как должно, но опять, и молчать не могут» [Симеон Новый Богослов 1993: 488–489].

Особый случай Богоявления в сокровенной форме представляют ответы Бога в виде неких «извещений» в сердце подвижника как отклики на его молитвенные вопрошания или просто сердечные нужды. Так, старец Паисий Афонский, по свидетельству иеромонаха Исаака, часто получал особые «извещения» от Бога, «прося или даже не прося Его об этом» [Исаак 2006: 382]. Подобное извещение часто приходило к нему как некое озарение или посредством краткой молитвы [Там же: 636]. По свидетельству архимандрита Рафаила, схиигумен Савва часто, не отвечая на вопрос, говорил: «Я помолюсь о тебе»; и, как правило, «человек получал ответ, иногда совершен-

но неожиданный» [Рафаил 2008: 37]. Встреча с таким духоносным старцем сама нередко для других несла в себе ответ на их сокровенные вопрошания. «Когда я шел к отцу Савве, у меня было много вопросов, — вспоминал архимандрит Рафаил, — а при встрече с ним они вдруг исчезали, даже забывались, как будто были разрешены не словом, а силой благодати, как будто сама встреча с ним уже была ответом» [Рафаил 2008: 45].

4.3. Человек в Богообщении: молитва и обожение. Исихастское умное делание в святоотеческом предании предстает как путь, обновляющий и «в Духе обожающий человека» [Каллист, Игнатий 1992: 421]. Под действием благодати у исихастов, по бесчисленным свидетельствам подвижников разных эпох, происходит преображение чувств: появляются духовное зрение, духовный слух, духовное обоняние и др. как корреляты физического зрения, слуха, обоняния и других органов чувств. На высоких стадиях духовного восхождения подвижники духовным взором созерцают невидимое. «Он духом видит Невидимого, дышит Им, весь в Нем», — говорил о старце Силуане Афонском архимандрит Софроний [Старец Силуан 1996: 157].

Подобным даром обладал и старец Паисий Афонский, который со свойственной ему необыкновенной простотой так говорил о своих духовных состояниях: «Человек зрит видение глазами души. Иногда, когда мне бывали видения, я закрывал глаза, но продолжал видеть. Значит, я видел глазами души. Когда кому-то является Святой в присутствии кого-то еще, то иногда этот третий человек может видеть Святого, иногда может слышать его голос, а иногда не видит и не слышит ничего. Общего закона тут нет» [Исаак 2006: 651]. Сам старец Паисий, по свидетельству иеромонаха Исаака, «в своей земной жизни... видел многих Святых, а также своего Ангела Хранителя, многократно — Пресвятую Богородицу и Самого Христа. Он видел их не во сне... Он беседовал с Ними. Они давали ему Свое целование...» [Там же].

Архимандрит Софроний обращает внимание на тот удивительный факт, что такое состояние преображенных чувств подвижники представляют себе как естественное. Он пишет: «Частое явление, которое я встречал на Святой Горе Афона: монах весь в Боге: он во Свете, и Свет сей в нем. Но у него нет рассудочной реакции на сие событие: оно ему представляется естественным состоянием» [Софроний 1985: 201].

В благодатном опыте общения с Богом подвижник-исихаст переживает обретаемое им личное обожение как начало преображения всех других людей и всего мира: «... в созерцании-соединении с нетварным светом созерцающий сам обретает пронизанность светом,

световидность — и это означает преобразование также и его телесной природы, начатое в здешнем опыте и совершенное — в эсхатологическом плане» [Хоружий 1998: 176–177].

Эту святоотеческую мысль так поясняет митрополит Антоний Сурожский, находясь под впечатлением увиденных им икон «Преображения» св. Андрея Рублева и Феофана Грека: «Молитва сердечного безмолвия... преобразует мир. Она позволяет исихасту взглянуть за пределы этого мира, возводит к незримому Творцу, чтобы затем, вернувшись, он мог новыми глазами взглянуть на этот мир... ибо он всевидит в Боге и Бога во всем» (цит. по [Каллист 2004: 94]). На этих иконах выражается, по мысли митрополита Антония, «двойное действие славы Преображения» [Там же]. На иконе Андрея Рублева, говорит он, «Христос изображен в великолепных сияющих белых одеждах, излучающих свет на все вокруг... В этом свете, который есть... Божественная слава, Божественный свет, неотделимый от Самого Бога, все вещи приобретают ту особую напряженность бытия, которую иначе обрести невозможно. В нем они достигают полноты той реальности, которую могут иметь только в Боге» [Там же: 93].

На иконе же Феофана Грека, продолжает свое описание митрополит Антоний, — «одежды Христа серебристые, с голубым отливом; расходящиеся от Него лучи света тоже белые, серебристые и голубые... все творение в этих лучах Божественного Присутствия... делается прозрачным. Кажется, будто лучи Божьего света прикасаются, пронизывают, проникают в самые недра, к самой сердцевине всякого творения... Это момент эсхатологического свершения, когда, по слову св. Павла, “Бог есть все во всем”» [Там же: 93–94]. Таково же и «двойное действие исихии», — резюмирует митрополит Антоний Сурожский [Там же: 94].

5. Молитва как духовно-семиотический феномен. Истолковывая диалог как общение и коммуникацию, диалогическая философия усматривает сущностную характеристику диалога не в его особой организации и «субстанции», но в определенном типе отношений между участниками диалогической коммуникации, именуемом М. Бубером «взаимной направленностью внутреннего действия» [Бубер 1995: 99]. Сам Бубер так поясняет суть данного отношения: «Диалог не ограничивается общением людей друг с другом, он... есть отношение людей друг к другу, выражающееся в их общении... одно должно в любом случае необходимо присутствовать в диалоге — взаимная направленность внутреннего действия. Два участвующих в диалоге человека... должны быть обращены друг к другу,

должны быть — все равно с какой мерой активности или сознания активности — обращены друг к другу» [Там же: 99–100].

Что же касается таких структурных элементов диалога, как «звуки» и «слова», а также само сообщаемое содержание («сообщение»), то подлинный диалог, по Буберу, может без них и обойтись. В отдельные моменты он выходит за их пределы и поднимается над ними. «Диалог между людьми, хотя он обычно находит свое выражение в звуке и слове... может... вестись и без знаков, правда, не в объективно постигаемой форме... — утверждает Бубер. — В свои высшие моменты диалог выходит и за эти границы. Он совершается вне сообщаемого или доступного сообщению содержания, даже самого личного по своему характеру» [Бубер 1995: 96].

Такая «взаимная направленность внутреннего действия» участвующих в диалоге предполагает обращенность к другому (Другому), его ответный отклик, а также возникающий при этом некий «дух целого», который прокладывает себе дорогу «сквозь различия реплик», образующих некий текст диалога [Померанц 1997: 97].

Отмеченные признаки, составляющие семиотическую компоненту диалога, приобретают в молитвенном диалогизме священнобезмолвия свою специфику, связанную с особенностями мистического опыта Богообщения. Характерную черту такого опыта составляет синкретизм — нерасторжимое единство слова, мысли, действия и духовного состояния подвижника, основу которого составляет смирение. Таков и исихастский молитвенный диалог, или молитва в ее широком понимании, в чин которой входят самые разные формы обращенности подвижника-исихаста к Богу — в слове, мысли, действии. О чине молитвы и его многомерном характере так пишет Исаак Сирийский: «... всякая беседа, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою, и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопения в стихословии, или все прочее, из чего составляется все учение чистой молитвы» [Исаак Сирийский 1993: 166].

В семиотическом истолковании внешний чин молитвы в молитвенном диалоге выступает как «выражение» (в терминологии Ельмслева). Что же касается самого содержательного смысла моления в исихастском Богообщении, то такое «содержание» имеет бесконечно разнообразный характер. Это может быть выражение благодарности (εὐχαρίστια) Богу и Его славословие (прославление), покаянный плач о своих грехах и грехах всего мира, моление о живых и моление об усопших. При неизменности своей конечной цели в веках, молитва,

по мысли архимандрита Софрония (Сахарова), весьма динамична. Не теряя единства своего изначального устремления, она непрестанно меняется в своем содержании: иногда она объемлет собой весь мир, а иногда сосредоточивается только на сиюминутных нуждах молящегося [Софроний 1991: 40–41].

В молитве, по словам архимандрита Софрония, молящийся может высказывать Богу также и свое «бедственное положение»: «бессилие, уныние, сомнения, страхи, тоску, отчаяние», и высказывать это в простоте, без каких-либо «изысканных выражений» и «логической последовательности» [Там же: 11]. Но именно такой способ обращения к Богу, полагает архимандрит Софроний, и может послужить началом подлинной «молитвы-беседы» с Ним [Там же].

Основу умного делания в духовной практике священнобезмолвия составляет Иисусова молитва *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного*, мистическим центром которой является имя Иисуса Христа. Говоря о безмерном содержании этой молитвы, богословы усматривают в этой молитве две основные темы: 1) догматическое исповедание Троицы и 2) покаяние с просьбой о помиловании⁸. Резюмируя более подробно такое понимание Иисусовой молитвы, П. Н. Евдокимов пишет: «В этой молитве заключена вся Библия, вся ее весть, сведенная к ее самому простому исповеданию, что Христос есть Господь, исповеданию Его божественного сыновства, и следовательно, Троицы. Затем — признание бездны грехопадения и, наконец, призывание бездны божественного милосердия. Начало и конец собраны в одном слове, заряженном всей квазисакраментальной силой присутствия Христа в Его Имени» [Евдокимов 2002: 164–165].

6. Молитва как диалог: универсальное и уникальное. В молитвенном Богообщении сохраняются многие черты диалогической коммуникации, такие как целеориентированность, пространственно-временная протяженность, спонтанность (свободный характер) и некоторые другие, претерпевающие известные модификации и акцентуации, вызываемые особенностями ситуации исихастского Богообщения.

6.1. Целеориентированность. Сверхцелью молитвенного общения в исихазме является «пробывание и соединение человека с

---

⁸ Вторая часть данной молитвы есть, собственно, «молитва мытаря» [Булгаков 1991: 312]. См. евангельские слова мытаря: «Боже, милостив буди мне грешнику» (Лк 18. 13). Более подробную экспликацию содержания Иисусовой молитвы см. у митрополита Антония Сурожского [Антоний Сурожский 1999: 54–55].

Богом» [Иоанн Лествичник 2001: 234]. «Мы взываем к Нему непрестанно для того, чтобы самим непрестанно быть с Ним», — пишет св. Григорий Палама [Григорий Палама 1995: 142]. И «нуждаемся мы в этом непрестанном молении не для того, чтобы убедить Бога, ведь Он подает утешение по Своей воле, и не для того, чтобы привлечь Его, ведь Он везде, а для того чтобы своим зовом самих себя возвести и обратиться к Нему в стремлении приобщиться к Его благодатным дарам» [Там же]. Но осуществить это для подвижника невозможно без внутренней собранности (цельности), обретения которой он и ищет на пути умного делания. «Призывая Имя, мы собираем нашу расколотую индивидуальность вокруг единого центра... — замечает епископ Каллист (Уэр). — Иисусова молитва, постепенно уводя нас от “толкотни” хаотичных или спорящих друг с другом мыслей, помогает свести наше мечущееся “я” к единой точке» [Каллист 2004: 86].

6.2. Хронотоп молитвенного общения. В исихастском предании целостный путь подвижника предстает как лестница в Царство Небесное — и в то Царство, которое есть «внутри нас», и в Царство «будущее» [Филофей 1992: 402]. Важнейшей чертой молитвенного общения подвижника в священнобезмолвии на пути достижения такого Царства является выход за пределы земного существования. «Молитва есть энергия особого порядка: она есть слияние двух действий: нашего — тварного, и Божьего — нетварного. Как таковая, она и в теле, и вне тела; вне даже мира сего, пространственного и временного, — утверждает архимандрит Софроний (Сахаров). — Когда мы в благом ужасе от видения святости Бога и в то же время в отчаянии от нашего крайнего недостойнства такого Бога, то молитва становится могучим порывом духа, разрывающим тесное кольцо тяжелой материи» [Софроний 1991: 55, 56].

По святоотеческому учению, благодатная молитва, начинаясь на земле, может продолжаться и в вечности⁹. Как свидетельствует архимандрит Рафаил, дар такой благодатной молитвы получил от Господа схиигумен Савва: «Это была та непрестанная молитва, которая идет от сердца к сердцу, — молитва, неподвластная расстоянию и времени. Человек чувствовал, что он вошел в незримый свет молитвы подвижника, будет ли он рядом с отцом Саввой или за тысячи верст от него, будет ли он совершать путь земной жизни или уже окончит его — этот свет не угаснет и не померкнет, любовь

⁹ См. описание аналогичного явления в художественном мире Достоевского у М. М. Бахтина: «Достоевский переносит диалог в вечность, мысля ее как вечное со-радование, со-любование, со-гласие. В плане романа это дано как незавершимость диалога» [Бахтин 1979: 294].

отца Саввы не оставит человека одиноким и брошенным» [Рафаил 2008: 30].

6.3. Протяженность молитвенного диалога. Исихастская молитва на своих высших ступенях становится самодвижной и непрестанной. При всех разных подходах к истолкованию феномена непрестанности умного молитвенного делания в священнобезмолвии общим для них всех является представление о том, что непрестанность является категорией не внешнего человека, но человека внутреннего, и что она, следовательно, отнюдь не равносильна «неотрывной внешней погруженности в молитвенное делание» [Хоружий 1998: 125]. Это означает, другими словами, что для того, «чтобы непрестанно молиться, вовсе не обязательно произносить нескончаемые молитвословия» [Каллист 2004: 66].

Непрестанная молитва, заповедь о которой восходит к известным словам апостола Павла «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес 5. 17, 18), в разных истолкованиях понимается как непрестанная молитва в подвижнике самого Святого Духа [Каллист 2004: 68], непрерывность Богопредстояния подвижника [Там же: 72] и, наконец, как внутреннее состояние подвижника, когда молитва становится существенной частью его самого и самой его жизнью. В таком смысле молитвой признается даже само молчание исихастов: «Молчание чистых — молитва: даже молчание святых, их покой и бездействие само по себе есть молитва Богу, ибо их молитва стала существенной частью их самих» [Там же: 68].

6.4. Спонтанность и творческий характер молитвенного общения. Конечной целью диалогического общения, по философии диалога Бахтина, является полное согласие личных голосов в диалоге, показателем которого является сохранение разности и неслиянности голосов и наличие элемента неожиданности, дара и чуда, поскольку диалогическое согласие по своей природе свободно и не является «предопределенным» и «неизбежным» [Бахтин 1996: 364]. Такова же и исихастская молитва, которая, по выражению архимандрита Софрония (Сахарова), есть «бесконечное творчество» [Софроний 1991: 7].

7. «Исихастский человек» в молитвенном Богообщении: речеповеденческие, умственные и духовные установки и стратегии. Основное содержание духовной жизни «исихастского человека» составляет умное (мысленное) делание сокровенного сердца человека, направленное на претворение в подвижнике «ветхого» человека в «нового» и на соединение его с Богом. Соответственно двум основ-

ным моментам такого делания — трезвению и непрестанной молитве — аскетические усилия подвижников-исихастов направлены на хранение (обезмолвливание) ума и достижение чистой молитвы.

Аскетическая деятельность по хранению ума включает два тесно связанных друг с другом действия — борьбу с «помыслами» и борьбу с «воображением», препятствующими чистой молитве и соединению подвижника с Богом. Суть умного безмолвия есть «хранение сердца от всякого постороннего помысла посредством внутреннего умного внимания, чтобы, устранив всякое чуждое влияние, достигнуть предстояния Богу в чистой молитве» [Старец Силуан 1996: 120]. В соответствии с основным характером православной мистики — ее «без-образностью», подвижники ни во время молитвы, ни при богомыслии по строгим правилам аскетики не должны стремиться к «человеческому боговоображению, если Сам Бог не возбуждает образа в человеке» [Булгаков 1991: 311]. Подвижник «ищет истинного Бога Творца... совлекшись всякого тварного образа», чтобы «помолиться Богу лицом к Лицу» [Старец Силуан 1996: 138].

Аскетическая деятельность по достижению чистой молитвы включает стратегии и установки, касающиеся исихастской культуры слова. Эти стратегии и установки затрагивают в основной своей линии начало и середину пути молитвенного восхождения к Богу, завершением которого является молчание как превосхождение слова. «Молчание есть таинство будущего века, — говорит Исаак Сирий, — а слова суть орудие этого мира» [Исаак Сирий 1993: 180].

Аскетика слова различает следующие три момента на пути к достижению молчания в молитвенном подвиге восхождения к Богопознанию — краткословие (малословие), отказ от греховной деятельности слова (празднословие, злословие и др.), бессловесность¹⁰. Стремление к малословию связывается у исихастов с тем, что молитва требует внутреннего безмолвия, при котором «душа становится особенно чуткой к внешним впечатлениям», так что слова начинают восприниматься как «шум, нарушающий тишину» [Рафаил 2008: 44].

Что же касается празднословия, то оно осуждается как «попращание» слов Спасителя¹¹. «Не в том состоит молчание, чтобы молчать устами; ибо один человек говорит тысячи слов полезных, и сие вменяется ему в молчание; а другой скажет одно праздное слово, и оно

¹⁰ По «Ареопагитикам», приближаясь к вершине восхождения, мы «погружаемся во мрак, который выше ума, и здесь обретаем уже не краткословие, а полную бессловесность и бездействие мысли» [Ареопагитики 1969: 608].

¹¹ Имеется в виду Евангелие от Матфея: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф 12. 36).

вменяется ему в попрание учений Спасителя», — утверждают Варсануфий Великий и Иоанн [Варсануфий, Иоанн 1994: 352].

Здесь обращает на себя внимание парадокс речи и молчания в молитвенном диалогизме священнобезмолвствующего: непрерывное говорение полезного для спасения приравнивается молчанию и безмолвию, а внешнее молчание при внутреннем собеседовании с помыслами и осуждением — приравнивается к празднословью¹². Этот парадокс так выражает авва Пимен: «Иной человек, кажется, молчит, но в сердце своем осуждает других, такой непрестанно говорит. А другой с утра до вечера говорит и, между тем, соблюдает молчание: потому что он ничего не говорит без пользы» [Евдоким 1997: 138]. Как замечает старец Паисий Афонский, живущие в безмолвии и собеседующие со своими помыслами оказываются большими болтунами, чем «болтуны в миру» [Исаак 2006: 489]. Для того чтобы быть исихастом, заключает старец Паисий, «надо иметь умную молитву» [Там же].

Универсальной диалогической установкой для участвующих в диалоге является желание и умение слушать и слышать своего адресата¹³. Так же и в молитвенном Богообщении, где такой установке отводится особо значимая роль. Вследствие незримости высокого Адресата молитвенного общения особо значимую роль у исихаста начинает играть именно слух, направленный на ожидание «извещения» от Бога в ответ на молитвенные вопрошания подвижника. «И в самый час беседы с человеком, — говорит архимандрит Софроний (Сахаров), я старался держать “слух” ума моего на сердце, чтобы улавливать Божию мысль и часто даже слова, которые нужно сказать» [Софроний 1991: 101].

Эта способность слушать так ценится в исихазме, что самого исихаста даже определяют как того, кто умеет слушать. «Исихаст *par excellence*, — замечает епископ Каллист (Уэр), — тот, кто умеет слушать, кто открыт присутствию Другого... исихаст вступает в тайники своего сердца, дабы в предстоянии пред Богом, расслышать неизреченные слова своего Создателя» [Каллист 2004: 83].

¹² «Празднословие» в священнобезмолвии не тождественно представлению о «праздноречевой деятельности», или фатической коммуникации в лингвистике (о последней см. [Арутюнова 1998: 652]).

¹³ Неспособность и ненастроенность услышать ответ своего собеседника приводит к разрушению диалогического общения. Отдельную проблему составит вопрос о границах диалогического общения и о его вырожденных формах. О «нулевых диалогических отношениях», или «диалоге глухих», см. [Бахтин 1996: 336]; о превращении диалога в видимость — [Бубер 1995: 112]; о художественных приемах изображения некоммуникабельности персонажей — [Винокур 1990: 135].

* * *

«Всякая подлинная жизнь есть встреча», — говорит один из создателей современной диалогической философии Мартин Бубер. — Но «современный человек не верит и не встречает» [Бубер 1993: 38]. В отличие от человека секулярной культуры, исихастский человек «верит» и «встречает». И такая встреча для него — встреча с Богом — совершается в молитве, которая, по словам митрополита Антония Сурожского, духовного учителя прот. А. Геронимуса, памяти которого посвящается данная работа, есть «одновременно искание Бога и встреча с Ним, которая перерастает в общение» [Антоний 2002: 859]. Началом всего этого, считает митрополит Антоний, является упование на самую возможность такой встречи, терпеливое ожидание ее и умение вслушиваться в тишину: «Надо научиться вслушиваться в тишину... и может, сбудется слово из книги Откровения: “Вот, Я стою у двери и стучу”» [Антоний 1999: 108]¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1997 — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Ажеж 2003 — *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
- Антоний 1999 — *Антоний, митр. Сурожский.* Учитесь молиться. М., 1999.
- Антоний 2002 — *Антоний, митр. Сурожский.* Труды. М., 2002.
- Ареопагитики 1969 — *Ареопагитики // Антология мировой философии.* Т. 1. Ч. 2. М., 1969.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1996.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бубер 1993 — *Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
- Бубер 1995 — *Бубер М.* Диалог // *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
- Булгаков 1991 — *Булгаков С.* Православие: Очерки учения православной церкви. Paris, 1991.

¹⁴ Митрополит Антоний ссылается здесь на слова из «Откровения» Иоанна Богослова: «Се, стою у двери, и стучу. Если кто услышит голос Мой, и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр 3. 20).

- Варсануфий, Иоанн 1994 — *Варсануфий Великий, Иоанн преп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошания учеников. М., 1994.
- Василюк 2005 — *Василюк Ф. Е.* Переживание и молитва: Опыт общепсихологического исследования. М., 2005.
- Винокур 1990 — *Винокур Т. Г.* Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь 1990.
- Геронимус 1995 — *Геронимус А., прот.* Богословие свяшеннобезмолвия // Синергия: Проблемы аскетике и мистики православия. М., 1995.
- Геронимус 2000 — *Геронимус А., прот.* Богословские заметки (рукопись). М., 2000 (год поставлен условно).
- Григорий Палама 1995 — *Григорий Палама, св.* Триады в защиту свяшеннобезмолвствующих. М., 1995.
- Григорий Синаит — *Григорий Синаит, преп.* Творения. М., 1999.
- Гриненко 2000 — *Гриненко Г. В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация: Логико-семиотический анализ вербальной магии. М., 2000.
- Доброхотов 1996 — *Доброхотов А. Л.* Мир как имя // Логос: Философско-литературный журнал. 1996. № 7.
- Евдоким 1997 — *Евдоким (Мещерский), еп.* Святые минуты: Примеры благочестия и добродетели, извлеченные из житий святых. М., 1997.
- Евдокимов 2002 — *Евдокимов П.* Православие. М., 2002.
- Журавский 1994 — *Журавский И., прот.* О внутреннем христианстве. М., 1994.
- Иоанн Зизиулас 2006 — *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви. М., 2006.
- Иоанн Лествичник 2001 — *Иоанн Лествичник, св.* Лествица. М., 2001.
- Иоанн Экономцев 1992 — *Иоанн (Экономцев), игумен.* Православие. Византия. Россия. М., 1992.
- Исаак Сирий 1993 — *Исаак Сирий, преп.* Творения. Слова подвижнические. М., 1993.
- Исаак 2006 — *Исаак, иером.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006.
- Каллист, Игнатий 1992 — *Каллист и Игнатий Ксанфопулы, иноки.* Наставление безмолвствующим // Добротолюбие. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.
- Каллист 2004 — *Каллист (Уэр), еп.* Внутреннее царство. Киев, 2004.
- Лифинцева 1998 — *Лифинцева Т. П.* Диалог // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В трех томах. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллин, 1992.
- Лурье 1997 — *Лурье И.* Комментарии // *Мейендорф И., протопр.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997.
- Мейендорф 1997 — *Мейендорф И., протопр.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997.

- Мейендорф 1997 — *Мейендорф И., протопр.* История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
- Плугин 1974 — *Плугин В. А.* Мироззрение Андрея Рублева. М., 1974.
- Померанц 1997 — *Померанц Г. С.* Диалог // Культурология: XX век: Словарь. СПб., 1997.
- ПСБ 1999 — Путь к священному безмолвию: Малоизвестные творения святых отцов-исихастов. М., 1999.
- Рафаил 2008 — *Рафаил, архим.* На пути из времени в вечность: Воспоминания. Саратов, 2008.
- Симеон Новый Богослов 1993 — *Симеон Новый Богослов, преп.* Творения. Т. 2. Слова 53–92. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
- Симеон Новый Богослов 1998 — *Симеон Новый Богослов, преп.* Главы богословские, умозрительные и практические. М., 1998.
- Софроний 1985 — *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога как Он есть. Essex, 1985.
- Софроний 1991 — *Софроний, архим.* О молитве: Сборник статей. Paris, 1991.
- Софроний 2000 — *Софроний (Сахаров), архим.* Рождение в Царство Непоколебимое. М., 2000.
- Старец Силуан 1996 — *Старец Силуан Афонский.* М., 1996.
- Филофей 1992 — *Филофей Синайский, преп.* Сорок глав о трезвении // Добротолюбие. Т. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1992.
- Флоровский 1972 — *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992.
- Хайдеггер 1998 — *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
- Хализев 1987 — *Хализев В. Е.* Диалогическая речь и монологическая речь // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Хоружий 1998 — *Хоружий С. С.* К феноменологии аскезы. М., 1998.
- Якубинский 1986 — *Якубинский Л. П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986.

И. Ф. Рагозина

СУДЯТ ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА. РЕЧЬ АДВОКАТА КАК ДИАЛОГ В МОНОЛОГЕ

Выступление адвоката Фетюковича в защиту Дмитрия Карамазова, обвиняемого в отцеубийстве, представляет собой довольно длинный текст, реализованный в частях, носящих отчетливо полемический характер, о чем свидетельствуют названия самих частей: «Речь защитника. Палка о двух концах» (X), «Денег не было. Грабежа не было» (XI), «Да и убийства не было» (XII), «Прелюбодей мысли» (XIII). Возможно, именно благодаря своей объемности это выступление является не только одной стороной юридической контрверзы, но заключает ее в себе всю, так сказать, в компрессированном виде.

Как и всякая связная речь, обращенная к слушающим, выступление адвоката представляет собой монолог. В самом общем, содержательно-информативном плане можно сказать, вслед за академиком В. В. Виноградовым, что это монолог «сообщающего типа» в его «повествующей разновидности» [цит. по Шведова 1956: 68]. Однако если присмотреться к ней внимательно, то уже самый поверхностный взгляд обнаружит диалогические вкрапления в виде непосредственной и косвенной цитации из речи прокурора, элементов интерсубъективности, в виде личностных апелляций и оценочных высказываний, обращенных адвокатом своему оппоненту. Как говорит сам Ф. М. Достоевский, речь адвоката — это «критика, опровержение обвинения, иногда злое и саркастическое». Достаточно посчитать, сколько раз защитник обвиняет прокурора в «сочинении романов» и чрезмерном увлечении психологией, которая, являясь «палкой о двух концах», часто вредит настоящему профессиональному расследованию.

И хотя в линейной структуре этого монолога нет непосредственного обмена репликами (А–В) и говорящий здесь один, этот текст настолько приближается к живой дискуссии, что его ничего не стоит перестроить, скажем, в «нормальный» диалог. Иными словами, это тот самый монолог, который получается из информирующего диалога, если его, как говорит Н. Д. Арутюнова, свернуть в монолог «путем

исключения из него вопросов и установления логических временных связей между ответами. Такое сжатие делает, например, следовательно, давая на основе вопросов заключение по делу» [Арутюнова 199: 650]. Но надо иметь в виду, что перед нами не следовательно, объективно и «бесстрастно» излагающий факты, составляющие уголовное дело. Адвокат во время слушания дела информирует суд относительно своего видения этих фактов, пытается найти аргументы в пользу подсудимого и даже доказать его невиновность, для чего ему необходимо опровергнуть доводы обвинителя. При этом, как мы уже говорили, он прямо цитирует фрагменты из речи обвинителя и весьма эмоционально их комментирует. И поэтому его монолог, как с точки зрения поставленных целей, так и с точки зрения использования тактических приемов, должен быть охарактеризован как информативно-аргументативный.

Однако в своем глубинном пропозициональном пространстве этот монолог является сложным продуктом речевого взаимодействия, по крайней мере, трех участников: двух явных — проponent (прокурор), оппонент (защитник) — и одного неявного, «теневого» коммуниканта, в качестве которого выступает подсудимый, он же подзащитный. И хотя все три собеседника, очень по-разному, в разное время и в разном институциональном статусе, участвуют в коммуникативной интеракции, их реплики — инициальные и реагирующие — могут быть выстроены в полилог триадического типа, или аргументативный трилог (см. об этом в [Plantin 1996] и [Айрапетов 2006]).

Что касается участников, то, как это чаще всего бывает в трилоге, двое из них составляют коалицию против третьего: подзащитный — защитник, с одной стороны, и обвинитель, с другой. Соответственно, отношения членов коалиции между собой могут быть определены как унисон, а третий будет находиться в позиции конфронтации, или диссонанса (об унисоне и диссонансе см. в [Балаян 1971]).

Диспозицией актантов в триаде определяется их роль в создании общего аргументативного пространства монолога-полилога, информационными каналами которого являются диалог-допрос в ходе следствия, а также диалог-спор в судебном процессе. Каждый участник триады наделен собственной информацией: подсудимый, он же и подзащитный, отвечая на вопросы прокурора и защитника, дает объяснение своих поступков (E), прокурор строит свою версию¹ (V), адвокат высказывает свою контрверсию (W), «сшиб-

---

¹ Версия есть разновидность гипотезы... версии строятся для выяснения причин отдельных событий. Такие версии обычно являются частями доказательств (при уголовном расследовании). Версии выдвигаются и опровергаются [ФН, т. 2: 162].

ка» версии и контрверсии составляет существо полемики и основу профессионально-ролевой конфронтации защитника и обвинителя.

Мы пока говорим о Дмитрие Карамазове, но ведь есть еще и допросы лакея Смердякова, выступающего в качестве скорее свидетеля, нежели подозреваемого. Допросы-диалоги, проведенные прокурором и адвокатом, составляют еще один информационный слой монолога защитника.

Первая триада участников: Прокурор — Карамазов — Адвокат. Прокурор не верит Карамазову, и его версия (V) противоречит объяснениям последнего (E). Защитник склонен верить Карамазову, и его версия представляет собой контрверсию (W) по отношению к версии прокурора. Если версия V опровергает истинность объяснения E, то контрверсия W на это E во многом, хотя и не всегда, опирается.

Теперь вторая триада участников: Прокурор — Смердяков — защитник. Здесь в коалиции будут состоять прокурор и свидетель, защитник занимает позицию конфронтации. Прокурор верит Смердякову, и его версия основывается на объяснениях последнего, защитник не верит Смердякову, и его контрверсия разбивает версию прокурора. В качестве абстрактной схемы основных положений выступления защитника можно принять следующую формально-полилогическую структуру:

— фрагмент речи прокурора (прямая цитация): версия V, опровергающая объяснение E (= результат предварительного диалога-допроса Карамазова);

— возражение адвоката: опровержение версии V, выдвижение контрверсии W, согласующейся с объяснением E (результат предварительного диалога-допроса Карамазова).

— фрагмент речи прокурора (косвенная цитация): версия V₁, согласующаяся с объяснением E₁ (результат предварительного диалога-допроса Смердякова). Контрверсия W адвоката, разбивающая объяснение E₁ и версию V₁. Поясним теперь подробнее, какие реалии стоят за терминами E, V и W и чем отличается объяснение-показание от объяснения-версии. Символ E обозначает для нас то, как сам подсудимый объясняет собственные поступки, отвечая на вопросы *зачем* и *почему*. Например, в предварительном следствии на вопрос: *Зачем вы взяли пестик?* Карамазов дает спонтанное объяснение: *Ну, темно... Ну от собак... Ну не помню.* Прокурор, находя эти объяснения неправдоподобными (*этого не может быть*), выдвигает свое объяснение этим поступкам, преступник-де взял его как орудие для умышленного убийства (= для того, чтобы убить отца). Это и есть версия V.

Защитник, находя объяснения подзащитного вполне правдоподобными (*а почему, собственно, не могло?*), подчеркивал непредна-

меренность, случайность этого действия. Зачем он взял пестик? Да просто на глаза попался. Это и есть контрверсия защитника W, контрдикторная версии прокурора и согласная с объяснением E.

Получается, что в глобальном полилоге, образующем информационно-аргументативное пространство монолога адвоката, реплики прокурора и защитника являются взаимно опровергающими, причем в каждом диалоге реализуются два разных закона отрицания: закон «простого» ($A \text{ — не } A$) и закон двойного отрицания ($\text{не } A \text{ — не не } A$, то есть A). Так, подсудимый утверждает, что P (его объяснение E), прокурор возражает: не может быть, что P (версия V), адвокат возражает прокурору: очень даже может быть, что P (не не P), и это его контрверсия W. В первом случае получается Нет-опровержение, а во втором — Да-нет-опровержение (Si-опровержение).

Теперь о том, какой логический механизм опровержения «задействован» в контрверзе. В свое время А. П. Чехов, думая посмеяться над своим героем («Письмо к ученому соседу»), вложил в его уста формулу опровержения «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Это «рассуждение» было охарактеризовано как лишенный реальной логической базы «спор о словах» [Булыгина, Шмелев 1990], и, надо сказать, в том рассказе Чехова оно действительно играет лишь пародийно-ироническую роль. И тем не менее, традиционная логика отмечает в качестве весьма «серьезного» вида рассуждения так называемое умозаключение модальности, когда из невозможности бытия (A не может быть) следует само небытие (A не может быть = A ложно). Опровергая возможность бытия A , оппонент опровергает самое A . Вот что пишет об этом П. В. Таванец: «Чего не может быть, того и действительно нет. Поэтому из всякого суждения невозможности следует суждение недействительности: Если жиры **не могут** растворяться в воде, то, следовательно, жиры **не** растворяются в воде. Такие выводы часто встречаются как в науке, так и в практической жизни» [Таванец 1955: 182]. Или еще: «Ложность любого проблематического суждения является установленной, если доказано, что мыслимый признак НЕ МОЖЕТ принадлежать... предмету суждения. Например, ложность суждения действительности “Н. совершил поступок А” является доказанной, если установлено, что Н. не мог совершить поступок» [Таванец 1956: 71]. Как видно, в качестве аргумента или посылки в таком опровергающем умозаключении выступают два вида невозможности — теоретическая и практическая².

² Мы же в своих работах охарактеризовали эти два вида невозможности как «никогда»- и «никак»-невозможность. Первый вид невозможности связывается с понятием «пустого класса», а второй — с понятием матери-

По нашим наблюдениям, теоретическая невозможность может выражаться не только предложением «этого не может быть никогда», но и «так не бывает», «нормальные люди так не делают», и «не таков этот человек, чтобы...». Достоевский очень часто апеллирует и к теоретической невозможности — психологическая невозможность, то есть несовместимость с природой человека вообще или обсуждаемого индивида в частности — и к практической невозможности как неосуществимости действия в данных условиях. Умозаключение модальности как вид прямого опровержения: **А ложно, потому что А не может быть никогда (никак)** нередко соседствует или даже переходит в косвенное опровержение «от противного»: **Если бы было А, то было бы и В//, но так как В не было, следовательно, не было и А.** Именно на этих двух логических формулах базируется вся аргументация диалогов, из которых «смонтировано» пропозициональное содержание многоканального полилога, который представляет собой монолог защитника.

Рассмотрим этот полилог в виде двух триадических блоков, в рамках которых обсуждаются основные положения предварительного следствия, а затем и **Первая триада участников: Карамазов — прокурор — адвокат.**

1. Вопрос прокурора к Карамазову: зачем он соскочил к поверженному им слуге, отирал ему кровь и т. д. На предварительном допросе Карамазов дает, как всегда, сумбурное объяснение: зачем спрыгнул к поверженному Григорию да еще и кровь унимал своим собственным носовым платком? Ответ Карамазова (Е): из жалости. Прокурор пытается представить каузальное объяснение целевым. Он приписывает Дмитрию в качестве причины его действия не эмоциональную реакцию и неконтролируемый порыв, а вполне осознанный мотив, цель.

Версия прокурора (V), цитированная адвокатом: Нет-опровержение: *«Нет, дескать, может ли быть такая чувствительность в такую минуту: это-де неестественно, а соскочил он именно для того, чтоб убедиться: жив или убит единственный свидетель его злодеяния, а, стало быть, тем и засвидетельствовал, что он совершил это злодеяние, так как не мог соскочить в сад по какому-нибудь другому поводу, влечению или чувству.*

Умозаключение модальности: «Человек, только что совершивший злодеяние, не может быть столь чувствительным. Следовательно, и Карамазов не мог соскочить из жалости = исключено, что Кара-

---

альной нереализуемости действия, обусловленной непреодолимым препятствием [Рагозина 2007 и 2007а].

мазов соскочил из жалости'. Что касается последующего рассуждения, то оно рассыпается на ходу. Выведенный прокурором тезис о том, что он соскочил из предусмотрительности (чтобы осмотреть, жив или убит свидетель), отнюдь не есть факт и ни о чем не свидетельствует. Это само есть не что иное, как гипотеза, требующая доказательства, и никак не может быть аргументом для другого тезиса (он убил отца). «Карамазов не мог иметь чувство жалости, потому де что он совершил злодеяние!» Но ведь последнее еще надо доказать, доказательство же, где аргументом служит недоказанная гипотеза, логически несостоятельно.

Контрверсия адвоката (W) А почему же не мог? — Si-опровержение.

Спрашивается, для чего же мы так сделали? А вот именно потому и сделали, что нам горько стало, что мы человека убили, старого слугу... Если же могли почувствовать боль и жалость, что человека убили, то, конечно, уж потому, что отца не убили: убив отца, не соскочили бы к другому поверженному из жалости..., напротив, ... размозжили бы ему череп окончательно, а не возились бы с ним пять минут. Явилось место жалости и доброму чувству именно потому, что была перед тем чиста совесть.

Действительно, вопрошает адвокат, зачем подсудимый совершал такие непонятные для убийцы действия: отирал кровь с лица поверженного, носил с собой окровавленный платок, отбросил пестик, почему, вопреки логике и здравому смыслу, он и не подумал о том, что они могут быть уликами против него? Умозаключение о мотивации действий подзащитного (контрверсия W) вполне совпадает с объяснением последнего (E) (из жалости) и противоречит версии прокурора V. Он строит свое рассуждение в виде доказательства от противного: 'Если бы он убил отца, то не стал бы возиться с Григорием (убил бы и слугу). Но раз он с ним возился (не убил, а пожалел), то совесть его была чиста (не убил отца)'. Собственная версия кажется адвокату столь бесспорной, что он видит в ней аргумент для доказательства невиновности Карамазова в смерти отца.

2. Следующий вопрос прокурора по ходу следствия: куда делись три тысячи, которые хранил убитый якобы под матрацем? **Версия прокурора (V)**: Карамазов украл отцовские деньги, которые он давно считал своими, о чем был оповещен весь город. Защитник возражает: *Да и денег-то не было!* А если и были, то где? Кто их видел? Ведь налицо явное противоречие: обвинение в грабеже и в то же время совершенная невозможность фактически указать на то, что именно было украдено. Есть только показания Смердякова о том, что деньги находились у убитого «под тюфяком», но и это полный абсурд.

Контрверсия адвоката (W) — Опровержение: Нет, там их не было и быть не могло.

«Смердяков утверждал, что деньги были спрятаны под постелью, под тюфяком; подсудимый должен был их вырвать из-под тюфяка, и, однако же, постель была ничуть не помята, и об этом старательно записано в протокол. Как мог подсудимый совсем-таки ничего не помять в постели, вдобавок с окровавленными еще руками не замарать свежайшего, тонкого постельного белья, которое нарочно на этот раз было постлано?»

И опять здесь умозаключение модальности: этого не может быть (= это неправда), потому что этого не может быть никак: 'Он не мог этого сделать, потому что это практически невозможно (= неосуществимо)'. Из этого доказательства-опровержения следует не только то, что он (Карамазов) не прикасался к кровати, а стало быть, и не пытался украсть деньги, которые якобы там лежали, но и то, что денег под матрацем не было, и лакей, скорее всего, лжет. Кстати, Смердяков в этом признавался сам, но, конечно, не на суде, а до него и только Ивану Карамазову, которого считал своим «сообщником».

3. Вопрос прокурора к Карамазову: откуда у него в ночь убийства отца внезапно оказалось в руках много денег? Где он мог их взять, если они не были украдены у отца? Дмитрий объясняет (E), что это деньги «его, его собственные», которые он «украл» у Катерины Ивановны. Половину доверенной ему суммы он растратил, а вторую хранил у себя на шее в ладонке, надеясь их когда-нибудь отдать. «Дмитрий Карамазов подлец, но не вор!», — восклицал он.

Версия прокурора (V) — Нет-опровержение.

«...Я считаю всю эту выдумку о зашитых за месяц перед тем деньгах не только нелепицей, но и самым неправдоподобным измышлением. Не тот это человек, не мог он иметь такие чувства».

Умозаключение модальности: 'Карамазов не мог хранить деньги в ладонке и не растратить их, потому что это несовместимо с его природой — не тот это человек (теоретическая невозможность)'.

Контрверсия адвоката (W): А почему же не мог? Si-опровержение.

Никогда ничего не могло быть вероятнее этого показания, и к тому же, более совместимого с характером и душой подсудимого. Обвинению понравился собственный роман... человек со слабой волей, решившийся взять три тысячи, столь позорно ему предложенные невестой его, не мог, дескать, отделить половину и зашить ее в ладонку... Отчего откажете вы подсудимому в чувстве чести? Да нет, чувство чести в нем есть.

И здесь умозаключение модальности: напротив, 'Подсудимый мог это сделать, потому что это совместимо с его природой. Он мог иметь такие чувства, потому что чувство чести в нем есть'.

4. Карамазов опровергает обвинение в отцеубийстве: «В смерти отца не виновен... Хотел убить, но не убил» (Е). **Версия прокурора (V)** о виновности подсудимого основывается на следующем факте: в письме Карамазова к Катерине Ивановне есть такая фраза «Убью, только бы уехал Иван». Для прокурора эта сумбурная, в кабаке написанная записка является не только достаточным основанием для обвинения, но и самой большой и неопровержимой уликой против него. *Вышло по написанному*, — говорит он.

Адвокат возражает: *Да вышло ли по написанному?* **Контрверсия адвоката (W) — Нет-опровержение.**

Да, он кричал по трактирам, что убьет отца, а за два дня, в тот вечер, когда написал это свое пьяное письмо, был тих и поссорился в трактире лишь с одним только купеческим приказчиком... А я отвечаю на это, что уж если замыслил такое убийство, да еще по плану, по написанному, то уж наверно бы не поссорился и с приказчиком, да, может быть, и в трактир не зашел бы вовсе, потому что душа, замыслившая такое дело, ищет тишины и стусевки, ищет исчезновения, чтоб не видели, чтоб не слышали.

Здесь имеет место опровержение от противного, опирающееся на обычное житейское правило: 'Если бы хотел убить отца, он бы ни с кем не ссорился, и вообще бы в кабаке не ходил. Если же ничего не опасался, значит, отца не убивал'.

Вторая триада участников: прокурор — Смердяков — адвокат.

5. Вопрос прокурора к подсудимому и свидетелю: кто мог разорвать пакет с деньгами, забрать деньги и оставить обрывки пакета рядом с убитым? Прокурор и адвокат, каждый в свою очередь, допрашивавшие Смердякова, по-разному оценивают показания последнего. Лакей, который на самом деле является убийцей и вором, стремясь отвести от себя подозрения, намекает, что это мог сделать только Карамазов. **Версия прокурора (V)** основывается на этих домыслах.

Контрверсия адвоката (W): *Давеча, когда обвинитель, говоря об этом пакете, изложил чрезвычайно тонкое соображение свое о том, что оставить его на полу мог именно вор непривычный, именно такой, как Карамазов, а совсем уже не Смердяков, который бы ни за что не оставил на себя такую улику... Давеча я вдруг почувствовал, что слышу что-то чрезвычайно знакомое... Эту догадку я уже слышал... от самого Смердякова... мне показалось, что он фальшиво наивничает, навязывая эту мысль мне. Не подсказал ли он это соображение и следствию?*

Получается, что Смердяков не просто дает показания, а еще и пытается как бы «помочь» следствию собственной версией (Е), имеющей целью «утопить» Карамазова. Прокурор на этот «крючок» попался, то есть согласился с версией Смердякова. Защитник, сразу угадавший фальшь, стал разоблачать легенды, которым поверил прокурор, относительно образа Смердякова как слабого больного идиота, преданного барину. Он доказал, что у Смердякова нет полного алиби и он имел реальную возможность совершить преступление. И то, что он повесился, лишь подтверждает эту гипотезу. Такова контрверсия защитника (W), разбивающая версию прокурора, согласную с версией Смердякова.

Теперь вернемся опять к Карамазову и зададимся, пожалуй, самым главным вопросом: почему же при таком ловком и умном адвокате «погиб» Митя Карамазов? Дело в том, что если до сих пор контрверсии адвоката совпадали с объяснениями Дмитрия, то в самом кардинальном моменте его версия разошлась с объяснением подзащитного. Этот момент состоял в необходимости установить, была ли дверь дома открыта или закрыта. Было два показания: слуги Григория — дверь была открыта, и Карамазова — дверь была закрыта. Как сам Дмитрий признавался Алеше (еще один информирующий диалогический «канал!»), адвокат сразу не поверил в то, что он отца не убивал, то есть считал, что дверь была все-таки открыта, и он ворвался в дом.

И если он до сих пор обвинял прокурора в «сочинении романов», его завершающий монолог, который он обращает к «господам присяжным заседателям» и к публике, также является его собственной фантазией от первого до последнего слова и к тому же грешит нарочитой парадоксальностью.

...Это был аффект безумства и помешательства... Но убийца и тут не убил, ... он лишь махнул пестом, в омерзительном негодовании, не желая убить, не зная, что убьет. Не будь этого рокового песта в руках его, он бы только избил отца, может быть, но не убил бы его... Такое убийство не есть убийство. Такое убийство не есть и отцеубийство. Нет, убийство такого отца не может быть названо отцеубийством.

Этот фрагмент, представляющий собой уже настоящий, «одноканальный» монолог, показывает, что версии прокурора и защитника в главном сошлись: Карамазов убил отца, только у прокурора — это преднамеренное отцеубийство с целью ограбления, а у адвоката — случайное, непреднамеренное отцеубийство без ограбления. Суд присяжных не стал вникать в такие «тонкости» и вынес вердикт: 20 лет каторги! Получается, что вместо того, чтобы спасти своего

подзащитного, защитник его погубил, а значит, не справился со своей социально-профессиональной ролью. И все это случилось не потому, что как главный актант речевого взаимодействия он потерпел поражение в полемической дуэли с прокурором, а потому, что вышел из коалиции с подсудимым и перестал верить тому, кого должен был защищать.

В заключение можно сказать, что монолог адвоката Фетюковича представляет собой весьма сложное речевое образование информирующе-аргументативного плана с непосредственно диалогическими «вкраплениями». В коммуникативно-прагматическом плане он является совокупным информационным продуктом профессионально-речевой интеракции трех коммуникантов (трилог), из которых двое состоят в коалиции по отношению к третьему. Пропозициональное пространство этого монолога формируется за счет многочисленных диалогов, проведенных участниками коммуникативной триады, и именно они, эти диалоги, служат его информационными каналами. Логико-аргументативная основа текста базируется на умозаключении модальности, которое, в своих разнообразных проявлениях, образует «сквозной» модус и обеспечивает его глубинную и поверхностную связность.

ЛИТЕРАТУРА

- Айрапетов 2006 — *Айрапетов Г. Э.* Интеракциональные особенности полилогического дискурса (на материале фрац. яз.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Балаян 1971 — *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Баранов 1990 — *Баранов А. Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1990 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Таванец 1955 — *Таванец П. А.* Вопросы теории суждения. М., 1955.
- Таванец 1956 — *Таванец П. А.* О структуре доказательства // Вопросы философии. 1956. № 6.
- Шведова 1956 — *Шведова Н. Ю.* К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. 1956. № 2.

Рагозина 2007 — Рагозина И. Ф. Рассуждение типа «*Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда*» в русском и французском аргументативном дискурсе // Прагматические аспекты речевого общения / Под ред. И. В. Труфановой. М., 2007.

Рагозина 2007а — Рагозина И. Ф. Умозаключение модальности как способ опровержения в русском и французском аргументативном дискурсе // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М., 2007.

ФЭ 1969 — Философская энциклопедия. 1969. Т. 2.

Plantin 1996 — *Plantin Chr.* Le trilogue argumentatif. Présentation de modèle, analyse de cas // *Langue française*. 1996. № 112.

Т. Б. Радбиль

«АНОМАЛИИ ГОВОРЯЩЕГО»
И «АНОМАЛИИ АДРЕСАТА»
В ПОЛЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Интереснее всего то, — и в этом вся суть, — что каким бы неправильным ни было предложение, совершенно неразумно утверждать, что нет таких обстоятельств, при которых говорящий не мог бы произнести его, а слушающий не мог бы его понять.

*Хилари Путнам*¹

В настоящей работе рассматриваются нарушения в области «нормального» протекания диалогического взаимодействия между участниками диалога в плане теоретического разграничения аномалий в зоне говорящего и аномалий в зоне адресата (проще говоря, «аномалий говорящего» и «аномалий адресата»), которое было обосновано нами в работе «Художественное слово в рамках теории языковой аномальности» [Радбиль 2008: 311–317].

Речь идет о том, что обычно в исследовательской практике языковая аномалия трактуется в общем виде как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50] вне зависимости от возможности ее рациональной интерпретации или эстетически значимого восприятия в процессе коммуникативного взаимодействия говорящего и адресата. Однако реально любое языковое, речевое или текстовое нарушение не есть явление языковой системы или узуса *per se*, оно всегда порождено кем-то и фиксируется кем-то.

---

¹ Цитируется по изданию: Успенский Б. А. *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. М., 2007. С. 13.

В нашей практике обыденного общения или читательского восприятия известны многочисленные примеры, когда высказывания, порожденные с нарушениями всех мыслимых и немыслимых логических, языковых, коммуникативных и прагматических норм, правил и принципов, не просто кажутся вполне понятными, но и достигают значительной художественной убедительности. На этом, в сущности, основан и феномен языковой игры в обыденной коммуникации, и феномен художественной речи etc. Указанные соображения позволяют нам утверждать, что языковая аномалия как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» может быть и не вполне «аномалией», может быть, так сказать, аномалией только «наполовину» (а то и не быть аномалией вовсе).

Иными словами, такая аномалия будет аномалией только в зоне говорящего, это он — нарушитель языковых и прагматических конвенций, то ли по неведению, то ли по какому-то хитроумному замыслу. Адресат же обычно не выносит аномалий, что вытекает из Принципа Кооперации нашего речевого общения. Адресат вообще склонен интерпретировать даже заведомо бессмысленные высказывания. В этой связи уместно вспомнить мысль Б. А. Успенского о трудности и даже невозможности создания полностью бессмысленных текстов, если мы исходим «из обычной при языковом общении презумпции осмысленности текста (т. е. если мы заранее не признаем данный текст бессмысленным)» [Успенский 2007: 170].

Можно даже сформулировать парадокс: в нашем реальном речевом общении очень много всего аномального, но крайне мало действительно бессмысленного. Этот парадокс снимается как раз посредством того, что надо разграничивать аномалии в зоне говорящего и аномалии в зоне адресата. Большинство фиксируемых нами аномалий суть аномалии только в зоне говорящего. И если намеренно или случайно порожденное говорящим высказывание все же будет адекватно понято адресатом, а иллокутивная сила (коммуникативное намерение), заложенная говорящим в этом высказывании, будет адресатом адекватно воспринята, то в его зоне это высказывание уже аномальным не будет.

Например, возьмем строчку из стихотворения А. Введенского: *Это зяблик, он не птица* («Святой и его подчиненные»). При всей его внешней логической противоречивости, данное высказывание вполне можно интерпретировать исходя из интенций говорящего в рамках Принципа Кооперации. Например, говорящий, по каким-то причинам, не склонен считать зяблика птицей, не хочет считать зяблика птицей. Ведь в этом высказывании нет противоречия между модальной рамкой *‘Я считаю, что’* и пропозицией: *Зяблик не явля-*

ется птицей. Может быть, говорящему известно о зяблике что-то такое, чего не знаем мы, может, он живет в мире, где зяблики — не птицы. Или, может, он настолько не любит зябликов, что не считает их достойными называться «птицей». Ведь в речевой практике известна вполне нормальная идиоматичная интерпретация выражения типа «он не писатель» — в смысле 'он — плохой писатель'.

С другой стороны, допустим, что говорящий не закладывал данные интенции во фразу (и, может быть, вообще никакие не закладывал). Но тогда бремя вчитать их — те же самые, вышеупомянутые, — ложится на адресата в рамках того же Принципа Кооперации. И он легко с этим справится и найдет еще много других возможных интерпретаций. Вообще говоря, адресат обречен искать пути интерпретации, если хочет остаться в зоне действия Принципа Кооперации (т. е. хочет остаться нормальным человеком и считает таковым говорящего).

Коммуникативно-прагматическим основанием для подобной возможности выступает сформулированный еще Дж. Р. Серлем в его работе «Косвенные речевые акты» постулат об идиоматичности как важнейший принцип обыденной коммуникации: «Говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1978: 215]. Суть этого постулата состоит в том, что адресат, в рамках соблюдения Принципа Кооперации речевого общения, «по умолчанию» вынужден интерпретировать высказывания, нарушающие языковую или коммуникативную конвенциональность, в режиме косвенного речевого акта, если его буквальная интерпретация ведет к бессмысленности, тавтологичности или неинформативности.

Иначе говоря, если я слышу или читаю что-то вроде **Улыбайте ваши лица*, то адресат, в рамках кооперативности речевого общения, сначала должен искать пути интерпретации этого высказывания исходя из того, что говорящий хотел что-то сказать именно так, как сказал, а уже потом, когда все возможности на этом пути исчерпаны, просто предположить его недостаточную языковую компетенцию, невладение нормами. Именно для буквального, т. е. неидиоматичного понимания высказывания должны быть особые основания: идиоматичность автоматически вытекает из принципа кооперации и предполагается «по умолчанию».

Одним из вариантов идиоматичной интерпретации адресатом такого высказывания является переключение модуса восприятия данного высказывания из режима «серьезного» употребления языка (Дж. Р. Серль) в режим фатической коммуникации. Речь идет о распознавании адресатом такого специфического коммуникативного

намерения говорящего, как, например, желание привлечь внимание адресата к самой форме высказывания, к самому факту нарушения какого-либо языкового или иного правила в эстетических или развлекательных целях.

Ср. такую явную «аномалию говорящего» из текста А. Введенского: *Я прислоняюсь плечом к стене / стою подобный мне*. Здесь в общем-то нарушен логический закон тождества за счет того, что модус отождествления ($я = я$) аномально меняется на модус уподобления (*я подобен мне*, т. е. *не-я*). Но при этом высказывание вполне может быть рационально интерпретировано в зоне адресата за счет простых импликаций: 'я (нынешний) стою подобный мне (тогдашнему)', или 'я (такой, какой я есть) стал, наконец, подобен тому идеальному я, каким должен быть'. Вообще говоря, сама множественность читательских интерпретаций есть основа восприятия художественного высказывания, она заложена в коммуникативном намерении автора, но она вовсе не отменяет самой возможности интерпретации.

Аналогично и такие аномалии говорящего из А. Введенского, как, например: ... *я был мертв...*; *В лесу меня крокодил съел*, — тоже подлежат возможной идиоматичной интерпретации в том духе, что адресат может предположить, что говорящий был мертв «в каком-то смысле» (духовно или эмоционально) или что «меня крокодил съел» есть метафорическое выражение высшей степени невезучести или неприятности.

«По умолчанию» этот путь распознавания адресатом особого коммуникативного намерения говорящего предполагается в таких специфических типах речевой ситуации, как, например, рассказывание анекдота и вообще балагурство или острословие, а также, разумеется, художественная речь. Поэтому идиоматичная интерпретация высказывания типа: *И вот по морю носится тушканчик с большим стаканом в северной реке* (А. Введенский) как акта моделирования художественного мира абсурда «состоится» в плане адресата только в случае особого модуса восприятия. Этот модус задается тем, что адресат знает о том, что перед ним — именно художественное высказывание в определенном произведении определенного автора. Если это же высказывание, допустим, прозвучит из уст ребенка в разговоре с матерью или из уст клиента на сеансе у психоаналитика, то будут заданы уже другие модальные рамки, и адресат будет искать уже другие пути интерпретации, связанные с отклонениями в адекватном отображении мира говорящим и поиском их причин.

Данные примеры иллюстрируют, что аномалия в зоне говорящего вовсе не обязательно ведет к аномалии в зоне адресата. Но, с другой стороны, мы не менее часто имеем дело и с обратным случаем,

когда норма в зоне говорящего не обязательно ведет к норме в зоне адресата, т.е. когда высказывание, сформулированное говорящим по всем правилам языка и полностью соответствующее принятым в речевой практике общества нормам и принципам речевого общения, все же «не доходит» до адресата. Прототипическим образцом такой аномалии будет вполне правильное обращение говорящего к адресату на языке, которого тот не знает, или с помощью слов, чьи референты и денотаты не входят в область знания о мире адресата. Тогда мы имеем дело уже с нормой в зоне говорящего и аномалией в зоне адресата.

Но и в рамках общего языка и общего фонда знаний о мире говорящего и адресата возможны такие аномалии. Это можно проиллюстрировать, например, таким диалогом из романа «Чевенгур» А. Платонова: — *Правда, что у вас сократилась посевная площадь?* — *захотел узнать Сербинов для удовольствия секретаря, мало интересуюсь посевом.* / — *Нет,* — *объяснил Дванов,* — *она выросла, даже город зарос травой.* — Здесь Сербинов использует словосочетание *посевная площадь* в его терминологическом значении ‘полезная площадь, пригодная для посева сельскохозяйственных культур’. Дванов же в ответной реплике имеет в виду просто всю площадь, заросшую травой, причем глагол *расти* употреблен не в книжном значении ‘увеличилась’, а в прямом (*выросла трава*).

Данное явление связано с аномальной эксплуатацией речевых стратегий *de dicto* и *de re* [Булыгина, Шмелев 1997]. При стратегии *de dicto* адресат ориентируется на значения слов, актуализованные говорящим (что должно быть «по умолчанию», в специально не маркированных условиях коммуникации), а при стратегии *de re* он переформулирует их в соответствии со своими исходными пресуппозициями и импликациями (что, в случае отсутствия особой мотивации для такого перетолкования, является коммуникативно-прагматической аномалией). Неосознанная мена стратегии *de dicto* на стратегию *de re* приводит к нарушению принципа кооперации — к коммуникативному «провалу»; в случае же осознанной эксплуатации этой аномалии речь идет уже о «языковой демагогии» как одном из средств языкового манипулирования [Булыгина, Шмелев 1997: 472].

Возможна и «аномалия адресата», связанная с противоположным явлением — с аномальной меной стратегии *de re* на стратегию *de dicto*. Это происходит, когда адресат реагирует на само словесное наполнение высказывания (на «набор слов»), а не на распознавание подлинного коммуникативного намерения говорящего. В примере из «Елизаветы Бам» Д. Хармса мы видим, как ответная реакция собеседника на реплику состоит в том, что он просто произвольно

меняет набор слов, предложенный говорящим: Елизавета Бам: *Иван Иванович, сходите в полпивную и принесите нам бутылку пива и горох.* / Иван Иванович: *Ага, горох и полбутылки пива, сходить в пивную, а оттуда сюда.* / Елизавета Бам: *Не полбутылки, а бутылку пива, и не в пивную, а в горох идти!* / Иван Иванович: *Сейчас, я шубу в полпивную спрячу, а сам на голову одену полгорох.*

В такой разновидности фатической коммуникации, как художественная речь, часто встречается не только аномалия в зоне говорящего, воспринимаемая как норма в зоне адресата. Нередки и случаи, близкие рассмотренным выше, когда норма в зоне говорящего как соответствие некоторому «усредненному» стандарту восприятия ощущается в зоне адресата безусловной аномалией с точки зрения именно дефекта «художественности». То есть в специфических условиях функционирования художественного текста адресатом от говорящего (Автора) востребована как раз аномалия, с ее максимумом эстетической выразительности, а норма, в свою очередь, становится аномалией в том или ином отношении.

В целом проблема «норма в зоне говорящего как аномалия в зоне адресата» в рамках художественной речи, на наш взгляд, имеет два в определенном отношении автономных аспекта рассмотрения. Первый аспект этой проблемы состоит в том, что многие авторы, признанные в культуре в качестве творцов аномального художественного мира или аномального художественного дискурса, намеренно эксплуатируют нормы восприятия обыденного сознания, ценности «среднего человека» и его стандартный язык, подвергая «остранению» претензии на «всеведение» носителя здравого смысла, его установку на «правильность» в оперировании естественным языком и знание общепринятых конвенций коммуникации, а также общепринятых правил и принципов «рассказывания историй» (например, что обязательно должен быть герой, должно быть действие, должны быть осмысленные начало и конец и пр.).

При этом в зоне говорящего (в нашем случае — Автора) существуют достаточно тонкие художественные механизмы такой «имитации нормы» на одном, внешнем уровне, которая является средством раскрытия тотальной аномальности на другом, более глубоком уровне. Например, рассказ о внешне правдоподобной цепочке событий может манифестировать глубинную абсурдность бытия, а использование внешне правильной и логичной речи, в свою очередь, служит средством раскрытия аномальности сознания и системы ценностей ее носителя или его когнитивной и коммуникативной некомпетентности. В указанных случаях использование «художественной игры»

с нормой является приемом разоблачения, дискредитации мира ее носителей в «странном» художественном мире автора.

Например, текстовое отображение в зоне говорящего (Автора) вполне «нормального» мира в рассказе «Встреча» из «Случаев» Д. Хармса ведет к аномальной наррации:

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и все.

Данный пример демонстрирует что-то вроде «нарративного самоубийства», когда «обнажение приема» построено на установке на принципиальную бессобытийность наррации при формально соблюденных правилах построения рассказа (рассказ «ни о чем»). Реальное событие в этом случае не приобрело сюжетного развития и, как следствие, эстетической завершенности.

Обратный пример, взятый также из «Случаев» Д. Хармса, воплощает странную ситуацию, когда, напротив, принципы наррации в зоне говорящего на внешнем уровне соблюдаются — в плане реализации текстовой связности, законченности, единства и других категориях текста, но при этом порождается аномалия на уровне соответствия «прототипическому миру» (аномальное стечение невероятных событий, каждое из которых по отдельности вполне возможно). Это знаменитые «Вываливающиеся старухи»:

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

Кстати, аномальность на уровне «прототипического мира» здесь осложняется и актуализацией аномального типа стоящего за текстом сознания, который воспринимает как обыденный случай вываливающихся поочередно из окна старух.

Точно таким же образом в зоне говорящего могут остраняться нормы обращения с естественным языком, когда внешне правильно построенные высказывания на деле приводят к глубинной аномалии. Например, в высказывании из текста Д. Хармса: *Покупая птицу, смотри, нет ли у нее зубов. Если есть зубы, то это не птица*, — нет

чисто языковых нарушений, но немотивированная тавтологичность, возникающая за счет аномальной вербализации периферийного пресуппозитивного компонента семантики для слова *птица*, ведет к нарочитой неинформативности и является нарушением конвенций общения. Аналогичным образом не содержат очевидных системно-языковых нарушений, но, тем не менее, являются неинформативными тавтологиями, нарушающими конвенции общения, такие примеры из текстов А. Введенского: *Мейн шнеллер замочек Густав, у нас здесь родина, а у тебя там чужбина* («Минин и Пожарский»); *А еще у меня есть претензия, что я не ковер, не гортензия* («Элегия») etc.

Однако все указанные примеры демонстрируют нам столкновение нормы и аномалии непосредственно в зоне говорящего. В зоне адресата, по сути, они не ведут к аномалии, поскольку адресат (читатель) осведомлен, что перед ним — именно художественное высказывание, и тем самым легко находит их неаномальную, идиоматичную интерпретацию, доказательством чего является значительный художественный эффект этих высказываний в плане читательского восприятия.

Подлинно же нормой в зоне говорящего, ведущей к аномалии в зоне адресата, может считаться только второй аспект очерченной выше проблемы, а именно такие «правильные» художественные высказывания и даже целые тексты, которые, по тем или иным причинам, в коммуникативно-прагматическом плане не достигают своей художественной задачи в зоне адресата, т. е. не выполняют адекватно своей апеллятивной, воздейственной и экспрессивной функции. В обыденном употреблении такие высказывания и тексты мы как раз и называем «плохими», «скучными», «затянутыми» и даже порою — слишком «нормальными». Иначе говоря, вроде бы полное соблюдение нормы в зоне говорящего (Автора) приводит к аномалии в зоне адресата (Читателя), а именно — к «нулю» экспрессии, к «прагматическому провалу» в плане читательской рецепции etc.

Вернемся к высказыванию из текста А. Введенского: *Это яблок, он не птица*. Попробуем его, так сказать, «исправить». У нас получится что-то вроде **Это яблок, он является птицей*. В результате получается банальная тавтология, которая, кроме своей очевидной неинформативности, не мотивированной правилами общения, также не содержит никакой экспрессии. В то же время противоречия и тавтологические бессмыслицы А. Введенского хороши именно тем, что нарушают «читательское ожидание» в смысле Р. Jakobsona. Нарушение ожидания Р. О. Jakobson называет «несбывшимся предсказанием», которое считает общим принципом всякого речевого изме-

нения, производимого со стилистической целью и представляющего собой отклонение от нормы [Якобсон 1987: 84–85]. «Нарушение ожидания», или «несбывшееся предсказание», в общем, и создает эстетический эффект.

Кроме этого, наша «искусственная тавтология» концептуально не нагружена. Иное дело — знаменитые тавтологии А. Введенского: *Тут у меня дочка девочка при последнем издыхании* («Елка у Ивановых»); *Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл* («Где. Когда»); *Когда ребенок молодой молиться сочиняет* («Седьмое стихотворение») etc. Эти примеры, равно как и пример с *зябликом*, выполняют особую «мирообразующую» и «текстообразующую» роль. В мире обериутов, например, самоочевидное восприятие *дочки* как существа женского пола, оказывается, нуждается в верификации (т. е. не факт, что дочка обязательно женского пола, а *зяблик* — обязательно птица, а *ребенок* — не может быть молодым и старым). Перед нами — сознательное нарушение автоматизма языка, но в сфере пресуппозитивных смыслов.

При переводе аномалии в зоне говорящего на язык нормы выясняется любопытная вещь: оказывается, именно аномалии в зоне говорящего (Автора) оказываются органичным и порою единственно необходимым средством концептуализации того странного художественного мира, который предлагает нам автор. Рассмотрим, например, фразу из повести «Котлован» А. Платонова: *Вощев стоял с робостью перед глазами шествия этих неизвестных ему, взволнованных детей.*

Здесь эксплицирован целый «букет» всевозможных языковых аномалий. Прежде всего — это аномальное сворачивание предикативной конструкции, которая в норме должна эксплицироваться придаточным предложением (*дети, которые идут перед ним и смотрят на него*). Далее, здесь можно видеть перестройку отношений между элементами события: **глаза шествия детей* вместо *глаза шествующих детей / глаза детей, которые шествуют*. В результате событие ‘Вощев стоит перед детьми, которые смотрят на него’ аномально номинализировано в концептуальную структуру **он стоит перед глазами детей*. В свою очередь, на уровне поверхностно-синтаксической структуры это выражается в аномальном сочетании **глаза шествия*.

Теперь превратим аномалию в норму, как если бы А. Платонов говорил «нормальным человеческим языком». Согласно нормам русского языка, данная ситуация должна была бы быть описана примерно так: *Вощев стоял перед идущими ему навстречу детьми, которые смотрели на него.* — И что же получается? Оказывается, наша «ре-

конструкция», наш «перевод» на язык обыденной коммуникации, при всей его «правильности», содержит очевидный «ноль» экспрессии. В условиях такой «нормальной», вполне конвенциональной языковой концептуализации данного события фраза звучит невыразительно и плоско. И именно «аномальная речь» А. Платонова, вместе со всеми своими «неправильностями», достигает удивительной и эстетически убедительной семантической компрессии, насыщенности.

Итак, что же нам предпочесть — платоновскую «неправильную» *грибную бабью тропинку в высказывании: ... и пошел вдаль, по **грибной бабьей тропинке** («Чевенгур») — или «правильное» тропинка, по которой обычно ходят за грибами бабы? Его же «аномальное» *чинить от бездорожной езды в высказывании: ... **чинили** автомобили от бездорожной езды («Котлован»), — или банальное чинить автомобили, которые ездят по бездорожью? Очевидно, что на фоне платоновских фраз аномальными выглядят как раз наши «правильные» реконструкции. Именно это и следует именовать «нормой в зоне говорящего, ведущей к аномалии в зоне адресата».

Получается, что у «презумпции осмысленности текста», по Б. А. Успенскому, имеются нетривиальные следствия. Подлежащий осмыслению в зоне адресата художественный текст не просто может быть бессмысленным, т. е. аномальным, он в какой-то степени должен быть «аномальным», в плане хоть какой-либо своей «неконвенциональности». В каком-то смысле художественный текст предполагает аномальность как специфичную черту своего устройства, которая вытекает из специфики эстетической интенциональности авторов в плане отношения к языку своих произведений.

Ведь те же «неконвенциональные» конструкции А. Платонова, вызывая эффект неожиданной новизны, пресловутого «нарушения читательского ожидания», по Р. Jakobsonу, необходимо порождают то, что И. Бродский называл «конденсацией смысла» [Бродский 2001] — за счет столкновения старого, конвенционального, и нового, получившегося нетривиальным содержания. Приведем по этому поводу примечательное высказывание И. А. Стернина: «Вся прелесть этих фраз в их абсолютной смысловой понятности, сочетающейся с колоссальной экспрессивностью, формально обусловленной вроде бы необычной сочетаемостью слов — все время хочется воскликнуть: “Так не говорят, но как здорово сказано!”...» [Стернин 1999: 154].

В нашей работе [Радбиль 2007] в формализованном виде приводятся четыре возможных типа соотношения нормы и аномалии в зоне говорящего и адресата.

(1) $\Gamma_a \rightarrow A_a$: аномалии в зоне говорящего соответствует «аномалия» (т. е. непонимание смысла и нераспознавание иллокутивной силы высказывания) в зоне адресата. Это канонический случай «коммуникативного провала» из-за недостаточной языковой компетенции говорящего. Нехудожественным аналогом подобного соотношения может выступать бред шизофреника или больного «белой горячкой». Художественное моделирование указанной ситуации характерно для диалога в «драме абсурда» Э. Ионеско или С. Беккета, в драмах «Елка у Ивановых» А. Введенского и «Елизавета Бам» Д. Хармса и т. п.

(2) $\Gamma_n \rightarrow A_n$: норме в зоне говорящего соответствует «норма» (т. е. адекватное понимание) в зоне адресата. Это соотношение соответствует ситуации «идеальной коммуникации» в устном общении, а также в нехудожественных (научном, публицистическом, педагогическом и др.) типах дискурса. Применительно же к художественному тексту этот случай не особенно релевантен, так как автор художественного произведения крайне редко ориентируется только на норму стандартного языка и общепринятых правил обыденной коммуникации, поскольку тем самым ограничивает экспрессивные возможности своего произведения. Более адекватным для художественного текста является следующее соотношение.

(3) $\Gamma_a \rightarrow A_n$: аномалии в зоне говорящего соответствует «норма» (т. е. адекватная идиоматичная интерпретация в режиме фатической коммуникации) в зоне адресата. Это соотношение соответствует ситуации «идеальной коммуникации» применительно к художественной речи, т. е. к тому, что выше мы условно обозначили как «аномалия в зоне автора, ведущая к норме в зоне читателя». Аномалия в зоне автора является своего рода эстетической нормой для художественного повествования в плане читательского восприятия. Особенно этот тип соотношения нормы и аномалии характерен для современного культурного сознания. Читатель XX (и начала XXI) века изначально готов к разгадке и дешифровке литературного произведения, как никто другой — эта способность входит в его культурную компетенцию. Такой читатель как бы «заряжен» на восприятие аномалии, без которой он воспринимает текст как «пресный», т. е. эстетически неубедительный, неадекватный. Последнее делает небезынтересным для нашего анализа и следующий тип соотношения.

(4) $\Gamma_n \rightarrow A_a$: норме в зоне говорящего соответствует «аномалия» (т. е. невозможность интерпретации в режиме фатической коммуникации) в зоне адресата. Иначе говоря, не только а н о м а л и я в зоне говорящего (Автора), с ее максимумом эстетической выразительности, выступает как н о р м а в плане читательской

рецепции, но и, напротив, норма в зоне говорящего (Автора), как соответствие некоторому «усредненному» стандарту восприятия, ощущается как аномалия в зоне адресата (Читателя) с точки зрения именно «художественности». Отсутствие нарушения читательского ожидания на самом деле как раз и нарушает ожидание читателя.

В заключение отметим, что предлагаемое в работе разграничение аномалий в зоне говорящего и аномалий в зоне адресата может в известной степени пролить свет на извечную проблему человеческой коммуникации, а именно — почему мы, вопреки нашему категорическому неумению общаться и не менее категорическому отсутствию доброй воли к кооперативному общению, все-таки способны понять друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)* / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1990. С. 50–71.
- Бродский 2001 — *Бродский И.* Катастрофы в воздухе // *Сочинения Иосифа Бродского: В VIII т.* СПб., 2001. Т. 5. С. 188–214.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Радбиль 2007 — *Радбиль Т. Б.* Художественное слово в рамках теории языковой аномальности // *Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия* // *Материалы Международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.)*. М., 2007. С. 311–317.
- Радбиль Т. Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М., 2006.
- Серль 1978 — *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. VIII. Лингвистика текста*. М., 1978. С. 195–222.
- Стернин 1999 — *Стернин И. А.* «Язык смысла» А. Платонова // *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания*. Воронеж, 1999. Вып. 13. С. 154–161.
- Успенский 2007 — *Успенский Б. А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
- Якобсон 1987 — *Якобсон Р. О.* Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // *Якобсон Р. О.* Работы по поэтике: Переводы. М., 1987. С. 84–85.

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ ИНТЕРВЬЮЕРА В СОБЕСЕДОВАНИЯХ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

1. Введение. *Собеседования или интервью*¹ при приеме на работу являются достаточно новым жанром в русской деловой речи. Как известно, в советское время на работу брали людей либо «по распределению», либо по рекомендации знакомых, партийных или административных органов. Рекомендации продолжают играть роль и сегодня, но в настоящее время именно собеседования, по словам Борисовой, считаются одним из наиболее затратных по времени действий в работе с персоналом [см. Ходгсон 2006: 7]. На тему проведения интервью при найме на работу существует богатая литература, содержащая нормы и указания как для работодателей, так и для соискателей. Согласно данным руководствам, менеджеры по персоналу должны задавать целый ряд предлагаемых вопросов [ср. Зарецкая 2002: 261–262]. Соискателям же рекомендуется создать о себе как можно более привлекательное впечатление, описывая свои способности наиболее позитивным образом. В данной статье нас будет интересовать интервьюер.

В существующей литературе по устной коммуникации в бизнесе различаются три типа интервью: интервью найма, информационное интервью и интервью-убеждение [Мойсеенко и др. 2007: 258]. Интервью при найме в свою очередь подразделяется на три подтипа: структурированные и автоматизированные интервью (вопросы задает компьютер), неструктурированные, напряженные [Зарецкая 2002: 251–274]. В проводимых мной интервью менеджеры по персоналу упоминали еще и следующие типы интервью: кейсовое интервью, стрессовое интервью и собеседование в стиле «кочинг». Некоторые аспекты собеседования урегулированы Трудовым Кодексом, кото-

---

¹ Кроме «собеседования», приняты еще другие названия: интервью при найме на работу или интервью найма [Мойсеенко и др. 2007], которые здесь употребляются синонимично.

рый учитывает международные правила актов Комиссии равных возможностей при найме (Equal Employment Opportunity Commission — ЕЕОС) и Руководящих принципов практики честного найма (Fair Employment Practices Guidelines): по закону не должны обсуждаться такие темы, как возраст, семейное положение, алкоголь, финансовая ситуация, здоровье, физические недостатки, рост и вес и некоторые другие [см. Зарецкая 2002: 256–257].

Цель данного исследования — показать некоторые стратегии, применяемые интервьюерами в беседах, и ответить на вопрос, какие элементы заимствуются из зарубежного опыта и какие отражают традиционный русский стиль общения. Для настоящей статьи была выбрана одна — наверное, самая главная — стратегия центрального этапа: раскрытие реальных способностей соискателя. Кроме того, исследуется, до какой степени интервьюерами учитывается запрет вопросов о личной жизни (вторжение в личную сферу, нарушение зоны секретности претендента). Описываются также основные элементы начального и заключительного этапа собеседования.

Данный анализ проводится на следующей эмпирической базе: 23 интервью с менеджерами по персоналу, представителями кадровых агентств и директорами, проведенных в различных компаниях и предприятиях в Москве (10) и Волгограде (13). На основе анализа содержания интервью были созданы анкеты для работодателей и претендентов. Квантитативный опрос еще не закончен — на данный момент имеется 49 анкет, заполненных экспертами, которые выбирают персонал, и 42 заполненных соискателями, которые нашли работу после собеседования. Анкетируемые работают в разных городах РФ: Москва, Московская область, Кемерово, Омск, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород, Калуга, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Тула². И хотя для квантитативного анализа с указанием процентных соотношений этих данных пока еще недостаточно, их можно вполне использовать для определения явно выраженных тенденций по интересующим нас вопросам. Учитывается также корпус записей 18 собеседований, собранный на фирмах и в кадровых агентствах в Москве и Волгограде.

2. Собеседование как жанр профессиональной устной речи: прагматические характеристики. Жанр собеседования возник с применением рыночных структур в экономике. Высшие учебные заведе-

---

² Выражаю глубокую благодарность Елене Петровне Буториной, которая оказала мне большую помощь по распространению и сбору анкет.

ния уже не направляют выпускников на определенные места работы, молодые люди сами должны найти работу. Также и фирмы сами должны находить своих сотрудников. Как следствие этого, в печатных средствах информации и на специальных интернет-порталах появились как объявления о вакансиях, так и резюме молодых специалистов, надеющихся, что какая-нибудь фирма ими заинтересуется. Появились посредники — кадровые агентства, которые за деньги связывают соискателей и работодателей. Собеседование или интервью при найме на работу является последним и особенно важным этапом в процессе выбора сотрудников. Предшествовать интервью могут разные тесты³, написание резюме, заполнение анкет, конкурсы типа ассесмент-центра. А если соискатель ответил требованиям во время собеседования, то последний барьер, который нужно преодолеть до окончательного приема на долгосрочную работу, — испытательный срок, продолжающийся от одного до трех месяцев.

Общение в ситуации собеседования — это утилитарное или целенаправленное диалогическое общение в сфере деловых отношений. Деловое общение характеризуется особой интенциональностью, соответствующей идеологии рыночной экономики: повышение прибыли, продажа, повышение эффективности работы. В ситуации собеседования рыночная идеология требует найти самого квалифицированного сотрудника с одной, и получить оптимальное место работы с другой стороны. Статусно-ролевая природа служебной коммуникации имеет две особенности: во внутренней корпоративной коммуникации в зависимости от конкретного предприятия сосуществуют две противоположные тенденции — строгое соблюдение иерархии или демократические отношения, а во внешней корпоративной коммуникации господствует лозунг рыночной экономики «клиент всегда прав» (ср. аналогичное прагматическое описание языковой личности госслужащего, Панова 2006). Собеседование же находится на грани между внешней и внутренней корпоративной коммуникаци-

---

³ Компаниями и предприятиями широко применяются психологические тесты. Они, как правило, проводятся еще до собеседования в отделе кадров и не являются темой данной статьи. В рамках же одного собеседования, проходившего в моем присутствии, от соискателя вакансии архитектора требовали перевода небольшого текста на английский язык и рассказа о себе на английском языке. Так как у соискателя это получилось не очень удачно, проверили еще понимание им короткого английского текста, попросив сделать резюме содержания. К другому соискателю после успешной общей части собеседования пригласили специалиста для проверки его компьютерных навыков. В интервью же указывали еще на то, что во многих случаях могут попросить разработать проект дома и переслать его по мэйлу.

ей⁴: профессионал (менеджер по кадрам или директор) беседует с соискателем работы, который хочет стать членом данного профессионального коллектива и, таким образом, является потенциальным представителем корпорации, а не просто внешним партнером, как, например, сотрудник другой фирмы, поставщик или представитель общественности. В жанре собеседования сильно выражены различия в распределении власти: вся власть у работодателя. Генеральный директор рекламной компании это выразила следующим образом: *Соискатель в нижней по иерархии позиции, поэтому сначала он отвечает на мои вопросы, потом я ему на его*⁵. Однако в условиях современной России, где господствует явный рынок работника (а не работодателя) — то есть вакансий больше, чем квалифицированных претендентов, — статусный разрыв не такой сильный. Как по этому поводу сказала генеральный директор большой консалтинговой фирмы: *HR должен эту работу продать!* (Н. О.) Другие менеджеры по персоналу говорили о кадровом голоде: *Кадровый голод, нету хорошего квалифицированного персонала* (М. Б.; Е. И.) В любом случае соискатель должен показать себя подходящим претендентом для внутренней корпоративной коммуникации на вакантном месте. При этом следует себя показать с самой положительной стороны, так что, по словам генерального директора компании Б., *Человек никогда так близок не бывает к совершенству, как на собеседовании.*

Само интервью — инсценировка для самопрезентации соискателя. При этом интервьюер в интересах работодателя должен проверить как профессионализм, так и личностные качества претендента. Он должен «спровоцировать» такую самопрезентацию, которая максимально соответствует настоящим профессиональным способностям соискателя и, к тому же, отражает его личность как можно более реально. Дилемма состоит в том, что самопохвала, с одной стороны, является табу, а с другой — необходима для достижения успеха. Это требует применения некоторых стратегий со стороны как соискателя, так и работодателя. В данной статье мы выберем стратегии раскрытия истины интервьюером, в дальнейшем же проанализируем и стратегии соискателей.

Обе стороны готовятся к собеседованиям, и, особенно в Москве, за последнее время возник большой рынок тренингов для деловой коммуникации, в том числе и для ситуации собеседования (см., например: www.

---

⁴ Внутренняя корпоративная коммуникация имеет место между сотрудниками компании, во внешней участвуют и посторонние люди [Derieth 1995: 62].

⁵ Все цитаты из интервью и вопросников написаны курсивом. Указанные после некоторых цитат инициалы идентифицируют — в зашифрованной форме — авторов.

trainings.ru)⁶. Как и в любой другой новой отрасли, в области тренингов сосуществуют очень разные по качеству тренинги, и сертифицирование по критериям качества только началось. Необходимость обучения речевым формулам не всеми признается: если американцы такое обучение считают полезным и престижным, то русские считают это ненужным: *У нас часто можно услышать недоуменные вопросы обучающихся: «Зачем нам учиться? Говорить-то мы умеем»* [Колтунова 2005: 6]. Тем не менее, культурно-речевые курсы сегодня повсеместно вводятся в учебные планы вузов по специальностям: менеджмент, управленческий аудит, муниципальный служащий, маркетинг и др. [ср. Колтунова 2005: 7].

На вопрос о полезности тренингов для собеседований некоторые участники интервью говорили о том, что в настоящий момент, особенно в Москве, подготовка к собеседованию могут помочь соискателям получить работу: *Если хорошо умеют себя продавать, могут получить хорошую работу. Выбора на рынке нет никакого!; Напористый человек (у которого тренинги и т. д.) еще пока может выиграть [место работы], не у всех и не всегда, но пока* (Н. О.). Заполняя нашу анкету, профессиональный рекрутер указывал, что положительно относится к умению подавать себя самым привлекательным образом: *Чем лучше человек себя и презентует, тем лучше для компании*. Однако подавляющее большинство работодателей предпочитают не подготовленных специально претендентов. Директор одной московской компании сказал, что по его опыту *не больше 10% людей специально подготовились к собеседованию*, и добавил: *Но это хорошо, легче понять, не нужно усилий, чтобы снимать эту шелуху* (И. П.). В Волгограде такая специальная подготовка наблюдается гораздо реже, тренингов предлагается гораздо меньше, а работодатели к ним относятся с еще большим подозрением. Директор предприятия, на котором работает 60 человек, прямо сказал, что слова для него вообще не важны, только результат работы за испытательный срок: *лишь 1 из 10 приходящих ко мне работать годится*. Единственный вопрос, который его интересует: *женат ли, есть ли дети*. Это связано с его опытом, что только *семейные* рабочие работают ответственно.

3. Центральный этап собеседования: тактики раскрытия реальных способностей и личностных особенностей соискателей. Независимо от техники самопрезентации, применяемой соискателем,

---

⁶ Тренинги, например: Оценка при отборе персонала. Тренинг навыков проведения селективного интервью; МЭЙНСТРИМ Консалтинг; Проведение структурированного интервью при подборе персонала; Ассоциация Бизнес Мастерства; Основы рекрутмента; Head Hunter. [www.trainings.ru; 17.7.2008].

интервьюер должен понять, кто перед ним. В некоторых случаях истина завуалирована за заученными словами. В интервью, как и в анкетах, менеджеры по персоналу почти без исключения выразили уверенность в том, что личная беседа позволяет раскрыть личность собеседника. Они в меньшей степени доверяют письменной самопрезентации в резюме и анкетах: *Написать можно много чего, а в личной беседе человек проявляет себя, каким он есть* (Т. Я.). Интервьюеры в вопросниках также указывали на то, что им удастся отличить красноречивого эксперта по самопрезентации от настоящего квалифицированного соискателя *ответами на конкретные вопросы*, так как это *видно сразу*. Некоторые информанты, однако, предпочитают давать конкретное задание — *Все-таки дело не в том, что он говорит, а что он из себя представляет и умеет*.

Содержание и структура собеседования, безусловно, зависят от конкретного типа вакансии. Для вакансии, где задача будущего работника заключается в выполнении точных указаний, нужен аккуратный добросовестный исполнитель. А для креативной профессии нужен человек, готовый к отклонениям от нормы. Директор одной рекламной компании в этой связи приводила следующие стратегии раскрытия креативной способности соискателя: *Если резюме написано очень правильно, то, скорее всего, это значит, что он тебе не пригодится*. По моей просьбе, она уточнила, что значит «очень правильно»: *Это в соответствии с западными стандартами, пришедшими из Америки, Европы... А если человек четко соблюдает все правила, то он мне не нужен. Стандартные люди следуют стандарту, а это мне не нужно* (М. Б.).

3.1. Раскрытие личностных качеств соискателя: вопросы о личности и о личной жизни. Менеджеры по персоналу, как и директора, проводящие собеседования, согласны в том, что личностные черты претендента не менее важны, чем профессиональная подготовленность и технические навыки. Нужно *понять его личность: неадекватность в личностном плане сразу исключает претендента*. Они подчеркивают, что *HR-менеджер знает, какой типаж нужен*, и что *если кандидат неадекватен лично, то не нужен компании* (Т. Я.). Интервьюеры повторно указывали на то, что *сразу видно*, кто перед ними, в некоторых вопросниках имеется уточнение, как понять это утверждение: *смотрю, как он себя ведет, шутит ли или очень взволнован и скован. Если, наоборот, он слишком наглый, я ему отказываю*.

В литературе указывается на то, что обе стороны готовятся к собеседованию и что особое внимание следует уделять следующим моментам: взаимопонимание, гибкость, двусторонняя связь [Зарец-

кая 2002: 255]. Опрошенные интервьюеры в основном применяют косвенные стратегии раскрытия личности и оценивают личностные черты соискателей на базе *стиля речи, одежды, поведения вообще*. Но вопросы о семейном положении, о планах рожать детей, о месте жительства интервьюеры задают почти без исключения прямо и с уверенностью: *я же должен знать, кто со мной будет работать, сколько времени тратит на дорогу*. Такая информация, по мнению интервьюеров, позволяет сделать вывод о том, как часто соискатель будет отсутствовать на работе. Задаются, например, такие вопросы: *Что вы смотрите по телевизору?; Почему вы до сих пор не женились?; Какие книжки читаете?; Сколько детей?; Кто сидит с детьми? ... Если не готов ответить, не наш человек*. Другой директор отдела кадров употребляет предварительное извинение *извините за некорректность вопроса*, но, конечно, спрашивает о планах рожать детей, поскольку *это риск, конечно* (С. К.). Другой менеджер по персоналу просто не берет женщин *детородного* возраста, у которых детей еще нет. Только профессиональные рекрутеры избегают вопросов о личной жизни и ограничиваются вопросами о свободном времени, хобби и книгах.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что указанный во втором разделе запрет вопросов, затрагивающих личную жизнь соискателя, проводящими собеседования специалистами в большинстве случаев не учитывается. Более того, хотелось бы добавить, что в анкетах, заполненных людьми, которые получили работу после собеседования, на вопрос о неприятных им вопросах в собеседовании называли именно вопросы о личной жизни и семейном положении.

3.2. Вопросы уточнения и конкретизации. По опыту интервьюеров, соискатели иногда склонны скрывать свои реальные способности за рассказами о том, что было сделано в их отделе на предыдущем месте работы, например: *мы оформляли командировки*. Такая формулировка скрывает, забирал ли соискатель лишь билеты на самолет в бюро путешествий или организовывал самостоятельно командировки или их отдельные части. *«Что вы умеете делать?» — очень важный вопрос (многие говорят, мы делали то и се), важно, как человек употребляет «я». Мне на мы не нужно, мы / наша компания... делали... — не интересно. Мало кто умеет перейти с мы на я* (М. Б.). Интервьюеры без исключения указывали на то, что такие реплики у них вызывают сомнения, поэтому они задают вопросы уточнения и конкретизации, например:

Когда перечисляют свои способности, прошу описать рабочий день, спрашиваю, что конкретно человек делает/ делал; Вы пришли

утром на работу, что Вы делаете? Что конкретно и где вы читали? (реакция на похвалу компании; М. Б.); Конкретно скажите, что Вы сделали! (Е. И.). Как проходит Ваш рабочий день. Вы пришли на работу, и дальше как... (И. П.). Ты все умеешь. Ну давай расскажи, что конкретно... (И. П.).

Один предприниматель (И. П.) приводил образцовый микродиалог, в котором, по его словам, выясняется, что кандидат из себя представляет и говорит ли он только заученные слова:

Интервьюер: Как вы видите свою идеальную работу?

Соискатель: Мне важны творческие задачи.

Интервьюер: Какие Вы имеете в виду? Почему Вы считаете, что можете решать такие задачи?

Стратегия переспросов или вопросов уточнения рекомендуются и в литературе, особенно если претендент дает абстрактный ответ типа: *У меня возникли принципиальные (философские, идейные, теоретические) разногласия с прежним руководством.* [Анисимова, Гимпельсон 2007: 178].

3.3. Каверзные и неожиданные вопросы. Каверзные вопросы считаются очень успешной стратегией раскрытия реальных способностей и человеческих качеств соискателя. По мнению специалиста по консалтингу, даже неопытные директора задают очень много каверзных вопросов, с подколкой, чтобы лучше понять, с кем имеют дело. Например: *«Если Вы приходите ко мне, через какое время будет достигнут такой-то показатель?» Это очень сложный вопрос, на который нельзя сразу ответить. Человек адекватный сразу скажет: «Я не смогу сразу ответить». А если ответит «2 там или 3 месяца», я знаю, что человек хочет себя продать, потому что реально это такой вопрос, по которому надо думать, не сразу можно отвечать (Н. О.).*

Некоторые интервьюеры любят задавать оригинальные вопросы и приводить соискателя в состояние смятения: *Вам это [место работы у меня] зачем? (М. Б.).*

4. Начальный и заключительный этапы собеседования: тактики для начала и окончания собеседований. Собеседованию всегда предшествует согласование точного времени и места его проведения. Опоздания, по моим наблюдениям, бывают редко, и интервьюеры на них реагируют очень болезненно. Только в кадровые агентства могут без предупреждения просто не приходиться. В зависимости от размера компании кандидат проходит к интервьюеру сам или сопровождается секретаршей. Ведущие собеседование, как правило, имеют перед собой резюме или анкету, заполненную кандидатом. Только один

директор отдела кадров считает правильным, то есть более объективным, вести собеседование без предварительного ознакомления с резюме и результатами теста.

4.1. Начало собеседования. На вопрос, как она достигает максимальной открытости кандидата, одна руководительница кадрового агентства ответила: *Я улыбаюсь, делаю комплименты, создаю ситуацию, как будто мы просто встретились, чтобы пообщаться, тогда раскованно разговаривают. Если закрытый человек, стараюсь выяснить, в чем дело, интроверт ли или что-нибудь случилось* (Н. К.).

Первая тема — «рассказ о себе» — практически для всех является возможностью самопрезентации. Это необходимо даже тогда, когда кандидат представил резюме или заполнил анкету. Этим самым интервьюеры стараются *разговорить соискателя и снизить его нервное напряжение, если такое наблюдается*. На вопрос об обращении к кандидатам все партнеры по интервью сказали, что они обращаются по имени и отчеству и на Вы. Это утверждение подтвердилось при присутствии на 18 собеседованиях в фирмах и в кадровых агентствах в Москве и Волгограде только частично: работодатели чаще употребляют только имя соискателей, но всегда обращаются на Вы.

4.2. Окончание собеседования. Если интервьюер сразу решил взять соискателя на работу, то ему говорят: *Приходите завтра / в понедельник / 1-го сентября на работу*. Но такое безоговорочное решение на практике — редкость. Чаще одна или обе стороны хотят решение продумать или обсудить с кем-нибудь. В таких случаях говорят, например: *И Вы подумайте, устраивает ли Вас наше предложение, и мы подумаем. Позвоните нам в понедельник*. Сложнее, когда решение окончательно еще не принято либо потому, что ожидаются еще другие, может быть, более подходящие претенденты, либо ожидаются результаты теста, решение конкретной задачи или вообще предусматривается отказ. В литературе даются рекомендации для максимальной объективности оценки и для сохранения лица претендента и в случае отказа. Рекомендуются сообщить не соответствующему требованиям претенденту это в смягченной форме, например: *У меня сложилось впечатление, что эта работа не подходит для вас* [Анисимова, Гимпельсон 2007: 182–183 и др.]. Также требуется не откладывать в долгий ящик сообщение: — *Ну что же. Спасибо. Позвоните нам через два дня. До свидания. — До свидания. Я буду с нетерпением ждать ответа* [Зарецкая 2002: 268].

Все интервьюируемые и опрошенные согласны в том, что если дается отказ, то он должен быть красивым: *Отказать, но красиво*,

кандидат должен с улыбкой вспоминать о нас; Если нужно расставаться с человеком, то нужно это сделать спокойно, хорошо, позитивно, красиво. По-человечески; Нужно красиво выйти из беседы, даже если за одну минуту видно, что человек нам не нужен (Т. Я.). Важность хорошего тона подчеркивается тем, что ситуация работодателя может измениться: *Важен хороший тон, вдруг [соискатель] еще понадобится.* Согласно результатам интервью и опроса, отказ, как правило, формулируется не сразу. Менеджеры по персоналу и другие лица, проводящие собеседования, все без исключения уверены в том, что нужно сохранить лицо соискателя: *Даже если сразу вижу, что человека не беру никогда, вежливо разговариваю хотя бы пять минут, а потом говорю — спасибо, мы вам непременно позвоним, вот сейчас подбираем (М. Б.). Спасибо, мы сейчас находимся в процессе поиска. Наша служба с вами свяжется (И. П.).*

Динамичность развития жанра собеседования можно наблюдать и в том, что некоторые информанты уже успели изменить свою стратегию, например, один директор кадрового агентства: *Раньше я говорила — спасибо, я вам позвоню, а сейчас считаю, что это неправильно, надо говорить: Как Вы считаете, Вы подходите? Или нет? Наверно, из-за того, что Вы это не знаете, не могу вас дольше рекомендовать, не будем терять Ваше и мое время. Я просто рекомендую, я делюсь своим впечатлением (Н. К.).*

Окончание собеседования зависит и от того, ведет его представитель кадрового агентства или сам работодатель. При негативном результате собеседования посредник может, например, сослаться на работодателя и в свою очередь пробудить интерес соискателя к другой работе или дать ему хороший совет для дальнейших ее поисков (собеседование в стиле кочинга), например: *Из-за того, что не можете дать рекомендацию, не имеет дальше смысла продолжать, мой заказчик на это не пойдет; Вы отвечаете всем требованиям, но я вам рекомендую для следующих собеседований иметь в виду..., и лучше подготовиться; Вы мне очень нравитесь, но эта компания не Ваша, и скажу, почему не Ваша... могу помочь найти что-то другое (Н. К.)*

Сами работодатели или уполномоченные директора отделов кадров тоже по-разному формулируют отказ. Один утверждает: *Всегда говорю, что будут звонить.* Другой директор перекладывает передачу неприятной новости на сотрудницу, руководительницу отдела кадров: *Лена с Вами свяжется (Е. И.).* А она сама предпочитает говорить: *Мы еще две недели продолжаем отбор, если еще две недели от нас звонка нет, значит, мы взяли другого кандидата*

(Е. И.). А другой работодатель предпочитает формулировку, которая указывает не на профессиональные навыки, а на личность претендента: *Вы не подходите в наш коллектив, лучше найдите себе что-нибудь другое.*

Безусловно, есть и более прямые варианты, некоторые интервьюеры самым подходящим считают прямой и откровенный отказ сразу: *Знаете, у нас с вами ничего не выйдет, идите, откуда пришли.* Резкость меня удивила, и интервьюер добавила, что претендент ее раздражал: — *Книжки читаете?* — *Да, читаю, литературу по специальности.* — *А художественную литературу?* — *Да, читаю.* — *Назовите мне современных писателей, российских.* Молчание — *Вообще ни одного не знаете?* — *Робски (М. Б.)⁷.*

5. Резюме. Опираясь на многосторонний эмпирический материал — интервью, собеседования, анкеты — в данной статье был проведен анализ некоторых стратегий работодателей и кадровых агентств, применяемых в собеседованиях. Мы постарались показать, что жанр собеседования развивается под влиянием западных моделей, но с некоторыми особенностями, особенно в области соблюдения запрета на вопросы, касающиеся личной сферы соискателя. Данное явление, на наш взгляд, скорее связано с известным предпочтением вежливости солидарности (positive politeness по [Brown, Levinson 1987]) и маленьким престижем вежливости дистанции (negative politeness по [Brown, Levinson 1987]), чем с несоблюдением законного запрета таких вопросов. Менеджеры по персоналу и другие ведущие собеседований верят в свои способности раскрыть личность и профессиональные способности претендента при личном контакте и уверенно применяют разные коммуникативные стратегии, особенно стратегию задавания вопросов. Большое разнообразие способов проведения собеседований говорит о низкой степени стереотипизации данного жанра.

---

⁷ Гламурная леди Оксана Робски — хозяйка модной галереи, экс-владелица агентства женщин-телохранителей, журналистка, сценарист, телеведущая, издатель — как писатель дебютировала романом «Casual», положившим начало жанру «светского реализма» в российской литературе. Сегодня Оксана Робски — автор восьми книг, ставших бестселлерами, «Casual» переведен на тринадцать языков, включая китайский, и запущен в кинопроизводство. Сюжеты из жизни российской бизнес-элиты, предпринимателей, их жен и подруг получили широкий читательский резонанс. Число книг-подражаний растет с каждым днем, маститые журналисты и искушенные критики продолжают яростно обсуждать феномен «рублевской» литературы, а Оксана Робски — пишет новый роман (<http://www.ozon.ru/context/detail/id/2229762/#>).

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова, Гимпельсон 2007 — *Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г.* Речевая компетенция менеджера, М., 2007.
- Зарецкая 2002 — *Зарецкая Е. Н.* Деловое общение. М., 2002.
- Иванов, Шустерман 2006 — *Иванов М. А., Шустерман Д. М.* Организация как ваш инструмент. М., 2006.
- Колтунова 2005 — *Колтунова М. В.* Деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет. М., 2005.
- Мойсеенко и др. 2007 — *Мойсеенко Е. А., Чернышев М. А. Анощенко Т. Ю., Болошин Г. А., Григан А. М.* Коммуникации в бизнесе. Ростов-на-Дону, 2007.
- Панова 2006 — *Панова М. Н.* Языковая личность в административном дискурсе // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова: Сборник статей. М., 2006. С. 69–75.
- Ходгсон 2007 — *Ходгсон С.* Блестящие ответы на трудные вопросы при приеме на работу. М., 2006.
- Brown, Levinson 1987 — *Brown P., Levinson St. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Derieth 1995 — *Derieth A.* Unternehmenskommunikation. Eine Analyse zur Kommunikaitonsqualität von Wirtschaftsorganisationen. Opladen, 1995.

Э. А. РАХМАТУЛЛИНА

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ТАКТИКА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Ю. КУЗНЕЦОВА)

Сложность изучения диалога в художественном тексте заключается в том, что диалогическая речь в произведении всегда имеет двойственный характер, так как совмещает в себе признаки автоматизированного воспроизведения необработанной разговорной речи и сознательно обработанного, в соответствии с авторским замыслом, текста. В когнитивном плане художественный текст, понимаемый как диалог, можно исследовать в двух направлениях, намеченных М. М. Бахтиным: с одной стороны, как интертекст, т. е. как взаимодействие между разными текстами, с другой стороны, как взаимодействие структур знания читателя и автора. Только выявляя разные формы взаимодействия высказываний с социально-мыслительной деятельностью автора и читателя, можно понять художественный текст и специфику художественной коммуникации в целом.

В данной статье мы рассмотрим проблему диалога в структуре поэтического мифологизированного текста. Миф, эксплицируемый в стихотворениях Ю. Кузнецова, — это дискурс, который является целостной коммуникативной единицей, адресованной русскому читателю и направленной на адекватную интерпретацию реципиентом, который обладает такой же культурной компетенцией, что и автор.

Особенность лирического жанра находит отражение в организации его диалогических структур и в языковых особенностях диалога. Диалогические отношения в мифологизированном стихотворении своеобразны, так как диалоги направлены на воспринимающее сознание читателя с целью смоделировать ситуацию согласия с иллюзией и интенцией поэта.

Исследование поэтики диалога в творчестве Ю. Кузнецова осложняется тем, что в его стихотворениях зачастую воспроизводится мифологическая модель мира в ее национальном варианте, ориентированная на реципиента с выраженным русским менталитетом.

Коммуникативное намерение поэта проявляется в попытке установления наиболее адекватного способа вовлечения читателя в диалог с помощью народных архетипов, бродячих сказочных сюжетов [Кузнецов 2004]. В таком случае адресату достаточно языковой и культурной компетенции, чтобы правильно интерпретировать текст.

Особенность поэтического дискурса Ю. Кузнецова заключается в том, что в тексте, который ориентирован на мифологическую модель, коммуникация имитируется, вследствие того, что только автор обладает абсолютной коммуникативной компетенцией, а читателю «навязывается» точка зрения автора как единственно возможная.

Для Ю. Кузнецова характерна монологическая художественность. М. М. Бахтин отмечал, что монологическая эстетика основана на культуре монологического сознания, которое утвердилось как культура монистического разума [Бахтин 1979]. Особенность монологической идеологии в литературе состоит в единственности авторской точки зрения, которая определяет содержание, форму, композицию произведения.

Художественная коммуникация в поэзии Ю. Кузнецова характеризуется специфическим оформлением контакта автора и адресата. Анализ показывает, что стратегической линией всего мифологического дискурса является установка на имитацию формы диалога. Подобная диалогическая стратегия позволяет рассматривать поэтический дискурс как процесс поиска возможного ответа на волнующий автора вопрос, как процесс утверждения истины, как процесс смыслопорождения. Мы выделяем следующие важные характеристики диалога, которые обращают на себя внимание: наиболее коммуникативно значимыми являются иницирующие реплики; микроструктура диалога оказывается запланированной; коммуникативные роли заранее распределены.

Диалог в творчестве поэта представлен несколькими структурно-семантическими типами, которые выражают специфику его мировосприятия: это коммуникация персонажей и автокоммуникация. Автокоммуникация, направленная на реципиента, наиболее значима в творчестве Ю. Кузнецова и вследствие этого частотна.

Первый тип представлен в стихотворениях, где диалог формально выражен как общение между двумя персонажами. Подобный диалог, воспроизводящий речевые формы устного диалога, имеет прежде всего мифо-ритуальное значение. В поэтическом тексте моделируется ситуация оправданного ожидания: собеседники заранее знают ответные реплики друг друга, вопрос формально не выражен. Так, например, в стихотворении «Муха». Диалог между коммуникантами мухой и молодцем разворачивается по ритуальной модели

(роли заранее распределены — мухе необходимо дать правильный ответ, чтобы молодец ее отпустил), поэтому диалог строится не на вопросах, а на ответах — императиве второго лица:

— Отпусти, — зазвенела она, — ...
 — Повтори, — говорю, — это слово...
 — Отпусти, — повторила она, — ...
 — Улетай, — говорю, — коли так. —
 И разжал молодецкий кулак...—
 Ты поведала слишком о многом.

Форма диалога актуализирует ключевую семантическую оппозицию «муха — молодец», где каждый член соответственно отрицательно и положительно маркирован, в результате возникает обобщенное противопоставление «Зло — Добро», которое коррелирует с параллелизмом синтагм (*я — сражалась, ты — сражался*, реплика — ответ). Тем самым автор показывает тонкость грани между злом и добром, относительный характер их оппозитивности, возможность их сопоставления и как результат — взаимообусловленность этических категорий.

В стихотворении «Брат» с помощью вопросно-ответных реплик моделируется значимый ритуал второго рождения:

За что ты сражался? — спросила мать.
 За правду, — ответил он.
 А с кем ты сражался? — спросила мать.
 Со всеми, — ответил он.
 А где твоя правда? — спросила мать.
 Во мгле, — прогремел ответ. —
 Я в лоно твое ухожу опять...

За что ты сражался? — спросила мать.
 За правду, — ответил я.
 А с кем ты сражался? — спросила мать.
 С братом, — ответил я.
 А где твоя правда? — Ее не видать
 Отсель, — мой ответ гласил.
 Я в недра твои ухожу, свистя,
 Как сорок веков назад...

В этом стихотворении вопросно-ответная форма диалога является акцентологическим маркером ритуальной формулы, исполь-

зуюмой при обрядах инициации, повторяющих процесс рождения — умирания человека.

Человек выходит из материнского лона и неизбежно возвращается в него, так как он мыслится сыном матери-земли. Полиморфно изображается жизнь смешанного существа — бога и человека в единой ипостаси.

Семантика второго рождения, перерождения актуализируется за счет оппозитивности несовпадающих элементов формулы. Не случайно номинация атрибутов «он» и «я» помещена в синтаксическую конструкцию противопоставления в диалоге. «Другой» (брат) является со-субъектом, утверждает Я, определяет его границы, воплощает формы его бытия. Автор достигает обобщения, используя формы личного местоимения, которое может именовать любого человека. Коммуникативные роли персонажей заранее распределены, как и в стихотворении «Муха»: есть участник, задающий ритуальный вопрос, и участник, дающий ожидаемый ответ.

Стихотворения с внутритекстовым адресатом в ключевой позиции (заглавии стихотворения) также относим к коммуникации персонажей, подобные тексты имеют ряд структурно-семантических признаков: наличие комментариев автора, эксплицирование адресата в тексте, использование в качестве иницирующей реплики глагола в форме императива 2 лица, моделирование мифологического нарратива за счет обозначения коммуникантов:

Ты не стой, гора, на моем пути.
Добру молодцу далеко идти...
Говорит гора: — Смертный путь един.
До тебя прошел растаковский сын.

Или:

Отдохните, птицы, отдохните,
Подремлите, милые мои...

Встречаются диалоги, иницированные этикетной формулой или вопросом, при этом ответ коммуниканта ожидаемый, смоделированный иницирующей репликой:

Здравствуй, дура! Радость-то какая!
И в ответ я слышу: — Сам дурак!

Или:

— Ты откуда? — Из неоткуда!

— А куда? — Неизвестно куда!

Второй тип представлен стихотворениями, где диалог является автокоммуникацией и вводится «фатическими» языковыми средствами, которые способствуют формальной имитации диалога. Это три группы обращений (адресат — экзистенциальное существительное; прецедентное имя, актуализирующее соответствующий мифологический нарратив; обобщенное обращение, маркированное как национально-специфичное). Этот тип становится в творчестве поэта превалирующим в поздний период творчества (1995–2003 гг.).

Характер обращений задается мифологической направленностью авторского диалога. Диалог с самим собой (интраперсональное измерение), когда автор общается наедине со своим внутренним Я, становится высокозначимым, обобщающим не только собственный опыт.

Внутренний диалог репрезентируется обобщенным вопросом в начале строфы, который осложнен обращением:

Скажи мне, о русская даль,
Откуда в тебе начинается
Такая родная печаль?

Мнимый диалог, обращенный к адресату — экзистенциальному существительному, усиливает семантику утверждения позиции автора. Существительные этой лексико-семантической группы обозначают метафизические категории пространства или времени, характерные для мифологической модели мира и называющие метафорически или номинативно всеобъемлющее пространство (тот и этот свет — бабочка, русская даль, родная сторона, ветер):

Скажи, родная сторона,
О чем шумит твоя сосна?

Или:

Белая бабочка! Кто ты?
О ветры! Одерните ризы!

Вопрос оказывается связанным с побудительным коммуникативным актом — утверждением своего ответа на вопрос как единственно верного, другие ответы не предполагаются.

Думается, что функциональная значимость диалогов с авторской коммуникацией связана со скрытым ритуальным заклинанием и положением в коммуникативной ситуации автора-демиурга, который обладает Абсолютным Знанием о будущем и непререкаемым авторитетом.

Обращение — прецедентное имя может задавать мифологическую ситуацию и является маркером определенного мифологического нарратива:

Ты кто, Елена? Стар и млад
Из-за тебя в огне.

Обращения третьей группы могут вводиться формами повелительного наклонения, при этом побуждение осложняется модальным значением:

Праведный Боже, спаси и помилуй меня!
Крестный путь, не пыли!
Говори! Я ни в чем не согласен!

Повелительное наклонение побуждает читателя к диалогу, втягивает его в коммуникацию, вопрос, осложняющий обращение, также служит призывом к диалогу. Много обращений, обозначающих культурно значимые денотаты:

С периной душу ты сравнил, о русский человек!
Где ты, Россия, и где ты, Москва?
Эх, родной!
О русский богатырь!
Родина моя!
Груша отчизны моей!
Ворюга! Сегодня ты пьешь из горла.
Что в глубине твоей, Россия?
Что в кулаке твоём, Москва?

Стихотворения, формально не направленные на реципиента, обладают особенностями структуры: не содержат обращений к третьим лицам, иницирующей репликой является вопрос к себе, происходит переключение лиц от «я» к «ты»:

Жизнь улеглась... Чего мне ждать?
Конца надежде или миру?

Я иду на ту сторону
Вдоль заветных крестов...
Ты идешь через пропасти,
Обезумев почти...
Что с обратной сторонушки
Я распят на кресте.

Диалог играет важную роль в идиостиле поэта, активное функционирование диалогической формы свидетельствует о ее эстетической значимости в творчестве автора. Диалог в стихотворениях Ю. Кузнецова представлен многообразными формами с коммуникацией персонажей (носит мифо-ритуальный характер) и автокоммуникацией, которая имитирует в целях привлечения реципиента к интерпретации форму диалога и тем самым репрезентирует коммуникативную компетенцию автора как абсолютную.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Кузнецов 2004 — *Кузнецов Ю.* Воззрение // Наш современник. 2004. № 1.

МЕТАЯЗЫК РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Знание языка и знания о языке — вещи разные, но между ними нет жесткой границы: их соединяет метаязык. Его ядро составляет металексика — слова и словосочетания, отражающие устройство языка и его использование. Металексика неоднородна и в интерактивном общении выполняет множество разнообразных функций. Главная из функций металексики речевого общения (МРО) — создание самостоятельного метадискурсивного пространства и фокусирование на нем внимания: его регулирование, организация, структурирование, характеристика и т. д. МРО включает метаимена (и глаголы) типа *приказ, просьба, совет, намек, приглашение, поздравление, комплимент, предложение, ручательство, жалоба, угроза, оскорбление, ультиматум, шантаж* и мн. др. Они имплицитно, в свернутом виде отражают межличностные отношения, задают структуру высказывания, предопределяют ответные речевые и неречевые действия и т. д. Так, МРО позволяет эксплицитировать или имплицитировать свое коммуникативное намерение и интерпретировать или переинтерпретировать чужое: *Я прошу, а не приказываю; Что посоветуешь?; Не надо извинений* и т. п. [Рябцева 1994; 2005: 412–455].

При этом МРО способна выражать коммуникативное намерение, отличное от того, что она называет, ср. *Ты шутишь? / Это шутка? / Are you kidding?* — выражение недоверия; *Не проси* — отказ, *Это приказ?* — удивление или недоумение, *Советую прекратить эту глупую игру* (пример из [Апресян, Гловинская 1997: 393]) — предупреждение или предостережение и т. п. Говорящий обращается к металексике, не только чтобы придать определенность своей речи, завуалировать свои намерения или уточнить обращенную к нему речь, но и для ее квалификации и оценки, ср. *ответ* — отказ — извинение, *предположение* — навет, *просьба* — домогательства, *вопрос* — выведывать, *выспрашивать, подбодрить* — провоцировать, *подбивать*

(на что-л. плохое) и т. п. Тем самым устанавливается коммуникативный контроль за ситуацией общения и ее развитием.

В целом МРО отличается особыми когнитивными, семиотическими и собственно лингвистическими свойствами.

Специфика металексикки речевого общения. В когнитивном отношении металексика речевого общения является результатом рефлексии участников общения над самим общением. Она синкретично и в свернутом виде воплощает фоновые знания носителя языка об общении и всех его составляющих, представленных в неявном виде в языке: принципы их категоризации и концептуализации, закономерности в их языковой репрезентации, а также фиксирует особенности языкового сознания носителя языка и организации в нем знаний о языке. Так, в когнитивном отношении организация металексикки в языке носит, в частности, прототипический характер, имеет концептуальные основания и заключается в уровне представлении знаний носителей языка о самом языке.

Специфика МРО при этом заключается в том, что, в отличие от языковой категоризации естественных объектов предметного мира, иерархия метаязыковых концептов состоит не из трех уровней — базового, суперординатного и субординатного (*собака — животное — овчарка*) [Болдырев 2007], а включает еще и большое количество подуровней. Их выделение связано с включением в их организацию аксиологических, телеологических, модальных, стилистических и др. категорий.

Так, в соответствии со словарными толкованиями, *отзыв* может быть положительным и отрицательным, *отрицательный отзыв* — это *критика*; когда в ней что-то изобличается, то это уже *бичевание*, когда его объект — сам говорящий, то это *самобичевание* и т. д. Аналогично положительная оценка / *отзыв* — это *одобрение* или *похвала*, чрезмерная *похвала* — это *восхваление*, выражающая восторг — *восхищение*, лицемерное *восхищение* — *лесть*, *восхваление* самого себя — *самовосхваление*, хвастливое — *похвальба*, неумеренное — *хвастовство*, самодовольное — *бахвальство* (ср. также *брань*, *ругань*, *дифирамбы*, *панегирик*). При этом каждое предыдущее понятие является прототипом для последующего, семантически производного от него и уточняющего / сужающего его: прототип *анонса* — *объявление*, прототип *объявления* — *сообщение*, прототип *сообщения* — *речь*. Тогда как категоризация естественных объектов не допускает интерпретации «прототип собаки — животное», «прототип овчарки — собака».

Показательно, что если категоризация естественных объектов не допускает их перекатегоризации (овчарка всегда будет собакой, воробей — птицей, собака — животным), то категоризация речи ее

допускает, ср. вопрос вместо просьбы (*Не могли бы вы мне помочь?*), просьба вместо требования (*Просьба не сорить*) и т. д.

В концептуальном отношении МРО представляет собой автономную языковую категорию, имеет концептуально-языковую природу, обусловлена необходимостью вербального общения и носит условный, обобщенный, категориальный и модусный [Болдырев 2007а: 97], интерпретативный характер. Она служит категоризации и интерпретации общения, имеет свою типологию и в речи выражает индивидуальный опыт категоризации и концептуализации общения. Концептуальным основанием формирования категории МРО выступает ее отнесенность к диалогу, специфика которого обуславливает возможность рассматривать данную категорию как особый формат метаязыкового знания.

Как средство осмысления живого речевого общения МРО воплощает, эксплицирует и интегрирует не только метаязыковую функцию языка, но и все другие его функции: коммуникативную, когнитивную, фатическую, эстетическую и волитивную, поскольку обозначает речевые действия, которые представляют собой (прототипически) или *обращение*, или *вопрос*, или *сообщение*, или *побуждение*, или *восклицание* [Рябцева 2006], а также отражает асимметрию языка на уровне речи. Так, причиной формирования МРО выступает, в первую очередь, способность одного и того же высказывания выражать разные коммуникативные намерения или совмещать их, и возможность выразить в речи одно и то же коммуникативное намерение разными способами / языковыми и речевыми средствами.

В семиотическом плане МРО является средством вторичной (языковой) категоризации мира, и поэтому ее характеризует иконичность, индексальность (дейктичность к текущей ситуации общения), символичность и инферентность [Кубрякова, Ирисханова 2007: 4] (см. об этом ниже).

В лингвистическом отношении металексика *консубстанциональна* языку и потому органично в него вписана, и естественным образом отражает языковую способность носителя языка: субъект речи никогда не ошибется (при желании), называя свое обращение *поздравлением*, *заявлением*, *жалобой* и т. д. Важным лингвистическим свойством металексики является ее *лабильность*. Она может употребляться не только в метаязыковом значении, референтно, но и в собственно языковом, нереперентно, т. е. «переходить» из метаязыка в язык и наоборот, ср. *Повторите вопрос vs. Вопросы потом*. Это не только затрудняет ее исследование, но и способствует тому, что носители языка не отдают себе отчета о выделенности металексики и ее особых свойствах.

С точки зрения репрезентации знаний о речевом общении в языке и его категоризации, МРО включает ряд общих имен (и глаголов), обозначающих чисто коммуникативные события: *речь, разговор, общение, диалог, беседа, вопрос, ответ* и т. д. Кроме того, в качестве метаязыкового средства категоризации речевого общения используются лексические средства языка в несобственном, переносном значении, которые образуют частные системы его квалификации [Болдырев 2007а]. Чаще всего соответствующие лексические средства стилистически маркированы и носят ярко выраженный аксиологический характер, ср. разг.: *проветилировать вопрос, выбить (санкцию), застолбить патент / тему* (разг.) (из газет) и мн. др.

Сравним: 1) гимнастическое упражнение под названием *выпад* (который *выполняют, делают*) и 2) выражение *необоснованный выпад* («враждебное действие, выступление против кого-чего-н.» [С. Ожегов], но при этом — обязательно словесное, речевое, подразумевающее текстового референта), и 3) отрывок из текста с выделенными *курсивом* метасловами: «Постепенно Полыхаев *разохотился* и стал все чаще и чаще *пускать в ход* свою универсальную резолюцию <— В *ответ* на...>. Дошло до того, что он *отвечал* ею на *выпады, происки, вылазки и бесчинства* собственных сотрудников. Например: “В *ответ* на наглое *бесчинство* бухгалтера Кукушкинда, *потребовавшего* уплаты ему сверхурочных, *ответим* ...” (Ильф, Петров. Золотой теленок).

Особые свойства металексики и ее значимость в коммуникации и познании все более явно осознаются в различных прикладных областях, особенно при разработке различных систем класса «искусственный интеллект» и систем компьютерной навигации в информационных системах, включая интернет [Winograd, Flores 1986; Рябцева 2005: 41–56 и мн. др.].

В целом приведенный материал показывает, что речевое общение категоризируется в языке гораздо более изощренно и многообразно, чем любые другие классы естественных объектов, и что коммуникативный опыт носителя языка, синкретично воплощенный в металексике речевого общения, представляет собой чрезвычайно богатую концептуальную область, имеющую большое практическое, социальное, культурное, познавательное и прикладное значение. Так, в прикладном отношении МРО оказывается одним из наиболее эффективных инструментов дискурса-анализа [Wodak 1994; Harre 1995 и мн. др.].

Металексика речевого общения и дискурс-анализ. Дискурс-анализ пришел на смену теории речевых актов и пытается преодолеть ее

недостатки и ограничения, поставив множество новых актуальных проблем. Главные из них — это синкретизм речевых действий и речевых реакций, их вынужденная или намеренная неопределенность, их разнообразие и динамизм, связь с ментальными и когнитивными состояниями, их взаимодействие и взаимодейстерирированность, экстенсия или эллиптичность (свернутость или развернутость), их совместное проспективное конструирование смысла в диалоге (ср. ситуацию «напроситься в гости» [Franck 1981]), коммуникативная инициатива и коммуникативный контроль [Макаров 2003], коммуникативный лидер и коммуникативная власть [Шейгал, Черватюк 2007], дискурсивизация лексики и грамматики, их связь со скрытыми нормами диалога; стратегии и тактики социального коммуникативного поведения и характер субъекта общения, особенности репрезентации диалога в художественной литературе, дискурс и культура и др. В этом отношении важнейшим эпистемическим свойством МРО выступает ее прямая связь с речевым жанром. Кроме того, ее стилистическая маркированность может быть одним из средств анализа художественного стиля писателя.

М. М. Бахтин так определял речевые жанры: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы называем речевыми жанрами... Выбор языковых средств, стиль и форма являются основными составляющими жанра» [Бахтин 1996: 159]. Ср. типичный способ обращения — *приветствие*, типичный способ обратиться за помощью — *просьба*, типичный способ узнать нечто — *вопрос*, типичный способ выразить недовольство — *упрек*; типичное (прототипическое) *приветствие* — *Здравствуй(те)!, Привет!*, типичная *просьба* — *Помоги(те), Дай(те), Скажи(те)*; типичное *приглашение* — *Приходи(те) в гости, Звони(те)*; типичный *упрек* — *Ты плохо поступил / сделал (это)*, типичное *раскаяние* — *Я жалею / сожалею, что так поступил*, типичное *извинение* — *Прости(те)* и т. д. (ср. [Лакофф 1988]).

В современной лингвистике речевой жанр выступает главным инструментом изучения и описания живого общения, особенно диалога: всякий диалог представляет собой определенный жанр общения. Речевой жанр — это «типичная форма индивидуальных высказываний, типовая модель общения, его коммуникативная схема» [Бахтин 1996: 192, 46]; это «единица общения, предопределяющая форму и стиль построения диалогически организованного высказывания» [Алиференко 2007: 44]. В дискурс-анализе при этом особо подчеркивается, что принципы и методы выделения и разграничения речевых жанров, их характеристика и квалификация остаются

наиболее дискуссионными проблемами [Wierzbicka 2006]. В этом отношении именно металексика речевого общения, представляющая собой ярко выраженное квалификативное средство репрезентации знаний об использовании языка в типичных ситуациях общения, может стать ключом к их изучению. Свидетельством тому может служить положение о том, что жанры речи в своей основе оценочны, а их главным параметром выступает интенция говорящего [Вежбицкая 2007: 273] и их воспроизводимость.

Речевые жанры, по М. М. Бахтину, бывают разных типов и видов: первичные / вторичные / синкретичные, жесткие и мягкие и т. д. Так, МРО описывает в первую очередь первичные, исходные речевые жанры. В дискурс-анализе жанр описывается через жанровые действия, среди которых особо выделяется три типа: конфликт (противостояние, агрессия, ср. их метаобозначения: *обвинение, угроза, насмешка, упрек, ссора, скандал, колкость, выговор, нравоучение* и т. п.), кооперация (эмпатия, доброжелательность, ср. *поздравление, утешение, извинение, сочувствие, отнестись с вниманием / пониманием (к просьбе)* и т. п.) и центризм (хладнокровие, уравновешенность и т. п.: *беседа, разговор* и др.). В соответствии с ними выделяются и коммуникативные типы личности: конфликтная, кооперативная и центристская [Седов 2002]. Так, в непринужденном, «кооперативном» диалоге вопросы часто задают из участия, симпатии или любопытства (*Что ты делаешь?*), но они могут превратиться в *расспросы (выспрашивать, расспрашивать, выведывать, (хитро) выспросить, повыспросить)* и тем самым повлечь конфронтацию.

В процессе коммуникативной социализации речевой жанр «врастает» в носителя языка, а носитель языка — в жанры общения, в результате чего формируется дискурсивное мышление, навыки речевого взаимодействия и чувство жанрового пространства. Поэтому большое значение в диалоге имеют жанровые механизмы подсознательного управления дискурсом [Седов 2002: 435–437], в изучении которых МРО играет важную роль потому, что именно она чаще всего воплощает эти механизмы. Так, в статье [Алиференко 2007] в качестве маркера такого механизма была предложена «оригинальная» единица — «дискурсема». Представляется, что это не очень удачное название можно заменить более соответствующим речевой ситуации понятием, например, таким, как «(прототипическая) речевая / жанровая формула».

Так, анализ использования в речи МРО показывает, что каждый жанр имеет свои доминанты и свой прототип — в виде наиболее типичных речевых / жанровых формул, которые одновременно выступают как дискурсивные тактики и стратегии и часто включают

металексику. Например, метаречевые ответные реакции типа *Нечего командовать / приказывать / жаловаться / ныть / ворчать / надоедать / угрожать / хвастаться / сплетничать; Не нужны мне твои советы / наставления / нравоучения* и мн. др. представляют собой своего рода отрицание и неприятие предложенного жанра общения: коммуникативный контроль над ситуацией, в частности, за счет деавуирования жанровой доминанты. Такие жанровые формулы чаще всего приобретают характер помимовольных речевых реакций, проявляют коммуникативный тип личности и демонстрируют дисгармоничное (или гармоничное) речевое поведение, ср. *Взглянув на Фому, я как-то невольно согласился, что Мизинчиков прав* (Достоевский).

Важнейшим компонентом жанровых формул выступает интонация, которая чаще всего также носит подсознательный характер, так как отражает коммуникативный тип личности, как и все другие паралингвистические знаки — тон и манера речи, мимика, жесты, позы и т. п. — «body language». Как бессознательный способ выражения отношения к речи или собеседнику, они почти не контролируются и потому несут наиболее достоверную информацию о субъективном мире говорящего, ср. [Зарецкая 2002: 152]. Неудивительно, что их описание в художественной литературе способно маркировать авторский стиль (см. об этом ниже).

Наиболее показательными жанровыми формулами выступают те, что отражают прототипическую структуру диалога, в качестве которой выступает, как известно, вопросно-ответная пара (*Как поживаешь? — Спасибо, хорошо*). Ее устройство асимметрично (ср. [Рябцева 1990; 1991; Пеньковский 1995]). Главным, активным, инициативным и почти универсальным средством коммуникативного взаимодействия выступает *вопрос*, который является также эффективным средством задания жанра диалогического общения (ср. *обратиться с вопросом, допрос, опрос, расспросы*). Кроме того, 1) с помощью вопроса можно выразить любую мысль и передать почти любое коммуникативное намерение (за исключением институциональных / официальных / ритуальных коммуникативных действий: приказа, клятвы и под.); 2) он представляет собой самый вежливый способ обращения (так как уже содержит в себе обращение; ср. у С. Ожегова: «вопрос — обращение, требующее ответа»); 3) чаще используется как метаслово, чем другие типы металексики (*просьба, приказ* и т. д.); 4) имеет самый большой стратегический потенциал, уже хотя бы потому, что вопросом можно ответить на вопрос; 5) способен синкретично вбирать в себя не только все другие коммуникативные намерения, но и отражать чувства, эпистемические состояния, социальные отношения, стиль и жанр общения и т. д., и потому характеризуется самой обширной таксоно-

мией и типологией. Их реальность подтверждается наличием в каждом классе и типе вопросов прототипических (характерных, хорошо узнаваемых и воспроизводимых) клишированных формул, которые, в свою очередь, однозначно задают жанр общения.

Помимо тривиальных типов: исходного / канонического — прямой / информативный / справочный вопрос (*Который час?, Как пройти?, Сколько стоит?*) и переспрос, выделяется еще множество разнообразных производных типов и видов вопросов. Это контактоустанавливающий / фатический / любезный / предупредительный вопрос (*Как вы себя чувствуете?, Как дела?*); наводящий, экзаменационный, риторический, импрессивный квази-вопрос (*Как же так?*), философский вопрос (*Что делать?, Кто виноват?, Быть или не быть?*), гадательный (*Будет дождь или нет?*), автовопрос (*И зачем я это сделал?*), воспитательный (*Разве можно так поступать / говорить?*), профессиональный вопрос (*На что жалуетесь?, Ваши билеты / документы?*), вопрос-просьба и просьба-вопрос (*Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?, Позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером?*), метатекстовый (интродуктивный, предваряющий, контролирующий и т. п., ср. *Что я могу сказать? Не помню; Понятно?* [Булыгина, Шмелев 1992: 112]), вопрос-обращение (*Можно узнать?*) и вопрос-реакция, в том числе адмиративный вопрос (*Да что вы говорите?, Правда?, Разве?, Неужели?, Да ну?*), вопрос-побуждение / предложение (*А не пойти ли нам в кино?*), вопрос-предположение (*Может, он не придет?*), рассуждение (*Что из этого следует?*), вопрос-сообщение (*Слышал, Маша вышла замуж?*), вопрос-запрос разрешения (*Можно войти?*), вопрос-возражение (*Да кто ему мешает?, Так уж?*), вопрос-упрек (*Как ты мог?*), вопрос-удивление / недоумение / сомнение / недоверие / опасение / надежда (*Неужели он придет?*) / догадка («*Кажется, солдат? — мелькнула у Ромашова беспокойная догадка*» [Куприн]) / негодование / возмущение / угроза (*Да как ты смеешь?!; Повтори, что ты сказал?*) / намек / шутка (*У вас все дома?*) / насмешка / замечание (*Долго еще тебя ждать?, Сколько можно?*), криптоспециальный / экзистенциальный (*Что случилось?*), ироничный вопрос; а также стратегический вопрос и вопрос-вызов как ответ на него (*Кто сказал тебе, что ты можешь войти сюда? — А кто сказал, что не могу?* [Ленерт 1988: 261]) и др. Особый и необычайно интересный комплекс вопросов составляют провокационные вопросы [Зарецкая 2000].

В семиотическом отношении подобные вопросительные (и не только) диалогические / жанровые формулы отражают определенный жанровый стандарт речевого поведения. Их отличает ситуативность (включенность в ситуацию общения) и индексальность (связь с

коммуникативным контекстом), идиоматичность (устойчивость и воспроизводимость) [Булыгина, Шмелев 1992] и жанровая маркированность (наличие дополнительной, автономной, собственной, устойчивой прагматической функции). Их использование, с одной стороны, актуализирует коммуникативное пространство и преобразует его, фокусируя внимание на манере, стиле, тоне, жанре и т. д. общения. С другой стороны, они задают последующее развертывание диалога и потому отношения с адресатом, которые моделируются благодаря фоновым знаниям о коммуникативной и жанровой специфике соответствующих формул, в которых символически репрезентированы межличностные отношения: «— Чего надо? — *Не грубите*» (Петрушевская).

Так что с коммуникативно-прагматической точки зрения такие речевые / жанровые формулы представляют собой особый семиотический тип языковых выражений, в котором синкретично синтезируются иконичность, индексальность и символичность и который выстраивает в сознании говорящих особые когнитивные структуры и вводит в дискурс разные типы знаний, связывая их воедино. В результате подобные речевые / жанровые формулы представляют собой синкретичное средство кодирования и актуализации разных типов знаний — текущих прагматических, фоновых социокультурных (ср. [Ирисханова 2007]) и коммуникативных, особенно «жанровых». Они легко распознаются участниками общения и в ответной реплике могут стать объектом метаязыковой квалификации. Так, в диалоге направленный на адресата вопрос часто квалифицируется при помощи металексиксы, показывающей его истинный смысл или предлагаемый с его помощью жанр общения, т. е. указывается «жанровая доминанта» общения, ср. вопрос как *выговор*: «Что вам за дело до нее? И кто вам дал право быть судьей чужих пороков? — А вы, молодой человек, по какому праву смеете мне делать *выговоры*?» (Гончаров); вопрос-упрек (и ответ-извинение): «— Как? Вы и фамилию мою забыли? — *Простите...* — прохрипел Степа» (Булгаков).

Вопросы, как, наверное, никакие другие речевые действия, этически маркированы, на них накладывается множество разнообразных запретов, ср. *вопрос*: *бестактный, бесцеремонный, глупый, двусмысленный, дерзкий, дерзостный, лукавый, наглый, неловкий, нескромный, несообразный, оскорбительный, откровенный, пошлый, праздный, провокационный, пустой, пустопорожний, скользкий, унижительный, щекотливый, щепетильный, едкий, ехидный, хитрый, ядовитый, с подвохом* [Горбачевич, Хабло 1979]. При помощи таких определений дается характеристика речи и ее субъекта, выявляется жанровая доминанта речи и т. д., а также проявляется художественный стиль писателя.

Металексика речевого общения и художественный стиль писателя. Каждый тип вопроса задает свой жанр общения, который не всегда получает или вообще имеет метаязыковое обозначение, поэтому в художественной литературе часто квалифицируется не речевой жанр, предлагаемый данным вопросом, а манера и характер его произнесения — которые, что очень показательно, отражают поимовольные «движения» говорящего — «body language».

Так, в романе «Мастер и Маргарита» Булгаков использует множество средств, показывающих особенности произнесения вопроса и задаваемый им жанр общения: ср. *спросить: напрямик, задушевно, многозначительно, вкрадчиво, тревожно, шепотом, строго, задумчиво, грозно, весело, ехидно, стыдливо, испуганно, быстро, робко, мрачно, нервно, сладко, глухо, очень просто, заинтересованно, с интересом, с любопытством, сквозь зубы, криво усмехнувшись, заикнувшись, морща лицо, шурясь, прищуриваясь, растерянно оглядываясь, передернувшись, нетвердым, приятным голосом, нежным и дрожащим голосом, мягким баритоном, участливым тоном, изумленно кашлянув; вздохнул и спросил* и т. д., ср. «— Откуда валюту взял? — *задушевно спросили* у Никанора Ивановича»; «— Но, *позвольте вас спросить*, — после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?»; «— Артиста Воланда можно попросить? — *сладко спросил* Варенуха»; «— Вы Берлиоза знаете? — *спросил* Иван *многозначительно*»; «Хитрость финдиректора не ускользнула от Варенухи, который *спросил, передернувшись*, причем в глазах его мелькнул явно злобный огонь: — Ты чего звонишь? — *Машинально*, — *глухо ответил* финдиректор, отдернул руку и, в свою очередь, *нетвердым голосом спросил*: — Что это у тебя на лице?»; ср.: «— *А вы мне не скажете*, откуда вы узнали про листки и про мои мысли? — Не скажу, — *сухо ответил* Азazelло» (Булгаков). При этом стилистически маркированные способы описания ситуации спрашивания обычно выражают иронию: «— Пиво есть? — *сиплым голосом осведомился* Бездомный» (Булгаков).

Металексика неоднородна и потому стилистически маркирована: существительные типа *просьба, приказ, отказ* и т. п., и даже *вопрос* более формальны, чем глаголы *просить, отказывать* и т. д. (ср. [Булыгина, Шмелев 1997]), поэтому в живой и художественной речи *спрашивать* используется чаще, чем *вопрос, просить* чаще, чем *просьба*, и т. д. И поэтому само использование металексики может выступать показателем авторского стиля и манеры описания диалога у писателя. Так, у Достоевского в повести «Село Степанчиково» (352 000 знаков) (мета)слово *вопрос* используется 33 раза, *спросить* —

54, *ответ* — 22, *ответить* — 2 раза; *сообщить* используется как маркер чопорности общения (12 раз), ср. «— Видите ли, — начал я, несколько путаясь, — оно, может быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готов *сообщить*...»; «Прихожу, в надежде застать, а она уж там целый час сидит, меня дожидается: тоже надо было кое-что *сообщить*» (Достоевский).

У Булгакова в «Мастере и Маргарите» (640 000 знаков) *сообщить* использовано всего 21 раз, *сообщение* — 4 раза, *спросить* — 231 раз, *вопрос* — 75 раз, *ответить* — 338, *ответ* — 75 раз. У Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» (555 000 знаков) *вопрос* встречается 38 раз, *спросить* — 165, *сообщение* — 15, *сообщить* — 19, *ответ* — 20, *ответить* — 128 раз.

У Булгакова выделяются метаописания *спрашивать* и *вопрос*, большинство из которых сопровождается уточняющими характеристиками (см. выше). В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова, напротив, чаще характеризуется *отвечать*, чем *спрашивать*, ср. *ответить*: *любезно, вежливо, важно, почтительно, уклончиво, ласково, неопределенно, запальчиво, грубо, лениво, жестоко, застенчиво, задумчиво, нервно, сурово, тихо, неожиданно, равнодушно, самодовольно, свободно, холодно, серьезно, строго, быстро, поспешно, спокойно, подозрительным тоном, с чарующей улыбкой, с сомнением, с усмешкой, голосом вице-короля / правофлангового, гробовым ямбом, с улыбкой*. Кроме того, у них же использование глагола *сообщил* (часто вместо *сказал*) выражает иронию: «Обыкновенный петух вылез на плетень и *сообщил миру* о наступлении утра»; «— Забурел! — радостно вскрикнул Балаганов. — Да, я забурел, — *сообщил Бендер* с достоинством»; «Остап *сообщил* американским хождением наилучшую конструкцию кабинетного самогонного аппарата»; «— Ладно, — *сообщил Остап*, прощаясь, — сейте разумное, доброе, вечное»; «Вот уже и рези в желудке начались, — *сообщил он* удовлетворенно»; «— Берлага — это не голова, — *сообщил* зицпредседатель со свойственной ему неторопливостью» (Ильф, Петров).

В лирической поэзии вопросительные конструкции еще более расширяют свои возможности и превращаются в вопросы-описания, -изображения, -желания и лирический вопрос [Ковтунова 1986], ср. *Что ж ты, ветер, Стекла гнешь? Ставни с петель дико рвешь?* (А. Блок). Тем не менее, метаслово *вопрос* используется в поэзии реже, чем *ответ*, хотя в ней выделяется особый тип вопроса — «безответный», ср.: *Не жди последнего ответа* (А. Блок); *Но никто мне не ответит* (Горб); *Что это — жизнь иль сон? Счастлив я иль только обманут? Нет ответа* (А. Фет); *Взываешь — нет ответа* (А. Пушкин); *Мне тайный голос отвечал* (Д. Венедиктов).

Из приведенного материала, в частности, следует, что если сами по себе вопрос и ответ не образуют автономного жанра общения, то их аксиологическая характеристика автоматически квалифицирует задаваемый ими жанр общения, а в художественной литературе особенности метаязыковой категоризации общения маркируют авторский стиль изложения. Кроме того, выясняется, что название речевого жанра должно описывать не просто коммуникативную ситуацию в чистом виде, а некоторый ее частный тип, охарактеризованный с точки зрения отношений между участниками общения, ее содержания, целей и условий протекания, манеры общения и т. д. Так, *беседа, разговор, диалог, речь, вопрос, ответ* и т. п. общекатегориальные понятия не называют речевого жанра, тогда как их виды указывают на него, ср. *дружеская беседа, задушевный разговор, приветственная речь, провокационный вопрос, дерзкий ответ* и т. д.

Метаязык речевого общения и перспективы его исследования. Одним из важнейших свойств металексикологии является то, что она «не стоит на месте», а постоянно обновляется, в частности потому, что новые жанры рождают новые жанровые формулы и их названия. Так, появление интернета вызвало целый комплекс особых виртуальных жанров интерактивного общения в сети; ср. также шуточные объявления в маршрутном такси, объявления о знакомстве и др. [Рогачева 2007; Орлова 2007; Норман 2007]. Соответственно, металексика, как и все другие средства языка, эволюционирует, проявляя лингвистическую креативность субъекта коммуникации и его потребность в новых выразительных, особенно экспрессивных средствах интерпретации общения и его метаобозначения: *прикалываться* (разг. «подшучивать», ср. «*Приколы нашего городка*»), *прессовать (кого)* (разг., ср. *прессинг*); *наезд / наезжать (на кого)*, *выкладывать (кому, что)*, *предсказамус* (М. Задорнов) и мн. др. Особые речевые формулы и метаязыковые наименования характеризуют жаргонную речь [Балашова 2007]. Самое забавное из всех новых метаязыковых названий — это выражение *сочинить шопенгауэр* (Т. Толстая, «Кысь») — «написать что-л. маловразумительное». Видимо, подобный жанр уже заслужил собственное название.

Особую тему дискурса-анализа составляет «жанр и культура». Так, новые лингвистические тенденции в выражении коммуникативных намерений формируют новые жанры, жанровые формулы и жанровые доминанты, которые могут носить ярко выраженный лингвокультурный характер (ср. [Дементьев 2007]), а также преобразуют концептуальное содержание металексикологии. В связи с этим в своей последней статье по этнолингвистике коммуникации А. Вежбицкая

[Wierzbicka 2006] отмечает, что в настоящее время в английском языке наблюдается почти полный отказ от обращения к другому лицу в виде *просьбы* или *совета*, которые теперь трактуются как давление на человека и подчинение его своей воле. Еще недавно широко распространенная вежливая косвенная форма такого обращения-просьбы в виде “wimperative” (*Could you / will you please pass me the salt?*) теперь заменяется совсем другой конструкцией, обозначающей *предложение* — suggestion, в которой используются модели типа *I thought / I was wondering if you would / might like to try / consider / know (that P)*, etc. Они полностью исключают какое-либо давление на адресата, равно как и фразы *I would suggest / Perhaps / I wonder if you could help me, if you would like to*. Они воплощают самую большую ценность современной английской культуры — личную автономию, уважение личности, privacy [Вежбицкая 2007: 153], ср. *Perhaps you could tell me directions to the station?* — вместо «Не скажете, как пройти к вокзалу?».

Приведенный пример подтверждает мысль М. М. Бахтина о том, что важным свойством речевого жанра выступает взаимодействие в нем дискурса и культуры [Бахтин 1996: 165; ср. Рабинович 2007; Акулова 2007]. А. Вежбицкая в этой связи отмечает, что «Речевые жанры, выделенные данным языком, являются... одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежбицкая 1997: 111]; ср. [Данилов 1999]. А ключом к их изучению может стать металексика речевого общения, главным свойством которой выступает синкретичное, синтетичное воплощение знания языка и знаний о языке, их синтез.

В заключение отметим, что знания о языке, содержащиеся в самом языке, отражают богатый коммуникативный и когнитивный опыт носителя языка: принципы и закономерности концептуализации и категоризации общения, правила и нормы коммуникативного взаимодействия, связь речи со всеми другими областями деятельности человека: материальной, интеллектуальной, духовной, культурной и т. п., с поведением, внутренними состояниями, чувствами, межличностными отношениями и личностными характеристиками субъекта общения и мн. др. Соответствующие метаязыковые знания могут быть полезными в самых разнообразных теоретических и прикладных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Акулова 2007 — Акулова Е. В. Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.

- Алиференко 2007 — *Алиференко Н. Ф.* Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Апресян, Гловинская 1997 — *Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я.* «Советовать» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Балашова 2007 — *Балашова Л. В.* Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Собр. соч. М., 1996. Т. 5.
- Болдырев 2007 — *Болдырев Н. Н.* Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний. М., 2007.
- Болдырев 2007а — *Болдырев Н. Н.* Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследований. М., 2007.
- Булыгина, Шмелев 1992 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Вопросительные предложения и вопросы // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Классификация предложений по цели высказывания и функциональная стилистика // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая А.* Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Вежбицкая 2007 — *Вежбицкая А.* Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Горбачевич, Хабло 1979 — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Данилов 1999 — *Данилов С. Ю.* Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
- Дементьев 2007 — *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Зарецкая 2000 — *Зарецкая Е. Н.* Провокационная речь // Труды международного семинара Диалог–2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. Т. 1. Теоретические проблемы.
- Зарецкая 2002 — *Зарецкая Е. Н.* Категория понимания, или позиция слушающего в речевой коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог–2002. М., 2002. Т. 1. Теоретические проблемы.
- Ирисханова 2007 — *Ирисханова О. К.* Семиотические гибриды как способ репрезентации знаний в дискурсе // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и формы знаний. М., 2007.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Кубрякова, Ирисханова 2007 — *Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К.* Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2.

- Лакофф 1988 — *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.
- Ленерт 1988 — *Ленерт У.* Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.
- Макаров 2003 — *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Норман 2007 — *Норман Б. Ю.* Жанр шутливых объявлений в маршрутных такси // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Ожегов 1981 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1981.
- Орлова 2007 — *Орлова Н. В.* Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Глагольное действие *sub specie adverbiorum*: 2. Ответные действия и языковые ответы // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тезисы международной конференции. Владимир, 1995.
- Рабинович 2007 — *Рабинович Е. Л.* Выражение интеллектуального превосходства в русской и английской лингвокультурах (на материале интернет-форумов) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Рогачева 2007 — *Рогачева Н. Б.* Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Рябцева 1990 — *Рябцева Н. К.* Вопрос как препятствие // Концептуальный анализ: Методы, результаты, перспективы. Тезисы конференции. М., 1990.
- Рябцева 1991 — *Рябцева Н. К.* «Вопрос»: прототипическая структура концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Рябцева 1994 — *Рябцева Н. К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- Рябцева 2006 — *Рябцева Н. К.* Металингвистика: Новое направление в языкознании // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Ульяновск, 2006.
- Седов 2002 — *Седов К. Ф.* Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог–2002. М., 2002. Т. 1. Теоретические проблемы.
- Шейгал, Черватюк 2007 — *Шейгал Е. И., Черватюк И. С.* Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Franck 1981 — *Franck D.* Seven sins of pragmatics: Theses about speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric // Possibilities and limitations of pragmatics. Amsterdam, Benjamins, 1981.

-
- Harre 1995 — *Harre R.* Discursive psychology // Rethinking psychology. London, 1995.
- Wierzbicka 2006 — *Wierzbicka A.* Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations // Cliff Goddard (ed.) Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context. Mouton de Gruyter, 2006.
- Winograd, Flores 1986 — *Winograd T., Flores F.* Understanding computers and cognition. A new foundation for design. New Jersey, 1986.
- Wodak 1994 — *Wodak R.* Critical linguistics and critical discourse analysis // Handbook of pragmatics. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 1994.

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Для современной лингвистической науки характерно активное развитие коммуникативно-прагматической парадигмы, в которой особое место занимает языковая личность говорящего субъекта. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «размышления над языком не могут миновать обращения к природе человека — его ментальной и эмоциональной сферам, этическому и эстетическому началу, процессам восприятия и познания мира» [Арутюнова 2003: 85]. Проблема оптимизации речевого общения, условия эффективности коммуникативного контакта становятся сегодня объектом пристального внимания в социопсихолингвистике, этнопсихолингвистике, когнитивной лингвистике, коммуникативистике, что, в свою очередь, закономерно привело к активному развитию стратегического направления в лингвистической науке. Общеизвестным в настоящее время является тот факт, что стратегический характер коммуникации определяет возможность речевого выбора говорящим наиболее уместных в каждой конкретной ситуации общения языковых средств, служащих реализации его коммуникативных намерений. Умение адекватно отбирать языковой материал для вербализации своих интенций, учитывая ситуацию общения и личность коммуникативного партнера, является одной из основных составляющих коммуникативной компетенции говорящего субъекта, формирующейся в процессе социализации личности.

Известно, что коммуникативный контакт разворачивается, как правило, по определенным сценариям, позволяющим интерактантам выбирать те или иные модели речевого поведения и соответствующие коммуникативные роли. Как отмечает Е. В. Сидоров, «речепсихические действия говорящих, направленные на реализацию преследуемых целей, по содержанию и структуре имеют тенденцию согласовываться с нормами, ритуалами и правилами речевого и неречевого поведения, характерными для данной культуры, носителем которой является личность говорящего [Сидоров 2008: 65].

Вместе с тем, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, в речи, у самых ее истоков, заключено творческое начало, проявляющееся в том, что говорящий постоянно сталкивается с необходимостью выбора речевых средств, причем количество вариантов может быть самым большим или меньшим. В процессе принятия наиболее оптимального решения человек может проявить свои лингвокреативные возможности, ломая установившиеся нормы и традиции, создавая новые формы и неожиданные сочетания [Кубрякова 2008: 112].

Индивидуально-личностный аспект мотивационной составляющей речевой деятельности говорящего субъекта находит свое отражение в субъективных компонентах речи, т. е. в тех компонентах высказывания/текста, которые соотносимы с породившим его субъектом [Рябцева 2005: 387]. Благодаря присутствию и взаимодействию в высказывании указанных компонентов реализуется выраженное в нем «внутреннее» ментальное намерение говорящего, его ситуативный, коммуникативный, личностный смысл. Они соотносят высказывание с текущей ситуацией общения, субъектом сознания, речи и поведения, актуализируют его намерение и отношение к адресату, устанавливают контакт с ним, задают его участие в ситуации и др. Способ выражения субъективных компонентов речи задает дистанцию и стиль общения, показывает отношение говорящего к адресату и предмету речи.

Лингвокреативные возможности коммуникантов особенно ярко проявляются в персональном, личностно-ориентированном дискурсе, для которого, по мнению В. И. Карасика, характерно стремление говорящего к раскрытию своего внутреннего мира и пониманию адресата как личности во всем многообразии личностных характеристик [Карасик 2004: 239].

Таким образом, совокупность конвенционального и индивидуального в речевой реализации коммуникантов формирует стиль коммуникативного поведения, во многом определяющий эффективность интеракции. Возможность планирования речевого контакта и варьирования языковых средств в коммуникации позволяет адресату, с одной стороны, проявить свои когнитивно-коммуникативные потенции, а с другой — налагает на него определенные ограничения, обусловленные этическими, социальными и пр. нормами коммуникативного взаимодействия, среди которых важную роль, наряду с категориями вежливости и толерантности, играет категория коммуникативного смягчения, определяемая в зарубежной лингвистике термином «митигация» (*mitigare* (lat.) — смягчать, ослаблять).

Термин «митигация» был введен в прагматику Фрейзером в 1980 г. в контексте языковых приемов, направленных на минимиза-

цию возможных нежелательных эффектов (*unwelcome effects*) в общении в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою [Fraser 1980: 341]. К таким ситуациям относятся, прежде всего, ситуации отказа в ответ на просьбу адресата, просьбы самого говорящего, вербализация позитивных и негативных оценок говорящего самому себе, а также ситуации критики адресата или объектов, с ним связанных.

К. Каффи определяет митигацию как зонтичную категорию, включающую широкий набор стратегий, с помощью которых говорящий смягчает интеракциональные аспекты (*interactional parameters*) своей речи для снижения потенциальных коммуникативных рисков [Caffi 2007: 41–42]. М. Лангнер трактует данный феномен как речевую стратегию, ограничивающую нарушение «территории» собеседника, т. е. как частный случай негативной вежливости [Langner 1994: 22]. Следует также отметить, что в зарубежной лингвистике митигация (*Mitigation*) рассматривается как синоним смягчения (*Ab-schwächung, hedges*) в широком смысле слова и определяется и как процесс смягчения, и как результат этого процесса.

В настоящей работе митигация понимается как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются стратегии интенционального смягчения, направленные на сохранение коммуникативного баланса в общении и, тем самым, на обеспечение эффективности речевого контакта.

Исходя из того, что содержание коммуникативной категории включает в себя, наряду с информационно-содержательной составляющей, т. е. определенным концептуальным знанием о коммуникации, прескрипционный компонент, репрезентирующий правила и нормы общения [Стернин 2004: 43], можно определить следующие основные прескрипции для митигации: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация и эмоциональная сдержанность [Тахтарова 2008: 57].

Фрейзер, определяя основные признаки митигации, отмечает тот факт, что последняя не является вежливостью — «it is *not* the same as politeness» [Fraser 1980: 343]. Однако мы полагаем, что данная категория входит в гиперкатеорию вежливости, включающую в себя целый ряд более частных коммуникативных категорий. Кроме того, митигация, как и вежливость, тесно связана с коммуникативной категорией толерантности, которая также направлена на обеспечение эффективности коммуникации и характерна для ситуаций кооперативного общения.

Основной прагматической характеристикой митигации является ориентация на «Другого» [Арутюнова 2003]. По справедливому за-

мечанию М. М. Бахтина, «отбор всех языковых средств производится говорящим под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [Бахтин 1997: 205]. Учет коммуникативных эспектаций адресата при выборе речевых средств, реализующих интенции говорящего, способность к коммуникативной эмпатии играют важную роль при достижении говорящим своих целей в коммуникации, что, в конечном итоге, определяет эффективность речевого поведения в ситуациях кооперативного, гармоничного общения.

Несмотря на универсальность основных постулатов вежливого, социально приемлемого общения, нормы и правила речевого поведения являются во многом культурно обусловленными. Национальная специфика межличностного дискурса, по мнению Т. Е. Владимировой, в значительной степени предопределена стоящими за ним ценностными представлениями и идеалами. Параллельно с «диалогом личностей» происходит еще один диалог — диалог двух культур, в которых эти личности сформировались [Владимирова 2007: 51].

Ядро ценностной картины мира той или иной культуры составляют культурные доминанты — наиболее значимые для данной культуры концепты. Культурные доминанты, детерминируя речевое и неречевое поведение говорящего субъекта, определяют, в значительной мере, коммуникативный стиль, присущий той или иной лингвокультуре. Как отмечает Т. В. Ларина, «каждая культура в зависимости от социальной организации и господствующих в ней ценностей привязана к определенному стилю (стилям) коммуникации» [Ларина 2007: 6]. Так, например, хорошо известно, что понятие *privacy* — одно из важнейших в английской культуре, с ним в первую очередь связывается личное достоинство человека, его лицо. Своеобразие русского межличностного дискурса проявляется в характерной для него установке на эмоциональную открытость, искренность, истинность и значимость высказываний [Прохоров, Стернин 2006; Сергеева 2007].

В исследованиях, посвященных изучению немецкого коммуникативного поведения, традиционно выделяются такие характерные признаки последнего, как: ориентация на содержание, ориентация на себя, прямота, эксплицитность, категоричность [Куликова 2006; House 2000 и др.]. Эти характеристики немецкого коммуникативного стиля, по нашему мнению, тесно связаны с концептом «*Ordnung*», входящим в число ключевых культурных доминант немецкого этносоциума. Так, в частности, А. Вежбицкая, анализируя концепт *Angst* как одну из основных человеческих эмоций, отмечает, что «для немцев необходимо иметь *Ordnung* (порядок) и жить в мире, где царит *Ordnung*. На самом деле, только *Ordnung* в состоянии обеспечить им внутренний покой» [Вежбицкая 1999: 606].

Однако категоричность высказывания, как известно, зачастую противоречит требованиям этически корректного, вежливого поведения. Не случайно немецкая вежливость на всем протяжении своего развития характеризуется противоборством двух направлений — сторонников тактичной, косвенной вежливости и приверженцев критической этики, ратующих за традиционную немецкую честность и прямоту. В лингвистических исследованиях немецкой вежливости последних десятилетий отмечается, что прямота и честность могут приводить в ситуациях межкультурной коммуникации к проблемам когнитивного и, как следствие, коммуникативного диссонанса, т. е. непонимания и неадекватного вербального и невербального поведения вследствие несовпадения концептов вежливости в разных лингвокультурах [Vorderwülbecke 2002, Macho 2002, Zillig 2002 и др.]. Проблемы, возникающие в межкультурном общении по причине разных поведенческих стратегий, разных трактовок уместного, ситуативно-адекватного речевого поведения, обуславливают необходимость учета этих различий в коммуникации и, при необходимости, приспособления к речевым стереотипам партнера по интеракции.

Для определения ритуально-конвенциональных и лингвокреативных тактик, реализующих митигативных стратегий в межличностном дискурсе в немецкой лингвокультуре нами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 120 информантов, носителей немецкого языка. Респондентам были предложены 2 анкеты, содержащие реплики-стимулы в ситуациях просьбы и отказа, которые, как указывалось выше, относятся к потенциально конфликтным. Каждая анкета содержала по 5 коммуникативных ситуаций, для которых информантам предлагалось сформулировать реплики просьбы и отказа соответственно. В процессе анализа коммуникативного поведения одного и того же информанта в разных коммуникативных ситуациях с разными коммуникативными партнерами мы предполагали выяснить, используют ли представители немецкой лингвокультуры митигативные стратегии при вербализации просьб и отказа в ситуациях сближенной коммуникативной дистанции. Общий объем полученного в ходе опроса фактического материала составил 1 200 высказываний. Хотя, по справедливому замечанию Р. Ратмайр, с помощью анкетирования вряд ли возможно получить данные о спонтанной речи, однако оно дает представления о коммуникативной компетенции и уточняет представления о языковой и речевой норме [Ратмайр 2003: 15]. Кроме того, результаты анкетирования позволяют, по нашему мнению, сделать определенные выводы по поводу специфики коммуникативного сознания респондентов, которое отражается в речевом поведении последних.

Проведенный эксперимент позволил прийти к следующим выводам:

1. Наиболее ритуализованными в немецкой лингвокультуре являются речевые акты (РА) просьбы. В подавляющем большинстве анкет (84%) просьбы формулируются в виде косвенных директивов в форме вопроса о возможности выполнения того действия, которое входит в директивную интенцию адресанта, напр.:

Kannst du bitte welches kaufen gehen? Magst du eins holen? Können Sie die Statistik noch heute bei mir vorbeibringen? Können Sie das nicht leiser stellen?

Данная форма вербализации интенции просьбы, являясь наиболее изученной на настоящий момент, присуща многим лингвокультурам, что дает основания говорить о ее достаточно универсальном характере. Обращение к данной митигативной тактике, являясь преимущественно автоматическим, не требует особых коммуникативных усилий ни со стороны адресанта при вербализации своих интенций, ни со стороны адресата при декодировании последних. Следует также отметить, что в большинстве анкет (82%), содержащих конвенциональные формы речевой репрезентации просьбы, директивная интенция смягчается дополнительно за счет использования форм конъюнктива *könntest/könnten, würdest/würden, hättest/wäre*. Например:

Würdest Du welches kaufen? Könntest du bitte welches kaufen gehen? Hättest du vielleicht Zeit sie zu nehmen? Könnten Sie es bitte leiser machen? Wären Sie so nett meine Blumen zu gießen?

Конвенциональность прагматического значения конъюнктива в функции смягчения директивной интенции также является практически узуальной, так как его использование в данной функции уже не зависит от конкретной ситуации общения. Как отмечает Е. В. Милосердова, употребление данных конъюнктивных форм в современном немецком языке «отражает такие прагматические характеристики говорящего, как вежливость, тактичность, терпимость к другому мнению, ненавязчивость» [Милосердова 1991: 126].

2. Речевые акты, репрезентирующие интенцию отказа говорящего на просьбу адресата, также могут содержать ритуально-конвенциональные формы, в частности речевые клише, выражающие сожаление или извинение говорящего по поводу вынужденного отказа — (*es*) *tut mir leid, leider, sorry, Entschuldigung*. Указанные клише встречаются в подавляющем большинстве ответов информантов (93%), что позволяет говорить о речевой стереотипности данной тактики. Например:

Tut mir leid, heute kann ich nicht, ein anderes Mal gern; Ich würde dir gerne helfen, aber leider muss ich eine andere Aufgabe lösen; Es tut

mir leid, aber ich muss noch etwas Wichtiges erledigen; Sorry, aber ich hab mein Wochenende total verplant und brauche das Auto selbst.

При формулировании отказа большинство респондентов (78%) использовали митигативные тактики аргументирования отказа, объясняя причину, по которой они не могут выполнить просьбу адресата, и тактику предложения альтернативы для решения проблемы, сформулированной в реплике-стимуле, например:

Ich würde schon gern helfen. Aber ich muss zuerst meine Aufgabe bearbeiten; Könnten wir das auf morgen verschieben, heute habe ich etwas anderes vor. Es tut mir leid, ich habe leider diese dringende Aufgabe zu lösen; Geht es denn nicht am Nachmittag oder am Abend, dass wir uns die Sache zusammen anschauen.

3. Однако митигативный стиль может определяться, как указывалось выше, и лингвокреативными возможностями коммуникативной личности, так как реальность речевого общения, как известно, гораздо шире и многогранней любых конвенций и готовых формул речевого поведения. Конечно, речевой выбор говорящего осуществляется по определенным моделям, позволяющим адресату правильно понимать не только явные интенции адресанта, но и имплицитные. Вместе с тем, внутри этих моделей говорящий вполне свободен в своем речевом выборе. От стандартных, этикетных ситуаций следует отличать ситуации, в которых говорящему предоставляется бóльшая свобода в выборе языковых средств для реализации своих интенций. Эти средства, не являясь полностью клишированными и закрепленными за конкретной ситуацией, могут варьироваться в зависимости от прагматических параметров протекания коммуникации и поэтому, с нашей точки зрения, представляют наибольший интерес, так как в них реализуется творческий потенциал говорящего, его лингвокреативная компетенция.

Так, например, В. Г. Гак, сравнивая косвенные речевые акты с метафорой, отмечает, что подобно метафорам, которые могут быть живыми и стершимися, косвенные речевые акты также могут быть конвенциональными, стершимися, и неконвенциональными, живыми [Гак 1998: 572]. Неконвенциональные косвенные РА встречаются в ответах респондентов преимущественно при вербализации директивной интенции. Тактики иллокутивного смягчения здесь довольно разнообразны и представляют несомненный интерес в функционально-прагматическом и этнокультурном аспектах, напр.:

а) использование в функции директива оценочных РА, подчеркивающих позитивные качества того объекта, о котором идет речь в просьбе:

Sie mag dich doch so und dann ist sie nicht so einsam; Sie ist total pflegeleicht und zu allen lieb; Du kennst doch meine Katze und hast sie gerne.

б) указание на проблемы, которые возникнут у говорящего или у референта просьбы в случае нерешения проблемы:

Bei meinem Sohn habe ich bedenken, dass ich eine Steppenlandschaft vorfinde, wenn ich wieder nach Hause komme. Wenn sie so einsam ist, tut es mir immer so leid! Wir haben so viele Blumen, die gegossen werden müssen, sonst gehen sie kaputt; Sie ist nicht gerne alleine, kannst du dich um das arme Tier kümmern?

в) тактика «безличной» просьбы, когда адресант сообщает о своей проблеме без прямого указания на того, кто мог бы выполнить его просьбу: *Ich suche noch jemanden, der meine Blumen versorgt; Es wäre sehr toll, wenn jemand meine Blumen gießen könnte. Ich suche jemand, der sie abholt. Ich hab niemand, der sich um sie kümmert.*

г) тактика аргументирования просьбы указанием на позитивные последствия ее выполнения для говорящего:

Es wäre mir eine große Erleichterung, wenn du sie nehmen könntest; Das wäre fantastisch und mir würde ein Stein vom Herzen fallen; Sie würden mir eine große Freude machen, wenn Sie die Blumen gießen würden; Du würdest mir eine große Sorge abnehmen.

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет сделать вывод о том, что в немецком этносоциуме происходит постепенное изменение речевых стереотипов, ведущее к модификации немецкого коммуникативного стиля. Такие традиционно немецкие коммуникативные признаки, как эксплицитность, категоричность, прямота и эгоцентричность, о которых говорилось выше, уступают место некатегоричному общению. Это изменение немецкого коммуникативного стиля происходит под влиянием целого ряда факторов — фактора адресата, необходимости коммуникативной адаптации в ситуации межкультурной коммуникации и проч., которые в совокупности дают объяснение этим новым тенденциям в немецкой лингвокультуре.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что речевое поведение говорящего в потенциально «конфликтогенных» ситуациях характеризуется как стереотипными, ритуально-конвенциональными митигативными тактиками, так и индивидуальными, отражающими лингвокреативную компетенцию адресанта. Несмотря на универсальность основных постулатов вежливого общения, нормы и правила речевого поведения всегда отмечены определенной этнокультурной спецификой. Этический опыт и знания, определяющие речевой выбор говорящего в указанных ситуациях и закрепленные явно или имплицитно в паремиях, заповедях, устойчивых выражениях, отражают степень освоенности коммуникативным сознанием социальных норм поведения, как универсальных, так и национально-специфических. Знание национально-культурных особенностей ком-

муникативно-корректного, ситуативно-уместного поведения является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции. Нарушение правил социально адекватного коммуникативного поведения, к которым относятся и митигативные пре-скрипции, создает особый «акцент поведения», который, как справедливо отмечает В. Г. Гак, «может характеризовать иностранца не в меньшей мере, чем чисто языковой» [Гак 1998: 571]. В этой связи изучение митигативных стратегий различных лингвокультур имеет несомненное прикладное значение, так как оно способствует формированию межкультурной компетенции говорящего субъекта через обучающую коммуникацию и создание словарей нового типа, регистрирующих и предписывающих правила коммуникативного смягчения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2003 — *Арутюнова Н. Д.* Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
- Бахтин 1997 — *Бахтин М. М.* Собр. соч. М., 1997. Т. 5.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Владимирова 2007 — *Владимирова Т. Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М., 2007.
- Гак 1998 — *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Карасик 2004 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кубрякова 2007 — *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 2008.
- Куликова 2006 — *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения. Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Волгоград, 2006.
- Ларина 2007 — *Ларина Т. В.* Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Изв. РАН, Сер. лит-ры и языка. 2007. Т. 66, № 3. С. 3–16.
- Милосердова 1991 — *Милосердова Е. В.* Семантика и прагматика модальности. Воронеж, 1991.
- Прохоров, Стернин 2006 — *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.
- Ратмайр 2003 — *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. М., 2003.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- Сергеева 2007 — *Сергеева А. В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2007.

- Сидоров 2008 — *Сидоров Е. В.* Онтология дискурса. М., 2008.
- Стернин 2004 — *Стернин И. А.* Теоретические проблемы языкового сознания // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты.* М.; Барнаул, 2004. С. 36–63.
- Тахтарова 2008 — *Тахтарова С. С.* Этнокультурная категория смягчения в коммуникативном аспекте // *Филологические науки.* Вып. 4, 2008. С. 55–61.
- Caffi 2007 — *Caffi C.* Mitigation. Amsterdam (u.a.), 2007.
- Fraser 1981 — *Fraser B.* Conversational mitigation. *Journal of Pragmatics* 4. 1980. P. 341–350.
- Hall 1996 — *Hall E. T., Hall M. R.* Understanding cultural differences. NY., 1996.
- House 2000 — *House J.* Understanding Misunderstanding: A Pragmatic-Discourse Approach to Analysing Mismanagement Rapport in Talk Across Cultures // *H. Spencer-Oatey, ed. Culturally Speaking. Managing Relations Across Cultures.* London, 2000. P. 145–165.
- Macho 2002 — *Macho Th.* Höflichkeit als Sprache einer Weltgesellschaft? // *Höflichkeit. Aktualität und Genese von Umgangsformen.* München, 2002. S. 9–25.
- Vorderwülbecke 2002 — *Vorderwülbecke K.* Höflichkeit und Höflichkeitsformen // *Höflichkeitsstile.* Vol. 2. Frankfurt-am-M.; Berlin; Bern; Bruxell; New York; Oxford; Wien, 2002. S. 27–47.
- Zillig 2002 — *Zillig W.* “Höflichkeit” und “Takt” seit Knigges “Über den Umgang mit Menschen”. Eine begriffsgeschichtliche Untersuchung // *Höflichkeitsstile.* Vol. 2. Frankfurt-am-M.; Berlin; Bern; Bruxell; New York; Oxford; Wien, 2002. S. 27–47.

В. М. ТРУБ (КИЕВ)

ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Под диалогом естественно понимать устную (теперь — и компьютерную) коммуникацию двух референтных субъектов, в ходе которой функции говорящего и слушающего попеременно переходят от одного субъекта к другому, причем обмен репликами происходит без задержки. Эти особенности отличают диалог от других дискурсивных форм с неизменным говорящим, адресованных то ли референтному множеству (ср., например, доклад или лекцию), то ли нереперентному множеству коммуникантов (ср. текст, паремии и т. д.). В основе любого текста также, естественно, лежит представление о речевом акте, необходимыми участниками которого являются говорящий и слушающий. Другое дело, что, в отличие от диалога, этап создания текста и этап восприятия закодированной в нем информации могут быть существенно разнесены во времени.

Естественно, в диалогическом общении, особенно официальном, могут активно использоваться лексические единицы, принадлежащие тому или иному виду литературной формы языка (например — в жанре интервью). В то же время для устной коммуникации намного типичнее, органичнее употребление разнообразных разговорных, жаргонных элементов, а также прагмем [Эпштейн 1991] — единиц, в значении которых, помимо чисто денотативной составляющей, так или иначе проявляют себя личность говорящего, его отношение к сообщаемой информации, к слушающему, условия речевого акта и т. д. Здесь уместно упомянуть приведенное в работе [Крысин 1989] известное высказывание Ж. Вандриеса: «Человек, который говорит как пишет, производит впечатление ненормального» [Vendryès 1923]. Ср. также характеристику И. Бабеля, данную К. Паустовским: «Бабель был суров, даже застенчив в выборе разговорных слов. От всего цветистого в обыденном языке и блестящего, как золотая канитель, он досадливо морщился и краснел» [К. Паустовский. «Время больших ожиданий»].

Сниженность регистра общения обычно имеет место в случаях, когда говорящий считает себя равным слушающему или даже выше его, причем коммуникативный акт проходит не в официальной, а в достаточно раскованной обстановке. Раскованную атмосферу общения часто может создавать коммуникант с более высоким социальным статусом, но не наоборот — лицо с более низким статусом нормативно не должно навязывать развязную манеру общения высокопоставленному собеседнику. Подобная речевая стратегия обычно расценивается как *дерзость*.

В данной работе мы хотим остановиться на особенностях значения языковых единиц, допустимых преимущественно в диалогическом контексте. Эти единицы можно условно разделить на 3 группы.

1. Первую группу образуют элементы, относящиеся к тому или иному сниженному регистру и служащие альтернативным обозначением объектов или ситуаций, которые нормативно именуется нейтральными лексическими средствами одной из литературных форм языка. Сам факт использования каких-либо жаргонных элементов уже определенным образом отражает личность говорящего — его принадлежность к той или иной социальной группе, к которой, по его мнению, относится и слушающий, раскованные условия коммуникации и т. д.

Существительное *диссертация* употребляется как в обычном и в общенаучном дискурсе, так и в его книжном варианте. А вот словосочетание *диссертационное исследование* уместно лишь в книжной форме — в отзыве оппонента или специализированного ученого совета. В то же время сокращенная форма *диссер* употребляется лишь в разговорно-жаргонной речи. В качестве жаргонно-профессионального соответствия термина *системный администратор* выступает целостно оформленное сокращение *сисадмин*, а элементу функционального подязыка программирования *меню* (программного обеспечения) соответствует профессионально-жаргонная форма *менюшка*. Как видим, в последнем случае в качестве средства снижения регистра употребления ЛЕ используется смена грамматического рода (средний род заменяется женским).

Если значение английского термина можно адекватно перевести не как отдельную дефиницию, а через русское (украинское) слово или словосочетание, то русское соответствие нормально функционирует, если обозначаемое им понятие и ранее активно использовалось в научно-техническом стиле данного отраслевого подязыка. В таких случаях на базе иностранного термина часто формируются синонимические производные единицы, которые становятся профессиональным жаргонным соответствием нейтральной отечественной

единицы. Так, в компьютерной области термин *программное обеспечение* соотносится с жаргонным *софт* (от англ. *software*), *устанавливать контакт* — с жаргонным *коннектиться* (от англ. *to connect with*), а вместо литературного выражения *заменить один файл другим* используется жаргонный глагол *оверрайтить* (от англ. *overwrite*).

А в молодежном жаргоне соотношения между общеупотребительными или терминологическими лексическими единицами (ЛЕ) и их жаргонными соответствиями становятся намного непрозрачнее. Ср., например, выражение *чесать клавишу двумя руками* — *набирать что-то на клавиатуре компьютера*; *аська* — *программа ICQ* и т. д.

Каждое употребление элемента профессионального или молодежного жаргона является синкретичным выражением значений двух типов — денотативного, указывающего на определенный объект, лицо или типовую ситуацию, и презумптивного, отражающего специфику данного языкового регистра — вид взаимоотношений между говорящим и слушающим. Профессиональные жаргонные выражения *диссер*, *менюшка*, *сисадмин*, указывая на чью-то написанную или не написанную диссертацию, меню программного обеспечения, системного администратора, одновременно выражают обобщенное значение, соотносящееся с самой презумпцией речевого акта типа 'мы говорим друг с другом, не придерживаясь правил соответствующего профессионального функционального подъязыка — ведь мы и так прекрасно понимаем друг друга, поскольку оба принадлежим к одному и тому же узкому профессиональному кругу'. Аналогичным образом выражения типа *чесать клавишу*, *аська*, *пепси-колка*, *подколотить косяк*, *офигение*, указывая соответственно на набор на клавиатуре компьютера, программу ICQ, девушку-тинэйджера, сворачивание сигареты из марихуаны или большое удивление чему-то, одновременно опираются на презумптивное значение типа 'мы говорим с тобой как свои люди без излишней вежливости — в этом нет нужды — ведь мы и так уважаем и прекрасно понимаем друг друга, поскольку принадлежим к общему «высокоизбранному» кругу — молодежи'.

В то же время существуют и такие жаргонные элементы, которые не имеют никакого денотативного значения и отражают лишь значение второго типа, т. е. специфику языкового регистра, избранного говорящим. Например, в молодежном жаргоне такую ограниченную функцию выполняют лексемы *короче*, *типа*, а в «речи новых русских» — *в натуре*: *А знаешь, у меня на «Лыбедской», короче, подружка есть; Короче, познакомьтесь! Там были, короче, одни пепси-колки и некого было кадрить*. Этот элемент, чрезвычайно частотный в молодежной речи, практически никогда не употребляется в зна-

чении 'короче говоря', а служит лишь маркером, время от времени подтверждающим неизменность того регистра общения, в котором разговор шел ранее. Ту же роль выполняет и слово *типа*, который в этой функции всегда употребляется только в родительном падеже единственного числа: *Ты что, хочешь его купить?* — *Ну типа да; А она ей типа: Давай закадрим этого лоха!*

2. Ко второй группе можно отнести разговорные или жаргонные ЛЕ, в значение которых, помимо указания на то или иное денотативное наполнение, входит оценка (преимущественно негативная) говорящего соответствующей ситуации и ее участника — ср. [Труб 2003].

В значение разговорной глагольной формы *сачковать*, помимо указания, что субъект не делает то, что надлежит выполнить в отведенное для этого время, входит также негативная оценка говорящим этого факта, которая переходит в общую негативную оценку субъекта. Аналогичным образом глагол *дряхнуть*, сообщая, что некто спит, одновременно подчеркивает ту из разных неотъемлемых ипостасей сна, которая неразрывно связана с бездействием его субъекта. При этом речь идет о сне (т. е. бездействии) в такое время, в которое общепринято бодрствовать, что в свою очередь вызывает осуждение говорящего. Ср. также противопоставление между нейтр. *возражать*, *противиться*, *упорствовать*, разг. *артачиться* и, с другой стороны, *кочевряжиться*, в котором то же значение дополнено негативной оценкой говорящим и самой реакции, и ее субъекта.

Глагол *верховодить* (*кто; кем / чем*) в значении 'руководить заведомо предосудительными действиями той или иной группы (инстанции)' также указывает на негативную оценку этого руководства, которая переходит в осуждение его субъекта. Не случайно объектная валентность данного глагола или производного от него субъектного актанта часто заполняется обозначениями групп или инстанций, к которым социум относится заведомо негативно: *верховодить шайкой бандитов (воров...)*. Ср. также широко распространенный в советские времена пропагандистский штамп *верховоды НАТО*, опирающийся на презумпцию как бы заведомо негативного отношения к Северо-Атлантическому альянсу.

Еще одно интересное регистровое противопоставление обнаруживаем в паре *налоги / поборы*. *Поборы* — это в первом приближении 'налоги, количество и величина которых, с точки зрения говорящего, являются чрезмерными, что и вызывает его недовольство'. Но если в рассмотренных ранее случаях говорящий дает отстраненную негативную оценку определенному лицу или ситуации, то в данном случае он сам является ее участником (пострадавшей стороной) в качестве налогоплательщика. Ср. также общеизвестную максиму *Долг платежом*

красен, служащую прецедентной основой (ср. [Ковшова 2006]) юристической сентенции *Долг платежом страшен*, в которой негативная оценка необходимости уплаты долга исходит от говорящего, позиционирующего себя в роли реального или потенциального должника.

В значении глагола *пялиться* (*на кого / что*) смысл 'смотреть' также сопровождается негативным оценочным значением, функционирование которого, однако, отличается от только что рассмотренных примеров. У глаголов *сачковать*, *дрыхнуть*, *верховодить* негативная оценка описываемой ситуации переходит в общую негативную оценку ее участника — субъекта. При этом обе оценки располагаются в ассертивной части модальной рамки говорящего. В случае же *пялиться*, *зырить*, *глазеть*, *установиться* негативная оценка часто отталкивается от изначального «презумптивного» негативного отношения говорящего к субъекту, которое переходит и на ситуацию с его участием — на то, что он активизирует свое визуальное восприятие чего-либо. При этом первичная негативная оценка располагается в презумпции модальной рамки говорящего, а вторичная — в ее ассерции. Следует, впрочем, отметить, что употребление этих глаголов может иногда предполагать другое распределение оценочной информации — от оценки ситуации к ее участнику. Так бывает, например, в случаях, когда субъектом активного визуального восприятия оказывается лицо, с которым говорящий ранее не был знаком (т. е. еще не мог успеть выработать к нему своего отношения). При этом объектом нескрываемого внимания данного лица оказывается сам говорящий, что вызывает его недовольство, естественно переходящее и на самого любопытствующего субъекта.

Аналогичный механизм функционирования оценки можно усмотреть в значении предикатов *пронюхать*, *разнюхать*. Имеется в виду, что говорящий изначально негативно относится к субъекту. А то, что этот субъект овладел информацией, которую говорящий и слушающий хотели бы от него скрыть, также вызывает недовольство говорящего. Во всех этих случаях оценочные компоненты входят в значение ЛЕ, т. е. должны так или иначе фиксироваться на парадигматическом, словарном уровне.

В толковом словаре Ожегова глагол *подвизаться* в его современном значении 'действовать, работать в той или иной обл.' сопровождается пометой «ирон.». Естественно полагать, что данная помета отражает входящее в значение изначально ироническое (т. е. негативное) отношение говорящего к субъекту деятельности. Эта негативная оценка может обосновываться следующими средствами:

а) наименование, заполняющее обязательную локативную валентность данного глагола, согласуясь с пренебрежительным отно-

шением говорящего к субъекту, может обозначать вид деятельности, которая не отличается особой престижностью: *Живет себе парень по имени Ваня, вроде университет окончил, а подвизается в ментовке, изображая в ходе следственных экспериментов жертв уголовных преступлений; Во времена «красных бригад» жeníцин подвизалось в терроризме на треть больше, чем мужчин!; Генерал Вэлли... подвизается военным комментатором на визгливом канале «Фокс ньюз»...*;

б) обозначение субъекта соответствующей деятельности посредством ЛЕ с заведомо негативной оценочной семантикой — ср. *На рынке оптимизации сайтов подвизается множество мошенников;*

в) совместное использование средств, приведенных в пунктах а) и б): *Естественно, что в этой довольно мутной области подвизается множество аферистов, шарлатанов и откровенных мошенников.*

В режиме особо вежливого этикетного диалога, предполагающего «возвышение» слушающего над говорящим, последний ради манифестации своей скромности может употреблять этот глагол, позиционируя в качестве его первого актанта себя: *Я сейчас подвизаюсь в одной фирме (в журналистике...).*

В отличие от рассмотренных ЛЕ разговорная адвербиальная форма *втихаря* в значении ‘тайно, скрытно’ сама по себе не содержит оценочных компонентов. Однако данная форма может приобретать негативную оценку говорящего, если она употребляется в контексте дискурса, адресант которого нормативно должен дистанцироваться от подобных выражений, относясь к ним как к «чужому слову». Так, одна из представительниц Партии регионов, в очередной раз обвиняя руководство Украины, заявила, что Ющенко, Тимошенко и Яценюк *втихаря* написали письмо к Яяпу де Хооп Схефферу с просьбой о присоединении Украины к договору о членстве в НАТО.

Рассмотренные примеры указывают на то, как реально оценивает говорящий определенную ситуацию или лицо. В то же время возможны такие стратегии употребления ЛЕ, когда оценочные компоненты подавляются или приобретают противоположный оценочный знак.

Как представляется, в состав презумпции модальной рамки значения глагола *ржать* (в значении ‘смеяться [о человеке]’) входит указание на изначальное пренебрежительное отношение говорящего к субъекту смеха. Однако при употреблении этой ЛЕ во втором лице в раскованной дружеской беседе данный компонент может подавляться — ср. *Чего ты ржешь?* или *Чего вы ржете?* (в значении ‘Почему ты смеешься / вы смеетесь?’) и поэтому не вызывать каких-либо обидных коннотаций у адресата.

Одним из жаргонно-криминальных обозначений группы лиц, занимающихся неблаговидной, заведомо предосудительной деятельностью, является существительное *шобло*, в значение которого входит и негативная оценка этой группы говорящим. Она содержится в ассерции модальной рамки говорящего — ср. *Надо покончить с этим шобло; Что за шобло он привел?* В то же время если, употребляя это слово, говорящий позиционирует в качестве членов этой группы и себя, и слушающего (слушающих), то негативная оценка может приобретать противоположный — положительный знак. Так, во время периодических встреч бывших одноклассников вполне может прозвучать фраза типа *Как здорово, что наше шобло снова собралось в полном составе!* Подобные явления обусловлены изначальной презумпцией самого речевого акта о добрых, дружеских отношениях между его участниками, которые не могут быть поколеблены содержащейся в значении данной ЛЕ негативно оцениваемой информацией о неблаговидной деятельности соответствующей группы. При этом, употребляя подобные ЛЕ, говорящий должен быть уверен, что ложность такой информации является абсолютно очевидной для слушающих. В этом и состоит один из механизмов функционирования шутки — ср. [Труб 2008]. В противном случае шутка может оказаться неудачной, т. е. потерпит коммуникативный провал со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3. Третью группу образуют номинации, обозначающие разнообразные ситуации, непосредственным участником которых является сам говорящий. Рассмотренные в первых двух группах глагольные формы допускают естественное варьирование лица и времени (ср., например: *подвигаюсь — подвигаешься — подвигается; верховодит — верховодил — будет верховодить* и т. д.). А языковые единицы, входящие в третью группу, так или иначе указывают на не поддающиеся варьированию имплицитные первое лицо (т. е. говорящего) и настоящее время. При этом они часто могут выполнять анафорическую функцию, содержа имплицитную отсылку к тому, что прозвучало ранее, или к невербальному действию, непосредственно предшествовавшему текущему РА. Многие из этих единиц могут быть истолкованы через свои дескриптивные аналоги — однокоренные или супплетивные глагольные формы настоящего времени с эксплицитным первым лицом. Ср.:

странно, удивительно — ‘я удивляюсь’;

дай Бог, чтобы Р — ‘очень хочу (хотел бы), чтобы было Р’;

не дай Бог, чтобы Р — ‘я очень не хочу (не хотел бы), чтобы было Р’;

ради Бога, не делай(те) Р! — ‘я очень прошу не делать Р’ [при этом говорящий хотя бы ситуативно (временно) понижает свой ста-

тусный ранг, делая его равным рангу слушающего или даже ниже его];

спасибо — 'я благодарю';

к сожалению (увы), Р — 'я сожалею о том, что Р';

не стоит Р — 'я не советую делать Р';

хорошо, ладно — 'я соглашаюсь делать Р, о котором ты меня просишь', etc.

Подобные речевые формы выполняют функцию, близкую к перформативам — они служат как бы «репортажем» о синхронном речевом акту том или ином действии говорящего, в частности — о том, что происходит в его ментальной сфере. Так, наречия *странно, удивительно* отражают удивление говорящего именно в момент речевого акта. Выражение *Эх, была не была!* фиксирует момент принятия говорящим после долгих колебаний положительного решения относительно совершения трудного, ответственного шага. Адвербиальные формы типа *дорого, некогда* отражают момент принятия решения говорящего об отказе от покупки или определенной деятельности и одновременно указывают на аргументацию этого отказа — дефицит материального или временного ресурса соответственно. Употребление структуры *Очевидно, что Р* отражает мнение говорящего, сложившееся к моменту РА, а *Похоже, что Р* — мнение, к которому он склоняется в данный момент. Структура *К сожалению, Р*, в которой содержание актанта *Р* входит в коммуникативный фокус, предусматривает, что говорящий, сожалея, сообщает слушающему о том, что имеет место заведомо нежелательная ситуация *Р*, касающаяся непосредственно слушающего. Конструкция с *увы* в зависимости от линейного расположения информации о *Р* допускает разные прочтения — и сообщения о *Р*, которое сопровождается негативной оценкой говорящего, и «чистого» сочувствия по поводу уже известного *Р*. В первом случае ситуация *Р* может быть в большей мере нежелательной и для говорящего. А структура *Жаль, что Р* допускает только второе прочтение — сожаление по поводу уже известного *Р*.

4. Среди многочисленных функциональных типов диалогических реплик особо выделяются разнообразные побуждения. Как известно, стандартным грамматическим средством выражения побуждения служат императивные глагольные формы. В этой связи особый интерес представляет развившаяся относительно недавно форма побуждения, распространенная преимущественно в различных сферах обслуживания. Речь идет о структурах в изъявительном наклонении с восклицательной интонацией, образуемых глаголом настоящего времени в первом лице множественного числа. При этом обязательно отсутствует подлежащее — субъектный актант, который должен быть

нормативно выражен местоимением в первом лице множественного числа (*мы*). Обращение адресовано лицу или лицам, которые «здесь и сейчас» находятся в «пространстве говорящего», т. е. по крайней мере могут его услышать. Ср. обращения, типичные для общественного транспорта, базара или поезда: *Проходим дальше в салон!*; *Оплачиваем проезд!*; *Берем творожок!*; *Забираем капусту!*; *Универсальные ножи, заточки!* *Подходим, смотрим, интересуемся, приобретаем!*; *Готовим паспорта!*; *Сдаем постель — через час Москва!* Примечательно, что несмотря на использование глагола в первом лице множественного числа, говорящий, побуждающий к тому или иному действию, не входит во множество его потенциальных исполнителей (как это предусмотрено в аналитических и редких синтетических повелительных глагольных формах первого лица множественного числа, обозначающих акции, в которых говорящему предписывается исполнять такую же роль, что и адресатам его побуждения, — ср.: *пойдемте, споемте, давайте сходим на пляж*, но **сходимте...*). Если он и становится его участником (что в принципе не обязательно — ср. *Проходим дальше в салон!*), то ему отводится другая (не субъектная) актантная роль — чаще контрагентная — ведь он призывает, чтобы **ему** оплатили проезд или чтобы **у него** купили творог или капусту. Эта достаточно вежливая форма побуждения адресована как тем, кто в принципе обязан выполнить соответствующую акцию (ср. *Оплачиваем проезд!*), так и любому потенциальному клиенту с целью вызвать у него желание приобрести товар, которым располагает говорящий или инстанция, уполномочившая его для рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковшова 2006 — *Ковшова М. Л.* Прецедентный текст в современном газетном заголовке как интеллектуальное развлечение // *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*. М., 2006. С. 421–428.
- Труб 2003 — *Труб В. М.* О функционировании оценок в значениях лексических единиц // *Логический анализ языка. Космос и хаос*. М., 2003. С. 431–447.
- Труб 2008 — *Труб В. М.* О разнообразных типах отклонения от истины (шутка, ошибка, сенсорные девиации, умолчание) // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*. М., 2008. С. 426–441.
- Эпштейн 1991 — *Эпштейн М. Н.* Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // *ВЯ*. 1991. № 6. С. 19–33.
- Vendries 1923 — *Vendries J.* *Le langage*. Paris, 1923.

Л. Л. ФЕДОРОВА

ДИАЛОГ ВОЛЬ И МНЕНИЙ

(ПО ТЕКСТУ ПЬЕСЫ Г. ГОРИНА
«ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН»)

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы проследить, как воля и мнение, заключенные в речевых действиях участников диалога, направляют его развитие, как заданные социальные координаты общения влияют на способы их выражения и как сами координаты изменяются в процессе взаимодействия. Материалом анализа послужили некоторые диалоги из пьесы Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен», в которых борьба воли и мнений персонажей отражена наиболее отчетливо.

Эта тема составляет один из фрагментов разрабатываемой «грамматики диалога» — подхода к изучению речевого взаимодействия с учетом социально-психологических оснований теории речевой коммуникации и в общем контексте функциональной лингвистики. Среди многочисленных направлений исследований в этой области (дискурс-анализ, разговорный анализ, теория речевых актов, этнография речи и др.¹) этот подход отличается разделением металингвистического и собственно лингвистического уровней анализа, предполагает рассмотрение языковых фактов в структуре общения, понимаемого как взаимодействие, воздействие, сообщение и самовыражение².

В анализе диалога мы исходим из представления о его интерактивной социальной природе. Основные идеи этого подхода были сформулированы еще М. М. Бахтиным: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психо-физиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов (Бахтин) 1993: 104] (также [Волошинов 1929: 113]). В этом взаимодействии каждый из собеседников является объектом речевого воздействия; в то

¹ Более подробно в [Макаров 2003].

² Более подробно о задачах и проблематике грамматики диалога см. [Федорова 2005; 2007].

же время каждое высказывание имеет объектом сообщаемое. Таким образом, диалог предстает как коммуникативная деятельность, в которой осуществляется обмен информацией в процессе интеракций.

Интеракциональный и трансакциональный в широком смысле подходы выделяются в современном дискурс-анализе при определении функций языка: «Функцию, которую язык выполняет, выражая определенное “содержание”, будем описывать как трансакциональную, а функцию, касающуюся выражения социальных отношений и личностных позиций, будем описывать как интеракциональную. Наше разделение “трансакционального / интеракционального” в общем соответствует функциональным дихотомиям “репрезентативного / экспрессивного” у Бюлера, “референциального / эмотивного” у Якобсона, “идеаторного / интерперсонального” у Холлидея и “дескриптивного / социально-экспрессивного” у Лайонза» [Браун и Юл 1991: 1].

Наше представление о структуре и процессе диалогического взаимодействия также основывается на подобном функциональном разделении: с одной стороны, диалог — это воздействия участников общения друг на друга, интеракции, с другой — развитие темы на основе обмена информацией, сообщениями, однократный обмен сообщениями и составляет простейшую трансакцию. Каждое речевое действие в диалоге содержит, как правило, эти две составляющих: воздействие и информационную составляющую.

Воля и мнение — это ключевые концепты для понимания диалогического взаимодействия; они представляют две содержательные силы, управляющие развитием диалога: воля направляет векторы интеракции, мнения определяют шаги трансакций.

В соответствии с внутренней формой слова *диалог* (*‘через-сло-вие’*) в речевом взаимодействии его участники обмениваются по очереди поступками в форме речи (если говорить об общении шире — поступки могут быть и неречевыми); каждый обмен соответствует шагу развития диалога, трансакции. В этих поступках собеседники осуществляют свои интенции, содержанием которых и являются их воли или мнения, то вступающие в противоречие, то согласующиеся. Воля рассматривается как воздействие, направленное на поведение собеседника, мнение — как воздействие на его образ мыслей. Воля и мнение соотносимы с разными способами речевого воздействия: воля — с волеизъявлениями, эмоционально-оценочными воздействиями, социальными воздействиями, мнение — с информированием и разъяснением, с оценочными сообщениями, в том числе с непрямыми формами эмоциональной оценки.

Воля — двигатель действия; она открыто выражается в формах волеизъявления, обладающих разной силой: от приказа до просьбы

(в более узком смысле воля — выражение желания: *Не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей!*). Сильным воздействием обладают эмоционально-оценочные акции: угроза, упрек, одобрение, осуждение и проч. (*Дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки!*). Открытое выражение эмоциональной оценки оказывает давление на собеседника, поэтому нередко оценочным воздействиям придают косвенную форму выражения мнения. Социально-регламентированные акты типа приветствий, извинений, выражений благодарности также могут производить эмоциональное воздействие, но часто используются просто как формальные действия, поддерживая психологический и социальный контакт между собеседниками. Однако особенно заметным оказывается эффект отсутствия социальных актов в регламентированных ситуациях, это сигнал разрушения контакта:

«Входит Мюнхгаузен. <...>

Мюнхгаузен (*весело*). Добрый день, господа!..

(*Жене*). Здравствуй, Якобина! *Та отворачивается.*

Господин Рамкопф! *Тот отворачивается.*

Здравствуй, сын! *Феофил в бешенстве отбегает в угол.*

Вы позвали меня помолчать?!»

Г. Горин «Тот самый Мюнхгаузен» [Горин 2005:150]

Мнение и воля, выраженные в акции, могут вызывать реакции в соответствии с выбранной стратегией: подчинения, содействия или противодействия. Воля требует подчинения; противодействие — отказ, запрет, протест — является, в свою очередь, сильным воздействием. Обмен мнениями предполагает стратегии содействия общению, однако содействие — это не всегда только лишь унисонное мнение: развитию диалога скорее способствует иное мнение, даже противоречащее, которое, однако, может вызывать эмоциональное напряжение или привести диалог в тупик:

«Мюнхгаузен (*взял пастора под руку, заглянул в глаза*). Послушайте, пастор, люди, которые посоветовали мне к вам обратиться, говорили о вас как об умном и образованном священнике. Вы не можете не понимать, что из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека. Церковь должна благословлять любовь!

Пастор. Законную!

Мюнхгаузен. Всякая любовь законна, если это любовь!

Пастор. Позвольте с этим не согласиться!»

[Горин: 133]

Кажется, что содержание интенций говорящего не сводимо лишь к воле и мнению; например, мнение можно противопоставить факту, а волю — чувству. Выражение чувств говорящего может экспрессивно окрашивать любые акции и реакции и оказывать эмоциональное воздействие на говорящего, то есть может сопутствовать выражению воли или мнения. Что же касается факта, он не составляет интенции, а служит обычно аргументом для утверждения собственного мнения и рычагом воздействия на собеседника; выяснение факта может составить отдельную акцию, требующую реакции сообщения; факт может оказаться завершающей точкой в диалоге, в столкновении мнений. Если же сообщение информации, преподносимой говорящим как факт, само является акцией, то слушающий обычно задается вопросом: зачем он это сказал, что он имел в виду? Такая акция имеет характер провокации, вызова или инициации общения, заключая в себе речевоздействующую силу и запуская механизм «иллокутивного вынуждения» [Баранов, Крейдлин 1997]; если же факт кажется абсурдным, то требует поиска интерпретаций или приводит к нарушению контакта:

«Мюнхгаузен. Хотите осмотреть мою библиотеку, пастор?

Пастор. С удовольствием! Я уже обратил на нее внимание. У вас редкие книги.

Мюнхгаузен. Да! И многие с автографами...

Пастор. Как приятно.

Мюнхгаузен (*доставая с полки фолиант*). Вот, например, Софокл.

Пастор. Кто?!

Мюнхгаузен. Софокл. Это лучшая его трагедия — «Царь Эдип». С дарственной надписью.

Пастор. Кому?!

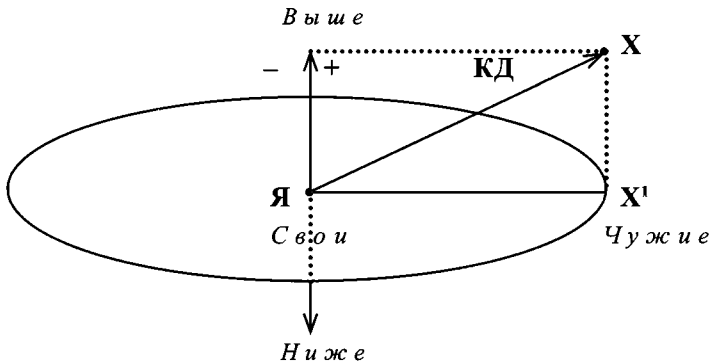
Мюнхгаузен. Ну мне, разумеется...»

[Горин: 127]

Итак, основные силы диалога — воля и мнение — наполняются в диалоге конкретным содержанием — высказыванием желаемого, обращением к фактам и интерпретациям, сопровождаемым выражением эмоций и оценок. На способы их выражения накладываются ограничения нормы социального и коммуникативного взаимодействия, принципы кооперации и вежливости. Очевидно, что возможности выражения воли и мнения социально регламентируются: право на них определяется социальной позицией и установками, преобладающими в социальном мире, — традиционно-иерархическими или солидарно-демократическими. В традиционно-иерархическом общении право голоса и выбор стратегии задается преимущественно соотношением по-

зиций по иерархической шкале «Выше–Ниже»; в солидарном общении социально равных собеседников определяющим чаще выступает признак «Свой–Чужой», но и здесь играет роль соотношение позиций, наполняемых психологическим содержанием: вес позиции соответствует достоинству, авторитету, который и оценивается по признаку «Выше–Ниже». Различие «своего» и «чужого» в социальном и психологическом аспектах также значимо: социальный круг «своих» определяется подчинением общему вышестоящему, который связан с ними отношением обладания: у начальника свои подчиненные, а у них — свой начальник; круг психологически «своих» составляют близкие, и эти отношения симметричны. Ранее предлагалась модель определения социальной дистанции между собеседниками в иерархически упорядоченном социальном мире [Федорова 2003]; аналогичная схема может быть предложена для психологической интерпретации коммуникативной дистанции, определяемой соотношением психологических позиций собеседников.

Схема 1. Коммуникативное пространство говорящего

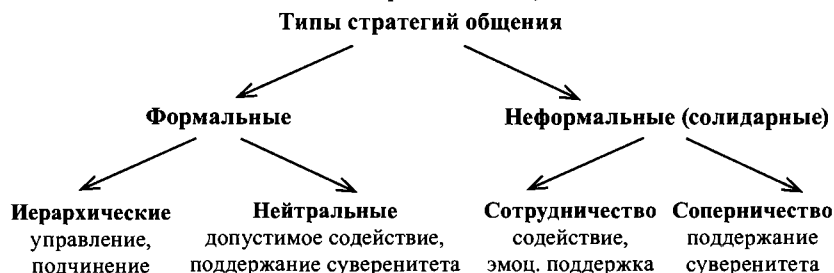

В данном случае схема представляет соотношение позиций собеседников Я и X в трехмерном коммуникативном пространстве; их разделяет коммуникативная дистанция ЯX, определяемая весом позиций и близостью в кругу «своих». Вес позиции X соответствует графически перпендикуляру XX¹ (X¹ — вспомогательная точка, он определен относительно позиции Я, вес которой условно взят за 0 (как точка отсчета). В коммуникативном пространстве выделен круг «своих»; таких кругов может быть несколько: от наиболее узкого, включающего близких, к более широкому. Коммуникативное пространство можно условно разделить на сферы положительного и отрицательного эмоционально-психологического контакта (отмеченных знаками «+» и «-» на схеме). В начале общения его координаты в значительной мере определяются социальным содержанием

ем. В процессе общения действуют механизмы изменения дистанции, приближения и отдаления (отчуждения, фамильярности, унижения, возвеличивания и проч.; подробнее об этом см. [Федорова 2003]).

Положение собеседников в этом коммуникативном пространстве, с учетом социальных и психологических составляющих дистанции, определяет и выбор стратегии, накладывающей ограничения на выражение воли и мнения. Нормативные стратегии общения разделяются на формальные и неформальные. Формальные включают два вида: иерархические (Вышестоящего с Нижестоящим, Нижестоящего с Вышестоящим) и нейтральные (с Чужим). Иерархические предполагают управление со стороны Вышестоящего и подчинение со стороны Нижестоящего, возможен для Нижестоящего также поиск содействия. Прямое неподчинение со стороны Нижестоящего не является нормативной стратегией, однако иногда допускается заявление протеста, особенно массовое (собственно, право на выражение протеста признается в солидарном общении). Формально-нейтральные стратегии общения с Чужим требуют уважения и поддержания его суверенитета и допускают содействие (прототипическая фигура Чужого амбивалентна: это может быть Гость или Враг [лат. *hostis*]; как Враг он не является партнером коммуникации, как Гость — стоит на пороге и должен быть принят с уважением и вниманием, отвечая тем же). Неформальные стратегии подразумевают общение Своих и Равных на основе принципов солидарности, включая сотрудничество и соперничество, которые, в свою очередь, базируются на принципах содействия и эмоциональной поддержки либо невмешательства и поддержания суверенитета. Нарушение нормативных стратегий может приводить к конфликту.

Схема 2. Стратегии общения

Возможны и смешанные, неформальные иерархические отношения в ближнем круге «своих», например, между родителями и детьми; они характеризуются сочетанием иерархических стратегий и стратегий сотрудничества; их внутренняя противоречивость может вызывать конфликт.

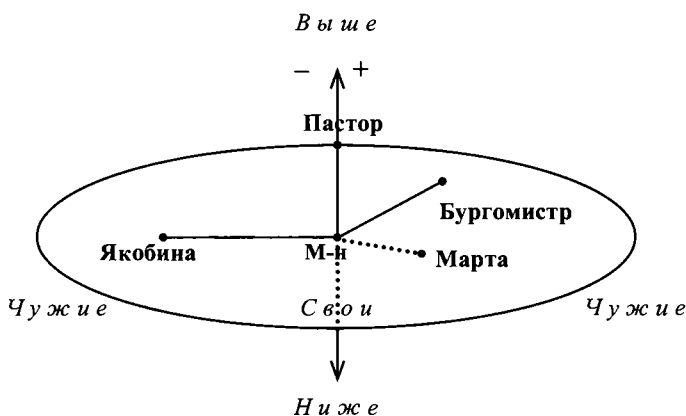
В известном смысле стратегии содействия и поддержания суверенитета сопоставимы с «поддержанием положительного и отрицательного лица» в теории вежливости Браун–Левинсона [Браун и Левинсон 1987], однако предложенная схема основывается на понятии веса позиции, включающей как социальное (власть), так и психологическое содержание (достоинство), в отличие от метафоры «поддержания лица», отчасти соотносимого с достоинством.

Таким образом, диалогическое общение может быть рассмотрено как взаимодействие воли и мнений в рамках определенного коммуникативного пространства. Попробуем применить данный подход к анализу конкретных текстов диалогов из пьесы Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен», к примерам которой мы обратились в начале статьи.

Основные персонажи пьесы принадлежат общему социальному миру, где они незначительно отличаются по социальному статусу; выделяется лишь Марта как незаконная жена барона — она не принадлежит этому кругу, но она и самый близкий ему человек, общение их неформально; Пастор является в дом Мюнхгаузена гостем (Чужим) и представителем духовной власти (Вышестоящим), их отношения должны базироваться на взаимном поддержании достоинства; Бургомистр, хотя и занимает несколько более высокую позицию в социальной иерархии, считается другом Мюнхгаузена и имеет право на неформальные стратегии; Якобина, его законная супруга, относится к отрицательному полю в социальном пространстве «своих» и не является его коммуникативным партнером (как и ее окружение — сын Феофил и «друг семьи» Рамкопф).

Их исходные позиции по отношению к главному герою заданы примерно так:

Схема 3. Социальное пространство Мюнхгаузена

Несмотря на непринципиальное различие социальных позиций, они тем не менее заведомо не равны по достоинству; антагонисты Мюнхгаузена и сами это осознают, стараясь всеми способами сравняться с Мюнхгаузеном: сначала пытаюсь заставить его отречься от своих подвигов, а потом тщетно стараюсь их повторить, чтобы поднять себя в собственных глазах:

«Феофил. <...> Дело не в чинах! Я барон Мюнхгаузен, с меня достаточно и этого звания.

Баронесса. <...> Извини меня, дорогой, сегодня утром я случайно увидела, как ты стоишь на стуле и тянешь себя за волосы. Это глупо!

Рамкопф. И очень больно...

Баронесса (*Рамкопфу*). Вы тоже пробовали?»

[Горин: 182]

На протяжении действия соотношение позиций главных героев несколько раз изменяется. Развитие отношений показано в их речевом взаимодействии. Основное содержание интенций участников действия может быть объяснено их стремлениями: Мюнхгаузена — к поиску истины, его противников — к желанию его принизить или превратить в миф; Марты — узаконить отношения с любимым человеком, но и отстоять любовь; сына Феофила — соответствовать «духу времени»: сначала отречься от отца, потом сравниться с ним славою. Ими управляют чувства — любовь и преданность, зависть и злоба. Их воли, переплетаясь и противоборствуя в интеракциях, приводят к развязке. Но воли опираются на мнения, выстраиваются в позиции, укрепляются фактами и стереотипами, маскируемыми под «истинные суждения». Все эти действия образуют сложную ткань трансакций пьесы, составляющие которых — реплики персонажей.

Нас интересует прежде всего отношение персонажей к истине и факту, проявляющееся в борьбе мнений. Приключения барона Мюнхгаузена, данные как исходный парадоксальный факт, воспринимаются ими изначально как нелепые фантазии, потом как пример для подражания. Что интересно, герои пьесы почти не сомневаются в своих суждениях, притом даже, что по ходу действия меняют мнения на противоположные. Хотя порой они сомневаются в своих ощущениях, которые с очевидностью должны бы свидетельствовать истину.

«Судья. Но вы узнаете в подсудимом барона или нет?

Бургомистр. Не знаю!.. Честное слово... Иногда мне кажется, что это он, иногда — нет... Могут ли я полагаться на свои личные ощущение-

ния в таком важном деле?.. Полностью доверяю суду. Как решите, так и будет!»

[Горин: 215]

Высказывает сомнения лишь Марта, оказавшаяся между двух миров: ограниченным законным порядком бюргерским и открытым во времени и пространстве миром мужа:

«**Марта.** Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов... Но, может быть, ты что-то делаешь не так? А? Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе?»

[Горин: 136]

Но это сомнение — косвенная просьба к мужу стать на время «таким как все», высказанная в порыве отчаяния.

«Для говорящего его собственная оценка является аналогом истины» [Дмитровская 2003: 52], — суждения противников по большей части как раз таковы: это утверждения истины. Но если истина обывателя избита и пошла, истина Мюнхгаузена всегда неожиданна и первопричинна:

«**Пастор.** Что я могу посоветовать, сударыня?.. Живите как живете, но по людским и церковным законам женой барона будет считаться та жена, которой нет!

Мюнхгаузен. Бред какой-то!.. Итак, вы, служитель церкви, предлагаете нам жить во лжи?!

Пастор (*усмехнувшись*). Странно, что это вас пугает... Мне казалось, ложь — ваша стихия!

Мюнхгаузен. Я всегда говорю только правду...»

[Горин: 134]

Пастор прибегает к авторитетам церковного закона и общественного мнения для утверждения истины, допуская при этом противоречие с реальностью; Мюнхгаузен называет вещи своими именами. Показатели субъективной оценки в реплике-мнении Пастора (*странно, мне казалось*) употребляются с переносом модального значения — это обычный прием пикировки, непрямого обвинения и осуждения с использованием иронии и сарказма, здесь сомнение равно утверждению и является эмоциональным воздействием — насмешкой. (Вообще же показатели неуверенности в речах Пастора на протяжении пьесы встречаются лишь дважды, и оба раза — в иронических высказываниях; Пастор выступает

носителем авторитетного знания и прямым антагонистом Мюнхгаузена.)

Допущение иной реальности тем не менее оказывается возможным и в логическом рассуждении с прямой констатацией факта:

«Рамкоф (читает). «Распорядок дня барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена на тридцатое мая тысяча семьсот семьдесят шестого года...» <...>

«Семь часов утра — разгон облаков, установление хорошей погоды...» Что вы на это скажете?

Бургомистр. Дайте-ка... *(Берет бумагу.)* Действительно — «разгон облаков»... *(Взглянув в окно.)* И как назло, сегодня чистое небо...

Феофил. Вы хотите сказать, что это его заслуга?

Бургомистр. Я ничего не хочу сказать, Феофил! Я просто отмечаю, что сегодня великолепный день. У меня нет никаких оснований утверждать, что он разогнал облака, но и говорить, что он не разогнал облака, значит противоречить тому, что видишь.

Баронесса. Вы смеетесь над нами?»

[Горин: 146]

Но этот прием — очевидный уход от прямого ответа.

Новый неожиданный факт встречает не интерес и любопытство у публики, а неприятие и возмущение. Факт открытия лишнего дня весны — 32 мая — Мюнхгаузен подтверждает расчетами, объясняя близким, но даже среди них не встречает понимания:

«Бургомистр. И вы надеялись, что вам поверят?

Мюнхгаузен. А куда же деться от фактов?! Ну не идиоты же мы, чтобы отказываться от лишнего дня в жизни?! Томас, ты рад, что у нас появилось тридцать второе?

Томас. Вообще-то, не очень, господин барон!.. Первого мне платят жалованье...»

[Горин: 179]

В обыденной жизни вопросы правды и истины оказываются не так уж и важны, важнее «не нарушать порядок вещей»:

«Мюнхгаузен. Но ведь я сказал правду!

Бургомистр. Черт с ней, с правдой!.. Иногда можно и соврать. Боже мой, такие вещи приходится объяснять Мюнхгаузену. С ума сой-дешь!»

[Горин: 173]

В вопросе о правде, таким образом, сталкиваются два мнения: одно утверждает абсолютность правды, критерием которой является нравственное начало, другое мнение утверждает ее относительность, определяемую выгодой:

«**Марта.** Правда одна.

Баронесса. Правды вообще не бывает. Правда — это то, что в настоящий момент считается правдой...»

[Горин: 217]

Посмотрим, как развивается конфликт мнений в отношениях Мюнхгаузена и Пастора. Пастор приезжает в дом Мюнхгаузена по его просьбе, ранее они не были знакомы и ведут себя по правилам формально-нейтрального общения, выказывая взаимное уважение. Хотя у Пастора есть предвзятое мнение, диалог поначалу развивается в рамках этикета, за просьбой о венчании следуют вопросы — выяснение ситуации; далее Мюнхгаузен предлагает гостю оценить его библиотеку, пытаясь ввести его в круг своего духовного общения. Обмен любезностями нарушается, однако, сообщением невероятного факта — дарственной надписи Софокла Мюнхгаузену. Пастор, восприняв это как вызов, выражает протест:

«**Пастор** (*решительно*). Извините меня, барон... Я много наслышан о ваших... о ваших, так сказать, чудачествах... Но позвольте вам все-таки сказать, что этого не может быть!

Мюнхгаузен (*протягивая книгу*). Да вот же... «Дорогому Карлу Мюнхгаузену от любящего его...» Вы читаете по-древнегречески? Смотрите!...

Пастор. И смотреть не стану!

Мюнхгаузен. Но почему?

Пастор. Потому что этого не может быть! Он не мог вам писать!

Мюнхгаузен. Да почему, черт подери?! Вы его путаете с Гомером. Гомер, действительно, был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал.

Пастор. Он не мог вам писать, потому что жил в Древней Греции!

Мюнхгаузен. И я жил в Древней Греции.

Пастор (*возмущенно*). Ну знаете ли...

Мюнхгаузен. Скажу вам по секрету, пастор: вполне вероятно, что и вы жили в Древней Греции. Просто вы этого не помните, а я помню.

Пастор. Враки! Докажите!

Мюнхгаузен. Господи, я ж вам доказываю... (*Снова протягивает книгу*) Это ваши сомнения голословны, а у меня в руках — документ!»

[Горин: 128–129]

Спор развивается предъявлением аргументов и контраргументов, достигая кульминации в сообщении осведомленности, вызы-

вающем возмущение Пастора, который обвиняет Мюнхгаузена во лжи. Таким образом происходит нарушение принципа кооперативного общения, но не со стороны Мюнхгаузена, нарушившего максимум качества (по Грайсу: сообщать истинные сведения), как это очевидно для Пастора, а парадоксальным образом со стороны самого Пастора, не сумевшего найти интерпретацию действиям Мюнхгаузена.

В дальнейшем Пастор получает косвенное подтверждение слов барона со стороны Марты, что повергает его в страх («О господи, куда же я попал!»); но реплика Мюнхгаузена сглаживает конфликт и дает ключ к возможной интерпретации («Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело! И к тому же вкусно кормят»). Однако Пастору так и недостает проницательности им воспользоваться. Не сумев одолеть противника в борьбе мнений и пикировке, он поддается эмоциям и избирает волевое решение:

«Пастор (*в гневе*). Перестаньте, барон!.. Хватит валять дурака! Вы погрязли во вранье, вы купаетесь в нем как в луже... Это грех!.. Я читал на досуге вашу книжку... О боже! Что за чушь вы там насочиняли!

Мюнхгаузен. Я читал вашу — она не лучше.

Пастор. Какую?

Мюнхгаузен. Библию. Там тоже много сомнительных вещей... Сотворение Евы из ребра... Ноев ковчег...

Пастор. Эти чудеса сотворил Бог!!!

Мюнхгаузен. А чем я хуже? Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию.

Пастор. Не всех!!!

Мюнхгаузен. Вижу. Создавая вас, он, очевидно, отвлекся от первоисточника.

Пастор (*взбешен*). Вы... Вы... чудовище! Проклинаю Вас! И ничему не верю... Слышите?! Ничему!... Все это — (*жест*) ложь! И ваши книги, и ваши утки, и эти рога, и головы — все обман! Ничего не было! Слышите?.. Все — вранье!..»

[Горин: 134–135]

Воля Пастора в высшем накале эмоций приобретает характер перформативного, социально регламентированного действия — проклятия — и должна возыметь сильнейший эффект — притом что соблюдены предварительные условия. В виртуальном мире Пастора, где он представитель Бога, они соблюдены, но принимаются ли Мюнхгаузенем? В его виртуальном мире свои правила, и они подчинены условиям искренности — и верности чести. В его виртуальном мире он обладает полномочиями предъявить ультиматум и объявить

войну королю Англии Георгу — и ход событий подтверждает его полномочия (газеты сообщают факт: Англия признала независимость Америки). Так противоборство мнений Пастора и Мюнхгаузена приводит их к взаимной коммуникативной неудаче (Мюнхгаузен не получил согласия на венчание, Пастор, очевидно, не сумел доказать свою правоту) и разрыву контакта.

В решительных ситуациях, когда борьба воли и мнений заходит в тупик, обладающий властью прибегает к спасительному перформативу, однозначно осуществляющему волю:

«Мюнхгаузен. Я решил воскреснуть. *(Пауза)*

Бургомистр. Вы этого не делаете, Карл!

Мюнхгаузен. Сделаю! Если вы уж так настаиваете на памятнике, то лучше уж я сам залезу на пьедестал. <...>

Бургомистр. Я прикажу не пропускать вас в город!

Мюнхгаузен. Тогда я передам дело в суд.

Рамкопф. Вы проиграете процесс!

Мюнхгаузен. Посмотрим!

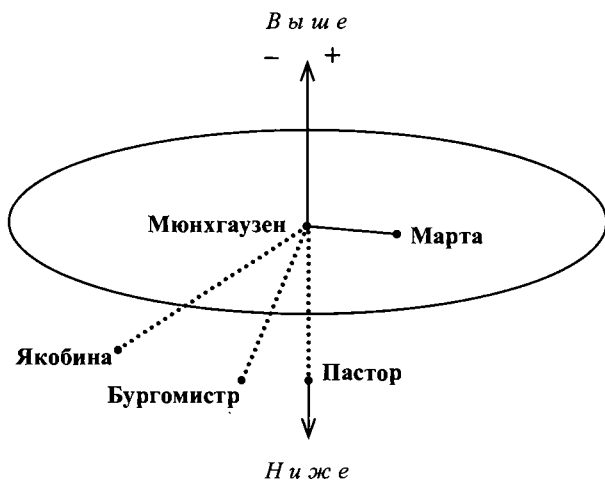
Бургомистр. А пока я вынужден вас арестовать как самозванца! Бургомистр не может позволить всяким садовникам посягать на святыне имена!»

[Горин: 205–206]

В конце концов в вопросе о правде решающим оказывается действие Марты, которая сообщением факта («Они положили сырой порох!») разоблачает заговор противников Мюнхгаузена, готовящих ему публичное осмеяние. По сути (а не по форме), это перформатив свидетельства истины, который вызывает их возмущение и одобрение Мюнхгаузена, готового защитить свою честь ценой жизни. Однако напуганная предстоящим всерьез взрывом публика единодушно признает несостоявшийся полет на Луну свершившимся фактом («есть решение, что был»). Так еще раз подтверждается зависимость «правды» от волевого перформатива власти в мире противников Мюнхгаузена. Именно здесь верность Мюнхгаузена истине, подвергнутая испытанию, поднимает его выше этого мира.

Итак, в диалоге воли и мнений изменяются исходные координаты социального мира Мюнхгаузена: сначала он теряет свои позиции, превращаясь в садовника Миллера, но потом возвращается в прежний образ; психологическое содержание позиций раскрывается в действии и расставляет героев по местам по их достоинству: позиция Мюнхгаузена теперь оказывается несовместимой с миром Бургомистра, Пастора, Якобины и их сторонников, который остается глубоко внизу:

Схема 4. Соотношение психологических позиций героев в финале

Игра и правда в мире парадоксов Мюнхгаузена противостоят лжи и абсурду в мире его противников. Это противостояние проявляется и отношением к смеху. Мюнхгаузен не боится доброго смеха:

«Бургомистр. <...> Все будет хорошо. Во всяком случае, весь город перестанет смеяться над вами.

Мюнхгаузен. Не смеяться, а подсмеиваться. Это разные вещи!».

[Горин: 176–177]

Мюнхгаузен готов посмеяться со всеми. Но он славен тем, что никогда не врет.

«Я понял, в чем ваша беда, — говорит Мюнхгаузен, уходя. — Вы слишком серьезны. Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением лица. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» [Горин: 232].

Талант смотреть на жизнь с улыбкой, заглядывать в будущее и прошлое дан автором Мюнхгаузену, и он принадлежит и самому автору.

Итак, мы попытались показать, что борьба мнений ограничена действием волею; что перформатив власти способен прекратить диалог, но не изменить мнение; что характер взаимодействия определяется в конечном счете достоинством его участников. Попытка при-

ложить к тексту строгие мерки формального анализа всегда остается лишь ограниченным подходом, который, впрочем, заставляет глубже задуматься над законами построения диалога и возможностями его художественного воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов, Крейдлин 1997 — *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 84–100.
- Браун и Юл 1991 — *Brown G. and Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge University Press, 1991.
- Браун и Левинсон 1987 — *Brown P., Levinson S.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1987.
- Волошинов 1929 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
- Волошинов (Бахтин) 1993 — *Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин).* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Серия «Бахтин под маской». Маска 3. М., 1993.
- Горин 2005 — *Горин Г. И.* Тот самый Мюнхгаузен. М., 2005.
- Дмитровская 2003 — *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2005. С. 47–55.
- Макаров 2003 — *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Федорова 2003 — *Федорова Л. Л.* Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии. Московский лингвистический журнал. Вып. 7, № 2. М., 2003. С. 21–40.
- Федорова 2005 — *Федорова Л. Л.* Грамматика диалога: основные категории // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог–2005. М., 2005. С. 482–486.
- Федорова 2007 — *Федорова Л. Л.* Теория речевой коммуникации и грамматика диалога // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. СПб., 2007. С. 103–134.

СЛОВО ЧЕПУХА И ЕГО СИНОНИМЫ В ДИАЛОГИЧЕСКИХ РЕАКЦИЯХ

Тимиологическая оценка делит объекты мысли на а) серьезные, важные для говорящего, производящие на него сильное впечатление, и на б) несерьезные, неактуальные, незначимые, далекие от интересов человека [Пеньковский 1995: 36]. Единицы синонимической группы *чепуха*, *ерунда*, *вздор*, *глупости*, *чушь* находятся на нижней шкале данной оценки, что придает им особые, по-своему уникальные свойства.

Отнесение объекта к области *незначимого* может сводить к нулю важнейшие оценки такого объекта — как истинностную, так и аксиологическую. Суждения *это правда* и *это неправда*; *это хорошо* и *это плохо*, противопоставленные во всех прочих ситуациях, нейтрализуются, если за ними следует низводящее их «до нуля» суждение: *но это не важно*, *ерунда*, *чепуха*, *вздор*, *глупости* и т. д.

Нейтрализация по оценке истинности для единиц рассматриваемой группы находит отражение в толковых словарях. Напр., в словарной статье ЕРУНДА [Ожегов, Шведова 1995] предлагается два толкования:

ерунда₁: ‘вздор, пустяки, нелепость’. *Молоть всякую ерунду*;

ерунда₂: ‘о чем-н. несущественном, незначительном’.

Сильно порезался? — Ерунда!

Достаточно развернутый список группы представлен в Словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1970]. В него входят следующие единицы: *вздор*, *ерунда* (*ерундистика*), *чепуха* (*чепуховина*), *чушь*, *белиберда*, *галиматья*, *ахиня*, *окоlesiца* (*околесина*, *околесная*), *гиль*, *пустяки* (*пустое*), *глупости*.

В этой небольшой статье мы рассмотрим использование единиц группы *чепуха* в качестве коммуникативов, то есть ответных реплик диалога, имеющих широкое распространение в разговорной речи. Использование слов в качестве коммуникативов имеет свои особенности, позволяет словам выступать в качестве самостоятельных вы-

сказываний с определенными иллокутивными функциями и прагматическими эффектами (см. об этом подробнее в: [Шаронов 1996]).

Словами-репликами группы *чепуха* говорящий возражает собеседнику на его утверждение об объекте речи и одновременно дает оценку представлениям собеседника. Реплики обычно вводятся и сопровождаются коротким «крякающим» междометием *А!* (*ах, э, ой*), пренебрежительной или скептической улыбкой и характерной отмашкой руки.

Необходимой структурной и смысловой частью речевого акта, дополняющей тимиологическую оценку, является аргументация этой оценки. Без аргументации оценка объекта речи как несерьезного, незначимого «провисает» и начинает работать уже против говорящего. Ср.:

Невежи судят точно так:

В чем толку не поймут, то все у них пустяк

(Крылов. Петух и жемчужное зерно).

Раз не понял — значит, чепуха, бред (В. Шукшин. Штрихи к портрету).

Ироническую улыбку у слушателя обычно вызывает и всякого рода псевдоаргументация. Ср.:

— Почему ж это **чепуха?** — спросил он сердито. — Потому что **чепуха!** (В. Войнович. Замысел).

Вот в жарком русском споре приводит он свой излюбленный аргумент: — Э, батенька, **ерунду вы порете!** — Почему же ерунду? — спрашиваю я робко. — Потому что **чепуху** (А. Куприн. Последнее слово).

Итак, будем называть такие речевые акты коммуникативами уничижительного возражения (далее — коммуникативы УВ).

К наиболее распространенным коммуникативам УВ, способным к полной синонимии в разных диалогических контекстах, мы относим не все единицы из списка Евгеньевой, а только пять из них: *чепуха, ерунда, вздор, чушь, глупости*.

Мы рассмотрим, во-первых, типы контекстов употребления коммуникативов УВ, определяющие отношение говорящего к истинности сказанного, а во-вторых, характеристику употребления этих единиц с позиций этикета.

I. Отношение говорящего к истинности сказанного в коммуникативе может быть акцентировано и не акцентировано. На этом основании выделяются три типа контекстов, один из которых имеет акцент на неистинности высказывания собеседника, а в двух других отношение к истинности отодвигается на второй план. Различия в контекстах проявляются в аргументативной части высказывания говорящего.

Рассмотрим эти три типа контекстов¹.

A) Контексты, акцентирующие внимание на ложности утверждаемого.

Э, ерунда, возразила она, смеясь, *мало ли что наговорят* (Б. Хазанов. Корсар).

Все это чепуха, ложь (Ю. Нагибин. Бунташный остров).

«Глупости, — возмутилась жена. — *Они все выдумывают*» (В. Токарева. Лавина).

— Дело в том, что я ее отец. — **Вздор.** *Никакой вы не отец. Вы иностранный литературный агент* (В. Набоков. Лолита).

— Ты, я вижу, стал законченным антикоммунистом. — **Чушь!** — возразил я. — *Никем я не стал. Против так называемых идеалов коммунизма я ничего не имею* (В. Войнович. Москва 2042).

Как можно легко заметить, коммуникативы в приведенных примерах легко заменяют друг друга. Кроме того, в данном типе контекстов синонимично рассматриваемым единицам выступают коммуникативы общего возражения, отрицания: *да нет, это не так, неправда* и некоторые другие.

Неакцентированность в коммуникативе на истинности или ложности утверждаемого факта проявляется в двух других типах контекста: б) при выявлении нелогичностей в рассуждениях собеседника или, в целом, неубедительности его речи; в) при отрицании серьезности, важности объекта обсуждения.

Б) Негативная оценка логики построения высказывания, его убедительности отводит в тень отношение говорящего к истинности / ложности обсуждаемого факта. Ср.:

¹ Аргументативная часть реактивных речевых актов в примерах дается курсивом.

Он мог оборвать выступающего, *ткнув его в недоказанный вывод*, заорать: «**Чушь собачья!** Грязная работа!» (Д. Гранин. Зубр).

Апелляция к несерьезности речи расширяет круг синонимических единиц. В контекстах рассматриваемого типа можно встретить также: *белиберда, галиматья, ахинея, околесица*. Реальность факта может и признаваться говорящим имплицитно, не признаваться им, или оставаться непроясненной. Ср.:

«Мне нельзя на Луну. Я слишком тяжеленький. Ракета не поднимет меня», — сказал Пончик. — «**Глупости!** — ответил Незнайка. — *Все, кто полетит в ракете, будут в состоянии невесомости, так что для ракеты все равно, тяжеленький ты или не тяжеленький*» (Н. Носов. Незнайка на Луне).

— Говорят, вы женились на вашей супруге потому, что ее дядя оставил ей миллион.

— **Вздор.** *Я все равно женился бы на ней, кто бы ей его ни оставил* (анекдот).

А теперь давай за дядю Толю. — За дядю Толю? Не пьют за мертвых-то. — **Ерунда!** *Дядя Толя для меня и мертвый живет всех живых*. (А. Абрамов. Трава-мурава).

В 1923 году один канадский экономист спросил английского физика Э. Резерфорда, что он думает о теории относительности. «А, **чепуха**, — ответил он. — Для нашей работы это не нужно» (А. Сухотин. Парадоксы науки).

«**Чушь**», — сказал Путин, отвечая на вопрос корреспондента одного из западных агентств об источниках богатства президента РФ, которое журналист назвал самым большим в Европе. «*Все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам*», — добавил президент под смех зала (<http://rian.ru/politics/20080214/99199635.html>).

В) В контекстах с отрицанием серьезности, важности объекта обсуждения истинность факта по сути не рассматривается, так как ее роль оказывается неважной и не влияет на мнение или решение говорящего. Приведем примеры употребления наших коммуникативов:

«К твоему сведению, — сказала она надменно, — я совершенно здорова. Могу справку показать». — «Зато я болен», — возразил он. — «**Э, ерунда. Пройдет**». (Б. Хазанов. Корсар).

«Ведь я же практически высланный, враг народа». — «Ах, это **чепуха!** — отмахнулась она. — Ты же понимаешь! *Они могут это повернуть в одну минуту!*» (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

Он хотел проводить Наташу до города, но она не позволила. — «**Глупости какие, Юрочка!** — засмеялась она. — До автобуса, и хватит. *Ну, проведем еще три часа вместе — какая разница?»* (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

«Мой фюрер, — ответил Кребс, — танкам Рокоссовского противостоят старики фольксштурма, вооруженные винтовками...». — «<...> Все это **вздор** и безделица! *К завтрашнему вечеру связь Берлина с севером должна быть восстановлена, кольцо русских пробито, фронт стабилизирован!*» (Ю. Семенов. Приказано выжить).

«Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: “Леонид, это было страшно”. <...> — А, — сказал Банин. — **Чушь.** *Это меня не интересует*» (А. и Б. Стругацкие. Далекая радуга).

В данном типе контекстов группа коммуникативов расширяется за счет близких им единиц: пустяки, пустое, безделица и некоторыми другими.

II. Характеристика коммуникативов уничижительного возражения с этикетной точки зрения.

Использование в диалоге коммуникативов уничижительного возражения может приводить и к негативной реакции собеседника, и оказывать положительное влияние на отношения коммуникантов.

Причина негативной реакции на коммуникативы УВ тривиальна: человеку может не нравиться, что собеседник выражает безразличие к его мнению и делает это открыто и непосредственно. Особенно болезненно коммуникатив УВ воспринимается в случаях, когда мнение человека об объекте речи окончательно сложилось, затрагивает его мировоззрение и личные интересы. Возьмем в качестве примера конфликтного развития диалога сцену из романа А. и Б. Стругацких «Далекая радуга». Разговаривают два ученых:

— Вся наука будет состоять из двух-трех направлений, в которых никто, кроме корифеев, разбираться не будет. Понимаете меня?

— А, **чушь!** — сказал Банин.

— Ну почему же чушь? — спросил Ганс *обиженно*.

Менее тривиальны случаи, когда субъект относится к объекту обсуждения — самой его возможности или к его оценке — отрицательно. В таких ситуациях коммуникативы уничижительного возращения обладают «целительным» действием, успокаивая собеседника или примиряя его с действительностью. Ср.:

«Ну что, что с Марусей?..» — повторил мольбу Андрей Николаевич, весь в страхе от того, что мог услышать: брошена мужем, выгнана из партии, явила дурь в контактах с зарубежными марксистами. — «А, **чепуха, пустяки**... — пренебрежительно отмахнулись братья. — Пересадили на промышленность...» Известие о том, что Маруся еще на плаву, чрезвычайно обрадовало Андрея Николаевича (А. Азольский. Лопушок).

— Он знает, что ты еще не реабилитирован?

— Именно это я у него и спросил.

— И что же?

— Засмеялся и ответил вот как я сейчас: — **Вздор** (В. Каверин. Двойной портрет).

— На всякий случай, если я не вернусь... — **Да глупости!** — Чего глупости? Наша жизнь такая... (А. Солженицын. В круге первом).

— У меня, знаете ли, не убрано... — Ну, **чепуха**, — прощаясь усмехнулся он (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове).

Прием умаления важности и непринятия в расчет может находиться в тесном контакте с мировоззренческой «наплевательской» позицией². Ср.:

Ирка скажет: подумаешь, чепуха какая, — и сразу же станет легче (А. и Б. Стругацкие. За миллиард лет до конца света).

Такая «наплевательская» позиция передается в русском языке фразеологическими оборотами: *кому-либо плевать на что-либо / на все; смотреть на все / на мир сквозь пальцы; махнуть на все рукой* и т. п. Ср.:

«А мне плевать, что дальше будет, — философски заключила Монька. — Может, завтра на нас бомбу сбросят — и большой всем

² О философии наплеательства в [Шмелев 2002: 368–370], а также в [Чонгарова 2002: 52–54].

приветик. А может, меня завтра карачун хватит, что скорей всего» (М. Палей. Кабирия с Обводного канала).

А н н у н ц и а т а. Ну, что вы скажете, доктор? Как идут его дела?

Д о к т о р. Плохо.

А н н у н ц и а т а. Ну вот видите, а он говорит, что совершенно здоров.

Д о к т о р. Да, он здоров. Но дела его идут плохо. И пойдут еще хуже, пока он не научится *смотреть на мир сквозь пальцы*, пока он *не махнет на все рукой*, пока он не овладеет искусством *пожимать плечами* (Е. Шварц. Тень).

Итак, коммуникативы УВ нивелируют, доводят объект обсуждения до границы минимальной значимости, где проблемы истинности и аксиологической оценки теряют свой статус. С социальной точки зрения такие единицы обоюдоостры: они способны как «отравить» отношения собеседников небрежностью, неуважением к мнению ближнего, так и «исцелить» испуганную или раненую душу скептически-философским отношением к тем негативным сторонам действительности, которые приходится принимать как данность.

ЛИТЕРАТУРА

- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 36–40.
- Ожегов, Шведова 1995 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 2. М., 1995.
- Евгеньева 1970 — Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. Л., 1970.
- Шаронов 1996 — *Шаронов И. А.* Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания // Русистика сегодня. № 2. 1996. С. 89–112.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Чонгарова 2002 — *Чонгарова И.* Заметки об одном «некультурном» слове и концептуализации его производных (в русском и болгарском языках) // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 52–54.

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКА

Вступительные замечания. Диалог предполагает не просто говорение по очереди, но способность собеседников (которых может быть два или более) понимать друг друга. Необходимым условием этого является использование в диалоге языка, которым владеют все собеседники, — «общего языка». Иными словами, нахождение общего языка — необходимая предпосылка успешного диалогического общения. Это представление находит отражение и в том, как диалогическое общение описывается языковыми средствами. В частности, в русском языке нередко используется выражение *общий язык*, который собеседники *ищут* (и иногда *находят*). При этом часто нахождение *общего языка* оказывается не только предпосылкой, но и конечным итогом успешного общения. Иными словами, если *общий язык* был *найден*, это означает, что общение было успешным.

Вероятно, этот сдвиг связан с некоторой важной чертой русского дискурса, в котором прохождение первой стадии нередко метонимически подается как успешное завершение всего дела. Так же, как в русской речи *собрался* часто значит 'сделал' (*наконец собрался тебе позвонить*), выражение *нашли общий язык* во многих случаях значит 'договорились'.

Сам *общий язык* при этом понимается фигурально. «Буквальное», «лингвистическое» понимание выражения *общий язык*, когда речь идет исключительно о предпосылке, делающей общение возможным, в современных текстах встречается крайне редко. По крайней мере, по данным «Национального корпуса русского языка», большинство примеров с выражением *общий язык* в буквальном значении относится к XIX в., напр.:

- (1) В таком разноязычном городе, как Одесса, был необходим *общий язык*; им сделался русский. [Ф. Ф. Вигель]
- (2) ...первобытный, *общий язык* того и другого народа — у китайцев так и остался китайским, а у японцев мог смешаться с язы-

ком quasi-малайцев или тех островитян, которых они застали на Нипоне, Киузиу и других островах... [И. А. Гончаров]

- (3) Затем необходимым плодом политического объединения Славянства явился бы *общий язык*, которым не может быть иной, кроме русского... [Н. Я. Данилевский]

Кроме того, выражение *общий язык* в буквальном значении встречается (хотя и несколько реже) в текстах первой половины XX в., напр.:

- (4) Сколько можно судить, из иностранных языков он действительно был знаком лишь с латинским, который в ту эпоху был *общим языком* образованных людей. [Валерий Брюсов]
- (5) ...пока латынь оставалась единственным и *общим языком* богословского преподавания и учености на Западе и в России [прот. Георгий Флоровский]

В современных текстах такое «буквальное» употребление выражения, *общий язык* почти не встречается (в текстах, написанных после 1936 г. и вошедших в «Национальный корпус русского языка» по состоянию на май 2008, оно не встретилось ни разу). Относительно редко в современных текстах встречается и несколько «сдвинутое» употребление, указывающее на привычный для всех собеседников «способ говорить»: выбор слов, интонацию, общие фоновые знания (т. е. все же связанное с общим коммуникативным кодом). Приведем два примера, иллюстрирующих такое употребление (второй из них принадлежит современному автору, который, однако, повествует о Бабеле и пытается передать его образ мысли; поэтому можно полагать, что он иногда использует выражения, которые ощущает характерными для первой половины XX в.):

- (6) Он знал, что какими-то иными словами надо говорить с казаками, со страхом чувствовал, что, пожалуй, и *не найдет общего языка*, потому что, вернувшись девять месяцев назад в рабочую гущу, вновь кровно сросся с ней — выступая, привык, что его чувствуют и понимают с полуслова, а тут, с земляками, требовались иной, полузабытый, черноземный язык, ящеринная изворотливость, какая-то большая сила убеждения — чтобы не только опалить, но и зажечь, чтобы уничтожить напластовавшийся веками страх послушания, раздавить косность, внушить чувство своей правоты и повести за собой. Вначале, когда заговорил, собственным слухом ловил в голосе своем спотыкающуюся неуверенность, наигранность, будто со стороны вслушивался в свои бессочные слова, ужасался неубедительности приводимых доводов, мучительно шарил в голове, разыскивал какие-то большие, тяжелые глыбы слов, чтобы ломать ими, крушить...

И вместо этого с неизъяснимой горечью ощущал, как мыльными пузырями срываются с его губ легковесные фразы, а в голове путаются выхолощенные, скользкие мысли. [«Тихий Дон»]

- (7) *Нащупать общий язык* — это главное. С рыбаками говорить как рыбак, с казаками как казак. С чекистами как чекист. С Марусичкой — как Марусичка. [Давид Маркиш]

При таком употреблении нахождение, «нащупывание» общего языка еще не гарантирует успешности общения, однако обеспечивает взаимопонимание, что уже может рассматриваться как залог успеха.

При этом само сочетание *общий язык* весьма часто встречается в современных текстах; используется оно почти исключительно в идиоматическом значении, указывающем на успешность диалогического общения. Чаще всего используется фразеологизм *найти общий язык*. Ср. пример из «Национального корпуса русского языка»¹:

- (8) Мы всегда *находили* с тобой *общий язык*... [Владимир Черкасов, 2000]

Обратим внимание на относительную устойчивость фразеологизма *найти общий язык*. Варианты фразеологизма с заменой глагола (напр., *отыскать общий язык* или *обрести общий язык*) встречаются лишь в исключительных случаях, как, напр., при продолжении приведенного примера:

- (9) Мы всегда *находили* с тобой *общий язык* и наверняка сейчас *отыщем*. [Владимир Черкасов, 2000]

Ср. также:

- (10) Подталкивая, похлопывая, похохатывая, они зашушукались о чем-то секретном, мгновенно *обретя общий язык*. [Андрей Битов]

Если рассмотреть употребления данного фразеологизма в современных текстах, то тем самым можно выявить, каковы же предпосылки и результаты успешного общения с точки зрения носителей современного русского языка².

¹ Поскольку многие примеры, извлеченные из «Национального корпуса русского языка», принадлежат малоизвестным авторам, при таких примерах, как правило, указывается год создания текста.

² Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [1986] выражению *находить общий язык* дается толкование 'добиваться, достигать полного взаимопонимания'. Очевидно, это толкование не позволяет в точности оценить, каков диапазон ситуаций, по отношению к которым уместно использование данного выражения. Фразеологизма *искать общий язык* в словаре вообще нет.

Дружеская атмосфера, взаимные симпатии, общие ценности. Важным условием, обеспечивающим успешность диалога, служит наличие взаимных симпатий участников коммуникации, дружеская атмосфера при общении. Это хорошо известно государственным деятелям. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка», в которых повествуется о том, как Рузвельт, чтобы *найти общий язык* со Сталиным, пытался создать *атмосферу доверительности*, а Сталин, желая *найти общий язык* с Риббентропом, *мобилизовал свой дар очарования*, вел оживленную беседу с гостем и всячески демонстрировал гостеприимство:

(11) Думаю, что и президент понимал, сколь важно в создавшейся тогда ситуации *найти общий язык* с кремлевским диктатором. И он сумел так подойти к Сталину, что этот подозрительный восточный деспот, кажется, поверил в готовность демократического сообщества принять его в свою среду. На первой же встрече с советским лидером Рузвельт попытался создать атмосферу доверительности. [Валентин Бережков, 1998]

(12) Оживленная беседа сближает гостей и хозяев. Сообщая потом о ней Гитлеру, рейхсминистр, пораженный гостеприимством «вождя народов», благодушно добавляет: «Сталин и Молотов очень милы. Я чувствовал себя как среди старых партийных товарищей». Партии, конечно, были разные, но как быстро их лидеры *нашли общий язык!* Несомненно, Сталин мобилизовал в эту ночь весь свой дар очарования. [Валентин Бережков, 1998]

Но, разумеется, взаимные симпатии помогают *найти общий язык* не только политикам, но и при бытовом общении. Это часто осознают сами участники общения:

(13) С отцом Наташи мы быстро *нашли общий язык*. Он мне понравился сразу. [Родион Нахапетов, 1998]

Успешному общению способствуют также общие взгляды, вкусы и ценности участников коммуникации. Характерен следующий эпизод из повести И. Грековой «На испытаниях», когда Мирон Ильич (отец генерала Гиндина) наносит визит генералу Сиверсу. Сначала разговор у них не клеится; но затем обнаруживается «точка соприкосновения», очень быстро позволившая *найти общий язык*, — их общая любовь к стихотворениям Омар Хайяма:

(14) Посредине комнаты на цыпочках стоял Мирон Ильич и, размахивая руками, декламировал:

Когда я трезв, нет радости ни в чем,

Когда я пьян, мутится ум вином.

Но между трезвостью и хмелем есть мгновенье,

Которое люблю за то, что жизнь — лишь в нем.

— Да-да,— отвечал Сиверс из кресла,— именно так!

— Здравствуйте, Александр Евгеньевич,— сказал, входя, генерал Гиндин. — Я вижу, что вы с моим папой уже *нашли общий язык*. [И. Грекова]

Людей, по крайней мере в России, сближает совместная трапеза и совместная выпивка, которые тем самым помогают *найти общий язык*:

(15) Не послушал ты меня, а надо было нам мою бутылочку оприходовать! И веселее было бы, и *общий язык* с компанией, глядишь, бы нашли! [Н. Леонов, А. Макеев, 2003]

Надобно сказать, что роль совместной трапезы и совместной выпивки в нахождении *общего языка* осознается многими носителями русского языка как важная принадлежность русской бытовой культуры. В следующем примере Юрий Сенкевич и Юлия Владимировна Юсупова находят *общий язык* не только благодаря общим интересам и сходным вкусам (любовью к романсам), но и благодаря «нашей родной водочке»:

(16) С Юлией Владимировной Юсуповой, племянницей известного Феликса Юсупова, мы оказались за столом рядом. Я интересовал ее больше других: она буквально засыпала меня вопросами о России, из которой ее увезли совсем девочкой еще до 1917 года. По-русски она говорила хорошо, и мы вскоре *нашли* с ней *общий язык* не только в лингвистическом смысле, но и в музыкальном, и в гастрономическом. Я стал петь ей романс «Снился мне сад в подвенечном уборе», и немолодая уже княгиня чуть ли не рыдала у меня на плече от переполнявших ее чувств. И, как два русских, мы, конечно же, *отдали дань нашей родной водочке...* [Юрий Сенкевич, 1999]

Источники взаимного непонимания. Соответственно, достичь взаимопонимания невозможно, «если два человека друг с другом общаются и расходятся, как в море корабли, если два человека друг с другом говорят и *не находят общего языка*, один не понимает, о чем идет речь, когда другой говорит о самом сокровенном» (митрополит Антоний [Блум]). Это бывает связано с различием в культурном и образовательном уровне собеседников, а также полным различием жизненных установок и интересов. Коммуникация в таком случае редко бывает успешной:

(17) Многие пастыри по своему образовательному и культурному уровню оказываются значительно ниже своих прихожан. В наше время информационной революции, когда в стране учатся 40 миллионов человек, причем очень многие стремятся получить высшее образование, такая ситуация ведет к *потере понимания, общего языка*.

Совершенно очевидно, что люди, приобщившиеся к культуре, не пойдут к ограниченному, «дремучему» священнику. А если он еще много думает о своем обогащении или живет безнравственной с евангельской точки зрения жизнью, то он будет только отталкивать людей от Церкви. [Святейший Патриарх Алексий II]

Чаще всего отсутствие взаимопонимания бывает связано с коренным расхождением во взглядах. Если расхождение во взглядах неустранимо, тогда договориться так и не удастся (и понятно, что отсутствие согласия описывается выражением *не найти общего языка*):

(18) Вскоре Михаил Константинович решил снять меня в своем новом фильме «Верные друзья», предложив мне главную женскую роль. Но *общего языка* мы не *нашли*. Я не могла согласиться с предложенной им трактовкой. Он считал, что роль нужно решать в драматическом ключе, а мне казалось, что этот ключ должен быть комедийным. Иначе моя героиня окажется чужеродной всей комедийной стихии фильма. [Лидия Смирнова, 1997]

Отсутствие взаимопонимания, к сожалению, бывает возможно между самыми близкими людьми. Ср. воспоминания Нины Воронель о ее взаимном непонимании с матерью, ортодоксальной коммунисткой:

(19) Мама умерла от сердечной недостаточности сравнительно молодой, и это спасло ее от многих новых разочарований. Она умерла в декабре 1965 года, в самый разгар следствия по делу Синявского–Даниэля, так и не узнав ничего о нашей пагубной роли в сплочении московской интеллигенции в защиту подсудимых. Представляю, как бы она страдала, если бы узнала. И до конца не могу решить, от чего больше — от разочарования ли во мне, от страха ли за меня или от обиды, что с незнакомкой, случайно встреченной в бане, мне было легче *найти общий язык*, чем с ней. [Нина Воронель]

Соответственно, успешное диалогическое общение возможно только при установке на то, чтобы понимать собеседника. Только при наличии такой установки появляется способность к взаимопониманию, которая и обозначается выражением *найти общий язык*. Нередко успех диалогического общения (нахождение *общего языка*) состоит в том, что собеседники, первоначально, возможно, расходившиеся во взглядах, пришли к согласию:

(20) Мы редко расходились в Совете Министров по большинству острых и крупных вопросов, мы всегда *находили общий язык* и обоюдное понимание. [В. Н. Коковцов, 1933]

Если общей почвы нет и взгляды участников коммуникации слишком различны, прийти к взаимопониманию бывает трудно. Ср. замечания известного философа:

(21) В демократии не может быть места для партии, которая открыто требует истребления евреев или негров, — с этим все согласны в демократическом лагере (насчет помещиков и даже крестьян уже согласия нет). Но какие убедительные доводы могут быть противопоставлены убийцам, если утрачена общая нравственная почва? Перед демократической культурой стоит задача необычайной трудности: *найти общий язык*, общую веру, не прибегая к насилию в духовной борьбе. [Георгий Федотов]

То, что различия во взглядах препятствуют успешной коммуникации, осознается и рядовыми носителями языка, не только философами:

(22) «Карл, — говорю я полковнику, — могут ли Россия и НАТО *найти общий язык?*» — «Этот поиск, наверное, будет долгим. У нас слишком *разные взгляды* на проблему. Между нами еще слишком много подозрительности и неискренности». [Виктор Баранец, 1999]

Уже из этого примера видно, что, помимо разницы во взглядах, успешному общению препятствуют *подозрительность* и *неискренность*. Как уже говорилось, для успешной коммуникации важны также общие вкусы и ценности. Если они различны, это затрудняет общение:

(23) *Не найти* нам тут *общего языка*. Разные мы с тобой. [Александр Володин]

Как же достичь взаимопонимания. Каким же образом, при изначальном различии взглядов участников коммуникации, все же удастся прийти к согласию, *найти общий язык*? Иногда собеседники приходят к согласию благодаря тому, что одному из собеседников удастся убедить другого в своей правоте:

(24) Иванов же нашел с Блоком *общий язык* или, вернее, заставил Блока принять сильную дозу своих нечетких идей [Андрей Белый]

Тем самым способность убедить, *уговорить* собеседника также может описываться выражением *найти общий язык*:

(25) Костя тем и славится, что любого *уговорить* может, он Прошу чуть не *уговорил* с парашютом прыгнуть, он с милицией *общий язык* сразу *находит*, а родного брата, да еще такого доброго, такого близкого — *не уговорит?* [Симон Соловейчик]

В следующем примере неспособность православных миссионеров приобщить духовно жаждущих людей «к полноте истины, открывающейся в Православии», описывается как неумение *найти* с ними *общий язык*:

(26) Многие люди испытывают жажду истины и пребывают в духовных исканиях. Нередко они находят временное удовлетворе-

ние, воспринимая различные псевдодуховные мировоззрения, чуждые православному Преданию. В этом есть доля и нашей вины — значит, мы не смогли *найти общего языка* с этими духовно жаждущими людьми и не сумели приобщить их к полноте истины, открывающейся в Православии. [Святейший Патриарх Алексий II]

Но чаще согласие бывает связано не с тем, что один из участников коммуникации полностью принимает взгляды другого, а с взаимными уступками, когда стороны приходят к компромиссу:

(27) Уже шел 1997 год, а Россия и Украина даже после многочисленных фальшиво-мажорных заявлений своих президентов о том, что, в конце концов, удалось найти *общий язык* в спорах из-за дележа Черноморского флота, продолжали погрязать в сварах. [Виктор Баранец, 1999]

Таким образом, умение *найти общий язык* предполагает готовность к компромиссу, отсутствие агрессивности в отстаивании (а чаще — навязывании) своих воззрений:

(28) Я тогда высказала пожелание, чтобы народные депутаты перед своими заседаниями смотрели фильмы Чаплина. Может, они стали бы менее агрессивными и быстрее нашли *общий язык*. Марк Анатольевич на это иронично заметил: «Но Сталин смотрел Чаплина, и это не помогло». [Алла Сурикова, 2001]

Соответственно, невозможность *найти общий язык* означает неготовность пойти на компромисс, и это, к сожалению, встречается чаще:

(29) Все члены Совещания приезжали с готовыми мнениями, *общего языка*, конечно, никто не смог бы *найти*, и значение совещания сводилось, таким образом, лишь к тому, чтобы еще лишний раз показать, как разошлись пути революции и какая бездна лежит перед страной. И Александр ясно чувствовал, что в утверждениях своих большинство до конца искренне и до конца правдиво. А это еще сильнее подчеркивало неизбежность скорой катастрофы, так как никто не хотел идти на уступки, никто *не искал общего языка*. Таким образом одна точка зрения исключала другую, а средней не было. [Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева)]

(30) Некоторые историки склонны считать разгон Учредительного собрания отправным моментом, от которого стрелки революционного барометра были переведены на «бурю». Они полагают, что, если бы в тот момент большевики и левые эсеры с одной стороны и какая-то часть правых эсеров и меньшевиков с другой *нашли общий язык*, революция могла бы развиваться иным, более мирным путем: без крови, страданий и гражданской войны. Но отец рассказывал, что при полном отсутствии доверия как с

той, так и с другой стороны, никто тогда не был склонен *идти на компромисс*. [Олег Трояновский, 1997]

- (31) Репортажи из Думы — парад амбиций, эгоизма и нетерпимости к инакомыслию. Каждый партийный вождь, будь то коммунист Зюганов, либерал Явлинский, националист Жириновский, клянется в любви к своей стране и ее народу. Она, эта любовь,— надежнейшая платформа для *поисков общего языка* и *взаимных уступок*, то, ради чего стоит проявить терпимость, даже если ты считаешь правым только себя. Однако все остервенело, переполненные ненавистью друг к другу и презрев свои клятвы, тянут одеяло на себя. Все предпочитают разорвать его в клочья, но не уступить. [Рубин Евгений, 1999–2000]
- (32) В Государственной думе уже который год муссируется три или четыре проекта, но депутаты никак не могут *найти общего языка* ни по срокам альтернативной службы, ни по критериям, по которым человек может отказаться брать в руки оружие. [Виктор Баранец, 1999]

Интересно также специфическое советское употребление выражения *найти общий язык*, когда оно предполагает умение наладить отношение с «прогрессивным» иностранцем и извлечь из этого какую-то пользу для Советского Союза. Оно предполагает попытки под видом общей почвы для согласия навязать свои взгляды, и люди щепетильные не хотели *искать* такой *общий язык* с иностранцами:

- (33) Но вот нас пригласили в советское посольство и попросили встретиться с Ионеско. Зачем? А затем, что при очередном повороте курса (уже шел 1969 год) возникла необходимость попытаться наладить отношения с прогрессивными деятелями. К этому моменту уже не упоминали, что Ионеско реакционер, а поскольку Ионеско драматург, и мы — драматурги, то, может, нам удастся *найти* с ним *общий язык*. Искать с ним общий политический язык мы напрочь отказались. А встретиться охотно согласились, так как он действительно был одним из самых интересных современных драматургов, пишущий абсурдистские пьесы. [Самуил Алешин, 2001]

Практические рекомендации к достижению взаимопонимания могут состоять в том, что не следует стремиться к полному совпадению взглядов по всем вопросам. Довольно того, чтобы выявить «точки согласия» и, отталкиваясь от них, «договориться в принципе»; это уже может восприниматься как «нахождение общего языка».

- (34) Садясь за стол переговоров,— говорил Перес в Давосе в феврале 1996 года,— никогда не ставьте перед собой конкретных целей. Ибо конкретные цели предполагают конкретные пути их дости-

жения, а такая постановка вопроса несет в себе по определению элемент противоречия в позициях сторон. Попробуйте просто найти *общий язык*, договориться в принципе и уже потом, не торопясь, не форсируя событий, идите к общей цели. [Александр Бовин, 1999]

Даже сама готовность к пониманию другого человека без принятия его взглядов — первый шаг на пути к успешной коммуникации:

(35) Мне показалось, что он начал значительно лучше понимать ситуацию с канадскими украинцами, понимать, что агрессивная идеологизация в работе с эмиграцией является ошибкой. В общем, мы *нашли общий язык*, и с тех пор немножко стало легче — ни диких указаний, ни невежественных втыков после этого не случилось. [Александр Яковлев, 2001]

Общий язык как результат успешной коммуникации: налаживание отношений, сотрудничество, сделка. Способность прийти к согласию предполагает сотрудничество, невозможное при враждебных отношениях в условиях конфликта, когда люди постоянно сводят счеты друг с другом. Поэтому *общий язык* предполагает установление или налаживание доброжелательных, дружеских отношений:

(36) Если отец сходил с людьми трудно, то мать с любым человеком легко *находила общий язык*. У нее — где бы она ни работала, ни жила — всегда появлялось много знакомых, друзей. [Юрий Никулин]

Когда удалось найти общий язык, появляется возможность консолидировать усилия и сотрудничать в достижении общих целей.

(37) И Дмитриева, и Метревели, и я — мы вместе можем многое сделать. Значит, надо общаться, надо *находить общий язык*, а не сводить никому не нужные счеты. [Шамиль Тарпищев, 1999]

Поэтому результатом того, что участники переговоров *нашли общий язык*, часто оказывается достигнутая ими консолидация усилий:

(38) Лев Толстой сказал потрясающую по своей простоте мысль: все подлецы *находят общий язык*, они быстро объединяются. Хорошим людям нужно делать то же самое — объединиться и договориться между собой. [Георгий Бурков, 1953–1990]

(39) Я попытался *найти общий язык* с бывшим товарищем по Межрегиональной группе Юрием Болдыревым, но и он, по-видимому, руководствуясь личной обидой в связи с проигрышем в первом туре, высказался против моего избрания. [Анатолий Собчак]

Цель при этом не обязательно является благородной и может не вызывать у говорящего сочувствия — выражение *найти общий язык* все равно оказывается возможным:

(40) Луганский слесарь Ворошилов и унтер Буденный *нашли общий язык*. Благодаря их совместным усилиям начдив Думенко исчез «в небытие», а Буденный получил оперативный простор. Его назначили командующим Первым кавалерийским корпусом. Теперь оставалось совсем немного — ликвидировать соперника, командира Второго конного корпуса Миронова. [Анатолий Гладилин]

(41) Андропов и Устинов *нашли общий язык*, были основной опорой власти Брежнева, хотя затаенные мечты были разными. [Александр Яковлев, 2001]

Соответственно, неумение *найти общий язык* указывает на невозможность плодотворного сотрудничества, на потенциальные или даже реальные конфликты:

(42) А вот со своими ближайшими помощниками, замполитом и старпомом, Александр Иванович *общего языка не нашел*, и потребовалось немало дипломатических усилий, чтобы, не доводя дело до конфликта, получить вместо них таких людей, с которыми у него установилось полное взаимопонимание. [Александр Крон, 1983]

(43) Трагический парадокс состоял в том, что ненавидящие друг друга Лебедь и Смирнов в то же время стояли «по одну сторону баррикады», занимая позиции, выгодные России. Казалось бы, такие люди должны были *найти общий язык*, не ввязываться в склоки. К сожалению, многие поступки Александра Ивановича часто не вписывались в рамки нормальной логики. И было очень грустно наблюдать за тем, как он, вместо того чтобы пожать протягиваемую ему Смирновым руку, бил по ней. [Виктор Баранец, 1999]

Часто выражение *нашли общий язык* указывает на то, что в результате переговоров их участники пришли к соглашению (которое, возможно, явилось результатом компромисса):

(44) ..у лейтенанта Шмидта оказалось тридцать сыновей в возрасте от восемнадцати до пятидесяти двух лет и четыре дочки, глупые, немолодые и некрасивые, В краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что братья *найдут общий язык* и выработают, наконец, конвенцию, необходимость которой диктует сама жизнь. [Илья Ильф, Евгений Петров]

Особенно часто это представление возникает в тех случаях, когда речь идет о межгосударственных переговорах:

(45) Москва и Минск *нашли общий язык* при подписании соглашений о российских военных объектах в этой республике, о координации разведывательной деятельности и многих других. [Виктор Баранец, 1999]

Иногда выражение *найти общий язык* указывает на удачную коммерческую сделку:

(46) Летом здесь не хватает льда, и более мелкие торговые точки не могут конкурировать с более мощными торговыми предприятиями, умеющими найти *общий язык* и с тачечником и с теми, кто его снабжает льдом. [Фазиль Искандер]

Опять-таки это представление часто возникает при описании результатов межгосударственных переговоров:

(47) Финансовая сторона вопроса продолжительное время не позволяла России *найти общий язык* и с Казахстаном в споре о порядке расчетов за эксплуатацию космодрома Байконур. [Виктор Баранец, 1999]

(48) Американцам было гораздо легче находить *общий язык* с Баку — у них были деньги. Деньги дополнялись чисто американским дипломатическим нахальным напором и экономическим расчетом. [Виктор Баранец, 1999]

Особым подвидом способности *находить общий язык*, который был чрезвычайно важен в советское время, является умение договориться с начальством:

(49) Главным «рассадником кадров» стал Ленинградский физико-технический институт. Его директор Абрам Иоффе (1880–1960), ученик Рентгена, легко вписался в советскую жизнь, умело находил *общий язык* с властями и необычайно много сделал для роста физики. [Геннадий Горелик, 2004]

Разумеется, далеко не всегда *находить общий язык* с начальством легко (это было трудно в советское время, но для многих остается трудным и сейчас). Причины таких трудностей могут быть различны. Иногда роль играют какие-то свойства начальника, как в следующем эпизоде:

(50) Ко мне явился замполит и сказал: «Ну, когда мы в базу вернемся, с вами Особый отдел будет разбираться за ваши идеологические диверсии. А я все-таки хочу спросить, как это так — я дней и ночей не сплю, личный состав неустанно воспитываю в духе постоянной преданности и идейной чистоты, а вы взяли и мне его весь в один день морально разложили?» Я не на шутку испугался: «Чем же это я разложил?» «Вы что, и вправду не понимаете или ваньку валяете? Это ваши слова?» — И он сунул мне под нос отобранную у Агуреева тетрадку, где под мою диктовку был записан текст песни. — «Мои». «Ну вот, а еще отпираетесь, — сказал он с торжествующей улыбкой. — Вы тут ясно пишете, что у женщины есть грудь!» «Ну и что?» — не понял я. — «А то, что вы таким образом на секс намекаете. А для советского человека

у женщины грудь в любви — не главное, главное — это моральный облик!» Сразу стало ясно, что *общего языка* мы с ним не найдем. [Александр Городницкий]

Но бывает, что кто-то не умеет *находить общий язык* с начальством в силу своих личных качеств, напр.:

(51) ...я совершенно не могу с руководством ладить, *находить общий язык* с разными начальниками. Они для меня все на одно лицо, и все они одинаково меня измотали. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов, 1984–2001]

«Синкретичные» употребления. Основная часть примеров предполагает определенное совмещение интерпретаций, когда выражение *найти общий язык* может одновременно указывать и на наличие общих взглядов, вкусов или предпочтений, и взаимопонимание, и способность встать на точку зрения собеседника, и готовность к компромиссу, и соглашение, выработанное на основе переговоров. Иногда сквозь все эти интерпретации мерцает и исходное значение — использование коммуникативного кода, понятного собеседнику. Так, в следующем примере субъект со всеми *находит общий язык* и потому, что с каждым «говорит на его языке», и потому, что умеет всем понравиться, выбирая подходящую тему для разговора и соответственным образом меняя линию поведения:

(52) Главное — следить за собой. Женщине столько лет, на сколько она выглядит. И очень важно быть коммуникабельной, очень. Вот я, например, нравлюсь, потому что с любым нахожу *общий язык*. И — точно: с молодыми Галочка говорила «блин» и «я от тебя тащусь», с пожилыми — о лечении травами и «куда катится страна». С одними становилась твердой и сильной, такой, что коня на скаку остановит, не говоря о горячей избе, с другими — беспомощной и беззащитной, короче, зайчиком белой масти. «Надо уметь видеть, кто перед тобой, и выбирать тактику, исходя из этого», — учила Галочка юных сотрудниц и Ольгину невезуху-дочь Лизу. [Нина Катерли, 2000]

Умение *находить общий язык* с самыми разными собеседниками и контрагентами обычно похвально. Оно предполагает доброжелательность по отношению к собеседнику, отсутствие мелочных амбиций, способность встать на точку зрения собеседника — качества, которые в русском языке обозначаются выражением *широта души* и оцениваются положительно:

(53) Раевский был удивительно общительным и обаятельным человеком. Умел *находить общий язык* с любой аудиторией — и в среде студентов, и в доме таких людей, как В. И. Качалов или

О. Л. Книппер-Чехова. Я не раз видел, как он остроумно и умело «вел» застолье. Он вносил в это «дело» атмосферу веселья и непринужденности, находя для каждого из присутствующих слова острого юмора и доброго серьеза. [Владлен Давыдов, 2004]

При этом умение *находить общий язык* не предполагает беспринципности и бесхребетности, оно вполне сочетается с твердостью и моральной стойкостью:

(54) К. К. Юдин своей твердостью, принципиальностью и терпением вызывал тогда особое уважение. Это был честный художник, смелый и прямой человек, мужественно перенесший все трудности, связанные с работой над фильмом, и физические, и моральные. У него был добрый русский характер — сочетание лукавого юмора с твердостью и решительностью натуры, горячего темперамента с выдержкой и умом. Обычно он очень быстро находил *общий язык* с простыми людьми, потому что сам был простой русский человек. [Владлен Давыдов, 2004]

Однако нежелание *находить* с кем-то *общий язык* также может иметь свои резоны, и бывает так, что с разных точек зрения могут быть оправданными как поиски общего языка, так и отказ это делать. Ср. следующий пример:

(55) В сталинское время Капица написал более ста писем кремлевским вождям. Своим участием в социалистическом строительстве он обеспечил себе настолько влиятельное положение в советской системе, что смог вызволить из ямы тридцать седьмого года нескольких физиков, и в том числе антисталиниста Ландау. *Найти общий язык* с Берией Капица не мог, не хотел. Это не означает, однако, что он с моральным осуждением смотрел на Курчатова, успешно делавшего свое дело. Анна Капица, жена и верный друг П. Л. Капицы, сказала об этом так: Курчатов был необыкновенный человек в том отношении, что он умел с этими людьми [советскими руководителями] разговаривать. [Геннадий Горелик, 2004]

В любом случае поиски *общего языка* уместны в тех случаях, когда речь идет об общении между людьми, поскольку все названные параметры: общие взгляды, вкусы или предпочтения и способность встать на точку зрения собеседника, готовность к компромиссу — это характеристики человеческого общения. Когда об общих взглядах, вкусах, ценностях и целях говорить не приходится, использование выражения *найти общий язык* бывает неуместно. Следующий пример, в котором речь идет о неумении молодого пастуха управляться с коровами, забавен тем, что это неумение также концептуализуется как неспособность к взаимопониманию с ними (и тем самым неумение найти с ними *общий язык*):

(56) Бабы выгоняют коров на улицу, а те не идут. Не слышат призывного матерка. Да и молодой пастух никак не найдет с коровами взаимного понимания. Так сказать, *общего языка*. И тех коров, которых все же удалось вытолкнуть со двора, никак не может собрать в стадо. [Самуил Алешин, 2001]

Заключительное замечание. Наша жизнь происходит в постоянном диалогическом взаимодействии с другими людьми. Это взаимодействие не может быть успешным без *общего языка*. В полном соответствии с этим представлением русская языковая картина мира придаст тому, чтобы *найти общий язык*, важнейшее значение. Если люди *нашли общий язык*, можно сказать, что участники диалога достигли успеха. Поэтому установление того, в каких случаях по-русски говорят, что *общий язык* был *найден*, позволяет понять, что носители русского языка воспринимают как успешное общение.

ЛИТЕРАТУРА

Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1986.

Е. Б. ЯКОВЕНКО

«ГОВОРИЛ Я С СЕРДЦЕМ МОИМ...»

(О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСАХ И ДУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА
В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ)

Священное Писание, в котором диалог Бога и человека разворачивается на широком фоне людского многоголосия, представляет собой бесконечное многообразие образцов диалогической и монологической речи сакрального и профанного характера. Это подтверждается не только самим содержанием библейского текста, но и формальными статистическими выкладками. Так, текст Русского Синодального перевода дает без малого 5400 употреблений глагола *сказать* во всех его формах, 3500 употреблений глагола *говорить*, 1400 употреблений существительного *слово*, почти 100 употреблений существительного *речь* — цифры, что называется, «говорят сами за себя». В этом звучащем потоке обращают на себя внимание речевые ситуации, которые на первый взгляд кажутся второстепенными, но тем не менее представляют интерес с точки зрения используемых языковых средств и образности. Речь идет о 1) способности отдельных соматизмов употребляться в библейских текстах в качестве субъекта с предикатами-глаголами речи; 2) аналогичном употреблении в Библии других неодушевленных существительных, не относящихся к соматизмам; 3) дуализации субъекта и ведении им псевдиалога с одной из своих составляющих. Взятые вместе, эти наблюдения должны ответить на вопрос, кто говорит в Библии, кроме Бога и человека, вернее, какие объекты неодушевленной природы наделены в Библии способностью к речепроизведению и речевосприятию.

Рассматриваемые на материале различных библейских переводов, эти проблемы интересны и в сопоставительном плане. Выстраивая данное научное сообщение преимущественно на материале Русского Синодального перевода (далее — РСП), мы также привлекли к анализу наиболее авторитетные переводы Библии на английский и немецкий языки [Библию короля Якова (King James Version) (AV), Библию Мартина Лютера (Luthersübersetzung) (LUT)] и некоторые современные английские и немецкие библейские переводы

[Good News Bible (GNB), Bible in Basic English (BBE), Gute Nachricht für Sie (GUTB), Schlachter Bibel (SCHLACH) и др.]. Эквиваленты исследуемых единиц в древнееврейском тексте Ветхого Завета и греческом тексте Нового Завета устанавливались с помощью электронной программы Bibleonline, включающей версию конкорданса Стронга.

I. Метонимическое употребление соматизмов в сочетании с глаголами говорения в библейских текстах

1. Способность стоять в качестве субъекта при предикатах, выраженных глаголами речи, характерна для многих встречающихся в Библии соматизмов, при этом в первую очередь выделяются соматизмы — обозначения органов речи; в таких случаях перенос обозначения речевого процесса сводится к несложной метонимии, точнее, синекдохе: *язык говорит, губы/уста говорят* и т. д. Впрочем, в данном случае мы склонны видеть одновременно и метонимию, и метафору (олицетворение).

Модель «язык говорит» широко представлена в библейских текстах: *язык мой не произнесет лжи* (Иов 27:4); *язык мой говорит в гортани моей* (Иов 33:2); *язык его (праведника) произносит правду* (Пс. 36:30); *язык мой всякий день будет возвещать правду* (Пс. 70:24) и др. Образ говорящего (вещающего) языка присутствует почти во всех рассматриваемых библейских переводах, ср. Ps. 35:28 (PCП — 34:28). Из общего ряда выделяются переводы GNB и GUTB, где метонимический перенос отсутствует:

И *язык* мой будет проповедывать правду Твою и хвалу Твою всякий день (PCП).

And my *tongue* shall speak of thy righteousness *and* of thy praise all the day long (AV).

And my *tongue* will be talking of your righteousness and of your praise all the day (BBE).

Ps. 35:28 (LUT) Und meine *Zunge* soll reden von deiner Gerechtigkeit und dich täglich preisen.

Und meine *Zunge* soll dichten von deiner Gerechtigkeit, allezeit von deinem Ruhm! (SCHLACH)

Then I will proclaim your righteousness, and I will praise you all day long (GNB).

Ich selbst will deine Treue verkünden, alle Tage will ich dich preisen (GUTB).

Модель «уста говорят» представлена в тексте Русского Синодального перевода: *не скажут уста мои неправды, и язык мой не про-*

изнесет лжи! (Иов 27:4); *уста* праведника изрекают премудрость (Пс. 36:30); Да онемеют *уста* лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презрением (Пс. 30:19) и др. В соответствующих английских и немецких контекстах, за редкими исключениями [Ps. 37:30 (РСП — Пс. 36:30), Ps 144:11 (РСП — Пс. 143:11) и др.] «говорят» не уста, а губы (англ. *lips*, нем. *Lippen*), хотя стоящие в первоисточниках др.-евр. *peh* и греч. *στόμα* означают именно уста, рот, челюсть, пасть. Возможно, видо-видовая замена произошла под влиянием Вульгаты, где в одних контекстах стоит *os* «рот», в других — *labia* «губы». Как бы то ни было, подобная модификация вряд ли оказывает большое влияние на содержание отрывков, ср. Прит. 24:2:

...потому что о насилии помышляет сердце их, и о злом говорят *уста* их (РСП).

For their heart studieth destruction, and their *lips* talk of mischief (AV).

For the purposes of their hearts are destruction, and their *lips* are talking of trouble (BBE).

denn ihr Herz trachtet nach Schaden, und ihre *Lippen* raten zu Unglück (LUT).

denn ihr Herz trachtet nach Schaden, und ihre *Lippen* reden Unheil! (SCHLACH)

Causing trouble is all they ever think about; every time they open their *mouth* someone is going to be hurt (GNB).

Sie haben nichts als Verbrechen im Sinn, uns sooft sie den *Mund* aufmachen, kommt jemand zu Schaden (GUTB).

В соответствующих отрывках GNB и GUTB наблюдается большой отход от подлинника, сопровождаемый модификациями структурного и семантического характера (их уста/губы говорят — они открывают рот) и гипо-гипонимической заменой (*lips* → *mouth*, *Lippen* → *Mund*).

В стихе Ps. 37:30 (РСП — Пс. 37:30) метонимический перенос присутствует везде, кроме двух последних переводов:

Уста праведника изрекают премудрость, и язык его произносит правду (РСП).

The *mouth* of the righteous speaketh wisdom, and his tongue talketh of judgment (AV).

The *mouth* of the good man says words of wisdom; the talk of his tongue is of righteousness (BBE).

Der *Mund* des Gerechten redet die Weisheit, und seine Zunge lehrt das Recht (LUT).

Des Gerechten **Mund** tut Weisheit kund, und seine Zunge redet recht (SCHLACH).

A good man's words are wise, and he is always fair (GNB).

Ein Mensch, der sich nach Gott richtet, spricht Worte der Weisheit uns sagt, was recht ist vor dem HERRN (GUTB).

2. Соматизмы, не являющиеся обозначениями органов речи, также встречаются в Библии в своих метонимических употреблении, сочетаясь с глаголами говорения: *Все кости мои скажут: «Господи! кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?»* (Пс. 34:10, в английских и немецких переводах — Ps. 35:9). Ср.: AV — *All my bones shall say*; BBE — *All my bones will say*; LUT — *Alle meine Gebeine müssen sagen*; SCHLACH — *Alle meine Gebeine sollen sagen*; GNB — *with all my heart I will say to the Lord*; GutB — *aus tiefstem Herzen will ich zu ihm sagen*. В последних двух случаях мы вновь сталкиваемся с гипо-гипонимической заменой (bones → heart, Gebeine → Herz), но структура отрывков уже иная, и метонимическое обозначение субъекта устраняется.

Ту же функцию метонимического обозначения субъекта при предикате-глаголе говорения берут на себя в Библии сердце и душа:

Сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи (Пс. 26:8).

When thou saidst, Seek ye my face; my heart said unto thee, Thy face, LORD, will I seek (AV, здесь и в остальных переводах — Ps. 27:8).

When you said, Make search for my face, my **heart** said to you, For your face will I make my search (BBE).

Mein **Herz** hält dir vor dein Wort: «Ihr sollt mein Antlitz suchen.» Darum suche ich auch, HERR, dein Antlitz (LUT).

dir sagt mein **Herz**, daß du sprichst: «Suchet mein Angesicht!» Dein Angesicht, o HERR, will ich suchen (SCHLACH).

When you said, «Come and worship me», I answered, «I will come, Lord; don't hide yourself from me!» (GNB)

ich erinnere mich an deine Weisung; du hast gesagt: «Komm zu mir!» Darum suche ich deine Nähe, Herr (GUTB).

Аналогичная тенденция наблюдается и в Еккл. 5:1 (Eccl./Pred. 5:2) и Плач. 3:24 (Lam./Klag/3:24):

Не торопись языком твоим, и **сердце** твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги (Еккл. 5:1).

Be not rash with thy mouth, and let not thine *heart* be hasty to utter *any* thing before God: for God *is* in heaven, and thou upon earth: therefore let thy words be few (AV).

Be not unwise with your mouth, and let not your *heart* be quick to say anything before God, because God is in heaven and you are on the earth — so let not the number of your words be great (BBE).

Sei nicht schnell mit deinem Munde und laß dein *Herz* nicht eilen, etwas zu reden vor Gott; denn Gott ist im Himmel, und du auf Erden; darum laß deiner Worte wenig sein (LUT).

Übereile dich nicht mit deinem Mund, und laß dein *Herz* keine unbesonnenen Worte vor Gott aussprechen; denn Gott ist im Himmel, und du bist auf der Erde; darum sollst du nicht viele Worte machen! (SCHLACH)

Think before you speak, and don't make any rash promises to God. He is in heaven and you are on earth, so don't say any more than you have to (BBE).

Überlege, bevor du Gott etwas sagst. Sprich nicht alle Gedanken aus, die dir kommen. Denn Gott ist im Himmel und du bist auf der Erde; darum rede nicht mehr als nötig (GUTB).

Господь часть моя, говорит *душа* моя, итак буду надеяться на Него (PCП).

The LORD *is* my portion, saith my *soul*; therefore will I hope in him (AV).

I said to myself, The Lord is my heritage; and because of this I will have hope in him (BBE).

Der HERR ist mein Teil, spricht meine *Seele*; darum will ich auf ihn hoffen (LUT).

Der HERR ist mein Teil, spricht meine *Seele*; darum will ich auf ihn hoffen (SCHLACH).

The Lord is all I have, and so I put my hope in him (GNB).

Ich sage: Der Herr ist mein Ein und Alles; darum setze ich meine Hoffnung an ihn (GUTB).

Как видно, в современных библейских переводах GNB и GUTB метонимические употребления соматизмов последовательно устраняются, т. е. преобладает прямая номинация субъекта.

II. Функционирование неодушевленных существительных (не обязательно соматизмов) в качестве субъекта/объекта при глаголе говорения

Одновременное использование олицетворения и метонимии не является чем-то особенным, но в случае библейских текстов интерес представляют следующие моменты: 1) референтный характер рассматриваемых единиц; 2) устранение метафоры и метонимии в

позднейших библейских переводах, тяготеющих к симплификации и дезархаизации.

В Библии способность говорить приписывается объектам природы (мору, бездне), стихиям, в частности, огню; нематериальным сущностям (духу); отношению к чему-либо; закону; географическим объектам; живым существам, помимо человека; орудиям и объектам труда и др.:

Бездна говорит: не во мне она; и *море говорит*: не у меня (Иов 28:14).

Устыдись, Сидон; ибо *вот что говорит море, крепость морская*: «как бы ни мучилась я родами и ни рождала, и ни воспитывала юношей, ни возвращала девиц» (Ис. 23:4).

Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и *огонь*, который *не говорит*: «довольно!» (Прит. 30:16)

Дух же ясно *говорит*, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским (1 Тим. 4:1).

Нечестие незаконного *говорит* в сердце моем: нет страха Божия пред глазами его (Пс. 35:2).

По человеческому ли только *рассуждению* я это говорю? Не то же ли *говорит* и *закон*? (Кор. 9:8)

Египет поднимается, как река, и, как потоки, взволновались воды его, и *говорит*: «поднимусь и покрою землю, погублю город и жителей его» (Иер. 46:8).

Да *скажет* ныне *дом Израилев*: ибо вовек милость Его (Пс. 117:2).

... или побеседуй с землею, и наставит тебя, и *скажут* тебе *рыбы морские* (Иов 12:8).

Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! *Скажет* ли *глина* горшечнику: «что ты делаешь?» и твое *дело скажет* ли о тебе: «у него нет рук?» (Ис. 45:9)

Отдельные соматизмы, но не в метонимическом употреблении, также способны выступать в качестве субъекта при предикате — глаголе говорения:

Если *нога скажет*: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? (1 Кор. 12:15)

И если *ухо скажет*: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? (1 Кор. 12:16)

Наблюдения показывают, что прием олицетворения, используемый в первоисточнике, последовательно сохраняется во всех рас-

смаатриваемых переводах, кроме GNB. Текст GUTB не всегда следует тексту GNB:

Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и *огонь*, который *не говорит*: «довольно!» (РСП, Притч. 30:16)

The grave; and the barren womb; the earth *that* is not filled with water; and *the fire that saith not, It is enough* (AV).

The underworld, and the woman without a child; the earth which never has enough water, and *the fire which never says, Enough* (BBE).

die Hölle, der Frauen verschlossene Mutter, die Erde wird nicht Wassers satt, und *das Feuer spricht nicht*: Es ist genug (LUT).

das Totenreich, der verschlossene Mutterleib, die Erde, die des Wassers nicht satt wird, und *das Feuer, das nie spricht*: «Es ist genug!» (SCHLACH)

The world of the dead, a woman without children, the ground that needs rain, and a fire burning out of control (GNB).

... der Schoß einer Frau, die keine Kinder bekommt; die Erde, die immer nach Regen verlangt; und *das Feuer, das niemals sagt* «Jetzt reicht's» (GUTB).

В качестве объекта при предикате — глаголе говорения выступают единицы с разнообразной референцией. Бог и человек могут обращаться к светилам, стихиям, странам света, объектам природы, нематериальным сущностям:

Который *бездне говорит*: «иссохни!» и реки твои Я иссушу (Ис. 44:27).

...*скажет солнцу*, — и не взойдет, и на звезды налагает печать (Иов 9:7).

...или *побеседуй с землею*, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские (Иов 12:8).

... *гробу скажу*: ты отец мой, *червю*: ты мать моя и сестра моя (Иов 17:14).

Скажи мудрости: «Ты сестра моя!» и разум назови родным твоим (Притч. 7:4).

Северу скажу: «отдай»; и *югу*: «не удерживай; веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли (Ис. 43:6).

Вот, Господь объявляет до конца земли: *скажете дочери Сиона*: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним (Ис. 62:11).

и *скажи: горы Израилевы! слушайте слово Господа Бога*. Так *говорит Господь Бог горам и холмам, долинам и лощинам*: вот, Я наведу на вас меч, и разрушу высоты ваши (Иез. 6:3).

И скажи южному лесу: слушай слово Господа; так говорит Господь Бог: вот, Я зажгу в тебе огонь, и он пожрет в тебе всякое дерево зеленеющее и всякое дерево сухое; не погаснет пылающий пламень, и все будет опалено им от юга до севера (Иез. 20:47).

и скажи земле Израилевой: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, и извлеку меч Мой из ножен его и истреблю у тебя праведного и нечестивого (Иез. 21:3).

Структурная и семантическая организация оригинала сохраняется во всех сопоставляемых переводах, кроме GNB и GUTB:

Скажи мудрости: «Ты сестра моя!» и разум назови родным твоим (РСП, Притч. 7:4).

Say unto wisdom, Thou art my sister; and call understanding thy kinswoman (AV).

Say to wisdom, You are my sister; let knowledge be named your special friend (BBE).

Sprich zur Weisheit: «Du bist meine Schwester», und nenne die Klugheit deine Freundin (LUT).

Sprich zur Weisheit: Du bist meine Schwester! und sage zum Verstand: Du bist mein Vertrauter! (SCHLACH)

Treat wisdom as your sister, and insight as your closest friend (GNB).

Betrachte die Weisheit als deine Schwester und die Einsicht als deine beste Freundin (GUTB).

III. Дуализация субъекта и ведение им псевдиалога с одной из своих составляющих

Следует отметить нередкие случаи нарочитого противопоставления субъекта одной из своих составляющих (сердцу, душе, устам), приводящие к своего рода дуализации субъекта и поэтому несводимые к синекдохе:

Говорил я с *сердцем* моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания (Еккл. 1:16).

Крепко держал я правду мою и не опущу ее; не укорит меня *сердце* мое во все дни мои (Иов 27:6).

...Припоминаю песни мои в ночи, беседую с *сердцем* моим, и дух мой испытывает: неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволять? (Пс. 76:7–8)

Я сплю, а *сердце* мое бодрствует; *вот*, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя,

голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою» (Песн. 5:2).

Вот что я отвечаю *сердцу* моему и потому уповаю (Плач. 3:21).

...Ибо если *сердце* наше осуждает нас, то *кольми паче Бог*, потому что Бог больше сердца нашего и знает все (1 Иоан. 3:20).

«скажу *душе* моей: *душа!* много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лук. 12:19).

Если я буду оправдываться, то мои же *уста* обвинят меня; *если* я невинен, то Он признает меня виновным (Иов 9:20).

По-видимому, в подобных контекстах имеет место следующее явление: возникающее в процессе псевдокоммуникации второе «я» субъекта концентрирует те качества, которые сам субъект имеет в недостаточной степени (праведность, совесть, знание) или которых избегает (наличие плотского, животного начала). Дуализация субъекта имеет место в большинстве рассматриваемых библейских переводов, за исключением тех, которые отличаются значительным упрощением исходного смысла:

Говорил я с *сердцем* моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания (РСП, Еккл. 1:16).

I communed with mine own *heart*, saying, Lo, I am come to great estate, and have gotten more wisdom than all *they* that have been before me in Jerusalem: yea, my heart had great experience of wisdom and knowledge (AV).

I said to my *heart*, See, I have become great and am increased in wisdom more than any who were before me in Jerusalem — yes, my heart has seen much wisdom and knowledge (BBE).

Ich sprach in meinem *Herzen*: Siehe, ich bin herrlich geworden und habe mehr Weisheit denn alle, die vor mir gewesen sind zu Jerusalem, und mein Herz hat viel gelernt und erfahren (LUT).

Da redete ich mit meinem *Herzen* und sprach: Siehe, nun habe ich mehr und größere Weisheit als alle, die vor mir über Jerusalem waren, und mein Herz hat viel Weisheit und Wissenschaft gesehen (SCHLACH).

I told *myself*, «I have become a great man, far wiser than anyone who ruled Jerusalem before me. I know what wisdom and knowledge really are» (GNB).

Ich sagte zu *mir selbst*: «Ich weiß mehr als alle, die vor mir über Jerusalem geherrscht haben. Ich habe eine Fülle von Weisheit und Erkenntnis gesammelt (GUTB).

и скажу *душе* моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись (РСП, Лук. 12:19).

And I will say to my *soul*, Soul, thou hast much goods laid up for many years; take thine ease, eat, drink, *and* be merry (AV).

And I will say to my *soul*, Soul, you have a great amount of goods in store, enough for a number of years; be at rest, take food and wine and be happy (BBE).

und will sagen zu meiner *Seele*: Liebe Seele, du hast einen großen Vorrat auf viele Jahre; habe nun Ruhe, iß, trink und habe guten Mut! (LUT)

und will zu meiner *Seele* sagen: Seele, du hast einen großen Vorrat auf viele Jahre; habe nun Ruhe, iß, trink und sei guten Muts! (SCHLACH)

Then I will say to *myself*, Lucky man! You have all the good things you need for many years. Take life easy, eat, drink, and enjoy yourself! (GNB).

... und kann zu mir selbst sagen: Gut gemacht! Jetzt bist auf viele Jahre versorgt. Göhne dir Ruhe, iss und trink nach Herzenslust und genieße das Leben!» (GUTB)

Итак, в образном мышлении древних способность к речи выделась как универсальное свойство бытия. К диалогу Бога и человека присоединяются голоса живой и неживой природы. Картины Бога, повелевающего бездне и светилам; пророка, взывающего к Иерусалиму; человека, внимающего голосу сердца, создают сильный эмоциональный настрой.

Эта древняя образность была по-разному передана переводчиками Библии. Если в получивших общее признание Библии короля Якова и Библии Мартина Лютера (и следующих им переводах) большинство метафорических и метонимических переносов сохраняется, то в позднейших переводах, с их установкой на упрощение библейского текста и приближение его к разговорному языку, последовательно идет отказ от метафорических и метонимических обозначений. Выхолощенный таким образом текст вряд ли становится ближе читателю.

ЛИТЕРАТУРА

РСП — Русский Синодальный перевод, 1876.

AV — King James Bible (Authorized Version), 1769.

BBE — Bible in Basic English, 1965.

LUT — Luthersübersetzung, редакция 1912 г.

SCHLACH — Schlachter Bibel, 1951.

GNB — Good News Bible (Today's English Version), 1976.

GUTB — Gute Nachricht Bibel, 1997.

ОБРАЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА¹

Речевому акту обращения посвящена большая литература. Основная захватывающая внимание лингвиста черта обращений — их высокая идиоматичность. Почему слова *шофер* и *водитель* с близкой семантикой имеют различный вокативный потенциал, ср. *Водитель! Откройте заднюю дверь!* vs. **Шофер! Остановите у светофора!?* Почему, если в аудитории более одного слушающего, мы обращаемся к ней со словами *Друзья!*, *Коллеги!*, *Ребята!*, *Девочки!*, *Мальчишки!*, *Господа!*, *Офицеры!*, но не *Гости!* (а только *Дорогие гости!*), *Соседи!*, *Родственники!*, *Студенты!*? Как выбрать вежливую форму обращения к незнакомцу: *Молодой человек!* или *Извините!?* Почему в обращениях к удаленному слушающему акцентируется последний слог, а не ударный (ср. *Василий Федорович!*² *Ау-у!*)? Почему, если мы обращаемся к слушающему с легким упреком, акцентируется первая словоформа его имени или титула (*Марья Ивановна, ну как же так?!; Ваша честь, ну как же так?!*), а если с резким возмущением — то последняя (*Марья Ивановна, прекратите это безобразие!; Ваша честь, вы же осуждаете невиновного!*)? Как говорящему смириться с тем, что единственный способ обратиться к слушающему по наименованию его роли в ситуации, даже если эта роль специально концептуализуется как роль слушающего — *радиослушатель*, *зритель* или *телезритель*, — это добавить к имени второго лица вокативную формулу *дорогой* (или *уважаемый*), несмотря на то, что слушающий не всегда действительно дорог говорящему (ср. *Дорогие радиослушатели!*, *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*, но не *Радиослушатели!*, *Телезрители!*, *Пассажиры!*)?

¹ Работа над темой финансируется Российским гуманитарным научным фондом, проект 09-04-00106а.

² Акцентированные слоги и словоформы здесь и ниже выделяются полужирным шрифтом.

Большинство проблем, связанных с анализом обращений, в частности, идиоматичность обращений как объекта лексикографии, а также анализ иллокутивных сил, сопутствующих обращениям, освещены во влиятельной работе А. Цвикки [Zwicky 1974] и в работах Э. Щеглова, на которые опирается А. Цвикки [Schegloff 1968; 1972]. Важные семантические и прагматические параметры обращений рассмотрены А. М. Пешковским [1956: 407]. Интонации обращений посвящена практически всеохватная — по обзору просодических вокативных типов — статья С. В. Кодзасова [1998]. Уникальные фонологические свойства — возможность не-оглушения конечной согласной и особая слоговая структура нового русского вокатива (*Федь!* [fedʹ]; *Мам!*) — рассматриваются в работах [Yadroff 1996; Панов 1997]. Новый русский вокатив как объект морфологии и теории падежа анализируется в работах [Spencer, Otoguro 2005; Corbett 2007; Daniel, Spencer (to appear)]. Социальные проблемы формирования обращений в разные исторические эпохи, в частности, русский вокативный политес, служили предметом многих работ, см. например, наиболее детальный анализ социолингвистических проблем, связанных с обращениями, в статье [Rathmaug 1992] и в цитированной там литературе. Функции обращений в художественном тексте, где они могут утрачивать свою вокативную силу и приобретать характеризующую роль, анализируются в главе, которая специально посвящена поэтическим обращениям, книги И. И. Ковтуновой [1986], ср. *О Волга! Колыбель моя!; Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...; Волшебного шептанья полный лес!*. Можно заключить, что обращения достаточно хорошо исследованы в лингвистике. В нашей работе мы остановимся на некоторых проблемах, не получивших освещения в известной нам литературе. Это интонация и порядок слов в более чем однословных обращениях. В частности, 1) одна из наших целей — показать, что известные интонационные типы, выделяемые для описания обращений (см. например [Кодзасов 1998]), в которых иллокуция вокатива компонуется с дополнительными иллокутивными силами или специальными условиями протекания речевого акта, такими как выражение возмущения, умиления, угрозы, поиска, пространственной близости, психологической дистанции и др., не служат просодиями собственно обращений, а маркируют эти стоящие за обращениями иллокутивные силы, состояния говорящего и диспозицию говорящего и слушающего в пространстве и социуме. Для демонстрации этого мы покажем, что в соседних обращениях и следующем за обращением речевом акте другого типа, например в императиве, просодии могут повторяться, если за обоими речевыми актами стоит объемлющая иллокутивная сила, как в

паре дальней апелляции *Люди добрые-е! Помогите-е!*, где обращение *Люди добрые!* и императив *Помогите!* характеризуются одной мелодикой с учетом наложения интонационного контура на соответствующий сегментный материал. Аналогично, в паре *Вася! Смотри у меня!*, которая сопровождается жестом «погрози́ть пальцем», у обращения *Вася!* и у соседней реплики предостережения от опрометчивых действий *Смотри у меня!* (*Смотри!*; *Смотри мне!*) одна и та же интонационная модель. 2) Другая наша цель — рассмотреть выбор акцентоносителя в более чем однословных обращениях, ср. *Молодой человек!* vs. *Молодой человек!*, *Марья Ивановна!* vs. *Марья Ивановна!*. На возможный сдвиг акцента на первую словоформу обращения — *Марья Ивановна!* — обратила внимание Н. Д. Светозарова [1993]. Подобным сдвигом характеризуются не все языки. Так, по нашей предварительной оценке в английском языке в том виде, как в русском, сдвиг акцента на первую словоформу имени не представлен. Таким образом, вопрос о выборе акцентоносителя в обращениях в англистике, и, между тем, также и в русистике, насколько нам известно, никогда не ставился. Мы надеемся выяснить, чем определяется этот выбор и как он соотносится с базовым — дефолтным — выбором акцентносителя в русской именной группе вообще. 3) И наконец, мы обратимся к особенностям порядка слов в обращениях, выражающих чувства говорящего — умиление или, наоборот, презрение, таких как *Радость ты моя ненаглядная!*, *Ненаглядная ты моя радость!*, *Дубина ты стоеросовая!*. Эти обращения характеризуются нестандартным порядком слов и выбором носителей акцентных пиков. Этот вопрос, насколько нам известно, в литературе по обращениям тоже ранее не освещался.

1. Обращения в контексте сопутствующих им иллокутивных сил. Выше при постановке задачи мы показали, что обращение и следующие за ним реплики одного говорящего могут характеризоваться одинаковыми акцентными моделями, если их объединяет общее иллокутивное намерение говорящего, такое как стремление позвать слушающего, находящегося на существенном удалении, или пригрозить. Остановимся на ситуации, когда говорящий зовет слушающего, находящегося далеко, более подробно. Можно заметить, что при зове слушающего на его имени, независимо от длины слова — ср. *Ма-акс!* vs. *Виктория Сигизмундовна-а!* — фиксируется одна и та же акцентная кривая, которая характеризуется примерно одинаковым временем звучания. Время звучания определяется гипертрофией последнего безударного слога. Если заударный слог отсутствует, как в *Макс!* или *Джон!*, он искусственно создается при артикуляции за счет растяже-

ния ударного слога и разделения его на две части гортанной смычкой или амплитудным перепадом³: *Ма-акс!*. Таким образом, в данном случае акцентный пик строится с ориентацией на заударный слог, притом что коммуникативно релевантные акценты, маркирующие другие типы речевых актов или их компоненты, фиксируются, наоборот, на ударных слогах слов-акцентоносителей. В более чем однословных обращениях при дальней апелляции словоформой-акцентоносителем оказывается последняя словоформа в линейной цепочке словоформ, и в частности, ее последний заударный слог. Таким образом, мелодика накладывается здесь на сегментный материал совершенно идиоматично, т. е. «поется как песня», по образному выражению (возникшему, однако, по другому поводу) знаменитой исследовательницы английской просодии Дж. Пьерхамберт⁴. Совершенно аналогично интонируются и императивы, нацеленные на зов слушающего в условиях пространственной удаленности: *Снаците-е! Помогите-е! Сюда-а! Скорее-ей! Обедать! Ау-у!* Из этого следует, что рассмотренная выше просодия дальней апелляции — это не просодия собственно обращений, потому что она характеризует и другие типы речевых актов, совершающихся в условиях пространственной удаленности.

Обратимся к особому типу апелляции к слушающему в условиях, когда говорящий не знает, слышит ли его слушающий. Этот вокативный тип тоже ориентирован на последний заударный слог. Это зов в темноте, в лесу, в толпе, в прихожей дома, притом что слушающему неизвестно, на месте ли хозяева, призыв к спящему: *Вася-я! Хозяйка-а!* Этот вокативный тип, как правило, сопровождается частыми движениями глаз и головы справа налево и слева направо, имитирующими поиск. С. В. Кодзасов [1998] называет этот интонационный тип просодией пробуждения. Между тем здесь перед нами не всегда обращение к спящему, но к любому адресату, про которого неизвестно, слышит ли он говорящего, в частности, к такому адресату, который по предположению говорящего может просто отсутствовать: говорящий зовет слушающего, чтобы проверить, на месте ли он. Здесь последний заударный слог или его аналог, если заударного нет, характеризуется существенной растянутостью, нисходящим, но достаточно высоким тоном, при котором частотный минимум голоса

³ Графики изменения частоты тона, амплитуды и другие показания приборов мы здесь опускаем. Читатель найдет их в нашей работе [Янко 2008: 98–106].

⁴ Описание вокативных контуров английского языка можно найти в диссертации [Pierrehumbert 1980: 55–56, 94–96, 112, 115], и там же литература по теме.

говорящего в падении не достигается, т. е. падение завершается на достаточной высокой частоте. За падением следует ровный долгий тон на достигнутом уровне частоты в последнем слоге. Подобная просодия характеризует не только обращения, но и вопросы: *Есть кто-нибудь-удь?*; *Кто та-ам?* (при разговоре из-за закрытой двери).

Близкая к мелодике зова в условиях поиска вокативная просодия реализуется и в упомянутых выше обращениях к нашалившему ребенку: *Вася! Смотри у меня!*. Здесь тоже реализуется конечный ровный высокий тон, но краткий, т. е. не такой растянутый, как при поиске, и завершается он гортанной смычкой: *Вася[']! Смотри[']!* (смычку мы изображаем знаком [']). Опять же общая просодия оформляет здесь обращение и следующим за ним квазимператив *смотри!*.

Перейдем к обращениям-упрекам, которые характеризуются начальным акцентным пиком с акцентом на ударном слоге первой словоформы более чем однословного имени: *Марья Ивановна, ну как же так?!*; *Ваша честь, ну как же так?!* Здесь идиоматичность проявляется, прежде всего, в сдвиге акцентоносителя на начальную словоформу. Для сравнения с общезыковым стандартом обратим внимание читателя на то, что в других типах речевых актов акцентоносителем именной группы типа «имя—отчество» служит отчество (*Меня зовут Марья Ивановна*), а в именной группе «согласованное определение без зависимых — определяемое имя» — синтаксическая вершина, т. е. определяемое имя: *На карту поставлена ваша честь*. Анализу иллокутивных сил и других смыслов, вызывающих фиксацию акцентного пика в начале vs. в конце линейной цепочки обращения, будет отдельно посвящен следующий раздел.

Масштаб данной статьи не позволяет привести все известные нам типы иллокуций и других смыслов, подобных пространственной удаленности или режиму поиска, при которых не только обращения, но и соответствующие вопросы и императивы интонируются единообразно. Поэтому здесь нам приходится ограничиться только приведением примеров, которых, однако, достаточно для того, чтобы показать, что анализируемые интонационные модели характеризуют не собственно обращения, а komponующиеся с обращениями вторичные иллокутивные силы, такие как упрек, угроза и другие прагматические смыслы.

Выбор словоформ-носителей акцентных пиков. В предыдущем разделе при анализе просодий обращений и следующих за ними в контексте дискурса вопросов и императивов было показано, что в обращениях, отягощенных сопутствующими смыслами, такими как

упрек, угроза, поиск (в лесу, в темноте, в большом доме), пространственная удаленность, базовый синтаксический принцип выбора носителя акцентного пика меняется на линейный. Поясним, что в обращениях *Марья Ивановна!*, *Молодой человек!*, *Ваша честь!* принцип выбора акцентоносителя понимается как линейный, потому что акцентный пик фиксируется на первой словоформе имени или титула, притом что в предложениях *Меня зовут Марья Ивановна* и *На карту поставлена ваша честь* — представлен синтаксический принцип выбора акцентоносителя.

Синтаксический принцип выбора акцентоносителя основывается не на линейном упорядочении, а на синтаксических приоритетах. При синтаксическом выборе акцентоноситель от изменения порядка слов не меняется, ср.: *Мы ждем дорогих гостей* vs. *Мы ждем гостей дорогих*. Здесь при изменении порядка слов акцентоноситель, выбранный по синтаксическим правилам, сохраняется. Это словоформа *гостей*. (Правила выбора мы здесь не приводим.) В обращениях дальней апелляции, таких как *Марья Иванн-а-а!*, также представлен линейный принцип, при котором акцентируется последняя словоформа имени. Заметим, однако, что результаты выбора при финальном интонационном пике статистически достаточно редко отличаются от тех, которые были бы получены при синтаксическом выборе. Это объясняется тем, что при стандартном — нейтральном — порядке слов акцентоноситель располагается в конце той коммуникативной единицы, которую маркирует соответствующая мелодика, поэтому в синтаксической структуре и при линейном упорядочении словосочетания, скажем, *молодой человек* и в силу синтаксического выбора, и в силу линейного упорядочения роль акцентоносителя играет словоформа *человек*: *молодой человек*. Таким образом, результаты синтаксического и линейного выбора в данном случае дают экстенционально тождественный результат.

Для того чтобы показать, что при дальней апелляции язык использует линейный принцип выбора акцентоносителя, рассмотрим минимальную пару — *Машенька милая-я! Ау-у!* — *Милая Машенька-а! Ау-у!*, которая показывает, что при изменении порядка слов акцентоноситель меняется: это последняя словоформа обращения. При синтаксическом выборе акцентоноситель остался бы прежним. О базовом — синтаксическом — принципе выбора акцентоносителя см. [Янко 2001: 69–85; Янко 2008: 43 и далее]. В связи с базовым принципом заметим только, что в словосочетаниях акцентоносителем далеко не всегда служит синтаксическая вершина. В атрибутивных группах с несогласованным определением роль акцентоносителя играет определение: *пирожки с капустой*.

Таким образом, анализ обращений как речевых актов высокой идиоматичности показывает, что синтаксический принцип выбора акцентоносителя в языке — не единственный и что обращения реализуют как минимум еще один принцип выбора акцентоносителя: линейный. Это важный факт синтаксической типологии. Что же касается выбора носителей акцентных пиков в режиме сдвига по сравнению с базовым принципом, то здесь мы ограничимся рассмотрением сдвигов только в классах обращений. Сдвиги в выборе акцентоносителей по сравнению с базовым принципом в других типах речевых актов, таких как сообщения и вопросы, тоже возможны. Они рассматриваются в [Янко 2008: 110].

Упомянутые выше обращения поэтической речи, лишенные собственно вокативной функции, например *Волшебного шептанья полный лес!*, не требуют акцентных сдвигов: они реализуются в режиме синтаксического принципа выбора акцентоносителя.

Перейдем к обзору типов обращений, реализующихся в режиме акцентного сдвига. Выше мы показали, что при дальней апелляции, в условиях поиска и в сопровождение жеста «погрози́ть пальцем» используются вокативы с акцентным пиком на последней словоформе. Более того, акцентные пики в этих типах речевых актах ориентированы не на ударные слоги словоформ-акцентоносителей, а на последние заударные вплоть до создания подобия такого слога, если заударные отсутствуют: *Марья **Иванна-а!**; Вася-я! Василий **Петрови-ич!***. В контексте негодования или возмущения говорящего тоже акцентируется последняя словоформа, но с ориентацией акцентного пика уже на ударный слог: *Дежурный по смене! Безобрази́е! У вас утечка метана́!; Молодой человек! **Перестаньте хамить!*** При легком упреке акцентный пик, наоборот, приходится на первую словоформу: *Марья Ивановна! Ну что это такое?!*; *Молодой человек! Ну как же так?!*; *Ваша честь! Мы уже опаздываем.* Первая словоформа акцентируется не только в контексте легкого упрека, но также просто при ближней апелляции в условиях неформального общения между говорящим и слушающим: *Марья Ивановна! Вы идете обедать?; Дежурный по смене! Пройдите к пульта́; Старшая сестра, подготовьте-ка мне докумен́ты на выпуску.*

Далее. При обращении к адресату, который отворачивается, удаляется, не слушает или не слушается говорящего (*Василий Петрови́ч! Ну куда же вы?*) акцентный пик фиксируется на последней словоформе с привязкой уже к ударному слогу, но, как и при дальней апелляции, он основан на существенном удлинении артикуляции соответствующего гласного. Ср. эпизод из телефильма, в котором говорящий — милиционер — догоняет подозреваемого, своего

знакомого, который продал ему подержанный автомобиль: «*Виктор Ива-аныч! Виктор Ива-анович! Ну куда же вы?»*, — кричит сыщик. Автомобильный спекулянт удаляется, милиционер продолжает погоню. *Уфф, Виктор Иваныч!* — милиционер догнал Виктора Ивановича и, обращаясь к нему с укоризной, немедленно иконически перемещает акцент с отчества на имя: при ближней апелляции — здесь общение уже происходит лицом к лицу и в режиме легкого упрека — акцентоноситель смещается в начало.

Интересный материал для анализа выбора акцентоносителя обнаружен нами при работе с аудиозаписью фильма Э. Рязанова «Гараж», в котором некие два персонажа фигурируют не под своими христианскими именами и не под титулами, а под дескрипциями в списке приглашенных на собрание: это участница собрания, к которой председатель обращается как к жене Гуськова, и другая статистка, которая именуется как родственница дипломата: *Родственница дипломата, оставьте муравьеда, вы что, не понимаете, что это экспонат?* Здесь перед нами не более чем юмористический прием автора текста: подобную апелляцию никак нельзя рассматривать при анализе русского вокативного политеса, так как с точки зрения вежливости эти обращения ненормативны. Однако они прекрасно иллюстрируют модель выбора акцентоносителя, ибо с синтаксической точки зрения они представляют собой именные группы с несогласованным определением. В таких группах синтаксический принцип предписывает размещение фразового акцента на словоформе *Гуськова* (ср. *Пришла жена Гуськова*) и *дипломата* (*Пришла родственница дипломата*, ср. при изменении порядка слов акцентоноситель сохраняется: *Родственница дипломата пришла*). Между тем в обращениях при ближнем общении, особенно в контексте презрения и упрека, акцентируются вершинные словоформы *жена* (*Жена Гуськова, перестаньте паясничать!*) и *родственница* (*Родственница дипломата, оставьте муравьеда!*).

Средства образования вокативных форм. Как уже говорилось выше, именные группы имеют закрепленный в языке культурно и исторически сложившийся вокативный потенциал. На это обратил внимание Э. Щеглов, анализируя английские слова *doctor* 'доктор' и *physician* 'врач' [Schegloff 1968], а также другие слова. Наблюдение Э. Щеглова полностью приложимо и к русской паре *доктор* vs. *врач*. Таким образом, лексема *доктор* — это образец «хорошего» вокатива, а *врач* — «плохого».

Языком разработаны регулярные способы образования обращений из лексем, у которых отсутствует собственный вокативный потенциал. К таким средствам следует отнести междометие *Эй!* и

местоимение *Ты!*: *Эй, на барже!*; *Ты, придурок!*; *Эй ты, двоечник!*. Важным средством образования вокативов, с которыми в определенных социальных и исторических условиях можно обратиться к незнакомцу, служат формы диминутива: *Дружок!*; *Браток!*; *Сынок!*; *Мамаша!*; *Папаша!*; *Парнишка!*; *Хозяюшка!*.

Мощным средством образования обращений служат вокативные слова *дорогой*, *уважаемый*, *многоуважаемый*, *милый* и *мой*, которые позволяют получить «хороший» вокатив из «плохого»: *Друг мой!* (но не *Друг!*, ср. «хороший» вокатив при обращении к множественной аудитории *Друзья!*); *Дорогие москвичи!*; *Уважаемые члены ученого совета!*; *Дорогие мои бывшие члены кооператива!* (из кинофильма «Гараж»).

Образование вокативных формул с *мой*, *дорогой* и *уважаемый* ставит следующие вопросы. Поскольку при добавлении слов *мой*, *дорогой* и *уважаемый* к имени возникает более чем однословная именная группа, то возникает вопрос, подвержены ли вокативы этого типа сдвигу акцентоносителя влево? И второй вопрос: что происходит при присоединении вокативных слов *дорогой* и *уважаемый* к «хорошим» вокативам, т. е. к таким лексемам, которые изначально предназначены для вокативной роли, например, *Вася* или *Марья Ивановна!*? Напомним, что первоначально мы предположили, что слова *дорогой* и *уважаемый* специально используются для образования вокативов из слов, не имеющих вокативного потенциала.

Когда лексемы *уважаемый* и *дорогой* служат специальным средством образования вокатива, соответствующие обращения следуют принципам сдвига акцентоносителя. Ср., например, акцентный сдвиг в настойчивых просьбах: *Уважаемые пассажиры, не забывайте свои вещи!*. Вне контекста просьбы акцент в именной группе с препозитивным согласованным определением был бы на синтаксической вершине *вещи*. Призыв *Уважаемые пассажиры!*, правда, несколько выходит за рамки официальной просьбы, передаваемой по каналу вещания в поездах, но тем не менее в Москве на некоторых линиях метро диктор произносит эти слова именно таким неформальным тоном отеческого совета. Обратимся к другому примеру из радиорекламы: *Дорогие радиослушатели, спешите сделать правильный выбор!*. Заметим попутно, что в этом примере акцентному сдвигу влево подвергается не только обращение, но и следующий за ним императив.

Так обстоит дело с формированием обращений в контексте лексем, которые сами не образуют вокативных форм. Что же происходит в контексте имен, которые, наоборот, изначально предназначены для использования в функции обращения? К именам собственным, тер-

минам родства и другим типичным обращениям вокативный эпитет *дорогой* тоже регулярно присоединяется. В каких случаях мы говорим *Дорогой Вася!*, а не просто *Вася!*?

Обращение *Дорогой Вася!* с подъемом частоты основного тона на *дорогой* и падением на *Вася* используется в специальной функции зачина официального обращения. Говорящий готовится сделать сообщение и объявляет об этом слушающему: *Дорогой Вася! Позволь поздравить тебя с получением Государственной премии!; Многоуважаемый Павел Константинович! Вы крупный ученый с мировым именем. Вы член-корреспондент...* (из кинофильма «Гараж»). Другие иллокутивные функции — упрека, зова — для подобных структур с *дорогой* уже нехарактерны. Соответственно, нехарактерны для них и сдвиги акцента «влево»: **Дорогой Вася, ну пойдём же!*. Здесь следует сказать просто *Вася!*.

Итак, прилагательные *дорогой* и *уважаемый* — это мощный «вокативизирующий» контекст для лексем, которые не предназначены для употребления в роли вокатива. Словосочетания с *дорогой* употребляются в разнообразных вокативных функциях, сопровождаются разнообразными просодиями и при необходимости меняют акцентоноситель. Между тем из «хорошего» вокатива эти прилагательные образуют официальные обращения и поздравления. В других функциях такие сочетания уже не используются и сдвига акцента на *дорогой* не допускают.

Далее. Стандартное средство образования вокатива, который одновременно служит для выражения чувств говорящего по отношению к слушающему, — это присоединение местоимения *мой* к лексемам со значением свойства или носителя свойства (*красавица моя, крошка моя, сладкий мой, полосатый мой*), метафорическим употреблениям абстрактных существительных (*горе мое, моя радость, счастье мое, мой свет, мой пушок*), именованию флоры и фауны (*березка моя, рыбка моя, птичка моя*). Это очень продуктивная модель, иллокутивную силу которой можно представить как вокатив умиления.

Местоимение *мой* также образует стандартные политесные вокативы и вне контекста умиления, если семантика синтаксической вершины не имеет характеризующего значения и не включает в себе метафоры: *друг мой, дочь моя, сын мой*. Однако такую модель уже нельзя назвать продуктивной. Это устаревающая модель: мы не говорим *мать моя, мама моя, внук мой*, если только обращение не содержит в себе оттенка умиления: *внучок мой, лапочка!*.

Вокатив умиления включает в себе интересную задачу для лингвиста, которая состоит в особых просодических свойствах ме-

стоимения *мой*. Обратимся для сравнения к обращениям с местоимением *ваш*, которое, правда ограниченно, фигурирует в титульных обращениях: *Ваша честь!*, *Ваше святейшество!*, *Ваше благородие!*; *Ваше высокопреосвященство!*. В режиме ближнего общения местоимение *ваш* реализует модель со сдвигом влево, т. е. с акцентом на местоимении: ***Ваша* честь**, у защиты вопрос к свидетелю. Напомним, что базовый выбор — вне вокатива — требовал бы здесь ударности словоформы *честь*: *На карту поставлена ваша честь*. Таким образом, контекст местоимения *ваш* допускает сдвиг акцента влево на *ваш*. Местоимение же *мой* ведет себя иначе. Сравним: ***Солнышко* мое**, ну как же так?! vs. ****Мое* солнышко**, ну как же так?; ***Моя* радость**, ну как же так?! vs. ****Моя* радость**, ну как же так?!; ***Доченька* моя**, ну как же так?! vs. ****Моя* доченька**, ну как же так?!. Таким образом, в обращениях местоимение *мой* практически всегда фигурирует безакцентно.

Акцентирование местоимения *мой* возможно только в исходе рамочных структур, как в ***Миленкий ты мой***, где на *миленкий* фиксируется подъем, а на *мой* — падение. Эти структуры представляют собой особый контекст. Кроме того, в составе обращений *мой* имеет тенденцию к расположению на втором месте в позиции Ваккернагеля: *друг мой*; *солнышко мое*; *милая моя*; *ясное мое солнышко*; *солнышко мое ясное*; *горюшко мое*; *горе мое луковое*. Это служит дополнительным свидетельством склонности местоимения *мой* к клитизации.

Итак, в отличие от *ваш* местоимение *мой* имеет сильную тенденцию к безакцентному употреблению. Это словарное свойство местоимения *мой*. Гипотеза, объясняющая это свойство местоимения *мой*, состоит в следующем. Местоимение *мой* — это высокочастотный компонент обращений. Аналогичный механизм преобразования староиспанского обращения *Vuestra Merced*, давшего современное *usted*, Вяч. Вс. Иванов [2004] объясняет «статистически обусловленным изнашиванием самых употребительных слов языка». Мы предполагаем, что местоимение *мой* в обращениях тоже имеет тенденцию к «безударной» — стертой — артикуляции.

Порядок слов в обращениях, выражающих чувства говорящего. Рассмотрим обращения, которые реализуются с двумя акцентными пиками, — в начале и в конце обращения, т. е. с двумя акцентоносителями: ***Горе ты мое луковое!*** с подъемом частоты основного тона на словоформе *горе* и падением на словоформе *луковое*; ***Ясное ты мое солнышко!*** с подъемом на *ясное* и падением на *солнышко*; ***Дубина ты стоеросовая!*** Для таких обращений характерна дислокация — расщепление атрибутивной именной группы с помещением других

словоформ, если они есть, в образовавшуюся нишу. Так, в исходной структуре *Ты мое ясное солнышко!* фрагмент *ясное солнышко* разрывается, словоформа *ясное* помещается в начало, *солнышко* — помещается в исход, а словоформы *ты* и *мое* располагаются в разрыве между словоформами *солнышко* и *ясное*: **Ясное ты мое солнышко!**. Дислокацию может также сопровождать и инверсия, при которой определение *ясное* и синтаксическая вершина *солнышко* меняются местами: *Солнышко ты мое ясное*; ср. также *Горе ты мое луковое!*.

* * *

Рассмотренные вокативные типы русского языка показывают, что иллокутивная сила обращения, как правило, не реализуется в чистом виде, а соединяется с другими иллокуциями — упреком, угрозой, стремлением докричаться, остановить уходящего, найти в толпе, выразить чувства. Анализ просодии и сегментных средств образования обращений показывает, что в обращениях базовые принципы выбора акцентоносителя и слога — носителя акцента могут нарушаться, и тогда синтаксический принцип выбора акцентоносителя в синтагме уступает место линейному, а безударные слоги получают преимущество перед ударными. Это существенно расширяет наши представления о структуре языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов 2004 — *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Кодзасов 1998 — *Кодзасов С. В.* Просодия обращений // *Язык: изменчивость и постоянство*. М., 1998. С. 149–163.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Панов 1997 — *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1997.
- Русская грамматика. Т. 2. М., 1982.
- Светозарова 1993 — *Светозарова Н. Д.* Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // *Проблемы фонетики*. Вып. I. М., 1993.
- Янко 2008 — *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Corbett 2007 — *Corbett G.* Determining morphosyntactic feature values: the case of case // *Case and grammatical relations*. Oxford, 2007.

- Daniel, Spencer (to appear) — *Daniel M., Spencer A.* Vocative: an outlier case // A. Malchukov and A. Spencer (eds). *Handbook of case*. Oxford University Press.
- Pierrehumbert 1980 — *Pierrehumbert J. B.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT. 1980.
- Rathmayr 1992 — *Rathmayr R.* Nominale Anrede im gesprochenen Russischen, Serbokroatischen und Tschechischen. In: Reuther, T. (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 1991, Slavistische Beiträge, 292*. München, 1992.
- Schegloff 1972 — *Schegloff E. A.* Notes on a conversational practice: formulating place // P. P. Giglioli (ed.) *Language and social context*, Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Schegloff 2005 — *Schegloff E. A.* Sequencing in conversational openings // *American anthropologist* 70.6. 1968.
- Spencer, Otaguro 2005 — *Spencer A., Otaguro R.* Limits to case: a critical survey of the notion // Mengistu Amberber and Helen de Hoop (eds.) *Competition and variation in natural languages: the case for case*. Amsterdam: Elsevier, 2005.
- Yadroff 1996 — *Yadroff M.* Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology // *Journal of Slavic Linguistics*. 1996. Vol. 4.
- Zwicky 1974 — *Zwicky A.* Hey, what's your name! // *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787–801.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Д. Арутюнова. Слово о диалоге</i>	5
<i>Н. М. Абакарова. Семантически осложненный диалог в художественных текстах викторианского периода</i>	10
<i>Н. А. Абиева. Онтологические характеристики коммуникативного взаимодействия (биосемиотический аспект)</i>	17
<i>Н. Г. Брагина. Речевые стратегии в диалоге: реплики непонимания</i>	28
<i>Е. М. Верецагин. Несказанное, неизреченное и неизглаголанное. Рече-поведенческие тактики выражения невыразимого</i>	43
<i>А. Г. Грек. Об архаичной диалогичности стихотворений-дифирамбов Вяч. Иванова</i>	59
<i>Е. Л. Григорьян. Скрытая диалогичность нарратива и синтаксические структуры</i>	74
<i>М. А. Дмитровская. «Имя ему: слово Божие» (фигура шахматиста Лужина и криптограмматичность письма в романе В. Набокова «Защита Лужина»)</i>	82
<i>Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина. Диалогические частицы: русско-немецкие соответствия</i>	93
<i>Д. О. Добровольский, Е. В. Падучева. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика</i>	104
<i>Е. Г. Драгалина-Черная. Интерпретация как диалог: от Ч. С. Пирса к теоретико-игровой семантике</i>	122
<i>О. П. Дубчак (Киев). Ксеномаркеры в диа- и полилогических структурах</i>	132
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Вздор: слово и дело</i>	141
<i>И. Ю. Иванюшина, И. А. Тарасова. Диалогические тактики русской лирики в аспекте эволюции поэтических систем</i>	152
<i>Н. В. Изотова. Об особенностях диалогических структур в прозе А. П. Чехова</i>	162
<i>Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге</i>	173

<i>Т. В. Крылова.</i> Лексикон «отвода глаз» (<i>отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, потупитья</i>).....	184
<i>Э. Б. Крылова.</i> Диалогические функции вопросов с модальными частицами в датском языке	196
<i>Г. И. Кустова.</i> Псевдovoпросы в псевдиалоге.....	208
<i>А. Э. Левицкий (Киев).</i> Русские и английские реплики-идиомы в диалогическом дискурсе.....	215
<i>М. В. Ляпон.</i> Интервью как диалог «по сценарию» (загадки когнитивного метода И. Бродского)	228
<i>Н. Г. Мед.</i> Прагматические и семантические особенности метадискурсивных слов (на материале испанской разговорной речи).....	243
<i>Н. Б. Мечковская (Минск).</i> Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова).....	252
<i>М. Ю. Михеев.</i> Средства выделения слова: повтор, кавычки, курсив («Преступление и наказание» Достоевского)	278
<i>М. Л. Палько.</i> Эмфаза в немецком языке: диалогические стратегии в монологической речи.....	295
<i>В. И. Постовалова.</i> Сокровенный диалог в духовном опыте священнобездомвия	305
<i>И. Ф. Рагозина.</i> Судят Дмитрия Карамазова. Речь адвоката как диалог в монологе.....	332
<i>Т. Б. Радбиль.</i> «Аномалии говорящего» и «аномалии адресата» в поле диалогического взаимодействия.....	343
<i>Р. Ратмайр (Вена).</i> Диалогические тактики интервьюера в беседах при приеме на работу.....	355
<i>Э. А. Рахматуллина.</i> Диалогическая тактика в мифологическом дискурсе (на материале поэзии Ю. Кузнецова)	367
<i>Н. К. Рябцева.</i> Метаязык речевого общения	374
<i>С. С. Тахтарова.</i> Коммуникативное смягчение в межличностном дискурсе.....	390
<i>В. М. Труб (Киев).</i> Типы употребления диалогических языковых единиц.....	400
<i>Л. Л. Федорова.</i> Диалог воли и мнений (по тексту пьесы Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен»).....	409
<i>И. А. Шаронов.</i> Слово <i>чепуха</i> и его синонимы в диалогических реакциях	424
<i>А. Д. Шмелев.</i> В поисках общего языка.....	431
<i>Е. Б. Яковенко.</i> «Говорил я с сердцем моим...» (о семантических переносах и дуализации субъекта в библейских текстах).....	446
<i>Т. Е. Янко.</i> Обращения в структуре дискурса	456

Научное издание

МОНО-, ДИА-, ПОЛИЛОГ
В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Г. А. Шпэт*

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 **495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
29,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № О-968.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

